Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Рюриков Б. С.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

«ИЗБОРНИК»

(СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1969

Вступительная статья
Д. С. Лихачева

Р1
И 32

Составление и общая редакция тома
Л. А. Дмитриева и
Д. С. Лихачева

7-3-1
подп. изд.

ПЕРВЫЕ СЕМЬСОТ ЛЕТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Русской литературе без малого тысяча лет. Это одна из самых древних литератур Европы. Она древнее, чем литературы французская, английская, немецкая. Ее начало восходит ко второй половине X в. Из этого великого тысячелетия более семисот лет принадлежит периоду, который принято называть «древней русской литературой».

Литература возникла внезапно. Скачок в царство литературы произошел одновременно с появлением на Руси христианства и церкви, потребовавших письменности и церковной литературы. Скачок к литературе был подготовлен всем предшествующим культурным развитием русского народа. Высокий уровень развития фольклора сделал возможным восприятие новых эстетических ценностей, с которыми знакомила письменность. Мы сможем по-настоящему оценить значение этого скачка, если обратим внимание на превосходно организованное письмо, перенесенное к нам из Болгарии, на богатство, гибкость и выразительность переданного нам оттуда же литературного языка, на обилие переведенных в Болгарии и созданных в ней же сочинений, которые уже с конца X в. начинают проникать на Русь. В это же время создается и первое компилятивное произведение русской литературы — так называемая «Речь философа», в которой на основании разных предшествующих сочинений с замечательным лаконизмом рассказывалась история мира от его «сотворения» и до возникновения вселенской церковной организации.

1

Что же представляла собой русская литература в первые семьсот лет своего существования? Попробуем рассмотреть эти семьсот лет как некое условное единство (к различиям хронологическим и жанровым мы обратимся во второй части статьи).

Художественная ценность древнерусской литературы еще до сих пор по-настоящему не определена. Прошло уже около полувека с тех пор, как была открыта (и продолжает раскрываться) в своих эстетических достоинствах древнерусская живопись: иконы, фрески, мозаики. Почти столько же времени восхищает знатоков и древнерусская архитектура — от церквей XI—XII вв. до «нарышкинского барокко» конца XVII в. Удивляет градостроительное искусство древней Руси, умение сочетать новое со старым, создавать силуэт города, чувство ансамбля. Приоткрыт занавес и над искусством древнерусского шитья. Совсем недавно стали «замечать» древнерусскую скульптуру, само существование которой отрицалось, а в иных случаях продолжает по инерции отрицаться и до сих пор.

Древнерусское искусство совершает победное шествие по всему миру. Музей древнерусской иконы открыт в Реклингхаузене (ФРГ), а особые отделы русской иконы — в музеях Стокгольма, Осло, Бергена, Нью-Йорка, Берлина и многих других городов.

Но древнерусская литература еще молчит, хотя работ о ней появляется в разных странах все больше. Она молчит, так как большинство исследователей, особенно на Западе, ищет в ней не эстетические ценности, не литературу как таковую, а всего лишь средство для раскрытия тайн «загадочной» русской души. И вот древнерусская культура объявляется «культурой великого молчания».

Между тем в нашей стране пути к открытию художественной ценности литературы древней Руси уже найдены. Они найдены Ф. И. Буслаевым, А. С. Орловым, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзием, И. П. Ереминым. Мы стоим на пороге этого открытия, пытаемся нарушить молчание, и это молчание, хотя еще и не прерванное, становится все более и более красноречивым.

То, что вот-вот скажет нам древнерусская литература, не такт эффектов гениальности, ее голос негромок. Авторское начало было приглушено в древнерусской литературе. В ней не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон. И тем не менее эта литература поражает нас своей монументальностью и величием целого. Она имеет право на заметное место в истории человеческой культуры и на высокую оценку своих эстетических достоинств.

Отсутствие великих имен в древнерусской литературе кажется приговором. Но строгий приговор, вынесенный ей только на этом основании, несправедлив. Мы предвзято исходим из своих представлений о развитии литературы — представлений, воспитанных веками свободы человеческой личности, веками, когда расцвело индивидуальное, личностное искусство — искусство отдельных гениев.

Древняя русская литература ближе к фольклору, чем к индивидуализированному творчеству писателей нового времени. Мы восхищаемся изу-

мительным шитьем народных мастериц, но искусство их — искусство великой традиции, и мы не можем назвать среди них ни реформаторов, подобных Джотто, ни гениев индивидуального творчества, подобных Леонардо да Винчи.

То же и в древнерусской живописи. Правда, мы знаем имена Рублева, Феофана Грека, Дионисия и его сыновей. Но и их искусство прежде всего искусство традиции и лишь во вторую очередь — искусство индивидуальной творческой инициативы. Впрочем, не случайно эпоху Рублева и Феофана мы называем в древнерусском искусстве эпохой Предвозрождения. Личность начинала уже играть в это время заметную роль. Имен крупных писателей в древней Руси также немало: Иларион, Нестор, Симон и Поликарп, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Серапион Владимирский и многие другие. Тем не менее литература древней Руси не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством надиндивидуальным. Это было искусство, создававшееся путем накопления коллективного опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей — в основном безымянной — письменности.

Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания. Древнерусские писатели — не зодчие отдельно стоящих зданий. Это — градостроители. Они работали над одним, общим грандиозным ансамблем. Они обладали замечательным «чувством плеча», создавали циклы, своды и ансамбли произведений, в свою очередь слагавшиеся в единое здание литературы, в котором и самые противоречия составляли некое органическое явление, эстетически уместное и даже необходимое.

Это своеобразный средневековый собор, в строительстве которого принимали участие в течение нескольких веков тысячи «вольных каменщиков», с их ложами и их подвижными, переезжавшими из страны в страну артелями, позволявшими использовать опыт всего европейского мира в целом. Мы видим в этом соборе и контрфорсы, сопротивляющиеся силам, раздвигающим его, и устремленность к небу, противостоящую земному тяготению. Фигуры святых внутри соотносятся с фигурами химер снаружи. Одни устремлены взорами к небу, другие тупо смотрят в землю. Витражи как бы отторгают внутренний мир собора от того, что находится за его пределами. Он вырастает среди тесной застройки города. Его пышность противостоит бедности «земных жилищ» простых горожан. Его росписи отвлекают их от земных забот, напоминают о вечности. Но все-таки это творение рук человеческих, и горожанин чувствует рядом с этим собором не только свою ничтожность, но и силу человеческого единства. Он построен людьми, чтобы подняться над ними и чтобы возвысить их, одновременно.

Всякая литература создает свой мир, воплощающий мир представлений современного ей общества. Попробуем восстановить мир древнерусской литературы. Что же это за единое и огромное здание, над построением которого трудились семьсот лет десятки поколений русских книжников — безвестных или известных нам только своими скромными именами и о которых почти не сохранилось биографических данных, и не осталось даже автографов?

Чувство значительности происходящего, значительности всего временного, значительности истории человеческого бытия не покидало древнерусского человека ни в жизни, ни в искусстве, ни в литературе.

Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как огромном единстве, ощущал свое место в этом мире. Его дом располагался красным углом на восток. По смерти его клали в могилу головой на запад, чтобы лицом он встречал солнце. Его церкви были обращены алтарями навстречу возникающему дню. В храме росписи напоминали ему о событиях Ветхого и Нового заветов, собирали вокруг него мир святости: святых воинов внизу, мучеников повыше; в куполе изображалась сцена вознесения Христа, на парусах сводов, поддерживающих купол,— евангелисты и т. д. Церковь была микромиром и, вместе с тем, она была макрочеловеком. У ней была глава, под главой шея барабана, плечи. Окна были очами храма (об этом свидетельствует сама этимология слова «окно»). Над окнами были «бровки».

Большой мир и малый, вселенная и человек! Все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека.

Не случайно в апокрифе о создании Адама рассказывается, что тело его было создано от земли, кости от камней, кровь от моря (не из воды, а именно от моря), очи от солнца, мысли от облак, свет в очах от света вселенной, дыхание от ветра, тепло тела от огня. Человек — микрокосм, «малый мир», как называют его некоторые древнерусские сочинения.

Человек ощущал себя в большом мире ничтожной частицей и все же участником мировой истории. В этом мире все значительно, полно сокровенного смысла. Задача человеческого познания состоит в том, чтобы разгадать смысл вещей, символику животных, растений, числовых соотношений. Можно было бы привести множество символических значений отдельных чисел. Существовала символика цветов, драгоценных камней, растений и животных. Когда древнерусскому книжнику не хватало животных, чтобы воплотить в себе все знаки божественной воли, в строй символов вступали фантастические звери античной или восточной мифологий. Вселенная — книга, написанная перстом божиим. Письменность расшифровывала этот мир знаков. Ощущение значительности и величия мира лежало в основе литературы.

Литература обладала всеохватывающим внутренним единством, единством темы и единством взгляда на мир. Это единство разрывалось противо-

речиями воззрений, публицистическими протестами и идеологическими спорами. Но тем не менее оно потому и разрывалось, что существовало. Единство было обязательным, и потому любая ересь или любое классовое или сословное выступление требовали нового единства, переосмысления всего наличного материала. Любая историческая перемена требовала пересмотра всей концепции мировой истории — создания новой летописи, часто от «потопа» или даже от «сотворения мира».

Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни.

Не то чтобы все произведения были посвящены мировой истории (хотя этих произведений и очень много): дело не в этом! Каждое произведение в какой-то мере находит свое географическое место и свою хронологическую веху в истории мира. Все произведения могут быть поставлены в один ряд друг за другом в порядке совершающихся событий: мы всегда знаем, к какому историческому времени они отнесены авторами. Литература рассказывает или, по крайней мере, стремится рассказать не о придуманном, а о реальном. Поэтому реальное — мировая история, реальное географическое пространство — связывает между собой все отдельные произведения.

В самом деле, вымысел в древнерусских произведениях маскируется правдой. Открытый вымысел не допускается. Все произведения посвящены событиям, которые были, совершились или хотя и не существовали, но всерьез считаются совершившимися. Древнерусская литература вплоть до XVII в. не знает или почти не знает условных персонажей. Имена действующих лиц — исторические: Борис и Глеб, Феодосий Печерский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергий Радонежский, Стефан Пермский... При этом древнерусская литература рассказывает по преимуществу о тех лицах, которые сыграли значительную роль в исторических событиях: будь то Александр Македонский или Авраамий Смоленский.

Разумеется, исторически значительными лицами будут, со средневековой точки зрения, не всегда те, которых признаем исторически значительными мы,— с точки зрения людей нового времени. Это по преимуществу лица, принадлежащие к самой верхушке феодального общества: князья, полководцы, епископы и митрополиты, в меньшей мере — бояре. Но есть среди них и лица безвестного происхождения: святые отшельники, основатели скитов, подвижники. Они также значительны, с точки зрения средневекового историка (а древнерусский писатель по большей части именно историк), так как и этим лицам приписывается влияние на ход мировой истории: их молитвами, их нравственным воздействием на людей. Тем более удивляет и восторгает древнерусского писателя это влияние, что такие святые были известны очень немногим своим современникам: они жили в уединении «пу́стынь» и молчаливых келий.

Мировая история, изображаемая в литературе, велика и трагична. В центре ее находится скромная жизнь одного лица — Христа. Все, что совершалось в мире до его воплощения,— лишь приуготовление к ней. Все, что произошло и происходит после,— сопряжено с этой жизнью, так или иначе с ней соотносится. Трагедия личности Христа заполняет собой мир, она живет в каждом человеке, напоминается в каждой церковной службе. События ее вспоминаются в те или иные дни года. Годичный круг праздников был повторением священной истории. Каждый день года был связан с памятью тех или иных святых или событий. Человек жил в окружении событий истории. При этом событие прошлого не только вспоминалось,— оно как бы повторялось ежегодно в одно и то же время. Кирилл Туровский в Слове на новую неделю по Пасхе говорит: «*Днесь* весна красуеться, оживляющи земное естьство... *Ныня* реки апостольскыя наводняються...» Сама природа как бы символизировала своим весенним расцветом события воскресения Христа.

Одна из самых популярных книг древней Руси — «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского. Книга эта рассказывает о мире, располагая свой рассказ в порядке библейской легенды о создании мира в шесть дней. В первый день был сотворен свет, во второй — видимое небо и воды, в третий — море, реки, источники и семена, в четвертый — солнце, луна и звезды, в пятый — рыбы, гады и птицы, в шестой — животные и человек. Каждый из описанных дней — гимн творению, миру, его красоте и мудрости, согласованности и разнообразию элементов целого.

История не сочиняется. Сочинение, со средневековой точки зрения,— ложь. Поэтому громадные русские произведения, излагающие всемирную историю,— это по преимуществу переводы с греческого: хроники или компиляции на основе переводных и оригинальных произведений. Произведения по русской истории пишутся вскоре после того, как события совершились,— очевидцами, по памяти или по свидетельству тех, кто видел описываемые события. В дальнейшем новые произведения о событиях прошлого — это только комбинации, своды предшествующего материала, новые обработки старого. Таковы в основном русские летописи. Летописи — это не только записи о том, что произошло в годовом порядке; это в какой-то мере и своды тех произведений литературы, которые оказывались под рукой у летописца и содержали исторические сведения. В летописи вводились исторические повести, жития святых, различные документы, послания. Произведения постоянно включались в циклы и своды произведений. И это включение не случайно. Каждое произведение воспринималось как часть чего-то бóльшего. Для древнерусского читателя композиция целого была самым важным. Если в отдельных своих частях произведение повторяло уже известное из других произведений, совпадало с ними по тексту,— это никого не смущало.

Таковы «Летописец по великому изложению», «Еллинский и римский летописец» (он настолько велик, что до сих пор остается неизданным), различного рода изложения ветхозаветной истории — так называемые палеи (историческая, хронографическая, толковая и пр.), временники, степенные книги и, наконец, множество различных летописей. Все они представляют собой своды, компиляции. Это собрания предшествующих исторических произведений, с ограниченной переработкой их в недрах нового сочинения, охватывающего более широкий и более поздний круг источников.

Тем же стремлением ответить на основные вопросы мироустройства воодушевлены апокрифы: сочинения по всемирной истории, не признанные церковью. Они дополняют и развивают повествование Священного писания.

Исторических сочинений великое множество. Но одна их особенность изумляет: говоря о событиях истории, древнерусский книжник никогда не забывает о движении истории в ее мировых масштабах. Либо повесть начинается с упоминания о главных мировых событиях (сотворении мира, всемирном потопе, вавилонском столпотворении и воплощении Христа), либо повесть непосредственно включается в мировую историю: в какой-либо из больших сводов по всемирной истории.

Автор «Чтения о житии и погублении Бориса и Глеба», прежде чем начать свое повествование, кратко рассказывает историю вселенной от сотворения мира, историю Иисуса Христа. Древнерусский книжник никогда не забывает о том, в каком отношении к общему движению мировой истории находится то, о чем он повествует. Даже рассказывая немудрую историю о безвестном молодце, пьянице и азартном игроке в кости, человеке, дошедшем до последних ступеней падения, автор «Повести о Горе-Злочастии» начинает ее с событий истории мира,— буквально «от Адама»:

А в начале века сего тленнаго
сотворил бог небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю...

Подобно тому как мы говорим об эпосе в народном творчестве, мы можем говорить и об эпосе древнерусской литературы. Эпос — это не простая сумма былин и исторических песен. Былины сюжетно взаимосвязаны. Они рисуют нам целую эпическую эпоху в жизни русского народа. Эпоха эта и фантастична в некоторых своих частях, но вместе с тем и исторична. Это эпоха — время княжения Владимира Красного Солнышка. Сюда переносится действие многих сюжетов, которые, очевидно, существовали и раньше, а в некоторых случаях возникли позже. Другое эпическое время — время независимости Новгорода. Исторические песни рисуют нам если не единую эпоху, то, во всяком случае, единое течение событий: XVI и XVII вв. по преимуществу.

Древняя русская литература — это тоже цикл. Цикл, во много раз превосходящий фольклорные. Это эпос, рассказывающий историю вселенной и историю Руси.

Ни одно из произведений древней Руси — переводное или оригинальное — не стоит обособленно. Все они дополняют друг друга в создаваемой ими картине мира. Каждый рассказ — законченное целое и, вместе с тем, он связан с другими. Это только одна из глав истории мира. Даже такие произведения, как переводная повесть «Стефанит и Ихнилат» (древнерусская версия сюжета «Калилы и Димны») или написанная на основе устных рассказов анекдотического характера «Повесть о Дракуле», входят в состав сборников и не встречаются в отдельных списках. В отдельных рукописях они начинают появляться только в поздней традиции — в XVII и XVIII вв.

Происходит как бы беспрерывная циклизация. Даже записки тверского купца Афанасия Никитина о его «Хождении за три моря» были включены в летопись. Из сочинения, с нашей точки зрения — географического, записки эти становятся сочинением историческим — повестью о событиях путешествия в Индию. Такая судьба не редка для литературных произведений древней Руси: многие из рассказов со временем начинают восприниматься как исторические, как документы или повествования о русской истории: будь то проповедь игумена Выдубецкого монастыря Моисея, произнесенная им по поводу построения монастырской стены, или житие святого.

Произведения строились по «анфиладному принципу». Житие дополнялось с течением веков службами святому, описанием его посмертных чудес. Оно могло разрастаться дополнительными рассказами о святом. Несколько житий одного и того же святого могли быть соединены в новое единое произведение. Новыми сведениями могла дополняться летопись. Окончание летописи все время как бы отодвигалось, продолжаясь дополнительными записями о новых событиях (летопись росла вместе с историей). Отдельные годовые статьи летописи могли дополняться новыми сведениями из других летописей; в них могли включаться новые произведения. Так дополнялись также хронографы, исторические проповеди. Разрастались сборники слов и поучений. Вот почему в древнерусской литературе так много огромных сочинений, объединяющих собой отдельные повествования в общий «эпос», рассказывающий о мире и его истории.

Сказанное трудно представить себе по хрестоматиям, антологиям и отдельным изданиям древнерусских текстов, вырванных из своего окружения в рукописях. Но если вспомнить обширные рукописи, в состав которых все эти произведения входят,— все эти многотомные Великие четьи минеи (то есть чтения, расположенные по месяцам года), летописные своды, прологи, златоусты, измарагды, хронографы, отдельные сборники,— то мы отчетливо представим себе то чувство величия мира, которое стремились

выразить древнерусские книжники во всей своей литературе, единство которой они живо ощущали. Есть только один жанр, который, казалось бы, выходит за пределы этой средневековой историчности,—это притчи. Они явно вымышлены. В аллегорической форме они преподносят нравоучение читателям, представляют собой как бы образное обобщение действительности. Они говорят не о единичном, а об общем, постоянно случающемся. Жанр притчи традиционный. Для древней Руси он имеет еще библейское происхождение. Притчами усеяна Библия. Притчами говорит Христос в Евангелии. Соответственно притчи входили в состав сочинений для проповедников и в произведения самих проповедников. Но притчи повествуют о «вечном». Вечное же — оборотная сторона единого исторического сюжета древнерусской литературы. Все совершающееся в мире имеет две стороны: сторону, обращенную к временному, запечатленную единичностью совершающегося, совершившегося или того, чему надлежит совершиться, и сторону вечную: вечного смысла происходящего в мире. Битва с половцами, смена князя, завоевание Константинополя турками или присоединение княжества к Москве — все имеет две стороны. Одна сторона — это то, что произошло, и в этом произошедшем есть реальная причинность: ошибки, совершенные князьями, недостаток единства или недостаток заботы о сохранности родины — если это поражение; личное мужество и сообразительность полководцев, храбрость воинов — если это победа; засуха — если это неурожай, неосторожность «бабы некоей» — если это пожар города. Другая сторона — это извечная борьба зла с добром, это стремление бога исправить людей, наказывая их за грехи или заступаясь за них по молитвам отдельных праведников (вот почему, со средневековой точки зрения, так велико историческое значение их уединенных молитв). В этом случае с реальной причинностью сочетается по древнерусским представлениям причинность сверхреальная.

Временное с точки зрения древнерусских книжников лишь проявление вечного, но практически в литературных произведениях они показывают скорее другое: важность временного. Временное, хочет того книжник или не хочет, все же играет в литературе бóльшую роль, чем вечное. Баба сожгла город Холм — это временное. Наказание жителям этого города за грехи — это смысл совершившегося. Но о том, как сожгла баба и как произошел пожар,— об этом можно конкретно и красочно рассказать, о наказании же божьем за грехи жителей Холма можно только упомянуть в заключительной моральной концовке рассказа. Временное раскрывается через события. И эти события всегда красочны. Вечное же событий не имеет. Оно может быть только проиллюстрировано событиями или пояснено иносказанием — притчей. И притча стремится сама стать историей, рассказанной реальностью. Ее персонажам со временем часто даются исторические имена. Она включается в историю. Движение временного втягивает в себя недвижимость вечного.

Заключительное нравоучение — это обычно привязка произведения к владеющей литературой главной теме — теме всемирной истории. Рассказав о дружбе старца Герасима со львом и о том, как умер лев от горя на могиле старца, автор повести заканчивает ее следующим обобщением: «Все это было не потому, что лев имел душу, понимающую слово, но потому, что бог хотел прославить славящих его не только в жизни, но и по смерти, и показать нам, как повиновались звери Адаму до его ослушания, блаженствуя в раю».

Притча — это как бы образная формулировка законов истории, законов, которыми управляется мир, попытка отразить божественный замысел. Вот почему и притчи выдумываются очень редко. Они принадлежат истории, а поэтому должны рассказывать правду, не должны сочиняться. Поэтому они традиционны и обычно переходят в русскую литературу из других литератур в составе переводных произведений. Притчи лишь варьируются. Здесь множество «бродячих» сюжетов.

* * *

Мы часто говорим о внутренних закономерностях развития литературных образов в произведениях новой литературы и о том, что поступки героев обусловлены их характерами. Каждый герой литературы нового времени по-своему реагирует на воздействия внешнего мира. Вот почему поступки действующих лиц могут быть даже «неожиданными» для авторов, как бы продиктованными авторам самими этими действующими лицами.

Аналогичная обусловленность есть и в древней русской литературе,— аналогичная, но не совсем такая. Герой ведет себя так, как ему положено себя вести, но положено не по законам его характера, а по законам поведения того *разряда* героев, к которому он принадлежит. Не индивидуальность героя, а только разряд, к которому принадлежит герой в феодальном обществе! И в этом случае нет неожиданностей для автора. Должное неизменно сливается в литературе с сущим. Идеальный полководец *должен* быть благочестив и должен молиться перед выступлением в поход. И вот в «Житии Александра Невского» описывается, как Александр входит в храм Софии и молится там со слезами богу о даровании победы. Идеальный полководец *должен* побеждать многочисленного врага немногими силами, и ему помогает бог. И вот Александр выступает «в мале дружине, не сождавъся со многою силою своею, уповая на святую Троицу», а врагов его избивает ангел. А затем все эти особенности поведения святого Александра Невского механически переносятся уже в другом произведении на другого святого — князя Довмонта Тимофея Псковского. И в этом нет неосмысленности, плагиата, обмана читателя. Ведь Довмонт — идеальный воин-полководец. Он и должен вести себя так, как вел себя в аналогичных обстоятельствах другой идеальный воин-полководец — его предшественник

Александр Невский. Если о поведении Довмонта мало что известно из летописей, то писатель не задумываясь дополняет повествование по житию Александра Невского, так как уверен, что идеальный князь мог себя вести только этим образом, а не иначе.

Вот почему в древнерусской литературе повторяются типы поведения, повторяются отдельные эпизоды, повторяются формулы, которыми определяется то или иное состояние, события, описывается битва или характеризуется поведение. Это не бедность воображения — это литературный этикет: явление очень важное для понимания древнерусской литературы. Герою полагается вести себя именно так, и автору полагается описывать героя только соответствующими выражениями. Автор — церемониймейстер, он сочиняет «действо». Его герои — участники этого «действа». Эпоха феодализма полна церемониальности. Церемониален князь, епископ, боярин, церемониален и быт их дворов. Даже быт крестьянина полон церемониальности. Впрочем, эту крестьянскую церемониальность мы знаем под названием обрядности и обычаев. Им посвящена изрядная доля фольклора: народная обрядовая поэзия.

Подобно тому как в иконописи фигуры святых как бы висят в воздухе, невесомы, а архитектура, природа служат им не окружением, а своеобразным «задником», фоном,— так и в литературе многие из ее героев не зависят от действительности. Характеры их не воспитаны обстоятельствами земной жизни,— святые пришли в мир со своей сущностью, со своей миссией, действуют согласно выработанному в литературе этикету.

Устойчивые этикетные особенности слагаются в литературе в иероглифические знаки, в эмблемы. Эмблемы заменяют собой длительные описания и позволяют быть писателю исключительно кратким. Литература изображает мир с предельным лаконизмом. Создаваемые ею эмблемы общи в известной, «зрительной» своей части с эмблемами изобразительного искусства.

Эмблема близка к орнаменту. Литература часто становится орнаментальной. «Плетение словес», широко развившееся в русской литературе с конца XIV в.,— это словесный орнамент. Можно графически изобразить повторяющиеся элементы «плетения словес», и мы получим орнамент, близкий к орнаменту рукописных заставок,— так называемой «плетенке».

Вот пример сравнительно простого «плетения» из входившей в состав летописей «Повести о приходе на Москву хана Темир Аксака». Автор нанизывает длинные ряды параллельных грамматических конструкций, синонимов — не в узкоязыковом, но шире — в логическом и смысловом плане. В Москву приходят вести о Темир Аксаке «*како готовится воевати* Русскую землю и *како похваляется ити* к Москве, хотя *взяти* ся, и *люди* русскыя *попленити*, и *места* свята *раззорити*, а *веру* христьяньскую *искоренити*, а *хрестиян гонити, томити* и *мучити, пещи* и *жещи* и мечи

сещи. Бяше же сий Темирь Аксак *велми нежалостив* и *зело немилостив* и *лют мучитель* и *зол гонитель* и *жесток томитель...*» и т. д.

Еще более сложным был композиционный и ритмический рисунок в агиографической (житийной) литературе. Достаточно привести небольшой отрывок из «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (Дмитрия Донского), разделив его для наглядности на параллельные строки:

млад сы возрастом,
но духовных прилежаше делесех,
пустошных бесед не творяше,
и срамных глагол не любяше,
а злонравных человек отвращашеся,
а с благыми всегда беседоваше...
и т. д.

Кружево слов плетется вокруг сюжета, создает впечатление пышности и таинственной связи между словесным обрамлением рассказываемого. Церемония требует некоторой торжественности и украшенности.

* * *

Итак, литература образует некоторое структурное единство — такое же, какое образует обрядовый фольклор или исторический эпос. Литература соткана в единую ткань благодаря единству тематики, единству художественного времени с временем истории, благодаря прикрепленности сюжета произведений к реальному географическому пространству, благодаря вхождению одного произведения в другое со всеми вытекающими отсюда генетическими связями и, наконец, благодаря единству литературного этикета.

В этом единстве литературы, в этой стертости границ ее произведений единством целого, в этой невыявленности авторского начала, в этой значительности тематики, которая вся была посвящена в той или иной мере «мировым вопросам» и имела очень мало развлекательности, в этой церемониальной украшенности сюжетов есть своеобразное величие. Чувство величия, значительности происходящего было основным стилеобразующим элементом древнерусской литературы.

Древняя Русь оставила нам много кратких похвал книгам. Всюду подчеркивается, что книги приносят пользу душе, учат человека воздержанию, побуждают его восхищаться миром и мудростью его устройства. Книги открывают «розмысл сердечный», в них красота, и они нужны праведнику, как оружие воину, как паруса кораблю.

Литература — священнодействие. Читатель был в каком-то отношении молящимся. Он предстоял произведению, как и иконе, испытывал чувство благоговения. Оттенок этого благоговения сохранялся даже тогда, когда произведение было светским. Но возникало и противоположное:

глумление, ирония, скоморошество. Пышный двор нуждается в шуте; придворному церемониймейстеру противостоит балагур и скоморох. Нарушения этикета шутом подчеркивают пышность этикета. Это один из парадоксов средневековой культуры. Яркий представитель этого противоположного начала в литературе — Даниил Заточник, перенесший в свое «Слово» приемы скоморошьего балагурства. Даниил Заточник высмеивает в своем «Слове» пути к достижению жизненного благополучия, потешает князя и подчеркивает своими неуместными шутками церемониальные запреты.

Балагурство и шутовство противостоят в литературе торжественности и церемониальности не случайно. В средневековой литературе вообще существуют и контрастно противостоят друг другу два начала. Первое описано выше: это начало вечности; писатель и читатель осознают в ней свою значительность, свою связь со вселенной, с мировой историей. Второе начало — начало обыденности, простых тем и небольших масштабов, интереса к человеку как таковому. В первых своих темах литература преисполнена чувства возвышенного и резко отделяется по языку и стилю от бытовой речи. Во вторых темах — она до предела деловита, проста, непритязательна, снижена по языку и по своему отношению к происходящему.

Что же это за второе начало — начало обыденности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к вопросу о том, как развивалась литература.

2

Итак, мы обрисовали древнерусскую литературу как бы в ее «вневременном» и «идеальном» состоянии. Однако древняя русская литература вовсе не неподвижна. Она знает развитие. Но движение и развитие древнерусской литературы совсем не похоже на движение и развитие литератур нового времени. Они также своеобразны.

Начать с того, что национальные границы древнерусской литературы определяются далеко неточно, и это в сильнейшей степени сказывалось на характере развития. Основная группа памятников древнерусской литературы, как мы видели, принадлежит также литературам болгарской и сербской. Эта часть литературы написана на церковнославянском, по происхождению своему древнеболгарском, языке, одинаково понятном для южных и восточных славян. К ней принадлежат памятники церковные и церковноканонические, богослужебные, сочинения отцов церкви, отдельные жития и целые сборники житий святых — как, например, Пролог, патерики. Кроме того, в эту общую для всех южных и восточных славян литературу входят сочинения по всемирной истории (хроники и компилятивные хронографы), сочинения природоведческие («Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, «Физиолог», «Христианская топография» Косьмы

Индикоплова) и даже сочинения, не одобрявшиеся церковью,— как, например, апокрифы. Развитие этой общей для всех южных и восточных славян литературы задерживалось тем, что она была разбросана по огромной территории, литературный обмен на которой хотя и был интенсивен, но не мог быть быстрым.

Большинство этих сочинений пришло на Русь из Болгарии в болгарских переводах, но состав этой литературы, общей для всех южных и восточных славян, вскоре стал пополняться оригинальными сочинениями и переводами, созданными во всех южных и восточных славянских странах: в той же Болгарии, на Руси, в Сербии и Моравии. В древней Руси, в частности, были созданы Пролог, переводы с греческого Хроники Георгия Амартола, некоторых житий, «Повести о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Девгениева деяния» и пр. Была переведена с древнееврейского книга «Эсфирь», были переводы с латинского. Эти переводы перешли из Руси к южным славянам. Быстро распространились у южных славян и такие оригинальные древнерусские произведения, как «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона, жития Владимира, Бориса и Глеба, Ольги, повести о создании в Киеве храмов Софии и Георгия, сочинения Кирилла Туровского и др.

Ни мир литературы, ни мир политического кругозора не мог замкнуться пределами княжества. В этом было одно из трагических противоречий эпохи: экономическая общность охватывала узкие границы местности, связи были слабы, а идейно человек стремился охватить весь мир.

Рукописи дарились и переходили не только за пределы княжеств, но и за пределы страны,— их перевозили из Болгарии на Русь, из Руси в Сербию и пр. Артели мастеров — зодчих, фрескистов и мозаичистов — переезжали из страны в страну. В Новгороде один из храмов расписывали сербы, другой — Феофан Грек, в Москве работали греки. Переходили из княжества в княжество и книжники. Житие Александра Невского составлялось на северо-востоке Руси галичанином. Житие, украинца по происхождению, московского митрополита Петра — болгарином по происхождению, московским митрополитом Киприаном. Образовывалась единая культура, общая для нескольких стран. Средневековый книжный человек не замыкался пределами своей местности — переходил из княжества в княжество, из монастыря в монастырь, из страны в страну. «Гражданин горнего Иерусалима» Пахомий Серб работал в Новгороде и в Москве.

Эта литература, объединявшая различные славянские страны, существовала в течение многих веков, иногда впитывала в себя особенности языка отдельных стран, иногда получала местные варианты сочинений, но одновременно и освобождалась от этих местных особенностей благодаря интенсивному общению славянских стран.

Литература, общая для южных и восточных славян, была литературой европейской по своему типу и, в значительной мере, по происхож-

дению. Многие памятники были известны и на Западе (сочинения церковные, произведения отцов церкви, «Физиолог», «Александрия», отдельные апокрифы и пр.). Это была литература, близкая византийской культуре, которую только по недоразумению или по слепой традиции, идущей от П. Чаадаева, можно относить к Востоку, а не к Европе.

В развитии древней русской литературы имели очень большое значение нечеткость внешних и внутренних границ, отсутствие строго определяемых границ между произведениями, между жанрами, между литературой и другими искусствами,— та мягкость и зыбкость структуры, которая всегда является признаком молодости организма, его младенческого состояния и делает его восприимчивым, гибким, легким для последующего развития.

Процесс развития идет не путем прямого дробления этого зыбкого целого, а путем его роста и детализации. В результате роста и детализации естественным путем отщепляются, отпочковываются отдельные части, они приобретают бóльшую жесткость, становятся более ощутимыми и различия.

Литература все более и более отступает от своего первоначального единства и младенческой неоформленности. Она дробится по формирующимся национальностям, дробится по темам, по жанрам, все теснее контактируется с местной действительностью.

Новые и новые события требовали своего освещения. Русские святые вызывают необходимость в новых житиях. Возникает необходимость в проповедях и публицистических сочинениях, посвященных насущным явлениям местной действительности. Развивающееся национальное самосознание потребовало исторического самоопределения русского народа. Надо было найти место русскому народу в той грандиозной картине всемирной истории, которую дали переводные хроники и возникшие на их основе компилятивные сочинения. И вот рождается новый жанр, которого не знала византийская литература,— летописание [1]. «Повесть временных лет», одно из самых значительных произведений русской литературы, определяет место славян, и, в частности, русского народа, среди народов мира, рисует происхождение славянской письменности, образование русского государства и т. д.

---

[1] Когда мы говорим о возникновении летописания, то должны иметь в виду возникновение летописания именно как жанра, а не исторических записей самих по себе. Историки часто говорят о том, что летописание в древней Руси возникло уже в X в., но имеют при этом в виду, что некоторые сведения по древнейшей русской истории могли быть или должны были быть уже записаны в X в. Между тем простая запись о событии, церковные поминания умерших князей или даже рассказ о первых русских святых не были еще летописанием. Летописание возникло не сразу. О начале русского летописания см.: Д. Лихачев, Русские летописи, М.—Л. 1947, стр. 35—144.

Богословско-политическая речь первого митрополита из русских — Илариона — его знаменитое «Слово о законе и благодати» — говорит о церковной самостоятельности русских. Появляются первые жития русских святых. И эти жития, как и слово Илариона, имеют уже жанровые отличия от традиционной формы житий. Князь Владимир Мономах обращается к своим сыновьям и ко всем русским князьям с «Поучением», вполне точные жанровые аналогии которому не найдены еще в мировой литературе. Он же пишет письмо своему врагу Олегу Святославичу, и это письмо также выпадает из жанровой системы, воспринятой Русью. Отклики на события и волнения русской жизни все растут, все увеличиваются в числе, и все они в той или иной степени выходят за устойчивые границы тех жанров, которые были перенесены к нам из Болгарии и Византии. Необычен жанр «Слова о полку Игореве» (в нем соединены жанровые признаки ораторского произведения и фольклорных слав и плачей), «Моления Даниила Заточника» (произведения, испытавшего влияние скоморошьего балагурства), «Слова о погибели Русской земли» (произведения близкого к народным плачам, но имеющего необычное для фольклора политическое содержание). Число произведений, возникших под влиянием острых потребностей русской действительности и не укладывающихся в традиционные жанры, все растет и растет. Появляются исторические повести о тех или иных событиях. Жанр этих исторических повестей также не был воспринят из переводной литературы. Особенно много исторических повестей возникает в период татаро-монгольского ига. «Повести о Калкской битве», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Китежская легенда», рассказы о Щелкановщине, о нашествии на Москву Тамерлана, Тохтамыша, различные повествования о Донской битве («Задонщина», «Летописная повесть о Куликовской битве», «Слово о житии Дмитрия Донского», «Сказание о Мамаевом побоище» и пр.) — все это новые в жанровом отношении произведения, имевшие огромное значение в росте русского национального самосознания, в политическом развитии русского народа.

В XV в. появляется еще один новый жанр — политическая легенда (в частности, «Сказание о Вавилоне граде»). Жанр политической легенды особенно сильно развивается на рубеже XV и XVI вв. («Сказание о князьях Владимирских») и в начале XVI в. (теория Москвы — Третьего Рима псковского старца Филофея). В XV в. на основе житийного жанра появляется и имеет важное историко-литературное значение историко-бытовая повесть («Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» и многие другие). «Сказание о Дракуле воеводе» (конец XV в.) — это также новое в жанровом отношении произведение.

Бурные события начала XVII в. порождают огромную и чрезвычайно разнообразную литературу, вводят в нее новые и новые жанры.

Здесь и произведения, предназначенные для распространения в качестве политической агитации («Новая повесть о преславном Российском царстве»), и произведения, описывающие события с узко личной точки зрения, в которых авторы не столько повествуют о событиях, сколько оправдываются в своей прошлой деятельности или выставляют свои бывшие (иногда мнимые) заслуги («Сказание Авраамия Палицына», «Повесть Ивана Хворостинина»).

Автобиографический момент по-разному закрепляется в XVII в.: здесь и житие матери, составленное сыном («Повесть об Улянии Осоргиной»), и «Азбука», составленная от лица «голого и небогатого человека», и «Послание дворительное недругу», и, собственно, автобиографии — Аввакума и Епифания, написанные одновременно в одной земляной тюрьме в Пустозерске и представляющие собой своеобразный диптих. Одновременно, в XVII в., развивается целый обширный раздел литературы — литературы демократической, в которой значительное место принадлежит сатире в ее самых разнообразных жанрах (пародии, сатирико-бытовые повести и пр. и пр.). Появляются произведения, в которых имитируются произведения деловой письменности: дипломатической переписки (вымышленная переписка Ивана Грозного с турецким султаном), дипломатических отчетов (вымышленные статейные списки посольств Сугорского и Ищеина), пародии на богослужение (сатирическая «Служба кабаку»), на судные дела (сатирическая «Повесть о Ерше Ершовиче»), на челобитные, на росписи приданого и т. д.

Сравнительно поздно появляется систематическое стихотворство — только в середине XVII в. До того стихи встречались лишь спорадически, так как потребности в любовной лирике удовлетворялись фольклором. Поздно появляется и регулярный театр (только при Алексее Михайловиче). Место его занимали скоморошьи представления. Сюжетную литературу в значительной мере (но не целиком) заменяла сказка. Но в XVII в. в высших слоях общества рядом со сказкой появляются переводы рыцарских романов (повести о Бове, о Петре Златых Ключей, о Мелюзине и пр.). Особую роль в литературе XVII в. начинает играть историческая легенда («Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы») и даже сочинения по тем или иным вопросам всемирной истории («О причинах гибели царств»).

* * *

Таким образом, историческая действительность, все новые и новые потребности общества вызывали необходимость в новых жанрах и новых видах литературы. Количество жанров возрастает необычайно, и многие из них находятся еще как бы в неустойчивом положении. XVIII веку предстояло сократить и стабилизировать это разнообразие.

Но были и силы, тормозившие развитие литературы. Исторический путь русского народа сопровождался трагической борьбой со степными народами за национальную независимость, за национальное освобождение при татаро-монгольском иге, затем — с иноземными интервентами в начале XVII в.

Ускоренное развитие централизованного государства, вызванное внешними обстоятельствами, сделало его особенно сильной машиной подавления народа. Государство развивалось за счет развития культуры. Государственное строительство притягивало к себе все силы народа, отвлекало народные силы от других областей культурной деятельности. В результате русская литература надолго сохранила печать особой серьезности, преобладания учительного и познавательного начала над эстетическим. Вместе с тем писатель с самого начала чувствовал свою ответственность перед народом и страной. Литература приобрела тот героический характер, который сохранился в ней и в новое время — в XVIII и XIX вв.

В системе средневекового феодального мировоззрения не было места для личности человека самого по себе. Человек был по преимуществу частью иерархического устройства общества и мира. Ценность человеческой личности осознавалась слабо. В какой-то мере она, конечно, осознавалась, но тогда на задний план отступала сама система. Сама человеческая личность, ее индивидуальность разрушала литературный этикет, монументальность стиля, подчиненность целому, церемониальность литературы и т. д. Непосредственное сочувствие человеку, простое сострадание ему, сопереживание с ним автора оказывались самыми сильными революционными началами в литературе. Мир, который в основном рассматривался в традиционной части литературы с заоблачной высоты и в масштабах всемирной истории, вдруг представал перед читателем в страданиях одного человека. И какими не важными оказывались тогда положение в обществе этого страдающего человека, его принадлежность к тому или иному классу или сословию, его богатство или бедность! Все отступало на задний план перед самой личностью, индивидуальностью человека.

Жизненные наблюдения, вызванные вниманием к отдельному человеку в его человеческой сущности, разрушали средневековую систему литературы, способствовали появлению в литературе ростков нового. Но было бы неправильно думать, что эти жизненные наблюдения сами в какой-то мере не были присущи древней русской литературе, как определенной эстетической системе. Природа древней русской литературы была противоречива.

Сколько этих верных наблюдений знает древнерусская литература,— наблюдений, из которых возникает живое представление о людях того времени, и при этом о людях разных сословий. Вот половцы ведут русских пленников. Они бредут по степи, пишет летописец, страдающие, печаль-

ные, измученные, скованные стужей, почерневшие телом; бредут по чужой стране с воспалёнными от жажды языками, голые и босые, с ногами, опутанными тернием. И тут возникает такая деталь, которая свидетельствует, что если летописец и не наблюдал за пленниками, то сумел все же живо представить себе их ужасное положение, их мысли, их разговоры между собой. Летописец так передает их разговор. Один говорил: «Я был из этого города», а другой отвечал ему: «Я из того села!» «*Был*», а не «*есть*» — для них все в прошлом. О чем другом могли говорить между собой пленники, не надеющиеся вернуться домой? Это пишет человек о людях, страданиям которых он сочувствует. Художественная находка эта вызвана сопереживанием горя. Но этим нарушен литературный этикет, нарушено и самое главное правило средневековой литературы: писать только о том, что действительно было. Летописец *вообразил* себе этот разговор, и вообразил его не в соответствии с литературным этикетом, не так, как составитель «Жития Довмонта Псковского» воображал себе и восполнял не достающие звенья в биографии своего героя по «Житию Александра Невского», а по своему личному опыту.

А вот что пишет Владимир Мономах своему заклятому врагу Олегу Святославичу, убийце своего сына Изяслава. Олег не только убил Изяслава, но и захватил его молодую жену. Мономах просит Олега отпустить вдову, стремится вызвать у Олега жалость к ней и находит для этого такие проникновенные слова: надо было бы, пишет он, «сноху мою послать ко мне,— ибо нет в ней ни зла, ни добра,— чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге».

Еще пример. Летописец описывает ослепление князя Василька Теребовльского. Сцена этого ослепления ужасна, подробности так страшны, что современный читатель с трудом их выдерживает, но дело не в этих кровавых подробностях, а в том, *как* они поданы. Орудие пытки — нож, которым изымали глаза у Василька, приобретает какую-то самостоятельную роль. Летописец пишет, как этот нож точат, как с ним «приступают» к Василько, как первый удар этим ножом пришелся мимо и принес жертве ненужную муку, как ослепители «ввертели» нож в один глаз и изъяли им глазное яблоко, потом — в другой глаз. Затем нож становится в рассказе летописца символом княжеских раздоров: дважды говорит Мономах о распрях, что в среду́ князей «вержен нож»!

Но самое поразительное совершается потом, когда Василько, потерявший сознание, приходит в себя от тряски по неровному пути, которым его везут из Киева в Звиждень. Как передать самоощущение человека, который осознает, что он ослеплен? Летописец находит это средство. Чтобы убедиться в том, что на нем нет рубахи, Василько *ощупывает* самого себя.

И тогда у него возникает желание сделать как можно более явным ужас совершенного с ним. Он говорит попадье, пожалевшей его чисто по-женски — снявшей с него постирать его окровавленную рубаху: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той рубашке кровавой смерть принял и предстал перед богом». И это тоже художественная находка! Василько хочет умереть в окровавленной рубахе. Он хочет ужаснуть бога совершенным преступлением!

С точки зрения движения русской истории, все эти подробности — не заслуживающие внимания мелочи, но это не мелочи для самого человека, для жертвы злодеяния. Деталь следует за деталью. Это не случайные находки.

А вот уже целые большие повествования, психологически верные. Это история взаимоотношений Феодосия Печерского с его матерью, одержимой любовью к сыну. Ее портрет дан с исключительной художественной правдивостью. О ней сказано, что она была «телом крепка и сильна, как мужчина». Только такая мужеподобная женщина могла выдержать всю одолевавшую ее неутолимую любовь к сыну и тяжелую борьбу за то, чтобы удержать его близ себя.

В древнерусской литературе особенно часты художественно точные описания смертей. Рассказы о болезни и смерти Владимирка Галицкого, о болезни и смерти Владимира Васильковича Волынского, о смерти Дмитрия Красного, о смерти Василия Третьего — все это маленькие литературные шедевры. Смерть — наиболее значительный момент в жизни человека. Тут важно только человеческое и тут внимание к человеку со стороны писателя достигает наибольшей силы.

Было бы ошибочно думать, однако, что писатель древней Руси сочувственно наблюдал человека только тогда, когда он испытывал жесточайшие мучения. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» есть такая деталь. Когда разлученный с Февронией постригшийся в монастыре князь Петр почувствовал приближение смерти, он, исполняя данное Февронии обещание, прислал к ней звать ее умереть вместе с ним. Феврония ответила, что хочет закончить вышивание воздýха, который она обещала пожертвовать церкви. Только в третий раз, когда прислал к ней Петр сказать: «Уже бо хощу преставитися и не жду тебе», Феврония дошила лик святого, оставив незаконченным ризы, воткнула иглу в воздýх, обернула ее нитью, которой вышивала, послала сказать Петру, что готова, и, помолясь, умерла. Этот жест порядливой и степенной женщины, обматывающей нитью иглу, чтобы работу можно было продолжить, великолепен. Деталь эта показывает изумительное душевное спокойствие Февронии, с которым она решается на смерть с любимым ею человеком. Автор многое сказал о ней только одним этим жестом. Но надо знать еще красоту древнерусского шитья XV в., чтобы оценить это место повести в полной мере. Шитье XV в. свидетельствует о таком вкусе древнерусских вышивальщиц, о таком

чувстве цвета, что переход от него к самому важному моменту в жизни человека не кажется неестественным.

Женщина занимала в древнерусском обществе положение только в соответствии с положением своего отца или мужа. Ее так обычно и называли: «Глебовна» или «Ярославна» (о дочери), «Андреева» или «Святополча» (о жене). Поэтому женщина была менее «официальна», ее изображение меньше подчинялось литературному этикету. И древняя русская литература знает удивительные по своей человечности образы тихих и мудрых женщин. Помимо девы Февронии из «Повести о Петре и Февронии», можно было бы упомянуть Улинию из «Повести о Улинии Осоргиной», Ксению из «Повести о тверском Отроче монастыре».

Не случайно эта «реалистичность до реализма» дает себя знать в мировом изобразительном искусстве прежде всего там, где выступает на первый план личность человека,—в портрете: античная скульптура, фаюмский портрет, римская портретная скульптура, портреты Веласкеза или Рембрандта.

Реалистические элементы древнерусской литературы также чаще всего встречаются в портретном повествовании: в «Повести о Петре и Февронии», в «Повести о Улинии Осоргиной», в «Повести о Савве Грудцыне», в «Житии протопопа Аввакума» и в «Повести о Горе-Злочастии».

Когда, в «Повести о Горе-Злочастии», доведенный до последней ступени падения и оставленный всеми, задумал молодец покончить с собой, внезапно пришла ему в голову мысль, подсказанная Горем-Злочастием: «Когда у меня нет ничево, и тужить мне не о чем!» Запел молодец веселую напевочку, и тотчас же появились у него друзья, выручившие его из беды. Мысль автора — в том, что человек, лишенный всего, тем самым свободен и счастлив: «А в горе жить — некручинну быть». Человеческая личность ценна сама по себе. Эта мысль еще робко пробивается в литературе, но уже знаменует собой новый подход к явлениям.

Литература, которая создала одну из величественнейших систем, систему пышную и церемониальную, пришла к признанию ценности человеческой личности самой по себе, вне этой системы: обездоленного человека, человека в гуньке кабацкой и лапоточках, без денег, без положения в обществе, без друзей, находящегося во власти пороков. Автор сочувствует человеку даже тогда, когда он пропил с себя все, бредет неизвестно куда. Надо было сбросить с себя все, очнуться на голой земле с камушком под головой, чтобы в этом последнем падении обрести подлинное величие признания своей человеческой ценности.

«Повесть о Горе-Злочастии» вырывается за пределы своей эпохи, в каких-то отношениях она обгоняет XVIII в., ставит те же проблемы, что и литература русского реализма.

Церемониальные одежды скрывали национальные черты. Теплое

сочувствие к падшему и извергнутому из общества человеку вывело литературу за пределы всех литературных условностей и этикетов.

Интерес к личности человека, который пробивался в отдельных случаях на протяжении всех веков и стал доминирующей чертой литературы XVII в., очень важен в литературном развитии. Литература перестала нести художественность только в своем величественном, но безликом целом. Персонализация литературного героя, сознание неповторимости человеческой личности и ее абсолютной ценности — ценности, независимой от ее положения в обществе, заслуг или нравственных добродетелей,— все это было связано с развитием индивидуальных авторских стилей, авторского начала и появлением нового отношения к художественной целостности произведения.

* * *

Культурный горизонт мира непрерывно расширяется. Сейчас, в XX столетии, мы понимаем и ценим в прошлом не только классическую античность. В культурный багаж человечества прочно вошло западноевропейское средневековье, еще в XIX в. казавшееся варварским, «готическим» (первоначальное значение этого слова — именно «варварский»), византийская музыка и иконопись, африканская скульптура, эллинистический роман, фаюмский портрет, персидская миниатюра, искусство инков и многое, многое другое. Человечество освобождается от «европоцентризма» и эгоцентрической сосредоточенности на настоящем.

Глубокое проникновение в культуры прошлого и культуры других народов сближает времена и страны. Единство мира становится все более и более ощутимым. Расстояния между культурами сокращаются, и все меньше остается места для национальной вражды и тупого шовинизма. Это величайшая заслуга гуманитарных наук и самих искусств,— заслуга, которая в полной мере будет осознана только в будущем.

Одна из насущнейших задач — ввести в круг чтения и понимания современного читателя памятники искусства слова древней Руси. Искусство слова находится в органической связи с изобразительным искусством, с зодчеством, с музыкой, и не может быть подлинного понимания одного без понимания всех других областей художественного творчества древней Руси. В великой и своеобразной культуре древней Руси тесно переплетаются изобразительное искусство и литература, гуманистическая культура и материальная, широкие международные связи и резко выраженное национальное своеобразие.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ПЕРВОЕ ТРЕХСОТЛЕТИЕ

СЕ ПОВѢСТИ ВРЕМЯНЬНЫХ ЛѢТЪ, ОТКУДУ ЕСТЬ ПОШЛА РУСКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО ВЪ КИЕВѢ НАЧА ПЕРВѢЕ КНЯЖИТИ, И ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ

...

По мнозѣхъ же времянѣх сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Марава, и прозвашася морава, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хровате бѣлии и серебь и хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на словѣни на дунайския, и сѣдшемъ в них и насилящемъ имъ, словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.

Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх; а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи; инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане. Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ и нарекоша й Новъгородъ. А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася сѣверъ. И тако разидеся словѣньский языкъ, тѣм же и грамота прозвася словѣньская.

Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру, и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волховъ и вътечеть в озеро великое

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ВОТ ПОВЕСТИ МИНУВШИХ ЛЕТ, ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, КТО В КИЕВЕ СТАЛ ПЕРВЫМ КНЯЖИТЬ И КАК ВОЗНИКЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

...

Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где ныне земли Венгерская и Болгарская. И от тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, которая впадает в Двину и именуется Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота называлась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра — волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и

Нево, и того озера внидеть устье в море Варяжьское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюгороду, а от Царягорода прити в Понтъ море, в не же втечет Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Оковьскаго лѣса, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощье и внидеть в море Варяжьское. Ис того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечеть семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Тѣм же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ доити въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечеть в Понетьское море жереломъ, еже море словеть Руское, по нему же училъ святый Оньдрѣй, братъ Петровъ, яко же рѣша.

Оньдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, увѣдѣ, яко ис Корсуня близь устье Днѣпрьское, и въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрьское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ. И по приключаю приде и ста подъ горами на березѣ. И заутра въставъ и рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: «Видите ли горы сия? — яко на сихъ горах восияеть благодать божья; имать градъ великъ быти и церкви многи богъ въздвигнути имать». И въшедъ на горы сия, благослови я́, и постави крестъ, и помоливъся богу, и сълѣзъ съ горы сея, иде же послѣ же бысть Киевъ, и поиде по Днѣпру горѣ. И приде въ словѣни, иде же нынѣ Новъгородъ, и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ. И иде въ Варяги, и приде в Римъ, и исповѣда, елико научи и елико видѣ, и рече имъ: «Дивно видѣхъ Словеньскую землю идучи ми сѣмо. Видѣхъ бани древены, и пережьгуть е́ рамяно, и совлокуться, и будуть нази, и облѣются квасомъ усниянымь, и возмуть на ся прутье младое, и бьють ся сами, и того ся добьють, едва слѣзуть лѣ живи, и облѣются водою студеною, и тако ожиуть. И то творять по вся дни, не мучими никим же, но сами ся мучать, и то творять мовенье собѣ, а не мученье». Ты слышаще дивляхуся. Оньдрѣй же, бывъ в Римѣ, приде в Синопию.

Полем же живщемъ особѣ и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо съ своимъ родѳмъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ. И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбедь. Сѣдяше Кий на горѣ, гдѣ же ныне увозъ Боричевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, гдѣ же ныне зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, от него же про-

впадает в озеро великое Нево, и устье того озера входит в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в него же впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса вытекает, и течет на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса вытекает Волга на восток и впадает семьюдесятью протоками в море Хвалисское. Так и из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы и дальше на восток достичь удела Сима, а по Двине — до Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским,— по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать божия, будет город великий, и воздвигнет бог многие церкви». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился богу, и сошел с горы той, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И направился к Варягам, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевенным, и поднимут на себя прутья гибкие и бьют себя сами, и до того себя добьют, что едва слезут, еле живые, обольются водою студеною, и тогда только оживут. И творят так всякий день, никем не мучимые, но сами себя мучат, и этим совершают омовенье себе, а не мученье». Те, услышав об том, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили тогда отдельно от других и управлялись своими родами; ибо и до этих братьев, о которых речь пойдет в дальнейшем, были поляне, и жили они родами и на своих местах, и каждый род управлялся сам собой. И были три брата: один по имени Кий, другой — Щек и третий — Хорив, а сестра их Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а

звася Хоревица. И створиша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяща звѣрь, бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киевѣ и до сего дне.

Ини же, не свѣдуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ былъ, у Киева бо бяше перевозъ тогда с оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху: на перевозъ на Киевъ. Аще бо бы перевозникъ Кий, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кий княжаше в родѣ своемь, приходившю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь приялъ от царя, при которомь приходивъ цари. Идущю же ему вспять, приде къ Дунаеви, и възлюби мѣсто, и сруби градокъ малъ, и хотяше сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущии; еже и донынѣ наречють дунайци городище Киевець. Киеви же пришедшю въ свой градъ Киевъ, ту животъ свой сконча; и братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра их Лыбедь ту скончашася. ...

По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея быша обидимы древлями и инѣми околними. И наидоша я́ козарѣ, сѣдящая на горах сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: «Платите намъ дань». Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козари ко князю своему и къ старѣйшинымъ своимъ, и рѣша имъ: «Се, налѣзохомъ дань нову». Они же рѣша имъ: «Откуду?» Они же рѣша: «Въ лѣсѣ на горахъ надъ рѣкою Днѣпрьскою». Они же рѣша: «Что суть въдали?» Они же показаша мечь И рѣша старци козарьстии: «Не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемь одиною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странах». Се же сбысться все: не от своея воля рекоша, но отъ божья повелѣнья. Яко и при Фаравонѣ, цари еюпетьстѣмь, егда приведоша Моисѣя предъ Фаравона, и рѣша старѣйшина Фараоня: се хочеть смирити область Еюпетьскую, яко же и бысть: погибоша еюптяне от Моисѣя, а первое быша работающе имъ. Тако и си владѣша, а послѣ же самѣми владѣють; яко же и бысть: володѣють бо козары русьскии князи и до днешнего дне.

...

Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюдь и на словѣнех, на мери и на всѣхъ кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣх, и на сѣверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣвericѣ от дыма.

Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей. И были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил к царю,— не знаем только, к какому царю он ходил, но знаем, что великие почести воздал ему, говорят, тот царь, к которому он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие. Так и доныне называют дунайцы городище то — Киевец. Кий же вернулся в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались. ...

Вслед за тем, по смерти братьев этих, стали притеснять полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хозары сидящими на горах этих в лесах и сказали хозары: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хозары к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хозарские: «Не добра дань та, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны,— саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи: станут они когда-нибудь собирать дань и с нас, и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унизит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хозарами и по нынешний день.

...

В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хозары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

Въ лѣто 6368.

Въ лѣто 6369.

Въ лѣто 6370. Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в них усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву». И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Рѣша русь, чюдь, словѣни, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжитъ и володѣти нами». И изъбрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь, и придоша; старѣйший, Рюрикъ, сѣде Новѣгородѣ, а другий, Синеусъ, на Бѣлѣ-озерѣ, а третий Изборьстѣ, Труворъ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля, новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо бѣша словѣни. По двою же лѣту Синеусъ умре и братъ его Труворъ. И прия власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣло-озеро. И по тѣмъ городомъ суть находници варязи, а перьвии насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муромѣ мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ. И бяста у него 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родомъ своимъ. И поидоста по Днѣпру, и идуче мимо и узрѣста на горѣ градок. И упрошаста и рѣста: «Чий се градокъ?» Они же рѣша: «Была суть 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градоко сь, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ ихъ платяче дань козаромъ». Асколдъ же и Диръ остаста въ градѣ семь, и многи варяги съвокуписта, и начаста владѣти польскою землею, Рюрику же княжащу в Новѣгородѣ.

...

Въ лѣто 6387. Умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, от рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ, Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми.

Въ лѣто 6388.

Въ лѣто 6389.

Въ лѣто 6390. Поиде Олегъ, поимъ воя многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю, весь, кривичи, и приде къ Смоленьску съ кривичи, и прия градъ, и посади мужь свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, посади мужь свои. И придоста къ горамъ хъ киевьскимъ, и увѣда Олегъ, яко Осколдъ и Диръ кня-

В год 6368 (860).

В год 6369 (861).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы,— вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус,— на Бело-озере, а третий, Трувор,— в Изборске. И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Бело-озеро. Варяги в этих городах—находники, а первые поселенцы в Новгороде—славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Бело-озере — весь, в Муроме—мурома, и теми всеми правил Рюрик. И было у него два мужа, не родичи его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние же жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хозарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали много варяг и стали владеть землею полян. Рюрик же тогда княжил в Новгороде.

...

В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу — родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6388 (880).

В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варяг, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжат тут Аскольд и Дир. Спря-

жита, и похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтьска. И приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови, глаголя, яко «Гость есмь, и идемъ въ Греки от Олга и от Игоря княжича. Да придѣта к намъ к родомъ своимъ». Аскóлдъ же и Диръ придоста, и выскакаша вси прочии из лодья, и рече Олег Асколду и Дирови: «Вы нѣста князя, ни рода княжа, но азъ есмь роду княжа», и вынесоша Игоря: «А се есть сынъ Рюриковъ». И убиша Асколда и Дира, и несоша на гору, и погребоша и́ на горѣ, еже ся ныне зоветь Угорьское, кде ныне Олъминъ дворъ; на той могилѣ поставил Олъма церковь святаго Николу; а Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: «Се буди мати градомъ русьскимъ». И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани словѣномъ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ.

...

В лѣто 6415. Иде Олегъ на Грекы, Игоря оставив Киевѣ, поя же множество варяг, и словенъ, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грекъ Великая Скуфь. И съ сими со всѣми поиде Олегъ на конех и на кораблех, и бѣ числомъ кораблей 2000. И прииде къ Царюграду; и греци замкоша Судъ, а градъ затвориша. И выиде Олегъ на брегъ, и воевати нача, и много убийства сотвори около града грекомъ, и разбиша многы полаты, и пожгоша церкви. А их же имаху плѣнникы, овѣхъ посекаху, другиа же мучаху, иныя же растреляху, а другыя в море вметаху, и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творятъ.

И повелѣ Олегъ воемъ своимъ колеса издѣлати и вставляти на колеса корабля. И бывшю покосну вѣтру, въспяша парусы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвше греци и убоящася, и рѣша выславше ко Ольгови: «Не погубляй града, имемъ ся по дань, яко же хощеши». И устави Олегъ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бѣ бо устроено со отравою. И убояшася греци, и рѣша: «Нѣсть се Олегъ, но святый Дмитрей, посланъ на ны от бога». И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ кораблi по 40 мужь. ...

тал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади, а сам подошел к горам, неся ребенка Игоря. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что-де «мы купцы, идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика» И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли: Аскольда — на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольма поставил церковь святого Николы; а Дирова могила — за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозвавшиеся русью. Тот Олег начал ставить города и установил дань славянам, и кривичам, и мери, положил и для варяг давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

...

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варяг, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцов, известных как толмачи: этих всех называли греки Великая Скифь. И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много греков убил в окрестностях города, и разбил множество палат, и церкви пожег. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на них корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли со стороны поля к городу. Греки, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей. ...

Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротѣ заходивше межы собою, цѣловавше сами крестъ, а Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася оружьемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ. И рече Олегъ: «Исшийте парусы паволочиты руси, а словеномъ кропиньныя», и бысть тако. И повѣси щит свой въ вратех показуа побѣду, и поиде от Царя-града. И воспяша русь парусы паволочиты, а словене кропиньны, и раздра а̀ вѣтръ. И рѣша словени: «Имемся своим толстинам, не даны суть словѣном прѣ паволочиты». И приде Олегъ к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга — вѣщий: бяху бо людие погани и невѣигласи.

...

В лѣто 6420. ... И живяше Олегъ миръ имѣа ко всѣм странамъ, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставил кормити и не вседати на нь. Бѣ бо въпрашал волъхвовъ и кудесникъ: «От чего ми есть умрети?» И рече ему кудесник один: «Княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на нем, от того ти умрети». Олегъ же приим въ умѣ, си рѣче: «Николи же всяду на нь, ни вижю его боле того». И повелѣ кормити и́ и не водити его к нему, и пребы нѣколико лѣт не видѣ его, дондеже на грекы иде. И пришедшу ему Кыеву и пребывьшю 4 лѣта, на пятое лѣто помяну конь, от него же бяхуть рекли волсви умрети. И призва старейшину конюхом, рече: «Кде есть конь мъй, его же бѣхъ поставил кормити и блюсти его?» Он же рече: «Умерлъ есть». Олег же посмѣася и укори кудесника, река: «То ти неправо глаголють волъсви, но все то льжа есть: конь умерлъ есть, а я живъ». И повелѣ оседлати конь: «А то вижю кости его». И прииде на мѣсто, идѣ же бѣша лежаще кости его голы и лобъ голъ, и ссѣде с коня, и посмеяся рече: «Отъ сего ли лба смьрть было взяти мнѣ?» И въступи ногою на лобъ; и выникнувши змиа изо лба, и уклюну в ногу. И с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горѣ, еже глаголеться Щековица; есть же могила его и до сего дни, словеть могыла Ольгова. И бысть всѣх лѣт княжениа его 33. ...

...

В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: «Отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили присягать друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные!» И было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, но разодрал их ветер. И сказали славяне: «Возьмем свои толстинные паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

...

В год 6420 (912). ... И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего мне умереть?» И сказал ему один кудесник: «Князь! Коня любишь и ездишь на нем,— от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока на греков ходил. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года,— на пятый год помянул он коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не правду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать коня: «Да увижу кости его». И, приехав на то место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемою Щековица. Есть же могила его и доныне, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три. ...

...

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждой, а мы наги.

нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и примышляше къ первой дани, и насиляше имъ и мужи его. Возьемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идущу же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: «Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ мáлом же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «Аще ся въвадить волкъ в овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идеши опять? Поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня деревлене убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне.

Вольга же бяше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, и воевода бѣ Свѣнелдъ,— то же отець Мистишинъ. Рѣша же деревляне: «Се князя убихомъ рускаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ и Святослава, и створимъ ему, яко же хощемъ». И послаша деревляне лучьшие мужи, числомъ 20, въ лодьи к Ользѣ, и приставша подъ Боричевымъ в лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Киевьския, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. Градъ же бѣ Киевъ, иде же есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ; а дворъ княжь бяше в городѣ, иде же есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чюдинъ, а перевѣсище бѣ внѣ града, и бѣ внѣ града дворъ другый, идѣ же есть дворъ демьстиковъ за святою Богородицею; над горою, дворъ теремный, бѣ бо ту теремъ каменъ. И повѣдаша Ользѣ, яко деревляне придоша, и возва я́ Ольга къ собѣ и рече имъ: «Добри гостье придоша». И рѣша деревляне: «Придохомъ, княгине». И рече имъ Ольга: «Да глаголете, что ради придосте сѣмо?» Рѣша же древляне: «Посла ны Дерьвьска земля, рекущи сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужь твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю, да поиди за князь нашь за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю дерьвьску. Рече же имъ Ольга: «Люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не крѣсити; но хочю вы почтити наутрия предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся, и азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесуть вы в лодьи»; и отпусти

Пойдем, князь, с нами за данью, да и ты добудешь и мы». И послушал их Игорь — пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дань, пошел он в свой город. Когда же шел он назад,— поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малою частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его. Так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал уже всю дань». И не послушал их Игорь. И древляне, выйдя из города Искоростеня против Игоря, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода — Свенельд, отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава,— возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге. И пристали в ладье под Боричевым подъемом, ибо вода тогда текла возле Киевской горы, а на Подоле не жили люди, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор уставщика позади церкви Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор — был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне. И призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли»; и ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими слозами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле. Пойди замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому,— Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша,— мужа моего мне уже не воскресить; но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в нее, величаясь. Утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдем, но понесите нас в ладье».

я̀ въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку на дворѣ теремьстѣмь, внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глаголюще: «Зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «Не едемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны в лодьи». Рѣша же кияне: «Намъ неволя; князь нашь убьенъ, и княгини наша хочетъ за вашь князь»; и понесоша я̀ в лодьи. Они же сѣдяху в перегъбѣх въ великихъ сустугахъ гордящеся. И принесоша я̀ на дворъ к Ользѣ, и, несъше, вринуша е́ въ яму и с лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «Добра ли вы честь?» Они же рѣша: «Пуще ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я̀ живы, и посыпаша я̀.

И пославши Ольга къ деревляномъ, рече имъ: «Да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да в велицѣ чти приду за вашь князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Се слышавше деревляне, избраша лучьшие мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь створити, рькуще сице: «Измывъшеся придите ко мнѣ». Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша деревляне, начаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи я̀ отъ дверий, ту и згорѣша вси.

И посла къ деревляномъ, рькущи сице: «Се уже иду к вамъ, да пристройте меды многи в градѣ, иде же убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зѣло, и възвариша. Ольга же, поимши мало дружины, легъко идущи приде къ гробу его, и плакася по мужи своемъ. И повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, и яко соспоша, и повелѣ трызну творити. По семь сѣдоша деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити пред ними. И рѣша деревляне к Ользѣ: «Кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя?» Она же рече: «Идуть по мнѣ съ дружиною мужа моего». И яко упишася деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ своей сѣчи деревляны; и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возъвратися Киеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

Начало княженья Святославля, сына Игорева. В лѣто 6454. Ольга съ сыном своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю. И изидоша деревляне противу. И сънемъшемаѥ обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копье

И вознесут вас в ладье». И отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать на теремном дворе вне града яму великую и глубокую. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями. И пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем, но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя». И понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Пришедшим древлянам приказала Ольга приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меды многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Они же, услышав это, свезли множество медов и заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною с дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь, а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско против оставшихся древлян.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. В год 6454 (946). Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю, и вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, метнул Святослав копье в древлян, и копье пролетело между ушей коня и ударило ему в ногу, ибо

летѣ сквозѣ уши коневи, и удари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: «Князь уже почалъ; потягнѣте, дружина, по князѣ». И побѣдиша деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своих. Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣе бяху убили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ, а деревляне затворишася въ градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града, вѣдѣху бо, яко сами убили князя и на что ся предати. И стоя Ольга лѣто, и не можаше взяти града, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хочете досѣдѣти? А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя; а вы хочете изъмерети гладомъ, не имучеся по дань». Деревляне же рекоша: «Ради ся быхомъ яли по дань, но хощеши мьщати мужа своего». Рече же имъ Ольга, яко «азъ мьстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье, когда творихъ трызну мужеви своему. А уже ее хощю мъщати, но хощю дань имати помалу, и смирившися с вами поиду опять». Рекоша же деревляне: «Што хощеши у насъ? Ради даемъ медомь и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсть меду, ни скоры, но мало у васъ прошю: дадите ми от двора по 3 голуби да по 3 воробьи. Азъ бо не хощю тяжьки дани възложити, яко же и мужь мой, сего прошю у васъ мало. Вы бо есте изънемогли в осадѣ, да сего у васъ прошю мала». Деревляне же ради бывше, и собраша от двора по 3 голуби и по 3 воробьи, и послаша к Ользѣ с поклономъ. Вольга же рече имъ: «Се уже есте покорилися мнѣ и моему дѣтяти, а идѣте въ градъ, а я заутра отступлю от града, и поиду въ градо свой». Деревляне же ради бывше внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ, и обрадовашася людье въ градѣ. Волга же раздая воемъ по голуби комуждо, а другимъ по воробьеви, и повелѣ къ коемуждо голуби и къ воробьеви привязывати цѣрь, обертывающе въ платки малы, нитъкою повързывающе къ коемуждо ихъ. И повелѣ Ольга, яко смерчеся, пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, голуби въ голубники, врабьѣве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубьници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины, и не бѣ двора, иде же не горяше и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася. И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а́, яко взя градъ и пожьже и́; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ, а прокъ их остави платити дань.

был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал; последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в нем и крепко боролись из города, ибо знали, что уготовили себе, убив князя. И стояла Ольга все лето и не могла взять города. И замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли, а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голоду». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга, что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз, когда устроила тризну по своем муже. Больше уже не хочу мстить,— хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжкой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас такой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти. Идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам — кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи. И так загорелись — где голубятни, где клети, где сараи и где сеновалы. И не было двора, где бы не горело. И нельзя было гасить, так как загорелись все дворы сразу. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третьяя Вышегороду к Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ. И иде Вольга по Дерьвьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища еѣ и ловища. И приде въ градъ свой Киевъ съ сыномъ своим Святославомъ, и пребывши лѣто едино.

В лѣто 6455. Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамянья и мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възратися къ сыну своему Киеву, и пребываше съ нимъ въ любъви.

В лѣто 6456.
В лѣто 6457.
В лѣто 6458.
В лѣто 6459.
В лѣто 6460.
В лѣто 6461.
В лѣто 6462.

В лѣто 6463. Иде Ольга въ Греки, и приде Царюгороду. Бѣ тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ; и приде к нему Ольга, и видѣвъ ю добру сущю зѣло лицемъ и смыслену, удивився царь разуму ея, бесѣдова к ней, и рекъ ей: «Подобна еси царствовати въ градѣ с нами». Она же разумѣвши рече ко царю: «Азъ погана есмь, да аще мя хощеши крестити, то крести мя самъ; аще ли, то не крещюся»; и крести ю царь с патреархомъ. Просвѣщена же бывши, радовашеся душею и тѣломъ; и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече ей: «Благословена ты в женах руских, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави. Благословити тя хотять сынове рустии и в послѣдний родъ внукъ твоих». И заповѣда ей о церковномь уставѣ, о молитвѣ и о постѣ, о милостыни и о въздержаньи тѣла чиста. Она же, поклонивши главу, стояше, аки губа напаяема, внимающи ученья; и поклонившися патреарху, глаголющи: «Молитвами твоими, владыко, да схранена буду от сѣти неприязньны». Бѣ же речено имя ей во крещеньи Олена, яко же и древняя царица, мати Великаго Костянтина. И благослови ю патреархъ, и отпусти ю. И по крещеньи возва ю царь, и рече ей: «Хощю

И возложила на них тяжелую дань. Две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок даней и налогов. И сохранились места ее стоянок и ловищ до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге — оброки и дани. Ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви.

В год 6456 (948).
В год 6457 (949).
В год 6458 (950).
В год 6459 (951).
В год 6460 (952).
В год 6461 (953).
В год 6462 (954).

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница. Если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом. И наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях внуков твоих». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, склонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице — матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее царь и ска-

тя пояти собѣ женѣ». Она же рече: «Како хочеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею? А въ хрестеянѣхъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси». И рече царь: «Переклюкала мя еси, Ольга». И дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю, нарекъ ю дъщерью собѣ. ...

...

В лѣто 6472. Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардусъ, войны многи твореше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину на углех испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло в головахъ; тако же и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странамъ, глаголя: «Хочю на вы ити». И иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?» Они же рѣша: «Козаромъ по щьлягу от рала даемъ».

В лѣто 6473. Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съсступишася битися, и бывши брани, одолѣ Святославъ козаромъ и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя. И ясы побѣди и касогы.

В лѣто 6474. Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи.

В лѣто 6475. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемъся обоимъ, долѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцѣх.

В лѣто 6476. Придоша печенѣзи на Руску землю первое, а Святославъ бяше Переяславци, и затворися Волга въ градѣ со унуки своими, Ярополкомъ и Ольгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И оступиша печенѣзи градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство около града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогаху же людье гладомъ и водою. Собрашеся людье оноя страны Днѣпра в лодьяхъ, об ону страну стояху, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ ни единому ихъ, ни изъ града к онѣмъ. И въстужиша людье въ градѣ и рѣша: «Нѣсть ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти и рещи имъ: аще не подступите заутра, предатися имамъ печенѣгомъ?» И рече единъ отрокъ: «Азъ преиду». И рѣша: «Иди». Онъ же изиде изъ града с уздою, и риташе сквозѣ печенѣги, глаголя: «Не видѣ ли коня никто же?» Бѣ бо умѣя печенѣжь-

зал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью. А у христиан не разрешается это — ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары — золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. ...

...

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах. Такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал им: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хозарам — по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хозар. Услышав же, хозары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хозар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их восемьдесят по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переяславце, и заперлась Ольга в городе Киеве со своими внуками — Ярополком, Олегом и Владимиром. И осадили печенеги город силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города. И нельзя было ни выйти из города, ни вести послать. И изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу. И нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из Киева к ним. И стали тужить люди в городе и сказали: «Нет ли кого, кто бы смог пробраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу,— сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я пройду»,— и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и побежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел

ски, и мняхуть и́ своего. И яко приближися к рѣцѣ, свергъ порты сунуся въ Днѣпръ, и побреде. Видѣвше же печенѣзи, устремишася на нь, стрѣляюще его, и не могоша ему ничто же створити. Они же видѣвше с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и́ в лодью и привезоша и́ къ дружинѣ. И рече имъ: «Аще не подступите заутра къ городу, предатися хотять людье печенѣгомъ». Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: «Подъступимъ заутра в лодьях, и попадше княгиню и княжичѣ умчимъ на сю страну. Аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть заутра, всѣдъше в лодьи противу свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша. Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видѣвъ же се князь печенѣжьский, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: «Кто се приде?» И рече ему: «Людье оноя страны». И рече князь печенѣжьский: «А ты князь ли еси?» Онъ же рече: «Азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣх, и по мнѣ идеть полкъ со княземъ, бе-щисла множьство». Се же рече, грозя имъ. Рече же князь печенѣжьский къ Прѣтичю: «Буди ми другъ». Онъ же рече: «Тако створю». И подаста руку межю собою, и въдасть печенѣжьский князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы. Онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. И отступиша печенѣзи от града, и не бяше льзѣ коня напоити: на Лыбеди печенѣзи. И послаша кияне къ Святославу, глаголюще: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ, малы бо насъ не взяша печенѣзи, и матерь твою, и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмуть. Аще ти не жаль очины своея, ни матере, стары суща, и дѣтий своих». То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собра вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ.

В лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вина и овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь». Рече ему Волга: «Видиши мя болну сущю; камо хощеши отъ мене ити?» Бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: «Погребъ мя, иди ямо же хочеши». По трех днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея,

ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это, подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди с того берега». Печенежский князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы припугнуть печенегов. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы, а тот дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города. И нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас едва не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав эти слова, Святослав с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев; приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь — я больна; куда хочешь уйти от меня?» — ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня,— отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали

и внуци ея, и людье вси плачемъ великомь, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны над собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу. ...

В лѣто 6478. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в деревѣхъ. В се же время придоша людье ноугородьстии, просяще князя собѣ: «Аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ». И рече к нимъ Святославъ: «А бы пошелъ кто к вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ. И рече Добрыня: «Просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отець же бѣ има Малъкъ Любечанинъ, и бѣ Добрына уй Володимеру. И рѣша ноугородьци Святославу: «Вьдай ны Володимира». Онъ же рече имъ: «Вото вы есть». И пояша ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею, уемъ своимь, Ноугороду, а Святославъ Переяславьцю.

В лѣто 6479. Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася болгаре въ градѣ. И излѣзоша болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху болъгаре. И рече Святославъ воемъ своимъ: «Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!» И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ, и посла къ грекомъ, глаголя: «Хочю на вы ити и взяти градъ вашь, яко и сей». И рѣша грьци: «Мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы». Се же рѣша грьци, льстяче подъ Русью; суть бо греци лстивы и до сего дни. И рече имъ Святославъ: «Есть насъ 20 тысящь», и прирече 10 тысящь, бѣ бо Руси 10 тысящь толко. И пристроиша грьци 100 тысящь на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь убояшася зѣло множьства вой, и рече Святославъ: «Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». И реша вои: «Иде же глава твоя, ту и свои главы сложимъ». И исполчишася русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша грьци. И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты. И созва царь боляре своя в полату, и рече имъ: «Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?» И рѣша ему боляре: «Посли к нему дары, искусимъ й, любьзнивъ ли есть злату, ли па-

по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди. И понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника — тот и похоронил блаженную Ольгу. ...

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши — ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец (на Дунае).

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постоим же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьми с нас дань на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», но прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим земли Русской, но ляжем здесь костьми, ибо мертвые не знают позора. Если же побежим — позор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и

волокамъ?» И посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра, рѣша ему: «Глядай взора и лица его и смысла его». Онъ же, вземъ дары, приде къ Святославу. И повѣдаша Святославу, яко придоша грьци с поклономъ. И рече: «Въведѣте я́ сѣмо». Придоша, и поклонишася ему, и положиша пред нимъ злато и паволоки. И рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: «Схороните». Они же придоша ко царю, и созва царь боляры. Рѣша же послании, яко «Придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не возрѣ на ня, и повелѣ схоронити». И рече единъ: «Искуси и́ еще, посли ему оружье». Они же послушаша его, и послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему. Онъ же, приимъ, нача хвалити, и любити, и целовати царя. Придоша опять ко царю и повѣдаша ему вся бывшая. И рѣша боляре: «Лютъ се мужь хочеть быти, яко имѣнья не брежеть, а оружье емлеть. Имися по дань». И посла царь, глаголя сице: «Не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши»; за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И даша ему дань; имашеть же и за убьеныя, глаголя, яко «Род его возметь». Взя же и дары многы, и възратися в Переяславець с похвалою великою. Видѣвъ же мало дружины своея, рече в собѣ: «Еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене», бѣша бо многи погибли на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле дружины».

И посла слы ко цареви въ Деревьстръ, бо бѣ ту царь, рька сице: «Хочу имѣти миръ с тобою твердъ и любовь». Се же слышавъ, царь радъ бысть и посла к нему дары больша первых. Святославъ же прия дары и поча думати съ дружиною своею, рька сице: «Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ. А Руска земля далеча, а печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди доволно намъ. Аще ли почнеть не управляти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои множайша, поидемъ Царюгороду». Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко цареви, и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша цареви. Царь же наутрия призва я́, и рече царь: «Да глаголють сли рустии». Они же рѣша: «Тако глаголеть князь нашь: хочю имѣти любовь со царемъ гречьскимъ свершеную прочая вся лѣта». Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи Свято-

сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послал к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями!» Он же, взяв дары, пришел к Святославу. И поведали Святославу, что пришли греки с поклоном, и сказал Святослав: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них — приказал спрятать». И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же, взяв, стал хвалить царя, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань. Он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою, и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И послал послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань,— того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова, собрав множество воинов, пойдем из Руси на Царьград». И была люба речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадо-

славля на харатью. Нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писець писати. ...

Створивъ же миръ Святославъ съ греки, поиде в лодьях къ порогомъ. И рече ему воевода отень Свѣналдъ: «Поиди, княже, на конихъ около, стоять бо печенѣзи в порозѣх». И не послуша его и поиде в лодьяхъ. И послаша переяславци къ печенѣгомъ, глаголюще: «Се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много у грекъ и полонъ бещисленъ, съ маломъ дружины». Слышавше же се печенизи заступиша пороги. И приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ льзѣ проити порогъ. И ста зимовати в Бѣлобережьи, и не бѣ у них брашна уже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугривнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту.

Веснѣ же приспѣвши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжьский и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пьяху из него. Свѣналдъ же приде Киеву къ Ярополку. И всѣх лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8.

В лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

В лѣто 6482.

В лѣто 6483. Ловъ дѣющю Свѣналдичю, именемъ Лютъ; ишедъ бо ис Киева гна по звѣри в лѣсѣ. И узрѣ и́ Олегъ, и рече: «Кто се есть?» И рѣша ему: «Свѣналдичь». И заѣхавъ, уби и́, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межю ими ненависть, Ярополку на Ольга, и молвяше всегда Ярополку Свѣналдъ: «Поиди на братъ свой и прими волость его», хотя отмьстити сыну своему.

В лѣто 6484.

В лѣто 6485. Поиде Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олегъ, и ополчистася. Ратившемася полкома побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгъшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше чересъ гроблю мостъ ко вратомъ градным, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; и искавъше его не обрѣтоша. И рече единъ деревлянинъ: «Азъ видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту». И посла Ярополкъ искать брата, и влачиша трупье изъ гробли от утра и до полудне, и налѣзоша Ольга в ысподи трупья, вынесоша и́, и положиша и на коврѣ. И приде Ярополкъ, надъ немъ плакася, и рече Свеналду: «Вижь, сего ты еси хотѣлъ!»

вался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать. ...

Заключив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать: «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову. И тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972), когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать и восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом. И постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати власть его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк походом на Олега, брата своего, в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, спихивали друг друга в ров. И столкнули Олега с моста вниз. Много людей падало туда с конями, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата. И искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакав над ним, и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел!»

И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручога, и есть могила его и до сего дне у Вручего. И прия власть его Ярополкъ. У Ярополка же жена грекини бѣ, и бяше была черницею; бѣ бо привелъ ю̀ отець его Святославъ, и вда ю̀ за Ярополка, красоты ради лица ея. Слышав же се Володимѣръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море. А Ярополкъ посадники своя посади в Новѣгородѣ, и бѣ володѣя единъ в Руси.

В лѣто 6486.

В лѣто 6487.

В лѣто 6488. Приде Володимиръ съ варяги Ноугороду, и рече посадникомъ Ярополчимъ: «Идѣте къ брату моему и рцѣте ему: Володимеръ ти идеть на тя, пристраивайся противу биться». И сѣде в Новѣгородѣ.

И посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою собѣ женѣ». Онъ же рече дщери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю». Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ и-заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ, а Туры Туровѣ, от него же и туровци прозвашася. И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дщери Рогъволожѣ, князя полотьскаго. Володимеръ же собра вои многи, варяги и словѣни, чюдь и кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время хотяху Рогънѣдь вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ.

И поиде на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ; и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ, и есть ровъ и до сего дне. Володимеръ же посла къ Блуду, воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «Поприяй ми! Аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почалъ братью бити, но онъ. Азъ же того убоявъся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримь: «Авъ буду тобѣ в сердце и въ приязньство». О злая лесть человѣческа! Яко же Давыдъ глаголеть: «Ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть». Се бо лукавьствоваше на князя своего лестью. И паки: «Языки своими льстяхуся. Суди имъ, боже, да отпадуть от мыслий своих; по множьству нечестья ихъ изрини а́, яко прогнѣваша тя, господи». И паки той же рече Давыдъ: «Мужь въ крови льстивъ не припловить дний своих». Се есть совѣтъ золъ, иже свѣщевають на крово-

И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней. В свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978).

В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Вернулся Владимир в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды — дочери Рогволода, князя полоцкого. Владимир же собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир в Киев с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом. И стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче — между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду — воеводе Ярополка — с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О, злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж кровожадный и коварный не доживет и до поло-

пролитье; то суть неистовии, иже приемше от князя или от господина своего честь ли дары, ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковии. Яко же Блудъ преда князя своего, и приимъ от него чьти многи, се бо бысть повиненъ крови той. Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати къ граду бранью, а самъ мысля убити Ярополка; гражаны же не бѣ льзѣ убити его. Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и́, замысли лестью, веля ему ни излазити на брань изъ града. Рече же Блудъ Ярополку: «Кияне слются къ Володимеру, глаголюще: «Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка». Побѣгни за градъ». И послуша его Ярополкъ, и избѣгъ пред нимъ затворися въ градѣ Родьни на усть Рси рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ. И бѣ гладъ великъ в немь, и есть притча и до сего дне: бѣда аки в Роднѣ. И рече Блудъ Ярополку: «Видиши, колько вой у брата твоего? Нама ихъ не перебороти. Твори миръ, съ братомъ своимъ»; льстя подъ нимъ се рече. И рече Ярополкъ: «Такъ буди». И посла Блудъ къ Володимеру, сице глаголя, яко «Сбысться мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой убити и́». Володимеръ же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень, о нем же преже сказахомъ, сѣде ту с вои и съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: «Поиди къ брату своему и рьчи ему: «Что ми ни вдаси, то язъ прииму». Поиде же Ярополкъ, и рече ему Варяжько: «Не ходи, княже, убьють тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои»; и не послуша его. И приде Ярополкъ къ Володимеру; яко полѣзе въ двери, и подъяста и́ два варяга мечьми подъ пазусѣ. Блудъ же затвори двери и не да по немъ ити своимъ. И тако убьенъ бысть Ярополкъ. Варяшко же, видѣвъ, яко убьенъ бысть Ярополкъ, бѣжа съ двора в Печенѣги, и много воева Володимера с печенѣгы, одва приваби и́, заходивъ к нему ротѣ. Володимеръ же залеже жену братьню грекиню, и бѣ непраздна, от нея же родися Святополкъ. От грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываеть: понеже бѣ была мати его черницею, а второе, Володимеръ залеже ю́ не по браку, прелюбодѣйничь бысть убо. Тѣмь и отець его не любяше, бѣ бо от двою отцю, от Ярополка и от Володимера. ...

...

В лѣто 6492. Иде Володимеръ на радимичи. Бѣ у него воевода Волъчий Хвостъ, и посла и́ Володимеръ передъ собою,

вины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие. Безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь; потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как, опасаясь горожан, просто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги из города». И послушался его Ярополк, сбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был в Родне жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда, как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим». Так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась мысль твоя, приведу к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов». И не послушал его Ярополк. И пришел ко Владимиру: когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с ними затем против Владимира. И едва-едва склонил его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата — гречанкой, а была она уже беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира. ...

...

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего

Волъчья Хвоста; сърѣте радимичи на рѣцѣ Пищанѣ, и побѣди радимичѣ Волъчий Хвостъ. Тѣмь и Русь корятся радимичемъ, глаголюще: «Пищаньци волъчья хвоста бѣгають». Быша же радимичи от рода ляховъ; прешедъше ту ся вселиша, и платять дань Руси, повозъ везуть и до сего дне.

В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ, в лодьях, а торъки берегомъ приведе на конихъ: и побѣди болгары. Рече Добрына Володимеру: «Съглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣх. Сим дани намъ не даяти, поидемъ искатъ лапотниковъ». И створи миръ Володимеръ съ болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша болгаре: «Толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути». И приде Володимеръ Киеву.

В лѣто 6494. Придоша болъгары вѣры бохъмичѣ, глаголюще, яко: «Ты князь еси мудръ и смысленъ, не вѣси закона; но вѣруй в законъ нашь и поклонися Бохъмиту». И рече Володимеръ: «Како есть вѣра ваша?» Они же рѣша: «Вѣруемъ богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, а по смерти же, рече, со женами похоть творити блудную. Дасть Бохмитъ комуждо по семидесят женъ красныхъ, исбереть едину красну, и всѣх красоту възложить на едину, та будеть ему жена. Здѣ же, рече, достоить блудъ творити всякъ. На семь свѣтѣ аще будеть кто убогъ, то и тамъ», и ина многа лесть, ея же нѣ льзѣ псати срама ради. Володимеръ же слушаше ихъ, бѣ бо самъ любя жены и блуженье многое, послушаше сладко. Но се ему бѣ нелюбо, обрѣзанье удовъ и о неяденьи мясъ свиныхъ, а о питьи отнудь, рька: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти». Потом же придоша нѣмьци от Рима, глаголюще: «Придохомъ послании от папежа»; и рѣша ему: «Реклъ ти тако папежь: земля твоя яко и земля наша, а вѣра ваша не яко вѣра наша; вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся богу, иже створилъ небо и землю, звѣзды, мѣсяць и всяко дыханье, а бози ваши древо суть». Володимеръ же рече: «Кака заповѣдь ваша?» Они же рѣша: «Пощенье по силѣ: «Аще кто пьеть или ясть, то все въ славу божью»,—рече учитель нашь Павел». Рече же Володимеръ нѣмцемъ: «Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть». Се слышавше жидове козарьстии придоша, рекуще: «Слышахомъ, яко приходиша болгаре и хрестеяне, учаще тя кождо вѣрѣ своей. Хрестеяне бо вѣрують, его же мы распяхомъ, а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю». И рече Володимеръ: «Что есть законъ вашь?» Они же рѣша:

Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищанце и победил их. Оттого и дразнят русские радимичей: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доныне.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях; и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Эти дани нам не дадут — пойдем поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарами, и клятву дали друг другу, и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель — тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и изберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех. Та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том». И другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд; потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!» Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой». И обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера — свет; кланяемся мы богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги — просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе: «если кто пьет или ест, то все это во славу божию»,— как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир иноземцам: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хозарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака

«Обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити». Онъ же рече: «То гдѣ есть земля ваша?» Они же рѣша: «Въ Ерусалимѣ». Онъ же рече: «То тамо ли есть?» Они же рѣша: «Разъгнѣвася богъ на отци наши, и расточи ны по странамъ грѣхъ ради наших, и предана бысть земля наша хрестеяномъ». Онъ же рече: «То како вы инѣх учите, а сами отвержени от бога и расточени? Аще бы богъ любилъ васъ и законъ вашь, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ тоже мыслите прияти?»

По семь же прислаша грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице: «Слышахомъ, яко приходили суть болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняеть небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на ня же пусти господь каменье горюще, и потопи я́, и погрязоша, яко и сихъ ожидаеть день погибели их, егда придеть богъ судить земли и погубити вся творящая безаконья и скверны дѣющия. Си бо омывають оходы своя, в ротъ вливають, и по брадѣ мажются, поминають Бохмита. Тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще: от совкупленья мужьска и женьска вкушають». Си слышавъ Володимеръ плюну на землю, рекъ: «Нечисто есть дѣло». Рече же философъ: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучить васъ к вѣрѣ своей, ихъ же вѣра маломь с нами разъвращена: служать бо опрѣсноки, рекше оплатки, ихъ же богъ не преда, но повелѣ хлѣбомъ служити, и преда апостоломь приемъ хлѣбъ, рек: «Се есть тѣло мое, ломимое за вы...», тако же и чашю приемъ рече: «Се есть кровь моя новаго завѣта» си же того не творять, суть не исправили вѣры». Рече же Володимеръ: «Придоша ко мнѣ жидове, глаголюще: яко нѣмци и грьци вѣрують, его же мы распяхомъ». Философъ же рече: «Въистину в того вѣруемъ, тѣхъ бо пророци прорѣцаху, яко богу родитися, а друзии — распяту быти и погребену, а в 3-й день въскреснути и на небеса взити. Они же тыи пророки избиваху, другия претираху. Егда же сбысться пророченье сихъ, съниде на землю, и распятье прия, и въскресъ на небеса взиде, на сихъ же ожидаше покаянья за 40 и за 6 лѣт, и не покаяшася, и посла на ня римляны, грады ихъ разбиша и самы расточиша по странамъ, и работають въ странах». Рече же Володимеръ: «То что ради сниде богъ на землю, и страсть такову прия?» Отвѣщав же философъ, рече: «Аще хощеши послушати, да скажю ти из начала, чьсо ради сниде богъ на землю». Володимеръ же рече: «Послушаю рад». И нача философъ глаголати сице...

и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответили: «Обрезываться, не есть свинины и зайчатины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам» Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты богом и рассеяны; если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру. Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых обрушил господь горящий камень, и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день погибели, когда придет бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и еще даже большую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, преломляемое за вас...», так же, и из чаши вкушая, говорил: «Сие есть кровь моя нового завета». Те же, что не свершают этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в того. Их же пророки предсказывали, что родится бог, а другие, что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества эти, когда сошел он на землю, был он распят, воскрес и поднялся на небеса. Ожидал бог покаяния от них сорок шесть лет, но не покаялись, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем бог сошел на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так...

Въ лѣто 6495. Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: «Се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: приими законъ нашь. По семь же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой. По сихъ придоша жидове. Се же послѣ же придоша грьци, хуляще вси законы, свой же хваляще, и много глаголаша, сказающе от начала миру, о бытьи всего мира. Суть же хитро сказающе, и чюдно слышати их, любо комуждо слушати ихъ, и другий свѣтъ повѣдають быти: да аще кто, дѣеть, в нашю вѣру ступить, то паки, умеръ, въстанеть, и не умрети ему в вѣки; аще ли в-ынъ законъ ступить, то на ономъ свѣтѣ в огнѣ горѣти. Да что ума придасте? что отвѣщаете?» И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить. Аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи: пославъ испытай когождо их службу, и кто како служить богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людемъ; избраша мужи добры и смыслены, числом 10, и рѣша имъ: «Идѣте первое в болгары и испытайте вѣру ихъ». Они же идоша, и пришедше видѣша скверньная дѣла и кланянье в ропати; придоша в землю свою. И рече имъ Володимеръ: «Идѣте паки в нѣмци, съглядайте такоже, и оттудѣ идѣте въ греки». Они же придоша в нѣмци, и съглядавше церковную службу их, придоша Царюгороду, и внидоша ко царю. Царь же испыта, коея ради вины придоша. Они же сповѣдаша ему вся бывшая. Се слышавъ царь, радъ бывъ, и честь велику створи имъ въ той же день. Наутрия посла къ патреарху, глаголя сице: «Придоша Русь, пытающе вѣры нашея, да пристрой церковь и крилос, и самъ причинися в святительския ризы, да видять славу бога нашего». Си слышавъ патреархъ, повелѣ созвати крилосъ, по обычаю створиша праздникъ, и кадила вожьгоша, пѣнья и лики съставиша. И иде с ними в церковь, и поставиша я́ на пространьнѣ мѣстѣ, показающе красоту церковную, пѣнья и службы архиерѣйски, престоянье дьяконъ, сказающе имъ служенье бога своего. Они же во изумѣньи бывше, удивившеся, похвалиша службу ихъ. И призваша я́ царя Василий и Костянтинъ, рѣста имъ: «Идѣте в землю вашю», и отпустиша я́ с дары велики и съ честью. Они же придоша в землю свою. И созва князь боляры своя и старца, рече Володимеръ: «Се придоша послании нами мужи, да слышимъ от нихъ бывшее», и рече: «Скажите пред дружиною». Они же рѣша яко: «Ходихом въ болгары, смотрихомъ, како ся покланяють въ храмѣ, рекше в ропати, стояще бес пояса; поклонився сядеть, и глядить сѣмо и онамо, яко бѣшенъ, и нѣсть веселья в них, но печаль и смрадъ великъ. Нѣсть добръ законъ ихъ. И при-

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев городских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о том свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь доподлинно разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, узнай, какая у них служба и кто как служит богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их». Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав рассказ, царь обрадовался и в тот же день воздал им почести великие. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу. Приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил как положено праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили хоры и пение. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили службу. И призвали их цари Василий и Константин и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними»,— обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили к болгарам, смотрели, как они молятся в храме, именуемом мечетью, стоят там распоясанные; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный,

дохомъ в Нѣмци, и видѣхомъ въ храмѣх многи службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоея же. И придохомъ же въ Греки, и ведоша ны, иде же служать богу своему, и не свѣмы, на небѣ ли есмы были, ли на земли: нѣсть бо на земли такаго вида ли красоты такоя, и не доумѣемъ бо сказати; токмо то вѣмы, яко онъдѣ богъ с человѣки пребываеть, и есть служба их паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыти красоты тоя, всякъ бо человѣкъ, аще вкусить сладка, послѣди горести не приимаеть, тако и мы не имамъ сде быти». Отвещавше же боляре рекоша: «Аще бы лихъ законъ гречьский, то не бы баба твоя прияла, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣх человѣкъ». Отвѣщавъ же Володимеръ, рече: «Гдѣ крещенье приимемъ?» Они же рекоша: «Гдѣ ти любо».

И минувшю лѣту, в лѣто 6496, иде Володимеръ съ вои на Корсунь, град гречьский, и затворишася корсуняне въ градѣ. И ста Володимеръ об онъ полъ города в лимени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣпко изъ града. Володимеръ же обьстоя градъ, изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимеръ къ гражаномъ: «Аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта». Они же не послушаша того. Володимеръ же изряди воа своа, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симь же спущимъ, корсуняне, подъкопавше стѣну градьскую, крадуще сыплемую перьсть, и ношаху к собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града. Воини же присыпаху боле, а Володимеръ стояше. И се мужь корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настасъ, напсавъ сице на стрѣлѣ: «Кладязи, яже суть за тобою от въстока, ис того вода идеть по трубѣ, копавъ переими». Володимер же, се слышав, возрѣвъ на небо, рече: «Аще се ся сбудеть, и сам ся крещю». И ту абье повелѣ копати преки трубамъ, и преяша воду. Людье изнемогоша водною жажею и предашася. Вниде Володимеръ въ град и дружина его, и посла Володимеръ ко царема, Василью и Костянтину, глаголя сице: «Се град ваю славный взях; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створих». И слышавша царя, быста печальна, и въздаста вѣсть, сице глаголюща: «Не достоить хрестеяномъ за поганыя даяти. Аще ся крестиши, то и се получишь, и царство небесное приимеши, и с нами единовѣрникъ будеши. Аще ли сего не хощеши створити, не можемъ дати сестры своее за тя». Си слышавъ Володимеръ, рече посланымъ от царю: «Глаголите царема тако: яко азъ

и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И ответил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо».

И когда прошел год, в 6496 (988) году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. Когда насыпали они,—корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, а Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это,— крещусь!» И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своей и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный. Слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав это, опечалились цари. И послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников; если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единоверен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Вла-

крещюся, яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашь, и есть ми люба вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдаша послании нами мужи». И си, слышавша царя, рада быста, и умолиста сестру свою, имянемъ Аньну, и посласта къ Володимеру, глаголюща: «Крестися, и тогда послевѣ сестру свою к тобѣ». Рече же Володимеръ: «Да пришедъше съ сестрою вашею крестять мя». И послушаста царя и посласта сестру свою, сановники нѣкия и прозвутеры. Она же не хотяше ити: «Яко в полонъ,— рече,— иду, луче бы ми сде умрети». И рѣста ей брата: «Еда како обратить богъ тобою Рускую землю в покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати. Видиши ли, колько зла створиша Русь грекомъ? И нынѣ аще не идеши, то же имуть створити намъ». И одва ю̀ принудиша. Она же, сѣдъши в кубару, цѣловавши ужики своя съ плачемъ, поиде чресъ море. И приде къ Корсуню, и изидоша корсуняне с поклономъ, и въведоша ю̀ въ градъ, и посадиша ю̀ въ полатѣ. По божью же устрою в се время разболѣся Володимеръ очима, и не видяше ничто же, и тужаше велми, и не домышляшеться, что створити. И посла к нему царица, рекущи: «Аще хощеши избыти болѣзни сея, то въскорѣ крестися, аще ли, то не имаши избыти недуга сего». Си слышавъ Володимеръ, рече: «Да аще истина будеть, то поистинѣ великъ богъ будеть хрестеянескъ». И повелѣ хрестити ся. Епископъ же корсуньский с попы царицины, огласивъ, крести Володимера. Яко възложи руку на нь, абье прозрѣ. Видивъ же се Володимеръ напрасное ицѣленье, и прослави бога, рекъ: «Топерво уведѣхъ бога истиньнаго». Се же видѣвше дружина его, мнози крестишася. Кресги же ся в церкви святаго Василья, и есть церки та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣ же торгъ дѣють корсуняне; полата же Володимеря съ края церкве стоить и до сего дне, а царицина полата за олтаремъ. По крещеньи же приведе царицю на браченье. Се же свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся есть в Киевѣ, инии же рѣша: в Василеве; друзии же инако скажють. Крещену же Володимеру, предаша ему вѣру крестеяньску, рекуще сице: «Да не прельстять тебе нѣции от еретикъ, но вѣруй, сице глаголя:

«Вѣрую во единого бога отца, вседержителя, творца небу и земли» — до конца вѣру сию». ...

Володимер же по семъ поемъ царицю, и Настаса, и попы корсуньски, с мощми святаго Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковныя и иконы на благословенье себѣ.

димир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и люба́ мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и священников. Она же не хотела идти, говоря: «Иду как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же, что в Корсуни». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего. И скорбел сильно и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел он. Ощутив свое внезапное исцеление, Владимир прославил бога: «Теперь узнал я бога истинного». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят — в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так:

«Верую во единого бога отца, вседержителя, творца неба и земли» — и до конца этот символ веры». ...

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благосло-

Постави же церковь в Корсуни на горѣ, идѣ же съсыпаша средѣ града, крадуще, приспу, яже церкы стоить и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 кони мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею, яко же невѣдуще мнять я́ мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Киеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровращи, овы исѣщи, а другия огневи предати. Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше симь образом человѣкы, да възмездье прииметь от человѣкъ. «Велий еси, господи, чюдна дѣла твоя!» Вчера чтимь от человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрнии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья. И привлекше, вринуша и́ въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «Аще кде пристанеть, вы отрѣвайте его от берега; дондеже порогы проидеть, то тогда охабитеся его». Они же повелѣная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и́ вѣтръ на рѣнь, и оттолѣ прослу Перуня Рѣнь, яко же и до сего дне словеть. По семь же Володимеръ посла по всему граду, глаголя: «Аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будеть». Се слышавше людье, с радостью идяху, радующеся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре прияли». Наутрия же изиде Володимеръ с попы царицины и с корсуньскыми на Дънѣпръ, и снидеся бе-щисла людий. Влѣзоша в воду, и стаяху овы до шие, а друзии до персий, младии же по перси от берега, друзии же младенци держаще, свершении же бродяху, попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголаше: «Увы мнѣ, яко отсюда прогоним есмь! сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ. И се уже побѣженъ есмь от невѣгласа, а не от апостолъ, ни от мученикъ, не имам уже царствовати въ странах сихъ». Крестившим же ся людемъ, идоша кождо в домы своя. Володимеръ же радъ бывъ, яко позна бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо, рече: «Христе боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сия, и дажь имъ, господи, увѣдѣти тобе, истиньнаго бога, яко же увѣдѣша страны хрестьяньскыя. Утверди и вѣру в них праву и несовратьну, и мнѣ помози, господи, на супротивнаго врага, да, надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его».

вение себе. Поставил и церковь в Корсуне на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которые невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе,— чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья Отмель, как и до сих пор зовется. Затем послал Владимир по всему городу со словами: «Если не придет кто завтра на реку — будь то богатый или бедный, или нищий, или раб — да будет мне враг». Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же совершали молитвы, стоя на месте. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих, и дай им, господи, познать тебя,

И се рекъ, повелѣ рубити церкви и поставляти по мѣстомъ, иде же стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холмѣ, иде же стояше кумиръ Перунъ и прочии, иде же творяху потребы князь и людье. И нача ставити по градомъ церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градом и селомъ. Послав, нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное. Матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахся.

Сим же раздаяномъ на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли, глаголющее: «Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и яснъ будеть языкъ гугнивых». Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного, но по божью строю и по милости своей помилова богъ, яко же рече пророкъ: «Помилую, его же аще хощю». Помилова бо ны «Пакы банею бытья и обновленьем духа», по изволенью божью, а не по нашим дѣлом. Благословенъ господь Иисус Христос, иже възлюби новыя люди, Русьскую землю, и просвѣти ю крещеньем святымь. ...

...

Въ лѣто 6500. Иде Володимиръ на Хорваты. Пришедшю бо ему с войны хорватьскыя, и се печенѣзи придоша по оной сторонѣ от Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срете и на Трубежи на бродѣ, кде нынѣ Переяславль. И ста Володимер на сей сторонѣ, а печенѣзи на оной, и не смяху си на ону страну, ни они на сю страну. И приѣха князь печенѣжьскый к рѣкѣ, возва Володимера и рече ему: «Выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета. Да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашь мужь ударить, да воюемъ за три лѣта». И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, и посла биричи по товаромъ, глаголя: «Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ с печенѣжиномь?» И не обрѣтеся никдѣ же. Заутра приѣхаша печенѣзи и свой мужь приведоша, а у наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, ся по всѣмъ воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «Княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а с четырми есмь вышелъ, а онъ дома. От дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усние, разгнѣвався на мя, преторже череви рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть,

истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И, сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов, и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них, ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устроению и по милости своей помиловал их бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым. ...

...

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего — пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшой дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял

и посла по нь, и приведоша ѝ ко князю, и князь повѣда ему вся. Сей же рече: «Княже! Не вѣдѣ, могу ли со нь, и да искусите мя: нѣту ли быка велика и силна?» И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражди быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша. И побѣже быкъ мимо ѝ, похвати быка рукою за бокъ, и выня кожю съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: «Можеши ся с нимъ бороти». И наутрия придоша печенѣзи, почаша звати: «Нѣ ли мужа? Се нашъ доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружие, и приступиша ту обои. Выпустиша печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ. И выступи мужь Володимерь, и узрѣ ѝ печенѣзинъ и посмѣяся,— бѣ бо середний тѣломь. И размѣрившe межи обѣма полкома, пустиша ѧ к собѣ. И ястася, и почаста ся крѣпко держати, и удави печенѣзина в руку до смерти. И удари имь о землю. И кликнуша, и печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по них сѣкуще, и прогнаша ѧ. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь, и нарече ѝ Переяславль, зане перея славу отрокотъ. Володимеръ же великимь мужемь створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ с побѣдою и съ славою великою.

...

В лѣто 6505. Володимеру же шедшю Новугороду по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани, в се же время увѣдѣша печенѣзи, яко князя нѣту, и придоша и сташа около Бѣлагорода. И не дадяху вылѣсти из города, и бысть гладъ великъ в городѣ, и не бѣ лзѣ Володимеру помочи, не бѣ бо вой у него, печенѣгъ же множьство много. И удолжися остоя в городѣ, и бѣ гладъ великъ. И створиша вѣче в городѣ и рѣша: «Се уже хочемъ померети от глада, а от князя помочи нѣту. Да луче ли вы померети? Въдадимся печенѣгомъ, да кого живять, кого ли умертвять; уже помираем от глада». И тако совѣтъ створиша. Бѣ же единъ старець не былъ на вѣчи томь, и въпрашаше: «Что ради вѣче было?» И людье повѣдаша ему, яко утро хотят ся людье передати печенѣгом. Се слышавъ, посла по старѣйшины градьскыя, и рече имъ: «Слышахъ, яко хочете ся передати печенѣгом». Они же рѣша: «Не стерпять людье глада». И рече имъ: «Послушайте мене: не передайтеся за 3 дни, и я вы, что велю, створите». Они же ради обѣщашася послушати. И рече имъ: «Сберѣте аче и по горсти овса, или пшеницѣ, ли отрубъ». Они же шедше ради снискаша. И повелѣ

кожу, так он рассердился и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться,— испытай меня: нет ли быка большого и сильного?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; прижгли его раскаленным железом и пустили. И побежал бык мимо него, и схватил он быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И размерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

...

В год 6505 (997). Когда Владимир пошел к Новгороду за северными воинами против печенегов,— так как была в это время беспрерывная великая война,— узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и начался в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? — сдадимся печенегам — кого пусть в живых оставят, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Один старец, который не был на том вече, спросил: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят они сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться. И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса,

женамъ створити цѣжь, в немь же варять кисель, и повелѣ ископати колодязь, и вставити тамо кадь, и нальяти цѣжа кадь. И повелѣ другый колодязь ископати, и вставити тамо кадь, и повелѣ искати меду. Они же шедше, взяша меду лукно, бѣ бо погребено в княжи медуши. И повелѣ росытити велми и вълияти в кадь в друзѣмь колодязи. Утро же повелѣ послати по печенѣгы. И горожане же рѣша, шедше к печенѣгомъ: «Поимѣте к собѣ таль нашь, а вы поидѣте до 10 мужь в градъ, да видите, что ся дѣеть в градѣ нашем». Печенѣзи же ради бывше, мняще, яко предатися хотять, пояша у них тали, а сами избраша лучьшиѣ мужи в родехъ и послаша в градъ, да розглядають в городѣ, что ся дѣеть. И придоша в городъ, и рекоша имъ людье: «Почто губите себе? Коли можете престояти нас? Аще стоите за 10 лѣтъ, что можете створити нам? Имѣемъ бо кормлю от землѣ. Аще ли не вѣруете, да узрите своима очима». И приведоша я къ кладязю, идѣ же цѣжь, и почерпоша вѣдромь, и льяша в латки. И яко свариша кисель, и поимше придоша с ними к другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомь же печенѣзи. И удивившася, и рекоша: «Не имуть вѣры наши князи, аще не ядять сами». Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты от колодязя, и вдаша печенѣгом. Они же пришедше повѣдаша вся бывшая. И варивше яша князи печенѣзьстии, и подивившася. И поимше тали своя и онѣхъ пустивше, въсташа от града, въсвояси идоша.

...

В лѣто 6579. ... Бывши бо единою скудости в Ростовьстѣй области, встаста два волъхва от Ярославля, глаголюща, яко «Вѣ свѣвѣ, кто обилье держить». И поидоста по Волзѣ, кдѣ приидуча в погостъ, ту же нарекаста лучьшиѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечтѣ прорѣзавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и имѣнье ихъ отъимашета собѣ. И придоста на Бѣлоозеро, и бѣ у нею людий инѣхъ 300. В се же время приключися прити от Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъзѣ и по Шекснѣ, и пришла еста сѣмо. Ян же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдѣвъ, яко своего князя,ославъ к нимъ, иже около ею суть,

пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, из чего кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадку и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадку, и велел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадку в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка, и почерпнули ведром и вылили в лотки. И когда сварили кисель, взяли его, и пришли с ними к другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенеги. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а белгородских отпустив, поднялись и пошли от города восвояси.

...

В год 6579 (1071). ... Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что де мы знаем, кто запасы держит. И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Бело-озеро, и было с ними людей триста. В это же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен по Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они смерды его князя, послал к тем

рече имъ: «Выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моя и моего князя». Они же сего не послушаша. Янь же поиде сам безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «Не ходи безъ оружья, осоромять тя». Он же повелѣ взяти оружья отрокомъ, и бѣста 12 отрока с нимь, и поиде к ним к лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю с топорцем, выступиша от них 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «Вида идеши на смерть, не ходи». Оному повелѣвшю бити я́, к прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топором. Янь же оборотя топоръ удари и́ тыльемь, повелѣ отроком сѣчи я́. Они же бѣжаша в лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же, вшедъ в град к бѣлозерцем, рече имъ: «Аще не имете волхву сею, не иду от васъ и за лѣто». Бѣлозерци же шедше яша я́, и приведоша я́ къ Яневи. И рече има: «Что ради погубиста толико человѣкъ?» Онѣма же рекшема, яко «Ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то предъ тобою вынемѣве жито, ли рыбу, ли и́но что». Янь же рече: «По истинѣ лжа то; створилъ богъ человѣка от землѣ, составленъ костьми и жылами от крове; нѣсть в немъ ничто же и не вѣсть никто же, но токъмо единъ богъ вѣсть». Она же рекоста: «Вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ». Он же рече: «Како?» Она же рекоста: «Бог мывъся въ мовници и вспотивъся, отерся вѣхтемъ, и верже с небесе на землю. И распрѣся сотона с богомь, кому в немь створити человѣка. И створи дьяволъ человѣка, а богъ душу во нь вложи. Тѣм же, аще умреть человѣкъ, в землю идеть тѣло, а душа к богу». Рече има Янь: «Поистинѣ прельстилъ вас есть бѣсъ; коему богу вѣруета?» Она же рекоста: «Антихресту». Он же рече има: «То кдѣ есть?» Она же рекоста: «Сѣдить в бездньѣ». Рече има Янь: «Какый то богъ, сѣдя в бездньѣ? То есть бѣсъ, а богъ есть на небеси, сѣдяй на престолѣ, славим от ангелъ, иже престоять ему со страхом, не могуще на нь зрѣти. Сих бо ангелъ сверженъ бысть, его же вы глаголета антихрест, за величанье его низъверженъ бысть с небесе, и есть в бездньѣ яко же то вы глаголета, жда, егда придеть богъ с небесе. Сего имъ антихреста свяжеть узами и посадить и́, емъ его, с слугами его и иже к нему вѣрують. Вама же и сде муку прияти от мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «Нама бози повѣдають, не можеши нама створити ничто же». Он же рече има: «Лжють вама бози». Она же рекоста: «Нама стати пред Святославомь, а ты не можеши створити ничто же». Янь же повелѣ бити я́ и поторгати брадѣ ею́. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече и́ма Янь: «Что вама бози молвять?» Онѣма же рекшема:

людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне обоих волхвов, потому что оба они смерды мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, хотя говорили ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполчились против него. И вот, когда Янь шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть,— не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них замахнулся на Яня топором, но промахнулся. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали, что «они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это; сотворил бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто ничего не знает, один только бог ведает». Они же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек,— в землю идет тело, а душа к богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу!» Он же сказал им: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из них был свергнут — тот, кого вы называете антихристом. Низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите. Ожидает он, когда сойдет с неба бог. Этого антихриста бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти — там». Те же сказали: «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь сотворить ничего». Янь же повелел бить их

«Стати нам пред Святославом». И повелѣ Янь вложити рубль въ уста има и привязати я́ къ упругу, и пусти пред собою въ лодьѣ, и самъ по них иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «Что вам бози молвять?» Она же рѣста: «Сице нама бози молвять, не быти нама живымъ от тобе». И рече има Янь: «То ти вама право повѣдали». Она же рекоста: «Но аще на́ пустиши, много ти добра будеть; аще ли наю погубиши, многу печаль приимеши и зло». Он же рече има: «Аще ваю пущю, то зло ми будеть от бога; аще ль вас погублю, то мзда ми будеть». И рече Янь повозником: «Ци кому вас кто родинъ убьенъ от сею?» Они же рѣша: «Мнѣ мати, другому сестра, иному роженье». Онъ же рече имъ: «Мьстите своихъ». Они же поимше, убиша я́ и повѣсиша я́ на дубѣ: отмьстье приимша от бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, а другую нощь медвѣдь възлѣзъ, угрызъ ею́ и снѣсть. И тако погыбнуста наущеньемь бѣсовьскым, инѣмъ ведуща, а своеа пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, иде же ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «Не умрети нама», оному мыслящю убити я́? Но се есть бѣсовьское наученье; бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьскыя, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничто же; суть бо немощни и худи взоромь. ...

...

В лѣто 6605. Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашю несуть розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли; кождо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимерь Всеволожю, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю, а им же роздаялъ Всеволодъ городы: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышьль Володареви, Теребовль Василкови». И на том цѣловаша кресть: «Да аще кто отселѣ на кого будеть, то на того будем вси и кресть честный». Рекоша вси: «Да будеть на нь хрестъ честный и вся земля Русьская». И цѣловавшеся поидоша в свояси.

и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?» Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте лодки и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это-то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если нас пустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пущу, то плохо мне будет от бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и повесили на дубе: так отмщение получили они от бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь забрался, изгрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им предстояло быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам», в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайны его не зная. Бог один ведает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом. ...

...

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег и собрались на совет в Любече для установления мира и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю— Перемышль, Василько — Теребовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И приде Святополкъ с Давыдомь Кыеву, и ради быша людье вси: но токмо дьяволъ печаленъ бяше о любви сей. И влѣзе сотона в сердце нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Давыдъ же, емъ вѣру лживым словесомъ, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убилъ брата твоего Ярополка, а нынѣ мыслить на мя и на тя, и сложился есть с Володимером? Да промышляй о своей головѣ». Святополкъ же смятеся умом, река: «Еда се право будеть, или лжа, не вѣдѣ». И рече Святополкъ к Давыдови: «Да еще право глаголеши, богъ ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, богъ будеть за тѣмъ». Святополкъ же сжалиси по братѣ своем, и о собѣ нача помышляти, еда се право будеть? И я вѣру Давыдови, и прелсти Давыдъ Святополка, и начаста думати о Василькѣ; а Василко сего не вѣдяше ни Володимеръ. И нача Давыдъ глаголати: «Аще не имевѣ Василка, то ни тобѣ княженья Кыевѣ, ни мнѣ в Володимери». И послуша его Святополкъ. И приде Василко въ 4 ноямьбря, и перевезеся на Выдобычь, и иде поклонится къ святому Михаилу в манастырь, и ужина ту, а товары своя постави на Рудици; вечеру же бывшю приде в товаръ свой. И наутрия же бывшю, присла Святополкъ, река: «Не ходи от именинъ моихъ». Василко же отпрѣся, река: «Не могу ждати; еда будеть рать дома». И присла к нему Давыдъ: «Не ходи, брате, не ослушайся брата старѣйшаго». И не всхотѣ Василко послушати. И рече Давыдъ Святополку: «Видиши ли, не помнить тебе, ходя в твоею руку. Аще ти отъидеть в свою волость, самъ узриши, аще ти не займеть град твоихъ Турова, и Пиньска, и прочих град твоих. Да помянешь мене. Но призвавъ нынѣ и́, емъ и дажь мнѣ». И послуша его Святополкъ, и посла по Василка, глаголя: «Да аще не хощешь остати до именинъ моихъ, да приди нынѣ, цѣлуеши мя, и посѣдим вси с Давыдомъ». Василко же обѣщася прити, не вѣдый лсти, юже имяше на нь Давыдъ. Василко же всѣдъ на конь поѣха, и устрѣте и́ дѣтьскый его, и повѣда ему, глаголя: «Не ходи, княже, хотять тя яти». И не послуша его, помышляя: «Како мя хотять яти? Оногды целовали кресть, рекуще: аще кто на кого будеть, то на того будеть крестъ и мы вси». И помысливъ си прекрестися, рекъ: «Воля господня да будеть». И приѣха въ малѣ дружинѣ на княжь дворъ, и вылѣзе противу его Святополкъ, и идоша в-ыстобку, и приде Давыдъ, и сѣдоша. И нача глаголати Святополкъ: «Останися на святокъ». И рече Василко: «Не могу остати, брате; уже есмъ повелѣлъ товаромъ поити

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады все люди, но только дьявол огорчен был их согласием. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они умышлять на Василька. А Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся к обозу своему. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли — не помнит о тебе даже здесь, под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет города твои — Туров, и Пинск, и все прочие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил отрок его и предупредил: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор. И вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед».

переди». Давыдъ же сѣдяше акы нѣмъ. И рече Святополкъ: «Да заутрокай, брате!» И обѣщася Василко заутрокати. И рече Святополкъ: «Посѣдита вы сдѣ, а язъ лѣзу, наряжю». И лѣзе вонъ, а Давыдъ с Василком сѣдоста. И нача Василко глаголати к Давыдови, и не бѣ в Давыдѣ гласа, ни послушанья: бѣ бо ужаслъся, и лесть имѣя въ сердци. И посѣдѣвъ Давыдъ мало, рече: «Кде есть брат?» Они же рѣша ему: «Стоить на сѣнех». И вставъ Давыдъ, рече: «Азъ иду по нь; а ты, брате, посѣди». И, вставъ, иде вонъ. И яко выступи Давыдъ, и запроша Василка, въ 5-й ноямьбря; и оковаша и́ в двои оковы, и приставиша к нему сторожѣ на ночь. Наутрия же Святополкъ созва боляръ и кыянъ, и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ, яко «Брата ти убилъ, а на тя свѣчался с Володимеромъ, и хощеть тя убити и грады твоя заяти». И рѣша боляре и людье: «Тобѣ, княже, достоить блюсти головы своее. Да аще есть право молвилъ Давыдъ, да прииметь Василко казнь; аще ли неправо глагола Давыдъ, да прииметь месть от бога и отвѣчаеть пред богомь». И увѣдѣша игумени, и начаша молитися о Василкѣ Святополку; и рече имъ Святополкъ: «Ото Давыдъ». Увѣдѣв же се Давыдъ, нача поущати на ослѣпленье: «Аще ли сего не створишь, а пустишь и́, то ни тобѣ княжити, ни мнѣ». Святополкъ же хотяше пустити и́, но Давыдъ не хотяше, блюдася его. И на ту ночь ведоша и́ Бѣлугороду, иже град малъ у Киева яко 10 верстъ в дале, и привезоша и́ на колѣх, окована суща, ссадиша и́ с колъ, и ведоша и́ в-ыстобку малу. И сѣдящю ему, узрѣ Василко торчина остряща ножь, и разумѣ, яко хотят и́ слѣпити, възпи к богу плачем великим и стенаньем. И се влѣзоша послании Святополком и Давыдомь, Сновидъ Изечевичь, конюх Святополчь, и Дьмитръ, конюх Давыдовъ, и почаста простирати коверъ, и простерша яста Василка, и хотяща и́ повредити; и боряшется с нима крѣпко, и не можаста его повредити. И се влѣзше друзии повергоша и́, и связаша и́, и снемше доску с печи, и възложиша на перси его. И сѣдоста обаполы Сновидъ Изечевичь и Дмитръ, и не можаста удержати. И приступиста ина два, и сняста другую доску с печи, и сѣдоста, и удавиша и́ рамяно, яко персем троскотати. И приступи торчинъ, именем Беренди, овчюхъ Святополчь, держа ножь и хотя ударити в око, и грѣшися ока и перерѣза ему лице, и есть рана та на Василкѣ и нынѣ. И посем удари и́ в око, и изя зѣницю, и посем в другое око, и изя другую зѣницю. И томъ часѣ бысть яко и мертвъ. И вземше и́ на коврѣ взложиша на кола яко мертва, повезоша и́ Володимерю. И бысть везому ему, сташа с ним, перешедше мостъ Звиженьскый, на торговищи, и сво-

Давыд же сидел, как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман держал в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька,— 5 ноября,— и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою. Если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород — небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями. И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко и не смогли его повалить. Тут вошли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по обе стороны Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, подняв нож, и намеривался ударить в глаз, но промахнулся и порезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом — в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли

локоша с него сорочку, кроваву сущю, и вдаша попадьи опрати. Попадья же оправши взложи на нь, онѣм обѣдующим, и плакатися нача попадья, яко мертву сущю оному. И очюти плачь, и рече: «Кдѣ се есмъ?» Они же рекоша ему: «Въ Звиждени городѣ». И впроси воды, они же даша ему, и испи воды, и вступи во нь душа, и упомянуся, и пощюпа сорочкы и рече: «Чему есте сняли с мене? Да бых в той сорочкѣ кровавѣ смерть приялъ и сталъ пред богомь». Онѣм же обѣдавшим, поидоша с ним вскорѣ на колѣхъ, а по грудну пути, бѣ бо тогда мѣсяць груденъ, рекше ноябрь. И придоша с ним Володимерю въ 6 день. Приде же и Давыдъ с ним, акы нѣкакъ уловъ уловивъ. И посадиша и́ въ дворѣ Вакѣевѣ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко.

Володимеръ же слышавъ, яко ятъ бысть Василко и слѣпленъ, ужасеся, и всплакавъ и рече: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ наших, сякого зла». И ту абье посла к Давыду и к Олгови Святославичема, глаголя: «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьскѣй земьли и в насъ, в братьи, оже вверженъ в ны ножь. Да еще сего не правимъ, то болшее зло встанеть в нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмуть земьлю Русьскую». Се слышавъ Давыдъ и Олегъ, печална быста велми и плакастася, рекуще, яко «Сего не было в родѣ нашемь». И ту абье собравша воѣ, придоста к Володимеру. Володимеру же с вои стоящю в бору, Володимеръ же и Давыдъ и Олегъ послаша мужѣ свои, глаголюще к Святополку: «Что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли, и вверглъ еси ножь в ны? Чему еси слѣпилъ брат свой? Аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и́ пред нами, и уврѣвъ бы и́, створилъ ему. А нонѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». И рече Святополкъ, яко «Повѣда ми Давыдъ Игоревичь: яко Василко брата ти убилъ, Ярополка, и тебе хочетъ убити и заяти волость твою, Туровъ, и Пинескъ, и Берестие, и Погорину, а заходилъ ротѣ с Володимером, яко сѣсти Володимеру Кыевѣ, а Василкови Володимери. А неволя ми своее головы блюсти. И не язъ его слѣпилъ, но Давыдъ, и велiъ и́ к собѣ». И рѣша мужи Володимери, и Давыдови, и Олгови: «Извѣта о семь не имѣй, яко Давыдъ есть слѣпилъ и́. Не в Давыдовѣ городѣ ятъ, не слѣпленъ, но в твоемь градѣ ять и слѣпленъ». И се имъ глаголющимъ разидошася разно. Наутрия же хотящим чресъ Днѣпръ

его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него рубашку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья, как мертвого. И услышал он плач и спросил: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему. И испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал рубашку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той рубашке кровавой смерть принял и предстал перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» — грудень, то есть ноябрь. И пришли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще такого на Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо брошен в нас нож. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши, половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами и, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так; а теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Говорил мне Давыд Игоревич: «Как Василько брата твоего убил, Ярополка, так и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, чтобы сесть Владимиру в Киеве, а Василько во Владимире. А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро

на Святополка, Святополкъ же хотѣ побѣгнути ис Киева, и не даша ему кыяне побѣгнути, но послаша Всеволожюю и митрополита Николу к Володимеру, глаголюще: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, побарающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Всеволожая же и митрополитъ придоста к Володимеру и молистася ему, и повѣдаста молбу кыянъ, яко творити миръ, и блюсти землѣ Русьскиѣ; и брань имѣти с погаными. Се слышавъ Володимеръ, расплакався и рече: «Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити». ...

собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру и молили его и поведали мольбу киевлян — заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюдали землю Русскую, а мы хотим погубить». ...

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНААГО ОТЬЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРЬСКАГО

Градъ есть отстоя отъ Кыева, града стольнааго, 50 попьрищь, именемъ Васильевъ. Въ томь бѣста родителя святаго въ вѣрѣ крьстияньстѣи живуща и всячьскыимь благочьстиемь украшена. Родиста же блаженаго дѣтища сего, таче въ осмыи дьнь принесоста ѝ къ святителю божию, яко же обычаи есть крьстияномъ, да имя дѣтищю нарекуть. Прозвутеръ же, видѣвъ дѣтища и сьрьдьчьныма очима прозьря, еже о немь, яко хощеть измлада богу датися, Феодосиемь того нарицаеть. Таче же, яко и минуша 40 дьнии дѣтищю, крьщениемь того освятиша. Отроча же ростяше, кърмимъ родителема своима, и благодать божия съ нимь, и духъ святыи измлада въселися въ нь.

Къто исповѣсть милосьрьдие божие! Се бо не избьра отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ градъ пастуха и учителя инокыимъ, нъ — да о семь прославиться имя господне — яко грубъ сы и невѣжа премудрѣи философъ явися. ...

Мы же пакы поидемъ на прьвое исповѣдание святааго сего отрока. Растыи убо тѣлъмь и душею влекомъ на любъвь божию, и хожаше по вся дьни въ цьркъвь божию, послушая божьствьныхъ книгъ съ всѣмь вьниманиемь. Еще же и къ дѣтьмъ играющимъ не приближашеся, яко же обычаи есть унымъ, нъ и гнушашеся играмъ ихъ. Одежа же его бѣ худа и сплатана. О семь же многашьды родителема его нудящема ѝ облещися въ одежю чисту и на игры съ дѣтьми изити. Онъ же о семь не послушааше ею, нъ паче изволи быти яко единъ от убогыхъ. Къ симъ же и датися веля на учение божьствьныхъ

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО ФЕОДОСИЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКОГО

В пятидесяти поприщах от стольного города Киева есть город Васильев. В том и жили родители святого, исповедуя веру христианскую и сияя всяческим благочестием. Родилось блаженное чадо их, и потом, на восьмой день, принесли его к священнику, как это подобает христианам, чтобы дать ребенку имя. Священник же, взглянув на отрока, провидел мысленным взором, что смолоду он посвятит себя богу, и назвал его Феодосием. Потом же, как минуло их чаду 40 дней, окрестили его. Рос отрок, вскормлен родителями своими, и был отмечен он божественной благодатью, и дух святой от рождения вселился в него.

Кто постигнет милосердие божие! Вот ведь не избрал пастуха и учителя инокам среди мудрых философов или властителей города, но — да прославится этим имя господне — неискушенный в премудрости стал мудрее философов! ...

Мы же онять вернемся к рассказу о святом этом отроке. Рос он телом, а душой тянулся к любви божественной, и ходил каждый день в церковь божью, со всем вниманием слушая чтение божественных книг. При этом не подходил он к играющим детям, как это в обычае малолетних, но избегал детских игр. Одежда его была ветха и в заплатах. И не раз уговаривали его родители одеться почище и пойти поиграть с детьми. Но он не слушал этих уговоров и по-прежнему ходил словно нищий. К тому же попросил он, чтобы отдали его учителю, дабы божественным книгам учился, и достиг этого. И так скоро овла-

книгъ единому от учитель; яко же и створи. И въскорѣ извыче вся граматикия, и яко же всѣмъ чюдитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скорѣмь его учении. Покорение же его и повиновение къто исповѣсть, еже сътяжа въ учении своемь не тъкмо же къ учителю своему, нъ и къ всѣмъ учащимъся съ нимъ?

Въ то же время отьць его житию коньць приятъ. Сущю же тъгда божьствьному Феодосию 13 лѣтъ. Оттолѣ же начатъ на труды паче подвижьнѣи бывати, яко же исходити ему съ рабы на село и дѣлати съ всякыимь съмѣрениемь. Мати же его оставляше и́, не велящи ему тако творити, моляше и пакы облачитися въ одежю свѣтълу и тако исходити ему съ съвьрьстьныкы своими на игры. Глаголаше бо ему, яко, тако ходя, укоризну себе и роду своему твориши. Оному о томь не послушающю ея, и яко же многашьды еи отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити и́, бѣ бо и тѣлъмь крѣпъка и сильна, яко же и мужь. Аще бо и кто не видѣвъ ея, ти слышааше ю́ бесѣдующю, то начьняше мьнѣти мужа ю́ суща.

Къ симъ же пакы божьствьныи уноша мысляаше, како и кымь образъмь спасеться. Таче слыша пакы о святыхъ мѣстѣхъ, иде же господь нашь Иисусъ Христосъ плътию походи, и жадаше тамо походити и поклонитися имъ. И моляшеся богу, глаголя: «Господи мои, Иисусъ Христе! Услыши молитву мою и съподоби мя съходити въ святая твоя мѣста и съ радостию поклонитися имъ». И тако многашьды молящюся ему, и се приидоша страньници въ градъ тъ, иже и видѣвъ я́ божьствьныи уноша, и радъ бывъ, текъ, поклонися имъ, и любьзно цѣлова я́, и въпроси я́, отъкуду суть и камо идуть. Онѣмъ же рекъшемъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмъ и, аще богу велящю, хощемъ въспять уже ити. Святыи же моляше я́, да и́ поимуть въ слѣдъ себе и съпутьника и́ сътворять съ собою. Они же обѣщашася пояти и́ съ собою и допровадити и́ до святыхъ мѣстъ. Таче се слышавъ, блаженыи Феодосии, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде въ домъ свои. И егда хотяху страньнии отъити, възвѣстиша уноши свои отходъ. Онъ же, въставъ нощию и не вѣдущю никому же, таи изиде из дому своего, не имыи у себе ничсо же, развѣ одежа, въ неи же хожаше, и та же худа. И тако изыде въ слѣдъ страньныхъ. Благыи же богъ не попусти ему отъити отъ страны сея, его же и-щрева матерьня и пастуха быти въ странѣ сеи словесныхъ овьць назнамена, да не пастуху убо отъшьдъшю, опустѣеть пажить, юже богъ благослови, и търние и вълчьць въздрастеть на неи, и стадо разидеться.

дел он грамотой, что поражались все, как смышлен он и разумен и как быстро всему научился. А кто расскажет о покорности и послушании, какими отличался он в учении, не только перед учителем своим, но и перед учащимися с ним?

В это время истекли дни жизни отца его. Было же тогда божественному Феодосию 13 лет. И с тех пор стал он еще усердней к труду, так что вместе с рабами выходил в поле и работал там с великим смирением. Мать же удерживала его и, не разрешая так поступать, снова упрашивала его одеться почище и пойти поиграть со сверстниками. И говорила ему, что своим видом он себя срамит и семью свою. Но не слушал он ее, и не раз, придя в ярость и гнев, избивала сына, ибо была она телом крепка и сильна, как мужчина. Бывало, что кто-либо, не видя ее, услышит, как она говорит, и думает, что это мужчина.

А тем временем божественный юноша все думал, как и каким образом спасет он душу свою. Услышал он как-то о святых местах, где во плоти ходил господь наш Иисус Христос, и возжаждал посетить те места и поклониться им. И молился богу, взывая: «Господь мой, Иисусе Христе! Услышь молитву мою и удостой меня посетить святые места твои и поклониться им с радостью!» И постоянно молился он так, и вот пришли в его город странники, и, увидев их, обрадовался божественный юноша, подошел к ним, поклонился, приветствовал их сердечно и спросил, откуда они и куда идут. Странники отвечали, что идут из святых мест и снова, по божественному велению, хотят туда возвратиться. Святой же стал упрашивать их, чтобы разрешили пойти вместе с ними, взяли бы его себе в попутчики. Они пообещали взять его с собой и довести до святых мест. Услышав обещание их, обрадовался блаженный Феодосий и вернулся домой. Когда же собрались паломники в путь, то сказали юноше о своем уходе. Он же, встав ночью, и втайне от всех, вышел из своего дома, не взяв с собой ничего, кроме одежды, что была на нем, да и та ветха. И так пошел вслед за странниками. Но милостивый бог не допустил, чтобы покинул он свою страну, ибо еще в материнском чреве указал ему быть в этой стране пастырем разумных овец, ибо если уйдет пастырь, то опустеет пажить, благословенная богом, и зарастет тернием и бурьяном, и разбредется стадо.

По трьхъ убо дьньхъ увѣдѣвъши мати его, яко съ страньныими отъиде, и абие ногъна въ слѣдъ его, тъкъмо единого сына своего поимъши, иже бѣ мьнии блаженааго Феодосия. Таче же, яко гънаста путь мъногъ, ти тако пристигъша, яста и́, и отъ ярости же и гнѣва мати его имъши и́ за власы, и поврьже и́ на земли, и своима ногама пъхашети и́, и, страньныя же много коривъши, възвратися въ домъ свои, яко нѣкоего зълодѣя ведущи съвязана. Тольми же гнѣвъмь одрьжима, яко и въ домъ еи пришьдъши, бити и́, дондеже изнеможе. И по сихъ же, въведъши и́ въ храмъ, и ту привяза и́, затворьши, и тако отъиде. Божьствьныи же уноша вься си съ радостию приимаше и, бога моля, благодаряше о вьсѣхъ сихъ. Таче пришедъши мати его по двою дьнию отрѣши и́ и подасть же ему ясти, еще же гнѣвъмь одьржима сущи, възложи на нозѣ его желѣза, ти тако повелѣ ему ходити, блюдущи, да не пакы отъбѣжить отъ нея. Тако же сътвори, дьни мъногы ходя. По томь же пакы, умилосьрьдивъшися на нь, нача съ мольбою увѣщавати и́, да не отъбѣжить отъ нея, любляше бо и зѣло паче инѣхъ и того ради не тьрпяше безъ него. Оному же обѣщавъшюся еи не отъити отъ нея, съня желѣза съ ногу его, повелѣвъши же ему по воли творити, еже хощеть. Блаженыи же Феодосии на прьвыи подвигъ възвратися и хожаше въ цьркъвь божию по вся дьни. Ти видяше, яко многашьды лишаемѣ сущи литургии, проскурьнааго ради непечения, жаляшеси о томь зѣло и умысли же самъ своимь съмѣрениемь отълучитися на то дѣло. Еже и сътвори: начатъ бо пещи проскуры и продаяти, и еже аще прибудяше ему къ цѣнѣ, то дадяше нищимъ. Цѣною же пакы купяше жито и, своима рукама измълъ, пакы проскуры творяше. Се же тако богу изволивъшю, да проскуры чисты приносяться въ цьркъвь божию отъ непорочьнаго и несквьрньнааго отрока. Сице же пребысть двѣнадесяте лѣтѣ или боле творя. Вьси же съврьстьнии отроци его, ругающеся ему, укаряхути и́ о таковѣмь дѣлѣ, и то же врагу научающю я́. Блаженыи же вься си съ радостию приимаше, съ мълчаниемь и съ съмѣрениемь.

Ненавидя же испьрва добра золодѣи врагъ, видя себе побѣжаема съмѣрениемь богословесьнааго отрока, и не почиваше, хотя отъвратити и́ отъ таковаго дѣла. И се начатъ матерь его поущати, да ему възбранить отъ таковааго дѣла. Мати убо, не тьрпящи сына своего въ такои укоризнѣ суща, и начатъ глаголати съ любъвию к нему: «Молю ти ся, чядо, останися таковааго дѣла, хулу бо наносиши на родъ свои, и не трьплю бо слышати отъ вьсѣхъ укаряему ти сущю о таковѣмь дѣлѣ. И нѣсть бо ти лѣпо, отроку сущю, таковааго дѣла дѣ-

Спустя три дня узнала мать Феодосия, что он ушел с паломниками, и тотчас же отправилась за ним в погоню, взяв с собой лишь своего сына, который был моложе блаженного Феодосия. Когда же после долгого преследования наконец настигла его, то схватила и в ярости и в гневе вцепилась ему в волосы, и швырнула его на землю, и пинала его ногами, и, осыпав упреками странников, вернулась домой, ведя Феодосия, связанного, точно разбойника. И была она в таком гневе, что, и придя домой, била его, пока не изнемогла. А после ввела его в дом и там, привязав его, заперла, а сама ушла. Но божественный юноша все это с радостью принимал и, молясь богу, благодарил за все перенесенное. Через два дня мать, придя к нему, отвязала и покормила, но, еще не остыв от гнева, сковала ноги ему и велела ходить в оковах, опасаясь, как бы он снова не убежал от нее. Так и ходил он в оковах много дней. А потом, сжалившись над ним, снова начала умолять его и уговаривать, чтобы не покидал ее, ибо очень его любила, больше всех на свете, и не смогла бы прожить без него. Когда же Феодосий пообещал матери, что не покинет ее, то сняла с его ног оковы и разрешила ему делать, что захочет. Тогда блаженный Феодосий вернулся к прежнему своему подвижничеству и каждый день стал посещать божью церковь. И, видя, что часто не бывает литургии, ибо некому печь просфоры, очень опечалился этому и задумал, по своему смирению, сам взяться за это. Так и сделал: начал он печь просфоры и продавать, и что сверх цены получал, то раздавал нищим. На остальные же деньги покупал зерно, сам же молол и снова пек просфоры. Это уж бог так пожелал, чтобы просфоры, приносимые в церковь, чисты были — дело рук безгрешного и непорочного отрока. Так и провел он лет двенадцать или более. Все отроки, сверстники его, издевались, осуждая его занятия, враг их научал этому. Но блаженный все упреки принимал с радостью, молчанием и смирением.

Искони ненавидящий добро, злой враг, видя, что побеждаем он смирением боговдохновенного отрока, не дремал, помышляя отвратить его от такого занятия. И вот начал он внушать матери Феодосия, чтобы воспротивилась она его подвижничеству. Мать и сама не могла смириться с тем, что все укоряют ее сына, и начала говорить ему с нежностью: «Молю тебя, чадо мое, брось ты свое дело, срамишь ты семью свою, и не могу больше слышать, как все смеются над тобой. Разве пристало отроку этим заниматься!» Тогда божественный юноша отвечал

лати». Таче съ съмѣрениемь божьствьныи уноша отъвѣщаваше матери своеи, глаголя: «Послушаи, о мати, молю ти ся, послушаи! Господь бо Иисусъ Христосъ самъ поубожися и съмѣрися, намъ образъ дая. Да и мы его ради съмѣримъся. Пакы же поруганъ бысть, и опльванъ, и заушаемъ, и вься претьрпѣвъ нашего ради спасения. Кольми паче лѣпо есть намъ трьпѣти, да Христа приобрящемъ. А еже о дѣлѣ моемь, мати моя, то послушаи: егда господь нашь Иисусъ Христосъ на вечери възлеже съ ученикы своими, тъгда приимъ хлѣбъ и благословивъ и́, преломль, даяше ученикомъ своимъ, глаголя: «Приимѣте и ядите, се есть тѣло мое, ломимое за вы и за мъногы въ оставление грѣховъ». Да аще самъ господь нашь плъть свою нарече, то кольми паче лѣпо есть мнѣ радоватися, яко съдѣльника мя съподоби господь плъти своеи быти». Си слышавъши мати его и чюдивъшися о премудрости отрока и отътолѣ нача оставатися его. Нъ врагъ не почиваше, остря ю́ на възбранение отрока о таковѣмь его съмѣрении. По лѣтѣ же единомь пакы видѣвъши его пекуща проскуры и учьрнивъшася от ожьжения пещьнаго, съжалиси зѣло, пакы начатъ оттолѣ бранити ему овогда ласкою, овогда же грозою, другоици же биющи и́, да ся останеть таковаго дѣла. Божьствьныи же уноша въ скърби велицѣ бысть о томь, и недъумѣя, чьто створити. Тъгда же, въставъ нощию отаи и исшедъ из дому своего, и иде въ инъ градъ, не далече сущь отъ того, и обита у прозвутера, и дѣлааше по обычаю дѣло свое. По томь же мати его, яко его искавъши въ градѣ своемь и не обрете его, съжалиси по немь. Таче по дьньхъ мнозѣхъ слышавъши, къде живеть, и абие устрьмися по нь съ гнѣвъмь великъмь, и, пришедъши въ прежерeченыи градъ и искавъши, обрете и́ въ дому презвутерове и имъши влечаше и́ въ градъ свои биющи. И въ домъ свои приведъши и запрети ему, глаголющи, яко: «Къ тому не имаши отъити мене; елико бо аще камо идеши, азъ, шедъши и обрѣтъши тя, съвязана, биющи, приведу въ сии градъ». Тъгда же блаженыи Феодосии моляшеся богу, по вся дьни ходя въ цьркъвь божию, бѣ же съмѣренъ сьрьдьцьмь и покоривъ къ вьсѣмъ.

Яко же и властелинъ града того, видевъ отрока въ такомь съмерении и покорении суща, възлюби и́ зѣло и повелѣ же ему, да пребываеть у него въ цьркъви, въдасть же ему и одежю свѣтьлу, да ходить въ неи. Блаженыи же Феодосии пребысть въ неи ходя мало дьнии, яко нѣкую тяжесть на собѣ нося, тако пребываше. Таче съньмъ ю́, отдасть ю́ нищимъ, самъ же въ худыя пърты обълкъся, ти тако хожаше. Властелинъ же, видѣвы и́ тако ходяща, и пакы ину въдасть одежю, вящьшю пьрвыя,

матери смиренно: «Послушай, мати, молю тебя, послушай! Ведь сам господь Иисус Христос подал нам пример уничижения и смирения. Да и мы, во имя его, должны смириться. Он-то ведь и поругания перенес, и оплеван был, и избиваем, и все вытерпел ради нашего спасения. А нам и тем более следует терпеть, ибо этим к Христу приблизимся. А что до дела моего, мать моя, то послушай: когда господь наш Иисус Христос возлег на вечёре с учениками своими, то, взяв в руки хлеб и благословив его, разломил и дал им со словами: «Возьмите и ешьте, это — тело мое, преломленное за вас и за многих других, чтобы очистились они от грехов». Так если сам господь наш хлеб назвал плотью своей, то тем более радостно мне, что сподобил он меня приобщиться к плоти своей». Услышав это, удивилась мать премудрости отрока и с тех пор оставила его в покое. Но и враг не дремал, побуждая ее воспрепятствовать смирению отрока. И как-то, спустя год, снова увидев его пекущим просфоры и почерневшим от печного жара, опечалилась она и с той поры снова стала убеждать его, то лаской, то с угрозами, а иногда и с побоями, чтобы бросил он свое занятие. Пришел в отчаяние божественный юноша и недоумевал, что же ему делать. И вот тогда ночью тайно покинул свой дом и ушел в другой город, находившийся неподалеку, и, поселившись у священника, принялся за свое обычное дело. Мать же, поискав и не найдя его в своем городе, оплакала отрока. Когда же, много дней спустя, узнала, где он живет, то тотчас же, в гневе, отправилась за ним, и, придя в упомянутый город, нашла его в доме священника, и, схватив, с побоями повела в свой город. Приведя домой, заперла его, сказав: «Теперь уж не сможешь убежать от меня; а если куда уйдешь, то я, догнав и разыскав тебя, свяжу и с побоями приведу обратно». Тогда блаженный Феодосий снова стал молиться богу и ежедневно ходить в церковь, ибо был он смирен сердцем и покорен нравом.

Когда же властелин того города, увидев столь смиренного и послушного отрока, полюбил его, то повелел, чтобы тот постоянно пребывал у него в церкви, и дал ему светлую одежду, чтобы ходил в ней. Но блаженный Феодосий недолго ее носил, ибо чувствовал себя так, будто носит какую-то тяжесть. Потом он снял ее и отдал нищим, а сам оделся в лохмотья, так их и носил. Властелин же, увидев его в рубище, дал ему новую одежду, еще лучше прежней, упрашивая отрока ходить

моля и́, да ходить въ неи. Онъ же съньмъ и ту отъда. Сице же многашьды сътвори, яко же судии то увѣдѣвъшю, большимь начатъ любити и́, чюдяся съмѣрению его. По сих же божьствьныи Феодосии шедъ къ единому от кузньць, повелѣ ему желѣзо съчепито съковати, иже и възьмъ и препоясася имь въ чресла своя, и тако хожаше. Желѣзу же узъку сущю и грызущюся въ тѣло его, онъ же пребываше, яко ничсо же скьрбьна от него приемля тѣлу своему.

Таче, яко ишьдъшемъ дьньмъ мъногомъ и бывъшю дьни праздьничьну, мати его начать велѣти ему облещися въ одежю свѣтълу на служение вьсѣмъ бо града того вельможамъ, въ тъ дьнь възлежащемъ на обѣдѣ у властелина. И повелѣно бѣ убо блаженууму Феодосию предъстояти и служити. И сего ради поущашети и́ мати его, да облечеться въ одежю чисту; наипаче же яко же и слышала бѣ, еже есть сътворилъ. Яко же ему облачащюся въ одежю чисту, простъ же сы умъмь, неже блюдыися ея. Она же прилѣжьно зьряше, хотящи истѣе видѣти, и се бо видѣ на срачици его кръвь сущю отъ въгрызения желѣза. И раждьгъшися гнѣвъмь на нь и съ яростию въставъши и растьрзавъши сорочицю на немь, биющи же и отъя желѣзо от чреслъ его. Божии же отрокъ, яко ничьсо же зъла приятъ от нея, обълкъся и шедъ служаше предъ възлежащими съ вьсякою тихостию.

Таче по времени пакы нѣкоторѣмь слыша въ святѣмь Еуангелии господа глаголюща: «Аще кто не оставить отьца или матере и въ слѣдъ мене не идеть, то нѣсть мене достоинъ». И пакы: «Придѣте къ мънѣ вьси тружающеися и обременении, и азъ покою вы. Възьмѣте ярьмъ мои на ся и научитеся от мене, яко кротъкъ есмь и съмѣренъ сьрдьцьмь, и обрящете покои душамъ вашимъ». Си же слышавъ богодъхновеныи Феодосии и раждьгься божьствьною любъвию, и дыша рвениемъ божиемь, помышляаше, како или кде пострѣщися и утаитися матере своея. По сълучаю же божию отъиде мати его на село, и яко же пребыти еи тамо дьни мъногы. Блаженыи же, радъ бывъ, помоливъся богу и изиде отаи из дому, не имыи у себе ничьсо же, развѣ одежа и мало хлѣба немощи дѣля телесьныя. И тако устрьмися къ Кыеву городу, бѣ бо слышалъ о манастырихъ, ту сущиихъ. Не вѣдыи же пути, моляшеся богу, да бы обрѣлъ съпутьникы, направляюща и́ на путь желания. И се по приключаю божию бѣша идуще путьмь тѣмь купьци на возѣхъ съ бремены тяжькы. Увѣдѣвъ же я́ блаженыи, яко въ тъ же градъ идуть, прослави бога и идяшеть въ слѣдъ ихъ издалеча, не являяся имъ. И онѣмъ же ставъшемъ на нощьнѣмь стано-

в ней. Но он и эту снял с себя и отдал. Так поступал он несколько раз, и когда властелин узнал об этом, то еще больше полюбил его, поражаясь его смирению. В то же время божественный Феодосий пошел к кузнецу и попросил его сковать железную цепь, и стал ходить, опоясавшись этой цепью. И так сильно стянул себе поясницу, что железо врезалось в тело его, но он ходил так, будто бы ничто ему не мешало.

Потом, когда прошло немало дней и настал праздник, мать велела отроку переодеться в светлые одежды и пойти прислуживать городским вельможам, созванным на пир к властелину. Велено было и блаженному Феодосию прислуживать им. Поэтому мать и заставила его переодеться в чистую одежду, а еще и потому, что слышала о его поступке. Когда же он стал переодеваться в чистую одежду, то, по простодушию своему, не уберегся от ее взгляда. А она не спускала с него глаз и увидела на его сорочке кровь от ран, натертых железом. И в ярости набросилась на него, разорвала сорочку и с побоями сорвала с его поясницы вериги. Но божественный отрок, будто ничего не претерпел от нее, оделся и, придя, с обычным смирением прислуживал возлежащим на пиру.

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не пойдет вслед за мной, то он меня недостоин». И еще: «Придите ко мне, все страдающие и обремененные, и я успокою вас. Возложите бремя мое на себя и научитесь от меня кротости и смирению, и обретете покой душам вашим». Услышал это боговдохновенный Феодосий и исполнился любовью к богу и божественного рвения, помышляя, как бы и где постричься и скрыться от матери своей. Как-то по воле божьей случилось так, что мать его уехала в село и задержалась там на несколько дней. Обрадовался блаженный и, помолившись богу, тайно ушел из дому, не взяв с собой ничего, кроме одежды да хлеба немного, для поддержания сил. И направился он к городу Киеву, так как слышал о бывших там монастырях. Но, не зная дороги, молился он богу, чтобы встретились попутчики и показали бы ему желанный путь. И по промышлению божию ехали той же дорогой купцы на тяжело груженных подводах. Блаженный, узнав, что и они идут в тот же город, прославил бога и пошел за ними следом, держась поодаль и не показываясь им на глаза. И когда останавливались они на

вищи, блаженыи же не доида, яко и зьрѣимо ихъ, ту же опочиваше, единому богу, съблюдающю и́. И тако идыи, трьми недѣлями доиде прежереченааго града. Тъгда же пришедъ и обьходи вся манастыря, хотя быти мнихъ и моляся имъ, да приятъ ими будеть. Они же, видѣвъше отрока простость и ризами же худами облечена, не рачиша того прияти. Сице же богу изволивъшю тако, да на мѣсто, иде же бѣ бъгъмь от уности позъванъ, на то же ведешеся.

Тъгда же бо слышавъ о блаженѣмь Антонии, живущиимь въ пещерѣ, и, окрилатѣвъ же умъмь, устрьмися къ пещерѣ. И пришьдъ къ преподобьнуму Антонию, его же видевъ и падъ, поклонися ему съ сльзами, моляся ему, да бы у него былъ. Великыи же Антонии казаше и глаголя: «Чядо, видиши ли пещеру сию: скърбьно суще мѣсто и тѣснѣише паче инѣхъ мѣстъ. Ты же унъ сыи, яко же мню, и не имаши трьпѣти на мѣстѣ семь скърби». Се же, не тъкмо искушая и́, глаголаше, нъ и прозорочьныма очима прозря, яко тъ хотяше възградити самъ мѣстъ то и манастырь славнъ сътворити на събьрание множьству чьрньць. Богодъхновеныи же Феодосии отвѣща ему съ умилениемь: «Вѣжь, чьстьныи отьче, яко проразумьникъ всячьскыихъ богъ приведе мя къ святости твоеи и спасти мя веля, тѣмь же, елико ми велиши сътворити, сътворю». Тъгда глагола ему блаженыи Антонии: «Благословенъ богъ, чадо, укрѣпивыи тя на се тъщание, и се мѣсто — буди въ немь». Феодосии же, пакы падъ, поклонися ему. Таче благослови и́ старьць и повелѣ великому Никону острѣщи и́, прозвутеру тому сущю и чьрноризьцю искусьну, иже и поимъ блаженаго Феодосиа и по обычаю святыихъ отьць остригы и́, облече и́ въ мьнишьскую одежю.

Отьць же нашь Феодосии предавъся богу и преподобьнууму Антонию, и оттолѣ подаяшеся на труды телесьныя, и бъдяше по вся нощи въ славословлении божии, съньную тягость отвръгъ, къ въздьржанию же и плътию своею тружаяся, рукама дѣло свое дѣлая и въспоминая по вься дьни псалъмьское оно слово: «Вижь съмѣрение мое и трудъ мои и остави вься грѣхы моя». Тѣмь вьсь съ вьсѣмь въздрьжаниемь душю съмѣряше, тѣло же пакы трудъмь и подвизаниемь дручааше, яко дивитися преподобьнууму Антонию и великому Никону съмѣрению его, и покорению, и толику его въ уности благонравьству, и укрѣплению, и бъдрости. И вельми о вьсемь прослависта бога.

Мати же его много искавъши въ градѣ своемь и въ окрьстьнихъ градѣхъ и, яко не обрете его, плакаашеся по немь

ночлег, то и блаженный, остановившись так, чтобы издали видеть их, ночевал тут, и один только бог охранял его. И так, после трех недель пути, достиг он прежде упомянутого города. Придя туда, обошел он все монастыри, желая постричься в монахи и упрашивая, чтобы его приняли. Но там видели плохую одежду отрока и не соглашались его принять. Это уж бог так пожелал, чтобы пришел он на то место, куда бог призвал его еще с юности.

Тогда вот и услышал он о блаженном Антонии, живущем в пещере, и, окрыленный надеждой, поспешил туда. И пришел к преподобному Антонию, и, увидев его, пал ниц, и поклонился со слезами, и стал просить разрешения остаться у него. Великий Антоний стал беседовать с ним и сказал: «Чадо, разве не видишь пещеру эту; уныло место и неприглядней всех других. А ты, как мне думается, еще молод и не сможешь, живя здесь, снести все лишения». Это он говорил, не только испытывая Феодосия, но и видя прозорливым взором, что тот сам обоснует на этом месте славный монастырь, где соберется множество чернецов. Боговдохновенный Феодосий отвечал ему с умилением: «Знай, честной отец, что сам бог, все предвидящий, привел меня к святости твоей и велит спасти меня, а потому я исполню все, что ты мне повелишь». Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословенен бог, укрепивший тебя, чадо, на этот подвиг. Вот твое место, оставайся здесь!» Феодосий снова пал ниц, поклонившись ему. Тогда благословил его старец и велел постричь его великому Никону, священнику и умудренному черноризцу, и постриг он Феодосия по обычаю святых отцов и облек его в монашескую одежду.

Отец же наш Феодосий всего себя отдал богу и преподобному Антонию, и с тех пор стал томить плоть свою, целые ночи проводил в беспрестанных молитвах, превозмогая сон, и для изнурения плоти своей трудился не покладая рук, вспоминая всегда, что говорится в псалмах: «Посмотри на смирение мое и на труд мой и прости все грехи мои». Так он душу смирял всяческим воздержанием, а тело изнурял трудом и подвижничеством, так что дивились преподобный Антоний и великий Никон его смирению и покорности и тому, что он, еще юный, столь благонравен, тверд и бодр, и горячо славили за все это бога.

Мать же долго искала Феодосия и в своем городе, и в соседних, и, не найдя его, била в грудь себя, и горько плакала

лютѣ, биющи въ пьрси своя, яко и по мрьтвѣмь. И заповѣдано же бысть по всеи странѣ тои, аще къде видѣвъше такого отрока, да пришьдъше възвѣстите матери его, и велику мьзду приимуть о възвещении его. И се пришьдъше от Кыева и повѣдаша еи, яко преже сихъ 4 лѣт видѣхомы ѝ въ нашемь градѣ ходяща и хотяща острѣщися въ единомь от манастыревъ. И то слышавъши она и не облѣнивъшися и тамо ити. И ни мало же помьдьливъши, ни дълготы же пути убоявъшися, въ прежереченыи градъ иде на възискание сына своего. Иже и пришедъши въ градъ тъ и обьходи вься манастыря, ищющи его. Послѣди же повѣдаша еи, яко въ пещерѣ есть у преподобнаго Антония. Она же и тамо иде, да и тамо обрящеть. И се начатъ старьца льстию вызывати, глаголющи, яко да речете преподобьнууму да изидеть. «Се бо многъ путь гънавъши, приидохъ, хотящи бесѣдовати къ тебе и поклонитися святыни твоеи, и да благословлена буду и азъ от тебе». И възвѣщено бысть старьцю о неи, и се изиде къ неи. Его же видѣвъши и поклонися ему. Таче сѣдъшема има, начатъ жена простирати к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, ея же ради прииде. И глаголаше же: «Молю ти ся, отьче, повѣжь ми, аще сде есть сынъ мои. Много же си жалю его ради, не вѣдущи, аще убо живъ есть». Старьць же сыи простъ умъмь и, не разумѣвъ льсти ея, глагола еи, яко сде есть сынъ твои, и не жалиси его ради, се бо живъ есть. То же она къ нему: «То чьто, отьче, оже не вижю его? Многъ бо путь шьствовавъши, придохъ въ сии градъ, тъкмо же да вижю си сына своего. Ти тако възвращюся въ градъ свои». Старьць же к неи отъвѣща: «То аще хощеши видѣти ѝ да идеши нынѣ въ домъ, и азъ шедъ увѣщаю ѝ, не бо рачить видѣти кого. Ти, въ утрѣи дьнь пришедъши, видиши ѝ». То же слышавъши, она отъиде, чающи въ приидущии дьнь видѣти ѝ. Преподобьныи же Антонии, въшедъ въ пещеру, възвѣсти вся си блаженууму Феодосию, иже, и слышавъ, съжалиси зѣло, яко не може утаитися ея. Въ другыи же дьнь прииде пакы жена, старьць же много увѣщаваашe блаженааго изити и видѣти матерь свою. Онъ же не въсхотѣ. Тъгда же старьць ишьдъ глагола еи, яко много молихы ѝ, да изидеть къ тебе, и не рачить. Она же к тому уже не съ съмѣрениемь начатъ глаголати къ старьцю, съ гнѣвъмь великъмь въпияаше о нуже старьца сего, яко имыи сына моего и съкрывыи въ пещерѣ, не рачить ми его явити. «Изведи ми, старьче, сына моего, да си его вижю. И не трьплю бо жива быти, аще не вижю его! Яви ми сына моего, да не зълѣ умьру, се бо сама ся погублю предъ двьрьми печеры сея, аще ми не покажеши

о сыне, как по покойнику. И было объявлено по всей той округе, что если кто видел отрока, то пусть придет и известит его мать и получит за сведения о нем большую награду. И вот пришли из Киева и рассказали ей, что четыре года назад видели его там, как искал он монастырь, где бы постричься. Услышав об этом, она не поленилась поехать туда. И нимало не медля, и не побоявшись долгого пути, отправилась в упомянутый город разыскивать своего сына. Пришла в тот город и обошла в поисках его все монастыри. Наконец сказали ей, что он обитает в пещере у преподобного Антония. Она и туда пошла, чтобы найти его. И вот стала хитростью вызывать старца, прося сказать преподобному, чтобы вышел он к ней. «Я, мол, долгий путь прошла, чтобы побеседовать с тобой, и поклониться святости твоей, и получить от тебя благословение». Поведали о ней старцу, и вот вышел он к ней. Она же, увидев его, поклонилась. Потом сели оба, и начала женщина с ним пространную беседу и лишь в конце разговора упомянула о причине своего прихода. И сказала: «Прошу тебя, отец, поведай мне, не здесь ли мой сын? Уж очень горюю я о нем, не зная, жив ли он». Простодушный старец, не догадавшись, что она хитрит, отвечал: «Здесь твой сын, и не плачь о нем, ибо он жив». Тогда она снова обратилась к нему: «Так почему же, отче, не вижу его? Немалый путь прошла я до вашего города, чтобы только взглянуть на сына своего. И тогда возвращусь восвояси». Старец же ей отвечал: «Если хочешь повидаться с ним, то иди сейчас домой, а я пойду и уговорю его, ибо он не хочет никого видеть. Ты наутро придешь и повидаешься с ним». Послушалась она и ушла, надеясь, что завтра увидит сына. А преподобный Антоний, вернувшись в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, который, услышав его, очень опечалился, что не смог скрыться от матери. Наутро женщина снова пришла, и старец долго уговаривал блаженного выйти и повидаться с матерью. Он же не хотел. Тогда вышел старец и сказал ей: «Долго я упрашивал его, чтобы вышел к тебе, но не хочет». Тогда она стала разговаривать со старцем уже без прежнего смирения, в гневе кричала и обвиняла его: «Похитил ты сына моего, в пещере скрыл, не хочешь мне показать его; приведи мне, старче, сына моего, чтобы я смогла повидаться с ним. Не могу я жить, пока не увижу его! Покажи мне сына моего, а не то умру страшной смертью, сама себя погублю перед дверями вашей пещеры, если только не покажешь мне сына!» Тогда Антоний, в смятении и печали, войдя в пещеру, стал упрашивать блаженного выйти к матери. Не захотел тот ослушаться старца и вышел

его». Тъгда Антонии, въ скърби велицѣ бывъ и въшедъ въ пещеру, моляаше блаженааго, да изидеть къ неи. Онъ же не хотя ослушатися старьца и изиде къ неи. Она же видѣвъши сына своего въ таковѣи скърби суща, бѣ бо уже лице его измѣнилося отъ многааго его труда и въздьржания, и охопивъшися емь плакашеся горко. И, одъва мало утѣшивъшися, сѣдѣ и начатъ увѣщавати Христова слугу, глаголющи: «Поиди, чадо, въ домъ свои, и еже ти на потребу и на спасение души, да дѣлаеши въ дому си по воли своеи, тъкмо же да не отълучаися мене. И егда ти умьру, ты же погребеши тѣло мое, ти тъгда възвратишися въ пещеру сию, яко же хощеши. Не трьплю бо жива быти не видящи тебе». Блаженыи же рече къ неи: «То аще хощеши видѣти мя по вся дьни, иди въ сии градъ, и въшьдъши въ единъ манастырь женъ и ту остризися. И тако, приходящи сѣмо, видиши мя. Къ симъ же и спасение души приимеши. Аще ли сего не твориши, то — истину ти глаголю — к тому лица моего не имаши видѣти». Сицѣми же и инѣми многыими наказани пребываше по вся дьни, увѣщавая матерь свою. Онъи же о томь не хотящи, ни понѣ послушати его. И егда отъхожаше от него, тъгда блаженыи, въшедъ въ пещеру, моляшеся богу прилежно о спасении матере своея и обращении сьрьдьца ея на послушание. Богъ же услыша молитву угодьника своего. О семь бо словеси рече пророкъ: «Близъ господь призывающимъ въ истину и волю боящимъся его творить, и молитву ихъ услышить, и спасеть и». Въ единъ бо дьнь пришьдъши мати ему глагола: «Се, чадо, велимая вься тобою сътворю, и къ тому не възвращюся въ градъ свои, нъ яко богу волящю, да иду въ манастырь женъ, и, ту остригъшися, прочая пребуду дьни своя. Се бо от твоего учения разумѣхъ, яко ничто же есть свѣтъ сии маловременьныи». Си слышавъ, блаженыи Феодосии въздрадовася духомь и въшьдъ съповѣда великому Антонию, иже, и услышавъ, прослави бога, обративъшааго сьрьдьце ея на такавое покаяние. И шьдъ къ неи и много поучивъ ю, еже на пользу и на спасение души, и, възвѣстивъ о неи княгыни, пусти ю въ манастырь женьскыи, именуемъ святааго Николы. И ту постриженѣ еи быти, и въ мьнишьскую одежю облеченѣ еи быти, и поживъши же еи въ добрѣ исповѣдании лѣта многа, съ миромь усъпе. ...

По вься же дьни святыихъ мясопущь святыи отьць нашь Феодосии отхожаше въ святую свою пещеру, иде же и чьстьное тѣло его положено бысть. Ту же затворяшеся единъ до

к ней. Она же, увидев, сколь сокрушен сын ее, ибо и лицо его изменилось от непрестанного труда и воздержания, обняла его и горько заплакала. И едва немного успокоилась, села и стала уговаривать слугу Христова: «Пойди, чадо, в дом свой, и все что нужно тебе или на спасение души — то и делай у себя дома, как тебе угодно, только не покидай меня. А когда умру, погребешь тело мое, и тогда, как ты хочешь, вернешься в эту пещеру. Но не могу я жить, не видя тебя». Блаженный же отвечал ей: «Если хочешь видеть меня каждый день, то оставайся в нашем городе и постригись в одном из женских монастырей. И тогда будешь приходить сюда и видеться со мной. При том и душу свою спасешь. Если же не сделаешь так, то — истинно слово мое — не увидишь больше лица моего». Такими и многими другими словами изо дня в день уговаривал он свою мать, но она не соглашалась, и даже не слушала его. И когда уходила от него, то блаженный, войдя в пещеру, усердно молился богу о спасении матери своей и о том, чтобы дошли слова его до ее сердца. И услышал бог молитву угодника своего. Об этом так говорит пророк: «Рядом господь с тем, кто искренне зовет его и боится волю его нарушить, и услышит их молитву, и спасет их». И вот однажды пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, исполню все, что ты мне велишь, и не вернусь больше в город свой, а, как уж бог повелел, пойду в женский монастырь и, постригшись, проведу в нем остаток дней своих. Это ты меня убедил, что ничтожен наш кратковременный мир». Услышав эти слова, обрадовался блаженный Феодосий и, войдя в пещеру, поведал великому Антонию, и тот, услышав, прославил бога, обратившего сердце ее на покаяние. И, выйдя к ней, долго поучал ее, на пользу ей и для спасения души, и поведал о ней княгине, и послал ее в женский монастырь святого Николы. Там постриглась она, облеклась в монашеское одеяние и, прожив много лет в искреннем покаянии, мирно скончалась. ...

Всегда после мясопуста святой отец наш Феодосий уходил в святую пещеру свою, где и было потом погребено его тело. Тут затворялся он один вплоть до вербной недели, а в пятницу

врьбьныя недѣля и въ пятъкъ тоя недѣля, въ годъ вечерьняя, прихожааше къ братии и, ставъ въ двьрьхъ цьркъвьныихъ, учааше вься и утѣшая подвига ради и пощения ихъ. Себе же недостоина творя, яко же понѣ и ни единоя неделѣ достигнути противу трудомъ ихъ. Многу же скърбь и мьчатание зълии дуси творяхуть ему въ пещерѣ тои; еще же и раны наносяще ему, яко же и о святѣмь и велицѣмь Антонии пишеться. Нъ явивыися оному дрьзати веля святому сему, невидимо съ небесе силу подасть на побѣду ихъ.

Къто бо не почюдиться убо блаженууму сему, еже въ такои тьмьнѣ пещерѣ пребывая единъ, мъножьства пълковъ невидимыхъ бѣсовъ не убояся, нъ крѣпко стоя, яко храбъръ сильнъ, бога моляаше и господа Иисус Христа на помощь себе призывающа. И тако побѣди я́ Христовою силою, яко къ тому не съмѣти имъ ни приближитися емь, нъ и еще издалеча мьчьты творящемъ ему. По вечерьниимь убо пѣнии сѣдъшю ему и хотящю опочинути, не бо николи же на ребрѣхъ своихъ ляжашеть, нъ аще коли хотящю ему опочинути, то сѣдъ на столѣ, и, тако мало посъпавъ, въстаняше пакы на нощьное пѣние и поклонение колѣномъ творя. Сѣдъшю же ему, яко же речеся, и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множьства бѣсовъ, яко же се имъ на колесницахъ ѣдущемъ, другыимъ же въ бубъны биющемъ, и инѣмъ же въ сопѣли сопущемъ, и тако всѣмъ кличющемъ, яко же трястися пещерѣ отъ множьства плища зълыихъ духовъ. Отьць же нашь Феодосии, вся си слышавъ, не убояся духъмь, ни ужасеся сьрьдьцьмь, нъ оградивъся крьстьнымь оружиемь и въставъ начатъ пѣти псалтырь Давидову. И ту абие многыи трусъ не слышимъ бываше. Таче по молитвѣ сѣдъшю ему, се пакы бещисльныихъ бѣсовъ глас слышаашеся, яко же и преже. И преподобьнууму же Феодосию ставъшю и начьнъшю оно псалъмьское пѣние, глас онъ абие ищазааше. Сице же по многы дьни и нощи творяхуть ему зълии дуси, яко не дати ему ни мало опочинути, дондеже благодатию Христовою побѣди я́, и възятъ от бога власть на нихъ, яко же отътолѣ не съмѣти имъ ни прикоснутися, ни къ мѣсту тому, иде же блаженыи молитву творяше.

Се бо пакы бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, иде же хлѣбы братия творяаху: овогда муку расыпающе, овогда же положеныи квасъ на състроение хлѣбомъ разливааху и ину мъногу пакость творяще бѣша. Тъгда же старѣи пекущимъ шьдъ съповѣда блаженууму Феодосию пакости нечистыихъ бѣсовъ. То же сь уповая, яко възятъ власть на нихъ отъ

той недели, в час вечерней молитвы, приходил к братии и, остановившись в дверях церковных, поучал всех и утешал в подвижничестве их и посте. О себе же он говорил как о недостойном, что ни в одну из недель не смог он сравняться в подвижничестве с ними. И много раз злые духи вредили ему, являясь в видениях в пещере, а порой и раны ему наносили, как пишут и о святом и великом Антонии. Но явился к святому Антоний и велел дерзать, и невидимо, с небес, даровал ему силу для победы над ними.

Кто не подивится блаженному, как, оставаясь один в такой темной пещере, не боялся он бесчисленных полчищ невидимых бесов, но выстоял в борьбе с ними, как могучий храбрец, молясь богу и призывая на помощь себе господа Иисуса Христа. И так одолел их силой Христовой, что не смели они приблизиться к нему и лишь издали являлись ему в видениях. После вечернего пения садился он, чтобы подремать, ибо никогда не ложился, а если хотел поспать, то садился на стульце и, подремав так немного, снова вставал на ночное пение и коленопреклонение. Когда же садился он, как говорили, то тут же слышал в пещере шум от топота бесчисленных бесов, как будто одни из них ехали на колесницах, другие били в бубны, иные дудели в сопели, и так все кричали, что даже пещера тряслась от страшного гомона злых духов. Отец же наш Феодосий, все это слыша, не пал духом, не ужаснулся сердцем, но, оградив себя крестным знамением, вставал и начинал распевать псалмы Давидовы. И тогда затихло все в пещере, но лишь он садился после молитвы, снова слышались голоса бесчисленных бесов, как и прежде. И снова вставал преподобный Феодосий, и снова начинал распевать псалмы, и тут же смолкал этот шум. Вот так многие дни и ночи вредили ему злые духи, чтобы не дать ему ни на минуту уснуть, пока не победил их с божьей помощью и не получил от бога власти над ними, так что с тех пор не смели они даже приблизиться к тому месту, где молился блаженный.

А еще пакостили бесы в доме, где братия хлебы пекла: то муку рассыпали, то разливали закваску для печения хлеба, и много других разных пакостей творили. Тогда пришел старший пекарь и рассказал блаженному Феодосию о проделках нечистых бесов. Он же, надеясь, что получит от бога власть над ними, отправился вечером в дом тот и, запершись, остался

бога, въставъ вечеръ и иде въ храмъ тъ, и затворивъ двьри о себе, ту же пребысть въ немь до утрьняя, молитвы творя. Яко же отъ того часа не явитися бѣсомъ на томь мѣстѣ, ни пакости никоея же творити имъ, запрещениемь преподобьнааго и молитвою.

Имѣяше же обычаи сиць великыи отьць нашь Феодосии, яко же по вся нощи обиходити ему келиѣ мниховы вьсѣ, хотя увѣдѣти когождо ихъ, како житие. Егда бо услышааше кого молитву творяща, ти тъгда ставъ прославяше о немь бога, егда же пакы кого слышааше бесѣдующа дъва ли или трие съшедъшеся въкупѣ, то же ту, ударивъ своею рукою въ двьри ти, тако отхожааше, назнаменавъ тѣмь свои приходъ. Таче въ утрѣи дьнь призъвавъ я́, нъ не ту абие обличааше ихъ, нъ яко же издалеча притъчами нагоня, глаголааше къ нимъ, хотя увѣдѣти, еже къ богу тъщание ихъ. Аще бо будяше братъ лыгъкъмь сьрьдьцьмь и теплъ на любьвь божию, то сии, въскорѣ разумѣвъ свою вину, падъ, поклоняшеся, прощения прося отъ него прияти. Аще ли будяше пакы братъ омрачениемь бѣсовьскымь сьрьдьце покръвено имыи, то сии станяше, мьня, яко о иномь бесѣдують, самъ чистъ ся творя, дондеже блаженыи обличашеть и́, и епитимиею того утвьрдяше, и отъпустяше. И тако вься прилѣжьно учааше молитися къ господу и не бесѣдовати ни къ кому же по павечерьнии молитвѣ, и не преходити отъ келиѣ въ келию, нъ въ своеи келии бога молити, яко же кто можеть и рукама же своима дѣлати по вся дьни, псалмы Давыдовы въ устѣхъ своихъ имуще. ...

Бѣаше бо по истинѣ человѣкъ божии, свѣтило, въ вьсемь мирѣ видимое и просиявъшее всемь чьрноризьцемъ съмѣренъмь, съмыслъмь и послушаниемь, и прочиими труды подвизаяся, дѣлая по вся дьни, не дада рукама своима ни ногама покоя. Еще же и въ пещьницю часто исхожааше и съ пекущими веселяшеся духъмь, тѣсто мѣшааше и хлѣбы пека. Бѣаше бо, и преже рѣхъ, крѣпъкъ тѣлъмь и сильнъ. Вься же стражющая бѣ уча и укрѣпляя и утѣшая, никако же раслабѣти въ дѣлѣхъ своихъ.

Въ единъ же от дьнии хотящемъ имъ праздьникъ творити святыя богородица, и водѣ не сущи, преже же намѣненууму Феодору, сущю тъгда келарю, иже и многаа ми съповѣда о преславьнѣмь мужи семь. Тъ же шедъ повѣда блаженууму отьцю нашему Феодосию, яко нѣсть къто воды нося. То же блаженыи, съ спѣхъмь въставъ, начатъ воду носити отъ кладязя. И се единъ отъ братия видѣвы и́ воду носяща и, скоро

там до заутрени, молясь. И с того времени, заклятием преподобного и молитвой, не могли появляться на том месте бесы и творить пакости.

Великий отец наш Феодосий имел обыкновение каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как проводят монахи время. Если услышит, как кто-то молится, то и сам остановится и прославит бога, а если, напротив, услышит, что кто-либо беседует, собравшись вдвоем или втроем в келье, то он тогда стукнет к ним в дверь, дав знать о своем приходе, и отойдет. А наутро, призвав их к себе, не начинал тут же обличать, а заводил разговор издали, с притчами и намеками, чтобы увидеть, какова же их приверженность к богу. Если брат бывал чист сердцем и искренен в любви своей к богу, то такой, скоро поняв свою вину, падал ниц и, поклонившись, просил прощения. А бывало, что у иного брата сердце покрыто дьявольской коростой, то такой стоит, думая будто о другом говорят, и не чувствует себя виновным, пока блаженный не обличит его и не отпустит, утвердив епитимьей его. Вот так постоянно учил он молиться богу, и не беседовать ни с кем после вечерней молитвы, и не бродить из кельи в келью, а в своей келье молиться богу, а если кто может — ремеслом каким-либо заниматься, распевая при этом псалмы Давидовы. ...

Был же Феодосий поистине человек божий, светило всему миру видимое и всем черноризцам сияющее: смирением, и разумом, и покорностью, и прочим подвижничеством; все дни трудясь, не давал он ни рукам, ни ногам своим покоя. Часто ходил он в пекарню — с радостью помогал пекарям месить тесто или выпекать хлебы. Он ведь был, как сказано прежде, телом крепок и силен. А страждущих всех наставлял, укреплял и утешал, чтобы не знали усталости в своих делах.

Однажды, когда готовились к празднику святой богородицы, не хватило воды, а келарем был тогда прежде упомянутый Федор, который многое рассказал мне о преславном этом муже. И вот пошел тот Федор и сказал блаженному отцу нашему Феодосию, что некому наносить воды. А тот блаженный поспешно встал и начал носить из колодца воду. И вот увидел его носящим воду один из братии и поспешил поведать об этом несколь-

шедъ, възвѣсти нѣколику братии, иже и́, съ тъщаниемь притекъше, наносиша воды до избытъка. И се же пакы дръвомъ нѣколи приготованомъ не сущемъ на потребу варения, шедъ же келарь Феодоръ къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому от братия, сущюуму праздьну, да въшедъ приготовить дръва, еже на потребу. То же блаженыи отъвѣща ему: «То се азъ праздьнъ есмь, и се поиду». Таче повелѣ на трапезу братии ити, бѣ бо годъ обѣду, самъ же, възьмь сѣчиво, нача сѣчи дръва. И се по отъядении излѣзъше братия ти, видѣша преподобьнааго игумена своего сѣкуща дръва и тако тружающася. И възятъ къждо сѣчиво свое, таже тако приготоваша дръва, яко же тѣмь довольномъ имъ быти на многы дьни.

Сице бо ти бѣ тъщание къ богу блаженааго и духовьнааго отьца нашего Феодосия, имяаше бо съмѣрение и кротость велику, о семь подражая Христоса, истиньнааго бога, глаголавъшааго: «Навыкнѣте отъ мене, яко кръткъ есмь и съмѣренъ сьрьдьцьмь». Тѣмь же на таковое подвизание възирая, съмѣряшеся, послѣдьнии ся вьсѣхъ творя и служьбьникъ, и собою вьсѣмъ образъ дая. На дѣло же преже вьсѣхъ исходя, и въ цьркъви же преже вьсѣхъ обрѣтаяся, и послѣ же вьсѣхъ излазя. Мъногашьды же пакы великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книгы и блаженууму въскраи того сѣдящю и прядущю нити, еже на потребу таковууму дѣлу. Таково ти бѣ того мужа съмѣрение и простость. И никто же его николи же видѣ на ребрѣхъ своихъ лежаща, ли воду възливающа на тѣло, развѣ тъкмо руцѣ умывающа. А одежа его бѣ свита власяна остра на тѣлѣ, извьну же на неи и ина свита. И та же вельми худа сущи и тоже сего ради възволочааше на ся, яко да не явитися власяници сущи на нем. О сеи одежи худѣи мнози несъмыслънии ругахуся ему, укаряюще его. Блаженууму же си съ радостию вься приимающю укоризну ихъ, имѣя убо присно на памяти слово господне и тѣмь утѣшая веселяшеся: «Блажени бо, рече, есте, егда укорять вы, егда рекуть всякъ зълъ глаголъ на вы, лъжюще мене ради. Възрадуитеся въ тъ дьнь и възыграите, се бо мьзда ваша мънога на небесѣхъ». Си въспоминая блаженыи и о сихъ утѣшаяся, трьпяше укоризну и досажение от всѣхъ.

И се въ единъ дьнь шедъшю великууму отьцю нашему Феодосию нѣкотораго ради орудия къ христолюбьцю князю Изяславу, далече ему сущю отъ града. Таче яко и пришьдъ и до вечера умудивъшю ему орудия ради. И повелѣ христолюбьць, нощьнааго ради посъпания ему, на возѣ допровадити и́ до манастыря его. И яко бысть идыи путьмь и возяи его, видѣвы

ким монахам, и те, с готовностью прибежав, наносили воды с избытком. А в другой раз не оказалось дров для приготовления пищи, и келарь Федор, придя к блаженному Феодосию, попросил его: «Прикажи, чтобы кто-либо из свободных монахов пошел и приготовил бы дров сколько нужно». Блаженный же ответил ему: «Я свободен, я и пойду». Затем повелел он братии идти на трапезу, ибо настал час обеда, а сам, взяв топор, начал колоть дрова. И вот, пообедав, вышли монахи и увидели, что преподобный их игумен колет дрова, и так трудится. И взял каждый по топору, и потом столько они накололи дров, что хватило их на много дней.

Таково было усердие к богу духовного отца нашего, блаженного Феодосия, ибо отличался он смирением и необыкновенной кротостью, во всем подражая Христу, истинному богу, говорившему: «Учитесь у меня, как кроток я и смирен сердцем». Поэтому, взирая на подвиги его, смирялся Феодосий, недостойнейшим изо всех себя ставя, и служа всем, и являясь для всех примером. На работу он выходил прежде всех, и в церковь являлся раньше других, и последним из нее выходил. Сидит, бывало, великий Никон и пишет, а блаженный, присев с краю, прядет нити для переплетения книжного. Вот каковы были смирение этого мужа и простота его. И никто никогда не видел, чтобы он прилег или чтобы водой омыл свое тело — разве только руки и мыл. А одеждой ему служила власяница из колючей шерсти, а сверху носил другую свиту. Да и та была ветха, и одевал он ее лишь для того, чтобы не видели одетой на нем власяницы. И над этой убогой одеждой издевались многие неразумные, попрекая его. А блаженный с радостью выслушивал их укоризны, постоянно помня слово божье, которым утешал и подбадривал себя: «Блаженны вы,— говорит бог,— когда укоряют вас, когда поносят вас словом грубым, клевеща на вас за приверженность ко мне. Возрадуйтесь и возвеселитесь в тот день, ибо ждет вас за это награда великая на небесах». Вспоминал блаженный эти слова и утешался ими, снося упреки и оскорбления.

Как-то однажды отправился великий отец наш Феодосий по какому-то делу к христолюбивому князю Изяславу, находившемуся далеко от города. Пришел и задержался по делам до самого вечера. И приказал христолюбец, чтобы смог Феодосий поспать ночь, довезти его до монастыря на телеге. И уже в пути возница, видя, как одет Феодосий, и подумав, что это

и́ въ такои одежи сущааго и мьнѣвъ, яко единъ от убогыхъ есть, глагола ему: «Чьрноризьче! Се бо ты по вься дьни пороздьнъ еси, азъ же трудьнъ сыи. Не могу на кони ѣхати. Нъ сице сътворивѣ: да азъ ти лягу на возѣ, ты же могыи на кони ѣхати». То же блаженыи съ вьсякыимь съмѣрениемь въста, въсѣде на кони, а оному же легъшю на возѣ, и идяше путьмь, радуяся и славя бога. И егда же въздрѣмаашеся, тъгда же съсѣдъ, текъ, идяаше въскраи коня, дондеже трудяашеся, ти тако пакы на конь въсядяше. Таче же уже зорямъ въсходящемъ и вельможамъ ѣдущемъ къ князю, и издалеча познавъше блаженааго и съсѣдше съ конь, поклоняахуся убо блаженууму отьцю нашему Феодосию. Тъгда же глагола отроку: «Се уже, чадо, свѣтъ есть! Въсяди на конь свои». Онъ же видѣвъ, еже тако вьси покланяхуться ему, и ужасеся въ умѣ и, трепетен сыи, въста и въсѣде на конь. Ти тако поиде путьмь, а преподобьнууму Феодосию на возѣ сѣдящю. Вси же боляре, сърѣтъше, покланяхуся ему. Таче дошьдъшю ему манастыря, и се ишедъше вься братия поклонишася ему до земля. То же отрокъ больми ужасеся, помышляя въ себе: кто сь есть, еже тако вьси покланяються ему? И емы и́ за руку, въведе и́ въ трапезьницю, таче повелѣ ему дати ѣсти и пити, елико хощеть, еще же и кунами тому давъ, отъпусти и́. Си же съповѣда самъ братии повозьникъ тъ, а блаженууму о семь никому же явивъшю, нъ сице бѣ убо по вся дьни о сихъ уча братию, не възноситися ни о чемь же, нъ съмерену быти мниху, а самому мьньшю всѣхъ творитися и не величатися, нъ къ вьсѣмъ покориву быти. «И ходяще же — глаголааше имъ — руцѣ съгъбенѣ на прьсьхъ своихъ къждо да имате, и никто же васъ да не преходить въ съмѣрении же вашемь, да ся покланяете къждо другъ къ другу, яко же есть лѣпо мьниху, и не преходити же отъ келиѣ въ келию, нъ въ своеи келии къждо васъ да молить бога». Сицими же и инѣми словесы по вся дьни не престая ихъ наказааше, и аще пакы слышааше от братия, кому же сущю от мьчьтании бѣсовьскыихъ, то сия призъвавъ и, яко въ вьсѣхъ искушенихъ бывъ, учааше и наказааше стати крѣпъцѣ противу дияволемъ къзньмъ, никако же поступати, ни раслабѣтися от мьчьтании и бѣсовьскыя напасти, не отходити имъ от мѣста того, нъ постъмь и молитвою оградитися и бога часто призывати на побѣду злааго бѣса. Глаголааше же и се къ нимъ, яко тако и мнѣ бѣ испьрва. «Единои бо нощи поющю ми въ кели обычьныя псалъмы, и се пьсъ чьрнъ ста предъ мною, яко же имь мнѣ нельзѣ ни поклонитися. Стоящю же ему на многъ часъ предъ мною, се же азъ постреченъ бывъ, хотѣхъ

бедный монах, сказал ему: «Черноризец! Вот ты всякий день без дела, а я наработался. Не могу на коне сидеть. Но вот что сделаем: я лягу в телегу, а ты можешь и на лошади ехать». Блаженный же Феодосий смиренно поднялся и сел на коня, а тот лег в телегу, и продолжал Феодосий свой путь, радуясь и славя бога. Когда же одолевала его дремота, то сходил с коня и шел рядом с ним, пока не устанет, и вновь садился верхом. Стало рассветать, и начали встречаться вельможи, ехавшие к князю, и, издали узнав блаженного и спешившись, кланялись они блаженному отцу нашему Феодосию. Тогда он сказал отроку: «Вот уже рассвело, чадо! Садись на своего коня». Тот же, видя, как все кланяются Феодосию, пришел в ужас и, вскочив в трепете, сел на коня. Так и продолжали они путь, а преподобный Феодосий сидел в телеге. И все встречные бояре кланялись ему. Так достигли они монастыря, и вот вышли навстречу все монахи и поклонились Феодосию до земли. Отрок же тот испугался еще больше, думая про себя: «Кто же это, что все так поклоняются ему?» А Феодосий, взяв его за руку, ввел в трапезную и велел досыта накормить и напоить и, дав ему денег, отпустил. Все это рассказал братии сам возница, а блаженный никому не обмолвился о случившемся, но все так же постоянно учил братию не зазнаваться, а смиренным быть монаху, и самого себя считать недостойнейшим изо всех, и не быть тщеславным, и покорным быть всем. «И когда ходите,— говорил он им,— руки прижимайте к груди, и пусть никто не превзойдет вас в смирении вашем, и кланяйтесь друг другу, как подобает монахам, и не ходите из кельи в келью, но пусть каждый из вас молится в своей келье». Такими вот и иными словами всякий день поучал он их беспрестанно, и если снова слышал, что кто-либо страдает от наваждения бесовского, то, призвав его к себе, и — так как сам испытал все искушения — поучал его и наказывал, как противостоять дьявольским козням, ни в чем им не уступая, не ослабеть от видений и бесовских напастей и не оставлять своей кельи, но оградить себя постом и молитвой и постоянно призывать бога, чтобы помог он одолеть злого беса. И говорил им: «Все это и со мной бывало прежде. Вот как-то ночью пел я в келье обычные псалмы, и вдруг черный пес встал предо мною, так что не мог я и поклониться. Долго он так стоял предо мною, но как только, им подстрекаем, хотел я его ударить — он тут же невидим стал. Тогда охватил меня страх и трепет, так что хотел я уже бежать оттуда, если бы господь не помог мне. И вот, немного оправившись от страха, начал я прилежно молиться и преклонять бес-

ударити и́, и се невидимъ бысть от мене. Тъгда же страхъ и трепетъ обиятъ мя, яко же хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того, яко аще не бы господь помоглъ ми. Се бо малы въспрянувъ от ужасти, начахъ прилѣжьно бога молити и часто поклоние колѣномъ творити, и тако отбѣже отъ мене страхъ тъ, яко же отъ того часа не бояти ми ся ихъ, аще предъ очима моима являхуть ми ся». Къ симъ же и ина многа словеса глаголааше, крѣпя я́ на зълыя духы. И тако отпущааше я́, радующася и славя бога о таковѣмь наказании добляаго наставьника и учителя ихъ.

И се исповѣда ми единъ отъ братия, именьмь Иларионъ, глаголя, яко многу ми пакость творяху въ келии зълии бѣси. Егда бо ему легъшю на ложи своемь, и се множьство бѣсовъ пришьдъше и за власы имъше и́, и тако пыхающе, влачахути и́, и друзии же, стѣну подъимъше, глаголааху: «Сѣмо да влеченъ будеть, яко стѣною подавленъ». И тако по вся нощи творяхуть ему, и уже не могыи търпѣти, шедъ съповѣда преподобьнуму отьцю Феодосию пакость бѣсовьскую. И хотя отъити отъ мѣста того въ ину келию. То же блаженыи моляшети и́, глаголя: «Ни, брате, не отходи отъ мѣста того, да не како похваляться тобою злии дуси, яко побѣдивъше тя и бѣду на тя створьше, и оттолѣ пакы больше зъло начьнути ти творити, яко власть приимъше на тя. Нъ се да молишися богу въ келии своеи, да и богъ, видя твое трьпѣние, подасть ти побѣду на ня, яко же не съмѣти имъ ни приближитися къ тебе». Онъ же пакы глаголаше ему: «Молю ти ся, отьче, яко отселѣ не могу пребывати въ келии множьства ради живущихъ бѣсовъ въ неи». Тъгда же блаженыи, прекрестивы и́, таче глагола ему: «Иди и буди въ келии своеи, и отселѣ не имуть ти никоея же пакости створити лукавии бѣси, не бо видѣти ихъ имаши». Онъ же, вѣру имъ и поклонивъся святууму, отъиде, и тако въ ту нощь легъ въ келии своеи съпа сладько. И отътолѣ пронырливии бѣси не съмѣша ни приближитися къ мѣсту тому, молитвами бо преподобнаго отьца нашего Феодосия отъгоними сущи и бѣжаще отъидоша.

И се пакы чьрньць Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгамъ хытръ псати, сии по вся дьни и нощи писааше книгы въ келии у блаженааго отьца нашего Феодосия, оному же псалтырь усты поющю тихо и рукама прядуща вълну или кое ино дѣло дѣлающа. Тако же въ единъ вечеръ дѣлающема има къжьдо свое дѣло, и се въниде икономъ, глаголя блаженому, яко въ утрии дьнь не имамъ купити, еже на ядь братии и на ину потребу. То же блаженыи глагола ему: «Се, яко же видиши, уже вечеръ сущь, и утрьнии дьнь далече есть. Тѣмь же иди и

престанно колени, и постепенно оставил меня страх, так что с тех пор перестал я бояться бесов, если даже являлись они передо мною». И много другого рассказывал он, укрепляя монахов на борьбу со злыми духами. И так отпускал их, радостных и славящих бога за то, что поучает их мудрый наставник и учитель.

А вот что поведал мне один из монахов, по имени Иларион, рассказывая, как много зла причиняли ему в келье злые бесы. Как только ложился он на своем ложе, появлялось множество бесов и, схватив за волосы, тащили его и пинали, а другие, приподняв стену, кричали: «Сюда волоките, придавим его стеною!» И творили такое с ним каждую ночь, и, уже не в силах терпеть, пошел он к преподобному отцу Феодосию и поведал ему о пакостях бесов. И хотел перейти в другую келью. Но блаженный тот стал упрашивать его, говоря: «Нет, брат, не покидай этого места, а не то станут похваляться злые духи, что победили тебя и причинили тебе горе, и с тех пор начнут еще больше зла тебе причинять, ибо получат власть над тобою. Но молись же богу в келье своей, и бог, видя твое терпение, дарует тебе над ними победу, так что не посмеют и приблизиться к тебе». Монах же снова говорил: «Молю тебя, отче, не могу больше жить в пещере из-за множества бесов, живущих в ней». Тогда блаженный, перекрестив его, снова сказал: «Иди и оставайся в келье своей, и с этих пор не только не причинят тебе никакого вреда коварные бесы, но и не увидишь их более». Поверил он и, поклонившись святому, пошел в свою келью и лег, и выспался сладко в ту ночь. И с тех пор коварные бесы не смели приблизиться к тому месту, ибо отогнаны были молитвами преподобного отца нашего Феодосия и обратились в бегство.

И вот еще что рассказал мне чернец Иларион. Был он искусный книгописец и дни и ночи переписывал книги в келье у блаженного отца нашего Феодосия, а тот тихо распевал псалмы и прял шерсть или иным чем занимался. Так же вот в один из вечеров заняты они были каждый своим делом, и тут вошел эконом и сказал блаженному, что не на что купить ни еды для братии и ничего другого, потребного им. Блаженный же отвечал ему: «Сейчас, видишь, уже вечер, а до утра далеко. Поэтому иди, потерпи немного, молясь богу: может быть, поми-

потрьпи мало, моляся богу, некъли тъ помилуеть ны и попечеться о насъ, яко же самъ хощеть». И то слышавъ, икономъ отъиде. Таче всъставъ блаженыи иде въ келию свою пѣтъ по обычаю обанадесяте псалма. Тако же и по молитвѣ, шьдъ, сѣдѣ дѣлая дѣло свое. И се пакы вьниде икономъ, то же глаголя. Тъгда отвѣща ему блаженыи: «Рѣхъ ти, иди и помолися богу. Въ утрии дьнь шедъ въ градъ и у продающиихъ да възьмеши възаимъ, иже ти на потребу братии, и послѣдь, егда благодѣявъшюуму богу, отдамы дългъ от бога, таче вѣрьнъ есть глаголаи: «Не пьцѣтеся утрѣишимь, и тъ не имать насъ оставити». Таче отшедъшю иконому, и се вълезе свѣтьлъ отрокъ въ воиньстѣи одении и поклонивъся, и ничьсо же рекыи, и положивъ же на стълпѣ гривьну злата, и тако пакы мълча излезе вънъ.Тъгда же въставъ блаженыи и възьмъ злато и съ сльзами помолися въ умѣ своемь. Таче вратаря възъвавъ, пыташе и́, еда както къ воротомъ приходи въ сию нощь. Онъ же съ клятвою извѣщася, яко и еще свѣтѣ затвореномъ сущемъ воротомъ, и оттолѣ нѣсмь ихъ отврьзалъ, и никто же приходилъ къ нимъ. Тъгда же блаженыи, призвавъ иконома, подасть ему гривьну злата глаголя: «Чьто глаголеши, брате Анастасе? Яко не имамъ чимь купити братии требования? Нъ сице шьдъ купи, еже на потребу братии. Въ утрѣи же пакы дьнь богъ да попечеться нами». Тъгда же икономъ, разумѣвъ, падъ, поклонися ему. Блаженыи же учааше и глаголя: «Николи же не отъчаися, нъ въ вѣрѣ крѣпяся, вьсю печаль свою възвьрзи къ богу, яко тъ попечеться нами, яко же хощеть. И сътвориши братии праздьникъ великъ дьнесь». Богъ же пакы не скудьно подаваше ему, еже на потребу божествьнууму тому стаду. ...

По сихъ же множащися братии, и нужа бысть славьному отьцю нашему Феодосию распространити манастырь на поставление келии, множьства ради приходящихъ и бывающимъ мнихомъ. И бѣ самъ съ братиею дѣлая и городя дворъ манастырьскыи. И се же разгражену бывъшю манастырю и онѣмъ не стрѣгущемъся, и се въ едину нощь, тьмѣ сущи велицѣ, приидоша на ня разбоиници. Глаголааху, яко въ полатахъ цьркъвьныихъ, ту есть имѣние ихъ съкръвено. Да того ради не идоша ни къ одинои же келии, нъ цьркъви устрьмишася. И се услышаша гласъ поющихъ въ цьркъви. Си же, мьнѣвъше, яко братии павечерняя молитвы поющимъ, отъидоша. И мало помьдливъше въ лѣсѣ, таче мьнѣша, яко уже коньчану быти пѣнию, пакы придоша къ цьркъви. И се услышаша тъ же глас и видѣша свѣтъ пречюдьнъ въ цьркъви сущь, и благоухание исхожаше отъ цьркъве, ангели бо бѣша поюще въ неи. Онѣмъ

лует нас и позаботится о нас, как будет ему угодно». Выслушал его эконом и ушел. А блаженный снова вернулся в свою келью распевать по обычаю двенадцать псалмов. И, помолившись, сел и принялся за свое дело. Но тут снова вошел эконом и опять заговорил о том же. Тогда ответил ему блаженный: «Сказал же тебе: иди и помолись богу. А наутро пойдешь в город и попросишь в долг у продавцов, что нужно для братии, а потом, когда смилуется бог, и отдадим долг, ведь истинны слова: «Не заботься о завтрашнем дне, и бог нас не оставит». Как только вышел эконом,— свет воссиял, и явился отрок в воинской одежде, поклонился Феодосию и, ни слова не говоря, положил на столп гривну золота и также молча вышел. Тогда встал блаженный Феодосий, и взял золото, и со слезами помолился про себя. Тут же позвал он вратаря и спросил его: «Разве кто приходил этой ночью к воротам?» Но тот поклялся, что еще засветло заперты были ворота, и с тех пор не отворял их никому, и никто не подходил к ним. Тогда блаженный позвал к себе эконома и отдал ему гривну золота со словами: «Что скажешь, брат Анастасий? Не на что купить нужное для братии? Так иди же и купи все, что требуется. А наутро бог снова позаботится о нас». Тогда понял все эконом, и пал ниц, и поклонился ему. Блаженный же стал поучать его, говоря: «Никогда не отчаивайся, но будь крепок в вере, обратись с печалью своей к богу, чтобы он позаботился о нас, как захочет. И ныне устрой для братии великий праздник». Бог же и впредь щедро подавал ему все, что бывало нужно божественному тому стаду. ...

Умножилась числом братия, и нужно было отцу нашему Феодосию расширять монастырь и ставить новые кельи: слишком много стало монахов и приходящих в монастырь. И он сам с братией строил и огораживал двор монастырский. И когда разрушена была монастырская ограда и не сторожил никто монастырь, то однажды, темной ночью, пришли в монастырь разбойники. Говорили они, что в церкви скрыто богатство монастырское. И потому не пошли они по кельям, а устремились прямо к церкви. Но тут услышали голоса поющих в церкви. Они, подумав, что это братия поет вечерние молитвы, отошли. И, переждав некоторое время в лесу, решили, что уже окончилась служба, и снова подошли к церкви. И тут услышали те же голоса и увидели чудный свет, льющийся из церкви, и благоухание из нее исходило, ибо ангелы пели в ней. Разбойники же подумали, что это братия поет полуночные молитвы, и снова отошли, ожидая, когда они окончат пение, чтобы тогда

мнящемъ, яко братии полунощьное пѣние съвьрьшающемъ, и тако пакы отъидоша, чающе, донъдеже сии съконьчають пѣние, и тъгда, въшьдъше въ цьркъвь, поемлють вься сущая въ и́. И тако многашьды приходящемъ имъ, и тъ глас аньгельскыи слышащеимъ. И се годъ бысть утрьнюуму пѣнию, и пономареви биющю въ било. То же они, отъшьдъше мало въ лѣсъ и сѣдъше, глаголааху: «Чьто сътворимъ? Се бо мниться намъ, привидѣние бысть въ цьркъви? Нъ се да егда съберуться вьси въ цьркъвь, тъгда, шьдъше и от двьрии заступивъше, вься я́ погубимъ и тако имѣние ихъ възьмемъ». То же тако врагу на то острящю я́, хотящю тѣмъ святое стадо искоренити от мѣста того. Нъ обаче никако възможе, нъ обаче самъ от нихъ побѣженъ бысть, богу помагающю молитвами преподобьнааго отьця нашего Феодосия.

Тъгда бо зълии ти человѣци, мало помудивъше, и преподобьнууму тому стаду събьравъшюся въ цьркъвь съ блаженыимь наставьникъмь и пастухъмь своимь Феодосиемь и поющемъ утрьняя псалмы, устрьмишася на ня, акы звѣрие дивии. Таче яко придоша, и се вънезаапу чюдо бысть страшьно: отъ земля бо възятъся цьркы и съ сущиими въ неи възиде на въздусѣ, яко не мощи имъ дострѣлити ея. Сущеи же въ цьркъви съ блаженыимь не разумѣша, ни чюша того. Они же, видѣвъше чюдо се, ужасошася и, трепетьни бывъше, възвратишася въ домъ свои. И оттолѣ умилишася никому же зъла сътворити, яко же и старѣишинѣ ихъ съ инѣми трьми пришьдъшемъ къ блаженому Феодосию покаятися того и исповѣдати ему бывъшее. Блаженыи же, то слышавъ, прослави бога, спасъшааго я́ от таковыя съмьрьти. Онъ же поучивъ я́, еже о спасении души, и тако отпусти я́, славяща и благодаряща бога о вьсѣхъ сихъ.

Сицево же чюдо о цьркъви тои и инъгда пакы видѣ единъ от бояръ христолюбьця Изяслава. Яздящю тому нѣколи въ нощи на поли, яко 15 попьрищь от манастыря блаженааго. И се видѣ цьркъвь у облака сущю. И въ ужасти бывъ, погъна съ отрокы, хотя видѣти, кая то есть цьркы. И се, яко доиде манастыря блаженааго Феодосия, тъгда же оному зьрящю, съступи цьркы и ста на своемь мѣстѣ. Оному же тълъкнувъшю въ врата, и вратарю отвьрьзъшю ему врата, вьниде и повѣда блаженому бывъшее. И оттолѣ часто приходяше къ нему и насыщаяся от него духовьныихъ тѣхъ словесъ, подаваше же и от имѣния своего на състроение манастырю.

И се же пакы инъ болярinъ того же христолюбьця идыи нѣколи съ князьмь своимь христолюбьцьмь на ратьныя, хотя-

войти в церковь и забрать все, что в ней находится. И так еще несколько раз приходили они и слышали все те же ангельские голоса. И вот уже настал час заутрени, и уже пономарь ударил в било. И разбойники, углубившись немного в лес, присели и стали рассуждать: «Что же будем делать? Кажется нам, что привидение находится в церкви. Но вот что: когда соберутся все в церковь, подойдем и, не выпустив никого из дверей, перебьем всех и захватим их богатства». Это враг их так научал, чтобы изгнать с этого места святое стадо. Но не только этого не смог сделать, но и сам побежден был братией, ибо бог помогал ей по молитвам преподобного отца нашего Феодосия.

Злодеи подождали немного, пока преподобное стадо соберется в церкви с блаженным наставником и пастухом своим Феодосием и начнет петь утренние псалмы, и бросились на них, словно дикие звери. Но едва подбежали они, как внезапно свершилось страшное чудо: отделилась от земли церковь вместе со всеми бывшими в ней и вознеслась в воздух, да так, что и стрела не могла до нее долететь. А бывшие с блаженным в церкви не знали об этом и ничего не почувствовали. Разбойники же, увидев такое чудо, пришли в ужас и, трепеща, возвратились к себе домой. И с тех пор в умилении решили никому больше не причинять зла, так что и атаман их с тремя другими разбойниками приходил к блаженному Феодосию покаяться и рассказать ему обо всем, что было. Услышав его, блаженный прославил бога, спасшего их от смерти. А разбойников поучил о спасении души и отпустил их, славящих и благодарящих бога за все, что случилось с ними.

Такое же чудо с той же церковью видел потом и один из бояр христолюбца Изяслава. Как-то ночью ехал он по полю, в 15 поприщах от монастыря блаженного Феодосия. И вдруг увидел церковь под самыми облаками. В ужасе поскакал он со своими отроками посмотреть, что это за церковь. И когда он доскакал до монастыря блаженного Феодосия, то прямо на его глазах опустилась церковь и стала на своем месте. Боярин же постучал в ворота и, когда отпер ему привратник, вошел в монастырь и рассказал о виденном блаженному. И с тех пор часто приходил к нему, и насыщался его духовной беседой, и жертвовал от своего богатства на нужды монастыря.

А как-то некий другой боярин того же христолюбца Изяслава, отправляясь с князем своим христолюбцем против вра-

щемъ имъ брань сътворити, обѣщася въ умѣ своемь, глаголя, яко аще възвращюся съдравъ въ домъ свои, то дамь святѣи богородици въ манастырь блаженааго Феодосия 2 гривьнѣ золота, еще же и на икону святыя богородиця вѣньць окую. Таче бывъшю сънятию и многомъ от бою оружиемь падъшемъ. Послѣ же побѣжени бывъше ратьнии, си же спасени възъвратишася въ домы своя. Боляринъ же забы, еже дасть святѣи богородици. И се по дьньхъ нѣколицѣхъ, съпящю ему въ полудьне въ храминѣ своеи, и се приде ему глас страшьнъ, именьмь того зовущь его: «Клименте!» Онъ же въспрянувъ и сѣде на ложи. Ти видѣ икону святыя богородиця, иже бѣ въ манастыри блаженаго, прѣдъ одръмь его стоящю. И глас от нея исхожааше сице: «Чьто се, Клименте, еже обѣща ми ся дати, и нѣси ми далъ? Нъ се нынѣ глаголю ти: потъщися съвьрьшити обѣщание свое!» Си же рекъши, икона святыя богородиця невидима бысть от него. Тъгда же боляринъ тъ, въ страсѣ бывъ, таче възьмъ, имь же бѣ обѣщалъся, несъ въ манастырь, блаженому Феодосию въдасть, тако же и вѣньць святыя богородиця на иконѣ окова. И се же пакы по дьньхъ немнозѣхъ умысли тъ же боляринъ дати Еваньгелие въ манастырь блаженааго. Таче, яко приде къ великууму Феодосию въ манастырь, имыи подъ пазухою съкръвено святое Евангелие, и по молитвѣ хотящема има сѣсти, оному не еще явивъшю Еуангелия, глагола тому блаженыи: «Пьрьвѣе, брате Клименте, изнеси се святое Еуангелие, еже имаши въ пазусѣ своеи и еже обѣщалъ еси дати святѣи богородици, ти тъгда сядемъ». Се слышавъ, онъ ужасеся о проповѣдании преподобьнааго, не бѣ бо никому же о томь възвѣстилъ. И тако изнесъ святое то Еваньгелие, въдасть блаженому на руцѣ, и тако сѣдъ и духовьныя тоя бесѣды насытивъся, възвратися въ домъ свои. И оттолѣ велику любъвь имяаше къ блаженому Феодосию, и часто прихожааше къ нему, и велику пользу приимаше от него.

И егда же сии прихожааху къ нему, то же си и тако по божьствьнѣмь томь учении прѣдъставляаше тѣмъ тряпезу отъ брашьнъ тѣхъ манастырьскыихъ: хлѣбъ, сочиво и мало рыбъ. Мъногашьды же и христолюбьцю Изяславу и таковыихъ брашьнъ въкушающю, яко же и веселяся, глаголаше блаженому Феодосию: «Се, яко же вѣси, отьче, вьсѣхъ благыихъ мира сего испълънися домъ мои, то же нѣсмь тако сладъка брашьна въкушалъ, яко же нынѣ съде. Многашьды бо рабомъ моимъ устроишимъ различьная и многоцѣньная брашьна, ти не суть така сладъка. Нъ молю ти ся, отьче, повѣжь ми, откуду есть сладость си въ брашьнѣ вашемь?» Тъгда же богодъхновеныи

жеской рати, уже изготовившейся к битве, пообещал в мыслях своих: если вернусь домой невредимым, то пожертвую святой богородице в монастырь блаженного Феодосия 2 гривны золота и оклад прикажу сковать на икону святой богородицы. Потом была битва, и многие пали в бою. В конце концов враги были побеждены, а победители благополучно вернулись восвояси. И забыл боярин, что пообещал святой богородице. И вот несколько дней спустя, когда спал он днем в своем доме, вдруг раздался над ним страшный голос, зовущий его по имени: «Климент!» Он же вскочил и сел на ложе. И увидел перед кроватью своей икону святой богородицы, бывшую в монастыре блаженного. И голос от иконы исходил: «Почему же, Климент, не дал ты мне того, что обещал? Ныне же говорю тебе: поспеши выполнить свое обещание!» Изрекла это икона святой богородицы и стала невидимой. Тогда тот боярин, испугавшись, взял, что было им обещано, понес в монастырь и отдал блаженному Феодосию, а также и оклад сковал для иконы святой богородицы. И вот некоторое время спустя задумал тот же боярин принести в дар монастырю блаженного Евангелие. И вот, когда пришел он к великому Феодосию, спрятав Евангелие за пазухой, и после молитвы собрались они сесть, а боярин еще не достал Евангелия, сказал ему вдруг блаженный: «Прежде, брат Климент, достань святое Евангелие, которое у тебя за пазухой и которое пообещал ты в дар святой богородице, а потом уже сядем». Услышав это, ужаснулся боярин прозорливости преподобного, ибо никому не говорил об этом раньше. И достал он святое то Евангелие и отдал блаженному в руки, и так сели они, и, насытившись духовной беседой, возвратился боярин домой. И с той поры полюбил он блаженного Феодосия, и стал часто приходить к нему, и немалую пользу получал, беседуя с ним.

И когда вот так же приходил кто-нибудь к Феодосию, то после духовной беседы угощал он пришедших обедом из припасов монастырских: подавали хлеб, чечевицу и немного рыбы. Не раз вот так же обедал и христолюбец Изяслав и весело говорил Феодосию: «Вот, отче, ты же знаешь, что всех благ мира полон дом мой, но никогда я не ел таких вкусных яств, как у тебя сегодня. Слуги мои постоянно готовят разнообразные и дорогие кушанья, и все же не так они вкусны. Прошу тебя, отче, поведай мне, отчего так вкусны яства ваши?» Тогда боговдохновенный отец Феодосий, чтобы укрепить благочестие князя, сказал ему: «Раз уж хочешь узнать это, добрый влады-

отьць Феодосии, хотя увѣрити того на любъвь божию, глагола ему: «То аще, благыи владыко, сия увѣдѣти хощеши, послушаи насъ, и повѣдѣ ти. Егда бо братии манастыря сего хотящемъ варити, или хлѣбы пещи, или кую ину служьбу творити, тъгда пьрьвое шьдъ единъ отъ нихъ възьметь благословление отъ игумена, таче по сихъ поклониться прѣдъ святыимь олътарьмь три краты до земля, ти тако свѣщю въжьжеть от святаго олътаря и отъ того огнь възгнѣтить. И егда пакы воду въливая въ котьлъ, глаголеть старѣишинѣ: «Благослови, отьче!» И оному рекущю: «Богъ да благословить тя, брате!» И тако вься служьба ихъ съ благословлениемь съвьрьшаеться. Твои же раби, и яко же рече, дѣлають сварящеся и шегающе и кльнуще другъ друга, многашьды же и биеми суть от приставьникъ. И тако же вься служьба ихъ съ грѣхъмь сътваряеться». То же слышавъ, христолюбьць глагола: «По истинѣ, отьче, тако есть, яко же глагола». ...

Се бо приспѣвъшю нѣколи праздьнику Усъпения прѣсвятыя богородиця, бѣша же и цьркъви творяще праздьникъ въ тъ дьнь, маслу же не сущю дрѣвяному въ кандила на вълияние въ тъ дьнь. Помысли строитель цьркъвьныи въ сѣмени льнянѣмь избити масла, и то, вълиявъше въ кандила, въжещи. И въпросивъ о томь блаженаго Феодосия, и оному повелѣвъшю сътворити тако, яко же помысли. И егда въсхотѣ лияти въ кандило масло то, и се видѣ мышь въпадъшю въ не, мьртву плавающу в немь. Таче, скоро шьдъ, съповѣда блаженому, глаголя, яко съ вьсякыимь утвьрьжениемь бѣхъ покрылъ съсудъ тъ съ маслъмь, и не вѣдѣ, откуду вълѣзе гадъ тъ и утопе. То же блаженыи помысли, яко божие есть съмотрение се. Похуливъ же свое невѣрьство, глаголя тому: «Лѣпо бы намъ, брате, надежю имѣти къ богу уповающе, яко мощьнъ есть подати намъ на потрѣбу, его же хощемъ. А не тако, невѣрьствовавъше, сътворити, его же не бѣ лѣпо. Нъ иди и пролѣи масло то на землю. И мало потьрьпимъ, моляще бога, и тъ имать намъ дати въ сии дьнь до избытъка дрѣвянага масла». Таче уже бывъшю году вечерьнюму, и се нѣкъто от богатыихъ принесе кръчагу велику зѣло, пълъну масла дрѣвянааго. Ю же видѣвъ, блаженыи прослави бога, яко тъ въскорѣ услыша молитву ихъ. И тако налияша кандила вься, и избыся его большая часть. И тако сътвориша на утрѣи дьнь праздьникъ свѣтълъ святыя богородиця...

Боголюбивыи же кънязь Изяславъ, иже по истинѣ бѣ теплъ на вѣру, яже къ господу нашему Иисусу Христу и къ прѣчистѣи матери его, иже послѣ же положи душю свою за

ка, так послушай, поведаю тебе. Когда братия монастырская хочет готовить, или хлебы печь, или что другое делать, тогда прежде всего идет один из них и получает благословение от игумена, после этого трижды поклонится перед святым алтарем до земли, и зажжет свечу от святого алтаря, и уже от той свечи разжигает огонь. И потом, когда воду наливает в котел, говорит старшему: «Благослови, отче!» И тот отвечает: «Бог да благословит тебя, брат!» И так все дела их совершаются с благословением. А твои слуги, как известно, делают все ссорясь, подсмеиваясь, переругиваясь друг с другом, и не раз побиты бывают старшими. И так вся служба их в грехах проходит». Выслушал его христолюбец и промолвил: «Поистине так, отче, как ты сказал». ...

Настали как-то дни праздника Успения святой богородицы, и надо было праздновать его в церкви, а не хватило деревянного масла, чтобы залить в лампады. И решил эконом добыть масло из льняного семени и, разлив то масло по лампадам, зажечь. И спросил на это разрешения у блаженного Феодосия, и велел ему Феодосий сделать так, как задумал. И когда уже собрался он разливать масло в лампады, то увидел, что мышь упала в сосуд и плавает, мертвая, в масле. Поспешил он к блаженному и сказал: «Уж с каким старанием накрывал я сосуд с маслом, и не пойму, откуда пролез этот гад и утонул!» Но блаженный подумал, что в этом божественная воля. И, укорив себя за неверие, сказал эконому: «Нам бы, брат, следовало возложить надежду на бога, ибо он может подать нам все, чего ни пожелаем. А не так, как мы, потеряв веру, делать то, что не следует. Так иди же и вылей то масло на землю. И подождем немного, помолимся богу, и он подаст нам сегодня деревянного масла с избытком». Уже настал вечер, когда неожиданно какой-то богач принес в монастырь огромную корчагу, полную деревянного масла. И, увидев это, прославил блаженный бога, так скоро внявшего их молитвам. И заправили все лампады, и осталась еще бóльшая часть масла. И так устроили на следующий день светлый праздник святой богородицы.

Боголюбивый же князь Изяслав, истинно благочестивый в вере к господу нашему Иисусу Христу и к пречистой матери и сложивший впоследствии голову свою за своего брата по

брата своего по господню гласу, сь любъвь имѣя, яко же речеся, не просту къ отьцю нашему Феодосию и часто приходя къ нему и духовьныихъ тѣхъ словесъ насыщаяся от него. И тако въ единъ от дьнии пришьдъшю тому, и въ цьркъви сѣдящема има на божьствьнѣи тои бесѣдѣ, и годъ бысть вечерьнии. Тако же сии христолюбьць обрѣтеся ту съ блаженыимь и съ чьстьною братиею на вечерьниимь славословии. И абие божиею волею дъждю велику лѣющюся, блаженыи же видѣвъ тако належание дъждю, призъвавъ же келаря, глагола ему: «Да приготовиши на вечерю брашьна на ядь кънязю». Тъгда же приступи къ нему ключарь, глаголя: «Господи отьче! Меду не имамъ, еже на потрѣбу пити кънязю и сущиимъ съ нимь». Глагола тому блаженыи: «Ни ли мало имаши?» Отвѣща он: «Еи, отьче, яко ни мало не имамъ, бѣаше бо, яко же рече, опроворотилъ таковыи съсудъ тъщь и ниць положилъ». Глагола тому пакы блаженыи: «Иди и съмотри истѣе, еда осталося или мало чьто от него будеть». Онъ же отвѣщаваше рекыи: «Ими ми вѣру, отьче, яко и съсудъ тъ, въ немь же таковое пиво, опровратихъ и тако ниць положихъ». То же блаженыи, иже по истинѣ испълъненъ духовьныя благодѣти, глагола тому сь: «Иди по глаголу моему и въ имя господа нашего Иисуса Христа обрящеши медъ въ съсудѣ томь». Онъ же, вѣру имъ блаженому, отъиде и пришьдъ въ храмъ и по словеси святааго отьца нашего Феодосия обрѣте бъчьвь ту правѣ положену и пълъну сущю меду. Въ страсѣ же бывъ и въскорѣ шьдъ, съповѣда блаженому бывъшее. Глагола тому блаженыи: «Мълъчи, чадо, и не рьци никому же о томь слова, нъ иди и носи, елико ти на трѣбу кънязю и сущиимъ съ нимь; и еще же и братии подаи от него, да пиють. Се бо благословление божие есть». Таче пакы дъждю прѣставъшю, отъиде христолюбьць въ домъ свои. Бысть же тако благословление въ дому томь, яко же на мъногы дьни довъльномъ имъ тѣмь быти.

Въ единъ же пакы от дьнии от единоя вьси приде мьнихъ манастырьскыи къ блаженому отьцю нашему Феодосию, глаголя, яко въ хлѣвинѣ, иде же скотъ затваряемъ, жилище бѣсомъ есть. Тѣмь же и многу пакость ту творять въ немь, яко же не дадуще тому ясти. Многашьды же и прозвутеръ молитву творить и водою святою покрапляя, то же никако; осташася зълии ти бѣси, творяще муку и доселѣ скоту. Тъгда же отьць нашь Феодосии въоружився на ня постъмь и молитвою по господню гласу, еже рече: «Сь родъ изгониться ничимь же, тъкъмо молитвою и постъмь». Тѣмь же уповая блаженыи, яко имать прогънати я от мѣста того, яко же дрѣвле от мѣсиль-

призыву господню, как говорят, искренне любил отца нашего Феодосия и часто посещал его и насыщался духовными его беседами. Вот так однажды пришел князь, и сидели они в церкви, беседуя о боге, а время было уже вечернее. Так и оказался тот христолюбец с блаженным и честной братией на вечерней службе. И вдруг, по воле божьей, пошел сильный дождь, и блаженный, видя, что раздождилось, призвал келаря и сказал ему: «Приготовь ужин для князя». Тогда пришел к нему ключник, говоря: «Господин отец наш! Нет у меня меду для князя и спутников его». Спросил его блаженный: «Нисколько нет?» Он ответил: «Да, отче! Нисколько не осталось, я же говорил, что опрокинул пустой сосуд и положил набок». Блаженный же снова посылает его: «Пойди и посмотри лучше, вдруг осталось что-нибудь или немного наберется». Тот же говорит в ответ: «Поверь мне, отче, что я и сосуд тот, где было питье, перевернул и положил набок». Тогда блаженный, поистине исполненный духовной благодати, сказал ему так: «Иди и по слову моему и во имя господа нашего Иисуса Христа найдешь мед в том сосуде». Он же, поверив блаженному, вышел и отправился в кладовую, и свершилось чудо по слову святого отца нашего Феодосия: стоит опрокинутый прежде бочонок и доверху полон меду. Испуганный ключник тотчас вернулся к блаженному и поведал ему о случившемся. Отвечал ему блаженный: «Молчи, чадо, и не говори об этом никому ни слова, а иди и носи, сколько будет нужно князю и спутникам его; да и братии подай, пусть пьют. Это все — благословение божие». Тем временем дождь перестал, и христолюбец отправился к себе домой. И таково было благословение на монастыре том, что и впредь на много дней еще хватило меда.

Однажды к блаженному отцу Феодосию пришел из некоего села монастырский монах, рассказывая, что в хлеве, где стоит скот, живут бесы. И немало вреда приносят они там, не давая скоту есть. Много раз уже священник молился и кропил святой водой, но все напрасно: остались там злые бесы и по сей день мучают скот. Тогда отец наш Феодосий вооружился для борьбы с ними постом и молитвой, ибо сказал господь: «Ничем не истребится этот род бесовский, только молитвой и постом». Поэтому и надеялся блаженный, что сможет изгнать бесов из хлева, как прежде прогнал из пекарни. И пришел в то село, и вечером, войдя один в хлев, где обитали бесы, запер двери и

ниця. И прииде въ село то и вечеръ вниде единъ въ хлѣвину ту, иде же бѣси жилище имяхуть, и, затворивъ двьри, ту же прѣбысть до утрьняя, молитву творя. Яко же от того часа не явитися бѣсомъ на то мѣсто, се же ни въ дворѣ пакости творити никому же. Молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия, яко се оружиемь отгънани быша от вьси тоя. И тако пакы блаженыи приде въ манастырь свои, яко храбъръ сильнъ, побѣдивъ зълыя духы, пакостьствующа въ области его.

Пакы же нѣколи въ единъ от дьнии къ сему блаженому и преподобьному отьцю нашему Феодосию приде старѣи пекущиимъ, глаголя, яко мукы не имамъ на испечение хлѣбомъ братии. Глагола тому блаженыи: «Иди, съглядаи въ сусѣцѣ, еда како мало мукы обрящеши въ немь, донъдеже пакы господь попечеться нами». Онъ же вѣдяшеся, яко и помелъ бѣ сусѣкъ тъ и въ единъ угълъ мало отрубъ, яко се съ троѣ или съ четверы пригърущѣ, тѣмь же глаголааше: «Истину ти вѣщаю, отьче, яко азъ самъ пометохъ сусѣкъ тъ, и нѣсть въ немь ничьсо же, развѣ мало отрубъ въ угълѣ единомь». Глагола тому отьць: «Вѣру ми ими, чадо, яко мощьнъ есть богъ, и от тѣхъ малыихъ отрубъ напълънить намъ сусѣкъ тъ мукы, иже яко же и при Илии сътвори въдовици онои, умъноживъ от единѣхъ пригърущь мукы множьство, яко же прѣпитатися еи съ чады своими въ гладьное врѣмя, донъдеже гобино бысть въ людьхъ. Се бо нынѣ тъ же есть, и мощьнъ есть и тако же и намъ от мала мъного сътворити. Нъ иди и съмотри, еда благословление будеть на сусѣцѣ томь». То же слышавъ, онъ отъиде, и яко вниде въ храмъ тъ, ти видѣ сусѣкъ тъ, иже бѣ пьрьвѣе тъщь, и молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия пълънъ сущь мукы, яко же прѣсыпатися еи чрѣсъ стѣну на землю. Тъгда же въ ужасти бысть, видя таковое прѣславьное чюдо, и въспятився, блаженому съповѣда. То же святыи къ тому: «Иди, чадо, и не яви никому же сего, нъ сътвори по обычаю братии хлѣбы. Се бо молитвами преподобьныя братия нашея посъла богъ милость свою къ намъ, подая намъ вься на потрѣбу, его же аще хощемъ». ...

Бысть въ то врѣмя съмятение нѣкако от вьселукавааго врага въ трьхъ кънязьхъ, братии сущемъ по плъти, яко же дъвѣма брань сътворити на единого старѣишааго си брата, христолюбьца, иже по истинѣ боголюбця Изяслава. То же тако же прогънанъ бысть от града стольнааго, и онѣма, пришьдъшема въ градъ тъ, посылаета же по блаженааго отьца нашего Феодосия, бѣдяща того прити къ тѣма на обѣдъ и причетатися неправьдьнѣмь томь съвѣтѣ. То же, иже бѣ испълъненъ духа

молился там до утра. И с тех пор они там больше не появлялись и во дворе никому уже не вредили. Так молитвами преподобного отца нашего Феодосия, словно оружием, изгнаны были бесы из села. И возвратился блаженный в свой монастырь, словно могучий воин, победив злых духов, вредивших в области его.

Некоторое время спустя пришел как-то к блаженному и преподобному отцу нашему Феодосию старший над пекарями и сказал, что не осталось муки, чтобы испечь для братии хлебы. Ответил ему блаженный: «Пойди посмотри в сусеке, ну, как найдется в нем немного муки, на то время, пока господь снова не позаботится о нас». Тот же помнил, что подмел сусек и замел все отруби в один угол, да и тех немного: с три или четыре пригоршни, и поэтому сказал: «Правду тебе говорю, отче, сам вымел сусек, и нет там ничего, разве только отрубей немного в одном углу». Отвечал ему отец Феодосий: «Поверь мне, чадо, что велик бог и от той пригоршни отрубей наполнит нам сусек мукой, как при Илье превратил одну пригоршню муки во множество, чтобы смогла некая вдовица перебиться с детьми в голодное время, пока не настала пора урожая. Вот так и ныне: сможет бог из малого сделать много. Так пойди же и посмотри, вдруг благословен будет тот сусек». Услышав слова эти, вышел он, и когда приблизился к сусеку, то увидел, что молитвами преподобного отца нашего Феодосия сусек, прежде пустой, полон муки, так что даже пересыпалась она через стенки на землю. Пришел он в ужас, видя такое славное чудо, и, вернувшись, рассказал обо всем блаженному. Святой же ему в ответ: «Иди, чадо, и, не говоря никому, испеки, как обычно, хлебы на братию. Это по молитвам преподобной нашей братии ниспослал нам бог свою милость, подавая нам все, что мы желаем». ...

Был в то время раздор — по наущению лукавого врага — среди трех князей, братьев по крови: двое из них пошли войной на третьего, старшего своего брата, христолюбца и уж поистине боголюбца Изяслава. И был изгнан он из своего стольного города, а они, придя в город тот, послали за блаженным отцом нашим Феодосием, приглашая его прийти к ним на обед и присоединиться к неправедному их союзу. Но тот преподобный, исполнен духа святого, видя, что несправедливо изгнание христолюбца, ответил посланному, что не пойдет на пир Вель-

святаго, преподобныи же Феодосии разумѣвъ, еже неправьдьно суще изгънание, еже о христолюбьци, глаголеть посъланому, яко не имамъ ити на трапезу Вельзавелину и причаститися брашьна того, испълнь суща кръви и убииства. И ина же многа укоризньна глаголавъ, отпусти того, рекыи, яко да възвѣстиши вься си посълавъшимъ тя. Нъ обаче она, аще и слышаста си, нъ не възмогоста прогнѣватися на нь, видяста бо правьдьна суща человѣка божия, ни пакы же послушаста того, нъ устрьмистася на прогънание брата своего, иже от вьсея тоя области отъгънаста того, и тако възвратистася въспять. И единому сѣдъшю на столѣ томь брата и отьца своего, другому же възвративъшюся въ область свою.

Тъгда же отьць нашь Феодосии, напълнивъся святаго духа, начатъ того обличати, яко неправьдьно сътворивъша и не по закону сѣдъша на столѣ томь, и яко отьця си и брата старѣишаго прогънавъша. То же тако обличаше того, овъгда епистолия пиша, посылааше тому, овъгда же вельможамъ его, приходящемъ къ нему, обличааше того о неправьдьнѣмь прогънании брата, веля тѣмь повѣдати тому. Се же и послѣ же въписа къ нему епистолию велику зѣло, обличая того и глаголя: «Глас кръве брата твоего въпиеть на тя къ богу, яко Авелева на Каина». И инѣхъ многыихъ дрѣвьниихъ гонитель, и убоиникъ, и братоненавидьникъ приводя, и притъчами тому вься, еже о немь, указавъ и тако въписавъ, посъла. И яко тъ прочьте епистолию ту, разгнѣвася зѣло, и яко львъ рикнувъ на правьдьнааго, и удари тою о землю. И яко же отътолѣ промъчеся вѣсть, еже на поточение осужену быти блаженому. То же братия въ велицѣ печали быша и моляаху блаженааго остатися и не обличати его. Тоже тако же и от боляръ мънози приходяще повѣдахуть ему гнѣвъ княжь на того сущь и моляхуть ѝ не супротивитися ему. «Се бо,— глаголааху,— на заточение хочеть тя посълати». Си же слышавъ, блаженыи, яко о заточении его рѣша, въздрадовася духъмь и рече къ тѣмъ: «Се бо о семь вельми ся радую, братие, яко ничьсо же ми блаже въ житии семь: еда благодатьство, имѣнию лишение нудить мя? Или дѣтии отлучению и селъ опечалуеть мя? Ничьсо же от таковыихъ принесохомъ въ миръ сь, нъ нази родихомъся, тако же подобаеть намъ нагомъ проити от свѣта сего. Тѣмь же готовъ есмь или на съмьрьть». И оттолѣ начатъ того укаряти о братоненавидѣнии, жадааше бо зѣло, еже поточену быти.

Нъ обаче онъ, аще и вельми разгнѣвалъся бѣ на блаженааго, нъ не дьрьзну ни единого же зъла и скьрьбьна сътворити тому, видяаше бо мужа преподобьна и правьдьна суща его. Яко же

зевулов и не прикоснется к тем яствам, исполненным кровию и убийством. И много еще, осуждая их, говорил и, отпуская посланного, наказал ему: «Передай все это пославшим тебя». Они же, хотя и не посмели прогневаться за такие слова на Феодосия, видя, что правду сказал человек божий, но и не послушали его, а двинулись на брата своего, чтобы изгнать его из удела того, и затем вернулись назад. Один из них сел на престоле отца и брата своего, а другой отправился в свой удел.

Тогда же отец наш Феодосий, исполнившись духа святого, стал обличать князя в том, что неправедно он поступил и не по закону сел на престоле том, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца. И так обличал его, то письма ему посылая, а то осуждал беззаконное изгнание брата перед приходившими к нему вельможами и велел им передать его слова князю. А после написал ему большое письмо, грозя ему такими словами: «Голос крови брата твоего взывает к богу, как крови Авелевой на Каина!» И, приведя в пример многих других древних притеснителей, убийц, братоненавистников и в притчах поступок его изобличив, описал все это и послал. Когда же прочел князь это послание, то пришел в ярость и, словно лев, рыкнув на праведного, швырнул письмо его на землю. И тогда облетела всех весть, что грозит блаженному заточение. Братия же в великой печали умоляла блаженного отступиться и прекратить обличения князя. И многие бояре, приходя, говорили о княжеском гневе и умоляли не противиться ему. «Он ведь,— говорили,— хочет заточить тебя». Услышав, что говорят о его заточении, воспрянул духом блаженный и сказал им: «Это очень радует меня, братья, ибо ничто мне не мило в этой жизни: разве тревожит меня, что лишусь я благоденствия или богатства? Или опечалит меня разлука с детьми и утрата сел моих? Ничего из этого не принес я с собой в мир сей: нагими рождаемся, так подобает нам нагими же и уйти из мира сего. Поэтому готов я на смерть». И с тех пор по-прежнему обличал братоненавидение князя, всей душой желая быть заточенным.

Однако князь, как ни сильно гневался на блаженного, не дерзнул причинить ему ни зла, ни печали, видя в нем мужа преподобного и праведного. Недаром же он прежде постоянно

прѣже многашьды, его ради, завидяаше брату своему, еже такого свѣтильника имать въ области своеи, яко же съповѣдаше, слышавъ от того, чьрноризьць Павьлъ, игуменъ сыи от единого манастыря, сущиихъ въ области его.

Блаженыи же отьць нашь Феодосии, много молимъ бывъ от братьѣ и от вельможь, наипаче же разумѣвъ, яко ничьсо же успѣшьно сими словесы тому, остася его, и оттолѣ не укаряаше его о томь, помысливъ же въ себѣ, яко унѣ есть мольбою того молити, да бы възвратилъ брата си въ область свою.

Не по мнозѣхъ же дьньхъ разумѣвъ благыи князь тъ прѣложение блаженааго Феодосия от гнѣва и утѣшение, еже от обличения того, въздрадовася зѣло, издавьна бо жадааше бесѣдовати съ нимь и духовьныихъ словесъ его насытитися. Таче посылаеть къ блаженому, аще повелить тому прити въ манастырь свои или ни? Оному же повелѣвъшу тому приити. То же сии, съ радостию въставъ, приде съ боляры въ манастырь его. И великому Феодосию съ братиею ишьдъшу ис цьркъви и по обычаю сърѣтъшю того и поклоньшемася, яко же е лѣпо, кънязю, и тому же цѣловавъшю блаженаго. Таче глаголааше се: «Отьче, не дьрьзняхъ приити къ тебѣ, помышляя, еда како гнѣваяся на мя и не въпустиши насъ въ манастырь». То же блаженыи отвѣща: «Чьто бо, благыи владыко, успѣеть гнѣвь нашь, еже на дьрьжаву твою? Нъ се намъ подобаеть обличити и глаголати вамъ, еже на спасение души. И вамъ лѣпо есть послушати того». И тако же въшьдъшема въ цьркъвь и бывъши молитвѣ, сѣдоста, и блаженому Феодосию начьнъшю глаголати тому отъ святыихъ кънигъ, и много указавъшю ему о любъви брата. И оному пакы многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящю тому съ тѣмь мира сътворити. И тако же пакы по мнозѣи тои беседѣ отъиде князь въ домъ свои, славя бога, яко съподобися съ таковыимь мужьмь бесѣдовати, и оттолѣ часто приходяше къ нему и духовьнаго того брашьна насыщаяся паче меду и съта: се же суть словеса блаженааго, яже исходяахуть от медоточьныихъ устъ тѣхъ. Многашьды же великыи Феодосии къ тому хожаше, и тако въспоминаше тому страхъ божии и любъвь, еже къ брату.

И въ единъ от дьнии шьдъшю къ тому благому и богоносьному отьцю нашему Феодосию, и яко вьниде въ храмъ, иде же бѣ князь сѣдя, и се видѣ многыя играюща прѣдъ нимь: овы гусльныя гласы испущающемъ, другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако вьсѣмъ играющемъ и веселящемъся, яко же обычаи есть прѣдъ князьмь. Блаженыи же, бѣ въскраи его сѣдя и долу нича и яко малы

завидовал брату своему Изяславу, что был такой светоч в земле его, как рассказывал слышавший это от Святослава черноризец Павел, игумен одного из монастырей, находившихся в его уделе.

А блаженный отец наш Феодосий после многих просьб братии своей и вельмож, а особенно видя, что ничего не достиг обличением своим, оставил князя в покое, и с тех пор уже больше не укорял его, решив про себя, что лучше будет умолять его, чтобы возвратил своего брата в принадлежавшую тому область.

Некоторое время спустя заметил благой тот князь, что утих гнев Феодосия и что перестал тот обличать его, и обрадовался, ибо давно жаждал побеседовать с ним и насытиться духовной его беседой. Тогда посылает он к блаженному: разрешит ли он прийти к себе в монастырь или нет? Феодосий же велел ему прийти. Обрадовался князь и прибыл с боярами в монастырь. И великий Феодосий с братией вышли из церкви и, как положено, встретил его и поклонился, как подобает кланяться князю, а князь поцеловал блаженного. Потом же сказал он: «Отче! Не решался прийти к тебе, думая, что гневаешься на меня и не впустишь в монастырь». Блаженный же отвечал: «А может ли, благой владыка, совладать гнев наш с властью твоей? Но подобает нам обличать вас и говорить о спасении души. А вам должно послушать это». И так вошли они в церковь и после молитвы сели, и начал блаженный Феодосий говорить словами Священного писания, и не раз напоминал ему о братолюбии. Тот же снова возлагал всю вину на брата своего и из-за этого не хотел с ним примириться. И после долгой беседы вернулся князь домой, славя бога за то, что сподобился беседовать с таким мужем, и с тех пор часто приходил к нему и насыщался душевной пищей, более чем медом и сытой, таковы были слова блаженного, исходившие из медоточивых уст его. Много раз и Феодосий посещал князя и напоминал ему о страхе божьем и о любви к брату.

Однажды пришел к князю благой и богоносный отец наш Феодосий и, войдя в палаты, где сидел князь, увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гуслях, другие гремели в орга́ны, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей. Блаженный же сел рядом с князем, опустив очи долу, и, приклонившись, спросил у него: «Вот так ли будет на том свете?» Тот же умилил-

въсклонивъся, рече къ тому: «То будеть ли сице на ономь свѣтѣ?» То же ту абие онъ съ словъмь блаженааго умилися и малы прослъзиси, повелѣ тѣмъ прѣстати. И оттолѣ, аще коли приставяше тыя играти, ти слышааше блаженаго пришьдъша, то повелѣваше тѣмъ прѣстати от таковыя игры.

Многашьды же пакы, егда възвѣстяхуть приходъ тому блаженаго, то же, тако ишьдъ, того сърѣташе, радуяся, прѣдъ двьрьми храму, и тако вънидоста оба въ храмъ. Се же, яко же веселяся, глаголаше преподобьному: «Се, отьче, истину ти глаголю: яко аще быша ми възвѣстили отьця въставъша от мьртвыихъ, не быхъ ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемь. И не быхъ ся того тако боялъ или сумьнѣлъ, яко же преподобьныя твоея душа». Блаженыи же то же: «Аще тако боишися мене, то да сътвори волю мою и възврати брата своего на столъ, иже ему благовѣрьныи отьць свои прѣдасть». Онъ же о семь умълъче, не могыи чьто отвѣщати къ симъ, тольми бо бѣ и врагъ раждьглъ гпѣвъмь на брата своего, яко ни слухъмь хотяше того слышати.

Отьць же нашь Феодосии бѣ по вься дьни и нощи моля бога о христолюбьци Изиславѣ, и еще же и въ ектении веля того поминати, яко стольному тому князю и старѣишю вьсѣхъ, сего же, яко же рече, чрѣсъ законъ сѣдъшю на столѣ томь, не веляше поминати въ своемь монастыри. О семь же едъва умоленъ бывъ от братиѣ, повелѣ и того съ нимь поминати, обаче же пьрьвое христолюбьца ти тъгда сего благаго.

Великыи же Никонъ, видѣвъ таковое съмятение въ князихъ суще, отъиде съ инѣма дъвѣма чьрьноризьцема въ прѣжереченыи островъ, иде же бѣ манастырь съставилъ, и блаженому Феодосию мъного того моливъшю, яко да не разлучитися има, донъдеже еста въ плъти, и не отходити ему от него. Обаче онъ не послушавъ его о томь, нъ, яко же рече, отъиде въ свое мѣсто.

Тъгда же отьць нашь Феодосии, напълнивъся духа святааго, начатъ благодатию божиею подвизатися, яко же въселити тому въ другое мѣсто, помагающу тому святому духу, и цьркъвь же велику камениемь възградити въ имя святыя богородиця и приснодѣвыя Мария. Пьрьвѣи бо цьркъви древянѣ сущи и малѣ на приятие братии.

Въ начатъкъ же таковааго дѣла събърася множьство людии, и мѣсто на възгражение овѣмъ ова кажющемъ, инѣмъ же ино, и вьсѣхъ не бѣ подобьно мѣсто княжю полю, близь прилежащю. И се по строю божию бѣ благыи князь Святославъ туда минуя и, видѣвъ многъ народъ, въпроси, чьто творять ту.

ся словам блаженного и прослезился и велел прекратить музыку. И с тех пор, если, пригласив к себе музыкантов, узнавал о приходе блаженного, то приказывал им прекратить игру.

И много раз впоследствии, когда сообщали князю о приходе блаженного, то он выходил и радостно встречал его перед дверями хоромов своих, и так оба входили в дом. Князь же как-то сказал преподобному с улыбкой: «Вот, отче, правду тебе говорю: если бы мне сказали, что отец мой воскрес из мертвых, и то бы не так обрадовался, как радуюсь твоему приходу. И не так я боялся его и смущался перед ним, как перед твоей преподобной душой». Блаженный же отвечал: «Если уж так боишься меня, то исполни мою волю и возврати своему брату престол, который передал ему благоверный отец». Промолчал князь, не зная, что отвечать, так ожесточил его враг против брата, что и слышать о нем не хотел.

А отец наш Феодосий дни и ночи молил бога за христолюбца Изяслава и в ектении велел упоминать его как киевского князя и старшего надо всеми, а Святослава — как мы говорили, против закона севшего на престол,— не велел поминать в своем монастыре. И едва умолила его братья, и тогда повелел поминать обоих, однако же первым — христолюбца, потом же и этого, благого.

Великий Никон, видя княжеские распри, удалился с двумя черноризцами на прежде упомянутый остров, где в прошлом основал монастырь, хотя много раз умолял его блаженный Феодосий не разлучаться с ним, пока оба живы, и не покидать его. Но не послушал его Никон и, как мы сказали, ушел на свое прежнее место.

Тогда же отец наш Феодосий, исполненный духа святого, задумал по благодати божьей переселиться на новое место и, с помощью святого духа, создать большую каменную церковь во имя святой богородицы и приснодевы Марии. Старая же церковь была деревянной и не могла вместить всей братии.

Собралось множество людей на закладку церкви, и одни указывали одно место, где построить ее, другие — другое, и не было места лучше, чем на находящемся вблизи княжеском поле. И вот, по воле божьей, проезжал мимо благой князь Святослав и, увидев множество народа, спросил, что здесь

И яко же увѣдѣвъ и съвративъ коня, приѣха къ нимъ, и, яко от бога подвиженъ, показа тѣмъ мѣсто на своемь поли, веля ту възградити таковую цьркъвь. Се же яко же и по молитвѣ тому самому начатъкъ копанию положити. Бѣаше же и самъ блаженыи Феодосии по вься дьни съ братиею подвизаяся и тружая о възгражении таковаго дому. Обаче аще и не съвьрьши его живъ сы, нъ се и по съмьрьти того, Стефану приимъшю игуменьство и богу помагающю тому молитвами преподобьнааго отьца нашего Феодосия, съвьрьшено дѣло и домъ съграженъ. Ту же братии преселивъшемъся, и онъдеже малу ихъ оставъшю и съ тѣми прозвутеру и диякону, яко же по вься дьни и ту святая литурьгия съвьрьшаеться.

Се же житие преподобьнааго и блаженааго отьца нашего Феодосия, еже от уны вьрьсты до сьде от многаго мало въписахъ. Къто бо довълнъ вься по ряду съписати добрая управления сего блаженааго мужа, къто же възможеть по достоянию его похвалити! Аще бо искушюся достоино противу исправлению его похвалити, нъ не възмогу — грубъ сы и неразумичьнъ.

Многашьды же сего блаженаго князи и епископи хотѣша того искусити, осиляюще словесы, нъ не възмогоша и акы о камыкъ бо приразивъшеся отскакаху, ограженъ бо бѣ вѣрою и надежею, еже къ господу нашему Иисусу Христу, и въ себе жилище святааго духа сътвори. И бысть въдовицямъ заступьникъ и сирыимъ помощьникъ и убогыимъ заступьникъ и, съпроста рещи, вься приходящая, уча и утѣшая, отпущааше, убогыимъ же подавая, еже на потрѣбу и на пищю тѣм.

Мънози же того от несъмыслыныихъ укаряхуть, то же сии съ радостию та приимаше, се же, яко же и от ученикъ своихъ многашьды укоризны и досажения тому приимати, нъ обаче онъ, бога моля за вься, прѣбываше. И еще же и о худости ризьнѣи мнози от невѣглас, усмихающеся тому, ругахуться. Онъ же и о томь не поскърьбѣ, нъ бѣ радуяся о поругании своемь и о укоризнѣ и вельми веселяся, бога о томь прославляше.

Яко же бо аще къто не зная того, ти видяше ѝ въ такои одежи суща, то не мьняаше того самого суща блаженааго игумена, нъ яко единого от варящиихъ. Се бо и въ единъ дьнь идущю тому къ дѣлателемъ, иде же бѣша цьркъвь зижющеи, сърѣте и того убога въдовиця, яже бѣ от судии обидима, и глагола тому самому блаженому: «Чьрьноризьче, повѣжь ми, аще дома есть игуменъ вашь?» Глагола тои блаженыи: «Чьто трѣбуеши от него, яко тъ человѣкъ есть грѣшьнъ?» Глагола тому жена: «Аще грѣшьнъ есть, не вѣмь, тъкъмо се вѣмь, яко

происходит. А когда узнал, то повернул коня и подъехал к ним и, словно богом подвигнут, показал им на то самое место на своем поле, веля здесь и построить церковь. И тут же, после молитвы, сам первый начал копать. И сам блаженный Феодосий каждый день трудился с братией, строя здание это. Но, однако, не закончил его при жизни, а после смерти его, при игуменстве Стефана, с божьей помощью по молитвам отца нашего Феодосия, закончено было дело и построено здание. Переселилась туда братия, а на прежнем месте осталось их немного, и с ними — священник и дьякон, так что всякий день и здесь совершалась святая литургия.

Вот какова жизнь преподобного и блаженного отца нашего Феодосия, которую — от юных лет и до старости — описал я вкратце. А кто сможет по порядку описать все мудрое управление этого блаженного мужа, кто сможет похвалить его по заслугам! Хотя и пытаюсь я воздать достойную хвалу делам его, но не смогу — невежда я и неразумен.

Много раз князья и епископы хотели искусить того блаженного, в словопрении одолеть, но не смогли и отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на господа нашего Иисуса Христа, и святой дух пребывал в нем. И был он заступник вдовиц и помощник сирот, и нищих заступник, и, попросту говоря, всех приходивших к нему отпускал, поучив и утешив, а нищим подавал, в чем нуждались они и на пропитание.

Многие из неразумных укоряли его, но с радостью сносил он все попреки, как сносил не раз укоры и досаждения от своих учеников, все равно, однако, молясь за всех богу. И еще многие невежды, насмехаясь над ветхими ризами, издевались. И об этом он не печалился, но радовался и поруганию и укорйзнам, и в веселье великом славил за это бога.

Когда кто-нибудь, не знающий Феодосия, видел его в такой одежде, то не мог и подумать, что это и есть тот самый блаженный игумен, а принимал его за повара. Так вот однажды шел он к строителям, возводившим церковь, и встретила его нищая вдова, обиженная судьей, и обратилась к самому блаженному: «Черноризец, скажи мне, дома ли игумен ваш?» Спросил и ее блаженный: «Что ты хочешь от него, ибо человек он грешный?» Отвечала ему женщина: «Грешен ли он, не знаю, но только знаю, что многих избавил он от печалей и напастей, того ради

многы избави от печали и напасти и сего ради и азъ придохъ, яко да и мнѣ поможеть, обидимѣ сущи бес правьды от судии». Таче блаженыи увѣдѣвъ, яже о неи, съжалиси, глагола тои: «Жено! Нынѣ иди въ домъ свои, и се, егда придеть игуменъ нашь, то же азъ възвѣщю ему, еже о тебѣ, и тъ избавить тя от печали тоя». То же слышавъши, жена отъиде въ домъ свои, и блаженыи иде къ судии и, еже о неи, глаголавъ тому, избави ту от насилия того, яко же тому посълавъшю възвратити тои, имь же бѣ обидя ю.

Тако же сии блаженыи отьць нашь Феодосии многыимъ заступьникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавляя тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемъ прѣслушати его, вѣдуще и правьдьна и свята. Не бо его чьстяху чьстьныихъ ради пъръть, или свѣтьлыя одежа, или имѣния ради мъногаго, нъ чистаго его ради жития и свѣтьлыя душа, и поучение того многыихъ, яже кыпяхуть святымь духомь от устъ его. Козьлины бо тому бѣахуть, яко многоцѣньная и свѣтьлая одежа, власяница же, яко се чьстьная и цесарьская багъряница, и тако, тѣмь величаяся, ходяше и житиемь богоугодьно поживъ.

И уже на коньць жития прѣшьдъ, прѣже увѣдѣвъ, еже къ богу, свое отшьствие и дьнь покоя своего, правьдьныимъ бо съмьрьть покои есть.

Тъгда же уже повелѣ събърати вьсю братию и еже въ селѣхъ или на ину кую потрѣбу шьли и, вься съзъвавъ, начатъ казати тиуны, и приставьникы, и слугы, еже прѣбывати комужьдо въ порученѣи ему служьбѣ съ вьсякыимь прилежаниемь и съ страхъмь божиемь, въ покорении и любъви. И тако пакы вься съ сльзами учаше, еже о спасении души и богоугодьнѣмь житии и о пощении, и еже къ цьркъви тъщание, и въ тои съ страхъмь стояние, и о братолюбии, и о покорении, еже не тъкъмо къ старѣишинамъ, нъ и къ съвьрьстьныимъ себѣ любъвь и покорение имѣти. Глаголавъ, отъпусти я, самъ же, вълѣзъ въ келию, начатъ плакатися, бия въ пьрьси своя, припадая къ богу и моляся ему о спасении души, и о стадѣ своемь, и о мѣстѣ томь. Братия же, ишьдъше вънъ, глаголаху къ себѣ: «Чьто убо сии сицево глаголеть? Егда, къде отшьдъ, съкрытися хощеть въ таинѣ мѣстѣ, ти жити единъ и намъ не вѣдущемъ его». Яко же многашьды въсхотѣ тако сътворити, нъ умоленъ бываше о томь от князя и от вельможь. Братии о томь паче молящися. И тако же и ту тако тѣмъ мьнящемъ.

Таче по сихъ блаженаго зимѣ възгрозивъши и огню уже лютѣ распальшу и, и не могыи къ тому ничьто же, възлеже на одрѣ, рекъ: «Воля божия да будеть, и яко же изволися ему

и я пришла, чтобы и мне помог, ибо обижена я судьей не по закону». Тогда, расспросив обо всем, пожалел ее блаженный и сказал ей: «Иди сейчас домой, и когда придет игумен наш, то расскажу ему о тебе, и избавит он тебя от печали». Услышав это, женщина отправилась домой, а блаженный пошел к судье и, поговорив с ним, избавил ее от притеснений, так что судья сам послал вернуть ей то, что отнял.

Вот так блаженный отец наш Феодосий заступался за многих перед судьями и князьями, избавляя их, ибо не смел никто его ослушаться, зная праведность его и святость. И чтили его не ради дорогих нарядов или светлых одежд и не ради великого богатства, но за непорочную его жизнь, и за светлую душу, и за многие поучения, кипящие святым духом в устах его. Козлиная шкура была ему многоценной и светлой одеждой, а власяница — почетной багряницей царской, и, в них оставаясь великим, богоугодно провел он дни свои.

И вот настал конец жизни его, и уже заранее узнал он день, когда отойдет к богу и настанет час успокоения его, ибо смерть — покой для праведника.

Тогда повелел он собрать всю братию и тех, кто в села ушел или по каким иным делам, и, созвав всех, начал наставлять тиунов, и приставников, и слуг, чтобы каждый исполнял порученное ему дело со всяческим прилежанием и со страхом божьим, с покорностью и любовью. И опять поучал всех со слезами о спасении души, и о жизни богоугодной, и о посте, и о том, как заботиться о церкви и стоять в ней с трепетом, и о братолюбии, и о покорстве, чтобы не только старших, но и сверстников своих любить и покоряться им. Поучив же, отпустил их, а сам вошел в келью и начал плакать и бить себя в грудь, кланяясь богу и молясь ему о спасении души, и о стаде своем, и о монастыре. Братия же, выйдя на двор, стала говорить промеж себя: «Что такое он говорит? Или уйдя куда-нибудь, хочет скрыться в неизвестном месте и жить один без нас?» Ибо не раз уже собирался он так сделать, но уступал мольбам князя и вельмож и особенно мольбам братии. И теперь они подумали о том же.

А блаженный тем временем трясся в ознобе и пылал в жару и, уже совсем обессилев, лег на постели своей и промолвил: «Да будет воля божья, что угодно ему, то пусть и сделает со

о мънѣ, тако да сътворить! Нъ обаче молю ти ся, владыко мои, милостивъ буди души моеи, да не сърящеть ея противьныихъ лукавьство, нъ да приимуть ю̀ ангели твои, проводяще ю̀ сквозѣ пронырьство тьмьныихъ тѣхъ мытарьствъ, приводяще ю̀ къ твоего милосьрьдия свѣту». И си рекъ, умълъче, къ тому не могыи ничьто же.

Братии же въ велицѣ скърьби и печали сущемъ его ради. Потомь онъ 3 дьни не може ни глаголати къ кому, ниже очию провести, яко многыимъ мьнѣти, яко же уже умрѣтъ, тъкъмо же малы видяхуть и́ еже сущю душю въ немь. Таче по трьхъ дьньхъ въставъ, и братии же вьсеи събьравъшися, глагола имъ: «Братие моя и отьци! Се, яко уже вѣмь, врѣмя житию моему коньчаваеться, яко же яви ми господь въ постьное врѣмя, сущю ми въ пещерѣ, изити от свѣта сего. Вы же помыслите въ себѣ, кого хощете, да азъ поставлю и вамъ въ себе мѣсто игумена?» То же слышавъше, братия въ велику печаль и плачь въпадоша, и по сихъ излѣзъше вънъ и сами въ себѣ съвѣтъ сътвориша, и яко же съ съвѣта вьсѣхъ Стефана игумена въ себѣ нарекоша быти, деместика суща цьркъвьнааго.

Таче пакы въ другыи дьнь блаженыи отьць нашь Феодосии, призъвавъ вьсю братию, глагола имъ: «Чьто, чада, помыслисте ли въ себѣ, еже достоину быти въ вас игумену?» Они же вьси рекоша, яко Стефану достоину быти по тебѣ игуменьство прияти. Блаженыи же, того призъвавъ и благословивъ, игумена имъ въ себе мѣсто нарече. Оны же много поучивъ, еже покарятися тому, и тако отпусти я́, нарекъ имъ дьнь прѣставления своего, яко въ суботу, по възитии съльнца, душа моя отлучиться от тѣлесе моего. И пакы же призъвавъ Стефана единого, учааше и́, еже о паствѣ святааго того стада, не бо и не отлучашеся от него, служа тому съ съмѣрениемь, бѣ бо уже болѣзнию лютою одьрьжимъ.

И яко же пришьдъши суботѣ и дьни освитающу, посълавъ блаженыи призъва вьсю братию, и тако по единому вься цѣлова, плачющася и кричаща о разлучении таковааго имъ пастуха. Блаженыи же глагола имъ сице: «Чада моя любимая и братия! Се бо и утробою вься вы цѣлую, яко отхожю къ владыцѣ, господу нашему Исусу Христу. И се вамъ игуменъ, его же сами изволисте. Того послушаите, и отьца того духовьнааго себѣ имѣите, и того боитеся, и по повелѣнию его вься творите. Богъ же, иже вься словъмь и прѣмудростию сътвори, тъ васъ благослови и снабъди от пронырьваго без бѣды, и неподвижиму и твьрьду, яже къ тому вѣру вашю да съблюдеть въ единоумии и въ единои любъви до послѣдьняго изды-

мной! Но, однако, молю тебя, владыка мой, смилуйся над душой моей, пусть не встретит ее коварство дьявольское, а примут ее ангелы твои и сквозь препоны адских мук приведут ее к свету твоего милосердия». И, сказав это, замолк, и говорить уже не в силах.

Братия же была в великой скорби и печали из-за его болезни. А потом он три дня не мог ни слова сказать, ни взглядом повести, так что многие думали уже, что он умер, и мало кто мог заметить, что еще не оставила его душа. После этих трех дней встал он и обратился ко всей собравшейся братии: «Братья мои и отцы! Знаю уже, что истекло время жизни моей, как объявил мне о том господь во время поста, когда был я в пещере, что настал час покинуть этот свет. Вы же решите между собой: кого поставить вам вместо меня игуменом?» Услышав это, опечалились братья и заплакали горько, и потом, выйдя на двор, стали совещаться между собой и по общему согласию порешили, чтобы быть игуменом у них Стефану, регенту церковному.

На другой день блаженный отец наш Феодосий, снова призвав к себе всю братию, спросил: «Ну, чада, решили вы, кто достоин стать вашим игуменом?» Они же все отвечали, что Стефан достоин принять игуменство после Феодосия. И блаженный, призвав Стефана к себе и благословив, поставил его вместо себя игуменом. А братию долго поучал слушаться его и отпустил всех, назвав им день смерти своей: «В субботу, после восхода солнца, покинет моя душа тело мое». И, снова пригласив к себе одного Стефана, поучал его, как пасти святое то стадо, и тот уже больше не отлучался от него и смиренно прислуживал Феодосию, ибо становилось тому все хуже.

Когда же настала суббота и рассвело, послал блаженный за всей братией и стал целовать их всех, одного за другим, плачущих и вопиющих, что разлучаются с таким пастырем. А блаженный им говорил: «Чада мои любимые и братия! Всем сердцем прощаюсь с вами, ибо отхожу к владыке, господу нашему Иисусу Христу. И вот вам игумен, которого сами пожелали. Так слушайте же его, и пусть будет он вам отцом духовным, и бойтесь его, и делайте все по его повелению. Бог же, тот, кто все сотворил словом своим и премудростью, пусть благословит вас, и защитит от лукавого, и сохранит веру вашу нерушиму и тверду в единомыслии и взаимной любви, чтобы до последнего дыхания были вы вместе. Да будет на вас

хания въкупѣ суще. Даи же вамъ благодать, еже работати тому бес прирока, и быти вамъ въ единомь тѣлѣ и единѣмь духомь въ съмѣрении сущемъ и въ послушании. Да будете съвьрьшени, яко же и отьць вашь небесьныи съвьрьшенъ есть. Господь же буди съ вами! И о семь же молю вы и заклинаю: да въ неи же есмь одежи нынѣ, въ тои да положите мя тако въ пещерѣ, иде же постьныя дьни прѣбываахъ, ниже омываите убогаго моего тѣла, и да никъто же от людии мене, нъ вы едини сами да погребете въ прѣжереченѣмь мѣстѣ тѣло се». Си же слышавъше братия от устъ святаго отьца плачь и сльзы изъ очию испущааху.

Блаженыи же пакы утѣшая глаголааше: «Се обѣщаюся вамъ, братия и отьци, аще и тѣлъмь отхожю от васъ, нъ духомь присно буду съ вами. И се, елико же васъ въ манастыри семь умьреть, или игуменъмь къде отсъланъ, аще и грѣхы будеть както сътворилъ, азъ имамъ о томь прѣдъ богъмь отвѣщати. А иже отъидеть както о себѣ от сего мѣста, то же азъ о томь орудия не имамъ. Обаче о семь разумѣите дьрьзновение мое, еже къ богу: егда видите вься благая умножающаяся въ манастыри семь, вѣдите, яко близь владыки небесьнааго ми сущю. Егда ли видите скудѣние суще и вьсѣмь умаляющеся, тъгда разумѣите, яко далече ми бога быти и не имуща дьрьзновения молитися къ нему».

Таче и по глаголѣхъ сихъ отпусти я̀ вънъ вься, ни единого же у себе оставивъ. Единъ же от братиѣ, иже вьсегда служааше ему, малу сътворь скважьню, съмотряше ею. И се блаженыи въставъ и ниць легъ на колѣну, моляше съ сльзами милостивааго бога о спасении душа своея, вься святыя призывая на помощь и наипаче же — святую владычицю нашю богородицю, и тою господа бога спаса нашего Иисус Христа моля о стадѣ своемь и о мѣстѣ томь. И тако пакы по молитвѣ възлеже на мѣстѣ своемь и, мало полежавъ, таче възьревъ на небо, и великъмь гласъмь, лице весело имыи, рече: «Благословленъ богъ, аще тако есть то: уже не боюся, нъ паче радуяся отхожю свѣта сего!» Се же, яко же разумѣти есть, яко обавление нѣкое видѣвъ, сице издрече. Яко по томь опрятався и нозѣ простьръ, и руцѣ на пьрьсьхъ крьстообразьнѣ положь, прѣдасть святую ту душю въ руцѣ божии и прѣложися къ святыимъ отьцемъ.

Тъгда же братия сътвориша надъ нимь плачь великъ и тако, възьмъше того, понесоша въ цьркъвь, и по обычаю святое пѣние сътвориша. Тъгда же, акы нѣ от коего божьствьнааго явления, подвижеся вѣрьныихъ множьство, и съ усьрьдиемь сами придоша и бѣша прѣдъ враты сѣдяще и ожидающе, донъ-

благодать — служить богу безупречно, и быть всем как одно тело и одна душа в смирении и послушании. И будьте же вы совершенны, как совершенен и отец ваш небесный. Да пребудет господь с вами! И вот о чем прошу вас и заклинаю: в какой одежде сейчас я, в той и положите меня в пещере, где провел я дни поста, и не обмывайте ничтожное тело мое, и пусть никто из людей, кроме вас самих, не хоронит меня на месте, которое я вам указал». Братья же, слыша слова эти из уст святого отца, плакали, обливаясь слезами.

А блаженный снова утешал их, говоря: «Вот обещаю вам, братья и отцы, что хотя телом и отхожу от вас, но душою всегда буду с вами. И знайте: если кто-либо из вас умрет здесь, в монастыре, или будет отослан куда-нибудь, то если и грех какой совершит, все равно буду я за того отвечать перед богом. А если же кто по своей воле уйдет из монастыря, то до такого мне дела нет. И из того разумейте вы дерзновенье мое перед богом: если видите, что процветает монастырь наш, знайте, что я возле владыки небесного. Если же когда-либо увидите оскудение монастыря и в нищету впадет он — значит, далек я от бога и не имею дерзновенья ему молиться».

После этих слов отослал всех от себя, никого у себя не оставив. Лишь один монах, который всегда служил Феодосию, проделав дырочку небольшую, следил через нее. И вот встал блаженный и склонился ниц, моля со слезами милостивого бога о спасении души своей, всех святых призывая на помощь, а всего более — святую владычицу нашу богородицу, и молил ее именем господа бога, спасителя нашего Иисуса Христа о стаде своем и монастыре. И снова, помолившись, лег на постель свою и, немного полежав, вдруг взглянул на небо и воскликнул громко с радостным лицом: «Благословен бог, что так свершилось: вот уже не страшно мне, но радуюсь я, что отхожу от света сего!» И можно думать, что сказал он так, увидев явление некое, потому что потом выпрямился, вытянул ноги, и руки крест-накрест сложил на груди, и предал святую душу свою в руки божьи, и приобщился к святым отцам.

Тогда горько плакали братья над телом его, а потом, подняв, понесли его в церковь и отпели, как подобает по обычаю. И тут же, словно по какому божественному указанию, собралось отовсюду множество благочестивых, и с готовностью пришли и уселись перед воротами, ожидая, когда вынесут блажен-

деже блаженааго изнесуть. Благовѣрьныи же князь Святославъ бѣ не далече от манастыря блаженааго стоя, и се видѣ стълъпъ огньнъ, до небесе сущь надъ манастырьмь тѣмь. Сего же инъ никъто же видѣ, нъ тъкъмо князь единъ, и яко же от того разумѣти прѣставление блаженаго, и глагола сущимъ съ нимь: «Се, яко же мьню, дьньсь блаженыи Феодосии умьре». Бѣ бо прѣже того дьне былъ у него и видѣлъ болесть его тяжьку сущю. Таче посълавъ и увѣдѣвъ истѣе прѣставление, плакася по томь много.

Братии же врата затворивъшемъ и никого же пустящемъ по повелѣнию блаженааго, и бѣша присѣдяще надъ нимь и ожидающе, донъдеже разидуться людие, и тако того погребуть, яко же самъ повелѣ. Бѣша же и боляре мнози пришьли, и ти прѣдъ враты стояще. И се по съмотрению божию пооблачилося небо, и сьниде дъждъ. То же ти тако разбѣгошася. И абие пакы дъждь прѣста и сълньце въсия. И тако того несъше въ прѣжереченую пещеру, положиша и́, и запечатьлѣвъше и отъидоша, и безъ брашьна вьсь дьнь прѣбыша.

Умрѣтъ же отьць нашь Феодосии въ лѣто 6000 и 582, мѣсяца маия въ 3, въ суботу, яко же прорече самъ, въсиявъшю сълньцю.

ного. А благоверный князь Святослав, который находился недалеко от монастыря блаженного, вдруг увидел, что огненный столп поднялся до неба над тем монастырем. И никто больше этого не видел, только князь один, и поэтому догадался он, что преставился блаженный, и сказал окружавшим его: «Вот сейчас, как мне кажется, умер блаженный Феодосий». Был он незадолго перед тем у Феодосия и видел его тяжелую болезнь. Тогда, послав и услышав, что и вправду преставился он, горько о нем заплакал князь.

Братия же заперла ворота и никого не пускала, как велел блаженный, и сидела над телом его, ожидая, когда разойдутся люди, чтобы тогда и похоронить его, как он сам повелел. И немало бояр пришло и стояло перед воротами. И вот по велению божьему затянуло небо облаками, и пошел дождь. И разбежались все люди. И тотчас же снова перестал дождь, и засияло солнце. И так отнесли Феодосия в пещеру, о которой говорили мы прежде, и положили его, и, запечатав гроб, разошлись, и весь день пребывали без пищи.

Умер же отец наш Феодосий в год 6582 (1074) месяца мая на 3 день, в субботу, как и сам предсказал — после восхода солнца.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Азъ худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, наречный въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы ... и хрестьяных людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ от всѣх бѣдъ! Сѣдя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же люба дѣтий моихъ, а приметь е́ в сердце свое, и не лѣнитися начнеть тако же и тружатися.

Первое, бога дѣля и душа своея, страх имѣйте божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы от братья моея на Волзѣ, рѣша: «Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я́, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я́, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах. Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Уповаи на бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же господа,— ти обладають землею». И еще мало,— «И не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть.

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную,— это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и переписал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и

Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозрить, яко придеть день его. Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть в сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшных многа. Яко мышца грѣшных скрушится, утвержаеть же праведныя господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наслѣдять землю, кленущии же его потребятся. От господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко господь подъемлеть руку его. Унъ бѣх, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуеть и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будеть. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка».

«Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя человѣкъ весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися со мною с выше». «Возвеселится праведник, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли». «Измий мя от врагъ моихъ, боже, и от встающих на мя отъими мя. Избави мя от творящих безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водвэрится плачь, а заутра радость». «Яко лучьши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. Тако благословлю тя в животѣ моемь, и о имени твоемь въздѣю руцѣ мои». «Покры мя от соньма лукаваго и от множьства дѣлающих неправду». «Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю господа на всяко время, воину хвала его», и прочая.

Яко же бо Василий учаше, собрав ту уноша, душа чисты, нескверньни, тѣлеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово господне: «Яди и питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣ-

не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешных. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет господь. Ибо грешники погибнут,— праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир, и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику — значит, есть бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость» «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Еде и питью быть без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не много смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не бе-

довати, долу очи имѣти, а душю горѣ, пребѣгати; не стрѣкати учить легкых власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можеть инѣмь услѣти, от бога мьзды да чаеть и вѣчных благъ насладится». «О Владычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмь семь житьи.

Научися, вѣрный человѣче, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, господа ради; лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ — люби, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сожжемъся, глаголеть господь. Аще будуть грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я́», и прочее. «Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья; очистимъ собе, братья, от всякоя крови плотьскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: «Слава тобѣ, человѣколюбче!»

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець богъ милостивъ и премилостивъ. Мы, человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ и́ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего. Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е́ к собѣ, тако же и господь нашь показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малым дѣломь улучити милость божью.

«Что есть человѣкъ, яко помниши и́?» «Велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес твоихъ; и пакы речемъ: велий еси, господи, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, как ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма, и свѣт, и земля на водах положена, господи,

седовать и избегать их, глаза держа книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — люби, гонимый — терпи, хулимый — моли, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите, да соединимся, говорит господь. Если будут грехи ваши как обагренные,— как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец»!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше разумения нашего терпит, так и во всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они. Ни затворничеством, ни монашеством, ни недоеданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божию.

«Что такое человек, как помыслишь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои. Разум человеческий не может постигнуть чудеса твои». И снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, господи, твоим

твоимъ промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи разноличнии въ человѣчьскыхъ лицих,— аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по божии мудрости. И сему ся подивуемы, как птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе, въ наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, иже та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи: егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, господи, и хваленъ зѣло!» Всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ. «Да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣм сердцемь и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будеть проклятъ».

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите бога, давшаго нам милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего приимете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: яко же блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и нас грѣшных помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмъ бо ночным поклоном и пѣньем человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмь человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а «господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю, ѣздя.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильным погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его. Аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся богомь, ни хрестится, нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будете крестъ целовати к братьи или к кому, а ли управивъше сердце свое, на нем же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы,

промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица,—если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то, и имея язык, онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. «И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою: а то, дальнейшее,— это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не все примете, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи,— если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше,— нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не по-

и игумены... с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву... от бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣм: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть. Куда же поидете, иде же станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ,—брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землямъ, любо добрым, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ божий имѣйте выше всего.

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мне будеть бе-сорома, и вамъ будеть добро.

Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои, Христе боже, иже далъ ми еси свѣтъ твой красный!» И еще: «Господи,

губить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но молвите: смертны суть; сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чти, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжайте и ночью, расставив охрану со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напойте и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене, воздавши богу хвалу, и потом на рассвете, увидев солнце восходящее, с радостью прославьте бога и молвите: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой дивный!» И еще: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах

приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявъся, оправдивъ животъ», тако похвалю бога и сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. О тъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь с Гордятичемъ, той пакы и отъиде к Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху ляхове пожгли, той ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь. А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ,— ожьгъше Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскъ, воюя, та Чернигову. И пакы, и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах и́ к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за

своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и звери, и птицы, и люди.

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску. И затем снова ходил я к Смоленску со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску, а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье двое братьев на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу; ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль, и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною, и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира прогнанный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег,— а я с черниговцами верхом с поводными конями помчался, но не застал... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною, и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на сле-

Новымъ Городом разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи и полонъ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды.

Том же лѣтѣ гонихом по половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхахом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхом услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; только семцю яша одиного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изьимаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи, и богъ ны поможе и святая богородица: избихом 900 половець, и два князя яхом, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомь на Святославль гонихом по половцих, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по половцих. И паки на той сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомь с Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхом. И потомь ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.

И пакы по отни смерти и при Святополцѣ, на Стугнѣ бившеся съ половци до вечера, бихом — у Халѣпа, и потомь миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у Глѣбовы чади пояхом дружину свою всю.

И потомь Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу греблю, и не вдадуче внити имъ въ острогъ; съжаливъси хрестьяных душь и селъ горящих и манастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!» И вдахъ брату отца его мѣсто, а самъ идох на отця своего мѣсто Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхахом сквозѣ полкы половьчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ. Богъ и святый

дующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходил первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совещание в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на совещание в Броды и союз великий заключили.

И весной посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город. Только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и те, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, двух Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи захватили. И затем ходили во Владимир, опять Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всеми половцами к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог. Сжалился я над христианскими душами и селами горящими и монастырями и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и

Борисъ не да имъ мене в кориcть,— неврежени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе: избихом я́, а другия поимахом.

И пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бяше приложилъ к половцем. И на Богъ идохом, с Святополком на Боняка за Рось.

И Смолиньску идохом, с Давыдомь смирившеся. Паки идохом другое с Вороницѣ.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. И-Смолиньска идох Ростову.

И пакы, с Святополком гонихом по Боняцѣ, но ли оли... убиша, и не постигохом ихъ. И потомь по Боняцѣ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицѣ дни выидох; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню, идохом за не пс Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изьимахом лѣпшии, и по Рожествѣ створихом миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь, идохом Смоленьску. И потомь идох Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урубу с Святополком, и богъ ны поможе.

И потомь паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потомь ходихом к Воиню с Святополком; и потомь пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и́ ко Ромну идох со Ольгомь и з дѣтми на нь, и они очутивше бѣжаша.

И потомь к Мѣньску ходихом на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потомь ходихом къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его.

А и-Щернигова до Кыева нестишьды ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣх путий 80 и 3 великих, а

святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску, и потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урубу со Святополком, и бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят

прока не испомню менших. И миров есмъ створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половечских князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Осеня братьѣ 4, а всѣх лѣпшихъ князий инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Акланъ, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, инѣхъ кметий молодых 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ в ту рѣчку въ Салню. По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и до сего лѣта по сту уганивал и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь диких своима рукама связалъ есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кромѣ того же по ровни ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣх и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ. Вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже, и богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то, я творилъ есмь. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ, и о ястрябѣх.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ сильным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ призиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочетъ: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю бога и прославьляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от

и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй, и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь: и пока сидел в Чернигове, и из Чернигова выйдя, и до этого года — по сотне загонял и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его, ибо меня, грешного и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, но к любому делу человеческому способным. Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог

звѣри, и от воды, от коня спадаяся, то никто же вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отьяти, но аче добро есть блюсти, божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго.

О многострастный и печалны азъ! Много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати пред страшным судьею, каянья и смѣренья не приимшим межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю»,— ложь есть. И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить отець вашь небесный». Пророкъ глаголеть: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящимъ безаконье». «Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ!» Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных дѣдѣх наших, при добрых и при блаженыхъ отцихъ наших. Дьяволъ бо не хочет добра роду человѣчскому, сваживаеть ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на бога, а станутъ си пред богомь; а Русьскы земли не погубим». И азъ видѣх смѣренье сына своего, сжалихси, и бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться — на бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣх человѣкъ.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоемь писаньи. Сими бо словесы варих тя переди, его же почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем хотя от бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставления. Господь бо нашь не человѣкъ есть, но богъ всей вселенѣ, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, то сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? — днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чим има порты? но токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы, послявше бяше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, яко же агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи

пошлет. Ибо если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого.

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не примирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю»,— ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего и грамоту, со словами: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут они пред богом; а Русскую землю не погубим». И, увидев смирение сына моего, сжалился я и, бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоего письма. Этими ведь словами предупреждал я тебя, объяснил, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но бог всей вселенной,— что захочет, во мгновение ока все сотворит,— а сам все же претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью всех. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянув-

въ помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створих? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину». Не крове дѣля пролитья,— помазаникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянье створивъ посыпа главу свою и плакася горко; во тъ час, отда ему согрѣшенья его богъ. А к богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя! А бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым сломь, да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли дѣди и отци наши: судъ от бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Да же еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», десятью я есмъ послалъ.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего,—ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да еже начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья твоего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане человѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмь... али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю

шее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери — слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал главу свою и плакал горько,— в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне,— ибо нет в ней ни зла, ни добра,— чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы так все и уладили. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать худого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты ешь свой хлеб, об этом и рядись. Если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла,

братьи и Русьскѣй земли. А его же то и хощеши насильем, тако вѣ даяла и у Стародуба и милосердуюча по тебѣ, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничто же, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

На страшнѣй при бе-суперник обличаюся, и прочее.

«Премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленым казателю и нищим заступниче! Утверди в разумѣ мое сердце, владыко! Ты дажь ми слово, отче, се бо устнама моима не възбрани въпити ти: милостиве, помилуй падшаго!» «Упованье мое богъ, прибѣжище мое Христосъ, покровъ мой святый дух». «Надеже и покрове мой, не презри мене, благая! Тебе бо имуще, помощницю в печали и в болѣзни и от злых всѣх, и тебе славлю, препѣтая!» «И разумѣйте и видите, яко азъ есмь богъ, испытаяй сердця и свѣдый мысли, обличаяй дѣла, опаляяй грѣхы, судяй сиротѣ, и убогу, и нищю». «Всклонися, душе моя, и дѣла своя помысли, яже здѣя, пред очи свои принеси, и капля испусти слезъ своих, и повѣжь явѣ дѣянья и вся мысли Христу, и очистися». «Андрѣа честный, отче треблаженый, пастуше Критьскый! Не престай моляся за ны чтущая тя, да избудем вси гнѣва, и печали, и тля, и грѣха, и бѣдъ же, чтуще память твою вѣрно». Град свой схрани, дѣвице мати чистая, иже о тебѣ вѣрно царствуеть, да тобою крѣпиться и тобѣ ся надѣеть, побѣжать вся брани, испромѣтает противныя и творить послушанье. «О препѣтая мати, рожьшия всѣх святых пресвятаго Слова! Приимши нынешнее послушанье, от всякия напасти заступи и грядущия мукы к тебѣ вопьющих. Молим ти ся, раби твои, и преклоняем си колѣни сердця нашего: приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбех погружающаяся присно, и сблюди от всякого плѣненья вражья твой град, богородице! Пощади, боже, наслѣдья твоего, прегрѣшенья наша вся презри, нынѣ нас имѣя молящих тя, на земли рожьшюю тя бе-сѣмене, земную милость, изволивъ обратитися, Христе, в человѣчьство». Пощади мя, Спасе, рожься и схрань рожьшюю тя нетлѣнну по рожествѣ, и егда сядеши судити дѣла моя, яко безгрѣшенъ и милостивъ, яко богъ и человѣколюбець. Дѣво пречистая,

но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличу, и прочее.

«Премудрости наставник и смысла податель, неразумным учитель и нищим заступник! Утверди в разуме сердце мое, владыка! Дай мне дар слова, отче, устам моим не запрещай взывать к тебе: милостивый, помилуй падшего!» «Упование мое — бог, прибежище мое — Христос, покров мой — дух святой!» «Надежда и защита моя, не презри меня, благая! Тебя имею помощницей в печали, и в болезни, и во всех бедах, и тебя славлю, воспетая!» «Разумейте и узрите, что я бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, опаляющий грехи, дающий суд сироте, и убогому, и нищему». «Преклонись, душа моя, и о делах своих помысли, содеянных тобою, глазами своими обозри их, и каплю испусти слез своих, и поведай открыто все дела свои и мысли Христу, и очистись». «Андрей честной, отче преблаженный, пастырь Критский! Не престань молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся все от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, чтущие память твою верно». Град свой сохрани, дева-матерь чистая, который царствует честно под твоим покровительством, пусть он тобой укрепляется и на тебя надеется, побеждает во всех битвах, сокрушает врагов и покоряет их. «О воспетая матерь, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее приношение, защити нас от всякой напасти и от грядущей муки — к тебе взывающих. Молимся тебе, рабы твои, и преклоняем колена сердца нашего: склони ухо твое, чистая, и спаси нас, вечно в скорбях погруженных, и соблюди от всякого пленения вражеского твой город, богородица! Пощади, боже, наследие твое, прегрешения наши все прости, видя, что мы молимся теперь тебе, на земле родившую тебя без семени, земную милость, изволением своим воплотивший, Христе, в человека». Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший родившую тебя не-

неискусна браку, богообрадованая, вѣрным направленье! Спаси мя погыбшаго, к Сыну си вопьющи: «Помилуй мя, господи, помилуй; егда хощеши судити, не осуди мя въ огнь, ни обличи мене яростью си; молит тя дѣва чистая, рожшая тя, Христе, и множество ангелъ и мученикъ зборъ».

О Христѣ Исусѣ господѣ нашемъ, ему же подобаеть честь и слава, отцю и сыну и святому духу, всегда и нынѣ, присно, вѣкъ.

тленною по твоем рождении, когда воссядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как бог и человеколюбец! Дева пречистая, не искушенная браком, богом обрадованная, верующим наставление, спаси меня, погибающего и к сыну твоему вопиющего: «Помилуй меня, господи, помилуй! Если хочешь судить, не осуждай меня на вечный огонь, не обличай меня яростью своею — молит тебя дева чистая, родившая тебя, Христе, и множество ангелов, и мучеников сонм».

Во имя Христа Иисуса, господа нашего, которому подобает честь и слава, отцу и сыну и святому духу, всегда и ныне и присно во веки!

ДЕЯНИЕ И ЖИТИЕ ДЕВГЕНИЕВО АКРИТА

Преславный Девгений на 12 лето мечем играше, а на 13 лето копием, а на 14 лето покушашеся вся звери победити и начат прилежно нудити отца своего и стрыев: «Поидите со мною на ловы». И рече ему отец: «Еще еси, сыну мой, млад, о ловех не молви, понеже жаль ми тебе, млада, нудити». И рече Девгений отцу своему: «Тем, отче, не нуди мене, понеже имам упование на сотворшаго бога, яко несть ми нуды в том, но великое утешение».

И то слово слышав отец юноши, яко так глаголет юноша, и совокупи вся вои и град весь и рад бысть с ним ехать на лов. И мнози идяху из града того на ловы за ним, зане слышаху Девгениеву дерзость. И вышедше из града на ловы, отец его ловит зайцы и лисицы, и стры его ловят, а Девгений им смеяшеся, и в пустыню вниде, и сниде с коня, яко сокол млады, на божию силу надеясь.

И два медведя по тростию хождаше, и с ними дети их бысть. И очюти медведица юношу, против ему поскочи и хотяше его пожрети. Юноша же еще не учен, како звери бити, и поскочи вборзе, переди ея похвати и согну ея лактями, и все, еже бе во чреве ея, выде из нея, борзо мертва бысть в руку. Други медведь бежаше во глубину тростия того.

И кликну его стрый к нему: «Чадо, стерегись, доколе не скочит на тебе медведь». И Девгений радостен бысть, и поверже свою рогвицу на месте, на нем же стояше, яко скоры сокол, медведя наскочи. И медведь к нему возвратись, разверзь уста своя, хотя его пожрети. Юноша же борзо скочи, и ухвати его

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ ДЕВГЕНИЯ АКРИТА

Преславный Девгений на двенадцатом году мечом играл, а на тринадцатом — копьем, а в четырнадцать лет захотел всех зверей одолеть и начал изо дня в день упрашивать своего отца и дядей: «Пойдите со мной на охоту». И сказал ему отец: «Еще молод ты, сын мой, не говори об охоте, боюсь за тебя, юного, что устанешь». Отвечал Девгений отцу своему: «Этим, отец, не пугай меня, так как надеюсь я на бога-творца, что будет мне охота не труд, а великая утеха».

Услышал отец слова, сказанные юношей, и собрал всех воинов и весь город, и рад был поехать с ним на охоту. И многие из того города собрались поохотиться, так как слышали об удали Девгения. И, выехав из города на охоту, стал отец Девгения ловить зайцев и лисиц, с ним и братья его охотятся, а Девгений посмеялся над ними, и заехал в места нехоженые, и соскочил с коня, точно молодой сокол, надеясь на божью силу.

И бродили в камыше два медведя, и медвежата с ними. И почуяла медведица юношу, выскочила ему навстречу и хотела его сожрать. А юноша, не научен еще, как зверей бить, подскочил к ней и, опередив, обхватил ее и сдавил локтями, да так, что все потроха ее вышли наружу, и она тут же издохла в его руках. А другой медведь убежал в камышовые заросли.

Тут окликнул Девгения дядя его: «Берегись, чадо, бросится на тебя медведь!» Обрадовался Девгений и, оставив палицу свою там, где стоял, словно быстрый сокол, налетел на медведя. Повернул медведь ему навстречу, оскалил пасть свою, норовя его сожрать. Но юноша стремглав подскочил, схватил

за главу, и оторва ему главу, и вборзе умре в руку его. От рыкания ж медведя того и от гласа юноши голк велик побеже.

И Амера царь к сыну кликну: «Девгений, сыну мой, стерегись, понеже лось бежит вельми велик, тебе же укрытися негде». То слышав, Девгений поскочи, яко лев, и, догнав лося, похвати его за задние ноги, надвое раздра.

«О чюдо преславно божиим дарованием! Кто сему не дивится? Какова дерзность явись млада отрочати, кто лося догна быстрее лва! От бога ему надо всем силу имети. Како победи медведи без оружия! О чюдо преславно! Видим юноши 14 лет возрастом суща, но не от простых людей, но от бога есть создан».

Но глаголаше меж собою, и абие зверь, лют зело, из болота выиде, из того же тростия. И узреста юношу, и часто глядаху, дабы не вредил юноши. Девгений ж влечаше лосову главу в правой руке и два медведя убитие, на левой руке — раздраны лось. И стрый рече ему: «Приди, чадо, семо и мертвая та поверги. Зде суть ины живы зверь, понеже то есть не лось раздрати надвое, то люты лев, с великою обороною итти к нему». Отвещаша юноша: «Господине стрыю! надеюсь на творца и на его величие божие и молитву матерню, яжь мя породи». И то слово Девгений рече ко стрыю, прииде и восхити меч свой вборзе и противу звери поиде. Зверь же обрел юношу к себе идущу и начат рыкати, и хвостом своя ребра бити, и челюсти своя разнем на юношу, и поскочи. Девгени ж удари его мечем во главу и пресече его наполы.

И начат отец его ко стрыю глаголати: «Виждь, стрыю, величия божия, како рассечен бысть лев, яко же и прежни лось». И борзо поскочиста отец со стрыями и начаста целовати его во усто, и очи, и руце, и глаголаху к нему вси: «Видеще, господине, твоего велегласнаго возраста, и красоты, и храбръства, кто не подивится?» Бе бо юноша возрастом вельми леп паче меры, а власы имуще кудрявы и очи вели. Гораздно на нь зрети — лице ж его, яко снег, и румяно, яко червец, брови же черны имяше, перси ж его сажени шире. Видев же отец юношу вельми красна, радовашесь и глагола к нему: «Чадо мое милое, преславны Девгений, зной зол и велик в полудни бысть. Всяки зверь сохранился бяше в пустолесие. Пойдем, чадо, к студеному источнику, измыеши бо лице свое от многаго пота и во ины порты облечешися, а рудныя с себе снимеши, понеже от зверинаго пота, и медвежи капани, и лютаго зверя крови порты на тебе орудишась. Измыю твои руце и нозе и сам аз».

его за голову и оторвал голову, и тотчас издох медведь в его руках. А от рева медвежьего и от крика юноши гул по лесу раскатился.

И крикнул сыну Амир-царь: «Девгений, сын мой, берегись: бежит на тебя огромный лось, а тебе негде укрыться». Услышав это, Девгений бросился, точно лев, за лосем, догнал его и, схватив за задние ноги, разорвал надвое.

«О чудо преславное по божественному дарованию! Кто этому не подивится? Какую удаль проявил молодой отрок, догнав лося, быстрее, чем лев! От бога дана ему сила, чтобы всех одолеть. А как победил медведя без оружия! О чудо преславное! Видим юношу четырнадцати лет, но не простой это человек, а самим богом создан».

Так говорили между собой, и внезапно свирепый зверь выскочил из болота, из того же камыша. И увидели юношу говорившие и стали следить, как бы не напал на него зверь. А Девгений волочил правой рукой голову лося и двух убитых медведей, а левой разодранного лося. И крикнул ему дядя: «Беги, чадо, сюда и брось этих мертвых. Здесь иной зверь, живой, это не то что лося разорвать надвое: это свирепый лев, осторожно иди к нему». Отвечал ему юноша: «Господин мой, дядя! Надеюсь на творца, и на могущество божье, и на молитву родившей меня матери». И, ответив так дяде, подбежал Девгений, схватил свой меч и пошел навстречу зверю. Зверь же, увидев идущего к нему юношу, зарычал и стал бить себя хвостом по бокам и, разинув пасть свою, прыгнул на него. Но Девгений ударил его мечом по голове и рассек на две половины.

И начал отец Девгения говорить своему брату: «Видишь, брат мой, каково могущество божье: рассечен и лев, как перед этим лось». И подбежали к Девгению отец и дяди, и начали целовать его в губы, целовать ему глаза и руки, и говорили ему все: «Кто не подивится, господин, стати твоей, красоте твоей и храбрости!» Был же юноша как никто другой статен, волосы у него кудрявые, глаза большие. Любо на него посмотреть: лицо у него как снег, и румяно, как маков цвет, брови же у него черные, а в плечах — косая сажень. Видя же прекрасного юношу, радовался отец и говорил ему: «Чадо мое милое, славный Девгений, нестерпим зной полуденный. Всякий зверь прячется в чаще. Пойдем же, чадо, к студеному ручью, омоешь лицо свое потное и оденешь на себя другие одежды, а окровавленные с себя снимешь, ибо от звериного пота, и медвежьих потрохов, и крови львиной обагрилось платье твое. А я сам омою руки твои и ноги».

Во источнице бо том свети, а вода яко свеща светится. И не смеяше бо к воде той от храбрых приитъти никто, понеже бяху мнози чудеса: в воде той змей велик живяше.

И пришедши им ко источнику, и седоша около Девгения, и начаша мыти лице его и руце. Он же рече: «Руце мои умываете, а еще им калатися». И того слова юноша не скончав, абие змей велик прилете ко источнику, яко человек явись троеглавой, и хотяше людей пожрети. И узре Девгений, и вборзе меч свои похвати, и противо змия поиде, и 3 главы ему отсече, и начат. руки умывати. И вси предстоящи почюдишася такой дерзости, юже юноша показа на лютом звери, и нача хвалу богу воздавати: «О чюдо велие! О вседержителю владыко, создавы человека и велику силу дав ему надо всеми силными и дивно храбрыми, показал человеки сильнее их».

И начаша юношу прилежно целовати и ризы с него совлекоша. Исподни ж быша хлада ради, а верхни бяху червлены, сухим златом тканы, а предрукавие драгим жемчюгом сажены, а наколенники его бяху драгая паволока, а сапоги его вси златы, сажены драгим жемчюгом и камением магнитом. Острози его виты златом со измарагдом камением.

И повеле юноша борзо ко граду погнати, да мати его не печалует по нем. И приидоша в домы своя вси и начаша веселитись. И радостно пребываша паче всех Девгениева мати, веселяшеся занеже породи сына славнаго и велегласнаго и краснаго.

Бысть же Девгениев конь бел, яко голубь, грива же у него плетена драгим камением, и среди камения звонцы златы. И от умножения звонцов, и от каменей драгих велелюбезны глас исхождаше на издивление всем. На лядвиях коневых драгою паволокою покрыто летняго ради праха, а узда его бысть златом кована со измарагдом и камением. Конь же его бысть борз и горазд играти, а юноша храбр бысть и хитр на нем сидети. И то видя, чюдишася, како фарь под ним скакаше, а он велми на нем крепко седяще и всяческим оружием играше и храбро скакаше.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О СВАДЬБЕ ДЕВГЕЕВЕ И О ВСЪХЫЩЕНИИ СТРАТИГОВНЕ

Преславны же Девгени взя молитву у отца своего и у матери своей, и совокупи воя немного, и взя с собою драгоценые порты и звончатые гусли, и всяде на конь свои борзы фарь, и поиде ко Стратигу.

А в ручье том сияние было и светилась вода, как свеча. И не смел никто из храбрецов подойти к той воде, ибо было там много чудесного: в той воде жил огромный змей.

Придя к ручью, сели все вокруг Девгения и начали омывать лицо его и руки. Он же сказал: «Моете руки мои, а им еще быть грязными». И не успел юноша договорить, как к ручью прилетел огромный змей, точно человек трехглавый, и хотел пожрать людей. Увидев его, Девгений быстро схватил свой меч и вышел навстречу змею, и отсек три головы его, и стал мыть руки. И все спутники юноши удивились такой удали и храбрости его в борьбе со львом и стали славить бога: «О чудо великое! О владыка вседержитель, создавший человека и даровавший ему силу великую на одоление всех сильных и безмерно храбрых».

И начали юношу наперебой целовать и сняли с него одежды. Нижние же одежды одеты были для тепла, а верхние были багряные и расшиты сухим золотом, а наплечники украшены драгоценным жемчугом, а наколенники его из дорогих паволок, а сапоги его золотые и украшены дорогим жемчугом и камнем магнитом. Шпоры его из витого золота с изумрудами.

И велел юноша тотчас скакать к городу, чтобы не тревожилась о нем мать. И вернулись все по домам своим и стали веселиться. И больше всех радовалась мать Девгения, что родила сына такого славного, сладкогласного и красивого.

А конь у Девгения был бел, словно голубь, а в гриву вплетены драгоценные камни, и среди камней — золотые колокольчики. И от камней драгоценных, и от колокольчиков раздавались всем на удивление чудесные звуки. Круп коня от летней пыли покрыт дорогим шелком, а уздечка окована золотом с камнем изумрудом и иными самоцветами. Конь же его быстроногий и гарцует под ним славно, а он сидит на нем ловко и смело. И, видя то, удивлялись все, как скачет под ним конь, а он крепко сидит на нем и разным оружием играет и скачет без страха.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О СВАДЬБЕ ДЕВГЕНИЯ И О ПОХИЩЕНИИ СТРАТИГОВНЫ

Преславный Девгений получил благословение у отца своего и у матери своей, собрал небольшое войско и, взяв с собой дорогие одежды и звонкие гусли, сел на своего быстрого коня и поехал к Стратигу.

И доиде сумежия Стратиговы земли. И не доиде до града за пять поприщ, и устави войско свое, и повеле им около себя стражу поставити и крепко имети, а сам поеде ко граду Стратигову. И приеде во грат, во врата града Стратигова, и встрете юношу Стратигова двора, и вопроша его о Стратиге и о сынех его и самой Стратиговне.

Отвещав же ему юноша: «Нет господина нашего Стратига царя дома, но в-ыной стране ловы деюша и с четырми сыны своими. И о Стратиговне вопрошаеши, ино, господине, несть таковыя прекрасныя на свете сем. Мнози суть приежали, а никто в очи ея не видал, занеже Стратиг храбер и силен, и сынове и прочие войско ево, един на сто найдет, а сама Стратиговна мужескую дерзость имеет, иному некому подобна суть, разве тебе».

Слышав же Девгени радостен бысть, занеже суть указана ему и написано: прикоснется Стратиговне и жития сего 36 лет. И поеде же Девгений градом Стратиговым и приеде ко твору Стратигову, и нача взирати на твор Стратигов.

Видев же Стратиговна и приниче ко окну, а сама не показася, Девгени же вспят возвратяся, взирающе на двор. И тогда девая видевше и подивися.

Бе бо время преминуло на нощь, а Девгени поиде во своя шатры, взя с собою юношу того, любовь велику до него имея, совлещи повеле с него порты худыя и облещи в драгия, и сотвори радость велику в ту нощь со своими милостивники. А заутра воста рано и повеле своей дружине имети у себе сторожу и рече им: «Разделитеся на многия пути и друг друга стерегите. Аще к вам приидет Стратиг, аз же не приготовлюсь, и начнет вам пакости творити со многих стран, и бейтеся с ним не ужасно, донеле же аз не приспею».

То слово изрек, и облечеся во многоценныя ризы, и повеле взяти гусли со златыми струнами, и повеле приняти юношу новоприятаго, и поехал сам-четверт ко двору Стратигову, и взя гусли, начат играти и пети, понеже дана ему божия помощь, иже имеет всегда на себе. Всегда ему доспеется, а прекрасной девице Стратиговне исхищенной быти от Девгения, сына Амиро царя.

И слышавши того гласа дева и прекраснаго играния, бысть ужасна и трепетна, к оконъцу приниче и узре Девгения самого четверта мимо двор едуща. И вселися в ню любовь. И начат звати кормилицу и рече ей: «Как юноша мимо двор еха и ум ми исхити! И ныне молю ти с всем сердцем прилежно: иди и глаголи к нему предвари». И когда возвратися юноша, и виде

И достиг рубежа Стратиговой земли. И, не доехав до города его пяти поприщ, остановил он войско свое и велел вокруг расставить стражу крепкую, а сам поехал в город Стратигов. И приехал в город, въехал в ворота городские, и повстречал юношу — слугу Стратига, и стал расспрашивать его о Стратиге и о сыновьях его и о дочери, Стратиговне.

Отвечал же ему юноша: «Нет господина нашего Стратига-царя дома, охотится он в дальней стране с четырьмя сыновьями своими. А о Стратиговне спрашиваешь, так нет, господин, такой же красавицы во всем свете. Многие приезжали, но никто не видел ее, потому что и Стратиг храбр и могуч, и сыновья его, и все его воины: один против сотни выходит, а сама Стратиговна отважна, как мужчина, и никто, кроме тебя, не может с ней сравниться».

Услышав это, обрадовался Девгений, потому что было ему предсказано и записано: если женится на Стратиговне, то проживет 36 лет. И поехал Девгений по городу Стратигову, и приехал ко двору его, и стал смотреть на двор Стратигов.

Увидев его, Стратиговна прильнула к окну, но сама не показалась. Девгений вновь возвратился, осматривая двор. Смотрела на него девица и дивилась.

Но время шло к ночи, и вернулся Девгений в свои шатры, взяв с собою полюбившегося ему юношу, и велел снять с него простые одежды и одеть его во все дорогое, и пировал всю ночь со своими любимыми слугами. А наутро, встав рано, велел своей дружине выставить дозоры и сказал: «Разойдитесь по разным дорогам, но друг друга из вида не теряйте. Если нападет на вас Стратиг и начнет досаждать вам со всех сторон, а я еще не готов буду к бою, то бейтесь с ним в полсилы, пока я не подоспею».

И, сказав так, оделся в дорогую одежду, и велел захватить с собою златострунные гусли, и с юношей, новым другом своим, поехал сам-четверт ко двору Стратигову, и, взяв гусли, стал играть и петь, ибо во всем ему была божья помощь. Всегда все удастся ему, а прекрасной девице Стратиговне суждено быть похищенной Девгением, сыном Амира-царя.

И, услышав голос его и звуки прекрасные, испугалась девица, затрепетала и, прильнув к оконцу, увидела, как Девгений сам-четверт проезжает мимо двора. И вселилась в сердце ее любовь. И, позвав кормилицу, сказала она ей: «Как это юноша мимо двора проехал, а сердце мое похитил! И прошу тебя от всего сердца: иди и задержи его своей беседой». И когда

кормилица и рече к нему: «Кую дерзость имаши и что есть тебе орудие к сему дому? Но не смеет птица пролетети мимо двора сего: от моей госпожи мнози главы своя положиша». И отвеща Девгений: «Кто тя посла глаголати мне?» И рече ему: «Мене посла госпожа моя, прекрасная Стратиговна, жалуючи юность твою, да быша тебе не вредили». Глагола к ней: «Молви госпоже своей: тако рек Девгений — вборзе приклони лице свое ко оконцу и покажи образа своего велелепного, и тогда уведаешь, чего ради раждающе. Аще ли того не сотворишь, не имаши живота имети себе и въси твои родители». И услышав, девица Стратиговна ко оконцу скоро припаде и начат глаголати к Девгению: «Свете светозарны, о прекрасное солнце! Жаль ми тебе, господине, аще моей ради любьве хощеши ся погубити, зане ини мнози мене ради главы своя положиша, а не видев, ни глаголав со мною. А ты кто еси, показав велию дерзость? Отец мой вельми храбр, и братия моя сильни суть, а у отца моего мужие — един от них на 100 наедет. А ты имаши мало с собою вой». Глагола Девгений к девице: «Аще бы я бога не боялся, смерти бы предал тя. Даждь ми ответ вскоре, что имаши на уме: хощеши ли слыти Девгениева Акрита жена или требуеши ему быти раба полоненна?»

Слышав же то, дева слезно отвеща ему: «Аще имаши любовь ко мне велию, то ныне мя исхыти, яко отца моего дома нет, ни сильной моей братии. Или чему ти исхитити мене? Аз сама еду с тобою, токмо в мужескую одежду облецы мя, зане имам мужескую дерзость. Аще путем мя нагонят, то сама оборонюсь. Мнози бо предо мною не успеют ничто же сотворити».

И то слышав, Девгений радостен бысть и рече к девице: «Несть на сердце тако, яко же ты глаголеши, понеже ми есть в том срам от отца твоего и от братии твоей. Начнут глаголати: татьбою приехав, Девгений девицу от нас исхыти. Но сице ти глаголю: повеленное мое сотвори. Когда приидет отец твой и братия твоя, скажи им исхищение свое». И рече ей: «Выди пред врата».

И поклонися Девгению, и прият Девгений единою рукою, и посади ю́ на гриве у коня, и начат ю́ любезно целовати, и ссади ю́ с коня своего. Девица же не хотяше отлучитися от него, и рече Девгений: «Возвратися и сотвори, яко же ти рекох, до отца твоего пришествия ожидай и мене к себе, пристроившесь, стани вне храма пред сеньми».

И тако рек, поцелова ю́ и поиде от нея. И пусти во град юношу, его же взят пред градом, и приказа ему с вестью быти,

снова проезжал юноша мимо двора, увидела его кормилица и обратилась к нему: «Откуда столько дерзости в тебе и что нужно тебе в доме этом? Мимо двора нашего птица пролететь не смеет: из-за моей госпожи многие головы свои сложили». И спросил Девгений: «Кто послал тебя говорить со мною?» Отвечала ему: «Послала меня моя госпожа, прекрасная Стратиговна, жалея юность твою, как бы не причинили тебе зла». Он же сказал ей: «Молви госпоже своей: вот что сказал Девгений — выгляни скорее в окно, покажи лицо свое прекрасное и тогда узнаешь, зачем... Если же этого не сделаешь, то не быть живой ни тебе, ни всему твоему роду». Услышав это, прильнула девица Стратиговна к оконцу и начала говорить Девгению: «Свет светлый, солнце прекрасное! Жаль мне тебя, господин, что можешь погубить себя из-за любви ко мне, ибо многие за меня свои головы сложили, даже не видя меня и словом со мной не перемолвясь. А ты кто таков, решившийся на такую неслыханную дерзость? Ведь отец мой безмерно храбр и братья мои могучи, а воины у отца моего—каждый из них может с сотней сражаться. А у тебя с собой мало воинов». Отвечал Девгений девице: «Если бы я бога не боялся, то предал бы тебя смерти. Но ответь мне скорее, что в мыслях у тебя: хочешь стать женой Девгения Акрита или хочешь быть его полонянкой — рабыней?»

Услышав это, отвечала ему девушка, плача: «Если любишь меня так сильно, то похищай немедля, пока нет дома ни отца моего, ни могучих моих братьев. Да и зачем тебе меня похищать? Я и сама с тобой поеду, только дай мне мужскую одежду, ибо удали я молодецкой. Если нагонят меня по пути, то не дам я себя в обиду. Многие меня одолеть не смогут».

Слыша эти слова, обрадовался Девгений и сказал девице: «Не лежит у меня сердце к тому, о чем ты говоришь, ибо покрою я себя позором перед отцом твоим и братьями. Станут говорить: точно вор, Девгений похитил у нас девицу. Но вот что скажу тебе: сделай так, как я повелю. Когда вернется отец твой и братья твои, расскажи им о своем похищении». И позвал ее: «Выйди за ворота».

И поклонилась она Девгению, и, подхватив одной рукой, посадил Девгений ее на холку своего коня и начал ее нежно целовать, а потом снял с коня своего. Девица же не хотела отходить от него, но Девгений сказал: «Возвращайся и сделай так, как я тебе повелел, как вернется отец твой, так жди меня к себе, и будь готова: стань у дома перед сенями».

И, сказав так, поцеловал ее и ускакал. И отпустил в город юношу, которого встретил перед воротами, и приказал ему

как приедет Стратиг. То слово рек, а сам поиде к шатру своему и сотвори радость велию з дружиною своею.

И абие Стратиг с лова приехав, а юноша к Девгению с вестью приспе, и рече Девгению: «Стратиг приеха». И повеле Девгений фара своего борзаго седлати, а сам облечесь во многоценыя ризы и поеха на полубице инаходом, а фара борзого повеле пред собою вести. И приехав во град, вседе на фар свой, милостивники пусти пред градом, а сам взят копие и ко двору Стратигову приеха.

Она ж дева начат поведати отцу своему, еже ей повеле Девгений. И рече Стратиг: «Ту думу думали мнози храбри, и не збытся». И то слово изрече Стратиг, а славны Девгений приспе. И услышав девица гром фара и глас златых звонцов и скочи борзо пред сени, где ей Девгений повеле.

А Девгений ударив во врата копием, и врата распадошась, и въехав на двор, и начат велегласно кликати, Стратига вон зовы и сильныя его сыны, дабы видели сестры своя исхищение. Слуги же Стратига зовяху и поведа ему, какову Девгений дерзость показа, на дворе стоя без боязни, Стратига вон зовы.

И слышав Стратиг Девгения, и не ят веры, глаголя сице: «Зде в мой двор птице не смеет влететь, ниже человеку внити». И поиде вон из храма. Девгени же стоя три часы, ожидаяи его, и не бысть ему никаков ответ, а ини предстоящи не смеяху ничто же глаголати.

И повеле Девгений девице преклонитися к себе, и яко орел исхити прекрасную Стратиговну, и посади ю на гриве у борзаго своего фара, и рече Стратигу: «Выеди и отъими дщерь свою прекрасную у Девгения, да не молвиши тако, что пришед татьбою украде». И то слово изрек, и поехав з двора, сладкую песнь пояху и бога хваля. И ту песнь сконча, и пред град выеде к милостивником своим, и посади девицу на коне иноходом, и поиде к шатром своим.

И шед на гору борзе обозревся, ест ли по нем погоня. И рече девице: «Велика есмь срама добыл, аще не будет по мне погони, хощу возвратися и понос им сотворити». Девгений милостивники нарядив и повеле воем стрещи около девицы, а сам поеде во град ко двору Стратигову. И поеха во двор Стратигов, и удари в сени Стратиговы копием, и сени распадошася, и вси быша во ужасти во дворе. И начат велегласно кликать, вон зовы Стратига и рече: «О Стратиже преславны, кою дерзость

сообщить, когда вернется Стратиг. И, сказав это, направился к шатру своему и стал пировать весело со своей дружиной.

Тут возвратился Стратиг с охоты, а юноша поспешил с вестями к Девгению и сказал ему: «Стратиг приехал». И велел Девгений оседлать своего борзого коня, а сам оделся в одежды дорогие и поехал на коне-иноходце, а борзого коня повелел вести перед собою. И, въехав в город, сел на коня своего, а любимых слуг своих оставил у городских стен, сам же взял копье и поехал к двору Стратига.

Девица же поведала отцу своему, что велел ей сказать Девгений. И ответил Стратиг: «Об этом помышляли многие богатыри, да не вышло». И только сказал те слова, как подоспел славный Девгений. И, услышав топот коня и звон золотых колокольчиков, выскочила девица и стала перед сенями, где Девгений ей повелел.

А Девгений ударил в ворота копьем, и рассыпались ворота, и въехал во двор, и начал взывать громогласно, чтобы вышли к нему Стратиг и могучие его сыновья и увидели бы сестры своей похищение. Слуги стали Стратига звать и поведали ему о дерзости Девгения: на дворе стоит без страха и Стратига к себе вызывает.

И услышал Стратиг голос Девгения, но не поверил, говоря: «Сюда, в мой двор, птица не смеет влететь, не то что человек войти». И вышел из дома своего. А Девгений три часа стоял, ожидая его, и не дождался ответа, а слуги и сказать ничего не посмели.

И приказал Девгений девице подойти к нему, и, как орел, подхватил прекрасную Стратиговну, посадил ее на холку своего борзого коня и крикнул Стратигу: «Выйди, отними дочь свою прекрасную у Девгения, чтобы не сказал, будто я, словно вор, украл ее». И с этими словами поехал со двора, распевая звонкую песню и славя бога. И окончил песню, и выехал за город к любимым слугам своим, и, посадив девицу на коня-иноходца, поехал к шатрам своим.

И, взойдя на гору, тотчас обернулся: нет ли за ним погони? И сказал девице: «Покрою я себя великим позором, если не будет за мной погони, хочу вернуться и им самим бесчестье нанести». И отрядил Девгений своих верных слуг, и повелел воинам стражу нести вокруг девицы, а сам вернулся в город ко двору Стратига. И въехал на двор Стратигов, и ударил копьем в сени дома его, и рассыпались сени, и ужас охватил всех, кто был во дворе. И кликнул Девгений громогласно,

имаши или сынове твои, иже есмь исхитил у тебе тщерь, и не бысть по мне погони от тебе, ни от сынов твоих? И еще возвратихся и понос ти велик сотворих, да не глаголеши последи, что татьбою пришед, исхити у мене тщерь. Аще имееши мужескую дерзость у себе, и кметы твои, то отъими у мене тщерь свою!» И то слово изрече, и поеха з двора, и возвратись вспять, и кликну велегласно: «Аз еду из града и пожду вас на поле, да не молвите, что пришед и обольстив, побеже от нас».

Услыша Стратиг и зело вострепета и начат кликати сыны своя: «Где суть мои кметы, иже 1000 емлют, а ини и по две и по 5000 и по десяти тысящ? И ныне борзо совокупите их и протъчи сильни вои!»

Девгени же приде к девице и ссади с коня своего и рече девице: «Сяди, обыщи мя, главу мою, донджеже отец твой и братия твоя приидут с вои своими. Аще аз усну, то не мози будити мя ужасно, но возбуди мя тихо». И сяде девица, начат ему искати главу, и Дивгений усне, а девица имея у себе стражу.

Стратиг же собра множество вой своих и кметы своя, и тысящники, и поиде отъимати тщерь свою у Девгения. И выехаша из града со многими вои своими, и узре девица, и бысть ужасна, и начат будити Девгения тихо, со слезами рекуще так: «Востани! воссия солнце, и месяц просветится. Стратиг бо уже приспе на тя со многими вои своими, а ты еще не собра своих вой! Как ему даешь надежду тверду?»

Девгений же восстав рече: «Не требую аз человеческия помощи, но надеюсь на силу божию». И въскочи, и сяде на борзем своем фаре, и препоясася мечем, и рогвицу свою взем, и начат девицы вопрошати: «Хощеши ли отцу своему и братии живота, или вскоре смерти предам?» И начат девица прилежно молитись: «Господине, богом зданы силою, не предай отца моего смерти, да греха не имаши и поношения от людей, да не глаголют тебе, что тестя убил». И начат ея вопрошати: «Скажи ми отца своего и братию, каковы суть». И начат ему девица глаголати: «На отце моем брони златы и шелом злат с драгим камением и жемчюгом сажен, а конь его покрыт паволокою зеленою; а братия мои суть в сребряных бронех, токмо шеломы на них златы, а кони их покрыты паволоками червленими».

И то слышав, Девгений поцеловав ю́, и против их поеха, издалече стрети их, и яко дюжи сокол ударися посреди их,

вызывая к себе Стратига: «О Стратиг преславный, где же отвага твоя и сыновей твоих, если я похитил твою дочь, но не помчались за мной в погоню ни ты сам, ни сыновья твои? И опять я вернулся, и великое бесчестье тебе нанес, чтобы не стал ты потом говорить, что, как вор, я пришел и дочь твою похитил. Если же есть мужская отвага в тебе и в воинах твоих, то отними же у меня свою дочь!» И, сказав так, выехал со двора, и опять возвратился, и снова воскликнул громогласно: «Я выеду из города и буду ждать вас в поле, чтобы не сказали потом, что пришел, обманул и бежал от вас».

Услышав эти слова, Стратиг затрясся в гневе и начал звать сыновей своих: «Где же воины мои отборные, из которых каждый тысячу полонит, а иные и по две тысячи, и по пяти, и по десяти тысяч? Так немедля же соберите их и других могучих воинов!»

А Девгений, приехав к девице и сойдя с коня своего, сказал ей: «Сядь и поищи у меня в голове, пока не придут отец твой и братья твои со своим войском. Если же я усну, то не буди меня, пугая, а буди осторожно». И села девица, и стала искать у него в голове, и уснул Девгений, а девица сон его стерегла.

Стратиг же собрал множество воинов своих и богатырей своих, и тысячников, и пошел отнимать дочь свою у Девгения. И выехал из города с бесчисленными своими воинами, и увидела их девица, и в ужасе стала будить Девгения, осторожно со слезами говоря ему: «Вставай! Солнце засияло, и месяц засветил. То Стратиг уже пришел на тебя с бесчисленным войском своим, а ты еще своих воинов не собрал! Зачем же вселяешь в него надежду?»

Отвечал Девгений, вставая: «Не прошу я помощи от людей, но надеюсь на силу божию». И вскочил на своего борзого коня, и опоясался мечом, и палицу свою взял, и стал спрашивать у девицы: «Хочешь ли ты, чтобы остались живы отец твой и братья, или я их тотчас смерти предам?» И начала девица его умолять: «Господин, получивший силу от бога, не предай отца моего смерти, не соверши греха, не покрой себя позором в глазах людей, пусть никто не скажет тебе, что ты тестя убил». И начал расспрашивать Девгений: «Скажи мне, каковы отец твой и братья?» И стала ему девица говорить: «На отце моем золотые доспехи и шлем золотой, драгоценными камнями и жемчугом осыпан, а конь его под зеленой паволокой; а братья мои в серебряных доспехах, только шлемы у них золотые, а кони под паволоками красными».

Услышав это, поцеловал ее Девгений, и поскакал им навстречу, и как сильный сокол ударил в середину войска и,

и яко же добрый косец траву положи: первое скочи — уби 7000, и абие возвратися — уби 20 000, третии ударися — и Стратига нагна, удари его рогвицею тихо сверх шелома и с коня сверже. И начат Стратиг молитись Девгению: «Буди тебе радоватись с восхищеною девицею, прекрасною моею дщерью! Подаждь ми живот!» И тут пусти его Девгений, а сынов его превяза, нагнав, и приведе их; а Стратига не вяза. А иных превяза, яко пастух овец пред собою погна, где девица стояще. И узре девица отца и рече: «Аз, отче, преже ти глаголах, ты же мне не ят веры». И повѣле Девгений своим милостивником Стратиговы вои гнать связаны, а самаго Стратига и сынов его с собою поняти.

И бысть Стратиг прискорбен и начат молитися прилежно с сыны своими, глаголюще ему сице: «Яко же еси нас смерти не предал, но живот нам еси даровал, тако же нас и с собою не вози, дай нам свободу». И услышав девица моление отца своего и братии, и начат сама молитися Девгению, глаголюще: «Аз есми дана богом в руце твои. И по мне паки и над родителѣми моими имаши власть. Уже бо еси многи вои победил, а отцу моему и братии дай свободу, и не опечали матере моея, воскормивши тебе жену». И то изрече девица, и послуша ея Девгений и рече Стратигу: «Аз старость твою пощажу, дам ти свободу и сыном твоим, токмо знамение свое возложу на вас». И рече Стратиг: «Такую нам свободу даеши, аще знамение возложиши?» Девица же и от знамения умоли их у Девгения. И бысть на Стратиге крест злат прадеда его многоценен и у сынов его жуковины многоцены с драгим камением, и жемчюгом, и то взят у них за знамения протчаго ради времене.

Девгений ж начат их на сватьбу к себе звати. И рече Стратиг: «Несть подобно нам плеником ехати к тебе на сватьбу. Но молю ти ся прилежно и чада моя, не введи нас в срам и чад моих: будуще единой и тщери у матери, яко пленницу хощеши вести. И возвратися в дом мой, и радость ти велию сотворю и свадбу преславную, дары приимеши, с великою честию возратишись». Услышав же Девгений молбы Стратиговы, возвратись в дом Стратигов с своею обручницею, и три месяца свадбу деяша, и сотвориша радость велию. И прият дары многи Девгений, и все имение, еже было невестьчего, прият, и кормилица, и слуги, и с великою честию поеха воєвоясы.

Егда же прииде во свою власть, и посла милостивники своя с великою честию с вестью ко отцу своему и матери, повеле

как хороший косец траву косит: раз проскакал — убил семь тысяч, назад возвратился — убил двадцать тысяч, третий раз поскакал — Стратига нагнал, ударил его слегка дубинкой по верху шлема и сбросил с коня. И начал Стратиг молить Девгения: «Будь ты счастлив с похищенною девицею, прекрасной моей дочерью! Даруй мне жизнь!» И отпустил его Девгений, а сыновей его, догнав, связал и повел с собой; а Стратига не связывал. А воинов, связав, как пастух стадо овечье, погнал перед собою туда, где стояла девица. И увидела девица отца и сказала: «Вот говорила же я тебе, отец, а ты мне не поверил». И велел Девгений своим слугам подгонять Стратига, и самого Стратига и сыновей его с собой вести.

И тогда Стратиг и сыновья его начали в скорби умолять Девгения: «Ты же смерти нас не предал и жизнь нам даровал, так не вози же нас с собою, возврати нам свободу!» И услышала девица мольбы отца своего и братьев и сама начала просить Девгения: «Я богом отдана в руки твои. И ты властелин не только надо мной, но и над близкими моими. Уже многих воинов ты победил, но отцу моему и братьям моим возврати свободу, не причини горя матери моей, вскормившей тебе жену». И как молвила это девица, послушал ее Девгений и сказал Стратигу: «Я старость твою пощажу и дам тебе свободу и сыновей твоих отпущу, только наложу на вас клеймо свое». И взмолился Стратиг: «Какую же свободу нам даруешь, если хочешь клеймом нас запятнать?» Девица же и от клейма вымолила их у Девгения. Был на Стратиге золотой крест прадеда его, бесценный, а у сыновей его пряжки бесценные с жемчугом и драгоценными камнями — все это взял у них Девгений за клеймо и на память о поражении их.

И стал Девгений приглашать их на свадьбу. И отвечал Стратиг: «Не пристало нам, пленникам, ехать к тебе на свадьбу. Но просим тебя я и дети мои, не покрывай нас позором: единственную дочь у матери, словно пленницу, хочешь увезти. Но возвратись в дом мой, и устроим пиры веселые, и сыграем свадьбу преславную, и, дары получив, с великой честью возвратишься». И уступил Девгений мольбам Стратига, и возвратился в дом его со своей невестой, и три месяца свадьбу играли в великой радости. И получил Девгений дары бесчисленные и все, что было приданого у невесты, и кормилицу ее, и слуг ее, и в великой чести поехал восвояси.

Когда же вернулся в свою землю, то послал своих верных слуг с великой пышностью к своему отцу и матери и велел им

пристроить преславную свадьбу. И рече ко отцу своему: «Ты, отче, прежде силен прослыл еси силою и славою, а ныне аз — божиею помощию и твоим благословением и матернею молитвою — что есмь здумал, то ми и збысться. И несть мне противника. Только Стратиг во всех храбрых силен бысть, но, божиею силою, при мне не успе ничто же, и восхитих бо у него тщерь. А ныне, отче, выеди с великою честию противо мене на стретение Стратиговны». И пришед, предстатели отцу его поведаша повеленая Девгением.

И слышав, отец и мати его радости наполнишась, и начаша свадьбу готовить, и созваша весь град, и поидоша противу Девгения и Стратиговны, и стретиша их за 8 поприщ от града с великою честию.

И падоша ниц вси пред Девгением, глаголюще ему тако: «О великое чюдо, сотворимое тобою, младым юношем, о дерзость благодатьная! Стратига победи и тщерь его исхити!» И рече им Девгений: «Не аз победих Стратигову силу, но божиею силою побежден бысть». И Амира въборзе шурью свою созва, и к Стратигу посла на свадьбу звати, глагола ему: «Не ленив буди, свату, к нам потрудитися, да купно обрадуемся и видимся, и чада наши обрадуются, понеже их бог совокупи без нашего повеления».

И слышав то, Стратиг радостен бысть, и вборзе скопив весь род свой и многоценое имение, еже дарити зятя милово; совокупи же жену и дети своя, посла ко Амирату, свату своему. И слышав Амират царь Стратига к себе грядуща, и с великою честию и з Девгением против его выехаша, и совокупившася с ним на едином месте и начаша ся дарити и по 3 месяцы преславную свадьбу твориша. И даст Стратиг зятю своему 30 фаревь, а покрыты драгими поволоками, а седла и узды златом кованы; и даст ему 20 конюхов, пардусов и соколов 30 с кормилицы своими, и даст ему 20 кожухов, сухим златом шиты, и поволок великих 100; да шатер велик един, шит весь златомь; вмещахусь в нем многия тисящи вои, и ужища у шатра того шелковы, а кольца сребряные; и даст ему икону злату святый Феодор; да 4 копиа аравитцих, да меч прадеда своего. А теща даст 30 драгих поволок зеленых, 20 кожухов, шиты сухим златом з драгим камением и жемчюгом, иныя дары многи даст ему. Первы шурин даст ему 80 поясов златокованых, и иныя шурья даша ему многия дары, им же несть числа.

поведать обо всем, чтобы готовили преславную свадьбу. И сказал так отцу своему: «Ты, отец, прежде прославился силой своею, а теперь я — с божьей помощью и твоим благословением и молитвами матери моей — что задумал, то и сбылось. И нет мне противника. Один Стратиг был сильнее всех богатырей, но, с божьей помощью, и он против меня не устоял, ибо похитил я у него дочь. А теперь, отец, выезжай с великими почестями навстречу мне и Стратиговне». И пришли посланцы его, и поведали отцу все, что велел им сказать Девгений.

И, услышав их, обрадовались отец и мать, и начали свадьбу готовить, и созвали весь город, и вышли, чтобы встретить Девгения и Стратиговну, и встретили их за восемь поприщ от города с великими почестями.

И пали все ниц перед Девгением, восклицая: «О великое чудо, совершенное тобой, молодым юношей, о смелость твоя благодатная! Стратига победил и дочь его похитил!» Отвечал им Девгений: «Не я победил силу Стратигову, но божьей силой он побежден». И тотчас созвал Амир шуринов своих, и к Стратигу послал, приглашая его на свадьбу, и так ему говорил: «Не ленись, сват, потрудись приехать, повидаемся мы и порадуемся вместе, и дети наши порадуются, ибо соединил их бог без нашего повеления».

Слышав это, обрадовался Стратиг, и в тот же час собрал всю свою семью, и богатства свои взял, чтобы было чем одарить зятя милого; взял с собой жену и детей своих и поехал к свату своему Амиру. Царь Амир, узнав о приближении Стратига, выехал с Девгением, чтобы встретить его с великими почестями, и, собравшись все вместе, начали друг друга одаривать, и три месяца праздновали славную свадьбу. И подарил Стратиг своему зятю тридцать коней, а покрыты они дорогими паволоками, а седла и уздечки золотом окованы; и подарил ему двадцать конюхов, и тридцать пардусов, и соколов с сокольничими, и двадцать одежд дорогих, шитых сухим золотом, и сто больших паволок, и шатер огромный, весь шитый золотом, а вмещаются в тот шатер многие тысячи воинов, а тяжи у шатра тоже шелковые, а кольца серебряные; и подарил ему икону святого Федора, окованную золотом, да четыре копья арабских, да меч прадеда своего. А теща подарила ему тридцать дорогих зеленых паволок, двадцать кожухов, сухим золотом шитых, с драгоценными камнями и жемчугом, и другие дары многочисленные. Первый шурин подарил ему восемьдесят поясов, окованных золотом, и другие шурины принесли ему множество даров, которым и числа нет.

Исполнишася 3 месяц, радующеся свадьбе и прият Стратиг велию честь, и жена его, и сынове его, и Амират царь. А Девгений поеде с ним провожения ради, и зря на нь Стратиг радовашесь, и сынове его славу богу воздаяху, иже сподоби им бог таковаго зятя.

И проводи Стратига и возратися Девгений восвоясы и подаст плеником свободу. А самому Филипапе стрыю возложи пятно на лице и отпусти его восвоясы, а Максиме подасть свободу своими предстатели. А сам начат жити и ловы деяти со своими предстатели, зане быше охочь един храбровать.

О великое чюдо, братие! кто сему не дивиться? си есть не от простых людей, ни от Амира создан, но послан есть от господа. Всем храбрым христианом показась слава его, и явись во всей земли славен бог в мире о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава со отцем и святым духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ, КАКО ПОБЕДИ ДЕВГЕНИЙ ВАСИЛИЯ ЦАРЯ

Некто бысть царь, именем Василий. И слышав о дерзости и о храбрости Девгениеве, бысть яростен зело, и желание имея велие како бы его добыти, зане бо Василий царь всю страну Каппадокейскую стерегл.

Вборзе нарядив послы своя, посла грамоту, написав с ласканием, прелестью сице глагола ему: «Девгений славны! Велие желание имам видетися с тобою. А ныне не ленись проидитись к моему царству, зане дерзость и храбрость твоя прослыла по всей вселеней. И любовь вниде в мя велия, видети хощу юность твою». И принесоша от царя Девгению грамоту, и прочет Девгений и разуме, яко прелесно бысть писание к нему.

И глагола Девгени к нему: «Аз есмь от простых людей. Не имать царьство твое до мене николи же вины, но аще хощешь видетися со мною, поими с собою мало вой и приди на реку Ефрант». Цареви ж своему рцыте: «Что как удумал еси худобу мою видети, немного же поими воин с собою, да не разгневаеши мене, зане юность человеческая на много безумие приводит. Аще аз разгневаюсь, сокрушу вои твои, а сам не возвратишись!»

И приеха посол, глаголаше царю вся рекомая Девгением, и услыша царь яростен бысть, вборзе и нарядив и посла к Девгению, глагола ему: «Чадо, не имам понять много вой с собою,

Три месяца веселились на свадьбе, и воздали великие почести и Стратигу, и жене его, и сыновьям, и царю Амиру. А Девгений поехал проводить Стратига, и, глядя на него, радовался тот, а сыновья его богу хвалу возносили, что послал им бог такого зятя.

И проводил Стратига, и возвратился домой Девгений, и всех пленников освободил. А самому Филиппе, дяде своему, возложил клеймо на лице и отпустил его восвояси, а Максиме свободу объявил через слуг своих. А сам начал жить-поживать и охотиться со своими слугами, ибо любил он богатырские забавы.

О великое чудо, братья! Кто этому не дивится? Не простой он человек и не Амира сын, а ниспослан от бога. Всем храбрым христианам служит образцом его слава, и на весь мир прославился он с помощью господа нашего Иисуса Христа, ему и слава с отцом, и святым духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПОБЕДИЛ ДЕВГЕНИЙ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

Был некий царь, по имени Василий. И пришел он в ярость, услышав о храбрости Девгения, и загорелся желанием пленить его, ибо сторожил царь Василий всю страну Каппадокийскую.

И тотчас снарядил он послов своих, и отправил Девгению грамоту, а в ней написал, с притворным радушием: «Славный Девгений! Очень хочу повидать тебя. Не поленись же теперь посетить мое царство, ведь удаль и храбрость твоя прогремела по всей земле. И я полюбил тебя всей душой, хочу посмотреть на юность твою». Принесли царскую грамоту Девгению, прочел ее Девгений и понял, что обманывает его царь.

И ответил Девгений царю: «Я простой человек. Нет твоему царскому величеству никакой нужды во мне, но если хочешь повидать меня, то, взяв с собой немного воинов, приходи на реку Евфрат». И скажите, послы, царю своему: «Если ты хочешь меня, недостойного, видеть, то возьми с собой воинов немного, чтобы не разгневать меня, ибо долго ли в юные годы до безрассудных поступков. А если разгневаюсь я, то и войско твое разобью, и сам живым не вернешься!»

И передали царю все сказанное Девгением. И, услышав это, пришел в ярость царь, и тотчас же вернул посла к Девгению со словами: «Чадо! Не хочу я брать с собой много воинов,

только имам юность твою видети царство мое. Иного помышления не имам на сердце».

Пришед посол царев, глагола Девгению реченая царем, и отвеща Девгений: «Рцы царю своему так: аз не боюсь царства твоего, ни многих твоих вой, зане упование имеяи на бога. Не боюсь твоего помысла, но глаголю ти: прииди на реку, глаголемую Ефрант, и там видишись со мною. Или со многим вои приидеши, да не обрадуешися царству своему, а воинства твоя вся сокрушатся». И пришед посол к Василию царю сказа ему вся реченая Девгением.

И слышав царь вборзе повеле собрати вои своя, и совокупися, поиде на место, где Девгений рече. И приеха ко Ефранту реке и постави шатры своя далече от реки. А царев шатер вельми велик бысть, червлен, а верх его шит сухим златом; а нутри шатра многи тысящи вмещахусь вои. А вся воинства сохранена бысть, ови в шатрех, а ини в сокровеном месте. И пребысть царь на реке 6 днеи и рече воеводам своим: «Нечто Девгений уведал и удумал над нами, либо хощет со многими вои быть». То слово изрече Василий царь ужасеся.

Посла Девгений своего предстателя, цареви глаголя: «Дивлюся, како потрудися царь твой к моей худости. Но обычей ти рекох: аще хощеши видетись со мною, то прииди с малым вой. А се собрал много вой, хотя меня победить, в том есть срам, зане идет слава моя по всей земли и по странам. А ныне как намыслил еси, так и сотвори».

Рече же Васили царь: «Да кою дерзость имаши, аще противу моего царству не дась ми покорения». И нарядив посла своего, и посла за реку, а Девгениева прият. И пришед царев посол глагола Девгению вся повеленая царем. И отвеща Девгений: «Глаголи царю своему: аще ты надеешися на свою великою силу, аз же имам упование на создавшаго бога. Не имать уподобитися сила твоя против божии силы. А уже время дни преминуло, а заутра рано исполчеваись и въстани со своею силою великою, да узриши худаго мужа дерзость, како пред тобою восходит, занеже ми есть срам в неисполнении муж служит». И пришед Василиев посол от Девгения глаголы поведа царю.

Царь же вборзе созва бояры своя, начат думати. И отвещаша ему многоимцы: «Во что вменяется царство твое, царю, аще тебе единаго муже ужаснутись, не видим с ним вой ничто же».

только хочу я, царь, на юность твою полюбоваться, и ничего другого нет у меня на сердце».

Пришел царский посол и передал Девгению сказанное царем, и ответил ему Девгений: «Скажи царю своему так: не боюсь я ни тебя, царь, ни твоих бесчисленных войск, ибо надеюсь на бога. Не боюсь я твоего злого умысла, но говорю тебе: приходи на реку Евфрат и там увидишься со мной. Если же придешь с большим войском, то не обрадуешься тому, что царствуешь, а войско твое все разбито будет». И посол, придя к царю Василию, передал ему слова Девгения.

Услышав это, царь тотчас же повелел собрать своих воинов и двинулся с войском на место, указанное Девгением. И, приехав к реке Евфрат, расставил шатры вдалеке от берега. А царский шатер был огромен, цветом красный, а верх у него был расшит сухим златом; а внутри шатра размещалось несколько тысяч воинов. И все войско царя было скрыто: одни по шатрам, другие в местах укромных. И стоял царь на реке шесть дней, и сказал воеводам своим: «Узнал что-то о нас Девгений и задумал, либо же сам хочет прийти с большим войском». И, сказав это, затрепетал от страха царь Василий.

А Девгений прислал слугу своего к царю со словами: «Дивлюсь я, что так потрудился ты, царь, ради меня, ничтожного. Но сказал уже о своем обычае: если хочешь увидеть меня, то приходи с небольшим войском. А ты вот собрал огромное войско, задумав меня победить, но позорно это, так как слава моя разнеслась по всей земле и по всем странам. А сейчас уже делай так, как задумал».

Отвечал на это царь Василий: «Как же дерзок ты, если не хочешь мне, царю, покориться!» И, отрядив посла своего, отправил его за реку, а Девгениева посла принял. И пришел царский посол передать Девгению царские слова. И ответил Девгений: «Скажи царю своему: если ты надеешься на свою силу, то я уповаю на бога-создателя. И не может сравниться сила твоя с могуществом божьим. А уже день на исходе, а завтра с утра изготовься к бою и выступай со своими силами несметными, и увидишь, какова удаль ничтожного мужа, который явится перед тобой, а иначе мне стыдно будет...» И пришел царский посол от Девгения, и передал его слова царю.

Царь же спешно созвал бояр своих и стал с ними думу думать. И отвечали ему вельможи: «Чего же стоит власть твоя, царь, если ты одного воина испугался, ведь не видно с ним

И Девгениев посол скочив у них за реку и поведа Девгению вся бывшая у царя.

И заутра рано исполчиса царь Василий и думаше чрез реку ехати, хотяще, яко зайца в тяняте, яти Девгения. Увидев Девгений множество вой исполчено у царя Василия и разуме, яко хотя приехать чрез реку и обойти его. И Девгений ярости исполнись и рече своим предстателем: «Приидите по мне, мало помедливше, аз же прежде вас потружданося и послужу царю».

И то слово изрек, и подпреся копием, и скочи чрез реку, яко дюжи сокол, велегласно кликнув: «Где есть Василий царь, иже имея желание видетись со мною?» И то слово изрек, и воины к нему ударишась, и он копие воткнув, и выняв меч противо вои. И поскочи яко добры жнец траву сечет: перво скочи — 1000 их победи, и возвратись вспять, и поскочи — 1000 победи.

Царь же Василий, видев дерзость Девгениеву, вскоре поем с собою мало вой и побеже. И протчих вой Девгений поби, а иныя связа, и кликну за реку предстателем своим: «Приведите ми борзы мой фарь, рекомы Ветр». Они же примчаша ему фарь, и всед на нь, борзо погна Василия, нагна блиско града его, а что было с ним вой, всех победи, а царя самого четверта взят.

И ... единаго посла от них во град с вестью. Глаголи гражьданом: «Выдите против Девгения, днесь подай ми бог царьствовати в вашей области». Они же, слышав его, вси совокупишась, изыдоша пред град битися, чающе, яко с простым человеком битись. Он же посла, глаголя: «Пожалуйте оружия и не разгневайте мене». Они же отвещав ему: «Не имаши противен быти всему граду ты един». И слышав то Девгений разгневась и поскочи на них: овых изби, а иных превяза и даст предстателем своим, и вниде во град и начат царствовати. А пленых свободи по мале времени, по Писанию: яко несть раб боле господина своего, ни сын больше отца своего.

«А еще ми пребысть 12 лет в животе, а ныне хощу опочинути, многи победы и брани во юности своей сотворих»,— та вся изглаголав отцу своему, посадив его и на престоле царском, и призва пленныя своя, дав им свободу. А на Канама со Иаакимом возложи им знамение на лице их и отпусти их в род свой. И род свой призва, и сотвори радость велию, и по многи дни пребысть.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

войск». А Девгениев посол поспешил из-за реки и рассказал Девгению обо всем, что происходило у царя.

И на другой день с рассветом построил царь Василий войска и собрался переправляться через реку, чтобы изловить Девгения, как зайца в силки. Увидел Девгений, что изготовил царь Василий бесчисленные войска, и догадался, что хочет он, перейдя реку, его окружить. И, придя в ярость, сказал Девгений слугам своим: «Подоспеете ко мне немного погодя, а прежде я сам потружусь и услужу царю».

И, сказав эти слова, подперся копьем, и перескочил через реку, словно сильный сокол, и крикнул громогласно: «Где тут царь Василий, что хотел видеться со мною?» Только крикнул он, как бросились на него воины, он же, вонзив копье в землю, с обнаженным мечом бросился им навстречу. Как хороший косарь траву косит: в первый раз прошел — тысячу победил, возвратился назад, еще раз прошел — еще тысячу победил.

Царь Василий, видя отвагу Девгения, с горсткой воинов обратился в бегство. Девгений же оставшихся воинов перебил, а иных связал и крикнул за реку слугам своим: «Приведите ко мне коня моего борзого по кличке Ветер». Они же пригнали к нему коня, и, вскочив на него, помчался Девгений и скоро нагнал царя Василия у стен его города и всех воинов, что были с ним, перебил, а царя и трех спутников его в плен взял.

И ... послал одного из них в город, чтобы сказал горожанам: «Выходите навстречу Девгению, с этого дня даровал ему бог царствовать в стране вашей». Они же, услышав это, собрались и вышли сразиться с ним перед городом, думая, что бьются с простым человеком. А он послал к ним сказать: «Сложите ваше оружие и не гневите меня». Они же отвечали: «Не можешь же ты один против целого города стать». Услышав их ответ, разгневался Девгений и бросился на них: одних перебил, других связал и передал слугам своим, и в город вошел, и стал там царствовать. А пленных вскоре освободил, как говорится в Писании: «Не может быть раб больше господина своего, а сын больше отца своего».

«А еще мне осталось жить двенадцать лет, и хочу теперь отдохнуть, много уже повидал войн и побед за юность свою»,— так сказал Девгений отцу своему и посадил его на царском престоле, а пленным своим даровал свободу. А Канаму и Иоакиму клеймо на лицо поставил и отпустил их на родину. И призвал к себе всех родичей своих, и устроил пиры веселые, и провел так многие дни.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СЛОВО О ПЪЛКУ ИГОРЕВѢ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстии о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начати же ся тъи пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышлению Бояню!

Боянъ бо вѣщии, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣи, которыи дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братие, не 10 соколовь на стадо лебедѣи пущаше, нъ своя вѣщиа пръсты на живая струны въскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря, иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своеи: «Братие и дружино! луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти, а всядемъ, братие, на свои бръзыя комони да позримъ синего Дону». Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго. «Хощу бо, рече, копие

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

СЛОВО О ПОХОДЕ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ, СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЕГОВА

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Боян же вещий, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братия, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту от старого Владимира до нынешнего Игоря, который скрепил ум волею своею и поострил сердце свое мужеством, исполнившись ратного духа, навел свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что оно тьмою воинов его прикрыло. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание отведать Дон Великий заслонило ему предзнаменование. «Хочу, сказал,

приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

О Бояне, соловию стараго времени! А бы ты сна плъкы ущекоталъ, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чресъ поля широкая — галици стады бѣжать къ Дону Великому». Чи ли въспѣти было, вѣщеи Бояне, Велесовь внуче: «Комони ржуть за Сулою — звенить слава въ Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ». Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буи Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлыи — ты, Игорю! Оба есвѣ Святъславличя! сѣдлаи, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копия въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють, акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славѣ».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше, нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въста, збися Дивъ, кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьмутораканьскыи блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому. Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць по дубию, влъци грозу въсрожатъ по яругамъ, орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты.

О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!

Длъго ночь мрькнетъ. Заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славии успе, говоръ галичь убудися. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы.

Съ зарания въ пятъкъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя и, рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружие — храброму Святъславличю!

копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

О Боян, соловей старого времени! Вот бы ты походы эти воспел, скача, соловей, по мысленному древу, летая умом под облаками, свивая славу обоих половин этого времени, рыща по тропе Трояна через поля на горы.

Так бы пелась тогда песнь Игорю, того внуку: «Не буря соколов занесла через поля широкие — стаи галок несутся к Дону Великому». Или так бы запел ты, вещий Боян, внук Велеса: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве. Трубы трубят в Нове-городе, стоят стяги в Путивле». Игорь ждет милого брата Всеволода. И сказал ему Буй Тур Всеволод: «Один брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы Святославичи! Седлай же, брат, своих борзых коней, а мои-то готовы, уже оседланы у Курска. А мои-то куряне опытные воины: под трубами повиты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знаемы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли навострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заграждало, ночь стонами грозы птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит послушать земле неведомой, Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутороканский идол. А половцы непроторенными дорогами помчались к Дону Великому. Кричат телеги в полуночи, словно лебеди вспугнутые.

А Игорь к Дону войско ведет. Уже беду его подстерегают птицы по дубравам, волки грозу накликают по оврагам, орлы клектом зверей на кости зовут, лисицы брешут на червленые щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, щекот соловьиный уснул, говор галочий пробудился. Русичи великие поля червленными щитами перегородили, ища себе чести, а князю — славы.

Спозаранок в пятницу потоптали они поганые полки половецкие и, рассыпавшись стрелами по полю, помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и дорогие оксамиты. Покрывалами, и плащами, и кожухами стали мосты мостить по болотам и топям, и дорогими нарядами половецкими. Червленый стяг, белая хоругвь, червленый бунчук, серебряное древко — храброму Святославичу!

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло! Не было онъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чрьныи воронъ, поганыи Половчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чрьныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии млънии. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текуть, пороси поля прикрываютъ, стязи глаголютъ: Половци идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ Рускыя плъкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ Туре Всеволодѣ! Стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,— тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде! Кая раны, дорога братие, забывъ чти и живота, и града Чрънигова отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святьславличя. Тъи бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ, тои же звонъ слыша давныи великыи Ярославь, а сынъ Всеволожь Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла за обиду Олгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплъкь полелѣя отца своего междю угорьскими иноходьцы ко святѣи Софии къ Кыеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скратишась. Тогда по Рускои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть: хотять полетѣти на уедие. То было въ ты рати, и въ ты плъкы, а сицеи рати не слышано! Съ зарании до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. Далеко залетело! Не было оно в обиду порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! Гзак бежит серым волком, Кончак ему след указывает к Дону Великому.

На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого! Тут копьям преломиться, тут саблям побиться о шеломы половецкие, на реке на Каяле, у Дона Великого.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр Тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая,— там лежат поганые головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями каленными, Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, кто забыл честь и богатство, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей милой жены, прекрасной Глебовны, свычаи и обычаи!

Были века Трояновы, минули годы Ярославовы, были и войны Олеговы, Олега Святославича. Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. Вступил в золотое стремя в городе Тмуторокани, а звон тот же слышал давний великий Ярослав, а сын Всеволода Владимир каждое утро уши закладывал в Чернигове. А Бориса Вячеславича похвальба на смерть привела, и на Канине зеленый саван постлала за обиду Олега, храброго и молодого князя. С такой же Каялы и Святополк полелеял отца своего между венгерскими иноходцами ко святой Софии к Киеву. Тогда при Олеге Гориславиче засевалось и прорастало усобицами, погибало достояние Дажь-Божьего внука, в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки по-своему говорили. Хотят полететь на поживу! То было в те рати и в те походы, а такой рати не слыхано! С раннего утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, гремят сабли

копиа харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровию польяна; тугою взыдоша по Рускои земли!

Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другыи, третьяго дни къ полудниюпадоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрои Каялы; ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо с тугою къ земли преклонилось.

Уже бо, братие, невеселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону, плещучи, убуди жирня времена. Усобица княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати, а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую.

О, далече заиде соколъ, птиць бья,— къ морю. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Рускои земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Руския въсплакашась, а ркучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати!» А въстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлияся по Рускои земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи. А князи сами на себе крамолу коваху, а погании сами, побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убудиста, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозныи великыи Киевскыи грозою, бяшеть притрепалъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта хлъми и яругы, взмути рѣки и озеры, иссуши потокы и болота. А поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ, выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Киевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы Половецкия, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощиево. Уныша бо градомъ забралы, а веселие пониче.

о шлемы, трещат копья булатные в поле незнаемом среди земли Половецкой. Черна земля под копытами костьми была посеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле!

Что мне шумит, что мне звенит издалека рано до зари? Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина недостало; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а древо с тоской к земле приклонилось.

Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Встала обида в войсках Дажь-Божьего внука, вступила девой на землю Троянову, восплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеская, растревожила времена обилия. Борьба князей с погаными кончилась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая,— к морю! А Игорева храброго полка не воскресить! По нем кликнула Карна, и Желя поскакала по Русской земле, размыкивая огонь людям в пламенном роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих милых лад ни в мысли помыслить, ни думою сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра и пуще того в руках не подержать!» И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые сами, с победами нарыскивая на Русскую землю, брали дань по белке от двора.

Так и те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже зло пробудили, которое перед тем усыпил было отец их, Святослав грозный великий киевский, грозою своею, усмирил своими сильными полками и булатными мечами; пришел на землю Половецкую, притоптал холмы и овраги, взмутил реки и озера, иссушил потоки и болота. А поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, словно вихрем исторг, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой. Тут немцы и венецианцы, тут греки и моравы поют славу Святославу, корят князя Игоря, что потопил богатство на дне Каялы, реки половецкой, русское золото просыпав. Тут Игорь князь пересел из золотого седла в седло рабское. Приуныли у городов забралы, и веселье поникло.

А Святъславь мутенъ сонъ видѣ въ Киевѣ на горахъ «Си ночь съ вечера одѣвахуть мя,— рече,— чрьною паполомою на кроваты тисовѣ, чрьпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено, сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгь на лоно, и нѣгуютъ мя. Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера бусови врани възграяху у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню и несошася къ синему морю».

И ркоша бояре князю: «Уже, княже, туга умь полонила. Се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и въ морѣ погрузиста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Рускои земли простроша Половци, аки пардуже гнѣздо, и великое буиство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивь на землю. Се бо Готскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Рускымъ, златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадни веселия».

Тогда великии Святъславъ изрони злато слово слезами смѣшено и рече: «О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моеи сребренеи сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго, и многовои брата моего Ярослава, съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тии бо бес щитовь съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похытимь, а заднюю ся сами подѣлимь». А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло — княже ми не пособие: наниче ся годины обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову!»

Великыи княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах. «Этой ночью с вечера одевали меня, говорил, черным саваном на кровати тисовой, черпали мне синее вино, с горем смешанное, сыпали мне крупный жемчуг из пустых колчанов поганых толковин и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом. Всю ночь с вечера серые вороны граяли у Плесньска на лугу, были в дебри Кисаней и понеслись к синему морю».

И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум полонило. Вот слетели два сокола с отчего золотого престола добыть города Тмутороканя либо испить шлемом Дона Уже соколам крылья подсекли саблями поганых, а самих опутали в путы железные. Темно ведь было в третий день: два солнца померкли, оба багряные столпа погасли и в море погрузились, и с ними оба молодых месяца, Олег и Святослав, тьмою заволоклись. На реке на Каяле тьма свет прикрыла: по Русской земле рассыпались половцы, точно выводок пардусов, и великое ликование пробудили в хиновах. Уже пала хула на хвалу; уже ударило насилие по свободе; уже бросился Див на землю. Вот уже готские красные девы запели на берегу синего моря, звеня русским золотом, воспевают время Бусово, лелеют месть за Шарукана. А мы уже, дружина, невеселы».

Тогда великий Святослав изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О племянники мои, Игорь и Всеволод! Рано начали вы Половецкой земле мечами обиду творить, а себе славы искать. Но без чести вы одолели, без чести кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата скованы и в отваге закалены. Что же сотворили вы моей серебряной седине!

А уже не вижу власти сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава, с черниговскими боярами, с могутами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами, и с ольберами. Они ведь без щитов, с засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу. Но сказали вы: «Помужествуем сами: прошлую славу себе похитим, а будущую сами поделим». А разве дивно, братья, старому помолодеть? Если сокол в мытех бывает, то высоко птиц взбивает, не даст гнезда своего в обиду. Но вот зло — князья мне не подмога: худо времена обернулись. Вот у Римова кричат под саблями половецкими, а Владимир под ранами. Горе и тоска сыну Глебову!»

Великий князь Всеволод! Не думаешь ли ты прилететь издалека, отчий золотой престол поблюсти? Ты ведь можешь

веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощеи по резанѣ. Ты бо можеши посуху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты, буи Рюриче, и Давыде! Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святославлича!

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ, отворяеши Киеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола салтани за землями. Стрѣляи, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святославлича!

А ты, буи Романе, и Мстиславе! Храбрая мысль носитъ ваю умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буиствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи паворзи подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны — Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци — сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже, княже, Игорю утръпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвие срони: по Роси и по Сули гради подѣлиша. А Игорева храбраго плъку не крѣсити! Донъ ти, княже, кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Олговичи, храбрыи князи, доспѣли на брань...

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи не худа гнѣзда шестокрилци! Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте! Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкии и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовския, притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И с хотию на кровать, и рекъ: «Дружину твою, княже, птиць крилы приодѣ, а звѣри кровь полизаша». Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода, единъ же изрони жем-

Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать. Если бы ты был здесь, то была бы раба по ногате, а раб по резане. Ты ведь можешь посуху живыми шереширами стрелять, удалыми сынами Глебовыми.

Ты, буйный Рюрик, и Давыд! Не ваши ли воины злачеными шлемами в крови плавали? Не ваша ли храбрая дружина рыкает, как туры, раненные саблями калеными, на поле незнаемом? Вступите же, господа, в золотое стремя за обиду нашего времени, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича!

Галицкий Осмомысл Ярослав! Высоко сидишь на своем златокованом престоле, подпер горы Венгерские своими железными полками, заступив королю путь, затворив Дунаю ворота, меча бремена через облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут, отворяешь Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого престола салтанов за землями. Стреляй же, господин, Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

А ты, буйный Роман, и Мстислав! Храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко взмываешь на подвиг в отваге, точно сокол на ветрах паря, стремясь птицу в смелости одолеть. Ведь у ваших воинов железные па́ворзи под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова, Литва, Ятвяги, Деремела, и половцы копья свои повергли и головы свои склонили под те мечи булатные. Но уже, князь, Игорю померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города поделили. А Игорева храброго полка не воскресить! Дон тебя, князь, кличет и зовет князей на победу. Ольговичи, храбрые князья, уже поспели на брань..:

Ингварь и Всеволод и все три Мстиславича — не худого гнезда соколы! Не по праву побед добыли себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копья польские и щиты? Загородите полю ворота своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!

Уже Сула не течет серебряными струями к городу Переяславлю, и Двина болотом течет для тех грозных полочан под кликом поганых. Один только Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, прибил славу деда своего Всеслава, а сам под червлеными щитами на кровавой траве литовскими мечами прибит со своим любимцем, а тот сказал: «Дружину твою, князь, крылья птиц приодели, а звери кровь полизали». Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода. Так в одиночестве изронил жемчужную

чюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожерелие. Унылы голоси, пониче веселие, трубы трубятъ Городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеславли! Уже понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени, уже бо выскочисте изъ дѣднеи славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которою бо бѣше насилие отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу. Тъи клюками подпръся о кони и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утръже вазни с три кусы: отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщеи Боянъ и пръвое припѣвку, смысленыи, рече: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!»

О, стонати Рускои земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князеи! Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевьскымъ; сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нъ розно ся имъ хоботы пашутъ. Копиа поютъ!

На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горѣ, под облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселие по ковылию развѣя?»

Ярославна рано плачеть Путивлю городу на заборолѣ, а ркучи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя

душу из храброго тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, поникло веселье, трубы трубят городенские.

Ярослав и все внуки Всеслава! Уже склоните стяги свои, вложите в ножны мечи свои поврежденные, ибо лишились вы славы дедов. Своими крамолами начали вы наводить поганых на землю Русскую, на достояние Всеслава. Из-за усобиц ведь пошло насилие от земли Половецкой!

На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой. Хитростью оперся на коней и скакнул к городу Киеву, и коснулся древком золотого престола киевского. Отскочил от них лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей мглой, урвал удачу в три попытки: отворил ворота Новгороду, расшиб славу Ярославу, скакнул волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром были засеяны, засеяны костьми русских сынов.

Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева до петухов дорыскивал Тмуторокани, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Ему в Полоцке позвонили к заутрени рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа была у него в дерзком теле, но часто от бед страдал. Ему вещий Боян еще давно припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!»

О, стонать Русской земле, вспоминая первые времена и первых князей! Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским; а ныне встали стяги Рюриковы, а другие — Давыдовы, но врозь их знамена развеваются. Копья поют!

На Дунае Ярославнин голос слышится, кукушкой безвестной рано кукует. «Полечу, говорит, кукушкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на могучем его теле».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «О ветер, ветрило! Зачем, господин, веешь ты наперекор? Зачем мчишь хиновские стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего лады? Разве мало тебе было под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь

горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова. Възлелѣи, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси, чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами. Игореви князю богъ путь кажетъ изъ земли Половецкои на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою — велить князю разумѣти: князю Игорю не быть! Кликну, стукну земля, въшумѣ трава, вежи ся Половецкии подвизашася. А Игорь князь поскочи горнастаемъ къ тростию, и бѣлымъ гоголемъ на воду, въвръжеся на бръзъ комонь и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу: претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Рускои земли веселиа!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнию зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ». Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, ростреча къ устью, уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпри темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо с тугою къ земли прѣклонилось.

А не сороκы втроскоташа — на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сороκы не троскоташа, полозие ползоша только. Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣснь-ми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ,— соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама

землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы ладьи до стана Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

Прыснуло море в полуночи, идут смерчи тучами. Игорю-князю бог путь указывает из земли Половецкой на землю Русскую, к отчему золотому престолу. Погасли вечером зори. Игорь спит и не спит: Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. В полночь свистнул Овлур коня за рекой — велит князю разуметь: не быть князю Игорю! Кликнул, стукнула земля, зашумела трава, задвигались вежи половецкие. А Игорь-князь скакнул горностаем в тростники и белым гоголем на воду, вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком. И помчался к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Коли Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, отряхая студеную росу: загнали они своих борзых коней.

Донец сказал: «Князь Игорь! Не мало тебе величия, а Кончаку нелюбия, а Русской земле веселия!» Игорь сказал: «О Донец! Не мало тебе величия, лелеявшему князя на волнах, стлавшему ему зеленую траву на своих серебряных берегах, одевавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева. Ты стерег его гоголем на воде, чайками на струях, чернядями на ветрах». Не такая, сказал, река Стугна: скудную струю имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширилась к устью и юношу князя Ростислава заключила. На темном берегу Днепра плачет мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось.

То не сороки застрекотали — по следу Игоря едут Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали. Дятлы стуком путь к реке указывают, соловьи веселыми песнями рассвет возвещают. Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол к гнезду летит, расстреляем соколенка своими злачеными стрелами». Говорит Кончак Гзе: «Если сокол к гнезду летит, то опутаем мы соколенка красной девицей». И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красной

будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы»,— Рускои земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ — Игорь князь въ Рускои земли. Дѣвици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Киева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣи Богородици Пирогощеи. Страны ради, гради весели.

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ — молодымъ пѣти! Слава Игорю Святъславличю, Буи Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здрави, князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки! Княземъ слава а дружинѣ!

Аминь.

девицей, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы, и станут нас птицы бить в поле Половецком».

Сказали Боян и Ходына, Святославовы песнотворцы, старого времени Ярославова, Олега-князя любимцы: «Тяжко голове без плеч, беда и телу без головы»,— так и Русской земле без Игоря.

Солнце светится на небе — Игорь-князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае — вьются голоса через море до Киева. Игорь едет по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей. Страны рады, города веселы.

Спев песнь старым князьям, потом молодым петь! Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу! Здравы будьте, князья и дружина, борясь за христиан против полков поганых! Князьям слава и дружине!

Аминь.

ДРЕВНЕРУССКИЕ СБОРНИКИ АФОРИЗМОВ

ИЗ «ПЧЕЛЫ»

Не место добродетели, но добродетель место может украсити.

Копаяи яму под ближним своим въпадеться в ню.

Луче малое имание с правдою, нежели мъногое богатьство бес правды.

Достоина верна друга язва, нежели лобзание врага.

Лучше пища с зельем с любовию и с благодатью, нежели предложен телець со враждою.

Не остави друга древняго, новыи бо не будеть ему подобен.

Друга верна несть изьмены и несть меры доброте его.

Не тако огнь жьжет тело, яко же душу разлученье от друга.

Коньная хытрость на рати знаеться, а друг верен у беды.

Злато огнем искушаеться, а друг житейскыми напастьми.

Истиннаго друга в напастех не бойся.

Друга ищи не мила тебе деющася, ни по тебе молвяща, но крепкаго думцю и полезнаго тебе ищуща и противящася непоставным твоим словом.

Муж обличаяи луче есть ласкающаго.

Всем угодити люто есть.

Богатым вси человеци друзи.

Того мни друга, иже тебе любить, а не яже окрест тебе.

Не подобаеть поручити чюжих побегшему от своих.

Иже хощет над инем княжити, да учится первие сам собою владети.

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ДРЕВНЕРУССКИЕ СБОРНИКИ АФОРИЗМОВ

ИЗ «ПЧЕЛЫ»

Не место может украсить добродетель, но добродетель место.

Копающий яму под ближним своим — упадет в нее.

Лучше малое имущество, добытое правдой, чем многое богатство — без правды.

Рана от верного друга достойнее, чем поцелуй врага.

Лучше овощная пища, предложенная с любовью и расположением, чем теленок — с враждой.

Не покидай старого друга, ведь новый не будет похож на него.

Друг верный не изменится — и нет меры доброте его.

Не так огонь жжет тело, как душу разлука с другом.

Уменье коня узнается на войне, а верный друг — в беде.

Золото огнем испытывается, а друг — жизненными напастьми.

Истинного друга в напастях не бойся.

Друга ищи не того, кто любезен с тобой, кто с тобой соглашается, а крепкого советника, кто полезного для тебя ищет и противится твоим необдуманным словам.

Муж обличающий лучше льстящего.

Всем угождать — зло.

Богатым все люди друзья.

Того считай другом, кто любит тебя, а не тех, что вокруг тебя.

Не следует поручать чужих тому, кто убежал от своих.

Кто хочет другими управлять, пусть сначала научится владеть собой.

Велику власть приимающему велик подобаеть ум имети.

Иже многым страшен, то многых имать боятися.

Не ревнуи велику власть приискавъшему, но добре с похвалою отшедшему.

Люто есть и горко, аще злии над добрыми владеють и несмыслении над умными.

Люто беснующемуся дати ножь остр и лукавому власть и силу.

Власть безумная вина к злу бываеть.

Богатыи възглаголеть и вси умолкоша и слово его възвысиша до облак.

Не богатыи блажен, но иже богатьства не требуеть.

Имения многа детем безумным не пользують.

Уне есть в худы ризы одеваему радоватися, нежели в драгыя с печалью.

Уча учи нравом, а не словом.

Не сыпати бисера пред свиньями.

Ни в рыбах гласа, ни в ненаказаных добра дела ищи.

Наказание корение имееть горко, а плод сладок.

Ни больнаго можеть ицелити златая кровать, ни несмысленому на ползу слава и богатьство.

Лют конь уздою въздержиться, а скор гнев умом обуздаеться.

Кротко слово разрушаеть гнев.

Ни птици упущены скоро можеши опять яти, ни слова из уст вылетевша възвратити можеши и яти.

Земнаго не сведая и небесных пытаеши.

Яко моль ризе и червь древу тако и печаль мужеви пакостить сердцю.

Из одних уст исходить благословение и клятва.

Уне есть ногами поткнутися, нежели языком.

Достоино сугубо слышати, а единою молвити.

ИЗ «МЕНАНДРА»

Велико есть богатьство человеку ум.

Женитися хотя, въпрашаи сусед, тожь ся жени.

Един есть раб во всяком дому — сам господин.

Луче молчати, негли зле глаголати.

Принимающему большую власть подобает большой ум иметь.

Кто многим страшен, тот будет многих бояться.

Завидуй не тому, кто большой власти добился, а тому, кто хорошо с похвалой покинул ее.

Дурно и огорчительно, когда злые над добрыми властвуют, а глупые над умными.

Опасно дать беснующемуся острый нож, а коварному — власть и могущество.

Безумная власть бывает причиной зла.

Богатый заговорит — и все умолкнут и речь его вознесут до облаков.

Не богатый благоразумен, а тот, кто богатства не требует.

Большое богатство глупым детям не приносит пользы.

Лучше, в худые одежды одеваясь, радоваться, чем в дорогих — печалиться.

Уча — учи поступками, а не словами.

Не следует сыпать жемчуг перед свиньями.

Не ищи ни от рыб голоса, ни от ненаученного доброго дела.

Ученье имеет корень горький, а плод сладкий.

Ни больного не может излечить золотая кровать, ни глупому не на пользу слава и богатство.

Злой конь уздой воздержится, а быстрый гнев умом обуздается.

Кроткое слово укрощает гнев.

Ни быстро упущенной птицы не можешь опять поймать, ни слова, вылетевшего из уст, не можешь вернуть.

Не разузнав земного, рассуждаешь о небесном.

Как моль вредит одежде и червь дереву, так печаль — сердцу мужа.

Из одних уст выходит благословение и проклятие.

Лучше ногами споткнуться, чем языком.

Следует дважды слушать, а один раз сказать.

ИЗ «МЕНАНДРА»

Ум — большое богатство для человека.

Желая жениться, расспроси соседей, а потом женись.

В каждом доме есть один раб — сам хозяин.

Лучше молчать, чем зло говорить.

Или не твори тайны, или сотворив ти сам веси точию.
Луче сбирати ум, негли богатьство лукаво.
Равен ся имей всем, аще и болии еси жизнью.
Печаль умееть ражати человеком болезнь.
Вещати умеют мнози, а разумети не вси.
Мечь язвить тело, а слово зло — ум.
Вино много пиемо мало даеть смыслити.
Несть никое же имение добрее друга.
Не радуися ины видя в беде.
Отець есть иже въскормит, а не иже родит.
Человеческому уму время бываеть учитель.
Мнози суть у добра житья друзи, а не у беды.
Легчее есть утешати, негли самому стражащю терпети.
Бываеть другоици молчание луче глаголания.
Богатого вси мнять мудра.
Благодеть прием — помни, а створь — забуди.
Сладко есть издалече моря позоровати.

ИЗ «ИЗРЕЧЕНИЙ ИСИХИЯ И ВАРНАВЫ»

Бегай похвалы, срамляй же ся укоризны.

Щади беспоставнаго своего языка: многажды бо износить, его же лепо таити.

Мечь погубляеть многы, но не яко язык зол.

Луче есть в утлеи лодьи ездити, нежели зле жене таины поведати: она бо точию тело потопить, а си всю жизнь погубить.

Мутен ум чиста слова не ражаеть.

Бчела на звон летить, а мудрыи на полезная словеса течет.

Ленивыи гореи есть болнаго: болныи бо, аще лежить, то не ясть, а ленивыи и лежить и ясть.

Острота оружию на конци, острота же умная в главе.

Вьсякаго дела коньць пред началом распытаи.

Толико точию даи телу, елико же требуеть, а не елико же похочеть.

Мати зъломь леность.

Тогда суд убогым нравится, егда судия убогым не богатиться.

Затчена корчага ти молчалив человек — не ведати что в нем есть.

Ни волк волка, ни змия змии не губить, но человек человека погубляеть.

Или не делай тайны, или, задумав ее, знай ее только сам.
Лучше ум копить, чем богатство лукавое.
Держись со всеми как равный, если в жизни ты и выше.
Печаль рождает людям болезнь.
Рассуждать умеют многие, а понимать — не все.
Меч ранит тело, а злое слово — ум.
Много выпитого вина мало дает понимать.
Нет никакого имущества дороже друга.
Не радуйся, видя других в беде.
Отец тот, кто вскормит, а не тот, кто родит.
Человеческому уму время — учитель.
Много друзей при хорошей жизни, а не в несчастье.
Легче утешать, чем самому терпеть страдание.
Бывает иной раз смолчать лучше, чем сказать.
Богатого все считают мудрым.
Получив добро, помни, а сделав — забудь.
Приятно на море издали смотреть.

ИЗ «ИЗРЕЧЕНИЙ ИСИХИЯ И ВАРНАВЫ»

Сторонись похвалы, стыдись же укора.

Щади свой (бесцоставный) язык: часто он выдает то, что следует хранить в тайне.

Меч губит многих, но не столько, сколько злой язык.

Лучше в дырявой лодке плыть, чем злой жене сказать тайну: ведь та только тело потопит, а эта всю жизнь погубит.

Мутный ум не родит ясного слова.

Пчела на звон летит, а мудрый на полезные речи спешит.

Ленивый хуже больного: ведь больной, если лежит, то не ест, а ленивый и лежит и ест.

Острота оружия — на его конце, острота же ума — в голове.

Конец каждого дела обдумай перед началом.

Давай телу лишь столько, сколько оно требует, а не сколько захочет.

Мать зла — лень.

Тогда суд бедным нравится, когда судья бедным не обогащается.

Заткнутый сосуд и молчаливый человек — неизвестно что в них есть.

Ни волк волка, ни змея змею не губит, а человек человека погубит.

Рысь пестра извону, а человеци лукави изнутри.

Пьяныи горее есть болнаго: он бо на нов месяць беситься, а сеи самохотью по вся дни беситься.

Тщивый преже года състарееться, а без года мучиться.

Иже красен и безумен, то акы паволочито възглавие, соломы натъкано.

Муж книжен без ума добра аки слепець есть. Мужь мудр без книг подобен есть оплоту без подпор.

ИЗ «ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ»

Не буди жесток яко же кость человеча, но буди мякок.

Уне есть со умным камень двигнути, неже с безумьемь вино пити.

Не буди сладок без меры, егда когда пожруть тя, не буди без меры горек да не отбежить от тебе друг твои.

Коня не имея, на чюжемь не езди.

Аще кто послушаеть умна человека, то яко же в день жадания студеные воды напьеться.

Умну мужу речеши слово и пободить сердцемь, а безумнаго аще и кнутом бьеши, не вложиши во нь ума.

Мьзда очи ослепляеть судиям.

Уне есть послушати пиана мудра, нежели трезва безумна.

Уне есть слеп очима, неже слеп сердцем.

Имя и слава честьнее есть человеку, нежели красота личная.

Уне есть человеку добра смерть, негли зол живот.

Ближнее овчя уне есть негли далнеи вол.

Уне есть един врабьи, иже в руце держиши, негли тысяща птичя, летяща по аеру.

Его же порты светлы, того и речь честна есть.

Уне есть от премудра бьену быти, неже от безумна маслом помазану быти.

ИЗ «ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Мир стоит до рати, а рать до мира (1148 г.).

Не идет место к голове, но голова к месту (1151 г.).

Бог бо когда хочеть показнити человека, отиметь у него ум (1172 г.).

Рысь пестра извне, а лукавые люди — изнутри.

Пьяный хуже больного: этот ведь на новый месяц бесится, а тот по своей воле каждый день бесится.

Суетный раньше времени состарится, а во всякое время мучится.

Кто красив и глуп, тот похож на изголовье, паволокой покрытое, а соломой набитое.

Муж книжный, но без хорошего ума — как слепой. Муж мудрый не книжный подобен забору без опор.

ИЗ «ПОВЕСТИ ОБ АКИРЕ ПРЕМУДРОМ»

Не будь твердым, как кость человека, но будь мягким.

Лучше с умным камень поднимать, чем с глупым вино пить.

Не будь сладок без меры, иначе тебя съедят, но и не будь горьким без меры, чтобы не покинул тебя друг твой.

Если не имеешь коня, на чужом не езди.

Послушать умного человека — как при жажде холодной воды напиться.

Умному мужу слово скажешь — и он сердцем примет его, а глупого если и кнутом бьешь — не вложишь в него ума

Мзда глаза слепит судьям.

Лучше послушать пьяного мудрого, чем трезвого глупого.

Лучше слепые глаза, чем слепое сердце.

Имя и слава дороже человеку, чем красивое лицо.

Хорошая смерть человеку лучше дурной жизни.

Близкая овца лучше далекого вола.

Лучше один воробей, которого держишь в руке, чем тысяча птиц, летящих по воздуху.

Чьи одежды светлы, того и речь честна.

Лучше быть побитым мудрым, чем помазанным маслом — глупым.

ИЗ «ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Мир держится до рати, а рать — до мира.

Не место украшает человека, а человек место.

Когда бог хочет наказать человека, то лишает его разума.

Луче есть на своей земле костью лечи, и нежли на чюже славну быти (1201 г.).

Един камень много горньцев избивает (1217 г.).

Еже притчею глаголють книги: не оставлющеся камень на камени (1221 и 1289 гг.).

Не погнетши пчел, меду не едать (1231 г.).

Война без падших мертвых не бывает (1254 г.).

ИЗ «ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Брань славна луче есть мира студна (1186, 1187, 1239 гг.).

Иде же закон, ту и обид много (1175 г.).

Не в силах бог, но в правде (1263 г.).

Лучше на родине костями лечь, чем на чужбине быть почете.

Один камень много горшков перебьет.

Притчею говорят книги: не осталось камня на камне.

Не поморив пчел, меду не есть.

Война без мертвых не бывает.

ИЗ «ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ»

Лучше добрая война, чем худой мир.

Где закон, там и обид много.

Не в силе бог, а в правде.

СЛОВО ДАНИЛА ЗАТОЧЕНИКА, ЕЖЕ НАПИСА СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВОЛОДИМЕРОВИЧЮ

Въструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя арганы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповѣмъ ти ся. Да разверзу въ притчах гадания моя и провѣщаю въ языцѣх славу мою. Сердце бо смысленаго укрѣпляется въ телеси его красотою и мудростию.

Бысть языкъ мои трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость. Сего ради покушахся написати всякъ съузъ сердца моего и разбих злѣ, аки древняя младенца о камень.

Но боюся, господине, похулениа твоего на мя.

Азъ бо есмь, аки о́на смоковница проклятая: не имѣю плода покаянию; имѣю бо сердце, аки лице безъ очию; и бысть умъ мои, аки нощныи вранъ на ныришци, забдѣх; и расыпася животъ мои, аки Ханаонскыи царь буестию; и покрыи мя нищета, аки Чермное море фараона.

Се же бѣ написах, бѣжа от лица художества моего, аки Агарь рабыни от Сарры госпожа своея.

Но видих, господине, твое добросердие к собѣ и притекох къ обычнеи твоеи любви. Глаголеть бо въ Писании: просящему у тебе даи, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши царствия небеснаго; писано бо есть: возверзи на господа печаль свою, и тои тя препитаеть въ вѣки.

Азъ бо есмь, княже господине, аки трава блещена, растяще на застѣнии, на ню же ни солнце сиаеть, ни дождь идет; тако и азъ всѣмъ обидимъ есмь, зане не ограженъ есмь страхом грозы твоеа, яко плодомъ твердым.

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

Победа Игоря над половцами.
Миниатюра. XV в.

Радзивилловская летопись (БАН, 34.5. 30, л. 232 об.).

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА, НАПИСАННОЕ ИМ СВОЕМУ КНЯЗЮ ЯРОСЛАВУ ВЛАДИМИРОВИЧУ

Вострубим, как в златокованые трубы, во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гуслях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возвещу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотою и мудростью.

Был язык мой как трость книжника-скорописца, и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень.

Но боюсь, господине, осуждения твоего.

Ибо я как та смоковница проклятая: не имею плода покаяния; ибо имею сердце — как лицо без глаз; и ум мой — как ночной ворон, на развалинах бодрствующий; и закончилась жизнь моя, как у ханаанских царей, бесчестием; и покрыла меня нищета, как Красное море фараона.

Все это написал я, спасаясь от лица бедности моей, как рабыня Агарь от Сарры, госпожи своей.

Но видел, господине, твое добросердечие ко мне и прибег к всегдашней любви твоей. Ибо говорится в Писании: просящему у тебя дай, стучащему открой, да не отвергнут будешь царствия небесного; ибо писано: возложи на бога печаль свою, и тот тебя пропитает вовеки.

Ибо я, княже господине, как трава сорная, растущая под стеною, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не дождит; так и я всеми обижаем, потому что не огражден я страхом грозы твоей, как оплотом твердым.

Но не възри на мя, господине, аки волкъ на ягня, но зри на мя, аки мати на младенецъ. Возри на птица небесныа, яко тии ни орють, ни сѣють, но уповають на милость божию; тако и мы, господине, жалаем милости твоея.

Зане, господине, кому Боголюбиво, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ чернѣи смолы; кому Лаче озеро, а мнѣ на нем сѣдя плачь горкии; и кому ти есть Новъгород, а мнѣ и углы опадали, зане не процвите часть моя.

Други же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих пред ними трепезы многоразличных брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, погнѣтающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обрѣтаются и паки помагающе подразпти нози мои; очима бо плачются со мною, а сердцемъ смѣютъ ми ся. Тѣмъ же не ими другу вѣры, ни надѣися на брата.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение; тако же и мужеви: лѣпше смерть, ниже продолженъ животъ в нищети. Яко же бо Соломонъ рече: ни богатества ми, ни убожества, господи, не даи же ми: аще ли буду богатъ — гордость восприиму, аще ли буду убогъ — помышляю на татбу и на разбои, а жены на блядню.

Тѣмъ же вопию к тобѣ, одержимъ нищетою: помилуи мя, сыне великаго царя Владимера, да не восплачюся рыдая, аки Адамъ рая; пусти тучю на землю художества моего.

Зане, господине, богат мужь везде знаем есть и на чюжеи странѣ други держить; а убогъ во своеи ненавидим ходить. Богат возглаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облакъ; а убогии возглаголеть — вси на нь кликнуть. Их же ризы свѣтлы, тѣх рѣчь честна.

Княже мои, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци, яко утя от ногти носимаго ястреба, яко овца от устъ львовъ.

Азъ бо есмь, княже, аки древо при пути: мнозии бо посѣкають его и на огнь мечють; тако и азъ всѣм обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхом грозы твоеа.

Яко же бо олово гинеть часто разливаемо, тако и человѣкъ, приемля многия бѣды. Никто же может соли зобати, ни у печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитрить и мудрить о чюжеи бѣди, а о своеи не можеть смыслити. Злато съкрушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо много мучима чистъ хлѣбъ являеть, а в печали обрѣтаеть человѣкъ умъ свръшенъ. Молеве, княжи, ризы ѣдять, а печаль человѣка; печалну бо мужу засышють кости.

Не смотри же на меня, господине, как волк на ягненка, а смотри на меня, как мать на младенца. Посмотри на птиц небесных — не пашут они, не сеют, но уповают на милость божию; так и мы, господине, ищем милости твоей.

Ибо, господине, кому Боголюбово, а мне горе лютое; кому Белоозеро, а мне оно смолы чернее; кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький; кому Новый Город, а мне и углы завалились, так как не расцвело счастье мое.

Друзья мои и ближние мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многоразличными яствами. Многие ведь дружат со мной, опуская руку со мной в солонку, а в несчастье как враги обретаются и даже помогают поставить мне подножку; глазами плачут со мною, а сердцем смеются надо мной. Потому-то не имей веры к другу и не надейся на брата.

Не лгал мне князь Ростислав, когда говорил: «Лучше мне смерть, нежели Курское княжение»; так и мужи говорят: «Лучше смерть, чем долгая жизнь в нищете». Как и Соломон говорил: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат,— гордостью вознесусь, если же буду беден,— задумаю воровство или разбой».

Вот почему взываю к тебе, одержим нищетою: помилуй меня, сын великого царя Владимира, да не восплачусь, рыдая, как Адам о рае; пусти тучу на землю убожества моего.

Ибо, господине, богатый муж везде ведом — и на чужой стороне друзей держит, а бедный в своей стороне ненавидим ходит. Богатый заговорит — все замолчат и после вознесут речь его до облак; а бедный заговорит — все на него закричат. Чьи ризы светлы, тех и речь честна.

Княже мой, господине! Избавь меня от нищеты этой, как серну из сетей, как птицу из западни, как утенка от когтей ястреба, как овцу из пасти львиной.

Я ведь, княже, как дерево при дороге: многие обрубают ему ветви и в огонь мечут; так и я всеми обижаем, ибо не огражден страхом грозы твоей.

Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек — когда он много бедствует. Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а в своей не может смыслить. Злато плавится огнем, а человек напастями; пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает, а человек в печали обретает ум зрелый. Моль, княже, одежду ест, а печаль человека; печаль человеку кости сушит.

Аще кто в печали человѣка призрит, какъ студеною водою напоить во зноиныи день.

Птица бо радуется весни, а младенець матери; весна украшаеть цвѣты землю, а ты оживляеши вся человѣкы милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы.

Княже мои, господине! Яви ми зракъ лица своего, яко гласъ твои сладокъ и образ твои красенъ; мед истачають устнѣ твои, и послание твое аки раи с плодом.

Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни, сух хлѣбъ ядуща; или пиеши сладкое питие, а мене помяни, теплу воду пиюща от мѣста незавѣтрена; егда лежиши на мяккых постелях под собольими одѣялы, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа, и каплями дождевыми аки стрѣлами сердце пронизающе.

Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманиемъ твоего дому истощити. Яко же бо неводъ не удержитъ воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздаваи людем.

Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть; тако и ты, княже, многими людми честенъ и славенъ по всѣмъ странам. Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же рѣша: нашь царь богатѣи тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужеи не добыти. Яко же рече Святославъ князь, сынъ Олъжинъ, ида на Царьград с малою дружиною, и рече: братиа! намъ ли от града погинути, или граду от нас пленену быти? Яко же богъ повелить, тако будеть: поженет бо единъ сто, а от ста двигнется тма. Надѣяся на господа, яко гора Сионъ не подвижится въ вѣки.

Дивиа за буяном кони паствити, тако и за добрымъ князем воевати. Многажды безнарядиемъ полци погибають. Видих: великъ звѣрь, а главы не имѣеть; тако и многи полки без добра князя.

Гусли бо страяются персты, а тѣло основается жилами; дубъ крѣпокъ множеством кореniа; тако и градъ нашь твоею дръжавою.

Зане князь щедръ отець есть слугамъ многиим: мнозии бо оставляють отца и матерь, к нему прибѣгают. Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится болшеи роботы. Зане князь щедръ, аки рѣка,

Если кто в печали человеку поможет, то как студеной водой его напоит в знойный день.

Птица радуется весне, а младенец матери; весна украшает землю цветами, а ты оживляешь людей милостию своею, сирот и вдовиц, вельможами обижаемых.

Княже мой, господине! Покажи мне лицо свое, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен; мед источают уста твои, и дар твой как плод райский.

Когда веселишься за многими яствами, меня вспомни, хлеб сухой жующего; или когда пьешь сладкое питье, вспомни меня, теплую воду пьющего в незаветренном месте; когда же лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, меня вспомни, под одним платком лежащего, и от стужи оцепеневшего, и каплями дождевыми, как стрелами, до самого сердца пронзаемого.

Да не будет сжата рука твоя, княже мой, господине, на подаяние бедным: ибо ни чашею моря не вычерпать, ни нашими просьбами твоего дому не истощить. Как невод не удерживает воды, а только рыб, так и ты, княже, не удерживай злата и серебра, а раздавай людям.

Паволока, расшитая разноцветными шелками, красоту свою показывает; так и ты, княже, многими своими людьми честен и славен во всех странах являешься. Некогда ведь похвалился царь Иезекииль перед послами царя вавилонского и показал им множество злата и серебра; они же сказали: «Наш царь богаче тебя не множеством золота, но множеством воинов; ибо воины золото добудут, а золотом воинов не добыть». Как сказал князь Святослав, сын Ольгин, когда шел на Царьград с небольшою дружиною: «Братья! нам ли от города погибнуть или городу от нас быть плененну?» Как бог повелит, так и будет: погонит один сто, а от ста побегут тысячи. Тот, кто надеется на господа, не дрогнет вовек, как гора Сион.

Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать. Часто из-за беспорядка полки погибают. Видел: огромный зверь, а головы не имеет, так и многие полки без хорошего князя.

Гусли ведь настраиваются перстами, а тело крепится жилами; дуб силен множеством корней, так и град наш — твоим управлением.

Ибо щедрый князь — отец многим слугам: многие ведь оставляют отца и матерь и к нему приходят. Хорошему господину служа, дослужиться свободы, а злому господину служа, дослужиться еще большего рабства. Ибо щедрый князь — как

текуща без бреговъ сквозн дубравы, напаяюще не токмо человѣки, но и звѣри; а князь скупъ, аки рѣка въ брезѣх, а брези камены: нѣлзи пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладязь сладокъ при пути напаяеть мимоходящих; а бояринъ скупъ, аки кладязь сланъ.

Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дръжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огнь трепетицею накладенъ, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искоръ не можеши устеречися и сожденна портъ.

Господине мои! Не лиши хлѣба нища мудра, ни вознесе до облакъ богата несмыслена. Нищь бо мудръ, аки злато в кални судни; а богат красенъ и не смыслить, то аки паволочито изголовие соломы наткано.

Господине мои! Не зри внѣшняя моя, но возри внутреняя моа. Азъ бо, господине, одѣниемъ оскуденъ есмь, но разумом обиленъ; унъ възрастъ имѣю, а старъ смыслъ во мнѣ. Бых мыслию паря, аки орелъ по воздуху.

Но постави сосуд скуделничь под лѣпокъ капля языка моего, да накаплють ти слажше меду словеса устъ моих. Яко же Давид рече: сладка сут словеса твоя, паче меда устомъ моимъ. Ибо Соломонъ рече: словеса добра сладостью напаяють душу, покрываеть же печаль сердце безумному.

Мужа бо мудра посылаи и мало ему кажи, а безумнаго посылаи, и самъ не лѣнися по немъ ити. Очи бо мудрых желают благых, а безумнаго дому пира. Лѣпше слышати прѣние умных, нижели наказаниа безумных. Даи бо премудрому вину, премудрие будеть.

Не сѣи бо на бразнах жита, ни мудрости на сердци безумныих. Безумных бо ни сѣють, ни орють, ни в житницю сбирают, но сами ся родят. Какъ в утелъ мѣх лити, такъ безумнаго учити; псомъ бо и свиниамъ не надобѣ злато, ни сребро, ни безумному драгии словеса; ни мертвеца росмѣшити, ни безумнаго наказати. Коли пожреть синиця орла, коли камение въсплавлет по водѣ, и коли иметь свиниа на бѣлку лаяти, тогды безумныи уму научится.

Или ми речеши: от безумиа ми еси молвилъ. То не видал есмь неба полъстяна, ни звиздъ лутовяных, ни безумнаго, мудрость глаголющь. Или ми речеши: сългалъ еси аки песъ. Добра бо пса князи и бояре любят. Или ми речеши: сългалъ еси аки тать. Аще бых украсти умѣлъ, то толко бых к тобѣ не скорбилъ. Дѣвиця бо погубляеть красу свою бляднею, а мужь свое мужество татбою.

река, текущая без берегов через дубравы, утоляющая жажду не только людей, но и зверей; а скупой князь — как река в берегах, а берега каменные: нельзя ни самому напиться, ни коня напоить. Боярин щедрый — как колодезь с пресной водой при дороге: многих напаивает; а боярин скупой — как колодезь соленый.

Не имей себе двора близ царева двора и не держи села близ княжого села: ибо тиун его — как огонь, на осине разожженный, а рядовичи его что искры. Если от огня и устережешься, то от искр не сможешь устеречься и одежду прожжешь.

Господине мой! Не лиши хлеба мудрого нищего, не вознеси до облак глупого богатого. Ибо нищий мудрый — что золото в навозном сосуде, а богатый разодетый да глупый — что шелковая наволочка, соломой набитая.

Господине мой! Не смотри на внешность мою, но посмотри, каков я внутри. Я, господине, хоть одеянием и скуден, но разумом обилен; юн возраст имею, а стар смысл во мне. Мыслию бы парил, как орел в воздухе.

Но поставь сосуд гончарный под капельницу языка моего, да накаплет тебе слаще меду слова уст моих. Как Давид сказал: «Сладки слова твои, лучше меда они устам моим». Ибо и Соломон сказал: «Слова добрые сладостью напояют душу, покрывает же печаль сердце безумного».

Ибо мудрого мужа посылай — и мало ему объясняй, а глупого посылай — и сам вслед не ленись пойти. Очи мудрых желают блага, а глупого — пира в доме. Лучше слушать спор умных, нежели указания глупых. Наставь премудрого, и он еще мудрее станет.

Не сей на межах жита, ни мудрости в сердцах глупых. Ибо глупых ни сеют, ни жнут, ни в житницу не собирают, но сами себя родят. Как в дырявые меха лить, так и глупого учить; ибо псам и свиньям не нужно ни золота, ни серебра, а глупому — мудрых слов; мертвеца не рассмешишь, а глупого не научишь. Коли пожрет синица орла, коли поплывет камень по воде и коли начнет свинья на белку лаять, тогда и глупый уму научится.

Неужели скажешь мне: от глупости все мне это наговорил? Не видел ты неба холстяного, ни звезд искусственных, ни глупого, говорящего мудро. Неужели скажешь мне: солгал как пес? Но хорошего пса князья и бояре любят. Неужели скажешь мне: солгал как вор? Если бы украсть умел, то к тебе бы и не взывал. Девица ведь губит красоту свою прелюбодейством, а муж свое мужество — воровством.

Господине мои! То не море топить корабли, но вѣтри; не огнь творить ражежение желѣзу, но надымание мѣшное; тако же и князь не самъ впадаеть въ вещь, но думци вводять. З добрымъ бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихимъ думцею думая, меншего лишенъ будеть.

Глаголеть бо в мирскых притчах: не скотъ въ скотѣх коза; ни звѣрь въ звѣрех ожь; ни рыба въ рыбах ракъ; ни потка въ потках нетопырь; не мужь в мужех, иже кимъ своя жена владѣеть; не жена в женах, иже от своего мужа блядеть; не робота в роботах под жонками повозъ возити.

Дивнѣи дива, иже кто жену поимаеть злобразну прибытка дѣля.

Видѣх жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣх еи: не зри в зерцало, видѣвше бо нелѣпоту лица своего, зане болшую печаль приимеши.

Или ми речеши: женися у богата тьстя чти великиа ради; ту пии и яжь. Ту лѣпше ми волъ буръ вести в дом свои, нѣже зла жена поняти: волъ бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бьема бѣсѣться, а кротима высится, въ богатествѣ гордость приемлеть, а в убожествѣ иных осужаеть.

Что есть жена зла? Гостинница неуповаема, кощунница бѣсовская. Что есть жена зла? Мирскии мятежь, ослѣпление уму, началница всякои злобѣ, въ церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада от спасениа.

Аще которыи муж смотрить на красоту жены своеа и на я́, и ласковая словеса и льстива, а дѣлъ ея не испытаеть, то даи богъ ему трясцею болѣти, да будеть проклят.

Но по сему, братиа, расмотрите злу жену. И рече мужу своему: господине мои и свѣте очию моею! Азъ на тя не могу зрѣти: егда глаголеши ко мнѣ, тогда взираю и обумираю, и въздеръжат ми вся уды тѣла моего, и поничю на землю.

Послушь, жены, слова Павла апостола, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужь женѣ своеи. Жены же у церкви стоите молящеся богу и святѣи богородици; а чему ся хотите учити, да учитеся дома у своих мужеи. А вы, мужи, по закону водите жены свои, поне же не борзо обрѣсти добры жены.

Добра жена вѣнець мужу своему и безпечалие; а зла жена лютая печаль, истощение дому. Червь древа тлить, а зла жена домъ мужа своего теряеть. Лутче есть утли лодии ездѣти, нежели злѣ женѣ таины повѣдати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить. Лѣпше есть

Господине мой! Ведь не море топит корабли, но ветры; не огонь раскаляет железо, но поддувание мехами; так и князь не сам впадает в ошибку, но советчики его вводят. С хорошим советчиком совещаясь, князь высокого стола добудет, а с дурным советчиком и меньшего лишен будет.

Говорится ведь в мирских пословицах: ни скот в скотах коза, ни зверь в зверях еж, ни рыба в рыбах рак, ни птица в птицах нетопырь, ни муж в мужах, если над ним жена властвует, ни жена в женах, если от своего мужа прелюбодействует, ни работа в работах — для женок повоз возить.

Дивней дивного, кто в жены возьмет уродину прибытка ради.

Видел жену безобразную, приникнувшую к зеркалу и мажущуюся румянами, и сказал ей: «Не смотрись в зеркало — увидишь безобразие лица своего и еще больше обозлишься».

Неужели скажешь мне: «Женись у богатого тестя, чести ради великой; у него пей и ешь»? Лучше бы уж мне вола бурого ввести в дом свой, чем злую жену взять: вол ведь не говорит, ни зла не замышляет, а злая жена, когда ее бьешь, бесится, а когда кроток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит.

Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, засада от спасения.

Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лихорадкой болеть и да будет он проклят.

Вот посмотрите, братия, на злую жену. Говорит она мужу своему: «Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и опускаюсь на землю».

Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте в церкви и молитеся богу и святой богородице, а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья одежду замочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит.

камень долоти, нижели зла жена учити; желѣзо уваришь, а злы жены не научишь.

Зла бо жена ни ученна слушаеть, ни церковника чтить, ни бога ся боить, ни людеи ся стыдить, но всѣх укоряет и всѣх осужаеть.

Что лва злѣи в четвероногих, и что змии лютѣи в ползущих по земли? Всего того злѣи зла жена. Нѣсть на земли лютѣи женскои злобы. Женою сперва прадѣдъ нашь Адамъ из рая изгнанъ бысть; жены ради Иосифъ Прекрасныи в темници затворенъ бысть; жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша, и лви ему нози лизаху. О злое, острое оружие диаволе и стрѣла, лѣтящеи с чемеремъ!

Нѣ у кого же умрѣ жена; онъ же по матерных днех нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: чему дѣти продаешь? Он же рече: аще будуть родилися в матерь, то, возрошьши, мене продадут.

Еще возвратимся на предняя словеса. Азъ бо, княже, ни за море ходилъ, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цвѣтом, совокупляя медвеныи сотъ; тако и азъ, по многим книгамъ исъбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в мѣх воды морскиа.

Да уже не много глаголю. Не отмѣтаи безумному прямо безумию его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану с нимъ много глаголати. Да не буду аки мѣх утелъ, роня богатство в руци неимущим; да не уподоблюся жорновом, яко тии многи люди насыщают, а сами себе не могут насытитися жита; да не възненавидим буду миру со многою бесѣдою, яко же бо птиця, частяще пѣсни своя, скоро възненавидима бываеть. Глаголеть бо в мирскых притчах: рѣчь продолжена не добро, добро продолжена паволока.

Господи! Даи же князю нашему Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломоню и хитрость Давидову и умножи, господи, вся человѣкы под нози его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк.

Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни церкви не чтит, ни бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает.

Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? Всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен; из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где львы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!

У некоего человека умерла жена; он же по смерти ее начал продавать детей. И люди сказали ему: «Зачем детей продаешь?» Он же ответил: «Если родились они в мать, то, как подрастут, меня самого продадут».

Но вернемся к прежнему. Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам, собирает она мед в соты; так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их и собрал, как в мех воды морские.

Скажу не много еще. Не запрещай глупому глупость его, да не уподобишься сам ему. Не стану с ним много говорить. Да не буду как мех дырявый, роняя богатство в руки неимущих; да не уподоблюсь жерновам, ибо те многих людей насыщают, а сами себя не могут насытить житом; да не окажусь ненавистным миру многословною своею беседою, подобно птице, частящей свои песни, которую вскоре же ненавидеть начинают. Ибо говорится в мирских пословицах: длинная речь не хороша, хороша длинная паволока.

Господи! Дай же князю нашему силу Самсона, храбрость Александра, разум Иосифа, мудрость Соломона, искусность Давида и умножь, господи, всех людей под пятою его. Богу нашему слава, и ныне, и присно, и вовеки.

КНИГЫ АЛЕКСАНДРЪ, СЛОВ 103

Доблии, мнится быти, и храборъ Александръ Макидонскыи, яко, все сътворивъ, поспѣвающу ему, имея присно къ доброму делу промышление. Толико бо лѣтъ проводи, съ всѣми языкы брань творя и биася, яко же не можаху хотящии грады по извѣсту исписати Александрова же дѣяния и добраа дѣла души и тѣла его, и, юже въ дѣлѣхъ его, вазнь, и мужество, се уже речемъ, начятокъ от рода его сътворше, и которого бѣ отца сынъ. Блазнять бо ся мнози, глаголюща его сына суща Филипа царя, еже есть не тако. Не того бо есть, но Нектонавовъ и Филиповы жены Олумпиады. Образъ же рожества его не по истиннѣ пишюще сего сына быти.

Премудрии же египетскыи, иже Нектонава писавше, глаголють, яко царьскыя чести отпалъ есть, силу влъховную дѣя. И всѣмъ языкомъ одолѣ влъхвуя, да мирнѣ пребываше. Аще бо коли на нь поидяше сила ратных, да вои ни строяше, ни съсуд ратныи строяше, ни помощникъ собѣ искааше на исплъчение, но, поставивъ мѣдяницю, творяше влъхвование въ мѣдяници. И вливаше воду от источника въ мѣдяницю, рукама своима дѣлаше лодкы и человѣци вощана, и покладаше въ мѣдяницю. И облачаашеся въ одежду пророческую, имѣяше въ руцѣ своеи палицю евелову, и, ставъ, призываше мнимыя богы своя, влъхвуя, и въздушныя духы и преисподняя бѣсы. Влъхвованиемъ тѣмъ оживяху вощании человѣци, и тако погружахуся лодкы в мѣдяници. И потомъ, погружаемомъ имъ, иже на мори прави корабли погибаху ратных, идущих на нь, зане гораздъ бѣ мужь влъховнѣи силѣ велми. Въ мирѣ же скончявше царство.

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

КНИГА ОБ АЛЕКСАНДРЕ, В НЕЙ ЖЕ 103 ГЛАВЫ

РОЖДЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

Кажется нам, что доблестным и храбрым был Александр Македонский, раз во всем сопутствовала ему удача, и всегда он стремился к славным делам. Ведь столько лет провел он в войнах и сражениях с различными народами, что и те, кто хотел бы, не могут их точно перечислить. Так поведаем же о подвигах Александра, и о славных деяниях души его и тела, и о счастье, сопутствовавшем деяниям тем, и о мужестве, начав с рассказа о его происхождении и о том, чьим он был сыном. Многие заблуждаются, называя его сыном царя Филиппа, это не так. Не Филиппа он сын, а Нектонава и Олимпиады, жены Филипповой. И не верно описывают рождение его от Филиппа.

Мудрецы же египетские, рассказывавшие о правлении Нектонава, говорят, что утратил он достоинство царское, занимаясь волхвованием. И все народы одолел с помощью колдовства и жил в мире. Если же когда и шла на него вражеская рать, то не собирал он воинов, не готовил орудий бранных, не искал союзников в битвах, но, поставив медную лохань, колдовал над ней. И наливал ее водой родниковой, своими руками лепил из воска лодочки и человечков и пускал их в воду. И, облачившись в жреческие одежды, брал в руки эбеновый жезл, и призывал, колдуя, мнимых богов своих, и духов воздуха, и демонов преисподней. И по колдовству его оживали восковые человечки и тонули лодочки в медной лохани. И когда погружались они, то на море погибали настоящие корабли с воинами, шедшими на него, ибо был он весьма искусен в колдовстве. И так мирно царствовал Нектонав.

Времени же доволну бывшю, ексъплоратори ниции, тако нарицаеми римляне, еллинскы же расоци, приидоша къ Нектонавови, облакъ великъ ратных повѣдающе ему, бесчисленых мужь и храбрых воя, на Египта идуща. И пришедъ къ Нектонавови воевода его, рече к нему: «Здрав буди, царю! Оставивъ нынѣ мирныя вся образы, на браннаа исплъчениа буди готовъ, великъ бо облакъ противных прилежить на нас, не единъ бо языкъ на нь грядеть, но тмы людии. Суть бо идущии на насъ индии, и нокимѣи, оксудоркы, ивери, и каухони, пелапи, въспори, вастарни, азани, халуви, и елико инѣхъ на въсточнѣи странѣ сѣдящихъ языкъ великых, бесчисленыхъ мужь, храбрых воинъ на Египетъ грядуще. И ошибися убо многыхъ своих умѣнии, блюдися!» Воеводѣ си рекъши цареви Нектонавови, много посмѣявся Нектонавъ, рече къ нему: «Ты убо, добрѣ и разумнѣ порученую ти стражю блюдыи, се глаголеши? Ужасенъ же, не яко воинъ глагола: не въ мнозѣ бо народѣ есть сила, но въ проразумѣнии брани. Ибо единъ левъ многы елѣни побѣжаеть, и единъ волкъ многа стада паствъ разлучаеть. Шедъ же убо, ты съ поручными воины тобѣ свою заповѣдь храни. Словомъ бо единемъ ратных бесчислено множество пучиною покрыю». И си рекъ, Нектонавъ отпусти воеводу своего.

Сам же, въставъ, вниде в полату свою и, единъ сыи, пакы то же наченъ дѣяти. И възревъ в мѣдяницю, видѣ богы египетскыя правяща лодия противных варваръ, и воя их тѣми ведоми. Нектонавъ же, влъхвованиемъ вельми гораздъ сыи человѣкъ, и обыкнувъ съ богы своими клюдити, увѣдѣвъ от нихъ, яко уже кончина есть царству египетскому. Възем злато много, постригъ главу и браду свою и, преобразився во инъ образъ, бѣжа сквозѣ Пулусию и, преплувъ, прииде въ Пелу макидонскую. И сѣде тамо на единомъ мѣсте, яко врачь премудръ, многа влъхвуя звѣздами, яко пророкъ египетскыи. Египтяне же моляхуся богомъ своимъ, яко камо ся есть дѣлъ царь египетскыи, вси бо египтяне повоевани бяху от противных. Сущии же въ адутѣ богъ их, нарицаемыи Серапионъ, прояви имъ, глаголя: «Се бѣжавыи царь пакы приидеть въ Египетъ, не старъ сыи, но унъ, и врагы ваша пръсы побѣдить». И пытаху, что убо хощеть быти, реченное к нимъ не разумѣша, написаша даное имъ проявление на стѣнѣ Нектонава болъвана.

И по всеи же Макидонии прославився Нектонавъ, извѣстуя всѣмъ волхвованием, яко же и царица Олумпиада, слышавши о немъ, прииде к нему нощию, Филипу же, мужю ея,

Много времени прошло, и вот некие эксплораторы, как их называют римляне, а по-гречески — лазутчики, прибыли к Нектонаву и сообщили, что движутся на Египет полчища врагов — не исчислить мужей и храбрых воинов. И, придя к Нектонаву, сказал воевода его: «Будь здоров, царь! Оставь же мирную жизнь свою, готовься на битву, ибо огромное вражеское войско движется на нас, не один народ, а тысячи тысяч людей. Идут на нас и индийцы, и нокимеи, оксудорки, иберы, и кавконы, и пелапы, боспорцы, бастарны, азаны, халибы и все, сколько есть великих народов, обитающих на Востоке, бесчисленных храбрых воинов — все движутся на Египет. И не надейся на премудрость свою, берегись!» Сказал так воевода Нектонаву, но тот, посмеявшись немало, отвечал ему: «Ты ли это говоришь, так мудро и исправно несущий порученную тебе сторожевую службу? В ужасе говоришь, а не так, как подобает воину: ибо не во множестве воинов сила, а в воинском умении. Ибо лев один одолевает многих оленей, а единственный волк разгоняет несколько пасущихся стад. Так иди же и с данными тебе воинами исполняй свою службу. И по одному слову моему погрузится в пучину бесчисленное множество ратников». И, сказав так, отпустил Нектонав своего воеводу.

Сам же, встав, прошел в палату свою и, оставшись один, принялся за обычное дело. Но, взглянув в медную лохань, увидел,что боги египетские сами направляют ладьи враждебных ему варваров и ведут их воинов. Нектонав же, человек в колдовстве искусный и привыкший общаться со своими богами, узнал от них, что пришел конец египетскому царству. И, взяв с собой много золота, остриг голову, бороду сбрил и, облик свой изменив, бежал через Пелусий, откуда же, переплыв море, прибыл в Неллу македонскую. И поселился там где-то под видом мудрого врача, гадая по звездам, как будто он предсказатель египетский. А египтяне вопрошали богов своих: куда же делся их царь,— ибо побежден был Египет врагами. Обитающий в преисподней бог их, именем Серапис, изрек предсказанье: «Царь ваш бежавший снова вернется в Египет, но не старым, а юным, и разгромит врагов ваших, персов». И вопрошали египтяне, что же случится с ними, ибо не поняли сказанного, и написали данное им пророчество на основании статуи Нектонава.

А Нектонав прославился на всю Македонию, предсказывая всем будущее, так что даже царица Олимпиада, услышав о нем, посетила его как-то ночью, когда муж ее, Филипп, отпра-

отшедшю на воину. И увѣдѣвши от него, его же искаше, отъиде. И не по мнозѣхъ днехъ посла по него, и повелѣ ему внити къ собѣ. Нектонавъ же, видѣвъ ю̀ велми красну сущю, въсхотѣ добротѣ ея. Простеръ руку свою, рече: «Радуися, макидонскаа царица!» Она же рече: «Радуися и ты, добрыи пророче, минувъ сяди». И рече ему: «Ты еси, господи,— египетскыи учитель, его же искусивше, обретоша всю правду. И азъ же вѣру яхъ о тобѣ. Коею бо хитростию праваа повѣдаеши?» Онъ же рече: «Многомятежно ремество мое, о царице! Суть бо частнии стражеве, раздрѣшители знамениемъ, податели сномъ, ложеснии баснотворци, ягнячи влъхвове, рождению влъхвове». И се рекъ, възрѣ на Алумпиаду злѣ. Рече къ нему Олумпиада: «Пророче! Изъмѣрлъ еси, видев мя?» Он же рече еи: «Госпоже моя, помянухъ бо вѣсть, даную ми от моих богъ, яко подобаеть ти царицю видѣти, да все право ся есть събыло. Да потомъ клюди ми, еже хощеши». И вложивъ руку за пазуху свою, и выня дщицю, ея же слово указати не можеть: златомъ и слономъ обложена, имѣющи звѣздъ 7 и чястныи стражь, солньце же и луну. Солнце же убо крустално, а луна адаматина, другыи нарицаемыи Зеусъ въздушныи, другыи же Кронъ змиевъ, Афродитъ самъфирова, Ермия же змарагдинъ, ороскопъ же лугдинъ. Подививши же ся Олумпиада дщичному многоразличию, присѣде къ Нектонаву, повелѣвши всѣмъ отступити, и рече къ нему: «Пророче, поглядаи о моемъ и Филипове рожествѣ». Прослу бо ся бяше о неи, яко же приидеть Филипъ с воины, сию пустити хощеть, а иную пояти. Нектонавъ же рече къ неи: «Рци свое рожество и Филипово». И что къ тому творить Нектонавъ: прилагаеть и свое рожество къ Олумпиадѣ и лжа рече къ неи: «Нѣсть лжа слухъ, же еси слышала о собѣ. Могу же ти помощи яко пророкъ египетскыи, яко да не изгнана будеши от Филипа». Она же рече: «Како можеши?» Онъ же рече: «Подобаеть ти снитися съ земскымъ богомъ, и от того зачяти, и родити сынъ, и въскормити, сего же имѣти мѣстника бывающимъ грѣхомъ от Филипа на тя». И рече ему Олумпиада: «С которымъ богомъ?» Он же рече: «Съ лувиискымъ Амнономъ». И рече ему Олумпиада: «Каковъ есть убо богъ тои?» Он же рече: «Възрастомъ убо срѣднии, власы имѣя златы, и бруди и браду, рогы имѣя на челе, украшены златомъ. Подобаеть же ти ся устроити, яко царици, его ради. Днесь бо въ снѣ узриши бога того, съшедша с тобою». Она же рече къ нему: «Аще вижю сонъ сеи, не яко влъхву, но яко богу поклонюся тобѣ».

вился на войну. И, узнав у него все, что хотела, ушла. А несколько дней спустя послала за Нектонавом и велела ему прийти к ней. Нектонав же, видя ее красоту, воспылал к ней страстью. Простер руку свою, приветствуя: «Радуйся, македонская царица!» Она же сказала: «Радуйся и ты, мудрый пророк, пройди сюда и садись». И продолжала: «Ты, господин,— египетский мудрец; расспросив тебя, узнаю́т всю правду. И я верю тебе. Но каким же способом узнаешь ты истину?» Он же отвечал: «О царица! Все объемлет искусство мое. Есть составители гороскопов, толкователи знамений, толкователи снов, предсказатели судьбы, гадатели по ягнятам, астрологи, я же все это постиг». И, сказав это, страстно взглянул на Олимпиаду. Она же спросила: «О пророк! Почему замер ты, взглянув на меня?» Отвечал ей Нектонав: «Госпожа моя, вспомнил я возвещенное моими богами, что приведется мне увидеть царицу, и вот сейчас сбылось это. Так спрашивай меня о чем хочешь». И, засунув руку за пазуху, вынул дощечку, которую невозможно описать словами: покрыта она золотом и слоновой костью, а на ней изображены семь звезд и гороскоп, солнце и луна. Солнце хрустальное, луна из стали, одна звезда, называемая Юпитер, из драгоценного камня, а другая — Сатурн — из змеиного, Венера — из сапфира, Меркурий — изумрудный, гороскоп же из белого мрамора. Поразилась Олимпиада многоцветной дощечке и, велев отойти всем, подсела к Нектонаву и попросила его: «Погадай, пророк, о моей судьбе и судьбе Филиппа». Ибо прошел слух, что Филипп, вернувшись с войны, хочет прогнать ее и жениться на другой. Нектонав же сказал ей: «Назови: когда ты родилась и когда — Филипп?» И вот что сделал тогда Нектонав: сопоставил свой гороскоп с гороскопом Олимпиады и, обманывая ее, сказал: «Не ложен этот слух, что дошел до тебя. Но, как пророк египетский, смогу я тебе помочь, и не будешь ты изгнана Филиппом». Она же спросила: «Как ты сделаешь это?» Он же отвечал: «Должна ты будешь сойтись с земным богом, и родить от него сына, и вскормить его, и отомстит он Филиппу за все зло, тебе причиненное». И спросила его Олимпиада: «С каким богом?» Он же отвечал: «С ливийским Амоном». И спросила Олимпиада: «А каков тот бог с виду?» Отвечал Нектонав: «Ростом средний, волосы золотые — локоны и борода, а на челе — золоченые рога. Должна же ты встретить его как подобает царице. А сегодня во сне увидишь этого бога с собою». И сказала ему Олимпиада: «Если увижу такой сон, то не как волхву, но как богу тебе поклонюсь».

Изыде же убо от царици Нектонавъ и взя зѣлиа от пустыня, еже знаяше на сътворение сномъ, и се столкъ, създа воскомъ женско тѣло, и написа на немъ имя Алумпиадино. И въжегъ свѣтилникъ от зелии, призываше заклинаа бѣсы, иже бяху на се надобѣ, яко призрѣния творити Алумпиадѣ, и видѣти и в нощи съплетшася с нею Амнона. И въставша от нея, и рекша к неи: «Жено, зачяла еси въ чревѣ мужескъ полъ, иже будеть мѣстникъ твои».

И въставши же Алумпиада от сна, почюдися. И скоро послави, приведе Нектонава и рече ему: «Видѣхъ сонъ, его же ми еси реклъ бога Амнона. Но молю ти ся, пророче, да бых ся пакы смѣсила с нимъ. Да попецися, коли хощеть снитися съ мною, да и азъ приготовленаа жениху явлюся». Он же рече: «Пръвое убо, царице, яко же еси видѣла, сонъ бяшеть. Егда же самъ господскы приидеть к тобѣ орудие сътворити, да аще велить дръжава твоя, мѣсто ми вдаи, гдѣ ми лещи, да бых ся ему помолилъ о тобѣ». Она же рече: «Се в ложници моеи приими мѣсто. И аще получю от бога сего зачатие, велми тя потщю, яко царя, и сътворю тя акы отца дитяти тому». И рече к неи Нектонавъ: «Увидѣния дѣля твоего, царице, входящю богу, предитеча есть знамение то: аще сѣдящи вечеръ на ложи своемъ и узриши змия плъзуща къ тобѣ, повели всѣмъ сущимъ с тобою отступити. Ты же не угаси свѣща на свѣтилницѣ, его же нынѣ устрою горѣти въ честь богу, яко же видѣ, въдам ти. Но, възлѣзши на царьскыи твои одръ, готова буди и, покрывши лице свое, блюди бога, его же еси видѣла въ снѣ, идуща к тобѣ». Си рекъ, Нектонавъ изыде. Наутрия удавъ ему Алумпиада близъ своея ложица ложе.

Нектонавъ же, одравъ овну младу, главу и лобъ съ рогы, и позлати влъну и рогы, и възложи си на главу, и въземъ скыпетръ евеловъ, и ризу бѣлу, и вниде в ложницю, иде же лежаше на одрѣ Илумпиада, покрывшися, и концемъ же ока зряше. И увидѣ идуща, и не убояся его, того бо чаяше, яко же и въ снѣ видела. Свѣтилници же възгоша, и покры Алумпиа лице свое. Нектонавъ же положи скыпетръ, и възлѣзе на одръ ея, и бысть с нею, и рече къ неи: «Пребуди жено! Зачала еси мужескъ полъ, мѣстника твоего хотяща быти и всея вселенныя и миродръжца царя». Изыиде Нектонавъ от ложница, и въземъ скыпетръ, и съкры вся, яже имѣяше на прелесть.

Утру же бывшю, въставши Алумпиада, вниде в ложницю, идеже бѣ Нектонавъ, и възбуди его. Онъ же обудився и рече: «Радуися, царице! Что ми повѣдаеши?» Она же рече: «Како ся

И, выйдя от царицы, собрал Нектонав травы, росшие в местах пустынных, которые, как он знал, насылают сны, и растолок их, и слепил из воска женскую фигуру, и написал на ней имя Олимпиады. И сжег ту траву на светильнике и призывал, заклиная, демонов, которые были ему нужны, чтобы явилось видение Олимпиаде и увидела бы она во сне соединившегося с ней Амона, который, поднявшись, сказал бы ей: «Женщина, зачала в чреве своем отрока, который будет мстителем за тебя».

И, проснувшись, изумилась Олимпиада. И, тут же послав за Нектонавом, сказала ему: «Видела я во сне того, кого назвал ты богом Амоном. Но прошу тебя, пророк, сделай так, чтобы я еще раз сошлась с ним. И постарайся: когда захочет сойтись со мною, то и я предстану, убранная, как перед женихом». Он же сказал: «То, что видела ты прежде,— был сон. Когда же он сам, как повелитель, придет к тебе совершить должное, то, если будет воля твоя, царица, отведи мне место, где лечь, чтобы смог я ему помолиться о тебе». Она же предложила: «Вот тебе место в спальне моей. И если получу от бога зачатие, то великие почести воздам тебе, словно царю, и будешь ты как отец моему чаду». Нектонав же сказал ей: «А чтобы знала ты, царица, что пришел бог, то будет тебе знамение: когда вечером, сидя на ложе своем, увидишь ползущего к тебе змея, то повели всем оставить тебя одну. И не гаси свечей на светильнике, который зажгу я ныне в честь бога и, как увидишь, оставлю у тебя. Но ложись на свой царский одр, готовься и, покрыв лицо свое, жди, когда придет бог, которого ты видела во сне». И с этими словами ушел Нектонав. А наутро Олимпиада отвела ему ложе близ своей спальни.

Нектонав же, убив молодого барана, взял его рогатую голову, позолотил на ней шерсть и рога, и одел ее себе на голову, и, взяв эбеновый жезл, вошел в белоснежной одежде в спальню, где лежала на постели Олимпиада, накрывшись, но следя за ним краешком глаза. И, увидев идущего, не испугалась, ибо ждала того, кого видела во сне. Зажглись светильники, и скрыла Олимпиада лицо свое. Нектонав же положил жезл, лег в постель ее и, побыв с Олимпиадой, возгласил ей: «О женщина! Зачала ты сына, который отомстит за тебя и станет царем и властителем всей вселенной». И, взяв свой жезл, вышел Нектонав из спальни и спрятал все, с помощью чего обманул Олимпиаду.

Когда же наступило утро, Олимпиада, встав, прошла в спальню, где находился Нектонав, и разбудила его. Он же, проснувшись, сказал: «Радуйся, царица! Что скажешь мне?»

тебе есть утаило, пророче, азъ дивлюся! Приидеть ли сии богъ къ мнѣ еще, яко велми ми есть любъ?» Онъ же рече к неи: «Послушаи, царице! Азъ пророкъ есмь божии. И егда убо хощеши, въдаи же ми мѣсто се, да пребываю безъ голкы, да творю ему обычную чистоту, и приходити начнеть к тобѣ, егда хощеши». Она же рече: «Уже мѣсто се будеть твое». И повелѣ вдати ему ключя в ложница ея. Онъ же, яже имѣяше, положи въ покровеннѣмъ мѣсте и вхожаше к неи, елижды хотяше Олумпиа, мнимъ от нея, яко богъ есть Амнонъ. День же от дне начя еи чрево расти, и рече Алумпиа къ Нектонаву: «Аще пришедъ Филипъ обрящет мя непраздну сущю, что реку?» И рече къ неи Нектонавъ: «Никако же боися, госпоже, о семъ. Поможеть ти Амнонъ богъ, пришед к Филипу въ снѣ, и повѣсть ему бывшее, и тобѣ невиновату сътворить къ Филипови». ...

Пришедъ Филипъ от воины, видѣ жену свою скорбящю велми, и рече къ неи: «Жено! Бывшее о тобѣ не по твоеи ся винѣ сътворилъ есть. Тотъ бо грѣхъ чюжь есть, яко же ми есть явило, да ты будеши невиновата. Не все бо мы царь можеть. Нѣси бо никому же от людии въсхотѣла, ни иному никому же от красныхъ образъ». И се рекъ Филиппъ Алумпиаду же веселу сътвори. Алумпиа же начя благодать въздаяти пророку, възвѣстившю ему прежде бывшаа Филипови.

И не по мнозѣхъ днехъ Филиппъ царь, пребываа съ Алумпиадою, рече къ неи: «Прельстила мя еси, жено, не от бога заченши, но от иного некого. И впадеши въ руцѣ мои!» Се слышавъ Нектонавъ, вечери велицѣ сущи въ полатѣ, и всѣмъ веселящимся съ царемъ Филипомъ, царева ради пришествия, царю же Филиппу дряхлу сущю, зане непраздна бѣ Алумпиада, жена его, пред всѣми Нектонавъ, сътворивъся змиемъ великымъ, вниде посредѣ полаты и посвиста страшнѣ, яко потрястися основаниемъ полатнымъ. Ядущии же съ царемъ, видѣвше змия, въскочиша ужасни. Алумпиа же, познавши своего жениха, простре десную си руку. Възвед же ся змии, около всѣхъ ходивъ, възыде на лоно Алумпиадѣ и облобыза ю. Знамение любве змии пред видящими творя. Филипу же боявшюся купнѣ и дивящюся и безъ сытости позарующю, преложися змии въ орла и възлѣтѣ и амо же иде. И многу глаголу бывшу. Филипъ от страха разумѣвъ, и рече: «Жено! Знамение о твоеи тузѣ: видѣхъ бога, тобѣ помогающа въ бѣдѣ. Не вѣдѣ же, которыи богъ: показа бо намъ бога Амнона образъ, и Аполона, и Асклипиа». Алумпиа же рече ему: «Яко же ми есть явился тотъ, егда же снидеся съ мною, яко тои есть лувиискыи богъ Амнонъ».

Она же сказала: «Удивляюсь, пророк, что тебе ничего не известно! Придет ли еще ко мне этот бог, ибо очень он мне полюбился?» И сказал ей Нектонав: «Послушай, царица! Я же пророк божий. И если хочешь, то оставь мне то же место, и буду находиться я здесь незаметно и хранить его в чистоте, и начнет приходить к тебе бог, когда только захочешь». Она на то отвечала: «Пусть это место будет твоим». И велела дать ему ключи от своей спальни. Он же, все, что было с ним, положил в тайном месте и приходил к ней, когда хотела того Олимпиада, принимаем ею за бога Амона. И день ото дня стал расти у нее живот, и сказала Олимпиада Нектонаву: «Если вернется Филипп и увидит, что я беременна, что скажу ему?» И ответил ей Нектонав: «Ничего не бойся, госпожа. Поможет тебе бог Амон, явившись Филиппу во сне и поведав ему обо всем, что было, и оправдает тебя перед Филиппом». ...

Вернувшись с войны и, видя, как печальна Олимпиада, сказал ей Филипп: «Жена! Ведь все, что было с тобой, не по твоей вине совершилось. Как известно мне, это — чужой грех, и ты невиновна. Ибо цари всех сильнее, но сила богов превыше силы царей. И ты полюбила не кого-нибудь из людей, не кого-нибудь из красивых лицом». Сказал так Филипп, и повеселела Олимпиада. И стала она благодарить пророка, возвестившего Филиппу обо всем, что случилось.

Но некоторое время спустя царь Филипп, будучи с Олимпиадой, сказал ей: «Обманула ты меня, жена: не от бога зачала, а от кого-то другого. И попадешь ты в мои руки!» Узнал об этом Нектонав, и когда в палате был пышный пир, и все веселились с царем Филиппом, празднуя его возвращение, и только сам Филипп был грустен, потому что застал беременной жену свою Олимпиаду, вот тогда и обратился Нектонав в огромного дракона, появился посреди палаты и засвистал так страшно, что дом до основания затрясся. Увидев дракона, повскакивали в ужасе пировавшие с царем. Но Олимпиада, узнав жениха своего, простерла ему навстречу правую руку. И поднялся дракон, и прополз сквозь толпу, и вполз на колени к Олимпиаде и поцеловал ее. Так перед всеми показал дракон свою любовь. А пока Филипп в страхе и изумлении взирал на них, обратился дракон в орла, взлетел и исчез. Лишь тогда и поднялся крик. А Филипп, придя в себя от страха, сказал: «Жена! Это знамение твоей печали: видел я бога, помогающего тебе в беде. Но не знаю, что это за бог: он явился нам в образе и Амона, и Аполлона, и Асклепия». Олимпиада же отвечала ему: «Явился мне тот, кто тогда сошелся со мной; это и есть ливийский бог Амон».

Филипъ же, се видѣвъ, блажаше себе, хотяи нарщати божие племя, хотящее родитися своея ему жены.

Не по колице же днии сѣдящю Филипу негдѣ на царьскомъ мѣсте, множество различных птиць кръмяхуся ходяще. И безъ запа текши птица на лоно Филипа царя, снесе яицо. И свалився съ лона его, паде на земли и разбися. От него же въскочи малъ змииць, и много ходивъ около яица, пакы искаше дну внити, отнюду же изиде. И вложь главу въ яице и умре. Смяте же ся Филиппъ царь и призва Антифонта некоего, сказателя знамению, и исповѣда ему бывшее. Сказатель же знамению дохновениемъ божиимъ рече къ нему: «Царю! будеть ти сынъ, ниже обыидеть весь миръ, покоряя всѣхъ своею силою, и възвращая же ся въ свое царство малолѣтенъ умреть. Змии убо царьскын образъ есть, яице же подобно миру, от него же изыде змии. Обходить убо весь миръ и хотяи внити, отнюду же изыде, не доиде, но умре». Антифонъ же сказа знамение и, даръ въземъ, от царя Филипа отиде.

И скончавшюся времени родити Олумпиадѣ, сѣдши на столѣ, на нем же раждають жены, начя болѣти. Пристоя же Нектонавъ, и премѣривъ небесная течения тешаше ю́, да бы ся не потщала на рожение, и склонивъ мирскыя стухия влъхованиа силою, пытааше настоящаа и рече къ неи: «Жено, въздержися, да побѣдиши настоящаа естеству. Аще бо нынѣ родиши, работяга и планеника родиши». Пакы же женѣ въ болѣзни мятущися и уже не могуща потръпѣти от великыя болѣзни, Нектонавъ же рече: «Жено, потръпи мало: аще бо нынѣ родиши, галинъ будетъ, нищь раждаяися». И нѣкыя притча и добраа словеса Нектонавъ утѣшаа, учаше Алумпиаду. Тотъ свое влъхование творя, не дадяше женѣ родити. Пакы же съглядавъ небеснаа течениа и мирскаа стухия, и видевъ всего мира посреди небеси суща, и свѣтлость нѣкую узрѣвъ, яко слънъцю посреди небеси суща, и рече къ Алумпиадѣ: «Уже пусти гласъ къ рожению своему». И самъ же повелѣ еи, да родить, и рече еи: «Царя родиши мирудръжца нынѣ». Алумпиа же, болми възпивши, и роди отроча съ доброю чястию. Отрочати же падшю на земли, быша громи велици и блискании млъниа, яко всему миру подвизатися.

Утру же бывшю, видѣ Филипъ отроча, еже роди Алумпиа, и рече: «Мыслилъ есмь не кръмити его, яко не от мене ся есть родилъ, но понеже вижу, яко сѣмя есть божие, рожество же его боле всего мира; да кръмимъ си будеть за память умръшаго ми отрока, родившаго ми ся от пръвыя жены. И да наречется

Филипп же, узнав об этом, стал гордиться, что будет называться божественным потомство, которое родится у его жены.

Несколько дней спустя сидел Филипп на своем царском месте, а вокруг бродило, кормясь, множество различных птиц. И внезапно взлетела птица на колени к царю Филиппу и снесла яйцо. И скатилось оно с колен на землю и разбилось. Из яйца же выполз маленький змееныш и несколько раз прополз вокруг яйца, снова пытаясь забраться туда, откуда вышел. И вложил голову в яйцо и умер. Встревожился царь Филипп и призвал к себе некоего Антифона, толкователя знамений, и рассказал ему о случившемся. И по божественному вдохновению возвестил ему толкователь знамений: «Царь! Будет у тебя сын, который обойдет весь мир, всех покоряя своей силой, и, возвращаясь в царство свое, умрет молодым. Ибо змея — символ царя, яйцо же, откуда выползла она, подобно миру. Обойдет весь мир и, стремясь возвратиться туда, откуда вышел, умрет, не достигнув того места». Истолковал знамение Антифон и, получив награду, покинул царя Филиппа.

И когда настало время родов Олимпиады, начала мучиться она, сев на скамье, где рожают женщины. А бывший подле нее Нектонав, рассчитав движение звезд небесных, уговаривал ее, чтобы не спешила родить, и, подчинив волшебной силой земные стихии, узнал, что ждет ее, и сказал: «Женщина! Крепись, совладай с природой своей: если сейчас родишь, то родишь раба и пленника». Снова металась женщина от боли и уже была не в силах терпеть страдания, но Нектонав сказал: «Женщина, потерпи немного: если сейчас родишь, то родишь ничтожного человека и нищего». И, утешая притчами и ласковыми словами, наставлял он Олимпиаду. И волхвовал, не давая ей родить. И, снова воззрев на движение звезд и на состояние земных стихий и увидев, что над миром, посреди небосвода, разлилось какое-то сияние, словно солнце было в зените, крикнул Олимпиаде: «Пора, воззови к чаду своему!» И сам повелел ей, чтобы родила, и сказал: «Вот теперь родишь царя и властителя мира». Олимпиада же, громко вскрикнув, родила отрока счастливой судьбы. И едва коснулся он земли, как загремели могучие раскаты грома и заблистали молнии, так что весь мир содрогнулся.

Когда же настало утро, увидел Филипп отрока, рожденного Олимпиадой, и сказал: «Не хотел я воспитывать его, ибо не мой это сын, но так как вижу, что это божественное семя и рождения такого не бывало в мире, то пусть будет воспитан он в память об умершем моем сыне от первой жены. И пусть

Александръ». И тако рекшю Филиппу, всяко прилежание творяху отрочяти, и възложивши вѣнець на главу его, поводиша и по всеи Македонии и по всеи области его. Възмогшу же Александру, не подобенъ бяше образомъ къ Филиппу, ни къ своеи матери Алумпиадѣ, ни къ отцу своему, но своимъ украшенъ образомъ. Образъ убо имяше человѣческыи, гриву же львову, очима же розноокъ: десное убо долу зряше, шюее же зекро. Зуби же его остри, акы змиевы. Подобье же имяше львово, скоръ, яснъ же бяше. По лѣтѣхъ же възрастѣ, начя ся учити. Бѣ же ему кръмилица — сестра Мелантова, пестунь же и кормилець — Леонидъ, учитель же книгамъ — Полуникъ, гудению же — Леукипъ, землемѣрию — Мелепъ, мудростнымъ же словомъ — Аксиаменикъ, философии же — Аристотелисъ, брань творити — воевода. Александръ же всякому наказанию научився, и звѣздныи законъ. Отпущаем же от учениа домови, учяше дѣти, с ними же учяшеся, да ся биють, раздѣлившеся, и самъ творяше брани ту. Егда же узряше другую страну побѣжаему сущю, преходяше на ту страну и помогаше имъ, и одолѣваху, и явѣ бяше, яко того бѣаше побѣда. Сице же Александръ кормимъ бяше. И съ воины на поле хожаше учится воинскому чину и, с коньныкы примѣшаяся, учяшеся ездити.

Въставъ Александръ, поиде от Суриа, и срѣтоша Дарьеви сли, носяще къ нему грамоту, чръчегу и мячь, и корстицю съ златомъ. Приим же Александръ грамоту Дариа, царя пръскаго, и разгну, обрѣте написанно сице: «Царь царемъ и богомъ сродникъ, и сияя съ слънъцемъ, азъ, самъ богъ, Дарии — Александру, рабу моему, велю тако и заповѣдаю. Възвратися къ родителемъ своимъ, мнѣ же работаа. Лежи же на лонѣ матере своея Алумпиады: тобѣ бо подобаеть еще учитися и ссати матерь. И сего дѣля послалъ ти есмь мячь, и чръчегу, и кръстицю злата, да избериши, что мыслиши: мячемъ убо възвѣщаю ти, яко и еще учитися подобаеть, чръчегу же, да с ровнинами своими играеши, а не акы старо тѣло понося, прелщаеши уныя и по собѣ водиши, акы старѣи разбоиникомъ, съмущаа грады. Ни тако сама вселеннаа вся, събравшися въедино, можеть раздрушити Пръско царство. Толико бо множество имѣю вои, елико же ни пѣска кто можеть прочести, злата же

будет имя ему Александр». И, сказав так, Филипп окружил отрока всяческой заботой, и, возложив на него венец, водил его по всей Македонии и по всем владениям своим. Когда же подрос Александр, то оказалось, что не похож он ни на Филиппа, ни на мать свою Олимпиаду, ни на отца своего, но по-своему был красив. С виду был он как человек, но волосы у него точно львиная грива, а глаза были разные: правый глаз — черный, левый — серый. Зубы у него были остры, как у змеи. Видом же напоминал льва, в движениях быстр и лицом светел. Подрос он немного и начал учиться. Кормилицей его была сестра Меланта, пестун и дядька его был Леонид, грамоте учил его Полиник, музыке — Левкипп, землемерию — Менипп, мудрым речам — Анаксимен, философии — Аристотель, военному делу — воевода. Александр всему этому научился и движения звезд постиг. А возвращаясь после занятий домой, он заставлял мальчиков, с которыми вместе учился, бороться, разделившись на две группы, и сам участвовал в их борьбе. Когда же видел, что побеждаема противная сторона, то переходил на ту сторону и помогал им, и так побеждали они, и было ясно, что это он принес им победу. Вот так и воспитывался Александр. И выезжал с воинами в поле обучаться военному делу, и, смешавшись с конниками, учился верховой езде.

ВОЙНА С ДАРИЕМ

Отправился Александр в поход из Сирии, и встретили они послов Дария, несших Александру грамоту, плеть, и мяч, и ларец с золотом. Принял Александр грамоту Дария, царя персидского, и, развернув ее, прочитал следующее: «Царь царей и богам сродник, вместе с солнцем сияющий, я, сам бог, Дарий — Александру, рабу моему, так повелеваю и приказываю. Возвращайся к родителям своим, и рабом моим будь. И лежи на коленях у матери своей Олимпиады, ибо тебе еще подобает учиться и сосать материнскую грудь. И поэтому послал тебе мяч, и плеть, и ларец золота, возьми же, сообразив, что к чему: плеть послал, напоминая тебе, что еще должен ты учиться, мяч — чтобы играл со своими сверстниками, а не так, как ты, кичась перед старшими, соблазняешь юных и водишь их за собой, словно разбойничий атаман, тревожа города. Но и вся вселенная, собравшись воедино, не сможет разрушить Персидское царство. Ибо воинов у меня столько, что их, как

и сребра многа, яко исплънити всю землю. Послахъ же ти злата кръстицю плъну, да аще не имѣеши, чимъ кръмити разбоиникы, равныя тобѣ, вдаси имъ кръмлю, кождо их възможеть въ отьчьствие свое възвратитися. Аще ли не послушаеши повелѣния моего, послю на тя, да тя имуть воини мои, не акы Филиповъ сынъ покажненъ будеши, но акы омѣтникъ распятъ будеши».

И си наченшю прочитати Александру при всѣхъ воих, и убояшася вси. И разумѣвъ Александръ боязнь их, рече к нимъ: «Мужи макидонстии, дружино моя! Почто ся смятосте, слышавше грамоту Дарьеву, акы право суще клюкаво его писание. И пси бо друзи, велици суще и не могуще, лають велми, да лаяния дѣля явятся акы силни сущи. Тако есть и Дарии: въ дѣлех не могыи ничто же, въ писании же мнится быти силенъ, яко же пси лаяниемъ. Но сътворимъ истинну сущу писаниемь его. Просвѣтихомъ бо ся имъ, да видѣти начнемъ, с кимъ ся хочемъ бити лютѣ, да не побежени бывше посрамимся». И се рекъ, повелѣ и связати посолникы Дарьевы и, ведше, распяти. Они же рѣша: «Александре царю! Что зло сътворихомъ тобѣ мы, посолници есмы? Почто велиши намъ злѣ погибнути?» Рече имъ Александръ: «Похулите своего царя Дария, а не мене. Послалъ бо вы есть с тацѣми грамотами не акы цареви, но акы къ начялнику разбоиникомъ. Убити вас хощю, яко пришедъша къ разбоинику человѣку, а не акы царю». Они же рѣша: «Аще и Дарии, не вѣдыи ничто же, написалъ есть ти тако, но мы видимъ такъ порядъ и чюемъ, яко уменъ и великъ царь еси и сынъ царя Филипа. И молим ти ся, владыко великыи царю, вдаи ны животъ». Рече же к нимъ Александръ: «Нынѣ ли есте убояли мукы нашея и молитеся, да не умрете. Сего вы дѣля пущаю. Нѣсть бо того въ моеи воли погубити вас, но явити образъ еллинскаго царя и варвара мучителя. Не почаите же вы ничто же зла пострадати от мене, царь бо посолника не убиваеть».

И се Александръ рекъ къ нимъ, повелѣ имъ вечеряти съ собою. Мыслящим же сломъ кълюдити къ Александру, како бы лестию приялъ Дария, и егда ся начнеть бити с нимъ, и рече имъ: «Не рцѣте ми ничего же. Аще бо бысте отходили от него, увѣдѣлъ бых от васъ, но понеже къ нему идѣте, не хощу, да нѣкто от васъ повѣсть реченнаа Дарьеви, и будете повинни муцѣ. Премлъкнете убо, да приидемъ без вѣсти». Почтиша же его сли Дарьеви гласы великы и все множество воиское начяша и славити.

По трехъ же днехъ написа Александръ къ Дарьеви грамоту, юже и прочте прѣдъ своими вои отаи словъ Дарьевъ, и бяше

песок, никто пересчитать не сможет, а золота и серебра столько, что могу им покрыть всю землю. Посылаю тебе ларец, полный золота: если нечем тебе кормить подобных тебе разбойников, то дай им на пропитание, чтобы каждый из них смог вернуться к себе на родину. Если же не послушаешь повеления моего, то пошлю на тебя своих воинов, и схватят они тебя, и будешь казнен не как сын Филиппа, а будешь распят как преступник».

И когда начал Александр читать грамоту при всех воинах, испугались они. И, видя их страх, обратился к ним Александр: «О, мужи македонские, дружина моя! Почему в смятении вы, услышав грамоту Дарьеву, как будто правдивы лживые его писания? И псы иные, велики ростом, а слабы, громко лают, чтобы по лаю приняли их за сильных. Так же и Дарий: на деле не может ничего, а в писании выглядит могучим, словно те псы лающие. Но поверим, однако, что правдивы его писания, и станет нам ясно, с кем хотим мы жестоко биться, чтобы не осрамились мы, потерпев от него поражение». И, сказав так, повелел Александр связать послов Дария и повести их на распятие. Они же взмолились: «О царь Александр! Какое зло мы, послы, тебе причинили? За что приказываешь нам погибнуть страшной смертью?» Отвечал им Александр: «Кляните царя своего, Дария, а не меня. Он ведь послал вас с такими грамотами не как к царю, а как к атаману разбойников. И убить вас хочу, потому что пришли не к царю, а к разбойнику». Они же сказали: «Если Дарий, не ведая ничего, и написал тебе так, то мы-то видим порядки твои и понимаем, что ты мудрый и великий царь и сын царя Филиппа. И умоляем тебя, владыка, великий царь, сохрани нам жизнь!» Сказал им на это Александр: «Раз теперь испугались вы мук и взмолились, то не умрете. И поэтому отпускаю вас. Не в моей воле погубить вас: я поступаю как эллинский царь, а не как варвар-мучитель. И не ждите вы от меня никакого зла, ибо царь послов не убивает».

И, сказав так, Александр пригласил их поужинать с ним. Задумали послы уговорить Александра, чтобы он хитростью захватил Дария, когда начнет с ним сражаться. Но ответил он: «Не говорите мне ничего. Если бы вы покинули его навсегда, то расспросил бы у вас обо всем, но поскольку возвратитесь к нему, не хочу: а не то один из вас сообщит о рассказанном Дарию, и будете вы преданы на муки. Так помолчите же, пусть и мы придем неожиданно». И послы Дария громкими кликами превознесли Александра, и все войско стало его славить.

Через три дня написал Александр грамоту к Дарию, которую, втайне от послов, прочел перед своим войском, а в гра-

написанно сицс: «Царь Александръ, сынъ Филипа царя и матере Алумпиады, къ цареви царемъ и стлънику бога слънъца, сияющему съ слънъцемъ, Дарьеви, великому богу пръскому, радоватися! Срамъ есть толику царю пръскому, толикою силою величающюся и въсходящему съ слънъцемъ, от смиреннаго раба, нѣкоего Александра, пастися. Имена божия, въ человѣкы вмѣстившася, велику силу имъ подають и умъ. Како же бесмрътныхъ богъ имена въ тлѣннаа телеса вселятся? Се бо уже и о семъ разумѣхомъ, яко ничто же можеши противу намъ, именемъ божиимъ надѣяся и тѣхъ силу на ся въскладаа на земли. Аз же иду на тя съ ратью, яко на смрътна суща, и побежденья же часъ от вышняго промысла есть. Почто же ли еси написалъ тако намъ: «И толико злата и сребра имѣю»? Да увѣдѣвше, мы крѣпльше будемъ на брань, да възмемь мы то. И аз же убо, аще ти одолѣю, славенъ буду царь, великъ въ еллинѣхъ и варварѣхъ, яко толика царя силна Дария убивъ. Ты же аще мя побѣдиши, ничто же велико сътворилъ еси, разбоиника бо побѣдилъ еси, яко же еси писалъ к намъ. Азъ же царя царемъ, Дарья, бога великого, побѣдилъ! Но и чрѣчегу послалъ ми еси и кръстицю злата, и то ми еси послалъ, ругаа ми ся, аз же се прияхъ, акы добры вѣсти: мячь убо приахъ, да своимъ копиемъ и оружиемъ бити начну варвары, и моима рукама въ работу въжену. Чрѣчегою же образъ ми еси сътворилъ, яко мнѣ есть объдержати весь миръ, бо есть обылъ, яко и чрѣчега. Кръстицю же злата — велико знамение ми еси прислалъ, покорение бо свое възвѣстилъ ми еси, побеженъ бывъ мною, дани бо даяти начнеши мнѣ».

Се прочетъ Александръ прѣд вои своими и запечятлѣвъ, и вда посолникомъ Дарьевымъ. И злато, еже бяху принесли, и то вда имъ. Они же, похваливше его великую мудрость, отъидоша и приидоша къ Дарьеви.

Дарии же, прочетъ грамоту Александрову, увѣдѣ сущюю в неи силу. И испытавъ извѣстно о мудрости Александровѣ и браннѣи пристрои его, яко препрѣнъ есть от грамоты, написа къ своимъ воеводамъ сице: «Царь Дарии, иже об ону страну Таура воеводамъ радоватися! Повѣдають ми въставша на ны нѣкого Александра, Филипова сына. Того убо емше, приведете къ мнѣ, не сътворше тѣлу его ничто же зла, да азъ, съвлекъ с него багряную его ризу и раны възложивъ на него, послю ѝ въ Македонию, въ отьчьство его, къ матери его Алумпиадѣ, вдавъ ему игру, яко же въ Македонии играють. И послю с

моте было написано: «Царь Александр, сын Филиппа царя и матери Олимпиады, к царю царей и наместнику бога солнца, сияющему вместе с солнцем, Дарию, великому богу персидскому,— радоваться! Позорно будет, если ты, столь великий царь персидский, такой силой гордящийся и вместе с солнцем восходящий, окажешься в рабстве у смиренного раба, некоего Александра. Имя божества, когда прилагается к человеку, то великую силу и мудрость ему придает. Но как же имена бессмертных богов могут вселяться в тленное тело? И поэтому понятно нам, что ты сам не в силах нам противиться, надеешься лишь на имя божие и, будучи земным человеком, приписываешь себе силу богов. Я же иду на тебя войной как на простого смертного, а кто победит — это в руках божественного промысла. И зачем же ты написал нам так: «Столько золота и серебра у меня»? Ведь, узнав, мы будем сражаться еще упорней, чтобы овладеть твоим богатством. И если я тебя одолею, то прославлюсь среди эллинов и варваров как великий царь, потому что убью столь могучего царя — Дария. А если ты меня победишь, что же великого будет в победе твоей над разбойником, как ты сам меня называешь? Я же победил царя царей, Дария, бога великого! А плеть и ларец с золотом, что ты мне послал, насмехаясь надо мной, принял я как добрые знамения: плеть я взял в знак того, что своим копьем и мечом начну избивать варваров и своими руками ввергну их в рабство. А мячом предвещаешь, что суждено мне овладеть всем миром, ибо земля кругла, как мяч. И присланный тобой ларец с золотом — великое знамение, возвещаешь им мне о своей покорности и о том, что побежден будешь мною и станешь платить мне дань».

Прочел Александр эту грамоту перед своими воинами и, печати к ней приложив, отдал послам Дария. И золото, принесенное ими, отдал им. И они, восхваляя его великую мудрость, отправились в путь и вернулись к Дарию.

Дарий же, прочитав грамоту Александрову, увидел, что силен его противник. И, расспросив подробно о мудрости Александровой и войске его, так как перечил ему в грамоте Александр, написал своим воеводам так: «Царь Дарий — воеводам, что по ту сторону Тавра,—радоваться! Поведали мне, что напал на нас Александр некий, сын Филиппов. Так схватите же его и приведите ко мне, не причинив ему ни малейшего зла, чтобы я сам, содрав с него багряницу и жестоко его наказав, послал бы его в Македонию, в его отечество, к матери его Олимпиаде, дав ему с собою игру, в которую играют в

нимъ мужа, всякого цѣломудриа учителя. Лодиа же его погрузите въ морстѣи глубинѣ, воеводы же, ходящаа по немъ, оковавше, послите к намъ, а прочаа воя послите на Чрѣмное море, да живуть тамо. Коня и вся ратныя съсуды вамъ даю и дружинѣ вашеи. Здрави же будете!»

Написаша же воеводы Дарьеви сице: «Богу великому и цареви Дарьеви — радоватися! Толикомъ языкомъ пришедшимъ на ны, дивимся, како есть утаило тебе досѣлѣ. От тѣхъ же послахомъ и к тобѣ, яже уловихомъ кромѣ дружины ходяща, не смѣвше их прежде тебе истязати. Въскорѣ убо прииди съ великою силою, да не планни будемъ». Сию же грамоту приимъ Дарии въ Вавилонѣ въ Пръсидѣ и прочетъ, въсписа имъ сице: «Царь царемъ, великъ богъ Дарии, всѣмъ царемъ и воеводамъ — радоватися! От мене никоея же надежда почающе, величество мужества вашего покажите. Рѣка бо есть пришла на вы и сътворила есть въ васъ глъку, въ могущихъ угасити огнь? И мужа честны нравы не могоста показати? Убиенъ ли есть кто от васъ на плъку? Что ся домышлю о васъ, иже мое царство придръжащи, вину прикладающе о мужи разбоиницѣ, не хотяще его яти? Нынѣ убо, яко же рекли есте, азъ, шедъ, иму его».

И слышавъ бо Дарии близъ суща Александра, събра воя близъ рѣкы, нарицаемыя Пинариа, и написавъ, пюсла къ Александрови тако: «Царь царемъ, великыи богъ Дарии, языкомъ господинъ, къ Александру. Грады губя, мнѣлъ еси утаити имене Дарьева, его же и бози почли суть собѣ стлъника быти? И не добра тя мню суща, отаи царствующа въ Макидонстѣи странѣ, безъ моего повелѣниа, но и прошелъ еси землю и въ градѣхъ чуждихъ себе еси прозвалъ царемъ, събравъ мужа подобны собѣ, не имуща надежда. И възимаеши грады худы, яже азъ, присно говѣя обладати, не хотяхъ многымъ от них, акы отмѣтны имѣя. Ты же дани еси в нихъ испросилъ имати, и велиши убо намъ тацѣм же быти, акы же и си. И мѣста, яже еси приалъ, не хвалися имѣти, злѣ убо ся еси домыслилъ о семъ. Пръвое убо длъженъ еси былъ безумие свое исправити и приити къ мнѣ, къ господину своему Дарию, а не събирати разбоиничя силы. Написалъ ти есмь приити поклонитися Дарьеви царю, ты же иного безумия дръжишися. И умучю тя убо смрътию неизреченною, пуще же тебе и иже с тобою постражють, иже суть не дали смыслити. Клену же ти ся богомъ великымъ, моимъ отцемъ, не помнѣти ми, яже еси съдѣялъ, аще ми ся поклониши».

Александру же, приимшю грамоту Дарьеву и прочетшю, не раждизашеся о гръдыхъ словесехъ Дарьевыхъ, нъ посмѣявся.

Македонии. И пошлю я с ним мужа, чтобы научил его всяческой умеренности. А корабли его потопите в пучине морской, а воевод, с ним пришедших, в оковах пришлите к нам, а прочих воинов отошлите на Красное море, пусть и живут там. А коней и все оружие отдаю вам и воинам вашим. Здоровы же будьте!»

Воеводы же отвечали Дарию так: «Богу великому и царю Дарию — радоваться! Столько народов пришло на нас, и удивляемся, что тебе еще не известно об этом. Посылаем тебе несколько пленных, изловили мы их, бродивших в стороне от своих полков, но не посмели без тебя пытать их. Приходи же скорее с великими силами своими, а не то и мы пленены будем». Получил Дарий эту грамоту в Вавилоне, в Персии, и, прочитав, написал им в ответ: «Царь царей, великий бог Дарий, всем царям и воеводам — радоваться! От меня ничего не ждите, а покажите величие своего мужества. Что за зверь напал на вас и поверг вас в смятение, вас, способных угасить молнии? Где же ваше достоинство, мужи? Разве убит кто из вас в битве? Что подумать мне о вас, стерегущих мое царство, если боитесь разбойника и не хотите его пленить? Но теперь, раз просите меня, я пойду и пленю его».

И, услышав, что уже близко Александр, собрал Дарий войско свое у реки, называемой Пинар, и послал Александру такую грамоту: «Царь царей, великий бог Дарий, повелитель народов, к Александру. И ты, губя города, думаешь затмить имя Дария, кого и боги почтили быть своим сопрестольником? Уже в том не вижу добра, что ты царствуешь в Македонской стране тайно, без моего на то повеления, а ты еще и осмелился пойти по земле и в чужих городах себя царем именуешь, собрав подобных себе мужей, которым уже нечего терять. И захватываешь слабые города, которыми я никогда не стремился обладать, считая многие из них того недостойными. А ты дань требуешь у них и грозишь, что и мы будем твоими данниками. И все, что ты захватил, не надейся удержать, напрасно ты об этом задумал. А прежде всего должен ты повиниться в безумии своем и прийти ко мне, господину своему Дарию, а не собирать разбойничьих шаек. Писал я тебе, чтобы пришел ты, поклонился царю Дарию, а ты в безумии своем пребываешь. И предам тебя мукам и смерти неизреченной, а еще больше, чем ты, пострадают твои соратники, раз не посоветовали тебе одуматься. Но клянусь богом великим, отцом моим, что не попомню тебе зла, если только мне покоришься».

Александр же, получив грамоту от Дария и прочитав ее, не разъярился от гордых слов его, а посмеялся над ними.

Дарии же, съвокупивъ силу многу, поиде съ дѣтми своими, и съ женою, и съ матерью своею. Бяху же о немъ нарицаемии бесмртни 10 тысящь, сего дѣля нарицахуся бесмртни, яко число их бяше всегда плъно въ убиеныхъ мѣсто. Александръ же, прошедъ Киликиискыи Тавръ, прииде въ Тарсъ, въ киликиискую митрополию, и видѣвъ Впату рѣку наводнившюся, самъ же ся бѣ въспотѣлъ от пути, и съволкъ и съ себе броня, измывся в рѣцѣ и намръзеся зимою, въ злу бѣду впаде, одва ся изъвлекова.

Извлековавыи же его бѣ Филиппъ от славныхъ лечець. Исцѣлѣвъ же, поиде на Дария. Дарии же на наричememъ мѣстѣ вся воя строяше. Разгнѣва же ся Александръ, устрѣмися на брань и исплъчися на Дария. Сущии же о Дарии, видѣвше Александра, съ силою идуща на нь и убояшася. На неи же странѣ слышаша Александра, и ту постави колесница и всю бранную пристрою. Ставшима обѣма странама на браннѣмъ съступѣ, и не вда Александръ ни единому плъку приступити къ нимъ, ни проехати, ни причати их. И въсѣдъ Александръ на конь, повелѣ въструбити бранныи глас. И велику кличю бывшю въ воих, и бысть велика брань между има, и биющеся гоняху, ово на сю страну, ово на ону. Обои убо побѣжающеся расхожахуся. Сущии же о Александрѣ вътискаху суща о Дарии далѣ, и велми я́ крошаху, язвяще. Падаху другъ на друга въ множествѣ вои. Ничто же бяше ту видѣти, но токмо коня, лежаща на земли, и мужа избъены, не бѣяше же како познати ни пръсянина, ни макидонянина, ни болярина, ни пѣша, ни конника. Въ велицѣ прасѣ не видѣти бо бяше ни неба, ни земли от многы крови. И то же само слънъце, съжаливси о бывшихъ и не могыи зрѣти толика зла, пооблачися. Сѣчи же велицѣ бывши, побегоша пръси, бяше же с ними Амутъ Антиохиискы, боляринъ макидонскыи, иже бѣжалъ къ Дарьеви въ пръваа лѣта. Вечеру же бывшю, Дарии, убоявся, поиде преди. Всѣми же бѣ знаема побеженаа его колесница. Онъ же остави колесницю и, всѣдъ на конь, бѣжа. Александръ же, чтяше Дария, хотяше и́ яти, да ни от кого же убиенъ будеть, и гнаше по немъ, хотя и́ спасти. Колесницю убо, и жену его, и дщерь, и матерь Дарьеву 7-десятъ връстъ гнавъ, Александръ прия. Самого же Дария нощь спасе, имѣя бо на то конь добръ, и тѣмъ убѣже гонимаго. Александръ же постигъ Дарьевъ товаръ, вселися во нь. Побѣдивъ Дария и противныя и толикы славы сподобися, ничего же гръда не створи, но убиеныя пръсы повелѣ погребати, матерь же Дарьеву, жену и дѣти съ собою приведе честию, тако же и прочаа плѣнникы словесы утѣши.

Сражение с Пором.
«Александрия».
Миниатюра.

(ГИМ. собр. Забелина, № 8/827).

Дарий же, собрав огромные силы, пошел на него с детьми своими, и с женой, и с матерью своей. Были же с ним 10 тысяч воинов, называемых «бессмертными», ибо число их всегда дополняли вставшие на место убитых. Александр же, перейдя Киликийский Тавр, пришел в Тарс, в Киликийскую область, и, разгоряченный с дороги, увидев полноводную реку Ипату, снял с себя доспехи, и, искупавшись, продрог в холодной воде, и заболел, и едва его излечили.

Излечил же его Филипп — один из лучших врачей. Выздоровев, двинулся Александр на Дария. А Дарий построил войска свои на упомянутом месте. В гневе устремился Александр в бой и напал на Дария. Бывшие же с царем, увидев, что движется на них Александр со всеми силами, испугались. И поставили колесницы с боевыми орудиями там, где, по их сведениям, был Александр. И когда стали войска друг против друга, не дал Александр ни одному из полков ни подойти к своим воинам, ни прорвать их ряды, ни нанести им урона. Тут, вскочив на коня, велел Александр протрубить боевой сигнал. И воскликнули громко оба войска, и началась жестокая битва, и, сражаясь, то одни преследовали противника, то другие. И, неся большие потери, вновь расходились. Но воины Александра далеко погнали воинов Дария, и жестоко крушили их, и рубили. И падали друг на друга бесчисленные воины. Ничего не было видно вокруг: только лежащие на земле кони да убитые мужи,— и невозможно было узнать ни перса, ни македонянина, ни боярина, ни пешего, ни конника. В густой пыли не видно было неба и земли, залитой кровью. И даже само солнце, скорбя о погибших и не в силах видеть эту сечу, скрылось в облаках. После долгой битвы побежали персы, а с ними и Аминт Антиохийский, македонский боярин, перешедший в прошлом к Дарию. Вечером же и Дарий в страхе обратился в бегство. И всем была известна колесница побежденного, и, бросив ее, вскочил он на коня и ускакал. Александр же, чтя Дария, хотел его взять в плен, чтобы никто не убил его, и гнался за ним, желая его спасения. И, преследуя его семьдесят верст, захватил колесницу Дария, и жену его, и дочь, и мать. А самого Дария спасли ночь и хороший конь, поэтому и ускользнул он от преследователя. Александр же, достигнув стана Дария, расположился в нем. Но и одолев Дария и своих врагов, завоевав великую славу, не допустил Александр никаких жестокостей: велел похоронить убитых персов, а мать Дария, жену и детей его с почестями привел с собой, также и остальных пленников утешил словом.

Убиеных же пръсъ бѣ множество много зѣло. Макидонъ же убиеныхъ пешець 5 сотъ, коньникъ же 60 къ сту, язвеныхъ же двѣсте и 50, а противных двѣ тмѣ, плѣнникъ же бяше мужии 4 тысящи.

Дарии же, бѣжавъ и спасенъ бывъ, събирати начя болшюю силу и написа къ княземъ и языкомъ сущимъ подъ нимъ, да с великою силою приидуть к нему. ...

Александръ же, силу многу имѣя, прииде въ Пръскую страну. Стѣны же града того высокы сущи, макидономъ явѣ ся сътвориша. Помысли убо нѣчто мудрыи Александръ, и ту пасомаа стада пригнавъ, от дрѣва вѣтвь отсѣкъ, привяза къ хвостомъ их, и въ слѣдъ по воехъ погнаша стада. Влекоми же по земли вѣтви, въздвизаше же ся пръсть и въсхожаше прахъ до Олумпа, яко же пръсомъ, съ града зрящимъ, мнѣти, яко мнози суть воини безъ числа. Вечеру бывшю, повелѣ привязати къ рогомъ стада того ложь и свѣща въжещи, да горять. Бяше бо мѣсто то поле, и бяшеть видѣти все то поле, акы огнемъ зажещи, и убоявшеся пръси. Пришедъ убо близъ града пръскаго яко пяти днищь, искати начя Александръ, кого бы послалъ къ Дарьеви, възвѣщаа ему: «Коли ся хощеши с нами съступити на брань?»

Въ ту же нощь леже Александръ спати и видѣ въ снѣ Амъмона стояща в него въ образѣ Ермовѣ, имѣюще вѣнець, и хламиду, и палицю, и макидонескъ плащь, и глаголюща к нему: «Чядо Александре! Егда будеть врѣмя помощи, буду с тобою. Ты убо аще послеши сла къ Дарьеви, предасть тя. Ты же самъ собѣ буди солъ и иди, въземъ образъ, яко же видиши мя имуща». Александръ же рече ему: «Грозно ми есть, царю сущю, самому сломъ быти». «Но бога помощника имѣя, не наслѣдиши ничего же зла»,— рече Александру. Прииm же Александръ сию вѣсть, въставъ, радуяся и споведа всѣмъ бояромъ своимъ. Они же съвѣщаша с нимъ сего не сътворити.

Поемъ же съ собою воеводу, именемъ Еумила, и с нимъ три коня, и абие поиде. И приде къ рѣцѣ, нарицаемѣи Страгъга. Си же рѣка помръзла есть, зимѣ сущи, и ходять по неи скоти и колесница, и потомъ по днехъ раздрушается и бываеть глубока и быстра. Обрѣте убо помръзшю рѣку Александръ и въземъ образъ, в нем же видѣ Амъмона, всѣдъ на конь, на нем же бѣ волуя глава, и преиде единъ. Еумилъ же ся маляше ему, да бы

И было убито великое множество персов. У македонян было убито пятьсот пеших, а конников сто шестьдесят, ранено двести пятьдесят воинов, а врагов было перебито двадцать тысяч и пленено четыре тысячи.

Дарий же, спасшись бегством, начал собирать огромное войско, и написал князьям своим и народам, им подвластным, чтобы пришли к нему с великими силами. ...

АЛЕКСАНДР ИДЕТ ПОСЛОМ К ДАРИЮ

Александр с огромным войском пришел в Персию. И со стен персидского города хорошо было видно македонян. И вот что придумал мудрый Александр: велел он, пригнав пасшиеся поблизости стада, привязать к хвостам животных срубленные с деревьев ветви и погнать стада следом за воинами. Волочились ветви по земле, и поднималась пыль до самого Олимпа, так что персы, смотревшие с городских стен, подумали, что видят бесчисленное множество воинов. А вечером повелел привязать к рогам — в том же стаде — факелы и свечи и зажечь, чтобы светились. Было это на поле, и казалось, будто все поле горит огнями, и напал страх на персов. И после пяти дней движения по Персии стал искать Александр, кого бы послать к Дарию, возвещая ему: «Когда хочешь сразиться с нами?»

В ту же ночь лег Александр спать и увидел во сне Амона, стоящего перед ним в образе Гермеса, в венке и в хламиде, в македонском плаще и с палицей. И сказал ему Амон: «Чадо Александр! Когда нужна тебе будет помощь — буду с тобой. Если отправишь посла к Дарию, то предаст он тебя. Так будь же ты сам своим послом и отправься к Дарию в том виде, в каком видишь меня». Александр же сказал ему: «Страшно мне, царю, самому идти послом».— «Но с помощью бога не попадешь в беду»,— ответствовал тот Александру. Услышав это, проснулся, радостный, Александр и поведал обо всем боярам своим. Но они не советовали ему так поступать.

Отправился вскоре Александр, взяв с собой воеводу Евмила и с ним трех коней, и подъехал к реке, называемой Странга. Было холодно, и река замерзла, и ходил по льду скот и ездили на колесницах, а потом, через несколько дней, она вскрылась и вновь стала глубокой и быстрой. Найдя же реку замерзшей, Александр облачился в одежду, в которой видел Амона, сел на коня с воловьей головой и отправился в путь.

пришелъ с нимъ, да будеть ему въ помощь на бѣдѣ. Глагола ему Александръ: «Сдѣ пребуди съ двѣма жребцема, имѣю бо помощника, рекша ми: «Сии образъ въземъ и иди единъ». Бяше же рѣка въ широту врысты единоя, и прешедъ Александръ, идяшеть путемъ и прииде близъ вратъ пръскых. Сущии же ту стражие, видѣвше его въ такомъ образѣ, мняху его бога, пытаху же у него: «Кто еси?» Рече же имъ Александръ: «Дарьеви прѣдставите мя, тому повѣмъ, кто есмъ». Вьне же бѣ Дарии на высокихъ мѣстехъ, гребля копаа и покрываа пръстию, акы уроды творя макидоны.

Събрашася на дивное видѣние Александрово. Дарии же малы не поклонися ему, мнѣвъ его бога суща, от Алумпиа пришедша и въ варварскую одежю облъкшася. Сѣдяше Дарии въ вѣнци, иже бѣ с камениемъ многоцѣннымъ, в ризѣ чрьвленѣ, яже бѣ вавилоньскы ткана златымъ пряденом, и въ багрѣ царьстѣмъ, и въ сапозѣхъ златыхъ, с камениемъ дѣланы до лысту его. Скипетра обаполы его, плъци же тмами около его. Дарии же въпрошаше: «Кто еси?», видѣвъ его въ образѣ ходяща, его же нѣсть видѣлъ николи же. Александръ же рече ему: «Аггелъ есмь Александра царя». И рече ему Дарии: «Да почто еси пришелъ к намъ?» Александръ же рече: «Азъ ти повѣдаю, яко здѣ сущу Александру. Коли ся хощеши съвокупити на брань, вѣдаи убо, царю Дарии, яко царь поздяся на брань уже явился есть противнымъ, яко страшиву душю имать на брань. Да уже не брези, но повѣжь ми, коли хощеши на брань съвокупитися?» Дарии же, разгнѣвався, рече къ Александру: «К тобѣ ли съвокуплю брань, ли къ Александрови? Тако бо ся еси разъгрози, акы самъ сы Александръ, и дръзо ми отвѣщаеши, яко мнѣ противенъ сыи. Нынѣ убо обычную трапезу вечеряи съ мною, яко же и тои Александръ вечерю сътвори сломъ моимъ». И тако рекъ Дарии, дръжа за руку Александра, и веде ѝ въ полату свою. И се же знамение добро имяше Александръ, за руку приведенъ от врага, и пришедъ внутрь полаты его, абие възлѣже пръвѣе Александръ на вечери Дарьевѣ.

Пръси же, зряще Александра, дивляхуся, яко малъ бяше тѣломъ, но не вѣдяху, яко въ малѣ съсудѣ чясти небесныя бѣ слава. Пиющим же имъ чясто въ чяшехъ, Александръ промыслъ сътвори сице: елико аще чяша възимааше, в нѣдра собѣ въкладаше. Видящеи же его повѣдаша Дарьеви. Въставъ же, Дарии рече: «О, храбре! На что се ты въкладаеши в нѣдра своя, на вечери възлежа?» Се же слышавъ, Александръ рече: «Великыи

Евмил упрашивал Александра, чтобы тот разрешил сопровождать его и помочь ему в случае беды. Но Александр ответил: «Оставайся здесь с двумя жеребцами, ибо помогает мне тот, кто сказал: «Прими вид мой и иди один». Река же была шириной около версты, пересек ее Александр и поехал дорогой, пока не достиг ворот персидского города. Стражники, увидев его в таком одеянии, приняли его за бога и спросили: «Кто ты?» Александр же сказал им: «Проведите меня к Дарию. Тому и скажу, кто я». Дарий же, стоя на холме, следил, как копают ямы и прикрывают их сверху землей, готовя козни для македонян.

Собрались все подивиться на Александра. Сам Дарий едва не поклонился ему, приняв его за бога, спустившегося с Олимпа и облекшегося в варварскую одежду. Сидел же Дарий в короне, украшенной многоцветным камением, в пурпурной одежде, вытканной, по вавилонскому обычаю, золотыми нитями, в царской багрянице, в золотых сапогах, украшенных драгоценными камнями до самых колен. По бокам его были скипетры, и бесчисленное множество воинов стояло вокруг. Спросил Дарий у Александра, кто он, ибо никогда не видел подобного одеяния. Александр ответил ему: «Я вестник царя Александра». И спросил его Дарий: «Зачем же ты пришел к нам?» Александр отвечал: «Я сообщаю тебе, что недалеко находится Александр. И если собираешься встретиться с ним в бою, то знай, царь Дарий, что тот, кто последним приходит на поле битвы, тем самым уже показывает противнику свою трусость. Так помни об этом и поведай мне, когда хочешь выйти на битву?» В гневе воскликнул Дарий: «С тобой ли встречусь в битве или с Александром? Ты так угрожаешь мне, будто сам и есть Александр, и отвечаешь мне так дерзко, словно ты мой противник. Но сегодня поужинай со мной по обычаю, ибо и Александр устраивал пир моим послам». И, сказав так, взял Дарий за руку Александра и повел его в свою палату. И принял Александр за доброе знамение, что врагом веден за руку, и, придя в палату его, первым возлег на пиршестве Дариевом.

Персы же, глядя на Александра, удивлялись его небольшому росту, но не ведали, что в небольшом сосуде скрыта небесная сила. И когда пили они чашу за чашей, Александр нечто придумал: всякий раз, выпивая чашу, клал он ее за пазуху. Видевшие это, сказали Дарию. И, встав, спросил Дарий: «О храбрый! Зачем же ты во время пира прячешь чаши себе за пазуху?» Услышав это, сказал Александр: «Ве-

царю! Егда вечерю творить Александръ велможамъ своимъ и воеводамъ, даруеть имъ чяша. И мняхъ тя такого суща, ак же есть онъ, сего дѣля сътворихъ и азъ сице». Словом же Александровымъ и пръси удивишася, присно бо притчя, аще имать вѣру, въ лжи си творить слышащаа. Многу же убо млъчанию бывшю, Парагъгисъ нѣкто именемъ, сын игемонъ въ Персидѣ, навади Александра, видѣлъ бо бѣ въ истинну Александра въ лицѣ, егда бо приде пръвое въ Пелълу македонскую, посланъ от Дария на дань, възбраненъ от Александра бывъ, сего знаше. И расмотрѣвъ помалу Александра рече въ собѣ: «Се есть Филиповъ сынъ. Аще образъ свои есть измѣнилъ, мнози бо человѣци от рѣчи познаваеми бывають, аще и въ тмѣ приходить». И тако увѣрився от своея съвѣсти, яко се есть самъ Александръ, приклонився къ Дарию, рече ему: «Великыи царю всея земля, Дарии! Сии солникъ Александръ есть, царь македонскыи, Филиповъ сынъ». Дарии же и вси пиюще с нимъ пяни бяху вси велми. Слышавъ же Александръ словеса Парагъгова, реченаа къ Дарьеви на вечери, и разумѣвъ, яко познанъ, прелъстив всѣхъ, изиде. И имѣя въ пазусѣ своеи чашу злату, и изиде таи, и въсѣдъ на конъ, яко убѣжати бѣды. И обрѣтъ въ вратѣх персенина единаго стража, и убивъ его, изиде из града. И увѣдѣвъ же Дарии посла пръсы съ оружиемъ, яти хотя Александра. Александръ же лагодя коневи, правляше ему путь, бяше бо полунощи, и тма бысть велика. Мнози же по немъ гоняху и не постигоша, друзии бо путемъ гнаша, инии же въ тмѣ и падаху въ дебри. Александръ же бѣ, акы звѣзда, съ небеси сияющи, единъ ида и бежа, ни въ что же мняше пръсы. Дарии же тужаше, на одрѣ своемъ сѣдя. По семъ же видѣ нѣчто знамение: икона бо Ксеръкса царя внезапу спаде от стлъпа, ю же Дарии любляше велми, яко прекрасна бѣ писаниемъ.

Александръ же, спасенъ бывъ нощию, приидѣ бѣжа на рѣку Гагину. Яко же прииде, пришедшю коневи къ брѣгу и преднии нозѣ поставльшю на сусѣ, раздрушися рѣка от слъньчьныя теплоты, и конь протружаше убо, восхищенъ водою, Александра извергъ на сухо. Пръси, гоняще Александра, приидоша къ рѣцѣ, уже прошедшю Александру, и не могша прейти, възвратишася, рѣка бо непроходима бяше всѣмъ человѣкомъ. Пръси же повѣдаша Дарьеви Александрово възньство. Дарии же, дивяся преславному знамению, дряхлъ бысть велми. Александръ же, пѣшь шедъ от рѣкы, обрѣте Еумила, с нимъ же оставилъ два коня, и исповѣда ему бывшаа вся.

ликий царь! Когда Александр устраивает пир для вельмож и воевод своих, то дарит им чаши. Я подумал, что и ты таков, как он, и поэтому так поступаю». Удивились персы словам Александра, ибо справедлива поговорка: «Если уж поверил кто кому, то и ложь его примет за правду». Замолчали все. Но вот некто Парангис, вельможа персидский, узнал Александра, ибо запомнил его лицо еще с тех пор, когда, посланный Дарием за данью, приходил в Пеллу македонскую и был прогнан Александром. И, рассмотрев мало-помалу Александра, подумал он про себя: «Это же Филиппов сын. Хотя и изменил он свой облик, но многих людей можно узнать по голосу, даже если они приходят во тьме». И так, убедившись в своей догадке, что это и есть сам Александр, наклонился к Дарию и сказал ему: «Великий царь всей земли, Дарий! Этот посол — сам Александр, царь македонский, сын Филиппов». Но Дарий и все пировавшие с ним были сильно пьяны. Александр же, услышав, что сказал Парангис Дарию на пиру, понял, что узнали его, и, обманув всех, вышел. И вышел незаметно с золотой чашей за пазухой и сел на коня, чтобы избежать беды. И застал в воротах одного стража-перса, и, убив его, выехал из города. Узнав об этом, Дарий послал за ним вооруженных персов, чтобы схватить Александра. Александр же помогал коню, освещая ему путь факелом, ибо было уже около полуночи, и стояла полная темнота. Многие гнались за ним и не смогли догнать, одни скакали по дорогам, другие же — в темноте и падали в овраги. Александр же, сверкая как звезда на небе, мчался один, нисколько не опасаясь персов. А Дарий горевал, сидя на своей постели. И увидел такое знамение: упало внезапно со столба изображение царя Ксеркса, которое Дарий очень любил за его красоту.

Александра же выручила ночная темнота: доскакал он до реки Странги. И когда уже пересек ее, и достиг его конь берега, и уже поставил на землю передние ноги, то от солнечного тепла разрушился лед, и обессилевший конь, выбросив Александра на сушу, был унесен водой. Персы же, преследуя Александра, примчались к реке, когда он уже переправился, и повернули назад, не сумев через нее перебраться, ибо река была непреодолима для людей. И поведали персы Дарию об удаче Александра. А Дарий пребывал в глубокой печали, пораженный удивительным знамением. Александр же, идя пешком от реки, встретил Евмила, с которым оставил двух коней, и рассказал ему о всем происшедшем. ...

По сих же написа Александръ къ матери своеи Алумпиадѣ: «Сладцѣи моеи матери радоватися! И Аристотелю, честному моему учителю, радоватися! Добрѣ умыслихъ написати вамъ о уставлении моемъ, бывшимъ противу Дарьеви. Слышахъ о немъ, яко съ многыми царьми и боляры есть на Исаковѣ луцѣ, прияхъ козы многы, и привязавъ свѣща къ рогомъ ихъ, и изгнахъ нощию. Они же, видѣвше насъ, на бѣжение устрѣмишася, мнѣвше, яко мнози суть вои. И тако побѣду на нихъ сътворихъ, иде же градъ създахъ, имя ему сътворивъ Козии, въ Исаковѣ луцѣ създахъ град Александрию, иже на Исонѣ. Оттуду же пакы поидохъ по пути Арменскыя страны, иде же есть источникъ Еуфрата и Тигры. И оставленъ же бывъ Дарии, убиенъ бысть от Виса и от Ариовръзана, мидскых старостъ. Азъ же печаленъ быхъ о немъ, побѣдивъ бо его, не хотяхъ его погубити, но имѣти его подъ моимъ царствомъ. Дышюща же его достигъ. съвлекся съ своея хламиды, покрыхъ его. Потом же озрѣвся на безвѣстную чясть, на предлежащее указание, проводихъ Дария и честь велику сътворихъ на исходъ живота его, и повелѣхъ обрѣзати носы и уши стрегущимъ гробъ его по обычаю пръскому.

Оттуду же, приимъ многы вожда, въсхотѣхъ внити въ заднюю страну пустыня въ слѣдъ звѣздныхъ колъ. Туземци же глаголаху, яко въ странахъ тѣхъ дивии человѣци суть и звѣрие зли и дивни. Азъ же паче видѣти въсхотѣх страну ту и человѣкы ты. Приидохъ же на мѣсто нѣкоторое пропастно, идѣ же бѣ пропасть велика и глубока, юже прѣидохъ осмью дьни, видяще пустаа мѣста и звѣри инакы, ово инакы роды. Пришедше же нѣ на которое мѣсто въ 9 часъ, обрѣтохомъ лѣсъ густъ, нарицаемыи Анафиетъ, имѣюще яблока всѣми лици. Бяху же в томъ лѣсе человѣци велми велици, имѣющи въ высоту лакотъ 24, имѣюще шия длъгы и рукы, беруще овощь. Иже поидоша на ны, азъ же велми начахъ тужити, видѣхъ такы человѣкы. Повелѣхъ же, да ми имуть от них. Устрѣмившимъ же ся намъ на ня съ кличяниемъ и трубами, и, видѣвше насъ. побѣгоша. Убихом же от нихъ 300 и 32. От нихъ же наших вои убиша 100 и 60 и 3. Пребывахом же, ядуще овощь. Тои бо бяше единъ.

Оттуду же отшедше, приидохом на нѣкую страну травну, идѣ же бяху человѣци дивии, подобни суще величиемъ къ влатомъ, обли, и космати, чръмни, обличие имуще лвово.

После всех этих событий написал Александр матери своей Олимпиаде: «Сладостной матери моей — радоваться! И Аристотелю, почтенному учителю моему,— радоваться! Хорошо, что надумал я написать вам о борьбе моей с Дарием Услышал я, что стоит он возле Исакова залива со многими царями и вельможами, и, собрав множество коз и привязав свечи к рогам их, погнал стадо ночью. Персы же, увидев нас, обратились в бегство, подумав, что у нас множество воинов. И так одолел я их, и на том месте основал город, назвав его Козьим, а у Исакова залива основал город Александрию, стоящий на Иссе. Оттуда же снова двинулся в путь по Армении, где находятся истоки Тигра и Евфрата. И покинут был всеми Дарий, и убит Бессом и Набарзаном, мидийскими вельможами. Огорчился я, ибо, и победив его, не хотел убивать, а лишь хотел иметь его в своей власти. И застал я его еще дышавшим и, сняв с себя хламиду, накрыл его. Потом же, подумав о неисповедимой судьбе, проводил Дария и оказал ему великие почести при погребении, и велел, по местному обычаю, обрезать носы и уши персам, сторожившим его гроб.

Оттуда же, взяв с собой многих проводников, захотел я проникнуть в глубину неведомых земель, в направлении созвездия Воз. Местные жители рассказывали, что в тех землях живут дикие люди и диковинные свирепые звери. Мне же тем более захотелось увидеть и земли те и тех людей. И достиг некоего места, обильного пропастями, где было ущелье широкое и глубокое, и, перейдя его за семь дней, увидел неведомые места и зверей различных пород. Однажды в девятом часу достигли мы густого леса, называвшегося Анафиет, в котором росли разнообразные яблоки. И жили в том лесу люди гигантского роста, в высоту двадцать четыре локтя, с длинными шеями и руками, и питались они плодами. И напали они на нас, я же встревожился немало, видя таких гигантов. И велел схватить кого-либо из них. Бросились мы на них с криками и под звуки труб, а они, увидев нас, обратились в бегство. Убили мы триста тридцать два человека, а они убили сто шестьдесят трех наших воинов. Мы же остались тут, питаясь плодами, а другого ничего не было в той земле.

Двинувшись оттуда в путь, вступили мы в некую степную страну, где жили дикие люди, ростом подобные великанам, коренасты, косматы, краснокожи, видом похожие на львов.

Друзии же, нарицаемии охлоти, не имѣюще власъ, въ высоту имуще 4 лактеи, прѣкы же двухъ. И приидоша же къ намъ, кожами пропоясани, крѣпци велми, готови суще на брань без копии и безъ стрѣлъ, но колиемъ биахуся съ вои и убиша многы. Воемъ же гыблющимъ, повелѣхъ възгнѣтити огнь и огнемъ братися с ними. И тако изгорѣша силнии мужи. И от вои же погыбѣ мужии 70 и 2. И повелѣхъ съжещи а́ огнемъ, и оставльшаа кости их нести въ домъ их. Они же исчезоша. Въ утрии же день въсхотѣхомъ внити въ врътпы их, и обрѣтохомъ въ входѣхъ дверных привязаны звѣри, яко пси, великы и пестри, длъготу имуще лактии 4 и очеса три. Видѣхомъ тамо бълохы скачюща яко и жабы. Пришедъше же оттудѣ, приидохомъ на нѣкаа мѣста, идѣ же источникъ течяше великою водою. И повелѣхъ ту плъкъ сътворити и въоружитися, помня трудъ яблокоядець. Потом же въ девятыи часъ и десятыи явися намъ мужь косматъ, яко вепрь. И ужасохомся, видѣвше такова животна. И повелѣхъ яти и́. Он же, ятъ бывъ, безъ студа зряше на ны. И повелѣхъ съволокъше жену привести къ нему, дабы ея въсхотѣлъ. Онъ же, въсхытивъ ю́ и оттекъ кромѣ, нача ясти. Текшимъ же воемъ яти его, поторта языкомъ своимъ, и слышавше прочии от рода его изыдоша на ны из блата, мужии до десяти тысящь, а насъ бяше 4 тмы. И повелѣ зажещи ихъ блато. И, увидѣвше огнь, бѣжаша. Гнавше по нихъ, связахомъ от нихъ 4 ста мужии, иже не имуще чесо ясти, изъмроша. И бяху же в нихъ смыслъ не человѣчь, но лаяху, яко пси.

Отшедше же оттудѣ, приидохомъ на рѣку нѣкую, и повелѣхъ воемъ исплъчитися ту, и въоружишася по обычаю. И бяше же при рѣцѣ древо, и купно солнцю въсходящю, и дрѣво растяше до шестаго часа, от 7-маго часу исчезаху, яко же не видѣти их отинудь. Слезы же имяху, яко же пръскыи пепелъ, воню же велми сладку и добру. Повелѣхъ бо сѣщи дрѣво, губами собирати слезу. Внезаапу же събирающеи бьеми бяху от бѣсовъ невидимых, и бьемых лопотъ слышати бяше и раны по плещема видяхомъ, биющихъ же не видѣхомъ. Глас же нѣкакъ прихожаше, глаголя: «Не достоино сѣщи, ни събирати. Аще ли не престанете, да будуть вси вои нѣми». Азъ же убояхъся, повелѣхъ ни сѣчи, ни събирати от нихъ. Бяше же в рѣцѣ камение чрьно, иже ся прикосняше къ камени сему, такыи же образъ приимаше. Бяху же змиевѣ в рѣцѣ мнози, и рыбы мнози инакы родом, яже огнемъ не печяхуся, но въ кладежнѣ водѣ студнѣ. Единъ убо от воинъ, приимъ, измывъ

Другие же, называемые охлотами, были безволосые, высотой в четыре локтя, а толщиной в два. И пришли на нас, опоясаны кожами и могучи, готовые биться без копьев и без стрел. И одними кольями бились с нами и убили многих. И, видя, что гибнут воины, повелел я разжечь огонь и огнем сражаться с ними. И так сгорели могучие люди. У нас же погибло семьдесят два воина. И повелел трупы сжечь, а оставшиеся кости их отнести в их дома. Люди же те исчезли. На другой день захотели мы войти в пещеры их и увидели привязанных возле входов огромных пестрых зверей, похожих на псов, но в длину по четыре локтя и с тремя глазами. Видели там и скачущих блох, размером с жабу. Возвратившись оттуда, пришли мы на некое место, где протекал полноводный поток. И тотчас велел я воинам изготовиться и вооружиться, помня нападение яблокоядцев. Некоторое время спустя, в девятом часу или десятом, явился к нам мужчина, косматый, как вепрь. Ужаснулись мы, видя такое чудовище. И повелел я его изловить. Он же, схваченный, смотрел на нас без смущения. И велел я, раздев женщину, подвести ее к нему, чтобы он ее пожелал. А он, оттащив ее в сторону, начал пожирать. Когда же бросились на него воины, то залопотал по-своему, и, услышав его, вышел на нас из болота весь род его — мужей около десяти тысяч, а нас было сорок тысяч. И повелел я зажечь болото их. И, увидев огонь, обратились они в бегство. Преследуя их, связали мы четыреста мужей, но все они умерли без пищи. И разум у них был не человеческий, а лаяли, как псы.

Покинув то место, пришли мы к некоей реке, и велел я воинам изготовиться к бою, вооружившись, как обычно. И были возле реки той деревья, и когда всходило солнце, то начинали расти деревья и росли до шестого часа, а в седьмом часу исчезали, так что снова их не было видно. И сок тех деревьев имел запах сладкий и приятный, как у персидского перца. И повелел я рубить деревья и губками собирать их сок. Но внезапно собиравшие сок были избиты невидимыми бесами, и были слышны крики избиваемых и видны раны на их плечах, а кто бьет — не было видно. И донесся чей-то голос: «Не смеете ни рубить, ни сок собирать! Если же не перестанете, то будут все воины немыми». Я же испугался и велел, чтобы не рубили деревья и не собирали их сок. В реке же были черные камни, и тот, кто прикасался к такому камню, сам становился черным. Было в реке и немало змей, и много рыб такой породы, что варились не на огне, а в холодной колодезной воде. Один из воинов, поймав и помыв рыбу, положил в сосуд и оставил так,

и вложи въ сосудъ и остави, и обрѣте рыбу сварену. Бяху же на рѣцѣ птица, подобны нашимъ птицамъ, их же приближишася къ огню пакы исхожааше от него.

Въ утрии же день идяхомъ и блудяхомъ. Глаголаху же ми вождеве, яко не вѣмы, камо идемъ, владыко, царю Александре! Обратимся, да не въ горшаа мѣста впademъ. Азъ же не хотяхъ възвратитися. Срѣтаху же насъ звѣрие мнози о шести ногъ, и о трехъ очесѣхъ. и о пяти очесехъ, имущь длъготу 10 лакоть, и инаци звѣрие мнози, да друзии убо бѣгаху, инии же приходяху къ намъ. Придохом же на некако мѣсто песочно, иде же изидоша звѣрие, подобни дивиимъ осломъ, имущь длъготу по 20 лакоть, не имѣяху же по два ока, но по шести, двѣма же толико глядаху. Не бяху же люти, но кротци. Иныи многы убиша вои стрѣлами. Оттуду же пошедше, приидохомъ на нѣкако мѣсто, иде же бяху человѣци безглавни, глаголюще же человѣческымъ своимъ языкомъ, космати, ходяше въ кожахъ, рыбоядци. Ловяще рыбы от моря, прилежащаго в них, и приношаху к намъ. Друзии же от земля приношаху нудна, яже бяху въ тягости гривенъ 25. Вормоны же многы и великы видѣхомъ ходяща по земли. Друзи же наши веляху, да ся быхомъ обратили, но азъ не хотяхъ, хотя видѣти конець земли.

Оттудѣ убо шедше по пустыни, приидохомъ на море, к тому не видяще ничто же, ни птица, ни звѣри, но токмо небо и земля. Слънъца же уже не видѣхомъ, но въздухъ почерненъ до десятого дне. Пришедше же не в кое мѣсто помория, и шатры наша и плъкы наша поставиша, и влѣзохомъ в лодьи, и преехахомъ в нѣкыи островъ морскыи, недалече сущь от земля. В нем же слышахомъ рѣчь человѣческу, еллинскымъ языкомъ, глаголющих же не бѣ видѣти. Нѣции же от воинъ, искочивыи из лодьи, пребрѣдша на островъ, и абие каркину излѣзшю, въвлекоша ю въ воду. И. убоявшеся, обратихомся на землю.

И пакы пошедше, приидохомъ за два дни въ страну, иде же слънъце не сияет, ту убо есть земля блаженныхъ. И хотящю ми видѣти и исписати мѣста та, начах поимати свои ми рабы и поити къ нимъ. Калисфенъ же, мои другъ, съвѣщася съ мною, да иду съ 40-ми дружины и съ стомъ отрокъ, и съ воины тысящу и 200. Вне же по пути узрѣхомъ ослица, имуща жребята, обуяты воискымъ плъкомъ. И тако внидохомъ въ путь темныи врѣстъ 15, и видѣхомъ нѣкако мѣсто, и бѣ на немъ источникъ светелъ, его же вода заблищашася, аки молниа. Възалкавъ же ся, въсхотех прияти хлѣба и призвахъ повара, и рѣхъ ему: «Приготови ны влагу». Он же, приимъ икру, и иде къ свѣтлому

а нашел ее уже сваренной. Были же на реке и птицы, похожие на наших птиц, которые, влетая в огонь, вылетали из него живыми.

На другой день шли мы и блуждали. И говорили мне проводники: «Не знаем, куда идем, владыка царь Александр! Вернемся, а не то попадем в места пострашнее этих». Я же не хотел возвращаться. Встречались нам и многочисленные шестиногие звери с тремя глазами, и звери с пятью глазами, длиной в десять локтей, и иные различные звери; и одни убегали от нас, а другие подходили к нам. Пришли мы в некую песчаную землю, где повстречались нам звери, похожие на диких ослов, длиной по двадцать локтей, и было у них не по два глаза, а по шесть, но видели только двумя. И были они не злы, а кротки. И многих других зверей убили воины стрелами. И, выйдя оттуда, пришли мы в страну, где обитали безголовые люди, говорившие на своем человеческом языке; были они волосаты, одевались в шкуры и питались рыбой. Ловили же рыбу они в море, возле которого жили, и приносили нам. Другие же приносили добытые в земле грибы, весом до двадцати пяти гривен. Видели мы и немало гигантских чудовищ, бродящих по земле. И то одни, то другие советовали мне вернуться, но я не соглашался, мечтая увидеть конец земли.

Оттуда, пройдя по пустыне, пришли мы к морю, и не увидели там ничего: ни птиц, ни зверей — только небо и землю. Уже не видно было и солнца, вот уже десять дней, как шли мы во мраке. Придя же в приморскую страну, расставили свои шатры и расположили воинов, и, сев в лодки, переправились на некий остров, находившийся недалеко от берега. Доносились оттуда голоса людей, говоривших по-гречески, но самих их не было видно. Несколько воинов, выскочив из лодки, добрались до берега, но вдруг появились раки и увлекли их в воду. И в страхе вернулись мы на землю.

И снова двинулись в путь, пришли через два дня в страну, где не светит солнце, ибо находится здесь земля блаженных. А так как захотел я увидеть и описать эти места, то начал собирать слуг своих, кто пошел бы вместе со мной. А Каллисфен, мой друг, посоветовал мне, чтобы взял я с собой сорок телохранителей, и сотню оруженосцев, и тысячу двести воинов. Вблизи дороги увидели мы ослиц с ослятами, и окружили их наши воины. И вошли мы во мрак, и прошли в полной тьме верст пятнадцать, и увидели светящийся ручей, вода которого блистала, как молния. Проголодавшись, захотел я хлеба и, подозвав повара, сказал ему: «Приготовь нам попить». Он же,

источнику омыти икру, и абие намокши в водѣ, оживѣ икра и избѣжа от руку повара, бѣ же вся земля та водна. Поваръ же бывшаго не повѣда.

Пакы же шедше верстъ 30, к тому поидохомъ, видѣвше зарю безъ слънъца и без луны и без звѣздъ. И видѣхъ два птича летяща, имуща обличие человѣческо, елиньскымъ языкомъ свыше зваста: «Почто ходиши по земли единаго бога, Александре! Възвратися, окаанне, на мѣста блаженыхъ и не можеши въступити! Възвратися убо, о человѣче, и по вданѣи тобѣ земли ходи, труда себѣ не твори». Трепетен же бывъ, добрее начахъ слушати гласа, данаго ми от птиць. Другыи же птичь пакы провѣща елиньскымъ языкомъ: «Молить ти ся,— рече,—въсточнаа страна и Порово царство побѣдою покоритися». И си рекъ птичь възлѣте. Азъ же умилихся; и држа ослица, вожда наша, предзряще на кола пакы звѣзднаа, и двѣма межи десятема днии изидохомъ противу гласу жребятину и матерь их. Мнози же от вои взяша, кождо еже обрѣтъ. И пришедшимъ къ свѣту намъ, обрѣтше злато чисто въземъше. Тогда же и поваръ исповѣда, како оживе икра. Аз же разгнѣвахся, мучихъ его».

По сихъ же всѣхъ поемъ Александръ силы своя, поиде на Пора, царя индиискаго. Многу же пустыню прошедше и мѣста и безводна и пропастна, глаголааху старѣишины воискыя къ воемъ: «Доволѣеть намъ до Пръсиды и имѣти рать, и побѣдити Дария, яко емлюща дань на еллинѣхъ. Что же нынѣ творимъ, идуще на Инду, на звѣринаа мѣста, не приближающихъся къ Еладѣ? И аще есть Александръ храборъ своимъ великымъ умениемъ и хощеть покорити варварскыя языки, почто мы ходимъ по немъ? Единъ да ходить и биется». Се же слышавъ, Александръ, отлучивъ пръскыя воя и макидонскыя, и инѣхъ еллинъ, и рече макидономъ и еллиномъ: «Мужи воистии и поборници, макидони и вси силнии еллинстии! Си бо пръсяне врази ваши суть и мои. И нынѣ почто ропщете? Уже уредили мя есте единаго ходити на брань битися съ връвары? Се же убо вамъ въспомяну, яко же оны ратныя азъ единъ побѣдихъ, елико хощу взяти от пръсъ, пакы единъ побѣжю. Мое бо едино помышление душа ваша дрѣзы сътвори на противныя. Убоявшимся противу Дарьеву множеству, не азъ ли прѣд вои яздяхъ противу ратнымъ, не азъ ли самъ собѣ быхъ солъ и внидохъ къ Дарьеви, не отложих ли бѣды? Но се буди, яко умыслили есте ити въ Макидонию едини, и спасите сами себе и не окладаите ничто же другъ на друга. Да увѣсте, яко ничто же могуть вои

взяв икру, пошел к светящемуся источнику, чтобы вымыть ее, но как только намокла икра, то ожила и ускользнула из рук повара, ибо повсюду текла вода. Повар же не поведал мне о случившемся.

И снова прошли мы тридцать верст, двигаясь в том направлении, где виднелась заря без солнца, и без луны, и без звезд. И увидел я двух летящих птиц с человеческими лицами, и кричали они с высоты по-гречески: «Зачем, Александр, ходишь ты по земле, одному богу принадлежащей? Возвратись, окаянный, не смеешь вступить ты на землю блаженных! Возвратись же, о человек, и ходи по отведенной тебе земле, не накликай на себя несчастья!» Затрепетал я и стал внимательней слушать, что говорили мне птицы. А вторая из них опять возвестила мне по-гречески. «Зовет тебя,— сказала,— восточная страна, и царство Пора тебе в боях покорится». И, сказав это, взлетела птица. Опечалился я; и, следуя за ослицами, нашими проводниками, и снова смотря на созвездие Воз, через двадцать два дня вышли мы на голоса жеребят вместе с их матерями. Многие же воины взяли с собой, кто что нашел. И когда вышли на свет, то увидели, что вынесли чистое золото. Тогда и повар рассказал мне, как ожила икра. Я же разгневался и наказал его».

После всего этого собрал Александр свои войска и пошел на Пора, царя индийского. И когда прошли они через многие места пустынные и безводные и обильные пропастями, то стали говорить воеводы воинам: «Должны мы были воевать с персами и победить Дария, потому что собирал он дань с эллинов. Но зачем мы сейчас идем в места звериные, на индийцев, живущих вдали от Эллады? И если Александр гордится своим великим искусством и хочет покорить варварские народы, то мы-то зачем ходим за ним? Пусть один ходит и сражается». Услышав их ропот, Александр отделил персидских воинов от македонян и иных греков и обратился к македонянам и грекам: «Мужи-воины и помощники мои, македоняне и все могучие воины греческие! Ведь персы — это враги ваши и мои. И почему же ныне ропщете? Уже порешили вы, что я один буду выходить на битву и сражаться с варварами? Так я напомню вам, что и всех остальных врагов победил я один, и все, что захочу отнять у персов, также один добуду. Лишь только воля моя придала вашим душам смелость в борьбе с врагами. Когда испугались вы огромного войска Дария, то не я ли сражался с врагами впереди всех? Не я ли сам был своим послом и ходил к Дарию, не я ли спас вас от беды? Но пусть будет так, как задумали: идите одни в Македонию, спасайте себя, но не на-

кромѣ ума царева». Тако рекшю Александру, моляхуся ему, да бы уставилъ гнѣвъ: «Имѣи ны съ собою поборникы до конца!»...

Поръ же ... събра множество варваръ, и слоны, и ины звѣри многы, иже помогаху индомъ. И яко же пришедъ близъ макидони и пръсы, видѣвъ Александръ плъкъ Поровъ, и убояся не множества же вои, но множества звѣрии. Видѣвъ бо странное съполчение звѣрино, удивися; съ человѣкы бо имяше брань творити, а не съ звѣрми. Пакы же Александръ сътворися собѣ сломъ и вниде въ градъ, иде же бысть Поръ, въ воинстѣмъ образѣ. Индии же, видѣвше его, абие поставиша и́ прѣд Поромъ царемъ. И рече ему Поръ: «Каковъ есть Александръ?» Онъ же рече: «Живъ и здравъ есть, и жадаеть видѣти такого царя Пора». И шедъ съ Александромъ показа ему звѣрии множество и рекъ къ Александру: «Шедъ, повѣждь Александрови, яко азъ подобныя ти звѣри поставлю на брань».

Отшедъ же Александръ от Пора и, видѣвъ испльчение звѣриное и испытавъ свои умъ, и великъ собѣ помыслъ сътворивъ, что же потомъ сътвори, умникъ: елико имяше мѣдяныхъ болванъ, постави я́ прѣди, и повелѣ воемъ, да их ражгуть велми. Яко быти мѣди присно огнемъ, и повелѣ имъ поставити прѣди, яко стѣну прѣдъ полкомъ воискымъ. И въструбиша въ бранныи гласъ, абие же Поръ повелѣ пустити звѣри. Звѣрие же, устремление имуще, поскакаху и приимахуся за болваны, и абие уста ихъ изъжегошася, и к тому не прикоснутися никому же. Тако же убо устремление звѣриное устави умныи Александръ. Пръсы же премогаху инды и прогнаша их стрѣлами и на конѣхъ. Многа же бяше брань убивающихъ и о убиваемыхъ. Паде же Александровъ конь, на нем же бѣ волуя глава, изнемогъся силою. И сему бывшю, и небрегъ о брани Александръ. 20 днии пребываше, биющеся между собою, убоявше же ся о Александрѣ сами ся предаяху индѣяном.

Разумѣвъ же Александръ, яко хотять я́ предати, повелѣ престати брани, и рече къ Порови царю, глаголя: «Се нѣсть царева сила, еже гыблють вои межю нами, но се есть доблесть его телеси, да, почивающимъ воемъ, сами ся снидевѣ битися о царстве». Радъ же бысть Поръ и обѣщася къ Александру, яко битися самѣма, видя тѣло Александрово не домагающе къ своему тѣлу. Бяше бо Поръ пяти лакотъ, Александръ же ни трехъ. Ста убо обое множество на позоры Пора и Александра. Голка же убо внезаапу сътворися въ воехъ Пора царя. Поръ, уполошився, возвратися въспять видѣти, что есть голка.

дейтесь ни в чем друг на друга. И увидите, что ни на что не способны воины без мудрого царя». Когда сказал все это Александр, взмолились воины, чтобы не гневался он: «Будем мы всегда твоими помощниками!» ...

Пор же ... собрал множество варваров, и слонов, и множество других зверей, помогавших индийцам. И когда македоняне и персы приблизились к Пору, и увидел Александр его войско, то испугался не многочисленных полков, а бесчисленных зверей. Глядя на устрашающие звериные полчища, пришел он в замешательство, ибо умел воевать с людьми, но не со зверями. И снова Александр стал своим послом и, под видом воина, вошел в город, где находился Пор. Индийцы, увидев его, тотчас отвели его к царю. И спросил его Пор: «Как поживает Александр?» Он же отвечал: «Жив и здоров и жаждет видеть могучего царя Пора». И повел Пор Александра и показал ему множество зверей и сказал: «Иди и поведай Александру, что я вот таких зверей выпущу в битву».

Возвратился Александр от Пора и, вспоминая виденные им полчища зверей, стал размышлять, и пришла ему на ум хорошая мысль, которую потом и осуществил, мудрый: велел он воинам своим раскалить на огне все бывшие у него медные статуи. И когда стала медь горяча, как огонь, повелел воинам расставить их перед своими полками. И затрубил в боевые трубы, и тотчас же Пор приказал выпустить зверей. Звери же, устремившись навстречу, подскочили к статуям и принялись за них, и тотчас же обожгли себе пасти, так что ни к кому уже больше не прикасались. Вот так отразил мудрый Александр нападение зверей. Персы же одолели индийцев и погнали их, стреляя и преследуя на конях. И жестокой была схватка убивающих и убиваемых. Пал же от изнеможения и Александров конь, на котором была воловья голова. И не смог Александр участвовать дальше в битве. Двадцать дней длилось сражение, и испугались воины Александра, и стали сдаваться индийцам.

Александр же, узнав, что его хотят предать, велел прекратить битву, и обратился к царю Пору со словами: «Не в этом могущество царское, что гибнут воины наши, а вот в чем его доблесть: пусть воины отдыхают, а мы сами сойдемся биться за царство». Обрадовался Пор и пообещал Александру бороться с ним, видя, что Александр слабее его телом. Был Пор ростом в пять локтей, Александр же меньше трех. Оба войска стояли и смотрели на Пора и Александра. И внезапно поднялся шум в войсках царя Пора. Встревоженный Пор обернулся назад, чтобы увидеть причину шума. Александр же, ранив Пора в

Александръ же, увръдивъ Пора в нозѣ, поскочи на нь, и удари Пора копиемъ у бокъ и абие уби его. И начяшеся убо обои вои битися междю собою. Александръ же рече къ индомъ: «О, оканнии инди! С кым ся биете? А царь вашь убиенъ есть!» Они же рѣша: «Бьемся, да не пленени будемъ». Александръ же рече къ нимъ: «Престанте, не биитеся, и обратившеся, идѣте въ свои градъ свободни. Не вы бо есте дръзнули приити на моя воя, но Поръ». Се же рече, вѣдыи, яко не могут ся вои его бити съ инды. ...

Антипатру же въставшю на Алумпиаду, матерь Александрову, сътвори на неи ему же хотяаше. Мати же Александрова многажды написа ему о Антипатрѣ. Тужаше мати о Александре и хотящи еи прѣити на ону страну, възбраняше еи Антипатръ. Александру же приемшю грамоты матере своея Алумпиады и увѣдѣвъ от нихъ наставшюю печяль матери своеи, посла къ Антипатру, именемъ Картерика въ Македонию, да будеть еи печялникъ. Разумѣвъ же Антипатръ умышление Александрово и пришествие Картерево и видѣ воины, вратившаася от Александра в Македонию и въ Фесалию, оного дѣла убояся зѣло, и помысли о прелестнѣмъ убииствѣ на Александра, бояся, от них же съдѣя Алумпиадѣ, егда како всаженъ будеть въ темницю, слышалъ бо бѣ Александра, яко сътворилъся есть велми гордъ бывающихъ дѣля от него дѣянии.

И се размысливъ, устрои зелие на убииство, его же не тръпяше судина мѣдянаа, ни стьклянаа, ни глиненаа, но абие рассѣдашеся. Въ оловянъ убо съсудъ вложи зелие Антипатръ, и покрывъ другымъ судномъ железнымъ, и вда сыну своему, и посла въ Вавилонъ къ Илу, чръпцю Александра царя, съглаголався с нимъ о лютости зѣлия и смрътоноснѣи силѣ.

Пришедъ же сынъ Антипатровъ въ Вавилонъ, съглаголався съ Иломъ, черъпцемъ Александровымъ, отаи о даянии зелѣинемъ. Илу печалну сущю от Александра, прежде бо того сърѣшившю Илови, Александру палицею ударившю Ила въ главу и уязви его злѣ. Тѣм же Иулъ гнѣваася на Александра, поспѣшникъ бысть сынови Антипатрову на безаконие. Прия же съ собою Иулъ мидянина нѣкоего, бьенаго с нимъ, съвѣщаша же ся о собѣ, како быша Александрови вдали зелие пити. Въ един же от днии почивающю Александру от великыя вечеря, наутрия прииде къ нему мидянинъ нѣкыи, моля его, да бы пришелъ

погу, набросился на него и пронзил его копьем в бок и тут же убил. И снова сошлись в битве оба войска. Александр же обратился к индийцам: «О окаянные индийцы! С кем же вы бьетесь? Ведь ваш царь убит!» Они же отвечали: «Бьемся, чтобы не оказаться в плену». Александр же сказал им: «Перестаньте, не сражайтесь и возвращайтесь свободно в свой город. Ведь не вы дерзнули напасть на моих воинов, а Пор». А говорил так, зная, что не могут его воины биться с индийцами.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА

Перестал Антипатр подчиняться Олимпиаде, матери Александра, и поступал с ней по своему произволу. Олимпиада же не раз жаловалась сыну на Антипатра. И скучала она по сыну, и хотела приехать к нему, но не пускал ее Антипатр. Александр же, получив письма от матери своей Олимпиады и узнав из них о печалях матери своей, послал к Антипатру в Македонию Картера, чтобы стал он заступником Олимпиаде. Антипатр же, узнав о замысле Александра и о приходе Картера и видев воинов Александра, возвращающихся в Македонию и Фессалию, испугался и задумал тайно убить Александра, боясь, что будет посажен в темницу за все зло, причиненное им Олимпиаде, ибо слышал, что разгневан Александр его поступками.

И, поразмыслив, приготовил смертельный яд, от которого трескалась любая посуда: и медная, и стеклянная, и глиняная. И поместил Антипатр тот яд в оловянный сосуд и, покрыв другим сосудом, железным, отдал сыну своему, и послал того в Вавилон, к Иолу, виночерпию царя Александра, объяснив ему, как страшен тот яд и смертелен.

Прибыл сын Антипатра в Вавилон и тайно сговорился с Иолом, виночерпием Александровым, о данном ему яде. Иол же был обижен на Александра, ибо незадолго перед тем в чем-то провинился, и Александр сильно его ранил, ударив палицей по голове. За это и гневался Иол на Александра и поэтому стал соучастником Антипатрова сына в его беззаконном деле. Привлек к себе Иол и некоего мидянина, побитого вместе с ним, и стали они совещаться о том, как дадут Александру яд выпить. И вот однажды, когда отдыхал Александр после пышного пира, пришел к нему утром мидянин, приглашая его в свой дом. И, уступив его уговорам, пришел к нему Александр

въ домъ его. И увѣщанъ бысть Александръ молениемъ его, прииде на вечерю. Възлегшася съ царемъ Александромъ хотящеи быти зелиемъ убоиное съвѣщание. Пердика же, Потоломѣи, и Елки, и Лусимахъ, и Еумении, и Клеадръ и сего не вѣдяху. Друзии вси, възлежаще съ Александромъ, причястпици бяху безаконному дѣиству зелиину и съвѣщалися бяху и съ Иуиломъ, черпцемъ Александровымъ, ративше ся между собою, ждаху бо имѣнию Александрову. Александру же возлегшю съ ними, принесе ему чяшу безъ льсти. Слову же внесену бывъшю мѣста того ради уже минувшу голѣму чясу, вда Иулъ Александрови другую чяшю, имуще зелие. Приемъ же Александръ повѣсти дѣя и пивъ, внезаапу възпи, яко стрѣлою устрѣленъ въ утробу. Мало же врѣмя преждавъ и болѣзнь претръпѣвъ, иде къ дверемъ и повелѣ сущимъ на вечери пребывати.

Они же, не дождавше, абие разидошася съ вечеря, вне же глаголаху о бывшемъ. Александръ же, въ собѣ тужя, рече: «О, Раксано! Мало мнѣ даруи себе сама». И тою поддръжимъ отиде въ полату свою и леже. Дни же бывшю повелѣ Пердику и Птоломеови и Лусимаху внити къ собѣ, рече, да инъ никто же не внидеть с ними, дондеже напишеть о собѣ. Внезапу же от македонь бысть вопль и истечение на дворъ полаты Александровы, и хотяща убити стража телеси его, аще имъ не покажють царя. Александру же въпрошавшю о голцѣ, приступи к нему Пердикъ и повѣда ему, что глаголють макидонѣ. И повелѣ Александръ взяти одръ его и поставити на единомъ мѣсте высоцѣ, да вся сила воискаа мимоходящи видить его, и другыми дверми исходять. Сътворившю же Пердикови повелѣное ему от Александра царя, въсходяще макидони едини видяху его, и не бѣ, иже не плакаша его, толика царя Александра на одрѣ лежаща наполы мрътва. Мужь же нѣкыи от нихъ, видѣниемъ убо красенъ, простець же, пришедъ къ Александрову одру, рече: «На добро убо, Александре царю, Филипъ, отець твои, владѣлъ есть, на добро же и ты, царю. Ты убо прѣдъваряеши нас: добрѣ же бы и намъ с тобою умрѣти, сътворьшему макидонъ великую свободу». Александръ, прослезився, простре десную руку явление творя мольбы.

И повелѣ внити памятописцю и рече о Роксанѣ, женѣ своеи: «Аще ми будеть от Раксаны, моея жены, сынъ, тои да будеть царь македономъ, аще дщи, да сътворять, его же хотять царя». Се же рекшю Александру и ина многа, бысть на въздусѣ

на вечерний пир. И возлегли с царем Александром те, кто собрались отравить его ядом, а Пердикка, Птолемей, и Олкиас, и Лисимах, и Евмений, и Клеадр не знали об этом. Все же остальные, возлежавшие с Александром, были участниками заговора и уже совещались с Иолом, виночерпием Александра, и ссорились друг с другом, деля Александрово наследство. И когда возлег с ними Александр, поднес Иол ему чашу без обмана... Уже прошло немало времени, когда подал Иол Александру другую чашу, с ядом. Взял ее Александр и, беседуя, отпивал из нее, как вдруг вскрикнул, точно стрела пронзила ему живот. Переждал он некоторое время и, превозмогая боль, пошел к выходу, веля всем оставаться на пиру.

Но они, не задерживаясь более, разошлись с пира, повсюду беседуя о случившемся. Александр же, скрывая страдания, попросил жену: «О Роксана! Помоги мне немного». И, опираясь на нее, прошел в свою палату и лег. На следующий день он позвал к себе Пердикку, Птолемея и Лисимаха, попросив, чтобы никто больше не входил к ним до тех пор, пока он не составит завещания. Но внезапно македоняне ворвались с громкими криками на двор перед палатами Александра и грозили перебить его телохранителей, если им не покажут царя. Александр спросил о причине шума, и Пердикка, подойдя к нему, рассказал о требовании македонян. Тогда Александр приказал поставить свое ложе на возвышении, так, чтобы все македонские воины могли, проходя мимо, увидеть его и выйти другими дверями. Исполнил Пердикка повеление Александра, и только одни македоняне могли, поднявшись в палату, повидать его, и не было среди них никого, кто не плакал бы о нем, столь великом царе Александре, который теперь, полумертвый, лежал на одре. И один македонянин, прекрасный собой, но не знатный родом, воскликнул, подойдя к ложу Александра: «О царь Александр! На славу нашу владел нами Филипп, отец твой, и ты, царь, принес нам славу. Но опередил ты нас: лучше бы и нам умереть с тобой, с тем, кто принес нам, македонянам, великую свободу!» Прослезился Александр и, словно в мольбе, простер к нему правую руку.

И велел войти писцу и сказал о Роксане, жене своей: «Если будет у меня от Роксаны, жены моей, сын, то пусть будет он царем македонянам, если же дочь, то пусть поставят себе царем, кого захотят». И долго еще говорил Александр,

мъгла, и явися велика звѣзда, исходящи съ небеси на море, и съ нею орелъ. И кумиръ вавилоньскыи, нарицаемыи Дии, подвижеся. Звѣзда же пакы възыде на небеса, и абие успѣ Александръ вѣчнымъ сномъ.

Пръси же сваряхуся съ македоны, хотяще възвратити Александра. Македони же крепляхуся, везти хотяще въ Македонию. Рече же имъ Филипъ Птоломѣи: «Есть влъхвование вавилонскаго Дия, у того убо приимемъ весть о телеси Александровѣ, кдѣ будеть положити». И повѣдаша имъ Диево възвѣщание сице: «Азъ повѣдѣ кличное всѣмъ: есть градъ въ Египтѣ, именемъ Мемфъ. И тамо положити сего». Вѣсти же бывши, никто же къ тому не рече ничто же, но оставиша Птоломѣя везъти его въ градъ Мемфъ, смирною повитъ, въ оловянѣ кръстѣ. Птоломѣи же, възложивъ на кола, повезѣ от Вавилона въ Египетъ. Слышавше же мемфиане изыдоша противу и внесоша тѣло Александрово въ градъ. Рече же начялникъ пророкомъ того святия: «Того здѣ не положите, но въ градѣ, иже есть въ Ракодидѣ създалъ. Иде же бо аще будеть тѣло се, устанка не имаеть град, бранми и ратми смущаемъ». Птоломѣи же абие повезе его въ Александрию и сътвори гробъ въ святии, нареченнѣмъ Тѣло Александрово, и ту положи мощи Александровы.

как вдруг потемнело вокруг, появилась огромная звезда, катившаяся с неба на море, и с нею орел. И зашатался кумир вавилонский, называемый Зевс. А звезда снова вознеслась на небо, и тогда почил Александр вечным сном.

И заспорили персы с македонянами, ибо каждый хотел в своей земле похоронить Александра. Македоняне упорствовали, желая отвезти его в Македонию. И сказал им Филипп Птолемей: «Есть оракул Зевса Вавилонского, у него и узнаем, где положить тело Александра». И поведали им такое пророчество Зевсово: «Я возвещаю всем: есть город в Египте, называемый Мемфис, там и положите тело его». Получив такое пророчество, никто не посмел возразить, и поручили Птолемею отвезти тело Александра в Мемфис, умастив его мирром, в оловянном гробу. Птолемей же, поставив гроб на колесницу, повез его из Вавилона в Египет. Услышав об этом, жители Мемфиса вышли ему навстречу и внесли тело Александра в город. И сказал старший из пророков святилища: «Положите его не здесь, а в городе, им созданном,— в Ракотиде. И где будет лежать его тело, тому граду не страшны будут ни войны, ни рати». Тогда Птолемей повез тело Александра в Александрию и воздвиг гробницу в святилище, называемом Тело Александрово, и здесь положил его мощи.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА КРЕСТОНОСЦАМИ В 1204 ГОДУ

Въ лѣто 6712. Царствующю Ольксе въ Цесариградѣ, въ царствѣ Исаковѣ, брата своего, его же слѣпивъ, а самъ цесаремь ста. А сына его Олексу затвори въ стѣнахъ высокыхъ стражею, яко не вынидеть. И временомъ минувшемъ, и дьрзну Исакъ молитися о сыну своемь, дабы его испустилъ ис твьрди прѣдъ ся. И умоли брата Исакъ, и прияста извѣщение съ сыномь, яко не помыслити на царство, и спущенъ бысть ис твьрди и хожашеть въ своеи воли. Цесарь же Олькса не печяшеся о немь, вѣря брату Исакови и сынови его, зане прияста извѣщение. И потом Исакъ помысливъ, и въсхотѣ царства, и учяшеть сына, посылая потаи, яко «добро створихъ брату моему Олѣксѣ, от поганыхъ выкупихъ его, а онъ противу зло ми възда: слѣпивъ мя, царство мое възя». И въсхотѣ сынъ его, яко же учашеть его, и мышляшьта, како ему изити из града въ дальняя страны и оттолѣ искати царства. И въвѣденъ бысть въ корабль, и въсаженъ бысть въ бочку, имущи 3 дна при единѣмь конци, за нимь же Исаковиць сѣдяше, а въ другомь конци вода, иде же гвоздъ: нѣлзѣ бо бяше инако изити из града. И тако изиде из Грѣчьскѣи земли. И, увѣдавъ, цесарь посла искать его. И начаша искати его въ мнозѣхъ мѣстѣхъ, и внидоша въ тъ корабль, иде же бяшеть, и вся мѣста обискаша, а из бъчькъ гвозды вынимаша, и видеше воду текущю, идоша прочь, и не обрѣтоша его.

И тако изиде Исаковичь, и приде къ нѣмьчьскуму цесарю Филипови, къ зяти и къ сѣстрѣ своеи. Цесарь нѣмечьскыи посла к папѣ въ Римъ, и тако увѣчаста, яко «нѣ воевати на Цесарьградъ, нъ яко же рече Исаковиць: «Всь град Костян-

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА КРЕСТОНОСЦАМИ В 1204 ГОДУ

В год 6712 (1204). Царствовал Алекса в Царьграде, в царстве Исаака, брата своего, ослепив которого, стал он сам цесарем. А сына его, Алексу, держал под стражей в заточении, за высокими стенами, чтобы не убежал. И через некоторое время решился Исаак просить за сына своего, чтобы выпустил его из темницы на свободу. И упросил Исаак брата, и поклялся ему вместе с сыном, что не помыслят они о царстве, и выпущен был сын из темницы, и стал жить на свободе. Цесарь же Алекса не остерегался его, веря брату Исааку и сыну его, ибо дали ему обещание. Потом же Исаак, поразмыслив, снова захотел царствовать и стал подстрекать сына своего, посылая к нему тайно: «Я, мол, добро сделал брату своему Алексе, выкупив его у поганых, а он отплатил мне злом: ослепив меня, завладел моим царством». И согласился сын с отцом, и стали размышлять они, как бы бежать Алексе из города в дальние страны и оттуда добиваться престола. И приведен он был на корабль, и посажен в бочку, имевшую с одного конца три дна, там, где сидел Исаакович, а с другого конца, где затычка, была налита вода: ибо нельзя было иначе бежать из города. И так покинул он греческую землю. И, узнав об этом, цесарь послал искать его, и стали искать его повсюду, и пришли на тот корабль, где он был, и все на нем обыскали, и из бочек повыбивали затычки, но, видя, что течет вода, ушли, так и не найдя его.

И так бежал Исаакович, и прибыл к немецкому цесарю Филиппу, к зятю своему, и к сестре своей. А цесарь немецкий послал к папе в Рим, и так они повелели: «Не воюйте с Царьградом, но так как говорит Исаакович: «Весь град Константина

тинь хотять моего царства»,— тако же посадяче его на прѣстолѣ, поидете же къ Иерусалиму, въ помочь; не въсхотять ли его, а ведете и́ опять къ мнѣ, а пакости не деите Грѣчьскои земли».

Фрязи же и вси воеводы ихъ възлюбиша злато и срѣбро, иже мѣняшеть имъ Исаковичь, а цесарева велѣния забыша и папина. Пьрвое, пришьдъше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша, и приступивъше къ граду, огнь ввергоша 4-рь мѣстъ въ храмы. Тъгда цесарь Олькса, узьревъ пламень, не створи брани противу имъ. Призвавъ брата Исака, его же слѣпи, посади его на прѣстолѣ, и рече: «Даже еси, брат, тако створилъ, прости мене, а се твое царство»,— избѣжа из града. И пожьженъ бысть град и церкви несказьны лѣпотою, имъ же не можемъ числа съповѣдати. И святое Софие притворъ погорѣ, иде же патриарси вси написани, и подрумье и до моря, а семо по Цесаревъ затворъ и до Суда погорѣ. И тъгда погна Исаковичь по цесари Олексѣ съ фрягы, и не постиже его и възвратися въ град, и съгна отця съ прѣстола, а самъ цесаремъ ста: «Ты еси слепъ, како можеши царство дьржати? Азъ есмь цесарь!» Тъгда Исакъ цесарь, много съжаливъси о градѣ и о царствѣ своемь и о граблении манастырьскыхъ, еже даяста фрягомъ злато и срѣбро, посуленое имъ, разболѣвъся, и бысть мнихъ, и отъиде свѣта сего.

По Исаковѣ же смерти людие на сына его въсташа про зажьжение градьное и за пограбление манастырьское. И събрачеся чернь, и волочаху добрые мужи, думающе с ними, кого цесаря поставять. И вси хотяху Радиноса. Онъ же не хотяше царства, нъ кръяшеся от нихъ, измѣнивъся въ чьрны ризы. Жену же его, имъше, приведоша въ святую Софию и много нудиша ю́: «Повѣжь намъ, кде есть муж твои?» И не сказа о мужи своемь. Потомь же яша человѣка, именьмь Николу воина, и на того възложиша вѣньць бес патриарха, и ту бысть с немъ въ святѣи Софии 6 днии и 6 ночии.

Цесарь же Исаковичь бяшеть въ Влахернѣ, и хотяше въвести фрягы отаи бояръ въ град. Бояре же, увѣдавъше, утолиша цесаря, не даша ему напустити фрягъ, рекуче: «Мы с тобою есмь». Тъгда бояре, убоявъшеся въвѣдения фрягъ, съдумавъше съ Мюрчюфломь, яша цесаря Исаковиця, а на Мюрчюфла вѣньчь възложиша.

А Мюрчюфла бяше высадилъ ис тьмьнице Исаковичь, и приялъ извѣщение, яко не искати подъ Исаковицемь царства, нъ блюсти подъ нимь. Мюрчюфлъ же посла къ Николѣ и къ

хочет, чтобы я царствовал», то, посадив его на престоле, отправляйтесь дальше, в Иерусалим, на помощь; а если не примут его, то приведете его обратно ко мне, а зла не причиняйте земле греческой».

Фряги же и все полководцы их думали лишь о золоте и серебре, обещанном им Исааковичем, а что велели им цесарь и папа, то забыли. Придя в Суд, прежде всего разбили железные цепи и, подступив к городу, в четырех местах подожгли храмы. Цесарь же Алекса, увидев пожары, не стал сопротивляться врагам. Призвал он к себе брата Исаака, им же ослепленного, посадил его на престоле и сказал: «Даже если и ты это сделал, брат,— прости меня, вот твое царство»,— и бежал из города. И пострадали от пожара город и церкви несказанной красоты, которых нам и не перечислить. И сгорел притвор у святой Софии, где изображены все патриархи, и ипподром — до самого моря, а там и до Цесарева затвора и до Суда все сгорело. И тогда погнался Исаакович с фрягами за цесарем Алексой, но не догнал его, и возвратился в город, и согнал отца с престола, а сам стал цесарем: «Ты, мол, слепой, как же сможешь управлять государством? Я буду цесарем!» Тогда цесарь Исаак, скорбя о городе, и о царстве своем, и о разграблении монастырей, откуда брали золото и серебро для расплаты с фрягами, разболелся и постригся в монахи, и покинул этот свет.

После смерти Исаака народ восстал против сына его, возмущенный сожжением города и разграблением монастырей. И собралась чернь, и призвали к себе знатных людей, советуясь с ними, кого царем поставить. И все стояли за Радиноса. Но он не хотел царствовать и, скрывшись от них, постригся в монахи. Жену же его схватили, и привели в святую Софию, и долго требовали у нее: «Скажи нам, где муж твой!» И не сказала она о муже своем. Потом привели воина, по имени Никола, и его венчали на царство без патриарха, и шесть дней и шесть ночей совещались в святой Софии.

А цесарь Исаакович был во Влахерне и хотел, втайне от бояр, ввести в город фрягов. Но бояре, узнав об этом, не дали ему впустить фрягов в город, успокаивая его: «Мы за тебя». А потом испугались бояре, что войдут фряги в город, и, посовещавшись с Мурчуфлом, схватили цесаря Исааковича, а Мурчуфла венчали на царство.

Мурчуфла того Исаакович освободил из темницы, взяв с него клятву, что не будет он добиваться престола, а будет ему помогать. Мурчуфл же послал к Николе и к народу в

людьмъ въ святую Софию: «Язъ ялъ ворога вашего Исаковиця, язъ вашь цесарь; а Николѣ даю пьрвыи въ боярехъ, сложи съ себе вѣньць». И вси людие не даша ему сложити вѣньця, нъ боле закляшася: кто отступить от Николы, да будеть проклятъ. Того же дне, дождавъше ночи, разбѣгошася вси, а Николу яша, и жену его я Мюрчюфлъ, и въсади я въ тьмницю, и Ольксу Исаковиця утвьрди въ стѣнехъ, а самъ цесаремь ста Мюрчюфлъ феуларя въ 5 день, надеяся избити фрягы.

Фрязи же, уведавъше ята Исаковиця, воеваша волость около города, просяче у Мюрчюфла: «Даи нам Исаковиця, от поидемъ къ нѣмечьскуму цесарю, отнеле же есме послани, а тобе царство его». Мурчюфлъ же и вси бояре не даша его жива, и уморивъше Исаковиця, и рекоша фрягомъ: «Умьрлъ есть; придете и видите и́». Тъгда же фрязи печяльни бывъше за прѣслушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣчьскыи и папа римьскыи, яко же си зло учиниша Цесарюграду. И рѣша сами к собе вси: «Оже намъ нѣту Исаковиця, с нимь же есме пришли, да луче ны есть умрети у Цесаряграда, нежели съ срамомь отъити». Оттоль начаша строити брань къ граду.

И замыслиша, яко же и прѣже, на кораблихъ раями на шьглах, на иныхъ же кораблихъ исъциниша порокы и лѣствиця, а на инѣхъ замыслиша съвѣшивати бъчькы чересъ град, накладены смолины. И лучины зажьгъше, пустиша на хоромы, яко же и прѣже пожьгоша градъ. И приступиша къ граду априля въ 9 день, въ пятъкъ 5 недѣли поста, и не успѣша ничьто же граду, нъ фряг избиша близъ 100 муж. И стояша ту фрязи 3 дни; и въ понедѣльник Верьбнои недѣли приступиша къ граду, солнчю въсходящю, противу святому Спасу, зовемыи Вергетис, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны. Приступиша же на 40 корабль въ великыхъ; бяху же изременани межи ими, в нихъ же людье на конихъ, одени в бръне и коне ихъ. Инии же корабле ихъ и галѣе ихъ стояху назаде, бояшеся зажьжения, яко же и прѣже бяхуть грьци пустили на не 10 кораблевъ съ огньмь, и въ пряхъ извременивъше погодье вѣтра, на Василиевъ день полуноци, и не успеша ничто же фрязьскымъ кораблемъ: вѣсть бо имъ бяше далъ Исаковиць, а грькомъ повеле пустити на корабле на не; тѣмь же и не погорѣша фрязи.

И тако бысть възятие Цесаряграда великого: и привлеце корабль къ стенѣ градьнѣи вѣтръ, и быша скалы ихъ великыя чрѣсъ град, а нижьнее скалы равно забороломъ; и бьяхуть съ высокыхъ скалъ на градѣ грькы и варягы камениемь и стрѣ-

святую Софию сказать: «Схватил я врага вашего, Исааковича, я ваш царь, а Никола будет у меня первым сановником, но пусть сложит царский венец». И все люди не давали ему отречься от престола и, напротив, заклинали: «Кто отступится от Николы, да будет проклят!» Однако в тот же день, дождавшись ночи, разбежались все, а Николу схватили, и жену его захватил Мурчуфл, и посадил их в темницу, и Алексу Исааковича заточил, а сам Мурчуфл стал царем в пятый день февраля, надеясь перебить фрягов.

Фряги же, узнав, что схвачен Исаакович, стали грабить окрестности города, требуя у Мурчуфла: «Выдай нам Исааковича, и пойдем к немецкому цесарю, кем и посланы мы, а тебе — царство Исааковича». Мурчуфл же и бояре не выдали его живым, а умертвили Исааковича и сказали фрягам: «Умер он, приходите и увидите сами». Тогда опечалились фряги, что нарушили заповедь: не велели им цесарь немецкий и папа римский столько зла причинять Царьграду. И пошли среди них разговоры: «Раз уж нет у нас Исааковича, с которым мы пришли, так лучше умрем под Царьградом, чем уйдем от него с позором». И с той поры начали осаду города.

И пустились на хитрости, как и раньше: приготовили к штурму корабельные реи, а на других кораблях установили тараны и лестницы, а с третьих приготовились метать через городскую стену бочки со смолой. И зажгли лучины на бочках, и метали их на дома, и, как прежде, зажгли город. И пошли на приступ в девятый день апреля, в пятницу пятой недели поста, но ничего не достигли, и было убито около ста фрягов. И стояли здесь фряги три дня, и в понедельник вербной недели на восходе солнца приступили к стенам напротив святого Спаса, называемого Вергетис, и против Испигаса и далее до самой Влахерны. Подошли же на сорока больших кораблях, среди которых были и дромоны, а в них — люди на конях, и сами в доспехах и кони их. Другие же корабли и галеи фряги поставили позади, опасаясь быть подоженными, как в прошлом, когда пустили греки на них десять кораблей с огнем, установив паруса на попутный ветер, в ночь на Васильев день, но не смогли причинить вреда фряжским кораблям: Исаакович посоветовал грекам пустить корабли на фрягов, а сам предупредил тех об этом, поэтому и не сгорели фряжские корабли.

И вот как был взят Царьград великий: пригнало ветром корабль к городской стене, и были огромные лестницы на нем выше стен, а короткие — на уровне заборол, и стреляли фряги с высоких лестниц по грекам и варягам, оборонявшим городские

лами и сулицами. а съ нижьнихъ на градъ сълѣзоша; и тако възяша градъ. Цесарь же Мюрчюфолъ крѣпляше бояры и все люди, хотя ту брань створити с фрягы, и не послушаша его: побѣгоша от него вси. Цесарь же побеже от них, и угони е́ на Коньнемь тьргу, и многа жалова на бояры и на все люди. Тъгда же цесарь избеже изъ града, и патриархъ и вси бояре.

И внидоша въ градъ фрязи вси априля въ 12 день, на святого Василия Исповѣдника, въ понедельник, и сташа на мѣсте, иде же стояша цесарь грьчьскыи, у святого Спаса, и ту сташа и на ночь. Заутра же, солнчю въсходящю, вънидоша въ святую Софию, и одьраша двьри и расѣкоша, а онболъ окованъ бяше вьсь сребромь, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотьныя, и тябло исѣкоша, и 12 креста, иже надъ олтаремь бяху, межи ими шишкы, яко дрѣва, вышьша муж, и прѣграды олтарьныя межи стълпы, и то все сребрьно И тряпезу чюдьную одьраша, драгыи камень и велии жьньчюг, а саму невѣдомо камо ю́ дѣша. И 40 кубъковъ великыхъ, иже бяху прѣдъ олтаремь, и понекадѣла и свѣтилна сребрьная, яко не можемъ числа повѣдати, съ праздьничьными съсуды бесцѣньными поимаша. Служебьное Еуангелие и хресты честьныя, иконы бесцѣныя — все одраша. И подъ тряпезою кръвъ наидоша 40 кадие чистаго злата, а на полатѣхъ и въ стѣнахъ и въ съсудохранильници не вѣде колико злата и сребра, яко нету числа, и бесцѣньныхъ съсудъ. То же всѣ в единои Софии сказахъ, а святую Богородицю, иже на Влахѣрнѣ, иде же святыи духъ съхожаше на вся пятницѣ, и ту одраша. Инѣхъ же церквии не можеть человѣкъ сказати, яко бе-щисла. Дигитрию же чюдьную, иже по граду хожаше, святую богородицю, съблюде ю́ богъ добрыми людьми, и ныне есть, на ню же надѣемъся Иные церкви въ градѣ и вънѣ града, и манастыри въ градѣ и вънѣ града пограбиша все, имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати. Черньче же и чернице и попы облупиша и нѣколико ихъ избиша, грькы же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть остали.

Се же имена воеводамъ ихъ: 1 маркосъ от Рима, в градѣ Бьрне, иде же бе жил поганыи злыи Дедрикъ. А 2-и кондофъ Офланъдръ. А 3 дужь слепыи от Маркова острова Венедикъ. Сего дужа слѣпилъ Мануилъ цесарь; мнози бо философи моляхуться чесареви: аще сего дужа отпустиши съдрава, тъ много зла створить твоему царству. Царь же не хотя его убити,

стены, камнями, и стрелами, и сулицами, а с коротких перелезли на стену, и так овладели городом. Цесарь же Мурчуфл воодушевлял бояр и всех людей, надеясь дать отпор фрягам, но не послушали его и разбежались все. Тогда бежал цесарь от фрягов, но они настигли его на Конном рынке, и горько сетовал он на своих бояр и народ. И бежал цесарь из города, а с ним патриарх и все бояре.

И вступили фряги в город в двенадцатый день апреля, на праздник святого Василия Исповедника, в понедельник, и расположились на том месте, где недавно еще стоял греческий цесарь — у святого Спаса,— и тут простояли всю ночь. А наутро, с восходом солнца, ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром, и двенадцать столпов серебряных и четыре киотных; и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними — шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные — все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а в нем до сорока бочонков чистого золота, а на полатях и в стенах и в сосудохранильнице — не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали их города.

А вот имена полководцев их: первый — маркиз из Рима, из города Вероны, где жил когда-то язычник жестокий Теодорих. А второй граф Фландрский. А третий — дож слепой с острова Марка, из Венеции. Этого дожа ослепил цесарь Мануил, ибо многие мудрые убеждали цесаря: если отпустишь этого дожа невредимым, то много зла принесет твоему царству.

повелѣ очи ему слѣпити стькломь, и быста очи ему яко невреженѣ, нъ не видяше ничего же. Сь же дужь много брании замышляше на град, и вси его послушаху, и корабли его велиции бяхуть, с нихъ же градъ възяша. Стоянья же фряжьска у Цесаряграда от декабря до априля, доколь городъ възяшь. А мѣсяца маия въ 9 поставища цесаря своего латина кондо Фларенда своими пискупы, и власть собе раздѣлиша: цесареви град, а маркосу судъ, а дужеви десятина. И тако погыбе царство богохранимаго Костянтиняграда и земля Гречьская въ свадѣ цесаревъ, ею же обладають фрязи.

Цесарь же не захотел его убить, но повелел ослепить его стеклом, и были глаза его неповрежденны, а перестал он видеть. Этот дож много войн замышлял на город, и все его слушались, и ему принадлежали огромные корабли, с которых был взят город. А стояли фряги у Царьграда с декабря по апрель, когда и взяли город. А в мае, девятого числа, поставили цесарем своего латиняна графа Фландрского по решению своих епископов, и власть между собой поделили: цесарю город, маркизу Суд, а дожу — десятина. И так погибло царство богохранимого города Константина и земля греческая от распрей цесарей, и обладают землей той фряги.

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННАГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМЕРЬСКАГО И СУЗДАЛЬСКАГО К ПОЛИКАРПУ, ЧЕРНОРИЗЬЦЮ ПЕЧЕРЬСКОМУ

...Пишеть бо ми княгини Ростиславляа Верхослава, хотящи тя поставлена быти епискупомь или Новугороду на Онтониево мѣсто, или Смоленьску на Лазарево мѣсто, или Юрьеву на Олексѣево мѣсто, и аще ми, рече, и до тысячи сребра расточити тебѣ ради и Поликарпа. И рѣх ей: «Дьщи моа Анастасие! Дѣло не богоугодно хощеши сътворити, но аще бы пребыл в монастырѣ неисходно, с чистою съвѣстию, в послушании игумении и всей братии, трѣзвяся о всѣх, то не токмо бы в святительскую одѣжю оболчен, но и вышняго царствиа достоин бы был».

Ты же, брате, епископству ли похотѣл еси? Добру дѣлу хощеши, но послушай Павла, глаголюща к Тимофѣю, и, почет, разумѣеши, аще еси что от того исправил, какову епископу подобает бысти. Но аще бы ты был достоин таковаго сана, то не бых тебѣ пустил от себѣ, но своима рукама съпрестолника тя себѣ поставил бых в обѣ епископии, Владимерю и Суждалю, яко же князь Георгий хотѣл, но аз ему възбраних, видя твое малодушие. И аще мене преслушаешися, каковѣи любо власти въсхощеши или епископъству или игуменьству повинешися, буди ти клятва, а не благословение, и к тому не внидеши в євятое и честное мѣсто, в нем же еси остриглъся. Яко съсуд непотрѣбен будеши, и изверженъ будеши вон и плакатися имаши послѣжде много без успѣха. Не то бо есть съвръшение, брате, еже славиму быти от всѣх, но еже исправити житие свое и чиста себѣ съблюсти. От того, брате, Печерьскаго монастыря

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПОСЛАНИЕ СМИРЕННОГО ЕПИСКОПА СИМОНА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО К ПОЛИКАРПУ, ИНОКУ ПЕЧЕРСКОМУ

...Пишет ко мне княгиня Ростиславова, Верхуслава, что она хотела бы поставить тебя епископом или в Новгород, на Антониево место, или в Смоленск, на Лазарево, или в Юрьев, на Алексеево. «Я, говорит, готова хотя до тысячи серебра издержать для тебя и для Поликарпа». И я сказал ей: «Дочь моя Анастасия! Дело не благоугодное хочешь ты сотворить. Если бы пребыл он в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игумена и всей братии, в совершенном воздержании, то не только облекся бы в святительскую одежду, но и вышнего царства достоин бы был».

А ты, брат мой, не епископства ли захотел? Доброе дело! Но послушай, что Павел апостол говорит Тимофею. Прочитавши, ты поймешь, исполняешь ли ты сколько-нибудь то, что подобает епископу. Да если бы ты был достоин такого сана, я от себя не отпустил бы тебя, но своими руками поставил бы сопрестольником себе в обе епископии: во Владимир и в Суздаль. Так князь Георгий и хотел; но, видя твое малодушие, я воспрепятствовал ему в этом. И если ты ослушаешься меня, захочешь власти, сделаешься епископом или игуменом,— проклятие, а не благословение будет на тебе! И после того не войдешь ты в святое и честное место, в котором постригся. Как сосуд непотребный будешь, извержен ты будешь вон, и после много плакаться будешь без успеха. Не в этом только совершенство, брат мой, чтобы славили нас все, но чтоб исправить житие свое и чистым себя соблюсти. Как от Христа, бога

пречистыа богоматере мнози епископи поставлени быша, яко же от самого Христа, бога нашего, апостоли в всю вселенную послани быша, и яко свѣтила свѣтлаа освѣтиша всю Русскую землю святым крещениемь. Пръвый — Леонтий, епископ Ростовъскый, великий святитель, его же бог прослави нетлѣниемь, и се бысть пръвый престолник, его же невѣрнии много мучивше и бивше, и се третий гражанин бысть Рускаго мира, с онема варягома вѣнчася от Христа, его же ради пострада. Илариона же митрополита и сам чел еси в «Житии святаго Антониа», яко от того постриженъ бысть и тако священства сподоблен. По сем же: Николае и Ефрем — Переяславлю, Исаиа — Ростову, Герман — Новуграду, Стефан — Владимерю, Нифонт — Новуграду, Марин — Юрьеву, Мина — Полотьску, Никола — Тьмутороканю, Феоктист — Чернигову, Лаврѣнтей — Турову, Лука — Белуграду, Ефрѣм — Суждалю. И аще хощеши вся увѣдати, почти лѣтописца стараго Ростовскаго: есть бо всѣх болии 30, а иже потом и до нас грѣшных, мню, близ 50.

Разумѣй же, брате, колика слава и честь монастыря того, и постыдѣвся, покайся и изволи си тихое и безмятѣжное житие, к нему же господь призвал тя есть. Аз бы рад оставил свою епископию и работал игумену в том святемь Печерьскомь монастырѣ. И се же глаголю ти, брате, не сам себѣ величаа, но тебѣ възвѣщаа. Святительства нашего власть сам вѣси. Кто не вѣсть мене, грешнаго епископа Симона и сиа съборныа церкви, красоты Владимерьскиа, и другиа Суждальскиа церьки, юже сам създах? Колико имѣета градов и сел! И десятину събирають по всей земли той. И тѣм всѣмь владѣеть наша худость. И сиа вся бых оставил, но вѣси, какова велиа вещь духовнаа и нынѣ обдержить мя, и молюся господеви, да подасть ми благо врѣмя на правление. И съвѣсть тайнаа господь,— истинно глаголю ти: яко всю сию славу и честь въскорѣ яко кал вменил бых, аще бы ми трескою торчать за враты или сметьем помятену быти в Печерьском манастырѣ и попираему человѣки, или единому быти от убогых пред враты честныа тоа лавры и сътворитися просителю,— то лучши бы ми врѣменныа сиа чти. Един день в дому божиа матере паче 1000 лѣт, и в нем изволил бых пребывати паче, нежели жити ми в селех грѣшничих. И въистину глаголю ти, брате Поликарпе, гдѣ слыша сих дивнѣйши бывших в том в святѣмь монастырѣ Печерьском чюдес? Что же ли блаженѣйших сих отцев, иже в конець вселенныа просиаша подобно лучам солнечным? О них же достовѣрно повѣдаю ти настоящим писаниемь к сим же, иже тебѣ

нашего, во всю вселенную посланы были апостолы, так из Печерского монастыря пречистой богоматери многие епископы поставлены были и, как светила светлые, осветили всю Русскую землю святым крещением Первый из них — великий святитель Леонтий, епископ Ростовский, которого бог прославил нетлением; он был первый на Руси святитель, которого, после многих мучений, убили неверные. Это третий гражданин Русского мира, с двумя варягами увенчанный от Христа, ради которого пострадал. Об Иларионе же митрополите ты и сам читал в «Житии святого Антония», что им он пострижен был и так святительства сподобился. Потом были епископами: Николай и Ефрем — в Переяславле, Исаия — в Ростове, Герман — в Новгороде, Стефан — во Владимире, Нифонт — в Новгороде, Марин — в Юрьеве, Мина — в Полоцке, Николай — в Тмуторокани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде, Ефрем — в Суздале. Да если хочешь узнать всех, читай старую Ростовскую летопись: там их всех более тридцати; а после них и до нас, грешных, будет, я думаю, около пятидесяти.

Разумей же, брат мой, какова слава и честь монастыря того! Устыдись, и покайся, и возлюби тихое и безмятежное житие, к которому господь призвал тебя. Я бы рад был оставить свою епископию и служить игумену в том святом Печерском монастыре. И говорю я это, брат мой, не для того, чтобы величать самого себя, а чтобы только возвестить тебе об этом. Святительства нашего власть ты сам знаешь. Кто не знает меня, грешного епископа Симона, и этой соборной церкви, красы Владимира, и другой, суздальской церкви, которую я сам создал? Сколько они имеют городов и сел! И десятину собирают на них по всей земле той. И всем этим владеет наше смирение. А между тем все это оставил бы я; но ты знаешь, как велико дело духовное, и теперь я весь отдался ему и молю господа, чтоб дал он мне время успешно исполнить его. Но ведает господь тайное,— истинно говорю тебе: сейчас же всю эту славу и честь за ничто вменил бы, лишь бы колом торчать за воротами, валяться сором в Печерском монастыре, чтобы люди попирали меня, или сделаться одним из убогих, просящих милостыню у ворот честной лавры. Это лучше было бы для меня временной сей чести; больше желал бы я провести один день в дому божией матери, чем жить тысячу лет в селениях грешников. Поистине говорю тебе, брат Поликарп: где слышал ты о таких дивных чудесах, какие творились в святом Печерском монастыре,— о таких блаженных отцах, которые, подобно лучам солнечным, просияли до конца вселенной? К тому, что

реченным. И се тебѣ, брате, скажю, что ради мое тщание и вѣра к святому Антонию и Феодосию.

...

О СВЯТѢМЬ АФОНАСИИ ЗАТВОРНИЦИ, ИЖЕ УМЕР И ПАКЫ В ДРУГЫЙ ДЕНЬ ОЖИВЕ И ПРЕБЫСТЬ ЛѢТ 12

Бысть убо и се в том же святѣм монастырѣ. Брат един, живый свято и богоугодно житие, имянемь Афонасие, болѣв много, умре. Два же брата отръше тѣло его мертво, отъидоста, увивьше его, яко же подобает мертваго. По прилучаю же пришедше нѣции и видѣвше того умеръша, отъидоша. Пребысть же мертвый всь день не погребен: бѣ бо убог зѣло — не имѣа ничто же мира сего, и сего ради небрегом бысть. Богатым бо всяк тщится послужити и в животѣ и при смерти, да наслѣдить что.

В нощи же явися нѣкто игумену, глаголя: «Человѣк божий сей два дьни имать непогребен, ты же веселишися». Увѣдев же игумен о сем, в утрий день с всею братиею приде к умерьшему, и обретоша его сѣдяща и плачюща. Ужасошася, яко видѣвше того оживьша, и въпрошаху того, глаголюще: «Како оживѣ?» или: «Что видѣ?» Сий же не отвещеваше ничто же, точию: «Спаситеся!» Они же моляхуся ему слышати что от него, да и мы, рече, пользуемся. Он же рече к ним: «Аще вы реку, не вѣруете ми». Братиа же к нему с клятвою рѣша, яко «сохраним все, еже аще речеши нам». Он же рече им: «Имѣйте послушание в всем к игумену, и кайтеся на всяк час, и молитеся господу Иисусу Христу, и пречистей его матере, и преподобным отцемь Антонию и Феодосию, да скончаете живот свой здѣ и с святыми отци погребены быти сподобитеся в печерѣ. Се бо боли всех вещей три сиа вещи суть, аще ли кто постигнеть сиа вся исправити по чину, точию не възносися. И к тому не въпрошайте мене, но молю вы ся, простите мя». Шед же в печеру, заградив о себѣ двѣри, и пребысть, не глаголя никому же ничто же, 12 лѣт. Егда же хотяше преставитися, призвав всю братию, тоижде им глаголаше, еже и испръва, о послушании и о покоании, глаголя: «Блажен есть, иже здѣ сподобивыйся положен быти». И сие рек, почи с миром о господѣ.

И бѣ нѣкто брат един, боля лядвиами от лѣт мног. И принесен бысть надо нь. Обоим же тѣло блаженнаго и исцелѣ,

ты уже слышал от меня, я приложил к настоящему своему писанию достоверную о них повесть. И вот теперь скажу тебе, брат мой, почему я имею такое усердие и веру к святым Антонию и Феодосию.

...

О СВЯТОМ АФАНАСИИ ЗАТВОРНИКЕ, КОТОРЫЙ НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ СВОЕЙ СМЕРТИ СНОВА ОЖИЛ И ЖИЛ ПОТОМ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

Вот что еще случилось в том святом монастыре. Брат один, именем Афанасий, проводивший жизнь святую и богоугодную, после долгой болезни умер. Два брата отерли мертвое тело, увили, как подобает, покойника и ушли. Заходили к нему некоторые другие, но, видя, что он умер, также уходили. И так покойник оставался весь день без погребения: был он очень беден, ничего не имел от мира этого и потому был в небрежении у всех. Богатым только всякий старается послужить, как в жизни, так и при смерти, чтобы получить что-нибудь в наследство.

Ночью же явился некто игумену и сказал: «Ты веселишься, а человек божий этот второй день лежит без погребения». Узнавши об этом, игумен утром того же дня пошел со всей братией к умершему, и нашли его сидящим и в слезах. И ужаснулись все, видя, что он ожил, и спрашивали его: «Как ты ожил?» или: «Что видел?» Он не отвечал ничего и только повторял: «Спасайтесь!» Братия же умоляла его ответить. «Чтобы и нам было то на пользу»,— говорили они. Он же сказал им: «Не поверите вы, если я скажу вам». Братия же поклялась ему: «Соблюдем все, что бы ты ни сказал нам». Тогда он сказал: «Имейте во всем послушание к игумену, пребывайте во всякое время в покаянии, молитесь господу Иисусу Христу, и пречистой его матери, и преподобным отцам Антонию и Феодосию, чтобы здесь окончить вам жизнь и сподобиться погребения в пещере, со святыми отцами. Вот три самые полезные вещи, если только исполните все это по чину, не возноситесь только! Теперь не спрашивайте меня более, но молю вас, простите меня». И пошел в пещеру, заложил за собою дверь и пробыл в этой пещере двенадцать лет, никогда не говоря ни с кем. Когда же пришло время кончины его, он призвал всю братию, повторил им то, что говорил прежде о послушании и о покаянии, и сказал: «Блажен, кто сподобится быть здесь положенным». И почил с миром о господе.

Был же между братии некто, уже много лет страдавший болью в ногах. И принесли его к умершему. Он же обнял тело

от того часа и дажде до дьне смерти своеа никако же поболѣв лядвиами, ниже иным чим. И сему исцѣлѣвшему имя Вавила. И той сказа братии сицѣ: «Лежащу ми, рече, и въпиющу от болѣзни, и абие вниде сий блаженный, глаголя ми: «Прииди, исцѣлю ти». Аз же хотя того въпрошати, когда и коли сѣмо прииде, он же абие невидим бысть». И оттоле разумеша вси, яко угоди господеви: никогда же бо изыде и виде солнце в 12 лѣт, и плачася не преста день и нощь, ядяше бо мало хлѣба, и воды пооскуду пиаше и то чрес день. И се слышах от того Вавилы, исцеленнаго им.

Аще ли кому невѣрно мнится се написание, да почтеть житиа святых отець наших Антониа и Феодосиа, начальника руским мнихом, и тако да вѣруеть. Аще ли ни тако пременится, неповинни суть: подобает бо збытися притчи, реченней господѣм: «Изыде сѣати сѣмени своего. Ово паде при пути, и другое паде в тернии» — иже печалми житейсками подавляються. О них же пророк рече: «Одебелѣ сердце людей сих, ушима тяжко слышаша». Другый же: «Господи, кто вѣрова слуху нашему?»

Ты же, брате и сыну, сим не въслѣдуй. Не тѣх бо ради пишу сие, но да тебе приобрящу. Съвѣт же ти даю: благочестиемь утвердися в святѣм том монастырѣ Печерьском, не въсхощеши власти — ни игуменъства, ни епископьства. И довлѣет ти к спасению, иже коньчати жизнь свою в немь. Вѣси сам, яко могу сказати всѣх книг подобнаа, уне ми тебѣ полѣзнаа, еже от того божественаго и святаго монастыря Печерьскаго съдѣаннаа и слышаннаа от многых мало сказати.

...

О ДВОЮ БРАТУ, О ТИТЕ ПОПѢ И ЕВАГРИИ ДИАКОНѢ. ИМѢВШИМ МЕЖУ СОБОЮ ВРАЖДУ

Два брата бѣста по духу, Евагрий диакон, Тит же поп. Имяста же любовь велику и нелицемѣрну межи собою, яко всѣмь дивитися единоумию их и безмѣрней любви. Ненавидяй же добра диавол, иже всегда рыкаеть, яко лев, ища кого поглотити, и сътвори им вражду. И таку ненависть вложи има, яко в лице не хотяху видѣти друг друга и уклоняхуся друг от друга. Многажды братиа моливше ею, еже смиритися има межи собою, они же ни слышати хотяху. Егда же стояше Евагрий в церкви, идущу Титови с кадилом, отбѣгаше Евагрий

блаженного и исцелился, и с того времени и до самой смерти никогда уже не болели у него ни ноги, ни что другое. Имя этому исцелевшему — Вавила. Он так рассказывал братии: «Лежал я и стонал от боли; вдруг вошел этот блаженный и сказал мне: «Приди, я исцелю тебя». Только что хотел я его спросить, когда и как он пришел ко мне,— он тотчас сделался невидим». И уразумели все, что угодил Афанасий господу: двенадцать лет не выходил он из пещеры, не видел солнца, плакал беспрестанно день и ночь, ел только хлеб, пил воду,— и то мало и через день. О чуде же этом слышал я от самого Вавилы, которого он исцелил.

Если кому покажется невозможным то, что я пишу, пусть почитают жития святых отцов наших Антония и Феодосия, основателей русского монашества, и тогда уверуют. Если же и тогда не поверят, не их вина: должно сбыться притче, сказанной господом: «Вышел сеятель сеять семя свое, иное упало при пути, другое в терние» — иже заботами житейскими подавлены. О них пророк сказал: «Окаменело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат». И еще: «Господи, кто поверит слышанному от нас?»

Ты же, брат и сын мой, не следуй их примеру. Не тех ради пишу это, но да тебя приобрету. Совет даю тебе: утвердись благочестием в том святом монастыре Печерском, не желай власти — ни игуменства, ни епископства. Довольно тебе для спасения окончить жизнь в монастыре том. Ты сам знаешь, что много подобного могу я рассказать тебе от всех книг, но полезнее будет для тебя, если я скажу тебе немногое из многого, слышанного мной о деяниях иноков того божественного и святого монастыря Печерского.

...

О ДВУХ ВРАЖДОВАВШИХ МЕЖДУ СОБОЮ БРАТЬЯХ, ТИТЕ ПОПЕ И ЕВАГРИИ ДЬЯКОНЕ

Были два брата по духу, дьякон Евагрий и поп Тит. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро дьявол, который всегда ищет, как лев рыкающий, кого поглотить, посеял вражду между ними. И такую ненависть вложил он в них, что они уклонялись друг от друга и не хотели один другого в лицо видеть. Много раз братия молила их примириться между собой, но они и слышать не хотели. Когда Тит шел с кадилом, Евагрий отбегал от фимиама; когда же

фимиана; егда же ли не бѣгаше, то преминоваше его Тит, не покадив. И пребыста много врѣмя в мрацѣ грѣховнѣмь; Тит убо служаше, прощениа не възмя, Евагрий же комкаше гнѣваася. На се врагу въоружившу их.

Нѣкогда же сему Титу разболѣвшуся вельми и, уже в нечаании лежащу, и нача плакатися своего лишениа и посла с молениемь ко диякону глаголя: «Прости мя, брате, бога ради, яко без ума гнѣвахся на тя». Сей же жестокыми словесы проклинаше его. Старци же тии, видевше Тита умирающа, влечаху Евагриа нуждею, да проститься с братом. Больный же, видѣв брата, мало въсклонься, паде ниць пред ногама его, с слезами глаголя: «Прости мя, отче, и благослови!» Он же, немилостивый и лютый, отвръжеся пред всѣми нами, глаголя: «Николи же хощу с ним прощениа имѣти, ни в сий вѣк, ни в будущей». И истръгъся от рук старець тѣх, и абие падеся. И хотѣвшим нам въставити его, и обретохом его уже умеръша. И не могохом ему ни рукы протягнути, ни уст свѣсти, яко давно уже умерьша. Больный же скоро въстав, яко николи же болѣв. Мы же ужасохомся о напрасней смерти его и о скором исцѣлении сего, и много плакавше, погребохом Евагриа, отвръстѣ имый уста и очи, и руцѣ растяженѣ.

Въпросихом же Тита, что се сътворися. Тит же сказаше нам, глаголя: «Видѣх, рече, ангелы отступльша от менѣ и плачюшася о души моей, бѣси же радующеся о гневѣ моемь, и тогда начах молити брата, да простить мя. Егда же его приведосте ко мнѣ, и видѣх ангела немилостива, дръжаща пламенное копие, и егда же не прости мя, удари его, и падеся мертв, мнѣ же подасть руку и въстави мя». Мы же, сиа слышавше, убояхомся бога, рѣкшаго: «Оставите, и оставятся вам». Рече бо господь: «Всяк, гнѣваяся на брата своего без ума, повинен есть суду». Ефрем же: «Аще кому случится в враждѣ умрети, и неизмолим суд обрящють таковии».

Аще ли же сий, святых ради Антониа и Феодосиа, отрады не прииметь,— лютѣ человѣку тому, сицевою страстию побѣжену быти!

От неа же и ты, брате, блюдися, да не дай же мѣста гнѣвливому бѣсу, ему же бо кто повинется, тому и поработится; но скоро пад поклонися враждующему на тя, да не предан будеши ангелу немилостиву, да и тебѣ съхранить господь от всякаго гнѣва. Той бо рече: «Да не зайдеть солнцѣ в гневѣ вашемь». Тому слава с отцемь и с святым духом нынѣ и присно, и в вѣкы.

Евагрий не отбегал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так пробыли они многое время во мраке греховном; приступали к святым тайнам — Тит не прося прощения, а Евагрий гневаясь. До того вооружил их враг.

Однажды сильно разболелся этот Тит и, будучи уже при смерти, стал сокрушаться о своем прегрешении и послал к дьякону с мольбой: «Прости меня бога ради, брат мой, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы же, видя, что Тит умирает, насильно повлекли Евагрия, чтобы помирить его с братом. Увидавши его, больной приподнялся немного, пал ниц к ногам его и со слезами сказал: «Прости и благослови меня, отец мой!» Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, говоря: «Никогда не захочу помириться с ним, ни в этом веке, ни в будущем». И тут Евагрий вырвался из рук старцев и вдруг упал. Мы хотели поднять его, но увидали, что он уже мертв. И не могли мы ему ни рук сложить, ни рта закрыть, как у давно умершего. Больной же тотчас встал, словно никогда и болен не был. И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого. Со многим плачем погребли мы Евагрия. Рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: «Как все это сталось?» И он рассказал нам: «Видел я ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся моему гневу. И тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел ангела немилостивого, державшего пламенное копье, и когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвый. Мне же ангел подал руку и поднял меня». Услышавши это, убоялись мы бога, сказавшего: «Прощайте, и прощенье получите». Господь сказал: «Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». То же говорит и Ефрем: «Если кому случится умереть во вражде, того ожидает суд неумолимый».

И если этот Евагрий не получит отрады, ради святых Антония и Феодосия,— горе лютое ему, побежденному такою страстью!

Берегись от нее и ты, брат, и не дай места бесу гнева: кто раз послушается его, тот и поработится ему; но скорее пойди и поклонись враждующему с тобой, да не предан будешь ангелу немилостивому. Да сохранит тебя господь от всякого гнева. Он (апостол его) сказал: «Солнце да не зайдет во гневе вашем». Слава ему с отцом и святым духом ныне, и присно, и вовеки!

Прииду же и на другая сказания, да увѣдять вси, яко самого господа промыслом и волею, того пречистыя матере молитвою и хотѣнием создася и свершися боголѣпная и великая церькы святыя Богородица Печерьская, анхимандрития всея Русьскыя земля, еже есть лавра святаго Феодосья.

Бысть в земли Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златыа луды, биася плъком по Ярославѣ с лютымь Мстиславомь. И сему Африкану бяху два сына: Фрианд и Шимон. По смерти же отцю ею изъгна Якун обою брату от области ею. Приде же Шимон к благовѣрному князю нашему Ярославу. Его же приимь, в чести имяше и дасть его сынови своему Всеволоду, да будет старей у него. Приа же велику власть от Всеволода. Вина же бысть такова любви его к святому тому мѣсту.

При благовѣрномь и великом князи Изяславѣ в Киевѣ половцем ратию пришедшим на Рускую землю в лѣто 6576, и изыдоша сие трие Ярославичи в сретение им — Изяслав, Святослав и Всеволод, имый с собою и сего Шимона. Пришедшим же им к великому и святому Антонию молитвы ради и благословениа, старець же отвръз неложънаа своа уста и хотящую имь быти погыбель ясно исповѣдаше. Сий же варяг пад на ногу старьцу и моляшеся сохранену ему быти от таковыа бѣды. Блаженный же рече тому: «О чадо! яко мнози падут острием меча, и бежащимь вамь от супостат ваших попрани и язвени будете, и в водѣ истопитеся. Ты же, спасень бывь, здѣ имаши положен быти в хотящей создатися церкви».

Бывшим же имь на Алтѣ, соступишася плъци обои, и божиимь гнѣвом побѣжени бысть христиане и бѣжащим имь, убьени быша и воеводы с множеством вои. Егда же соступишася ту же и Шимон лежаше язвен посрѣди их. Възрѣв же горѣ на небо и видѣ церковь превелику, яко же прежде видѣ на мори. И въспомяну глаголы Спасовы и рече: «Господи, избави мя от горкиа сиа смерти молитвами пречистыа твоеа матере и преподобную отцу Антониа и Феодосиа!» И ту абие нѣкая сила изят его из среды мертвых, и абие исцѣлѣ от ран и вся своа обрѣт цѣлы и здравы.

Паки възъвратися к великому Антонию, сказа ему вещ дивну, тако глаголя: «Отець мой Африкан съдѣла крест и на немь изообрази богомужное подобие Христово написаниемь вапным, нов дѣлом, яко же латина чтут, велик дѣломь, яко

О СОЗДАНИИ ПЕЧЕРСКОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Теперь перейду и к другим сказаниям. Да знают все, что самого господа промыслом и волею и его пречистой матери молитвою и хотением создалась и совершилась благолепная и великая Печерская церковь пресвятой богородицы — архимандрития всей Русской земли, лавра святого Феодосия.

Был в земле Варяжской князь Африкан, брат Якуна Слепого, того, который в бегстве потерял золотую луду, когда воевал с Ярославом против лютого Мстислава. У этого Африкана было два сына — Фриянд и Шимон. По смерти брата Якун изгнал обоих племянников из их владений. И пришел Шимон к благоверному нашему князю Ярославу. Этот принял его, держал в чести и отдал сыну своему Всеволоду, сделав старшим при этом князе. И принял Шимон великую власть от Всеволода. Причина же любви Шимона к святому монастырю Печерскому вот какая.

Во время княжения в Киеве благоверного и великого князя Изяслава пришли половцы на Русскую землю в 6576 (1068) году, и трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод — пошли навстречу им, взяв с собой и этого Шимона. Когда же пришли они к великому святому Антонию для молитвы и благословения, старец отверз неложные свои уста и ясно предсказал ожидающую их погибель. Варяг же этот упал в ноги старцу и молил сказать, как уберечься ему от такой беды. И сказал ему блаженный: «Сын мой! Многие падут от острия меча, и когда побежите вы от супостатов ваших, будут вас топтать, наносить вам раны, топить в воде. Но ты спасешься, и положат тебя в церкви, которая здесь будет создана».

И вот на реке Альте вступили в бой полки, и по божию гневу побеждены были христиане и бежали; воеводы их со множеством воинов пали в битве. Тут же, посреди их, лежал и раненый Шимон. Взглянул он на небо и увидел церковь превеликую — ту самую, какую он уже прежде видел на море. И вспомнил он слова Спасителя и сказал: «Господи! Избавь меня от горькой смерти молитвами пречистой твоей матери и преподобных Антония и Феодосия!» И вот вдруг некая сила исторгла его от мертвецов: он исцелился он ран и всех своих нашел целыми и здоровыми.

Тогда, вернувшись к блаженному Антонию, он рассказал ему дивные вещи. «Отец мой Африкан,— говорил он,— сделал крест и на нем изобразил подобие Христа — образ новой работы, как чтут латиняне, величиной локтей в десять. Воздавая

10 лакот. И сему честь творя, отець мой възложи пояс о чреслѣх его, имущь вѣса 50 гривен злата, и венець злат на главу его. Егда же изгна мя Якун, стрый мой, от области моеа, аз же взях пояс с Иисуса и венець с главы его. И слышах глас от образа, обративъся ко мнѣ и рече ми: «Никако же, человѣче, сего възложи на главу свою, неси же на уготованное мѣсто, идѣ же зиждется церьковь матере моея от преподобнаго Феодосиа. И тому в руцѣ вдаждь, да обѣсит над жрътовником моим». Аз же от страха падохся, оцепнѣвь лежах аки мертв. И въстав, скоро внидох в корабль. И пловущимь намь, бысть буря велиа, яко всѣмь намь отчаятися живота своего. И начях въпити: «Господи, прости мя, яко сего ради пояса днесь погибаю, понеже изях от честнаго твоего и человѣкоподобнаго ти образа». И се видѣх церковь горѣ и помышляхомь: «Каа си есть церковь?» И бысть свыше глас к намь глаголяй: «Еже хощет създатися от преподобнаго в имя божиа матере. В ней же и ты имаши положен быти. И яко же видѣхомь величествомь и высотою: размѣривь поясомь тѣмь златымь 20 вширѣ и 30 вдолже, в высоту стѣны с верьхомь 50». Мы же вьси прославихомь бога и утѣшихомся радостию великою зѣло, избывъше грькыа смерти. Се же и донынѣ не свѣдя, гдѣ хощет създатися показаннаа ми церкви на мори и на Алтѣ, и уже ми при смерти сущу, дондеже слышах от твоих честных устен, яко здѣ ми положену быти, в хотящеи създатися церкви».

И иземь, даст пояс златый, глаголя: «Се мѣра и основание, сий же вѣнець да обѣшен будет над святою трапезою». Старець же похвали бога о семь, рекь варягови: «Чадо! Отселе не наречется имя твое Шимон, но Симон будет имя твое». Призвав же Антоний блаженнаго Феодосия, рече: «Симоне сий хощет въздвигнути таковую церьковь», и дасть ему пояс и венець. И оттоле великую любовь имяше к святому Феодосию, подавь ему имѣния многа на възграждение монастырю.

Нѣкогда же сему Симонови пришедшу к блаженному и по обычней бесѣде рече ко святому: «Отче, прошу у тебе дара единаго». Феодосий же рече к нему: «О чядо, что просит твое величьство от нашего смирениа?» Симон же рече: «Велика, паче и выше моеа силы требую аз от тебе дара». Феодосий же рече: «Свеси, чадо, убожьство наше, иже иногда многажды и хлѣбу не обрѣстися в дневную пищу; иного же не свѣмь, что имѣю». Симон же глагола: «Аще хощеши, подаси ми, можеши бо по даннѣй ти благодати от господа, еже именова тя преподобным. Егда бо снимах вѣнець с главы Иисусовы, той ми рече: «Неси на уготованное мѣсто и вдаждь в руцѣ препо-

честь образу этому, отец мой возложил на чресла его пояс, весом в пятьдесят гривен золота, и на голову венец золотой. Когда же дядя мой Якун изгнал меня из владений моих, я взял пояс с Иисуса и венец с головы его. И услышал я голос от образа; он сказал мне: «Никогда не клади этот венец на свою голову, а неси его на приготовленное для него место, где устроится преподобным Феодосием церковь во имя матери моей. Отдай его в руки Феодосию, чтобы он повесил его над моим жертвенником». Я упал, оцепенев от страха, и лежал, как мертвый. Вставши же, я поспешно взошел на корабль. И когда плыли мы, поднялась великая буря, так что все отчаялись за свою жизнь. И начал я кричать: «Господи, прости меня! Я умираю теперь за этот пояс, за то, что взял его от честного твоего и человекоподобного образа». И вот увидел я в облаках церковь и подумал: «Что это за церковь?» И был к нам голос свыше: «Та, которую построит преподобный во имя божией матери. В ней ты положен будешь. Ты видишь ее величину и высоту: если измерить ее тем золотым поясом, то в ширину она будет в двадцать раз, в длину — в тридцать, в вышину стены и с верхом пятьдесят». Мы же все прославили бога и утешились радостью великой, что избавились от горькой смерти. Вот и до сих пор не знал я, где построена будет церковь, показанная мне на море и на Альте, когда я лежал при смерти. И вот теперь слыхал я из твоих честных уст, что я буду положен в церкви, которая здесь создастся».

И, вынув золотой пояс, он отдал его блаженному Антонию, говоря: «Вот мера и основа, а вот венец: пусть будет он повешен над святым престолом». Старец же восхвалил бога за это и сказал варягу: «Сын мой! С этих пор не будешь ты называться Шимоном, но Симон будет имя твое». Призвав же Феодосия, он сказал: «Вот какую церковь хочет воздвигнуть этот Симон». И отдал в руки его пояс и венец. С тех пор великую любовь имел Симон к святому Феодосию и давал ему много имения на устроение монастыря.

Однажды пришел Симон к блаженному и после обычной беседы сказал святому: «Прошу у тебя одного дара». Феодосий же сказал ему: «Сын мой, что же просит твое величие от нашего смирения?» Симон же: «Великого, выше силы моей прошу я дара». Феодосий же: «Ты знаешь, сын мой, наше убожество: часто хлеба недостает в дневную пищу; а другого не знаю, и есть ли у меня что-нибудь». Симон же: «Если хочешь, можешь дать мне по данной тебе благодати от господа, который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисуса, он

добному, иже зижет церковь матере моеа». И се убо прошу у тебе: да ми даси слово, яко да благословит мя душа твоа яко же в животѣ, тако и по смерти твоей и моей». И отвѣща святый: «О Симоне, выше силы прошение, но аще узриши мя отходяща отсуду свѣта сего и по моемь отшествии сию церковь устроенну и уставы преданныа свршатся в той, извѣстно ти буди, яко имам дръзновение к богу. Нынѣ же не свѣмь, аще приата ми есть молитва». Симон же рече: «От господа свѣдѣтельствован еси, сам бо от пречистых уст образа его слышахь о тебѣ. И сего ради молю ти ся: яко же о своих чрьноризцѣх, тако и о мнѣ грѣшнемь помолися, и о сыну моемь Георгии, и до послѣднихь рода моего». Святый яко обещася и рече: «Не о сихь единех молю, но и о любящих мѣсто сие святое мене ради». Тогда, Симон, поклонися до земля, и рече: «Не изыду от тебе, отче, аще написанием не извѣстиши ми». Принужен же бывь, любве его ради преподобный, и пишет тако глаголя: «В имя отца и сына и святаго духа...», иже и донынѣ влагают умершему в руку таковую молитву. И оттолѣ утвердися таковое написание полагати умерьшимь, прѣжде бо сего ин не сотвори сицевыа вещи в Руси. Пишет же и сие в молитвѣ: «Помяни мя, господи, егда приидеши в царствии си! И въздати хотя комуждо по дѣлом его, тогда убо, владыко, и раба своего Симона и Георгиа сподоби одесную тебе стати в славе твоей и слышати благый твой глас: «Приидѣте, благословленнии отца моего, наслѣдуйте уготованное вам царство искони мира». И рече Симон: «Рци же и к симь, отче, и да отпустятся грѣси родителма моима и ближним моимь». Феодосий же, въздвиг руци свои, и рече: «Да благословить тя господь от Сиона, и узрите благаа Иерусалиму во вся дни живота вашего и до послѣднихь рода вашего!» Симон же приимь молитву и благословение от святаго, яко нѣкый бисер многоцѣнный и дарь, иже прежде бывь варягь, нынѣ же благодатию христовою християнин. Научен бывь святымь отцемь нашимь Феодосием, оставивь латиньскую буесть и истиннѣ вѣровав в господа нашего Иисуса Христа и со всѣмь домомь своимь, яко до 3000 душь и со ерѣи своими, чюдес ради бывающих от святаго Антониа и Феодосиа. И сий убо Симон пръвый положен бысть в той церкви. Оттоле сын его Георгий велику любовь имѣаше ко святому тому мѣсту. И бысть послан от Володимера Мономаха в Суждальскую землю сий Георгий, дасть же ему на руцѣ и сына своего Георгия. По лѣтех же мнозѣх сѣдѣ Георгий Владимерович в Киевѣ, тысяцькому же своему Георгиеви, яко отцу, предасть землю Суждальскую.

сказал мне: «Неси на приготовленное для него место и отдай в руки преподобному, который построит церковь матери моей». Вот чего прошу я у тебя: дай мне слово, что благословит меня душа твоя как при жизни, так и по смерти моей и твоей». И отвечал святой: «Симон, выше силы прошение твое. Но если по моем отшествии церковь эта устроится и уставы и предания мои будут в ней соблюдаться, то пусть будет тебе известно, что я имею дерзновение у бога. Теперь же не знаю, будет ли принята моя молитва». Симон же сказал: «Господь свидетельствовал о тебе, я сам слышал это из пречистых уст образа его. И потому молю тебя: как о своих чернецах, так и обо мне, грешном, помолись, и о сыне моем Георгии, и до последних рода моего». Святой же обещал ему это и сказал: «Не о своих чернецах одних я молюсь, но и обо всех, любящих ради меня это святое место». Тогда Симон поклонился до земли и сказал: «Отец мой! Не выйду от тебя, если не удостоверишь меня писанием». Феодосий понужден был сделать это за любовь его и написал так: «Во имя отца и сына и святого духа...» — ту молитву, которую и доныне влагают в руку покойнику. Это с тех пор утвердился обычай класть такое письмо с умершими; прежде никто не делал этого на Руси. И это было написано в молитве: «Помяни меня, господи, когда приидешь во царствие твое! И когда будешь воздавать каждому по делам его, тогда сподоби, владыко, рабов своих, Симона и Георгия, стать на правую твою сторону в славе твоей и слышать твой благой глас: «Приидите, благословенные отца моего, наследуйте царство, уготованное вам». Симон же попросил: «Прибавь к этому, отец мой, чтобы отпустились грехи родителям моим и ближним моим». Феодосий же, воздев руки к небу, сказал: «Да благословит тебя господь от Сиона и да видите вы красоты Иерусалима все дни жизни вашей и до последнего рода вашего!» Как некий бесценный дар принял от святого благословение и молитву Симон, прежде варяг, теперь же, по божьей благодати, правоверный христианин. Научен он был святым отцом нашим Феодосием, и чудес ради, бывших от святых Антония и Феодосия, оставил латинскую ересь и истине уверовал, со всем домом своим, со всеми священниками своими, душ около трех тысяч. Этот Симон был первый положен в той церкви. С тех пор и сын его Георгий великую любовь имел к святому тому месту. Этого Георгия послал Владимир Мономах в Суздальскую землю и отдал на руки ему сына своего Юрия. Спустя много лет сел Юрий в Киеве; тысяцкому же своему Георгию Симоновичу, как отцу, поручил область Суздальскую.

...

И се сказаша нам блажении ти черноризьци. Быста два мужа нѣкаа от великых града того, друга себѣ, Иоанн и Сергий. Сиа приидоста во церковь богонареченную и видѣста свѣт паче сълнца на иконѣ чюдней богородичинѣй, и в духовное братство приидоста.

И по мнозѣх же лѣтех Иоанн разболѣвся, остави сына своего Захарию, 5 лѣт суща. И призва игумена Никона и раздаа все имѣние свое нищимь, и часть сыновну дасть Сергию, 1000 гривен сребра и 100 гривен злата. Предасть же и сына своего Захарию, юна суща, на съблюдение другу своему, яко брату вѣрну, заповѣдав тому, яко: «Егда возмужаеть сын мой, дайжде ему злато и сребро».

Бывшу же Захарии 15 лѣт, въсхотѣ взяти злато и сребро отца своего у Сергиа. Сий же, уязвен быв от диавола и мнѣв приобрѣсти богатество и хотѣ живот с душею погубити. Глаголеть юноши: «Отець твой все имѣние богови издал, у того проси злата и сребра, той ти длъжен есть, аще тя помилуеть. Аз же не повинен есмь твоему отцу, ни тебѣ ни в единомь златницѣ. Се ти сътворил отець твой своимь безумиемь! Раздаа все свое в милостыню, тебе же нища и убога оставил». Сиа же слыша, юноша начя плакатися своего лишениа. Посылает же юноша с молбою к Сергию, глаголя: «Дай же ми половину, а тебѣ половина». Сергий же жестокыми словесы укаряше отца его и того самого. Захариа же третиа части проси, таче десятыа. Видѣв же себе лишена всего, глаголеть Сергию: «Прииди и клени ми ся в церьквии Печерьской прѣд чюдною иконою богородичиною, идѣ же и братство взя с отцемь моим». Сей же иде в церковь и ста пред иконою богородичиною, отвѣща и кленыйся, яко не взях 1000 гривен сребра, ни 100 гривен злата, и хотѣ цѣловати икону, и не възможе приближитися ко иконѣ. И исходящу ему из двѣрий, и начя въпити: «О святаа Антоние и Феодосие! не велита мене погубити ангелу сему немилостивому, молита же ся святѣй богородици, да отженет от мене многиа бѣсы, им же есмь предан! Възмѣте же злато и сребро запечатленно в клѣти моей». И бысть страх на всѣх. И оттолѣ не дадяху клятися тою иконою никому же. Пославше же, взяша сосуд запечатан, и обрѣтоша в немь 2000 гривен сребра и 200 гривен злата: та бо усугуби господь отдатель милостивымь. Захариа же дасть все игумену Иоанну, да растрошит, яко же хощет. Сам же постригся, скончя живот

...

И вот что еще рассказывали нам блаженные те чернецы. Были в городе два знатных человека, Иоанн и Сергий. Были они друзья между собой. Однажды пришли они в Печерскую церковь, богом созданную, и увидели свет, ярче солнечного, на чудной иконе богородицыной, и вступили в братство духовное.

Спустя много лет разболелся Иоанн; а у него оставался пятилетний сын Захария. И вот больной призвал игумена Никона и отдал ему все свое имущество для раздачи нищим, а сыновнюю часть, тысячу гривен серебра и сто гривен золота, дал Сергию и самого малолетнего сына своего, Захарию, отдал на попечение другу своему, как брату верному, и завещал ему: «Когда возмужает сын мой, отдай ему золото и серебро».

Когда стало Захарии пятнадцать лет, захотел он взять у Сергия золото и серебро отца своего. Сергий же, подстрекаемый дьяволом, задумал приобрести богатство и жизнь с душою погубить. Он сказал юноше: «Отец твой все имение отдал богу, у него и проси золото и серебро: он тебе должен; может быть, и помилует. А я ни твоему отцу, ни тебе не должен ни одной златницы. Вот что сделал с тобой отец твой по безумию своему! Все свое имущество роздал, а тебя оставил нищим и убогим». Выслушав это, юноша стал тужить о своей утрате и стал молить Сергия: «Отдай мне половину, а себе возьми другую». Сергий же жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария просил третьей части, даже десятой. Наконец, видя, что он лишен всего, сказал Сергию: «Приди, поклянись мне в Печерской церкви перед чудотворной иконой богородицыной, где ты вступил в братство с отцом моим». Сергий пошел в церковь и перед иконой богородицы поклялся, что не брал ни тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота, хотел поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней; пошел к двери и вдруг стал кричать: «О святые Антоний и Феодосий! Не велите убивать меня этому ангелу немилостивому, молитесь святой богородице, чтобы она прогнала бесов, которые напали на меня! Возьмите золото и серебро: оно запечатано в клети моей». И страх напал на всех. С тех пор никому не давали клясться той иконой. Послали в дом к Сергию, взяли сосуд запечатанный и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести — золота: так удвоил господь богатство за милость к нищим. Захария же отдал все деньги игумену Иоанну, чтобы употребил их как хочет; сам же постригся в Печерском монастыре, где и жизнь кончил.

свой ту. Сим же сребром и златом поставлена бысть церкви святого Иоана Предтечи, уту же на полати въсходять, в имя Иоанну болярину и сыновѣ его Захарии, ею же бысть злато и сребро.

...

ВТОРОГО ПОСЛАНИА, ЕЖЕ КО АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРЬСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ БЛАЖЕННЫХ ЧЕРНОРИЗЕЦЬ ПЕЧЕРЬСКИХ, СПИСАНО ПОЛИКАРПОМ, ЧЕРНОРИЗЦЕМЬ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРЬСКАГО МОНАСТЫРЯ

Господу поспешествующу и слову утверьжающу, к твоему благоумию, пречестный архимандрите всеа Руси, отче и господине мой Акиндине. Подай же ми благоприатнаа твоа слуха, да в ня възглаголю дивных и блаженных мужь житиа, дѣаниа и знамениа, бывших в святемь семь монастырѣ Печерьскомь, еже слышах о них от епископа Симона Владимерьскаго и Суздальскаго, брата твоего, черноризца бывшаго того же Печерьскаго монастыря, иже и сказа мнѣ грѣшному о святѣмь и велицемь Антонии, бывшаго начальника руским мнихом, и о святѣмь Феодосии, и иже по них святых и преподобных отець житиа и подвигы, сконьчавшихся в дому пречистыа божиа матере. Да слышить твое благоразумие моего младоумиа и несъвръшена смысла. Въспросил мя еси нѣкогда, веля ми сказати о тѣх черноризець съдѣанная. Совѣдый мою грубость и неизящное нрава, иже всегда с страхом в всякой повести бесѣдую пред тобою,— то како могу ясно изрещи сътвореннаа ими знамениа и чюдеса преславнаа! И мало нѣчто сказах ти от тѣх преславных чюдес, а множайшаа забых от страха, стыдяся твоего благочестиа, неразумно исповѣдах. Понудихся писаниемь извѣстити тебѣ, еже о святых и блаженных отець печерьских, да и сущии по нас черноризци увѣдять благодать божию, бывшу в святѣмь сем мѣсте и прославять отца небеснаго, показавшаго таковыа свѣтилникы в Рустѣй земли, в Печерьском святѣмь монастырѣ.

...

О СВЯТЕМЬ ГРИГОРИИ ЧЮДОТВОРЦИ

Сей блаженный Григорий прииде ко отцю нашему Феодосию в Печерьскый монастырь и от него научен бысть житию чернеческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим

На серебро же и золото это поставлена была церковь святого Иоанна Предтечи (где всход на хоры), в память боярина Иоанна и сына его Захарии, так как на их золото и серебро была она поставлена.

...

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ АКИНДИНУ О СВЯТЫХ И БЛАЖЕННЫХ ИНОКАХ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ, НАПИСАННОЕ ПОЛИКАРПОМ, ИНОКОМ ТОГО ЖЕ ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

С помощью господа, утверждающего слово, к твоему благоразумию обращу его, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой Акиндин. Приклони же ко мне благосклонный твой слух, и я стану говорить тебе о жизни, деяниях и знамениях дивных и блаженных мужей, что жили в этом святом монастыре Печерском. Слышал я о них от брата твоего, Симона, епископа Владимирского и Суздальского, инока в прошлом того же Печерского монастыря. Он рассказывал мне, грешному, о великом Антонии, основателе монашества на Руси, и о святом Феодосии, и о жизни и подвигах других святых и преподобных отцов, почивших здесь, в дому пречистой божьей матери. Пусть послушает твое благоразумие моего несовершенного разума. Некогда ты спрашивал меня и велел рассказывать о деяниях тех иноков. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай: о чем бы ни была речь, всегда со страхом беседовать перед тобою. Мог ли я ясно рассказывать тебе о всех чудесах их и знамениях! Кое-что из тех преславных чудес я рассказал тебе, но гораздо больше забыл от страха и рассказывал неразумно, стыдясь твоего благочестия. И вот решил я писанием известить тебя о святых и блаженных отцах печерских, чтобы и будущие после нас чернецы узнали о благодати божьей, бывшей в этом святом месте, и прославили отца небесного, показавшего таких светильников в Русской земле, в монастыре Печерском.

...

О СВЯТОМ ГРИГОРИИ ЧУДОТВОРЦЕ

Этот блаженный Григорий пришел в Печерский монастырь к отцу нашему Феодосию и от него научился житию иноческому: нестяжанию, смирению, послушанию и прочим добро-

добродѣтелемь. Молитве же паче прилежаше и сего ради приат на бесы побѣду, еже и далече сущим им вопити: «О Григорий, изгониши ны молитвою своею!» Имѣаше бо блаженный обычай по всяком пѣнии запрещалныа творити молитвы.

Не теръпя же старый враг прогнаниа от него, не могый чим инемь житию его спону сътворити, и научи злыа человѣкы, да покрадуть его. Не бѣ бо иного ничто же имѣа развѣ книг. В едину же нощь приидоша татие и стрежаху старца, да егда изыдеть на утренюю, шедше възмуть вся его. Ощутив же Григорий приход их; и всегда бо по вся нощи не спаше, но поаше и моляшеся беспрестани посреди кѣлиа стоа. Помоли же ся и о сих, пришедших красти: «Боже! Дай же сон рабом твоим, яко утрудишася, всуе врагу угажающе». И спаша 5 дьней и 5 нощей, дондеже блаженный, призвав братию, възбуди их, глаголя: «Доколе стрежете всуе, покрасти мя хотяще, уже отъидета в домы своа». Въставшю же, и не можаху ходити: бяше бо изнемогли от глада. Блаженный же, дав им ясти, и отпусти их. Се увѣдав градъский властелин и повеле мучити татий. Стужив же сий Григорие, яко его ради предани суть. И шед, дасть книгы властѣлину, татие же отпусти. Прочиа же книгы продав, и раздасть убогым, рек тако: «Да не како в беду въпадуть хотящии покрасти á». Рече бо господь: «Не съкрывайте себѣ съкровища на земли, идѣ же татие подкопывають и крадуть; съкрывайте же себѣ съкровища на небесех, идѣ же ни тля тлить, ни татие крадуть. Иде же бо, рече, съкровище ваше, ту и сердца ваша». Татие же ти, покаашася чюдеси ради бывшаго на них, и к тому не възвратишася на пръваа дѣла своа, но пришедше в Печерьский монастырь, въдашася на работу братии.

Имѣаше же сей блаженный мал оградець, идѣ же зѣлие сѣаша и древа плодовита. И на се пакы приидоша татие. И егда взяша на своа бремя, хотящеи отъити и не възмогоша. И стоаша два дьни неподвижими и угнетаеми бремены. И нача въпити: «Господине Григорие, пусти ны! Уже покаемся грѣхов своих и к тому не сътворим сицевыи вещи». Слышавше же черноризци, и пришедше яша их, и не могаста съвести их от мѣста того. И въпросиша их: «Когда сѣмо приидоста?» Татие же рѣша: «Два дьни и две нощи стоим здѣ». Мниси же рѣша: «Мы всегда сдѣ выходяще, не видѣхом вас здѣ». Татие же рѣша: «Аще быхом мы видѣли вас, то убо молилися бы вам с слезами, дабы нас пустил. Се уже изнемогше, начахом въпити. Нынѣ же молите старьца, да пустить нас». Григорий же пришед и гла-

детелям. Особенное прилежание имел он к молитве и за-то получил победу на бесов, так что и издали вопили они: «Гонишь ты нас молитвою своею, Григорий!» У блаженного был обычай после каждого пения творить запретительные молитвы.

Наконец не стерпел древний враг изгнания своего от инока и, не имея возможности чем-либо иным ему повредить, научил злых людей обокрасть его. Он же не имел ничего, кроме книг. Однажды ночью пришли воры и стерегли старца, чтобы, когда он пойдет к заутрене, войти и взять все его имущество. И ощутил Григорий приход их; он обыкновенно целые ночи проводил без сна, пел и молился беспрестанно, стоя среди кельи. И теперь помолился он о тех, кто пришел обокрасть его: «Боже! Дай сон рабам твоим: утрудились они, даром угождая врагу». И спали они пять дней и пять ночей, пока блаженный, призвав братию, не разбудил их, говоря: «Долго ли будете вы стеречь напрасно, думая обокрасть меня! Идите теперь по своим домам». Они встали, но не могли идти: так изнемогли от голода. Блаженный дал им поесть и отпустил. Узнал об этом властелин города и велел мучить воров. И затужил Григорий, что из-за него осуждены они. Он пошел, отдал властелину свои книги, а воров отпустил. Другие же книги блаженный продал, а деньги роздал убогим. «Чтобы,— говорил он,— опять кто-нибудь не впал в беду, думая украсть их». Господь сказал: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Где, сказано, сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Чудо же, бывшее с ворами, привело их к покаянию, и они более не возвращались к прежним делам, но, пришедши в Печерский монастырь, стали служить братии.

Имел этот блаженный Григорий маленький огородец, где росли посеянные им овощи и плодовые деревья. И опять пришли воры. Взяли они на плечи ношу, хотели идти — и не могли. И стояли они два дня неподвижно под тяжестью этой ноши. Наконец начали они кричать: «Господин наш Григорий, пусти нас! Мы не будем больше делать так и покаемся в грехах своих». Услышали это монахи, пришли и схватили их, но не могли свести с места. И спросили они воров: «Когда пришли вы сюда?» Воры же отвечали: «Мы стоим здесь два дня и две ночи». Монахи же сказали: «Как же так! Мы постоянно ходим здесь, но вас здесь не видели». Воры же сказали: «Если бы и мы вас видели, то со слезами молили бы отпустить нас. Но вот мы уже изнемогли и начали кричать. Попросите теперь старца,

гола им: «Понеже праздни пребысте всь живот свой, крадуще чюжаа труды, а сами не хотяще тружатися, нынѣ же стойте ту праздни прочаа лѣта, до кончины живота своего». Они же с слезами моляху старьца к тому не сътворити им таковаа съгрѣшениа. Старець же умилися о них и рече: «То аще хощете дѣлати и от труда своего инѣх питати, то уже пущу вы». Татие же с клятвою рѣша: «Никако же преслушаемся тебѣ». Григорий же рече: «Благословен бог! Отселе будете работающе на святую братию, и от своего труда на потрѣбу их приносите». И тако отпусти их. Татие ти скончаша живот свой в Печерьском монастырѣ, оград предръжаще. Их же, мню, исчадиа и донынѣ суть.

Иногда же пакы придоша трие нѣции, хотяще искусити сего блаженнаго. И два от них молиста старьца, ложно глаголюще: «Сий друг нашь есть, и осужен есть на смерть. Молим же тя, подщися избавить его, дай же ему чим искупитися от смерти». Григорий же възплакався жалостию, провидѣ бо о нем, яко приспѣ конець житию его, и рече: «Люте человѣку сему, яко приспѣ день погыбели его!» Они же рѣша: «Ты же, отче, аще даси что, то сий не умреть». Се же глаголаху, хотяще у него взяти что, да разделять себѣ. Григорий же рече: «И аз дам, а сий умреть!» И въпроси их: «Коею смертию осужен есть?» Они же рѣша: «На дрѣвѣ повѣшен хощеть быти». Блаженный же рече им: «Добре судисте ему. Заутра бо сий повѣсится». И пакы сниде в погреб, идѣ же молитву творяше, да не како ум ему слышить земнаго что, ниже очи его видѣта что суетных. И оттуду изнесе оставшаа книгы дасть им, рек: «Аще не угодно будеть, възвратите ми». Они же, вземыше книгы, начаша смѣатися, глаголюще: «Продавше сиа, и разделимь себѣ». Видѣвьши же древеса плодовита, и рѣша к себѣ: «Приидемь в сию нощь и объемлемь плоды его». Наставши же нощи, приидоша сие трие и запроша мниха в погребе, идѣ же бѣ моляся. Един же, его же рѣша на дрѣвѣ повѣсити, възлѣз горѣ и нача торъгати яблока. И яся за вѣтвь — оной же отломлышися, а сии два устрашивышися отбегоша; сий же летя, ятся ризою за другую вѣтвь и, не имѣя помощи, удавися ожерелием. Григорий же бо запрен бѣ, и не обретеся приити к сущей братии в церковь. Изъшедше же вон из церкви, и вси видѣвше человѣка, висяща мертва, и ужасошася. Поискавши же Григориа и обретоша его в погребе затворена. Изъшедше же оттуду, блаженный и повелѣ сняти мертваго, и к другом его глаголаше: «Како се убо збысться ваша мысль! Бог бо не поругаемь бываеть. Аще бысте мя не затворили, то аз пришед снял бых его с древа, и не бы сей

чтобы он отпустил нас». Тогда пришел Григорий и сказал им: «Так как вы всю жизнь праздны, крадете чужие труды, а трудиться не хотите, то теперь стойте здесь праздно и прочие годы, до конца жизни». Они же со слезами молили старца, обещая, что не сотворят в другой раз такого греха. Умилился старец и сказал: «Если хотите работать и от труда своего других кормить,— я отпущу вас». Воры поклялись, что не ослушаются его. Тогда Григорий сказал: «Благословен господь бог! Отныне будете работать на святую братию: приносить от труда своего на нужды ее». И отпустил их. Воры же эти окончили жизнь свою в Печерском монастыре, ходя за огородом. Потомки их, думаю я, живут еще и доныне.

В другой раз опять пришли трое к блаженному, думая искусить его. Двое из них, указывая на третьего, молили старца: «Вот это друг наш, и осужден он на смерть. Молим тебя, избавь его; дай ему чем откупиться от смерти». И говорили они это ложно. Заплакал Григорий от жалости, провидя, что приспел конец жизни его, и сказал: «Горе этому человеку! Приспел день погибели его!» Они же сказали: «Но если ты, отец наш, дашь что-нибудь, то он не умрет». Говорили же они это, чтобы взять у него что-нибудь и разделить между собой. Григорий же сказал: «Я дам, а он все же умрет!» Потом спросил их: «На какую смерть он осужден?» Они отвечали: «Будет повешен на дереве». Блаженный сказал им: «Верно присудили вы ему. Завтра он повесится». И сошел в пещеру, где обыкновенно молился, чтобы не слышать ничего земного и очами не видеть ничего суетного. И вынес оттуда оставшиеся книги и дал им, сказав: «Если не понравятся,— возвратите». Они же, взяв книги, стали смеяться и говорили: «Продадим их, а деньги разделим». И увидели они плодовые деревья и решили: «Придем нынче ночью и оберем плоды его». Когда настала ночь, пришли эти трое и заперли инока в пещере, где он был на молитве. Один же из них, тот, о котором они говорили, что его повесят, влез на верх дерева и начал обрывать яблоки. Ухватился он за одну ветку — ветка обломилась; те двое испугались и побежали; а он, летя вниз, зацепился одеждою за другую ветку и, не имея помощи, удавился ожерельем. Григорий же был заперт и не мог даже прийти к братии, бывшей в церкви. Когда стали выходить из церкви, иноки увидали человека, висящего на дереве, и ужас напал на них. Стали искать Григория, и нашли его запертым в пещере. Вышедши оттуда, блаженный велел снять мертвого, друзьям же его сказал: «Вот и сбылась ваша мысль. Бог поругаем не бывает. Если бы вы не затворили

умерл. Но понеже враг вы научил хранити суетнаа лжею, тѣм же милость свою оставили есте». Слышавше же ругатели та събытие словес его и пришедше же падоша на ногу его, просяще прощениа. Григорий же осуди их в работу Печерьскому монастырю, да к тому тружающеся, свой хлѣб ядять и довольни будуть и инех напитати от своих трудов. И тако тии скончаша живот свой, и с чады своими работающе в Печерьском монастырѣ рабом пресвятыа богородица и учеником святаго отца нашего Феодосиа.

Подобно же и се сказати о нем, юже претерпѣ блаженный страсть смертную. Нѣкаа убо вещь монастырьскаа приключися — от падениа животнаго оскверьнену быти съсуду; и сего ради сий преподобный Григорий сниде ко Днепру по воду. В той же час приспѣ князь Ростислав Всеволодичь, хотя ити в Печерьский монастырь молитвы ради и благословениа, бѣ бо идый противу ратным половцемь с братом своим Владимером. Видѣвъши же отроци его старца сего, начаша ругатися ему, метающе словеса срамнаа. Разумѣв же мних всѣх при смерти суща, и нача глаголати: «О чада! Егда бѣ трѣбе умиление имѣти и многы молитвы искати от всѣх, тогда же вы паче злое творите, яже богови неугодна суть. Но плачитеся своеа погыбели и кайтеся своих съгрѣшений, да поне отраду приимите в Страшный день. Уже бо вы и постиже суд, яко вси вы в воде умрете и с князем вашим». Князь же, страха божиа не имѣа, ни на сердци себѣ положи сего преподобнаго словес, мнѣв его пустошь глаголюща, яже пророчествовавше о немь, и рече: «Мнѣ ли повѣдаеши смерть от воды, умѣющему бродити посреди еа!» И тогда разгнѣвався князь, повелѣ связати ему руцѣ и нозѣ и камень на выю его обѣсити, и въврещи в воду. И тако потоплен бысть. Искавше же его братиа два дьни и не обретоша. В третий же день приидоша в кѣлию его, хотяще взяти оставшаа его, и се мертвый обретеся в кѣлии связан, и камень на выи его, ризы же его еще бяху мокры, лице же бѣаше свѣтло, сам же аки жив. И не обретеся кто принесый его, но и кѣлии заключеннѣ сущи. Но слава о сем господу богу, творящему дивна чюдеса своих ради угодник. Братиа же изнесше тѣло его и положиша в печерѣ честнѣ, иже за многа лѣта пребысть цело и нетлѣнно.

Ростислав же непщевав вины о грѣсѣ и не иде в монастырь от ярости. Не въсхотѣ благословениа, и удалися от него; възлюби клятву, и прииде ему. Владимерь же прииде в монастырь молитвы ради. И бывшим им у Треполя и полкома снемъшимася, и побегоша князи наши от лица противных. Владимерь

меня, я пришел бы и снял его, и он бы не умер. Но так как враг научил вас покрывать суетное ложью, то бог и не помиловал вас». Ругатели же те, видя, что сбылось слово его, пришли и упали ему в ноги, прося прощенья. И Григорий осудил их на работу Печерскому монастырю, чтобы теперь трудясь ели они хлеб свой и других бы питали от своих трудов. И так они и с детьми своими кончили жизнь в Печерском монастыре, служа рабам пресвятой богородицы и ученикам святого отца нашего Феодосия.

Следует еще рассказать о том, как претерпел он, блаженный, муку смертную. Случилось в монастыре, что осквернился сосуд от падения в него какого-то животного; и по этому случаю блаженный Григорий пошел к Днепру за водой. В то же время проходил здесь князь Ростислав Всеволодич, шедший в Печерский монастырь для молитвы и благословения. Он с братом своим Владимиром шел в поход против воевавших с Русью половцев. Увидали княжеские слуги старца и стали ругаться над ним, говоря срамные слова. Инок же, провидя, что близок их смертный час, сказал им: «О дети мои! Когда бы вам нужно было иметь умиление и многих молитв искать ото всех, вы зло делаете. Не угодно богу это. Плачьте о своей погибели и кайтесь в согрешениях своих, чтобы хотя в Страшный день принять отраду. Суд уже постиг вас: все вы и с князем вашим умрете в воде». Князь же, страха божия не имея, не положил себе на сердце слов преподобного, а подумал, что лишь пустошные речи — пророчества его, и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я плавать умею!» И рассердился князь, велел связать старцу руки и ноги, повесить камень на шею и бросить в воду. Так потоплен был блаженный Григорий. Братия же два дня искала его и найти не могла. На третий же день пришли в его келью, чтобы взять оставшееся после него имущество. И вот в келье нашли блаженного, связанного, с камнем на шее; одежды его были еще мокры, лицо же было светло, и сам он был как живой. И не знали, кто принес его, а келья была заперта. Слава господу богу, творящему дивные чудеса ради угодников своих! Братия же вынесла тело блаженного и честно положила его в пещере. И многие годы пребывает оно там цело и нетленно.

Ростислав же не счел за вину греха своего и от ярости не пошел в монастырь. Не захотел он благословения, и оно удалилось от него; возлюбил проклятие, и проклятие пало на него. Владимир же пришел в монастырь для молитвы. И когда были они у Треполя и после битвы побежали князья наши от лица

же прееха реку молитв ради святых и благословениа. Ростислав же утопе с всими своими вои, по словеси святаго Григориа.

«Им же бе,— рече,— судом судите, судиться вам, в ню же мѣру мѣрите, възмѣриться вам».

...

О ПРОХОРЕ ЧЕРНОРИЗЦИ, ИЖЕ МОЛИТВОЮ В БЫЛИИ, ГЛАГОЛЕМѢЙ ЛОБЕДА, ТВОРЯШЕ ХЛѢБЫ И В ПОПЕЛУ СОЛЬ

Яко же изволися человѣколюбцу богу о своей твари: на всяка времена и лѣта промышляя роду человѣческому и полѣзнаа даруа, ожидаа нашего покаанна. Наводить на ны овогда глад, овогда же рати за неустроение сущаго властелина. Сим бо приводить владыка нашь человѣческое нерадение на добродѣтель, на память дѣл неподобных, ибо дѣлающе злаа и неподобная дѣла предани будуть злым и немилостивым властѣлином грѣх ради наших. Но ни тии убѣжать суда: суд бо без милости не сътворшему милости.

Бысть убо в дни княженна Святополча в Киевѣ. Много насилиа людемь сътвори Святополк, домы бо силных до основаниа без вины искоренив и имѣниа многых отъем. И сего ради попусти господь поганым силу имѣти над нимь, и быша брани многы от половець, к сим же и усобица бысть в та времена и глад крѣпок и скудета велиа при всем в Руской земли.

Бысть же в дни тыи прииде нѣкий человѣкь от Смоленъска к игумену Иоанну, хотя быти мних, его же и постриг, Прохора того имянова. Сий же убо Прохор черноризець вдасть себѣ в послушание и въздержание безмѣрное, яко хлѣба себѣ лишив. Събираеть убо лобеду и своима рукама стираа хлѣб себѣ твореше и сим питашеся. И се приготовляше до года, и в преидущее лѣто то же приготовляше, яко доволну ему быти без хлѣба всь живот свой. И виде господь тръпѣние его и великое въздержание, преложи ему горесть ону на сладость, и по печали бысть ему радость, по реченному: «Вечерь въдвориться плачь, и заутра радость». И сего ради прозван бысть Лобедник, ибо николи же хлѣба вкуси, развѣ просфуры, ни овоща никакова же, ни питиа, но точию лобѣду, яко же и выше речеся. И сий не поскорбѣ николи же, но всегда работаше господеви радуася; и не устрашися николи же находящиа рати, зане бысть житие его, яко единому от птиць: не стяжа бо сел, ни житница, идѣ же събереть благаа своа. Сий не рече, яко же богатый: «Душе! Имаши многа благаа, лежаще на многа лѣта, яжь и пий, веселися». Иного бо не имяше, развѣ точию лобеду, но се при-

врагов,— Владимир благополучно переправился через реку, молитв ради и благословения святых; Ростислав же, по слову святого Григория, утонул со всем своим войском.

«Каким, сказано, судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить».

...

О ЧЕРНЕЦЕ ПРОХОРЕ, КОТОРЫЙ МОЛИТВОЮ ИЗ ЛЕБЕДЫ ДЕЛАЛ ХЛЕБЫ, А ИЗ ПЕПЛА СОЛЬ

Такова воля человеколюбца бога о своем творении: во все времена и лета промышляет он о роде человеческом и подает ему полезное, ожидая нашего покаяния. Наводит он на нас иногда голод, иногда рати за неустроенье властелина; но этим владыка наш приводит только наше нерадение на добродетель, на память дел греховных: делающие злые дела бывают преданы за грехи свои злым и немилостивым властелинам. Но и эти последние не избегнут суда: суд без милости тому, кто сам не творит милости.

Было это в дни княжения Святополка в Киеве; много насилия делал людям этот князь, без вины искоренил до основания многих знатных людей и имение у них отнял. И за то попустил господь, чтобы неверные имели силу над ним: многие войны были от половцев. Были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость в Русской земле.

В те дни пришел некто из Смоленска к игумену Иоанну, желая быть иноком. Игумен постриг его и назвал Прохором. Этот чернец Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что даже хлеба себя лишил. Он собирал лебеду, растирал ее своими руками и делал из нее хлеб; им и питался. И заготовлял он себе ее на год, а на следующее лето собирал новую лебеду. И так всю жизнь свою довольствовался он лебедой вместо хлеба. Видя же терпение его и великое воздержание, бог превратил ему горечь в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером приходит плач, а наутро торжество». И прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, он питался одной лебедой, не употребляя ни хлеба, кроме просфоры, ни овоща никакого, ни питья. И никогда не роптал он, но всегда с радостью служил господу; ничего не пугался, потому что жил, как птица: не приобретал ни сел, ни житниц, где собрать добро свое, не говорил, как тот богач евангельский: «Душа! Много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись». Не имел он ничего, кроме лебеды, да и ту заготовлял только на год, говоря себе: «Прохор!

готовляше токмо на приидущее лѣто, глаголаше же к себѣ: «Человѣче! В сию нощь душу твою истяжуть от тебѣ аггели, а яже приготованнаа лобеда кому будеть?» Сий дѣлом исполъни слово господне реченное, еже рече: «Възрите на птица небесны, яко не сѣють, ни жнуть, ни в житница събирають, но отець вашь небесный питаеть их». Сим ревнуай сий преподобный Прохор легко преходя путь, идѣ же бо бываше лобеда, то оттуду на свою раму, яко на крилу, в монастырь приношаше, на свою кормлю готовляше. На неораннѣй земли ненасеаннаа пища бываше ему.

Гладу же велику приспѣвшу и смерти належащии глада ради бывающа на вся люди. Блаженный же дѣло свое съдръжаше, събираа лобеду. И сего видѣвь нѣкий человѣк събирающа лобеду, начат и той събирати лобеду себе же ради и домашних своих, да темь препитаются в гладное время. Сему же тогда блаженному паче умножашеся лобеда на пищу, и болий труд творяше себѣ в тыи дни: собираа таковое зѣлие, яко же и прежде рѣх, и своима рукама стираа, творяше хлѣбы и раздаваше неимущим и от глада изнемогающим. Мнози же бяху тогда к нему приходяще в гладное врѣмя, он же всѣм раздаваше. И всѣмь сладко являшеся, яко с медом суще. А не тако хотѣти кому хлѣба, яко же от руку сего блаженнаго сътворенное от дивиаго зѣлиа приати. Кому бо дааше с благословениемь, то свѣтел и чист являшеся и сладок бываше хлѣб; аще ли кто взимаше отай, обреташеся хлѣб яко пелынь.

Нѣкто бо от братья втайнѣ украд хлѣб, и не можаше ясти, зане обретяшеся в руку его, яко пелынь, и горек паче мѣры являшеся. И се сътворися многажды. Стыдяше же ся, от срама не могый повѣдати блаженному своего съгрѣшениа. Гладен же быв, не могый тръпѣти нужда естественыа, видя смерть пред очима своима, и приходить к Иоанну игумену, исповѣда ему събывшееся, прощениа прося о своемь съгрѣшении. Игумен же, не вѣровав реченным, повелѣ иному брату се сътворити,— втайнѣ хлѣб взяти, да разумѣють истинно, аще тако есть. И принесену бывшу хлѣбу, и обретеся тако же, яко же и крадый брат повѣда, и не можаше никто же вкусити его от горести. Сему же сущю еще и в руках его, посла игумен испросити хлѣб. «Да от руку его,— рече,— възмете, отходяще же от него, и другый хлѣб украдите». Сима же принесенома бывши, украденый же хлѣб пред ним премѣнися: и бысть яко пръсть горек, акы пръвый; а взятый хлѣб от руку его — акы мед, и светел явися. И сему чюдеси бывшу прослу таковый мужь всюду. И многы прекормив алчныа и многым на пользу быв.

В эту ночь ангелы возьмут от тебя душу твою; кому же останется приготовленная тобою лебеда?» Он на деле исполнял слово господа, который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, но отец ваш небесный питает их». Им подражая, легко проходил он путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготовлял в пищу. На непаханной земле несеяный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть налегла на всех людей. Блаженный же продолжал дело свое, собирая лебеду. Увидел это один человек и тоже стал собирать лебеду для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время. И в те дни принял блаженный Прохор на себя еще больший труд: собирал это зелье и, растирая, как я говорил, в своих руках, делал из него хлебы, которые раздавал неимущим, изнемогавшим от голода. Многие в это голодное время приходили к нему, и он всех оделял. И сладко, как с медом, было для всех то, что он давал. Никому так пшеничного хлеба не хотелось, как этого хлеба, приготовленного руками блаженного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел и чист, и сладок бывал этот хлеб; если же кто брал тайком, то был он горек без меры, как полынь.

Некто из братии потихоньку украл хлеб, но не мог его есть: горек, как полынь, был он в руках его. И так повторялось несколько раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего греха. Однако, будучи голоден, видя смерть перед глазами, он пришел к игумену Иоанну и, прося прощения в своем грехе, исповедал ему случившееся с ним. Игумен не поверил тому, что он говорил, и, чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же,— взять хлеб тайно. Принесли хлеб, и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его горечи ради. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у Прохора. «Один хлеб,— сказал он,— возьмите из рук его, а другой, уходя, тайно возьмите». Когда принесли игумену хлебы, украденный изменился пред его глазами: сделался на вид как земля и горек, как и первый; а взятый из рук блаженного был светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже. И многих голодных прокормил он и многим был полезен.

Егда же Святоплък с Давидом Игоревичем рать зачаста про Василкову слепоту, его же ослепи Святоплък, послушав Давида Игоревича, с Володарем и с самѣм Васильком. И не пустиша гостей из Галича, ни лодей з Перемышля, и не бысть соли в всей Руской земли. Сицеваа неуправлениа быша, к сему же и граблениа безаконнаа, яко же пророк рече: «Сънѣдающи люди моа в хлѣба мѣсто, господа не призваша». И бѣ видѣти тогда люди сущаа в велицей печали и изнемогших от глада и от рати, и не имяху бо ни пшеница, ниже соли, чим бы скудость препроводити.

Блаженный же тогда Прохор имѣа кѣлию свою. И събра множество попела от всѣх кѣлий, не вѣдущу сего никому же. И се раздаваше приходящим, и всѣмь бываше чиста соль молитвами его. И елико раздаваше, толико паче множащеся. И ничто же взимаа, но туне всѣмь подаваше, елико кто хощеть, и не токмо монастырю доволно бысть, но и мирьскаа чада к нему приходяще, обильно възимаху на потрѣбу домом своим. И бѣ видѣти торжище упражняемо, монастырь же полон приходящих на приатие соли. И от того въздвижеся зависть от продающих соль, и сътворися им неполучение желаниа. Мнѣвше себѣ в тыа дни богатество много приобрести в соли, бысть же им о томь печаль велиа: юже бо прежде драго продаваху, по двѣ головажне на куну, нынѣ же по 10 и никто же възимаше. И въставше вси продающии соль, приидоша ко Святополку и навадиша на мниха, глаголюще, яко: «Прохор чернець, иже есть в Печерьском монастырѣ, отъят от нас богатество много: даеть соль всѣм к нему приходящим невъзбранно, мы же обнищахом». Князь же, хотя им угодити, двое же помыслив в себѣ: да сущую молву в них упразднить, себѣ же богатество приобрящеть. Сию мысль имѣа в умѣ своемь, съвѣщав с своими съвѣтники,— цѣну многу соли, да емь у мниха, продавца ей будеть. Тогда крамольником тѣм обещеваться, глаголя: «Вас ради пограблю черньца»,— крыа в себѣ мысль приобретениа богатества. Сим же хотя мало угодити им, паче же многу спону им творя,— зависть бо не вѣсть предпочитати, еже полѣзно есть творити. Посылаеть же князь да возмуть соль всю у мниха. Привезѣне же бывши соли, и приидѣ князь хотя видѣти ю́, и с тѣми крамолники, иже навадиша на блаженнаго, и видѣвше вси, яко попел видѣти очима. Много же дивишася: что се будеть? и недоумѣахуся. Извѣстно же хотяху увѣдети, что се будеть таковое дѣло, обаче же повелѣ ю́ съхранити до 3 дьний, да разумѣють истинно. Нѣкоему же повелѣ вкусити, и обретеся попел в устѣх его.

Невское сражение.
Миниатюра. XVI в.

Лаптевский летописный свод
(ГПБ, F. IV. 233, л. 909 об.).

Тогда Святополк с Володарем и с Васильком пошел ратью на Давыда Игоревича за Василька, которого ослепил Святополк, послушав Давыда Игоревича. И не стали пускать купцов из Галича и людей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. Начались грабежи беззаконные и всяческое неустройство. Как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб, не призывающие господа». И были все в великой печали, изнемогали от голода и войны, не имели ни жита, ни даже соли, чем бы исполнить скудость свою.

Блаженный Прохор имел тогда свою келью. И собрал он изо всех келий множество пепла, но так, что никто этого не знал. И раздавал он этот пепел приходящим к нему, и всем, по молитве его, превращался он в чистую соль. И чем больше он раздавал, тем больше у него оставалось. И ничего не брал за это блаженный, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и брали обильно, сколько кому надо. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И пробудило это зависть в продававших соль, потому что не получали они, чего желали. Они думали приобресть в это время большое богатство от соли, и вот если они прежде продавали по две меры соли за куну, то теперь и десяти мер за эту цену никто не брал. И сильно печалились они о том. Наконец поднялись все продававшие соль и, придя к Святополку, стали наущать его против инока, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас многое богатство: дает соль всем, кто к нему приходит, никому не отказывает, и мы от того обнищали». Князю хотелось угодить им, и помыслил он, во-первых, прекратить ропот между ними, а во-вторых, себе богатство приобрести. Положил он со своими советниками, что цена на соль будет высокая, и сам князь, отняв соль у инока, будет продавать ее. Крамольникам этим он сказал: «Вас ради пограблю чернеца»,— а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел угодить им и только больше вреда сделал: ибо зависть не умеет предпочитать полезного вредному. И князь послал взять у инока всю соль. Когда привезли ее, он с теми крамольниками, которые наущали его против блаженного, пошел посмотреть ее. И увидели все перед глазами своими пепел. Много дивились все и недоумевали: что бы это значило? Чтобы узнать подлинно, князь велел спрятать на три дня привезенное из монастыря, но наперед велел отведать — и на вкус был пенел.

Приходящимь же по обычаю множество народа хотяще же взимати соль у блаженнаго. И увѣдѣвше погрáбление старче, възвращающеся тщама рукама, проклинающе сътворшаго сие. Блаженный же тѣм рече: «Егда иссыпана будеть, и тогда шедше разграбите ю́». Князь же, дръжав ю́ до трех дьнех, повелѣ нощию изъсыпати ю́. Изсыпану же бывшу попелу, и ту абие прѣложися в соль. И се увѣдавше граждане, пришедше разграбиша соль. И сему дивному чюдеси бывшу, ужасеся сътворивый насилие: не могый же съкрыти вещи, зане пред всѣм градом сътворися. И нача испытовати, что есть дѣло сие. Тогда сказаша князю ину вещь, еже сътвори блаженный,— кормя лобедою множество народа и в устѣх их хлѣб сладок бываше; нѣкоторыи же взяша един хлѣб без его благословениа, и обретеся, яко прьсть и горек, акы пелынь в устех их. Си слышав князь, стыдѣвся о створеннем, и шед в монастырь к игумену Иоанну, покаася к нему. Бѣ бо прежде вражду имѣа на нь, зане обличаше его несытьства ради богатьства и насилиа ради. Его же ем, Святоплък в Туров заточив, аще бы Владимерь Мономах на сего не востал, его же убояся Святоплък въстаниа на ся, скоро възоврати с честию игумена в Печерьский монастырь. Сего же ради чюдеси велику любовь нача имѣти к святѣй Богородици и к святым отцемь Антонию и Феодосию. Черноризца же Прохора оттоле вельми чтяше и блажаше, ведый его в истину раба божиа суща. Дасть же слово богови к тому не сътворити насилиа никому же. Еще же и се слово утверди к нему князь, глаголя: «Аще убо аз, по изволению божию, прежде тебѣ отъиду свѣта сего, и ты своима рукама в гроб положи мя, да сим явится на мнѣ безлобие твое. Аще ли ты прежде мене преставишися и пойдеши к неумытному Судии, то аз на раму своею в печеру внесу тя, да того ради господь прощение подасть ми о многосътвореннѣмь к тебѣ грѣсѣ». И сие рек, отъиде от него. Блаженный же Прохор многа лѣта пожив в добре исповѣдании, богоугодным, чистым и непорочным житиемь.

По сем же разболѣвъся святый, князю тогда на войнѣ сущу. Тогда святый наречение посылаеть к нему, глаголя яко: «Приближися час исхода моего от тѣла. Да аще хощеши, прииди, да прощение възмевѣ. И скончаеши обѣщание свое — да приимеши отдание от бога и своима рукама вложиши мя в гроб. Се бо ожидаю твоего прихода, да аще умѣдлиши и аз отхожу, да не тако исправит ти ся брань, яко пришедшу ти ко мнѣ». И сиа слышав, Святоплък в той час воа распустив и прииде к блаженному. Преподобный же много поучив князя о милостынѣ, и о будущемь судѣ, и о вечней жизни, и о будущей

К блаженному же, по обычаю, приходило множество народа за солью. И все узнали, что старец пограблен, и, возвращаясь с пустыми руками, проклинали того, кто это сделал. Блаженный же сказал им: «Когда выбросят ее, вы придите и соберите себе». Князь продержал три дня и велел выбросить пепел ночью. Высыпали пепел, и он тотчас превратился в соль. Граждане же, узнав об этом, пришли и собрали ее. От такого дивного чуда ужаснулся сотворивший насилие: не мог он скрыть перед всем городом всего того, что было. И стал он разузнавать, что бы это значило. Тогда рассказали князю, как блаженный кормил лебедой множество народа и как ели они из рук его сладкий хлеб; когда же некоторые взяли у него один хлеб без его благословения, то оказался он как земля на вид, а на вкус горек, как полынь. Услышавши это, устыдился князь сделанного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и принес ему покаяние. Прежде он имел вражду к нему. Игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству, за насилие. Святополк тогда схватил его и заточил в Турове; но восстал на него Владимир Мономах, и он, испугавшись этого, скоро с честью возвратил Иоанна в Печерский монастырь. Теперь же ради такого чуда князь стал иметь великую любовь к обители пресвятой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию. И чернеца Прохора он с этих пор весьма почитал и ублажал, так как знал его за истинного раба божия. И дал он слово богу не делать более никому насилия, и старцу дал он крепкое слово. «Если, сказал, по изволению божию я прежде тебя отойду из этого мира, то ты положи меня в гроб своими руками, и да явится в этом твое беззлобие. Если же ты прежде меня преставишься и пойдешь к неподкупному Судии, то я на своих плечах внесу тебя в пещеру, чтобы господь подал мне прощение в великом грехе моем перед тобой». С этими словами князь пошел от блаженного. Он же прожил еще много лет в добром исповедании, богоугодной, чистой и непорочной жизнью.

Наконец разболелся он. Князь тогда на войне был, и святой послал объявить ему: «Близок час исхода моего из тела. Приди, если хочешь, проститься со мной. И обещание исполнишь ты — своими руками положишь меня в гроб, и прощение примешь от бога. Не медли: я отхожу и вот только ожидаю твоего прихода. Если ты придешь ко мне, война будет для тебя успешнее». Услышав это, Святополк тотчас же распустил свои войска и пришел в монастырь. Блаженный же Прохор много поучал князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни, о будущей муке; потом дал ему благословение и прощение, простился со

муцѣ; дав ему благословение и прощение, и цѣловав вся сущаа с княземь и, въздѣв руцѣ горѣ, предасть дух. Князь же, взем святаго старца, несе и́ в печеру, и своима рукама в гроб вложи. И по погребении блаженнаго поиде на войну и многу побѣду сътвори на противныа агаряны, и взя всю землю их и приведе в свою землю их. И се бо бысть богом дарованнаа побѣда в Руской земли по проречению преподобнаго. И оттоле убо Святополк, егда исхождаше или на рать, или на ловы, и прихождаше в монастырь с благодарениемь поклоняяся святѣй богородици и гробу Феодосиеву, и вхождаше в печеру к святому Антонию и блаженному Прохору, и всѣмь преподобным отцем покланяяся, и исхожаше в путь свой. И тако добре строашеся богом набдимое княжение его. Сам бо свѣдѣтель быв ясно, исповѣдаа чюдеса бо и знамениа, яже быша преславнаа Прохора же и инех преподобных. С ними же буди всѣм нам получити милость о Христе Иисусѣ господѣ нашем. Ему же слава с отцемь и с сыном нынѣ, присно.

всеми бывшими с князем и, воздев руки к небу, испустил дух. Тогда князь взял тело святого старца, понес в пещеру и вложил своими руками в гроб. После же погребения он пошел на войну и великую победу одержал над врагами своими, агарянами, и взял всю землю их и множество пленников. И была это в Русской земле богом дарованная победа, предсказанная блаженным. С тех пор Святополк, шел ли на войну, или на охоту, всегда приходил в монастырь поклониться иконе пресвятой богородицы и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру для поклонения святому Антонию, блаженному Прохору и всем святым отцам, и тогда уже шел в путь свой. И берег бог княжение его. Сам будучи свидетелем, он открыто возвещал о преславных чудесах и знамениях Прохора и других святых. Да получим и мы с ним милость о Христе Иисусе, господе нашем! Ему же слава и отцу и сыну ныне и присно.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУСКЫЯ ЗЕМЛИ ПО СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми, удивлена еси рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубровами частыми, польми дивными, звѣрьми разноличьными, птицами бещисленьими, городы великыми, селы дивными, виногради обителными, домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами — всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрьная вѣра хрестияньская!

Отселѣ до угор, и до ляхов, до чахов, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от нѣмець до корѣлы, от корѣлы до Устьюга, где тамо бяху тоймичи погании, и за Дышючим морем, от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до моръдви,— то все покорено было богом крестияньскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю Кыевьскому, дѣду его Володимеру и Манамаху, которым то половьци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из болота на свѣт не выникываху. А угры твердяху каменыи городы желѣзными вороты, абы на них великыи Володимер тамо не възѣхал. А нѣмци радовахуся, далече будуче за синим морем. Буртаси, черемиси, веда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера. И кюр Мануил Цесарегородскыи опас имѣя, поне и великыя дары посылаше к нему, абы под ним великыи князь Володимер Цесарягорода не взял.

А в ты дни болѣзнь крестияном от великаго Ярослава, и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго.

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

О светло светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными, боярами честными, вельможами многими,— всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!

Отсюда до венгров, и до поляков, и до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев и до немцев, от немцев до корелы, от корелы до Устюга, где живут тоймичи поганые, и за Дышащим морем, от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все покорил бог народу христианскому поганые страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю Киевскому, и деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели. А литва из болота на свет не показывалась. А венгры каменные города укрепляли железными воротами, чтобы на них великий Владимир не ходил войной. А немцы радовались, что они далеко за синим морем. Буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на князя великого Владимира. И сам господин Мануил Цареградский, страх имея, затем и великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьграда его не взял.

А в те годы — беда христианам от великого Ярослава и до Владимира, и до нынешнего Ярослава, и до брата его Юрия, князя Владимирского.

ПОВѢСТИ О ЖИТИИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВѢРНАГО И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ОЛЕКСАНДРА

О господѣ нашемь Исусѣ Христѣ, сыне божии. Аз худый и многогрѣшный, мало съмысля, покушаюся писати житие святого князя Олександра, сына Ярославля, а внука Всеволожа. Понеже слышах от отець своих, домочадець и самовидець есмь възраста его, рад бых исповѣдал святое и честное и славное житие его. Но яко же Приточник рече: «В злохытру душю не внидеть прѣмудрость: на высокых бо краих есть, посреди же стезь стояше, при вратѣх же силных присѣдит». Аще и груб есмь умом, но молитвою святыа богородица и поспѣшениемь святого князя Олександра начаток положю.

Съи бѣ князь Олександр богом рожен от отца милостилюбца и мужелюбца, паче же и кротка, князя великаго Ярослава и от матере Феодосии. Яко же рече Исайя пророк: «Тако глаголеть господь: «Князи аз учиняю, священни бо суть, и аз вожю я». Воистинну бо без божия повелѣния не бѣ княжение его. Но и възраст его бе паче инѣх человек, и глас его — акы труба в народѣ, лице же его — акы лице Иосифа, иже бѣ поставил его египетьскый царь втораго царя в Египтѣ. Сила же бѣ его — часть от силы Самсоня. И дал бѣ ему бог премудрость Соломоню, храборьство же его — акы царя римскаго Еуспасиана, иже бѣ плѣнил всю землю Иудейскую. Инѣгдѣ исполчися к граду Атапату приступити, и исшедше гражане. побѣдиша плък его, и остася един и възврати к граду силу их к вратом градным, и посмѣяся дружинѣ своей, и укори я, рек: «Остависте мя единого». Тако же и сий князь Олександр — побѣжая, а не побѣдим.

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ И О ХРАБРОСТИ БЛАГОВЕРНОГО И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА

По воле господа нашего Иисуса Христа, сына божьего, я, ничтожный и многогрешный, мало смысля, пытаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Так как слышал от отцов своих и сам был домочадцем и очевидцем жизни его, то рад был поведать о святой и благородной и славной его жизни. Но как Приточник говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость: становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится». Хотя и прост я умом, но молитвою святой богородицы и помощью святого князя Александра начало положу.

Князь этот Александр по божьей воле родился от отца милостилюбивого и человеколюбивого и, более того, кроткого князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как говорит Исайя пророк: «Так говорит господь: я ставлю князей, ибо они священны, и я руковожу ими». Воистину так: без божия повеления не было бы княжения его. Но и ростом он был выше других людей, и голос его — как труба в народе, лицо же его — как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым после себя человеком в Египте. Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему бог премудрость Соломона, а храбрость его — как у царя римского Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую. Некогда, во время осады города Иоатапаты, вышли горожане и победили войско его, и остался Веспасиан один и прогнал к городу, к городским воротам, войско их и посмеялся над дружиной своей, и укорил ее, говоря: «Оставили меня одного». Также и этот князь Александр, побеждая, сам был непобедим.

И сего ради нѣкто силен от Западныя страны, иже нарицаются слугы божия, от тѣх прииде, хотя видѣти дивный възраст его, яко же древле царица Ужская приходи к Соломону, хотящи слышати премудрость его. Тако и сей, именем Андрѣяшь, видѣв князя Олександра и възвратися к своим, рече: «Прошед страны и языкы, не видѣх таковаго ни в царех царя, ни в князех князя».

Се же слышав король части Римьскыя от полунощныя страны таковое мужество князя Олександра, и помысли в себѣ: «Пойду и плѣню землю Олександрову». И събра силу велию, и наполни корабля многы полков своих, подвижеся в силѣ тяжцѣ, пыхая духом ратным. И прииде в Неву, шатаяся безумием, и посла слы своя, загордѣвся, в Новъгород, к князю Олександру, глаголя: «Аще можеши противитися мнѣ, то се есмь уже здѣ, плѣняя землю твою».

Олександр же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцем, и вниде в церков святыя Софьи, и, пад на колѣну пред олътарем, нача молитися с слезами: «Боже хвальный, праведный, боже великый, крѣпкый, боже превѣчный, сотворивый небо и землю и поставивый предѣлы языком, повелѣ жити, не прѣступая в чужую часть». Въсприим же псаломъскую пѣснь, рече: «Суди, господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щит, стани в помощь мнѣ». И, скончав молитву, въстав, поклонися архиепископу. Архиепископ же Спиридон благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утер слезы, нача крѣпити дружину свою, глаголя: «Не в силѣ бог, но в правдѣ. Помянем Пѣснотворца, иже рече: «Сии в оружии, а сии на конѣх, мы же во имя господа бога нашего призовемь, тии быша и падоша, мы же въстахом и прости быхом». И си рѣк, пойде на ны в малѣ дружинѣ, не съждався с многою силою своею, но уповая на святую Троицу.

Жалостно же бѣ слышати, яко отець его, честный Ярослав Великый, не бѣ ведал таковаго въстания на сына своего милаго Олександра, ни оному бысть когда послати вѣсть к отцю: уже бо ратнии приближишася. Тѣм же и мнози новгородци не совокупилися бяху, понеже ускори князь пойти.

И пойде на ня в день въскресениа, иуля в 15, на память святых отец 600 и 30 бывшаго собора в Халкидоне и святою мученику Кирика и Улиты, имѣяше же вѣру велику к святыма мученикома Бориса и Глѣба.

И бѣ нѣкто мужь старѣйшина в земли Ижерстей, именем Пелгуй. Поручена же бысть ему стража моръская. Въсприят же

Ради князя Александра и пришел некто знатный от Западной страны, от тех, что зовут себя «слуги божии», желая повидать его в расцвете сил так же, как в древности царица Ужская приходила к Соломону, желая наслушаться мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреяш, увидев князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и видел многие народы, но не встретил ни такого царя среди царей, ни князя среди князей».

Прослышав же о таком мужестве князя Александра, король римской веры из Полуночной страны подумал: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипя духом ратным. И пришел к Неве, влекомый безумием, и послал послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь, то сопротивляйся мне,— я уже здесь и беру в плен землю твою».

Александр же, услышав слова эти, распалился сердцем, и вошел в церковь святой Софьи и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, боже великий, крепкий, боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!» И, вспомнив псаломскую песнь, сказал: «Суди, господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне». И, окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе бог, а в правде. Помянем Песнотворца, который сказал: «Иные— с оружием, а иные — на конях, а мы имя господа бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо». И, сказав это, пошел на них с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его благородный Ярослав Великий не знал о нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать весть к отцу, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить.

И пошел на них в день воскресения, июля 15, в день памяти шестисот тридцати святых отцов бывшего в Халкидоне собора и святых мучеников Кирика и Улиты, имея же веру великую во святых мучеников Бориса и Глеба.

И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгуй. Поручен же был ему морской дозор. Восприял же свя-

святое крещение и живяше посреди рода своего, погана суща. Наречено же бысть имя его в святѣм крѣщении Филип. И живяше богоугодно, в среду и пяток пребываше в алчбѣ. Тѣм же сподоби его бог видѣти видѣние страшно в тъй день. Скажем вкратцѣ.

Увѣдав силу ратных, иде противу князя Олександра, да скажет ему станы и обрытья их. Стоящю же ему при краи моря, стрегущю обою пути, и пребысть всю нощь в бдѣнии. И яко же нача въсходити солнце, слыша шюм страшен по морю и видѣ насад един гребущь, посреди же насада стояста святая мученика Бориса и Глѣба в одеждах чрьвленых и бѣста руцѣ держаста на раму. Гребци же сѣдяху, акы мглою одѣни. Рече Борис: «Брате Глѣбе, вели грести, да поможемь сроднику своему Олександру». Видѣв же таковое видѣние и слышав таковый глас от мученику, стояше трепетен, дондеже насад отъиде от очию его.

Потом скоро поѣха князь Олександр. Он же, видѣв князя Олександра радостныма очима, исповѣда ему единому видѣние. Князь же рече ему: «Сего не рцы никому же».

Оттолѣ потщався наѣха на нь в 6 час дне. И бысть сѣча велика над Римляны, и изби их множество бесчислено от них, и самому королю възложи печать на лице острымь своим копиемь.

Здѣ же явишася в полку Олександровѣ 6 мужь храбрых, иже мужьствоваша с ним крѣпко.

Един — именем Гаврило Олексичь. Съи наѣха на шнек и, видѣв королевича мча под руку, възѣха по доскѣ, по ней же въсхожаху, и до самого корабля. И втекоша пред ним в корабль, и пакы обратившеся, свергоша его з доски с конем в Неву. Божиею милостию изыде оттолѣ неврежден, и пакы наѣха, и бися с самѣм воеводою посредѣ полку их.

Другий — новгородец, именем Збыслав Якунович, наѣха многажды на полк их и бъяшется единѣм топором, не имѣя страха в сердцы своем. И паде нѣколико от рукы его, и подивишася силѣ его и храбрьству.

Третий — Ияков, полочанин, ловчий бѣ у князя. Съй наѣхав на полк с мечем и мужьствова, и похвали его князь.

Четвертый — новгородец, именем Миша. Съй пѣш с дружиною своею натече на корабли и погуби три корабли Римлян.

тое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу. Поэтому и удостоил его бог увидеть необыкновенное видение в тот день. Расскажем об этом вкратце.

Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об укреплениях. Когда стоял Пелгуй на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посредине ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутаны облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгуй, потрясенный, пока ладья не скрылась с глаз его.

Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгуй же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому».

После того решился напасть на них в шестом часу дня. И была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним.

Один — по имени Гаврило Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля. И побежали все перед ним на корабль, затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же с божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами.

Другой — новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости.

Третий — Иаков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян.

Пятый — от молодых людей, именем Сава. Съй наѣхав на шатер великий, златоверхий и посѣче столп шатерный. Полцы же Олександрови, видѣвше падение шатерное, возрадовашася.

Шестый — от слуг его, именем Ратмир. Съй бися пѣш, и обступиша его мнози. Он же от многых ран пад, скончася.

Си вся слышахом от господина своего Олександра и от инѣх, иже в то время обрѣтошася в той сѣчи.

Бысть же в то время чюдо дивно, яко же в древняя дни при Езекеи цари, егда прииде Сенахирим, царь асурийск, на Иерусалим, хотя плѣнити святы град, и внезаапу изыде аггел господень и изби от полка асурийска сто восемьдесят пять тысящь. И въставше утро, обрѣтоша вся трупия их мертва. Тако же бысть и при побѣдѣ Олександрови, егда побѣди короля обонпол рѣкы Ижеры, идѣ же бѣ непроходно полку Олександрову. Здѣ же обрѣтоша многое множество избъеных от аггела божия. Останок же их побѣже, и трупиа мертвых своих наметаша корабля и потопиша в мори. Князь же Олександр возвратися с побѣдою, хваля и славя имя своего творца.

В второе же лѣто по возвращении с побѣдою князя Олександра приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град в отечьствѣ Олександровѣ. Князь же Олександро воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самѣх извѣша, а овѣх с собою поведе, а инѣх, помиловав, отпусти: бѣ бо милостив паче мѣры.

По побѣдѣ же Олександровѣ, яко же побѣди короля, в третий год, в зимнее время, пойде на землю Немецкую в велицѣ силѣ, да не похвалятся, ркуще: «Укорим словеньскый язык ниже себе».

Уже бо бяше град Плесков взят, и тиуни их посажени. Тѣх же князь Олександро изыма, град Плесков свободи от плѣна. А землю их повоева и пожже, и полона взя бес числа, а овѣх иссече. Инии же гради совокупишася нѣмечьстии и рѣша: «Пойдем и победим Олександра и имем его рукама».

Егда же приближишася ратнии, и почюша я́ стражие Олександрови. Князь же Олександр оплъчися, и поидоша противу себе, и покриша озеро Чюдьское обои от множества вои. Отець же его Ярослав прислал бѣ ему брата меньшаго Ондрѣя на помощь в множествѣ дружинѣ. Тако же и у князя Олександра бяше множество храбрых, яко же древле у Давыда царя силнии, крѣпции. Тако и мужи Олександрови исполнишася духом ратным: бяху бо сердца их, акы сердца лвом, и рѣшя: «О, княже нашь честный! Нынѣ приспѣ врѣмя нам положити главы своя за

Пятый — из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой, златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались.

Шестой — из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался.

Обо всем этом слышал я от господина своего Александра и от других, кто в то время участвовал в той сече.

Было же в то время чудо дивное, как в древние времена при Езекии царе, когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, стремясь захватить святой город, и внезапно появился ангел господень и перебил 185 000 воинов ассирийских. И когда наступило утро, нашли их трупы. Так же было и после победы Александра, когда победил короля: на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли многое множество врагов, перебитых ангелом божиим. Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца.

На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр немедля вышел и срыл город их до основания, а самих их — одних повесил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время пошел Александр на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись они, говоря: «Подчиним себе словенский народ».

Ведь уже взяли город Псков и тиунов своих посадили. Тиунов князь Александр схватил, город Псков освободил от пленения. А землю их разорил и пожег, и пленных взял без числа, а других порубил. Иные же немецкие города заключили союз и решили: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. Князь же Александр построил полки и пошел навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной. У князя Александра было так же много храбрых мужей, как в древние времена у Давида царя было сильных и крепких воинов. Так и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были как у львов, и сказали они: «О княже наш славный! Ныне настало

тя». Князь же Олександро, воздѣв руцѣ на небо, и рече: «Суди ми, боже, и разсуди прю мою от языка велерѣчна и помози ми, боже, яко же древле Моисѣови на Амалика и прадѣду моему Ярославу на окааннаго Святополка».

Бѣ же тогда субота, въсходящю солнцю, и съступишася обои. И бысть сѣча зла и труск от копий ломления и звук от сѣчения мечнаго, яко же и езеру померзъшю двигнутися; и не бѣ видѣти леду: покры бо ся кровию.

Си же слышах от самовидца, иже рече ми, яко видѣх полк божий на въздусѣ, пришедши на помощь Олександрови. И тако побѣди я́ помощию божиею, и даша ратнии плеща своя и сѣчахуть я́, гоняще, аки по аеру, и не бѣ камо утещи. Зде же прослави бог Олександра пред всѣми полкы, яко же Исуса Наввина у Ерехона. А иже рече: «Имем Олександра рукама», сего дасть ему бог в руцѣ его. И не обрѣтеся противнник ему в брани никогда же.

И возвратися князь Олександр с побѣдою славною. И бяше множество много полоненых в полку его, и ведяхуть я́ босы подле коний, иже именують себе божии ритори.

И яко же приближися князь к граду Плескову, игумени же и попове в ризах со кресты и весь народ срѣтоша и́ пред градом, подающе хвалу богови и славу господину князю Олександру, поюще пѣснь: «Пособивый, господи, кроткому Давыду побѣдити иноплеменьникы и вѣрному князю нашему оружиемь крестным и свободити град Плесков от иноязычник рукою Олександровою».

О, невѣгласи плесковичи! Аще сего забудете и до правнучат Олександровых, и уподобитеся жидом, их же препита господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сих всѣх забыша и бога своего, изведшаго я́ от работы изь Египта.

И нача слыти имя его по всѣм странам и до моря Египетьскаго, и до гор Араратьскых, и об ону страну моря Варяжьскаго, и до великаго Рима.

В то же время умножися языка Литовьскаго и начаша пакостити волости Олександровѣ. Он же, выездя, и избиваше я́. Единою ключися ему выехати, и побѣди 7 ратий единѣм выездом, множество князей их изби, а овѣх рукама изыма; слугы же его, ругающеся, вязяхуть я́ к хвостом коней своих. И начаша оттолѣ блюстися имени его.

нам время положить свои головы за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, воскликнул: «Суди меня, боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым и помоги мне, боже, как ты помог в древние времена Моисею победить Амалика и прадеду моему Ярославу победить окаянного Святополка».

Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была злая сеча, и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

И слышал я это от очевидца, который мне рассказал, что видел воинство божье в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил их помощью божьей, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их воины Александровы, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать. Здесь же прославил бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто говорил: «Поймаем Александра руками», —предал бог ему в руки. И не нашлось никого, кто мог бы воспротивиться ему в битве.

И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели босыми возле коней тех, кто называл себя «божии рыцари».

И когда подошел князь к городу Пскову, игумены и попы в ризах с крестами и весь народ встретили его перед городом, воздавая хвалу богу и славу господину князю Александру, воспевая песнь: «Помог ты, господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему силою креста освободить город Псков от иноязычных рукою Александровою».

О неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил господь в пустыне манною и жареными перепелами и которые обо всем этом забыли, как забыли и бога, освободившего их из египетской неволи.

И прославилось имя его по всем странам и до моря Египетского, и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского и до великого Рима.

В то же время умножился народ литовский, и начали разорять волости Александровы. Он же, выехав на них, стал избивать их. Случилось ему однажды выехать на врагов, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с тех пор бояться имени его.

В то же время бѣ некто царь силен на Въсточнѣй странѣ, ему же бѣ бог покорил языкы многы, от въстока даже и до запада. Тъй же царь, слышав Олександра тако славна и храбра, посла к нему послы и рече: «Олександре, вѣси ли, яко бог покори ми многыя языки? Ты ли един не хощеши покоритеся силе моей! Но аще хощеши съблюсти землю свою, то скоро прииди к мнѣ, и да узриши честь царства моего».

Князь же Олександро прииде во Володимер по умертвии отца своего в силѣ велицѣ. И бысть грозен приезд его, и промчеся вѣсть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуще: «Олександро князь ѣдет».

Съдумав же князь Олександр, и благослови его епископ Кирил, и пойде к цареви, в Орду. И видѣв его царь Батый, и подивися, и рече велможам своим: «Воистинну ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князя». Почьстив же и́ честно, отпусти и́.

По сем же разгнѣвася царь Батый на брата его меншаго, на Ондрѣя, и посла воеводу своего Невруя повоевати землю Суждальскую. По плѣнении же Невруеве князь великый Олександр церкви въздвигну, грады испольни, люди распужены събра в домы своя. О таковых бо рече Исайа пророк: «Князь благ в странах — тих, увѣтлив, кроток, съмѣрен,— по образу божию есть», не внимая богатьства и не презря кров праведничю, сиротѣ и вдовици вправду судяй, милостилюбець, а не златолюбець, благ домочадцемь своим и вънѣшним от стран приходящимь кормитель. На таковыя бог призирает на мир щедротами: бог бо мира не аггелом любит, но человеком си щедря ущедряеть, учит и показает на мирѣ милость свою.

Распространи же бог землю его богатьством и славою, и удолъжи бог лѣта ему.

Нѣкогда же приидоша к нему послы от папы, из великого Рима, ркуще: «Папа наш тако глаголет: «Слышахом тя князя честна и славна, и земля твоя велика. Сего ради прислахом к тобѣ от двоюнадесят кординалу два хитрейшая — Галда да и Гѣмонта, да послушаеши учения их о законѣ божии».

Князь же Олександро, здумав с мудреци своими, въсписа к нему и рече: «От Адама до потопа, от потопа до разделения язык, от разъмѣшениа язык до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе Чермное море, от исхода сынов Иисраилев до умертвия Давыда царя, от начала царствия Соломоня до Августа царя, от начала Августа и до Христова рожества, от

В то же время был некий сильный царь в Восточной стране, которому бог покорил многие народы от востока и до запада. Тот царь, прослышав, что Александр столь славен и храбр, послал к нему послов и приказал сказать: «Александр, разве ты не знаешь, что бог покорил мне многие народы? Ты один не хочешь покориться силе моей! Но если хочешь уберечь землю свою, то немедля приходи ко мне, чтобы увидеть славу царства моего».

Князь же Александр пришел во Владимир после смерти отца своего с большим войском. И был грозен приезд его, и промчалась весть об этом до самого устья Волги. И стали жены моавитские пугать детей своих, говоря: «Александр князь едет!»

Задумал же князь Александр поехать к царю в Орду, и благословил его епископ Кирил. И, увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, что нет князя, подобного ему». Воздав же достойные почести ему, отпустил его.

Потом разгневался царь Батый на брата его младшего, на Андрея, и послал воеводу своего Неврую разорить землю Суздальскую. После Невруева нашествия князь великий Александр церкви восстановил, города отстроил, людей разбежавшихся собрал в дома их. О таких говорит Исайя пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смирен и тем богу подобен», не ищет богатства и не чуждается праведной жизни, сирот и вдовиц судит по правде, любит милость, а не злато, добр к домочадцам своим и гостеприимен к приходящим из других стран. Таковых бог наделяет при жизни своими милостями, ибо бог хочет благополучия не для ангелов, но для людей, которых так щедро награждает, учит и являет в мире милость свою.

Наделил же бог землю его богатством и славою, и продлил бог лета его.

Некогда же пришли к нему послы от папы из великого Рима, говоря: «Папа наш так сказал: «Слышал я, что ты князь достойный и славный и что земля твоя велика. Того ради прислал я к тебе от двенадцати кардиналов двух умнейших — Галда и Гемонта, чтобы ты послушал учение их о законе божьем».

Князь же Александр, посоветовавшись со своими мудрецами, написал ему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида царя, от начала царствования Соломона до Августа царя, от власти Августа и до Христова

рожества Христова до страсти и воскресения господня, от въскресения же его и до возшествия на небеса, от възшествиа на небеса до царства Константинова, от начала царства Костянтинова до перваго собора, от перваго собора до седмаго — сии вся добрѣ съвѣдаем, а от вас учения не приемлем». Они же възвратишася въсвояси.

И умножишася дни живота его в велицѣ славѣ. Бѣ бо иерѣелюбець и мьнихолюбець и нищая любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа.

Бѣ же тогда нужда велика от иноплеменник: и гоняхут христиан, веляще с собою воиньствовати. Князь же великый Олександро пойде к цареви, дабы отмолити людии от бѣды тоя.

А сына своего Димитрия посла на Западныя страны, и вся полъкы своя посла с нима, и ближних своих домочадець, рекши к ним: «Служите сынови моему, акы самому мнѣ, всѣм животом своим».

Пойде князь Димитрий в силѣ велицѣ, и плѣни землю Нѣмецкую, и взя град Юрьев, и възвратися к Новугороду с многым полоном и с великою корыстию.

Отець же его князь великый Олександр изыде от иноплеменник и доиде Новагорода Нижняго и ту пребыв мало здрав, и, дошед Городца, разболѣся.

О, горѣ тобѣ, бѣдный человече! Како можеши написати кончину господина своего! Как не упадета ти зѣници вкупѣ с слезами! Како же не урвется сердце твое от корения! Отца бо оставити человек может, а добра господина не мощно оставити: аще бы лзѣ, и в гроб бы лѣзл с ним!

Пострада же богови крѣпко, оставив же земное царство и бысть мних: бѣ бо желание его паче мѣры аггельскаго образа. Сподоби же его бог и болший чин приати — скиму. И так богови дух свой предасть, с миром скончася месяца ноября в 14 день, на память святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирил глаголаше: «Чада моя, разумѣйте, яко уже зайде солнце земли Сужьдольской! Уже бо не обрящется таковый князь ни един в земли Суждальстей!» Иерѣи и диакони, черноризцы, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: «Уже погыбаемь!»

Святое же тѣло его понесоша к граду Володимерю. Митрополит же с чином церковным, вкупѣ князи и бояре, и весь народ, малии и велиции, срѣтоша и́ в Боголюбивѣм с свѣщами и с кандилы. Народи же съгнатахутся, хотяще прикоснутися

рождества, от рождества Христова до страдания и воскресения господня, от воскресения же его и до восшествия на небеса, от восшествия на небеса до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем». Они же возвратились восвояси.

И приумножились дни жизни его в великой славе, так как князь Александр любил иереев, и монахов, и нищих, митрополита же и епископов чтил и слушался их, как самого Христа.

Было же тогда большое насилие от иноплеменников: сгоняли христиан, приказывая им ходить в походы. Князь же великий Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей от той беды.

А сына своего Димитрия послал на Западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, говоря им: «Служите сыну моему, как мне самому, всей жизнью своей!»

Пошел князь Димитрий с большим войском и пленил землю немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился к Новгороду со множеством пленников и с большой добычею.

Отец же его, великий князь Александр, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Нижнем Новгороде, и здесь был недолго здоров, а дойдя до Городца — разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как сможешь описать ты кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как же не разорвется сердце твое от плача! Отца человек может покинуть, а доброго господина невозможно покинуть, если бы мог, и в гроб бы лег с ним!

Великий же князь Александр, ревнуя господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием принять ангельский образ. Сподобил же его бог и высший чин принять — схиму. И так господу дух свой предав, с миром скончался месяца ноября в 14 день, в день памяти святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдется ни один подобный ему князь в земле Суздальской!» Иереи и дьяконы, черноризцы, нищие и богатые, и все люди говорили: «Уже погибаем!»

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с чином церковным, вместе с князьями и боярами, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ же толпился, желая прикоснуться к чест-

честнѣм одрѣ святого тѣла его. Бысть же вопль и кричание, и туга тяжка, якова же нѣсть бывала тако, яко и земли потрястися.

Положено же бысть тѣло его в Рожестве святыя богородица, в архимандритьи велицѣй, месяца ноября в 23 день, на память святого отца Амфилохия.

Бысть же тогда чюдо дивно и памяти достойно. Егда убо положено бысть святое тѣло его в раку, тогда Савастиян иконом и Кирил митрополит хотеста розъяти ему руку, да вложита ему грамоту душевную. Он же сам, акы жив сущи, распростер руку свою и взят грамоту от рукы митрополита. И прият же я́ ужасть, и едва отступиша от ракы его.

Се же бысть слышано всѣм от господина митрополита и от иконома его Савастияна.

Кто не удивится о сем, яко тѣлу бездушну сущю и везому от далних град в зимное время! И тако прослави бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославльшему святая своя в веки веком. Аминь.

ному одру, на котором лежало его святое тело. Был же крик, и плач, и стон такой, какого еще никогда не бывало — так что земля содрогнулась.

Положено же было тело его в церкви Рождества святой богородицы, в архимандритье великой, месяца ноября в 23 день, в день памяти святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное, достойное памяти. Когда положено было святое тело его в гроб, Севастьян эконом и Кирилл митрополит хотели разжать ему руку, чтобы вложить в нее духовную грамоту. Он же сам, как живой, протянул руку и взял грамоту из рук митрополита. И объял их ужас, и едва отступили от гробницы его.

Об этом все услышали от господина митрополита и от эконома его Севастьяна.

Кто ли не удивится тому, если был он мертв и тело было привезено издалека в зимнее время! И так прославил бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославившему святых своих во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

В лѣто 6745. В фторое на десят лѣто по принесении чюдотворнаго образа ис Корсуня прииде безбожный царь Батый на Русскую землю со множество вой татарскыми, и ста на рѣце на Воронеже близ Резанскиа земли. И присла на Резань к великому князю Юрью Ингоревичю Резанскому послы бездѣлны, просяща десятины въ всем: во князех и во всяких людех, и во всем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыа, и воскоре посла в град Владимер к благовѣрному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимръской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о собе сам сотворити брань з Батыем. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич Резанский, что нѣсть ему помощи от великаго князя Георьгия Всеволодовича Владимерьскаго, и вскоре посла по братью свою по князя Давида Ингоревича Муромского, и по князя Глѣба Ингоревича Коломенского, и по князя Олга Краснаго, и по Всевалада Проньского, и по прочии князи. И начаша совещевати, яко нечистиваго подобает утоляти дары. И посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанския земли. Князь Федор Юрьевич прииде на реку на Воронеже к царю Батыю, и принесе ему дары и моли царя, чтобы не воевал Резанския земли. Безбожный царь Батый, лстив бо и немилосерд, приа дары, охапися лестию не воевати Резанскиа земли. И ряся-хваляся воевати Русскую землю. И нача просити у рязаньских князей тщери или сестры собѣ на ложе. И нѣкий от велмож резанских завистию насочи безбожному царю Батыю на князя Федора Юрьевича Резанскаго, яко имѣет у собе княгиню от царьска рода, и лѣпотою-тѣлом красна бѣ зело. Царь

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

В год 6745 (1237). В двенадцатый год по перенесении чудотворного образа из Корсуня пришел на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутевых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всем: во князьях, во всяких людях и в остальном. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя и тотчас послал в город Владимир к благоверному великому князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирский и сам не пошел, и помощи не послал, задумав один сразиться с Батыем. И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помощи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимирского, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать — как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Федора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю. И пришел князь Федор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принес ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю, но только похвалялся и грозился повоевать всю Русскую землю. И стал у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбож-

Батый лукав есть и немилостив в невѣрии своем, пореваем в похоти плоти своея, и рече князю Федору Юрьевичю: «Дай мнѣ, княже, вѣдети жены твоей красоту». Благовѣрный князь Федор Юрьевич Резанской и посмѣяся, и рече царю: «Не полезно бо есть нам християном тобѣ нечестивому царю водити жены своя на блуд. Аще нас приодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши». Безбожный царь Батый возярися и огорчися, и повелѣ вскорѣ убити благовѣрнаго князя Федора Юрьевича, а тѣло его повелѣ поврещи зверем и птицам на разтерзание; и инех князей, нарочитых людей воиньских побилъ.

И единъ от пѣстун князя Федора Юрьевича укрыся именем Апоница, зря на блаженое тѣло честнаго своего господина горько плачющися, и видя его никим брегома, и взя возлюбленаго своего государя, и тайно̀ сохрани его. И ускори к благовѣрной княгине Еупраксѣе, и сказа ей, яко нечестивый царь Батый убий благовѣрнаго князя Федора Юрьевича.

Благовѣрная княгиня Еупраксѣа стоаше в превысоком храме своемъ и держа любезное чадо свое князя Ивана Федоровича, и услыша таковыа смертноносныя глаголы, и горести исполнены, и абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти. И услыша великий князь Юрьи Ингоревич убиение возлюбленаго сына своего блаженаго князя Федора, инѣх князей, нарочитых людей много побито от безбожнаго царя, и нача плакатися, и с великою княгинею, и со прочими княгинеми, и з братею. И плакашеся весь град на многъ час. И едва отдохнув от великаго того плача и рыданиа, и начаша совокупляти воинство свое, и учредиша. Князь великий Юри Ингоревич, видя братию свою и боляръ своих и воеводе храбрыи мужественны ѣздяше, и воздѣ руцѣ на небо со слезами и рече: «Изми нас от враг наших, боже. И от востающих на нь избави нас, и покрый нас от сонма лукавнующих, и от множества творящих безаконие. Буди путь их тма и ползок». И рече братии своей: «О господия и братиа моа, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим! Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти. Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святыа божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за очину отца нашего великаго князя Ингоря Святославича». И поидоша в церковь пресвятыя владычицы богородици честнаго ея Успениа. И плакася много пред образом пречистыа богородици и великому чюдотворцу Николе и сродником своим Борису и

ному царю Батыю, что имеет князь Федор Юрьевич Рязанский княгиню из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый лукав был и немилостив, в неверии своем распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женами нашими владеть будешь». Безбожный царь Батый оскорбился и разъярился и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Федора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно схоронил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Федора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своем и держала любимое чадо свое — князя Ивана Федоровича, и как услышала она смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти. И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убиении безбожным царем возлюбленного сына своего, князя Федора, и многих князей, и лучших людей и стал плакать о них с великой княгиней и с другими княгинями и с братией своей. И плакал город весь много времени. И едва отдохнул князь от великого того плача и рыдания, стал собирать воинство свое и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и бестрепетно скачущих, воздел руки к небу и сказал со слезами: «Избавь нас, боже, от врагов наших, и от подымающихся на нас освободи нас, и сокрой нас от сборища нечестивых и от множества творящих беззаконие. Да будет путь им темен и скользок». И сказал братии своей: «О государи мои и братия! Если из рук господних благое приняли, то и злое не потерпим ли? Лучше нам смертью славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича». И пошел в церковь Успения пресвятой владычицы богородицы, и плакал много перед образом пречистой, и молился великому чудотворцу Николе и сродд-

Глѣбу. И дав последнее целование великой княгини Агрепѣне Ростиславне, и прием благословение от епископа и от всего священнаго собора. И поидоша против нечестиваго царя Батыя, и стретоша его близ придел резанских. И нападоша на нь, и начаша битися крепко и мужественно, и бысть сѣча зла и ужасна. Мнози бо силнии полки падоша Батыеви. Царь Батый, и видяше, что господство резаньское крѣпко и мужественно бьяшеся, и возбояся. Да противу гнѣву божию хто постоит! А Батыеве бо и силе велице и тяжце, един бьяшеся с тысящей, а два со тмою. Видя князь великий убиение брата своего князя Давида Ингоревича, и воскричаша: «О братие моя милая! князь Давидъ, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сея чаши не пьем!» И преседоша с коня на кони, и начаша битися прилѣжно. Многиа силныя полкы Батыевы проеждяа, храбро и мужественно бьяшеся, яко всѣм полком татарьскым подивитися крѣпости и мужеству резанскому господству. И едва одолѣша их силныя полкы татарскыа. Ту убиен бысть благовѣрный князь велики Георгий Ингоревич, брат его князь Давид Ингоревич Муромской, брат его князь Глѣбъ Ингоревич Коломенской, брат их Всеволод Проньской, и многая князи мѣсныа и воеводы крѣпкыа, и воинство: удалцы и резвецы резанския. Вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возратися вспять: вси вкупе мертвии лежаша. Сиа бо наведе бог грех ради наших.

А князя Олга Ингоревича яша еле жива суща. Царь же, видя свои полкы мнозии падоша, и нача велми скръбѣти и ужасатися, видя своея силы татарскыя множество побьеных. И начаша воевати Резанскую землю, и веля бити, и сѣчи, и жещи без милости. И град Прънескъ, и град Бѣл, и Ижеславець розари до основаниа, и всѣ люди побиша без милости. И течаше кровь христьянская, яко река силная, грѣх ради наших.

Царь Батый и видя князя Олга Ингоревича велми красна и храбра, и изнемогающи от великых ран, и хотя его изврачевати от великых ран и на свою прелесть возвратити. Князь Олег Ингоревич укори царя Батыа, и нарек его безбожна, и врага христьанска. Окаяный Батый и дохну огнем от мерскаго сердца своего, и въскоре повелѣ Олга ножи на части роздробити. Сий бо есть вторый страстоположник Стефан, приа венець своего страданиа от всемилостиваго бога, и испи чашу смертную своею братею ровно.

Царь Баты окаяный нача воевати Резанскую землю, и поидоша ко граду к Резани. И обьступиша град, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево бо войско пременишася, а гра-

никам своим Борису и Глебу. И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславовне и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошел против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьется крепко и мужественно, и испугался. Но против гнева божия кто постоит! Батыевы же силы велики были и непреоборимы; один рязанец бился с тысячей, а два — с десятью тысячами. И увидел князь великий убиение брата своего, князя Давыда Ингваревича, и воскликнул в горести души своей: «О братия моя милая! Князь Давыд, брат наш, наперед нас чашу испил, а мы ли сей чаши не изопьем!» И пересели с коня на конь и начали биться упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно биясь, так что всем полкам татарским подивиться крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеволод Пронский и многие князья местные и воеводы крепкие и воинство: удальцы и резвецы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые. Сие все навел бог грех ради наших.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. Царь же, увидев многие свои полки побитыми, стал сильно скорбеть и ужасаться, видя множество убитых из своих войск татарских. И стал воевать Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И град Пронск, и град Бел, и Ижеславец разорил до основания и всех людей побил без милосердия. И текла кровь христианская, как река сильная, грех ради наших.

И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тех ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части. И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилостивого бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею.

И стал воевать царь Батый окаянный Рязанскую землю и пошел ко граду Рязани. И осадил град, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессмен-

жане непремѣно бьяшеся. И многих гражан побиша, а инѣх уазвиша, а инии от великих трудов изнемогша. А въ шестый день рано приидоша погании ко граду, овии с огни, а ини с пороки, а инѣи со тмочислеными лѣствицами, и взяша град Резань месяца декабря 21 день. И приидоша в церковь собрѣную пресвятыа Богородици, и великую княгиню Агрепѣну матерь великаго князя, и с снохами и с прочими княгинеми мечи исекоша, а епископа и священический чин огню предаша, во святѣй церкве пожегоша, а инѣи мнози от оружиа падоша. А во граде многих людей, и жены, и дѣти мечи исекоша. И иных в рѣцѣ потопиша, и ерѣи черноризца до останка исекоша, и весь град пожгоша, и все узорочие нарочитое, богатство резанское и сродник их киевское и черъниговское поимаша. А храмы божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша. И не оста во граде ни единъ живых: вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣсть бо ту ни стонюща, ни плачюща — и ни отцу и матери о чадех, или чадом о отци и о матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сиа вся наиде грех ради наших.

Безбожный царь Батый и видя велие пролитие крови християнскиа, и возярися зело, и огорчися, и поиде на град Суздаль и Владимеръ, и желая Рускую землю попленити, и вѣру християнскую искоренити, и церкви божии и до основаниа разорити.

И нѣкий от велмож резанских имянем Еупатий Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем, и услыша приход зловѣрнаго царя Батыя, и иде из Чернигова с малою дружиною, и гнаша скоро. И приѣха в землю Резаньскую, и видѣ ея опустѣвшую, грады разорены, церкви пожены, люди побьены. И пригна во град Резань и видѣ град разоренъ, государи побиты, и множества народа лежаща: ови побьены и посѣчены, а ины позжены, ины в рецѣ истоплены. Еупатий воскрича в горести душа своея и разпалаяся в сердцы своем. И собра мало дружины: тысящу семсотъ человек, которых бог соблюде быша внѣ града. И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей, и внезапу нападоша на станы Батыевы. И начаша сѣчи без милости, и сметоша яко всѣ полкы татарскыа. Татарове же сташа, яко пияны, или неистовы. Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарскыа мечи и сѣчаша их. Татарове мняша, яко мертви восташа. Еупатий силныа полкы татарьскыя проеждяя,

но бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли. А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнями, другие со стенобитными орудиями, а третьи с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в 21 день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали. И во граде многих людей, и жен, и детей мечами посекли, а других в реке потопили, а священников и иноков без остатка посекли, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское, и сродников рязанских князей — князей киевских и черниговских — захватили. А храмы божии разорили и во святых алтарях много крови пролили. И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мертвые. И было все то за грехи наши.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился, и пошел на Суздаль и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малою дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую и увидел ее опустевшую, города разорены, церкви пожжены, люди убиты. И помчался во град Рязань и увидел город разорен, государей убитых и множество народа полегшего: одни убиты и посечены, другие пожжены, а иные в реке потоплены. И воскричал Евпатий в горести души своей, распаляяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину — тысячу семьсот человек, которых бог соблюл вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва нагнали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешалися все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно.

бьяше их нещадно. И ездя по полком татарским храбро и мужественно, яко и самому царю возбоятися.

И едва поимаша от полку Еупатиева пять человекъ воиньскых, изнемогших от великих ран. И приведоша их къ царю Батыю. Царь Батый нача вопрошати: «Коеа вѣры еста вы, и коеа земля, и что мнѣ много зла творите?» Они же рѣша: «Вѣры християнскыя есве, раби великаго князя Юрья Ингоревича Резанскаго, а от полку Еупатиева Коловрата. Посланы от князя Ингваря Ингоревича Резанскаго тебя силна царя почтити и честна проводити, и честь тобѣ воздати. Да не подиви, царю, не успевати наливати чаш на великую силу — рать татарьскую». Царь же подивися отвѣту их мудрому. И посла шурича своего Хостоврула на Елупатиа, а с ним силныа полкы татарскыа. Хостоврулъ же похвалися пред царем, хотя Еупатия жива пред царя привести. И ступишася силныя полкы татарскыа, хотя Еупатиа жива яти. Хостоврул же сьехася сь Еупатием. Еупатей же исполин силою и разсѣче Хостоврула на полы до седла. И начаша сѣчи силу татарскую, и многих тут нарочитых багатырей Батыевых побил, ових на полы пресекоша, а иных до седла краяше. Татарове возбояшеся, видя Еупатиа крѣпка исполина. И навадиша на него множество пороков, и нача бити по нем ис тмочисленых пороков, и едва убиша его. И принесоша тѣло его пред царя Батыа. Царь Батый посла по мурзы, и по князи, и по санчакбѣи, и начаша дивитися храбрости, и крѣпости, и мужеству резанскому господству. Они же рекоша царю: «Мы со многими цари, во многих землях, на многихъ бранех бывали, а таких удалцов и резвецов не видали, ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатыи, и не имеюще смерти: тако крѣпко и мужественно ездя, бьяшеся един с тысящею, а два со тмою. Ни един от них может сьехати жив с побоища». Царь Батый и зря на тело Еупатиево, и рече: «О Коловрате Еупатие! гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полкы падоша. Аще бы у меня такий служилъ,—держал бых его против сердца своего». И даша тѣло Еупатево его дружинѣ останочной, которые поиманы на побоище. И веля их царь Батый отпустити, ни чем вредити.

Князь Ингварь Ингоревич в то время был в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского богъм соблюден от злаго того отметника врага христьянскаго. И прииде из Чернигова в землю Резанскую во свою отчину, и видя

Битва на Чудском озере.
Миниатюра. XVI в.

Лаптевский летописный свод
(ГПБ, F. IV. 233, л. 938).

И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился.

И едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?» Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почествовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу—рать татарскую». Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого. И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на́-полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал. И возбоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбеями,— и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю приближенные: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются — один с тысячею, а два — с десятью тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища». И сказал Батый, глядя на тело Евпатьево: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня,— держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватали на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеволодовича Черниговского, сохранен богом от злого того отступника и врага христианского. И пришел из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и уви-

ея пусту, и услыша, что братья его всѣ побиены от нечестиваго законопреступника царя Батыа, и прииде во град Резань и видя град разорен, а матерь свою, и снохи своа, и сродник своих, и множество много мертвых лежаща, и град разоренъ, церкви позжены и все узорочье в казне черниговской и резанской взято. Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грѣх ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вещающи. И от великаго кричаниа, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертвъ. И едва отлѣяша его и носяша по вѣтру. И едва отдохну душа его в нем.

Кто бо не возплачетца толикиа погибели, или хто не возрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет таковаго пленения.

Князь Ингварь Ингоревич, розбирая трупиа мертвых, и наиде тѣло матери своей великия княгини Агрепены Ростиславны, и позна снохи своя, и призва попы из веси, которых бог соблюде, и погребе матерь свою, и снохи своа плачем великым во псалмов и пѣсней мѣсто: кричаше велми и рыдаше. И похраняше прочиа трупиа мертвых, и очисти град, и освяти. И собрашася мало людей, и даша им мало утешениа. И плачася безпрестано, поминая матерь свою и братию свою, и род свой, и все узорочье резанское — вскоре погибе. Сиа бо вся наиде грѣх ради наших. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видѣти — токмо дым и пепел, а церкви всѣ погорѣша, а великая церковь внутрь погоре и почернѣша. Не един бо сий град плененъ бысть, но и инии мнози. Не бѣ бо во граде пѣниа, ни звона, в радости мѣсто всегда плач творяще.

Князь Ингварь Ингоревич поиде и гдѣ побьени быша братья его от нечестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингоревич Резанской, брат его князь Давид Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревичь и многиа князи мѣсныа, и бояре, и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвецы, узорочие резанское. Лежаша на земли пусте, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзоша, ни ким брегома. От зверей телеса их снѣдаема, и от множества птиц разъстерзаемо. Всѣ бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную. И видя князь Ингварь Ингоревич велия трупиа мертвых лежаша, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перьси свои рукама биюще, и ударяшеся о земля. Слезы же его от очию, яко потокъ, течаше и жалосно вещающи: «О милая моа братья и господие! како успе животе мои дра-

дел ее пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришел во град Рязань, и увидел город разорен, а мать свою, и снох своих, и сродников своих, и многое множество людей лежащих мертвыми, и церкви пожжены, и все узорочье из казны черниговской и рязанской взято. Увидел князь Ингварь Ингваревич великую последнюю погибель за грехи наши и жалостно воскричал, как труба, созывающая на рать, как орган звучащий. И от великого того кричания и вопля страшного пал на землю, как мертвый. И едва отлили его и отходили на ветру. И с трудом ожила душа его в нем.

Кто не восплачется о такой погибели? Кто не возрыдает о стольких людях народа православного? Кто не пожалеет стольких убитых государей? Кто не застонет от такого пленения?

И разбирал трупы князь Ингварь Ингваревич, и нашел тело матери своей великой княгини Агриппины Ростиславовны, и узнал снох своих, и призвал попов из сел, которых бог сохранил, и похоронил матерь свою и снох своих с плачем великим вместо псалмов и песнопений церковных. И сильно кричал и рыдал. И похоронил остальные тела мертвых, и очистил город, и освятил. И собралось малое число людей, и утешил их. И плакал беспрестанно, поминая матерь свою, и братию свою, и род свой, и все узорочье рязанское, без времени погибшее. Все то случилось по грехам нашим. Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство ее, и отошла слава ее, и нельзя было увидеть в ней никаких благ ее — только дым, земля и пепел. А церкви все погорели, и великая церковь внутри изгорела и почернела. И не только этот град пленен был, но и иные многие. Не стало во граде ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошел князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были от нечестивого царя Батыя братия его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы; и все воинство, и удальцы, и резвецы, узорочье рязанское. Лежали они все на земле пусте, на траве ковыле, снегом и льдом померзнувшие, никем не блюдомые. Звери тела их поели, и множество птиц их потерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И увидел князь Ингварь Ингваревич великое множество тел лежащих, и воскричал горько громким голосом, как труба звучащая, и бил себя в грудь руками и падал на землю. Слезы его из очей как поток текли, и говорил он жалостно: «О милая моя братия и воинство!

гии! Меня единаго оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте сокровища живота моего? Про что не промолвите ко мнѣ, брату вашему, цвѣты прекрасныи, винограде мои несозрѣлыи? Уже не подасте сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мнѣ — брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене брата своего, от единаго отца роженаго, и единые утробы честнаго плода матери нашей — великие княгини Агрепѣны Ростиславне, и единым сосцом воздоеных многоплоднаго винограда? И кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте, звѣзды восточные, почто рано зашли есте! Лежите на земли пусте, ни ким брегома, чести — славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Гдѣ господство ваше? Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлѣнии. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свѣте мои драгии, чему помрачилися есте? Не много нарадовахся с вами! Аще услышит богъ молитву вашу, то помолитеся о мнѣ, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселие плач и слезы придоша ми, а за утѣху и радость сетование и скрѣбь яви ми ся! Почто аз не преже вас умрох, да бых не видѣл смерти вашея, а своея погибели. Не слышите ли бѣдных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погибе толико господарей и многие узорочье резанское храбрых удалцев. Ни един от нихъ возвратися вспять, но вси рано умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моея язык мой связается, уста загражаются, зрак опусмевает, крѣпость изнемогает».

Бысть убо тогда многи туги и скорби, и слез, и воздыханиа, и страха, и трепета от всѣх злых, находящих на ны. Великий князь Ингварь Ингоревич воздѣ руцѣ на небо со слезами возва, глаголаша: «Господи, боже мой, на тя уповах, спаси мя, и от всѣх гонящих избави мя. Пречиста владычице богородице Христа бога нашего, не остави мене во время печали моея. Великие страстотерпыи сродники наши Борис и Глѣбъ, буди мнѣ помощники, грешному, во бранех. О братие моа и господие, помогайте мнѣ во святых своих молитвах на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода».

Князь Ингварь Ингоревич начаша разбирати трупие мертвых, и взя тѣло братьи своей, и великаго князя Георгия Ингоревича, и князя Давида Ингоревича Муромского, и князя Глѣба

Как уснули вы, жизни мои драгоценные, и меня одного оставили в такой погибели? Почему не умер я раньше вас? И как закатились вы из очей моих? И куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозрелые? Уже не подарите сладость душе моей! Почему не посмотрите вы на меня, брата вашего, и не поговорите со мною? Ужели забыли меня, брата вашего, от единого отца рожденного и от единой утробы матери нашей — великой княгини Агриппины Ростиславовны, и единою грудью многоплодного сада вскормленного? На кого оставили вы меня, брата своего? Солнце мое дорогое, рано заходящее! Месяц мой красный! Скоро погибли вы, звезды восточные; зачем же закатились вы так рано? Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые; чести-славы ни от кого не получаете вы! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселюся с вами! Светочи мои ясные, зачем потускнели вы? Не много порадовался с вами! Если услышит бог молитву вашу, то помолитесь обо мне, брате вашем, чтобы умер я вместе с вами. Уже ведь за веселием плач и слезы пришли ко мне, а за утехой и радостью сетование и скорбь явились мне! Почему не прежде вас умер, чтобы не видеть смерти вашей, а своей погибели? Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот и как опишу его, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — удальцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все рано умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает».

Было тогда много тоски, и скорби, и слез, и вздохов, и страха, и трепета от всех тех злых, которые напали на нас. И воздел руки к небу великий князь Ингварь Ингваревич и воззвал со слезами: «Господи боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонящих избавь меня. Пречистая матерь Христа, бога нашего, не оставь меня в печали моей. Великие страстотерпцы и сродники наши Борис и Глеб, будьте мне, грешному, помощниками в битвах. О братия мои и воинство, помогайте мне во святых ваших молитвах на врагов наших — на агарян и род Измаила».

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мертвых, и взял тела братьев своих — великого князя Юрия Ингваревича, и князя Давыда Ингваревича Муромского, и князя Глеба

Ингоревича Коломенского, и инех князей мѣсных — своих сродниковъ, и многих бояръ, и воевод, и ближних знаемых, принесе их во град Резань, и похраняше их честно, а инех тут на мѣсте на пусте собираше и надгробное пѣша. И похраняше князь Ингварь Ингоревич, и поиде ко граду Пронску, и собра раздроблены уды брата своего благовѣрнаго и христолюбиваго князя Олга Ингоревича и несоша его во град Резань, а честную его главу сам князь велики Ингвар Иньгоревич и до града понеси, и целова ю̀ любезно, положиша его с великим князем Юрьем Ингоревичем во единой раце. А братью свою князя Давида Ингоревича, да князя Глѣба Ингоревича положиша у него близ гроба их во единой рацѣ. Поиде же князь Ингвар Ингоревичь на реку на Воронеж, иде убьен бысть князь Федор Юрьевич Резанской, и взя честное тѣло его, и плакася над ним на долгъ час. И принесе во область его к великому чюдотворцу Николе Корсунскому, и его благовѣрьную княгиню Еупраксѣю, и сына их князя Ивана Федоровича Посника во едином мѣстѣ. И поставиша над ними кресты камены. И от сея вины да зовется великий чюдотворець Николае Заразский, яко благовѣрная княгиня Еупраксѣа и с сыном своим князем Иваном сама себе зарази.

Сии бо государи рода Владимера Святославича — сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского. Бяше родом христолюбивыи, братолюбивыи, лицем красны, очима светлы, взором грозны, паче мѣры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приежим привѣтливы, к церквам прилѣжны, на пированье тщывы, до осподарьских потех охочи, ратному дѣлу велми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен умъ имѣяше, в правде-истине пребываста, чистоту душевную и телесную без порока соблюдаста. Святаго корени отрасли, и богом насажденаго сада цвѣты прекрасныи. Воспитани быша въ благочестии со всяцем наказании духовнем. От самых пеленъ бога возлюбили. О церквах божиих велми печашеся, пустошных бесѣд не творяще, срамных человек отвращашеся, а со благыми всегда бѣсѣдоваша, божественых писаниих всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшениа ивляшеся, многия враги, востающи на них, побеждаша, и во всех странах славна имя имяша. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у нихъ многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряющи своего спасениа. В чистой совести, и крѣпости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдающи

Ингваревича Коломенского, и других князей местных — своих сродников, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принес их во град Рязань, и похоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил. И, похоронив так, пошел князь Ингварь Ингваревич ко граду Пронску, и собрал рассеченные части тела брата своего благоверного и христолюбивого князя Олега Ингваревича, и повелел нести их во град Рязань. А честную главу его сам князь великий Ингварь Ингваревич до града понес, и целовал ее любезно, и положил его с великим князем Юрием Ингваревичем в одном гробу. А братьев своих, князя Давыда Ингваревича да князя Глеба Ингваревича, положил в одном гробу близ могилы их. Потом пошел князь Ингварь Ингваревич на реку на Воронеж, где убит был князь Федор Юрьевич Рязанский, и взял тело честное его, и плакал над ним долгое время. И принес в область его к иконе великого чудотворца Николы Корсунского. И похоронил его вместе с благоверной княгиней Евпраксией и сыном их князем Иваном Федоровичем Постником во едином месте. И поставил над ними кресты каменные. И по той причине зовется великого чудотворца Николы икона Заразской, что благоверная княгиня Евпраксия с сыном своим князем Иваном сама себя на том месте «заразила» (разбила).

Те государи из рода Владимира Святославича — отца Бориса и Глеба, внуки великого князя Святослава Ольговича Черниговского. Были они родом христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны, и перед братией своей и перед их послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали, чистоту душевную и телесную без порока соблюдали. Отрасль они святого корени и богом насажденного сада цветы прекрасные! Воспитаны были в благочестии и во всяческом наставлении духовном. От самых пеленок бога возлюбили. О церквах божиих усердно пеклись, пустых бесед не творили, злонравных людей отвращались, и с добрыми только беседовали, и божественные писания всегда с умилением слушали. Врагам в сражениях страшными являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили. К греческим царям великую любовь имели и дары от них многие принимали. А в браке целомудренно жили, помышляя о своем спасении. С чистой совестью, и крепостью, и разумом держали свое земное царство, и к небесному

тѣло свое по браце греху непричасна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на рамѣ своем носяща. И честь и славу от всего мира приимаста, а святыа дни святаго поста честно храняста, а по вся святыа посты причащастася святых пречистых бесмертных таин. И многи труды и побѣды по правой вѣре показаста. А с погаными половцы часто бьяшася за святыа церкви, и православную вѣру. А отчину свою от супостат велми без лѣности храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от невѣрных царей, детей их и братью к собѣ приимаста, и на вѣру истиную обращаста.

Благовѣрный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и манастыри согради, и пришелцы утѣши, и люди собра. И бысть радость християном, их же избави богъ рукою своею крѣпкою от безбожнаго зловѣрнаго царя Батыя. А Кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца его отчине.

приближаясь. Плоти своей не угождали, соблюдая тело свое после брака непричастным греху. Государев сан держали, а к постам и молитвам были прилежны и кресты на груди своей носили. И честь и славу от всего мира принимали, а святые дни святого поста честно хранили и во все святые посты причащались святых пречистых и бессмертных тайн. И многие труды и победы по правой вере показали. А с погаными половцами часто бились за святые церкви и православную веру. А отчину свою от врагов безленостно оберегали. И милостыню неоскудную давали и ласкою своею многих из неверных царей, детей их и братьев к себе привлекали и к вере истинной обращали.

Благоверный князь Ингварь Ингваревич, названный во святом крещении Козьмой, сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя. А господина Михаила Всеволодовича Пронского посадил на отца его отчине.

СКАЗАНИЕ ОБ ИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Аз есмь Иоанн царь и поп, над цари царь, имѣю под собою 3000 цареи и 300. Аз есмь поборник по православнои вѣрѣ Христовѣ. Царство мое таково: итти на едину страну 10 месяць, а на другую немощно доитти, занеже тамо соткнуся небо з землею. Есть у мене в единой странѣ люди нѣмы, а в ынои земли люди рогаты, а в ынои странѣ люди трепяцдци, а иныя люди 9-ти сажен, иже суть волотове, а иныя люди четвероручны, а иныя люди о шести рук, а иныя у мене земля, в неи же люди пол пса да пол человека, а иные у мене люди в персех очи и рот, а во инои земли у мене люди верху рты великы, а иные у мене люди скотьи ноги имѣюще. Есть у мене люди пол птици, а пол человека, а иныя у мене люди глава песья; а родятся у мене во царствии моем звѣрие у мене: слонови, дремедары, и коркодилы и велбуди керно. Коркодил звѣрь лют есть, на что ся разгнѣваеть, а помочится на древо или на ино что, в тои час ся огнем сгорить. Есть в моеи земли пѣтухы, на них же люди яздять. Есть у меня птица ногои, вьет себѣ гнѣздо на 15 дубов. Есть в моем царствии птица финикс, свиваеть себѣ гнѣздо на нов месяць и приносить от огня небеснаго и сама зажигаеть гнѣздо свое, а сама ту тоже сгараеть; и в том же попелѣ заражается червь, и опернатѣеть, и потом та же птица бываеть едина, болѣ того плода нѣт тои птици, 500 бо лѣт живеть. А посреди моего царства идеть рѣка Едем из рая, в тои рѣцѣ емлють драгии камень акинф и самфир, и памфир, и измарагд, сардик и аспид, тверд же и аки угль горящь. Есть камень кармакаул, тои же камень господин всем камением драгим, в нощи же свѣтить, аки огнь горить. Есть у мене земля, в неи же трава, ея же всяк звѣрь бѣгаеть, а нѣт в моеи земли ни татя, ни разбоиника, ни завидлива человека, занеже моя земля полна всякого богатьства. А нѣт в моеи земли ни ужа, ни жабы, ни змеи, а хотя и воидеть,

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

СКАЗАНИЕ ОБ ИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Я — Иоанн, царь и поп, над царями царь. Под моей властью 3300 царей. Я поборник по православной вере Христовой. Царство же мое таково: в одну сторону нужно идти 10 месяцев, а до другой дойти невозможно, потому что там небо с землею встречается. И живут у меня в одной области немые люди, а в другой — люди рогатые, а в иной земле — трехногие люди, а другие люди — девяти сажен, это великаны, а иные люди с четырьмя руками, а иные — с шестью. И есть у меня земля, где у людей половина тела песья, а половина человечья. А у других моих людей очи и рот в груди. В иной же моей земле у людей сверху большие рты, а другие мои люди имеют скотьи ноги. Есть у меня люди — половина птицы, половина человека, а у других людей головы собачьи. Родятся в моем царстве звери: слоны, дромадеры, крокодилы и двугорбые верблюды. Крокодил — лютый зверь: если он, разгневавшись на что-нибудь, помочится — на древо или на что-либо иное,— тотчас же оно сгорает огнем. Есть в моей земле петухи, на которых люди ездят. Есть у меня птица ног, она вьет себе гнездо на 15 дубах. Есть в моем царстве птица феникс; в новолунье она свивает себе гнездо, приносит с неба огонь, сама сжигает свое гнездо и сама здесь тоже сгорает. А в этом пепле зарождается червь; потом он покрывается перьями и становится единственной птицей, другого плода у этой птицы нет. А живет она 500 лет. Посреди же моего царства течет из рая река Эдем. В той же реке добывают драгоценные камни: гиацинт, сапфир, памфир, изумруд, сардоникс и яшму, твердую и как уголь сверкающую. Есть камень кармакаул; этот камень — господин всем драгоценным камням, ночью он светится, как огонь. Есть у меня земля, а в ней трава, которую всякий зверь избегает. И нет в моей стране ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, потому что земля моя

ту и умреть. Есть у мене земля, в неи же ражается перець, вси люди по то ходять. Опроче всѣх есть у нас море пѣсочное езеро, да николи же не стоить на едином мѣстѣ; отколѣ ветр потянеть, ино поидеть вал, и восходять те валы на брег за 300 верст. Того же моря не преходить никаков человек, ни кораблем, ни которым промыслом. И за тѣм морем не вѣдает никаков человек, есть ли тамо люди, нѣт ли, и с того моря в нашю землю текут рекы многи, в них же рыбы сладкы, и посторонь того моря за 3 дни суть горы высокы, от них же течеть рѣка каменна, валится камение великое и малое по себѣ 3 дни. Идет же то камение в нашю землю в то море пѣсочное, и покрывають валове моря того и. Близ тоя рѣкы едино днище есть горы пусты высокы, их же верха человеку не мощно дозрѣти, и с тѣх гор течеть река под землею не велика; но во едино время разступается земля над рѣкою тою, и кто узрѣв да борзо воскочить в рѣку ту, того ради да бы ся о нем земля не соступи, а что похватить и вынесеть борзо, оже камень, тои драгии камень видится, а яже пѣсок похватить, то великы женчюг возмется. Та же рѣка течеть в великую рѣку, люди же тоя земли ходять на устье рѣкы, а емлють драгыи камень четьи и женчюг, а кормять свои дѣти сырыми рыбами, и понирають в рѣку ту иныя на 3 месяци, а иныя на 4-ре месяци, ищуть камения драгаго. За тою рѣкою едино днище есть горы высокы и толсты, не лзѣ на них человеку зрѣти. И с тѣх гор пылаеть огнь по многым местом, и в том огни живуть черви, а безо огня не могуть жити, аки рыбы без воды, и тѣ черви точать ис себе нити аки шиду, и в тѣх нитех наши жены дѣлають нам порты, и тѣ порты коли ся изрудять, водою их не мьють, вергуть их в огнь, и како разгорятся, ини чисти будуть. Есть у мене во инои странѣ звѣзда именем Лувияярь.

А егда поидем на рать, кому хощем болшеи работѣ предати, идуть пред мною и несуть ту 20 крестов и 20 стягов. Тѣ же кресты и стязи велици злати с драгими каменми и с великыми женчюги здѣлани, в нощ же свѣтять аки в день. Тѣ же кресты и стязи идуть на 20-ти колесницах и 6-ти, а у которыя же колесница служать по 100 тысящь конник, а по 100 тысящь пѣшие рати опричь тех, которыя на нас брашно везуть. А коли поидем к нарочиту мѣсту на бои, ини несуть пред мною един крест древян, на нем же изображено господне распятие, того ради да быхом поминали господню страсть и распятие. Сторонь того креста несуть блюдо злато велико, на нем же едина земля; на землю

полна всякого богатства. И нет в моей земле ни ужа, ни жабы, ни змеи, а если и появляются, сразу умирают. Есть у меня земля, где родится перец; за ним все люди ходят. Помимо же всего прочего есть у нас песчаное море. Оно никогда не стоит на одном месте: откуда подует ветер, оттуда идет вал; и находят те валы на берег за 300 верст. Этого моря не может перейти никакой человек — ни на корабле, ни иначе как. А есть ли за тем морем люди или нет — никто не знает. Из этого моря в нашу землю текут многие реки, в которых водится вкусная рыба. В стороне от этого моря, в трех днях пути, находятся высокие горы, с которых течет каменная река: большие и малые камни валятся сами по себе 3 дня. Идут же те камни в нашу землю, в то море песчаное, и покрывают их валы этого моря. Вблизи от той реки, на расстоянии одного дня пути, есть пустынные высокие горы, вершины которых невозможно человеку увидеть. И с тех гор течет под землею небольшая река. В определенное время земля расступается над этой рекой, и если кто, увидев это, быстро — так, чтобы земля над ним не сомкнулась,— прыгнет в ту реку, схватит что попало и сразу же вынесет, то камень оказывается драгоценным камнем, а песок — крупным жемчугом. Эта река течет в большую реку; люди той земли ходят на устье реки и собирают драгоценные камни и отборный жемчуг. А детей своих они кормят сырыми рыбами. В ту реку ныряют некоторые на три месяца, некоторые на четыре,— ищут камни драгоценные. В одном дне пути за той рекой есть высокие и мощные горы, на которые человеку нельзя смотреть. В этих горах по многим местам пылает огонь, и в том огне живут черви, а без огня они не могут жить, как рыбы без воды. И те черви точат из себя нити, как шелк, а из тех нитей наши жены делают нам одежду. И когда та одежда загрязнится, водою ее не моют: бросают в огонь; и как только раскалится, вновь становится чистой. Есть у меня в иной стране звезда именем Лувияръ.

А если идем на войну, когда хотим кого-нибудь покорить, предо мною идут и несут 20 крестов и 20 стягов. А кресты те и стяги большие, сделаны из золота с драгоценными камнями и с крупными жемчужинами, ночью же светятся, как и днем. Кресты эти и стяги везут на 26 колесницах. А у каждой колесницы служат по 100 тысяч конников и по 100 тысяч пешего войска, не считая тех, кто за нами везет пищу. А когда идем к назначенному месту на бой, другие люди несут предо мною один деревянный крест с изображением распятия господня,— чтобы мы вспоминали господни страдания на кресте. Рядом с крестом несут большое золотое блюдо, а на нем — одна земля: на землю

зряще, поминает, яко от земля есми создани и паки в землю поити имамы. А се с другую страну блюдо несуть другое злато, на нем же драгии камень и четеи женчюг, на н же зряще величается наше господьство. Идуть же пред мною 3 проповѣдници, возглашають велиим гласом. Един вопиеть: «Се есть царь царем, господь господем», а другии вопиеть: «Силою крестною а божиею благодатью и помощию». А третии вопиеть умилным гласом, яко от земля есмы сътворени и в землю паки поити имамы. И паки же престанем глаголати. О силѣ же не глаголю, яко же бо рекох.

Двор у мене имѣю таков. 5 ден ити около двора моего, в нем же суть полаты многы златыя и сребреныя и древяни изнутри украшены, аки небо звѣздами, а покровены златом. И в тои полатѣ огнь не горить; аще ли внесуть, в тои час огнь погаснеть. Есть у мене иная полата злата на осмидесять столпов от чистаго злата, а всякии столп по 3 сажени в толстоту, а 80 саженеи в высоту. В тои же полатѣ 50 столпов чистаго злата, на всех же столпех по драгому камени. Камень самфир имать свѣт бел, камень тонпаз аки огнь горить. В тои же полатѣ есть столпа два: на едином столпѣ камень, имя ему троп, а на другом столпѣ камень, имя ему кармакаул, в нощи же свѣтить камень тои драгыи, аки день, а в день, аки злато, а оба велики, аки корчаги. В тои же у мене полатѣ огнь не горить; аще внесуть, то борзо погаснеть; развѣ бо тои огнь горить, иде же идеть из древа негнеющаго, имя древу тому шлема. Того мира вливають в паникадила и зажигають, ино тои огнь горить, и тѣм миром в которую версту помажется человек, стар или молод, болѣ того не старѣется,а очи его не болять.Та же полата выше всѣх полат. Верху тѣх полат учинена два яблока златы, в них же вковано по великому каменю самфиру, того ради, дабы хоробрость наша не оскудѣла. Суть бо 4 камени на столпѣх того ради, дабы потворници не могли чаров творити над нами. Есть у мене иная полата злата велика, как очима видети, на столпѣх златых; два велики камени кармакаул в нощи свѣтять в тои же полатѣ у мене.

А обѣдають со мною на трапезѣ по вся дни 12 патриархов, 10 цареи, 12 митрополитов, 45 протопопов, 300 попов, 100 диаконов, 50 пѣвцев, 900 крилосников, 365 игуменов, 300 князеи; а во зборнои моеи церкви служать 300 игуменов да 65, да 50 попов, да 30 диаконов, и обѣдають со мною; а столничають у мене и чаши подають 14 цареи да 40 королеи, да 300 боляр; а поварню мою вѣдають два царя да два короля опроче боляр и слуг. Тѣ же цари и короли быв, да прочь ѣдуть, и иныя приѣжчають.

А еще у мене лежить апостол Фома.

глядя, вспоминаем, что из земли мы созданы и в землю же уйдем. А с другой стороны несут другое золотое блюдо с драгоценным камнем на нем и отборным жемчугом: их вид возвеличивает наше государство. И идут предо мною 3 проповедника, громко восклицая. Один возглашает: «Это — царь царей, господин господ»; другой продолжает: «Силою крестною, божиею благодатью и помощью». А третий восклицает умильным голосом, что из земли мы сотворены и в землю же уйдем. Впрочем, довольно об этом говорить. О войске же не говорю, так как уже сказал.

Двор у меня таков, что 5 дней надо идти вокруг него. А в нем много палат золотых, серебряных и деревянных, изнутри украшенных, как небо звездами, и покрытых золотом. В одной палате огонь не горит; если внесут, сразу же погаснет. Есть у меня другая палата золотая на восьмидесяти столбах из чистого золота; а каждый столб по три сажени в ширину и 80 саженей в высоту. В этой палате 50 столбов чистого золота, и на всех столбах по драгоценному камню: камень сапфир цвета белого и камень топаз как огонь горит. В той же палате есть два столба, на одном из которых камень, называемый троп, а на другом камень, называемый кармакаул. Ночью же светит тот драгоценный камень, как день, а днем — как золото. А оба велики, как корчаги. В той палате у меня огонь не горит: если внесут, то быстро погаснет. Только тот огонь горит, который от дерева негниющего. Имя дереву тому цлема. Миро из этого дерева вливают в паникадила и зажигают; тот огонь горит. И если тем миром помажется человек какого бы то ни было возраста, старый или молодой, после того не старится и глаза его не болят. Та же палата выше всех палат. Вверху тех палат устроены два золотых яблока, а в них вковано по большому камню сапфиру — для того, чтобы не оскудела наша храбрость. И четыре камня находятся на столбах для того, чтобы чародейки не могли чар творить над нами. Есть у меня другая золотая палата на золотых столбах, столь высокая, сколько можно глазами обозреть; два больших камня кармакаула ночью светят у меня в той палате.

А обедают со мной за столом каждый день 12 патриархов, 10 царей, 12 митрополитов, 45 протопопов, 300 попов, 100 дьяконов, 50 певцов, 900 клиросников, 365 игуменов, 300 князей. А в соборной моей церкви служат 365 игуменов, 50 попов и 30 дьяконов, и все обедают со мною. А стольничают у меня и чаши подают 14 царей, 40 королей и 300 бояр. А поварней моей ведают два царя и два короля, помимо бояр и слуг. Одни цари и короли, побыв, прочь едут, а иные приезжают.

А еще у меня лежат мощи апостола Фомы.

Есть у мене земля, в неи же суть люди, очи у них в челех. Есть у мене полата злата, в неи же есть зерцало праведное, стоит на 4-рех столпѣх златых. Кто зрить в зерцало, тои видить своя грѣхи, яже сътворил от юности своея. Близ того и другое зерцало цкляно. Аще мыслить зло на своего господаря, ино в зерцалѣ том зримо лице его блѣдо, аки не живо. А кто мыслить добро о осподарѣ своем, ино лице его в зерцалѣ зримое, аки солнце. А во дворѣ моем церквеи 150, ины сътворены богом, а ины руками человеческыми.

Есть у меня земля, а в ней люди, у которых очи во лбу. Есть у меня палата золотая, а в ней — правдивое зеркало; оно стоит на 4-рех золотых столбах. Кто смотрит в зеркало, тот видит свои грехи, какие сотворил с юности своей. Вблизи того зеркала есть другое, стеклянное. Если мыслит кто-нибудь зло на своего господина, то лицо его в том зеркале выглядит бледным, как будто мертвым. А кто хорошо думает о господине своем, то лицо его в зеркале сияет, как солнце. А во дворце моем 150 церквей; одни сотворены богом, а другие человеческими руками.

СКАЗАНИЕ О СОЛОМОНЕ И КИТОВРАСЕ

СКАЗАНИЕ О ТОМ КАКО ЯТ БЫЛ КИТОВРАС СОЛОМОНОМ

Егда же здаше Соломон святая святых, тогда же бысть потреба Соломону вопросити Китовраса. Осочиша где живеть, рекоша в пустыни далнеи. Тогда мудростию своею замысли Соломон сковати уже желѣзно и гривну желѣзну, написа же на неи во имя божие заречение. И посла же болярина лучшего с отроки и веляше вести вино и мед, и руна овчяя с собою взяша. Приидоша к мѣсту его, ко трем кладязем его, а его туто нѣт. По указанию Соломоню и волияша в кладязи тѣ вино и мед, и заткаша устия кладязем руны овчьми; налияша же два кладяза вина, а третии меду, а сами съхранишась тайно и зряху ис таи, оже прити ему воды пити ко кладязем. И приде абие, и приник к водѣ, нача пити, и рече: «Всяк, пия вино, не умудряеть». Яко же перехотѣ воды, и рече: «Ты еси вино, веселящее сердце человеком». И выпи всѣ 3 кладязи. И хотѣ поспати мало, и разня его вино, и уснув твердо. Болярин же, пришед, искова его твердо по шии, по рукам и по ногам. И очютився, хотя крянутися, и рече ему болярин: «Господине, Соломон имя господне со запрѣщением написа на веригах нынѣ на тебѣ». Он видѣ на себѣ и поиде кроток во Иерусалим ко царю.

Нрав же его бяше таков: не ходяшеть путем кривым, но правым, и во Иерусалим пришед, требляхут путь пред ним и полаты рушаху, не ходя бо криво. И приидоша ко вдовицѣнѣ храминѣ, и вытекши вдвица и взопи, глаголя, молящися Китоврасу: «Господине, вдовица есмь убога. Не оскорби мя!» Он же огну ся около угла, не соступяся с пути, и изломи си ребро. И рече: «Язык мякок кость ломить». Ведом же сквозѣ торг, и слыша

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК БЫЛ ВЗЯТ КИТОВРАС СОЛОМОНОМ

Когда Соломон строил святое святых, тогда понадобилось ему посоветоваться с Китоврасом. Донесли ему, где тот живет, сказали — в дальней пустыне. Тогда мудрый Соломон задумал сковать железную цепь и железный обруч, а на нем написал заклятие именем божиим. И послал первого из своих бояр со слугами и велел им везти с собой вино и мед и взять овечьи шкуры. Пришли к месту Китовраса, к трем колодцам его, но его там не было. И по наказу Соломона влили в те колодцы вино и мед, а сверху затянули их овечьими шкурами. В два колодца налили вино, а в третий мед; сами же, спрятавшись, смотрели исподтишка, не идет ли он пить воду к колодцам. И вот он пришел, приник к воде, начал пить и сказал: «Всякий, вина выпив, мудрее не станет». Но расхотелось ему пить воду, и он сказал: «Ты — вино, веселящее людям сердце»,— и выпил все три колодца. И захотел немного поспать, и разобрало его вино, и он уснул крепко. Боярин же, подойдя, крепко сковал его по шее, по рукам и по ногам. И, проснувшись, он хотел рвануться, но боярин сказал ему: «Господин, Соломон имя господне с заклятием написал на веригах, которые теперь на тебе». Он же, увидев их на себе, кротко пошел в Иерусалим к царю.

Нрав же его был такой: не ходил он путем кривым, но — только прямо; и когда пришли в Иерусалим, расчищали перед ним путь и рушили дома, ибо он не ходил в обход. И подошли к дому вдовы, и выбежала вдова и закричала, умоляя Китовраса: «Господин, вдова я убогая. Не обижай меня!» Он же изогнулся около угла, не сходя с пути, и сломал себе ребро. И сказал: «Мягкий язык кости ломает». Когда вели его через торг, то,

мужа рекуща: «Не ли черви на 7 лѣт?», и рассмѣяся Китоврас. И видѣ другаго мужа ворожаща и посмѣяся. И видѣ свадбу играющу и восплакася. И видяще мужа на пути блудяща кромѣ пути и наведе и́ на путь.

И приведоша его в двор царев. В первом же дни не ведоша его к Соломону, и рече Китоврас: «Чему мя не зоветь к себѣ царь?» Рѣша ему: «Перепил есть вечер». Взя же Китоврас камень и положи на камени. И повѣдаша Соломону творение Китоврасово, и рече царь: «Велит ми пити питие на питье». Во други же день не зва его к себѣ царь, и рече: «Чему не ведете мя ко царю, и почто не вижю лица его?», и рѣша: «Немогаеть царь, им же вчера много ѣл». Сня же Китоврас камень с камени.

В 3 же день рѣша: «Зовет тя царь». Он же умѣря прут четырех локот и вниде пред царя, и поклонися, и поверже прут пред царем молча. Царь же мудростию своею протолкова прут боляром своим, и рече: «Область ти дал есть вселенную, и не насытился еси, изымал еси мене». И рече ему Соломон: «Не на потребу свою приведох тя, но на вспрос очертании святая святых приведох тя по повелѣнию господню, яко не повелѣно ми есть тесати камени желѣзом».

И рече Китоврас: «Есть ноготь птица мал во имя шамир. Хранит же кокоть дѣтки во гнѣздѣ своемь на горѣ каменнѣи в пустыни далнѣи». Соломон же посла болярина своего со отроки своими по наказанию Китоврасову ко гнѣзду. Китоврас же вда бѣлое стекло болярину, наказа его съхранитись от гнѣзда: «Яко вылетит кокот, замажи стьклом сим гнѣздо». Болярин же поиде ко гнѣзду, оли в нем птенци мали, кокот же бѣ летѣл по кормлю. И заложи стклом устие гнѣзду. Мало же постояша и кокот прилетѣ, хотѣ влѣсти в гнѣздо, куренци пискаху сквозѣ стькло, а он к ним не умѣет влѣсти. А си сохранишась в таинѣ. Сохранил бо и бяше нѣ на коемь, и принесе и́ к гнезду и положи и́ на стеклѣ, хотя е́ рассадити. Они же кликнуша, и отпусти. И взем же их болярин принесе к Соломону.

Бысть же Соломон вопрашая Китовраса: «Почто ся еси расмѣял мужу прашащу черви на 7 лѣт?» — «Видѣх на нем,— рече Китоврас,— яко не будеть до 7 дни жив». Посла же царь испытати, и бысть тако. И рече Соломон: «Почто еси расмиялся мужю ворожащу?» Отвѣща Китоврас и рече: «Он повѣдаше людем скровная, а сам не вѣдя крова под собою со златом». И рече Соломон: «Шедше испытаите». И испыташа и бысть тако. И рече царь: «Почто еси плакал видѣв свадбу?», и рече: «Съжалихси,

услышав, как один человек говорил: «Нет ли башмаков на семь лет?», Китоврас рассмеялся. И, увидев другого человека ворожащего, засмеялся, а увидев свадьбу справляемую, заплакал. Увидев же на дороге человека, блуждающего без дороги, он направил его на путь.

И привели его во двор царев. В первый день не повели его к Соломону, и спросил Китоврас: «Почему не зовет меня к себе царь?» Сказали ему: «Он вчера перепил». Китоврас же взял камень и положил на другой камень. Соломону рассказали, что сделал Китоврас, и царь сказал: «Велит мне пить питье на питье». И на другой день не позвал его к себе царь; и Китоврас спросил: «Почему не ведете меня к царю и почему я не вижу лица его?» И сказали: «Недомогает царь, оттого что вчера много ел». Китоврас же снял камень с камня.

На третий день сказали: «Зовет тебя царь». Он же измерил прут в четыре локтя, вошел к царю, поклонился и молча бросил прут перед царем. Царь же по мудрости своей разъяснил боярам своим, что означает прут, и поведал: «Дал тебе бог во владение вселенную, а ты не насытился, поймал и меня». И сказал Соломон Китоврасу: «Не по прихоти своей привел тебя, но по повелению господню, чтобы спросить, как строить святое святых, так как не позволено мне тесать камни железом».

И сказал Китоврас: «Есть птица малая кокот по имени шамир. Детей же кокот оставляет в своем гнезде на горе каменной в пустыне дальней». Соломон же по указанию Китовраса послал своего боярина со своими слугами ко гнезду. А Китоврас дал боярину белое стекло и наказал спрятаться у гнезда: «Когда вылетит кокот, замажь этим стеклом гнездо». Боярин пошел ко гнезду; а в гнезде — маленькие птенцы, кокот же улетел за кормом. Он заложил стеклом устье гнезда. Немного подождал. И прилетел кокот, захотел влезть в гнездо, птенцы пищат за стеклом, а он к ним не может добраться. А люди спрятались. Он же принес к гнезду то, что прятал где-то, и приложил к стеклу, пытаясь его рассадить. Люди же крикнули, и птица выронила острие. И, взяв его, боярин принес к Соломону.

Потом спросил Соломон Китовраса: «Почему ты рассмеялся, когда человек спрашивал башмаки на семь лет?» — «Видел по нему,— отвечал Китоврас,— что не проживет и семи дней». Царь послал проверить, и оказалось так. И спросил Соломон: «Почему ты рассмеялся, когда человек ворожил?» Отвечал Китоврас: «Он рассказывал людям о тайном, а сам не знал, что под ним — клад с золотом». Сказал Соломон: «Пойдите и проверьте». Проверили — и оказалось так. И спросил царь: «По-

яко жених тои не будет жив до 30 дни». Испыта же царь и бысть тако. И рече царь: «Почто мужа пияна наведе на путь?» Отвѣща Китоврас и рече: «Слышах с небесе, яко вѣрен есть муж тои, а достопть послужити ему».

Бысть же у Соломона Китоврас до свершения святая святых.

Бысть егда нача молвити Соломон Китоврасу: «Нынѣ видѣх, яко сила ваша яко человеческа, и нѣсть вашия силы болши нашия силы, и яко ях тя». И рече ему Китоврас: «Царю, аще хощеши видѣти силу мою, да соими с мене уже, даи же ми жуковину свою с руки, да видиши силу мою». Соломон же сня с него уже желѣзное и дасть ему жуковину. Он же пожре и простре крило свое, и заверже, и удари Соломона, и заверже и́ на конець земля обѣтованныя. Увѣдаша же мудреци его и книжници, взыскаша Соломона.

Всегда же обхожааше страх Китоврашь в нощи. Царь же сътвори одр и повелѣ стояти 60 отроком силным с мечи около. Потому же молвится в Писаних: «Одр Соломонь, 60 отрок храбрых от израилтян и от страны нощны».

чему плакал, увидев свадьбу?» И сказал Китоврас: «Опечалился, потому что жених тот не проживет и тридцати дней». Проверил царь — и оказалось так. И царь спросил: «Зачем пьяного человека вывел на дорогу?» Ответил Китоврас: «Слышал я с небес, что добродетелен тот человек и следует ему послужить».

Пробыл Китоврас у Соломона до завершения святого святых.

Однажды Соломон сказал Китоврасу: «Теперь я убедился, что сила твоя — как и человеческая, и не больше твоя сила нашей силы, ибо поймал я тебя». И ответил ему Китоврас: «Царь, если хочешь узнать мою силу, сними с меня цепи и дай мне свой перстень с руки, тогда увидишь силу мою». Соломон снял с него железную цепь и дал ему перстень. А он проглотил перстень, простер крыло свое, размахнулся и ударил Соломона, и забросил его на край земли обетованной. Узнали об этом мудрецы и книжники и разыскали Соломона.

По ночам Соломона всегда охватывал страх к Китоврасу. И царь соорудил ложе и повелел 60 сильным юношам кругом стоять с мечами. Потому и говорится в Писании: «Ложе Соломона, и охрана из 60 юношей храбрых из израильтян и из стран северных».

НАСТАВЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО ЕПИСКОПА СЕМЕНА

СЕМЕНА ЕПИСКОПА ТФЂРЬСКАГО НАКАЗАНИЕ

Костянтин князь полотьский нарицяемый Безрукий, у собе в пиру хотя укорити тивуна своего нѣочемь, рече епископу пред всѣми: «Владыко, кдѣ быти тивуну на ономь свѣтѣ?» Семен епископ отвѣчалъ: «Кдѣ и князю!» Князь же, не улюбивъ того, молвить епископу: «Тиунъ неправду судить, мьзду емлеть, люди продаеть, мучить, лихое все дѣеть; а язъ что дѣю?» И рече епископ: «Аже будеть князь добръ, богобоин, жалуеть людий, правду любить,— исбираеть тиуна или коего волостеля — мужа добра и богобоина, страха божия полна, разумна, праведна, по закону божию все творяща, и суд вѣдуща. И князь в рай, и тивун в рай. Будеть ли князь без божия страха, христьян не жалуеть, сирот не милуеть, и вдовицями не печалуеть,— поставляеть тивуна или коего волостеля — человека зла, бога не боящася и закона божия не вѣдуще, и суда не разумѣюще, толико того дѣля, абы князю товара добывал, а людий не щадить. Аки бѣшена человѣка пустилъ на люди, дав ему мечь,— тако и князь, дав волость лиху человѣку губити люди. Князь во ад и тиун с нимь во ад!»

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

НАСТАВЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО ЕПИСКОПА СЕМЕНА

Полотский князь Константин, прозванный Безруким, собираясь укорить у себя на пиру за что-то своего тиуна, сказал при всех епископу: «Владыко, где будет тиун на том свете?» Епископ Семен отвечал: «Где и князь!» Князь же, рассердившись, говорит епископу: «Тиун неправедно судит, взятки берет, имущество людей с торгов продает, мучит, злое все делает, а я тут при чем?» И говорит епископ: «Если князь хороший, богобоязненный, людей бережет, правду любит, то выбирает тиуном или иным начальником человека доброго и богобоязненного, исполненного страха божия, разумного, праведного, творящего все по законам божиим и судить умеющего. Тогда князь — в рай, и тиун — в рай. Если же князь лишен страха божия, христиан не бережет, сирот не милует и вдовиц не жалеет, то ставит тиуном или начальником человека злого, бога не боящегося, закона божия не знающего, судить не умеющего,— только для того, чтобы добывал князю имущество, а людей не щадил. Как взбесившегося человека напустил на людей, вручив ему меч,— так и князь, дав округу злому человеку, губит людей. Тут и князь в ад, и тиун с ним в ад!»

ТРИСТА ЛЕТ МОСКОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРЕЕ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ АНДРЪЕВИЧЕ, ЯКО ПОБЪДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Князь великий Дмитрей Ивановичь с своим братом, с князем Владимером Андрѣевичем, и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. Вѣдомо нам, брате, что у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залѣскую землю. Пойдем, брате, тамо в полунощную страну жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земли Руской. И оттоля на восточную страну жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша род Афѣтов. И оттоля Руская земля сѣдит невесела, а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя поминаючи: князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся домы своя и богатество, жены и дѣти и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю за Рускую и за вѣру християньскую.

Преже восписах жалость земли Руские и прочее от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Ондрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвѣселим Рускую землю и возвѣрзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Момаю побѣду, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимеру Андрѣевичю. И рцем таково слово: лудчи

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО, КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, КАК ПОБЕДИЛИ СУПОСТАТА СВОЕГО ЦАРЯ МАМАЯ

Великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича. Поведали нам, брат, что царь Мамай пошел на Русь, стоит уже у быстрого Дона, хочет идти к нам в землю Залесскую. Пойдем, брат, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого пошел православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. А затем посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры невесела земля Русская; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью покрылась, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, и богатство, жен и детей, и скот свой, и, заслужив честь и славу мира сего, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Сначала описал я жалость Русской земли и все остальное из книг взяв, а потом написал жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

Сойдемся, братья и друзья, сыновья русские, сложим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов, и восхвалим победу над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше,

бо нам, брате, начати повѣдати иными словесы о похвальных сих о нынешних повѣстех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича, а внуки святаго великаго князя Владимера Киевскаго. Начаша ти повѣдати по дѣлом и по былинам. Не проразимся мыслию но землями, помянем первых лѣт времена, похвалим вѣщаго Бояна, горазда гудца в Киеве. Тот бо вѣщий Боян воскладоша гораздыя своя персты на живыя струны, пояше руским князем славы: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичю, вторую — великому князю Владимеру Святославичю Киевскому, третюю — великому князю Ярославу Володимеровичю.

Аз же помяну резанца Софония и восхвалю пѣснеми и гусленными буйными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андреевича, а внуки святаго великого князя Владимера Киевского. И пѣние князем руским за вѣру христианьскую.

А от Калатьские рати до Момаева побоища 160 лѣт.

Се бо князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимер Андрѣевичь помолися богу и пречистей его матери, истезавше ум свой крѣпостию, и поостриша сердца свои мужеством, и наполнишася ратного духа, уставиша собѣ храбрыя полъкы в Руской землѣ и помянуша прадѣда своего великого князя Владимера Киевскаго.

Оле жаворонок, лѣтняя птица, красных дней утѣха, возлѣти под синие облакы, посмотри к силному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю. Ци буря соколи зонесет из земля Залѣския в полѣ Половецкое. На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломнѣ, бубны бьют в Серпугове, стоят стязи у Дону великого на брезѣ. Звонят колоколы вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ, стоят мужи навгородцкие у святыя Софии, а ркучи тако: «Уже нам, брате, не поспѣть на пособь к великому князю Дмитрею Ивановичю». И как слово изговаривают, уже аки орли слѣтѣшася. То ти были не орли слѣтѣшася, выехали посадники из Великого Новагорода а с ними 7000 войска к великому князю Дмитрею Ивановичю и к брату его князю Владимеру Андрѣевичю на пособе.

К славному граду Москвѣ сьехалися вси князи руские, а ркучи таково слово: «У Дону стоят татаровя поганые, и Момай царь на реки на Мечи, межу Чюровым и Михайловым, брѣсти хотят, а предати живот свой нашей славѣ».

братья, поведать не привычными словами о славных этих нынешних рассказах про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и по былям... Вспомним давние времена, воздадим похвалу вещему Бояну, прославленному гусляру киевскому. Ведь тот вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, славы пел русским князьям: первую славу великому князю Киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония, и восхвалю песнями, под звонкий наигрыш гусельный, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его Владимир Андреевич, помолясь богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле, помянув великого прадеда своего — князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим облакам, взгляни на могучий город Москву и прославь великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича. Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, встали стяги русские на берегу великого Дона. Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у святой Софии, и так говорят: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода, а с ними семь тысяч войска, на помощь к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу.

К славному городу Москве съехались все русские князья и говорят такие слова: «У Дона стоят татары поганые, Мамай царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и отдать жизнь свою во славу нашу».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате князь Владимер Андрѣевичь, пойдем тамо, укупим животу своему славы, учиним землям диво, а старым повесть, а молодым память, а храбрых своих испытаем, а реку Дон кровью прольем за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую».

И рече им князь великий Дмитрей Иванович: «Братия и князи руские, гнѣздо есмя были великого князя Владимера Киевскаго, не в обиде есми были по рожению ни соколу, ни ястребу, ни крѣчату, ни черному ворону, ни поганому сему Момаю».

О соловей, лѣтняя птица, что бы ты, соловей, выщекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимеру Андрѣевичю и земли Литовской дву братом Олгордовичем, Андрѣю и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волыньскому. Тѣ бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и вѣдомы полководцы, под трубами повити, под шеломы възлелѣаны, конець копия вскормлены, с востраго меча поены в Литовской земли.

Молвяше Андрѣй Олгордович своему брату: «Брате Дмитрей, сами есмя собѣ два браты, сынове Олгордовы, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы. Збѣрем, брате, милые пановя удалые Литвы, храбрых удальцов, а сами сядем на свои борзи комони, и посмотрим быстрого Дону, испиемь шеломом воды, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулиц немецких о боеданы бусорманские».

И рече ему Дмитрей: «Брате Андрѣй, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит и гром грѣмит в каменом граде Москвѣ. То ти, брате, не стук стучить, ни гром гремит,— стучит силная рать великаго князя Дмитрея Ивановича, гремят удальцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты. Сѣдлай, брате Андрѣй, свои борзи комони, а мои готови — напреди твоих осѣдлани. Выедем, брате, в чистое полѣ и посмотрим своих полков, колько, брате, с нами храбрые литвы. А храбрые литвы с нами 70 тысещ окованые рати».

Уже бо, брате, возвеяша сильнии вѣтри с моря на уст Дону и Непра, прилелѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавые зори, а в них трепещут синие молнии. Быти стуку и грому великому на речке Непрядвѣ, межу Доном и Непром, пасти трупу человеческому на поле Куликовѣ, пролится крови на речьке Непрядвѣ!

Уже бо въскрипѣли телегы межу Доном и Непром, идут хи-

предати. аще не писано будеть житие его.
то по чему ведати, не знавшим
и не видавшим его, каков бысть.
или откуду бѣ.

Како родися и како возрасте, и како по
стрижеся. и како въздержася, и ка
ко поживе. и каков бысть конець жи
тию. аще ли будет писано и есть не
кто слышавше порядку всего жития
его подражати. и от сего приимет пользу.
пишет же великий Василие. Буди ревни
тел
Д.

Епифаний Премудрый составляет
«Житие Сергия Радонежского».
Миниатюра. XVI в.

«Житие Сергия Радонежского»
(ГБЛ, ф. 178, собр. Музейное, № 8663, л. 4).

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою миру на диво, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья мои, князья русские, все мы гнездо великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, летняя птица, вот бы ты, соловей, славу спел великому князю Дмитрию Ивановичу, и брату его князю Владимиру Андреевичу, и двум братьям Ольгердовичам из земли Литовской — Андрею и Дмитрию, да и Дмитрию Волынскому! Ведь эти-то — сыны Литвы храбрые, кречеты в ратное время! Полководцы они славные, под звуки труб вспеленуты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович брату своему: «Брат мой, Дмитрий, два брата мы, сыновья Ольгердовы, внуки Гедиминовы, правнуки Сколомендовы. Соберем, брат, милых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, сядем на своих борзых коней и посмотрим на быстрый Дон, зачерпнем шлемом воды донской, испытаем свои мечи литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И отвечает ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю Русскую, за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит и не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червленными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и посмотрим свои полки — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами — семьдесят тысяч латников».

Вот уже, брат мой, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли тучи огромные на Русскую землю; проступают из них кровавые зори и трепещут в них синие молнии. Быть стуку и грому великому у речки Непрядвы, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, течь кровью Непрядве реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идет хи-

нове на Русскую землю. И притѣкоша сѣрые волцы от уст Дону и Непра ставъши воют на рекѣ, на Мечи, хотят наступити на Рускую землю. То ти были не сѣрые волцы,— приидоша поганые татаровя, хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготаша и лѣбѣди крилы въсплескаша. То ти не гуси возгоготаша, ни лѣбѣди крилы въсплескаша, но поганый Момай пришел на Рускую землю и вои своя привел. А уже бѣды их пасоша птицы крылати, под облакы летают, вороны часто грают, а галици свои рѣчи говорять, орли хлѣкчют, а волцы грозно воют, а лисицы на кости брешут.

Руская земля, то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколи и кречати, белозерские ястреби рвахуся от златых колодиц ис камена града Москвы обриваху шевковыя опутины, возвиваючися под синия небеса, звонечи злачеными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусиныя и на лебединыя, а богатыри руския удальцы хотат ударити на великия силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь воступив во златое свое стрѣмя, и взем свой мечь в правую руку, и помолися богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на встоцѣ сияет и путь повѣдает, а Борис и Глѣб молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? Князь Владимер Андрѣевичь полки пребирает и ведет к Великому Дону. И молвяше брату своему великому князю Дмитрею Ивановичю: «Не ослабляй, брате, поганым татаровям. Уже бо поганые поля руские наступают и вотчину нашу отнимают».

И рече ему князь великий Дмитрей Ивановичь: «Брате Владимер Андрѣевичь, сами себѣ есми два брата, а внуки великаго князя Владимира Киевскаго. А воеводы у нас уставлены 70 бояринов, и крѣпцы бысть князи бѣлозѣрстии Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Микула Васильевичь, да два брата Олгордовичи, да Дмитрей Волыньской, да Тимофей Волуевичь, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь, а вою с нами триста тысящь окованые рати. А воеводы у нас крепкия, а дружина свѣдома, а под собою имѣем боръзыя комони, а на собѣ злаченыи доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные; а пути им сведоми, а перевозы им изготовлены, но еще хотят сильно головы своя положить за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую. Пашут бо ся аки живи хоругови, ищут собѣ чести и славного имени».

нова на Русскую землю! Набежали серые волки с устья Дона и Днепра, воют стаями у реки у Мечи, хотят кинуться на Русь. То не серые волки — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю!

Тогда гуси загоготали и лебеди бьют крыльями. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями восплескали: это поганый Мамай пришел на Русскую землю и войска свои привел. А уж беды их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему галдят, орлы клекочут, волки грозно воют и лисицы брешут — кости чуют.

Русская земля, ты теперь как за царем Соломоном побывала!

А уже соколы и кречеты и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стаи гусиные и лебединые,— то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, взял свой меч в правую руку, помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно с востока сияет и путь указует, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? Князь Владимир Андреевич полки расставляет и ведет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам — ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

Отвечает ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы, внуки великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже назначены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да и Микула Васильевич, да и оба брата Ольгердовичи, да и Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович, да Михайло Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, дружина испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, шлемы черкасские, щиты московские, сулицы немецкие, кинжалы фряжские, мечи булатные; а дороги разведаны, переправы подготовлены, и рвутся все головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Как живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже бо тѣ соколи и кречати и бѣлозерскыя ястреби за Дон борзо перелѣтѣли и ударилися на многие стада на гусиные и на лѣбѣдиные. То ти быша ни соколи ни кречети, то ти наехали руские князи на силу татарскую. Тресну копия харалужная, звенят доспехи злаченныя, стучат щиты черленыя, гремят мечи булатныя о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ.

Черна земля под копыты, а костми татарскими поля насѣяша, а кровью их земля пролита бысть. Сильнии полки ступишася вмѣсто и протопташа холми и луги, и возмутишася рѣки и потоки и озера. Кликнуло Диво в Руской земли, велит послушати грозным землям. Шибла слава к Желѣзным Вратам, и к Ворнавичом, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским князем: Русь великая одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ.

На том полѣ силныи тучи ступишася, а из них часто сияли молыньи и гремѣли громы велицыи. То ти ступишася руские сынове с погаными татарами за свою обиду. А в них сияли доспѣхы злаченые, а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские.

А билися из утра до полудни в суботу на Рожество святѣй богородицы.

Не тури возрыкали у Дону великаго на полѣ Куликове. То ти нѣ тури побѣждени у Дону великого, но посѣчены князи руские и бояры и воеводы великого князя Дмитрея Ивановича, побѣждени князи бѣлозерстии от поганых татар: Федор Семеновичь, да Семен Михайловичь, да Тимофѣй Волуевичь, да Микула Васильевич, да Андрѣй Серкизовичь, да Михайло Ивановичь и иная многая дружина.

Пересвѣта чернеца бряньского боярина на суженое мѣсто привели. И рече Пересвѣт чернец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым быти от поганых татар!» Тако бо Пересвѣт поскакивает на своем борзом конѣ, а злаченым доспѣхом посвѣчивает. А иные лѣжат посечены у Дону великого на брезѣ.

Лепо бо есть в то время и стару помолодитися, а молоду плечь своих попытать. И молвяше Ослябя чернец своему брату Пересвѣту старцу: «Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоем раны тяжкие, уже, брате, лѣтѣти главе твоей на траву ковыль, а чаду моему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ траве на полѣ Куликове на речьке Непрядве за вѣру крестьяньскую и за землю за Рускую и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

Уже те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон быстро перелетели и ринулись на несметные стаи гусиные и лебединые. То ведь были не соколы и не кречеты,— то налетели русские князья на силу татарскую. Затрещали копья каленые, зазвенели доспехи золоченые, застучали щиты червленые, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом, на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля засеяны, и кровью их земля полита. Могучие рати сошлись тут и потоптали холмы и луга, и замутили реки, потоки и озера. Кликнуло Диво в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам и к Ворнавичу, к Риму и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу князьям русским: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликове, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись. Часто сверкали в них молнии и гремели громы могучие. То ведь сразились сыны русские с погаными татарами, чтоб отомстить за свою обиду. Сверкают их доспехи золоченые, гремят князья русские мечами булатными по шлемам хиновским.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой богородицы.

Не туры рыкают у Дону великого на поле Куликове. То ведь не туры побиты у Дону великого, а посечены князья русские и бояре и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли сраженные татарами князья белозерские Федор Семенович, и Семен Михайлович, и Тимофей Волуевич, и Микула Васильевич, и Андрей Серкизович, и Михайло Иванович, и много других из дружины.

Пересвета-чернеца, из брянских бояр, призвали на поле брани. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше нам порубленными быть, чем в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золоченым доспехом сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

Подобало в то время старому помолодеть, а молодому плечи свои развернуть. И говорит чернец Ослябя своему брату Пересвету-чернецу: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже катиться, брат, твоей голове с плеч на траву ковыль, и моему сыну Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликове, на речке Непрядве за веру христианскую, за землю Русскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют, но толко часто вороны грают, трупу ради человеческаго. Грозно бо бяше и жалостъно тогды слышати, занеже трава кровию пролита бысть, а древеса тугою к земли приклонишася.

И воспѣли бяше птицы жалостные пѣсни. Восплакашася вси княгини и боярыни и вси воеводские жены о избиенных. Микулина жена Васильевича Марья рано плакаша у Москвы града на забралах, а ркучи тако: «Доне, Доне, быстрая река, прорыла еси ты каменные горы и течеши в землю Половецкую. Прилѣлѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ». А Тимофѣева жена Волуевича Федосья тако же плакашеся, а ркучи тако: «Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве, и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ». А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася: «Се уже обѣмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ, припахнули к нам от быстрого Дону полоняныа вѣсти, носяще великую бѣду, и выседоша удальцы з боръзых коней на суженое мѣсто на полѣ Куликове на речки Непрядве».

А уже Диво кличет под саблями татарьскими, а тѣм рускым богатырем под ранами.

Туто щурове рано въспѣли жалостные пѣсни у Коломны на забралах, на воскресение, на Акима и Аннин день. То ти было не щурове рано въспѣша жалостныя пѣсни восплакалися жены коломеньские, а ркучи тако: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси залелѣяла мужей наших на насъ в землю Половецкую». А ркучи тако: «Можеш ли, господине князь великий, веслы Нѣпр зоградити, а Дон шоломы вычръпати, а Мечу рѣку трупы татарьскими запрудити? Замкни, государь князь великий, Окѣ рекѣ ворота, чтобы потом поганые татаровя к нам не ѣздили. Уже мужей наших рать трудила».

Того же дни в суботу на Рожество святыя богородицы исекша христиани поганые полки на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ.

И нюкнув князь Владимер Андрѣевичь гораздо, и скакаше по рати во полцех поганых в татарских, а злаченым шеломом посвѣчиваючи. Грѣмят мечи булатные о шеломы хиновские.

И восхвалит брата своего великого князя Дмитрея Ивановича: «Брате Дмитрей Ивановичь, ты еси у зла тошна времени железное забороло. Не оставай князь великый с своими великими полкы, не потакай крамолником. Уже бо поганые татары поля наша наступают, а храбрую дружину у нас истеряли, а в трупи человѣчье борзи кони не могут скочити, а в крови по

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь все вороны грают над трупами человеческими. Страшно и жалостно о том времени слышать: трава кровью полита была, а деревья от печали к земле склонились.

И воспели птицы жалостные песни — восплакались княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забороле стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река! Прорыл ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Прилелей моего господина Микулу Васильевича ко мне». А жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселье мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете плакали: «Вот уже нам обеим померкло солнце в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона полонянные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликове, на речке Непрядве».

А Диво уже кличет под саблями татарскими, а русские богатыри — изранены.

На рассвете щуры воспели жалостные песни у Коломны на забралах городских стен, в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано воспели жалостные песни — восплакались жены коломенские, так причитая: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Причитали они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Днепр загородить, Дон шлемами вычерпать, а реку Мечу запрудить татарскими трупами? Замкни, государь князь великий, Оке-реке ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши от ратей устали!»

В тот же день субботний, на Рождество святой богородицы посекли христиане поганые полки на поле Куликове, на речке Непрядве.

И, кликнув громко, князь Владимир Андреевич поскакал со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И воздал похвалу он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили — столько трупов человеческих, что борзые кони не могут

колѣно бродят. А уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская. Не оставай, князь великый, с своими бояры».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь своим боярам: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярьские, то ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста. Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам. Туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Господи боже мой, на тя уповах, да не постыжуся в вѣк, ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ». И помолися богу и пречистой его матери и всѣм святым его и прослезися горко и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо полѣтѣша на быстрый Донь. То ти не соколи полѣтѣша: поскакивает князь великий Дмитрей Ивановичь с своими полки за Дон со всею силою. И рече: «Брате князь Владимер Андрѣевичь, тут, брате, испити медовыа чары повѣденые, наеждяем, брате, своими полки силными на рать татар поганых».

Тогда князь великий почал наступати. Гремят мѣчи булатные о шеломы хиновские. И поганые покрыша главы своя руками своими. Тогда поганые борзо вспять отступиша. И от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут, а поганые бѣжать, а руские сынове широкие поля кликом огородиша и злаченым доспѣхами осветиша. Уже бо ста тур на боронь.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь и брат его князь Владимер Андрѣевичь полки поганых вспять поворотили и нача их бити и сечи горазно тоску им подаваше. И князи их падоша с коней, а трупми татарскими поля насеяша и кровию их реки протекли. Туто поганые разлучишася розно и побѣгше неуготованными дорогами в Лукоморье, скрегчюще зубами своими, и дерущи лица своя, а ркуче: «Уже нам, брате, в земли своей не бывати и дѣтей своих не видати, а катун своих не трепати, а трепати нам сырая земля, а цѣловати нам зелена мурова, а в Русь ратию нам не хаживати, а выхода нам у руских князей не прашивати». Уже бо въстонала земля татарская, бѣдами и тугою покрышася; уныша бо царем их хотѣние и князем похвала на Рускую землю ходити. Уже бо веселие их пониче.

Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья и доспѣхи, и кони, и волы, и верблуды, и вино, и сахар, и дорогое узорочие, камкы, насычеве везут женам своим. Уже жены руские восплескаша татарским златом.

скакать: в крови по колено бродят. Жалостно, брат, видеть столько крови христианской! Не медли, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы и дети боярские! Тут вам не ваши московские сладкие меды и великие места. Добывайте на поле брани себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой чести добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора вовеки, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он богу и пречистой его матери и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда как соколы стремглав полетели на быстрый Дон. То не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович за Дон со своими полками, со всеми воинами. И говорит: «Брат князь Владимир Андреевич, тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападем, брат, своими сильными полками на рать татар поганых».

Тогда начал князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Прикрыли поганые головы свои руками; дрогнул враг. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, бегут поганые, а русские сыновья широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять поворотили и начали их бить и сечь жестоко, тоску на них наводя. И князья их с коней низвергнуты, и трупами татарскими поля усеяны, а реки кровью их потекли. Тут поганые рассыпались в смятении и побежали непроторенными дорогами в Лукоморье, скрежещут они зубами своими, раздирают лица свои, так причитая: «Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю и целовать зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не испрашивать». Застонала земля татарская, бедами и горем наполнившаяся; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже нет веселья в Орде.

Вот уже сыны русские захватили татарские наряды, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и убранства дорогие, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские красавицы забряцали татарским золотом.

Уже бо по Руской земле простреся веселие и буйство. Вознесеся слава руская на поганых хулу. Уже бо вержено Диво на землю. И уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича по всем землям текут. Стрѣляй, князь великый, по всѣм землям, стрѣляй, князь великый, с своею храброю дружиною поганого Мамая хиновина за землю Рускую, за вѣру христьяньскую. Уже поганые оружия своя повергоша, а главы своя подклониша под мечи руские. И трубы их не трубят, и уныша гласи их.

И отскочи поганый Мамай от своея дружины серым волком, и притече к Кафе граду. Молвяше же ему фрязове: «Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю? То тя била орда Залѣская. А не бывати тобѣ в Батыя царя. У Батыя царя было четыреста тысящь окованые рати, а воевал всю Рускую землю от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганый, бѣжишь самдевят в Лукоморье, не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ. Нѣшто тобя князи руские горазно подчивали, ни князей с тобою, ни воевод! Нѣчто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ! Побѣжи ты, поганый Момай, от нас по задлѣшью».

Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а добрая дѣла милують его. Тако господь бог помиловал князей руских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимера Андрѣевича меж Дона и Непра, на полѣ Куликовѣ, на рѣчки Непрядвѣ.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь сь своим братом с князем Владимером Андрѣевичем и со остальными своими воеводами на костѣх на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ. Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотрети, иже лѣжат трупи крестьяньские акы сѣнныи стоги у Дона великого на брѣзе, а Дон река три дни кровию текла. И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Считайтеся, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людей нет».

Тогды говорит Михайло Ондрѣевичь московъскый боярин князю Дмитрию Ивановичю: «Господине князь великый Дмитрий Ивановичь, нѣту туто у нас сорока боярин больших мосъковъских, да 12 князей белозерских, да 30 бояринов посадников новгородцких, да 20 бояринов коломеньских, да 40 бояринов переяславъских, да полу 30 бояринов костромских, да пол 40 бояринов володимеръских, да 50 бояринов суздальских, да

Уже всюду на Русской земле веселье и ликованье. Вознеслась слава русская над хулой поганых. Уже низвергнуто Диво на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям текут. Стреляй, князь великий, по всем землям, рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали и головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и примолкли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю? Ведь побила тебя орда Залесская. А не бывать тебе Батыем царем: у Батыя царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю землю Русскую от востока и до запада. Наказал тогда бог Русскую землю за ее грехи. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, со многими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девять в Лукоморье — не с кем тебе зиму зимовать в поле. Видно, крепко тебя князья русские потчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дону на поле Куликове, на траве ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за драку лозой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликове, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было смотреть: лежат трупы христианские как сенные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, скольких у нас воевод нет и скольких молодых людей?»

Тогда отвечает Михайло Андреевич, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу: «Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет у нас сорока бояр больших московских, двенадцати князей белозерских, тридцати бояр — новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, семидесяти бояр

70 бояринов резаньских, да 40 бояринов муромских, да 30 бояринов ростовъскых, да трех да 20 бояринов дмитровских, да 60 бояринов звенигородцких, да 15 бояринов углецъких. А изгибло нас всей дружины пол 300 000. И помилова бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь: «Братия, бояра и князи, и дѣти боярские, то вам сужено мѣсто меж Доном и Непром, на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ. И положили есте головы своя за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вѣце и в будущем. И пойдем, брате, князь Владимер Андрѣевичь, во свою Залескую землю к славному граду Москве и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени».

Богу нашему слава.

рязанских, сорока бояр муромских, тридцати бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А погибло у нас всей дружины двести пятьдесят тысяч. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Братия, бояре и князья и дети боярские, то вам суженое место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этой жизни и будущей. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю, к славному городу Москве, и сядем, брат, на своем княжении, чести, брат, добыли и славного имени!»

Богу нашему слава.

ПИСЬМО ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО К КИРИЛЛУ ТВЕРСКОМУ

Выписано из послания иеромонаха Епифания, писавшаго к некоему другу своему Кириллу:

Юже некогда видел еси церковь Софийскую цареградскую, написану в моей книзе во Евангелии, еже гречески речется Тетроевангелие, нашим руским языком зовется Четвероблаговестие. Прилучи же ся таковому граду списати в нашей книзе сицевым образом. Поне же егда живях на Москве, иде же бяше тамо муж он живый, преславный мудрок, зело философ хитр, Феофан, гречин, книги изограф нарочитый и живописець изящный во иконописцех, иже многи различные множае четвородесятоточисленных церквей каменных своею подписал рукою, яже по градом, елико в Константине граде и в Халкидоне, и в Галафе, и в Кафе, и в Велицем Новегороде, и в Нижнем. Но на Москве три церкви подписаны: Благовещения святыя богородицы, Михайло святый, одну же на Москве. В Михайле святом на стене написа град, во градце шаровидно подробну написавый; у князя Владимира Андреевича в камене стене саму Москву такоже написавый; терем у князя великого незнаемою подписью и страннолепно подписаны; и в каменной церкви во святом Благовещении корень Иессеев и Апоколипьсий также исписавый. Сия же вся егда назнаменующу ему или пишущу, никогда же нигде ж на образцы видяще его когда взирающа, яко же нецыи наши творят иконописцы, иже недоумения наполнишася присно приницающе, очима мещуще семо и овамо, не толма образующе шарми, елико нудяхуся на образ часто взирающе; но мняшеся яко иному пишущу рукама убо изобразуя писаше, ногама же бес покоя стояше, языком же беседуя с приходящими глаголаше, а

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПИСЬМО ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО К КИРИЛЛУ ТВЕРСКОМУ

Выписано из послания иеромонаха Епифания, писавшего к некоему другу своему Кириллу:

Ты видел некогда церковь Софийскую Цареградскую, представленную в моей книге — Евангелии, именуемом по-гречески Тетроевангелием, на нашем же русском языке — Четвероблаговестием. Вот каким образом случилось, что город этот был написан в нашей книге. Когда я был в Москве, жил там и преславный мудрец, философ зело искусный, Феофан Грек, книги изограф опытный и среди иконописцев отменный живописец, который собственною рукой расписал более сорока различных церквей каменных в разных городах: в Константинополе, и в Халкидоне, и в Галате, и в Кафе, и в Великом Новгороде, и в Нижнем. Но в Москве им расписаны три церкви: Благовещения святой богородицы, святого Михаила и еще одна. В церкви святого Михаила он изобразил на стене город, написав его подробно и красочно; у князя Владимира Андреевича он изобразил на каменной стене также самую Москву; терем у великого князя расписан им неведомою и необычайною росписью, а в каменной церкви святого Благовещения он также написал «Корень Иесеев» и «Апокалипсис». Когда он все это рисовал или писал, никто не видел, чтобы он когда-либо смотрел на образцы, как делают это некоторые наши иконописцы, которые от непонятливости постоянно в них всматриваются, переводя взгляд оттуда—сюда, и не столько пишут красками, сколько смотрят на образцы. Он же, кажется, руками пишет изображение, а сам на

умом дальная и разумная обгадываше; чювственныма бо очима разумныма разумную видяше доброту си. Упредивленный муж и пресловущий великую к моей худости любовь имеяше; тако и аз уничиженный к нему и неразсудный дерзновение множае стяжах, учащах на беседу к нему, любях бо присно с ним беседовати.

Аще бо кто или вмале или на мнозе сотворит с ним беседу, то не мощно еже не почудитися разуму и притчам его и хитростному строению. Аз видя себе от него любима и неоскорбляема и примесих к дерзости безстудство и понудих его рекий: «Прошу у твоего мудролюбия, да ми шарми накартаеши изображение великия оноя церкви святыя Софии, иже во Цареграде, юже великий Иустиниан царь воздвиже, ротуяся и уподобився премудрому Соломону; ея же качество и величество нецыи поведаша яко Московский Кремль внутреградия и округ коло ея и основание и еже обходиши округ ея; в ню же аще кто странен внидет и ходити хотя без проводника, без заблужения не мощи ему вон излести, аще и зело мудр быть мнится, множества ради столпотворения и околостолпия, сходов и восходов, преводов и преходов, и различных полат, и церквей, и лествиц, и хранильниц, и гробниц, и многоименитых предград и предел, и окон, и путей, и дверей; влазов же и излазов и столпов каменных вкупе. Написа ми нарицаемаго Иустиниана, на коне седяща и в руце своей десницы медяно держаща яблоко, ему же рекоша величество и мера, полтретя ведра воды вливаются, и сия вся предиреченная на листе книжнем напиши ми, да в главизне книжной положу и в начало поставлю и донели же поминая твое рукописание и на таковый храм взирая, аки во Цареграде стояще мним».

Он же мудр мудре и отвеща ми: «Не мощно есть, рече, того ни тебе улучити, ни мне написати; но обаче докуки твоея ради мало нечто аки от части вписую ти, и то же не яко от части, но яко от сотыя части, аки от многа мало, да от сего маловиднаго изображеннаго пишемаго нами и прочая большая имаши навыцати и разумети». То рек, дерзостне взем кисть и лист, и написа наскоре храмовидное изображение по образу сущия церкви во Цареграде, и вдаде ми.

От того листа нужда бысть и прочиим иконописцем московским, яко мнози бяху у когождо преписующе себе, друг пред другом ретующе и от друга приемлюще. Последи же всех изволися и мне, аки изографу написати четверообразне; поставихом таковый храм в моей книзе в четырех местех: 1) в начале книги в Матфееве евангелии, иде же столп Иустиниана иде же Матфея

ногах, в беспрестанной ходьбе, беседует с приходящими, а умом обдумывает высокое и мудрое, острыми же очами разумными разумную видит доброту. Сей дивный и знаменитый муж питал любовь к моему ничтожеству; и я, ничтожный и неразумный, возымев большую смелость, часто ходил на беседу к нему, ибо любил с ним говорить.

Сколько бы с ним кто ни беседовал, не мог не подивиться его разуму, его притчам и его искусному изложению. Когда я увидел, что он меня любит и что он мною не пренебрегает, то я к дерзости присоединил бесстыдство и попросил его: «Прошу у твоего мудролюбия, чтобы ты красками написал мне изображение великой этой церкви, святой Софии в Цареграде, которую воздвиг великий царь Юстиниан, в своем старании уподобившись премудрому Соломону. Некоторые говорили, что достоинство и величина ее подобны Московскому Кремлю,— таковы ее окружность и основание, когда обходишь вокруг. Если странник войдет в нее и пожелает ходить без проводника, то ему не выйти, не заблудившись, сколь бы мудрым ни казался он, из-за множества столпов и околостолпий, спусков и подъемов, переводов и переходов, и различных палат и церквей, лестниц и хранильниц, гробниц, многоразличных преград и приделов, окон, проходов и дверей, входов и выходов, и столпов каменных. Упомянутого Юстиниана напиши мне сидящего на коне и держащего в правой своей руке медное яблоко, которое, как говорят, такой величины и размера, что в него можно влить два с половиной ведра воды. И это все вышесказанное изобрази на книжном листе, чтобы я положил это в начале книги и, вспоминая твое творение и на такой храм взирая, мнил бы себя в Цареграде стоящим».

Он же, мудрец, мудро ответил мне. «Невозможно,— молвил он,— ни тебе того получить, ни мне написать, но, впрочем, по твоему настоянию, я малую часть от части ее напишу тебе, и это не часть, а сотая доля, от множества малость, но и по этому малому изображению, нами написанному, остальное ты представишь и уразумеешь». Сказав это, он смело взял кисть и лист и быстро написал изображение храма, наподобие церкви находящейся в Цареграде, и дал его мне.

От того листа была великая польза и прочим московским иконописцам, ибо многие перерисовали его себе, соревнуясь друг с другом и перенимая друг у друга. После всех решился и я, как изограф, написать его в четырех видах, и поместил этот храм в своей книге в четырех местах: 1) в начале книги в Евангелии от Матфея,— где столп Юстиниана и образ евангелиста

евангелиста образ бе; 2) же храм в начале Марка евангелиста; 3) же пред началом Луки евангелиста; 4) же внегда начатися Иоаннову благовестию; 4 храмы, 4 евангелиста написашася, иже некогда видел есть, внегда бежах от лица Едегеева на Тверь, устрашихся, паче же всех, у тебе преупокоих претружение мое, и тебе возвестих печаль мою, и тебе явствовах все книжие мое, елицы от разсеяния и от расточения осташася у мене. Ты же тогда таковый храм написанный видел, и за 6 лет воспомянул ми в минувшую зиму сию своим благоутробием. О сих до зде. Аминь.

Матфея; 2) храм в начале Евангелия от Марка; 3) перед началом Евангелия от Луки и 4) перед началом Евангелия от Иоанна; четыре храма и четырех евангелистов написал. Их-то ты и видел, когда я, устрашась, бежал от Едигея в Тверь и у тебя нашел покой и тебе поведал мою печаль и показал все книги, которые остались у меня от бегства и разорения. Тогда ты и видел изображение храма этого и через шесть лет в прошлую зиму напомнил мне о нем по своей доброте. Об этом довольно. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

СЛОВО 2-Е О ТОМ ЖЕ О ВЕЛИКОМ СВЯТИТЕЛИ ИОАННЕ АРХИЕПИСКОПЕ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА, КАКО БЫЛ В ЕДИНОЙ НОЩИ ИЗ НОВАГРАДА ВО ИЕРОСАЛИМ ГРАД И ПАКЫ ВОЗВРАТИСЯ В ВЕЛИКИЙ НОВЪГРАД ТОЕ ЖЕ НОЩИ

Понеже несть се достойно молчанию предати, еже бог сотвори святителем своим Иоанномь. Многажды же бывает со искушением над святыми попущением божиим, да болма прославятся и просветятся, яко злато искушено. Прославляюща мя, рече, прославлю. Дивен бо есть бог во святых своих. Бог прославляя святыя своя. И паки рече Христос: «Се дах вам власть над духы нечистыми».

В един убо от дний святому по обычаю своему в ложницы своей молитвы нощныя совершающу. Имеяше же святый сосуд с водою стоящь, из него же умывашеся. И слыша в сосуде оном некотораго поропщюща в воде, и прииде скоро святый и уразуме бесовьское мечтание. И сотворь молитву, и огради сосуд крестом и запрети бесу. Хотяще бо пострашити святаго, но приразився твердому адаманту, твердаго же адаманта не поколеба и сам вселукавый сотреся.

И не на долгый час не могий терпети бес, нача вопити: «О люте нужди сея! Се бо огнем палим есмь: не могу терпети; скоро испусти мя, святче божий!» Святый же рече: «Кто еси ты и како семо прииде?» Диавол же рече: «Аз есмь бес лукавый, и приидох смутити тя. Мнях бо яко человек устрашишися, и от молитвы упразднишися, ты же мя зле заключив в сосуде сем. Се бо яко огнем палим зило, горе мне окаянному! како прелстихся, како внидох семо, недоумевся! Ныне же пусти мя, рабе божий, и отселе не имамь приити семо!» И надолзе вопиющу

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

СЛОВО ВТОРОЕ О ТОМ ЖЕ О ВЕЛИКОМ СВЯТИТЕЛЕ ИОАННЕ, АРХИЕПИСКОПЕ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА, КАК ОН ЗА ОДНУ НОЧЬ ПОПАЛ ИЗ НОВГОРОДА ВО ИЕРУСАЛИМ-ГРАД И СНОВА ВОЗВРАТИЛСЯ ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ В ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Нельзя забвению предать то, что случилось однажды по божьему изволению со святителем Иоанном. Нередко попущением божьим выпадает испытание и святым, да еще больше прославятся и просияют, как золото отполированное. Прославляющего меня, говорит господь, и я прославлю. Дивен бог святыми своими; сам господь святых своих прославляет. И еще сказал Христос: «Дал я вам власть над духами нечистыми».

Однажды святой по своему обычаю творил ночные молитвы в ложнице своей. Здесь у святого и сосуд с водой стоял, из которого он умывался. И вот, услыхав, что кто-то в сосуде этом в воде плещется, быстро подошел святой и догадался, что это бесовское наваждение. И, сотворя молитву, осенил сосуд тот крестным знамением, заключив беса. Хотел бес постращать святого, но налетел на несокрушимую твердыню и твердыни этой поколебать не смог, а сам лукавый был сокрушен.

И не в силах терпеть долго, начал бес вопить: «О, горе мне лютое! Как в огне горю, не могу терпеть, выпусти меня поскорее, праведник божий!» Святой же вопросил: «Кто ты таков и как попал сюда?» Дьявол ответил: «Я бес лукавый, пришел, чтобы смутить тебя. Надеялся я, что ты, как обычный человек, испугаешься и молиться перестанешь. Ты же меня, на мое горе, заключил в сосуде этом. И вот как огнем палим я нестерпимо — горе мне, окаянному! Зачем польстился, пришел сюда, не понимаю! Отпусти меня, раб божий, а я больше никогда к тебе

неприазненому, святый же рече: «Се за дерзость твою повелеваю ти: сее нощи донеси мя из Великого Новаграда в Иерусалим град, и постави мя у церкви, иде же гроб господень, и из Ерусалима града сее же нощи в келии моей, в ню же деръзнул еси внити. И аз тя испущу». Бес же всячески обещася сотворити волю святаго, токмо, рече: «Испусти мя, рабе божий, се бо люте стражду».

Святый же запретив бесу, испусти и́, рек: «Да будеши яко конь уготовлен, предстояй пред кельею моею, да имам на тя въсести, и совершити желание свое». Бес же изыде яко тма из сосуда, и ста яко конь пред кельеею святаго, яко же требе святому. Святый же, изыде ис келья, и въоружи себе крестом, и вседе на нь, и обретеся тоя нощи во Иерусалиме граде близ церкви святаго Въскресениа, иде же гроб господень и часть животворящаго древа. Бесу же запрети, да не отидеть от места того. Бес же стоя, никако же могий двигнутися с места, дондеже святый прииде к церкви святаго Воскресениа. И ста пред дверми церковными, и преклонив колени, помолися, и отверзошася двери церковныа сами о себе, и свещи и паникадила в церкви и у гроба господня възъжгошася. Святый же благодарствене моля бога, и пролиа слезы, и поклонися гробу господню и облобыза и́, тако же и животворящему древу, и всем святым образом и местомь, иже суть в церкви. Изыде из церкви, совершив желание свое, и паки двери церковныа о собе затворишася. И обрете святый беса стояща на том месте, иде же повеле ему, яко коня уготовлена. И вседе на нь святый, и обретеся тое же нощи в Великом Новеграде в келии своей.

И отходя бес ис келии святаго, и рече: «Иоанне! ты мя потруди во единой нощи донести себе из Великого Новаграда во Иерусалим град, и тое же нощи из Ерусалима града в Великий Новъград. Се бо запрещением твоим, яко узами неразрешенно держимь бых и бедне сего претерпех. Ты же да не повеси никому же збывшаяся о мне. Аще ли исповеси, аз же имам на тя искушение навести. Имаши бо яко блудник осужен быти, и много поруган быти, и на плот посажден на реце рекомом Волхове». Сиа же блядущу лукавому, святый же сътвори крестное знамение, и изчезе бес.

Некогда же святому, яко же имеяше обычай, упражняющуся в духовней беседе с честными игумены и со искуснейшими иереи и з богобоязнивыми мужи, и учение свое простирающу, и святых житиа сказующу, еже на ползю людем. Людем же послушающим в сладость святаго учения: не ленив бо бяше еже учити люди. Тогда же глагола, яко о ином некотором сказуа, еже збы-

не приду!» И сказал святой беспрерывно вопившему дьяволу: «За дерзость твою повелеваю тебе: сей же ночью отвези меня на себе из Великого Новгорода в Иерусалим-град, к церкви, где гроб господень, и в сию же ночь из Иерусалима — назад, в келию мою, в которую ты дерзнул войти. Тогда я освобожу тебя». Бес клятвенно обещал исполнить волю святого, только умолял: «Выпусти меня, раб божий, страдаю люто!»

Тогда святой, закляв беса, выпустил его и сказал: «Превратись в коня оседланного и встань перед кельею моею, а я сяду на тебя, и ты исполнишь волю мою». Бес черным дымом вышел из сосуда и встал конем перед кельею Иоанна, как приказал ему святой. Иоанн же, выйдя из кельи, перекрестился и сел на него, и очутился той же ночью в Иерусалиме-граде, около церкви святого Воскресения, где гроб господень и часть от животворящего креста господня. Беса же заклял, чтобы не мог с места того сойти. И бес стоял, не смея сдвинуться с места, покуда Иоанн ходил в церковь святого Воскресения. Подошел Иоанн к дверям церковным и, преклонив колени, помолился, и сами собой открылись двери церковные, и зажглись свечи и паникадила в церкви и у гроба господня. Святой возблагодарил в молитве бога, прослезился и поклонился гробу господню и облобызал его, поклонился он также и животворящему кресту и всем святым иконам и местам церковным. Когда вышел он из церкви, осуществив мечту свою, то двери церковные снова сами собой затворились. И нашел святой беса, стоящего конем оседланным, на том месте, где повелел. Сел на него Иоанн и той же ночью оказался в Великом Новгороде, в келье своей.

Когда уходил бес из кельи святого, то сказал: «Иоанн! Замучил ты меня: в одну ночь заставил донести себя из Великого Новгорода в Иерусалим-град и в ту же ночь из Иерусалима-града в Великий Новгород. Это ведь заклятием твоим, как цепями, был я крепко связан и все, бедный, перенес. Смотри же не рассказывай никому о случившемся со мной. Если же расскажешь, то я тебя оклевещу. Будешь тогда как блудник осужден, и поруган, и на плот тебя посадят и пустят по реке Волхову». Так пустословил лукавый. Святой перекрестил его, и исчез бес.

Однажды Иоанн, как это было в его обычае, вел душеспасительную беседу с честными игуменами, и с многоразумными иереями, и с богобоязненными мужами, поучая и рассказывая о жизни святых, для пользы душевной людям. Они же в сладость слушали поучения святого: не ленился он учить людей. И поведал он тогда, как-будто о ком-то другом рассказывая, что с ним

ться на нем. «Аз, рече, вем такова человека бывша во единой нощи из Великого Новаграда во Иерусалиме граде, и поклонився гробу господню, и паки возвратившася тое же нощи в Великий Новъград». Игуменом же, иереом и всем людем удивльшимся о сем.

И от того времене попущением божиимь нача бес искушение наводити на святаго. Народи убо града того многажды видяху яко жену блудницю текущу ис келии святаго: бес бо преображашеся в жену. Народи же не ведяху, яко бес есть мечтуа, но весьма мняху жену блудницю и соблажняхуся о сем. Иногда же и началници града того, приходяще в келию святаго, благословениа ради, видять мониста девичьа лежаща, и сандалиа женьская, и рубища, и о семь оскорбляхуся, недоумеюще что рещи. Вся же си бес мечтуа показоваше им, да востануть на святаго, и возглаголють неправедная, и изженуть.

Народи же они с началники своими советовавше, рекоша к себе: «Неправедно есть таковому святителю быти на апостольском престоле, блуднику сущу: идемь и изъженемь й!» О таковых бо людех Давид рече: «Немы да будуть устны льстивыа, глаголющая на праведнаго безаконие гордынею и уничиждением, понеже они мечтанию бесовъскому веры имше, имуще же яко и жидовъскую сонъмицю». На предлежащее же возвратимся.

И пришедше народи к келии святаго, бес же потече народом зрящим во образи отроковицы, яко ис келии святаго. Народи же восклицаша да изымають еа. И не можаху, гнавше доволно. Святый же слышав молву народа у келии своей и изыде к ним и рече: «Что есть, чада?» Они же изглаголаша ему вся, яже видеша, святого же глаголом не внимаху, и осудиша его яко блудника. И имше его нудма, поругашася ему и, недоумеваху что быша сотворили ему, и умыслиша тако: «Посадим его на плот на реку на Волхов, и да выпловеть из града нашего вниз по реци». И выведоша святаго и целомудренаго великаго святителя божиа Иоанна на Великий мост, еже есть на рецы на Волхове и, низвесивше святаго, на плот посадиша. И збыться лукаваго диавола мечьтание. Диавол же нача сему радоватися, но божиа благодать преможе, и святаго вера к богу и молитвы.

И егда посажен бысть святитель божий Иоанн на плот, на реце на Волхове, и поплове плот вверх реки, никим же пореваем, на нем же святый седяше, противу великие быстрины, еже есть у Великого мосту, к святаго Георгиа монастырю. Святый же моляшеся о них, глаголя: «Господи! не постави им греха сего: не ведят бо, что творять!» Диавол же видев, посрамися и возрыда.

самим случилось. «Я, говорил, знаю человека, который за одну ночь успел попасть из Новгорода Великого в Иерусалимград, поклонился там гробу господню и той же ночью вернулся в Великий Новгород». Игумены, иереи и все люди подивились этому.

И вот, с того дня божиим попущением начал бес клевету возводить на святого. Жители того города часто видели, как из кельи святого выходила блудница: это бес преображался в женщину. Горожане же не знали, что это бесовское наваждение, а были уверены, что это на самом деле уличная женщина, и впадали в заблуждение. Случалось также, что начальники города, приходя в келью святого для благословения, видели там мониста девичьи, и обувь женскую, и одежду, и негодовали на это, не зная, что и сказать. А все это бес наваждением своим показывал им, чтобы восстали на святого, неправедно осудили его и изгнали бы.

Посоветовавшись с начальниками своими, горожане порешили между собой: «Не подобает такому святителю, блуднику, быть на апостольском престоле—идем и изгоним его!» О таких людях Давид сказал: «Пусть онемеют уста льстивые, в гордыне изрекающие ложь о праведнике, потому что они поверили бесовскому наваждению, как некогда еврейский народ». Но возвратимся к нашему рассказу.

Когда пришел народ к келье святого, то бес перед глазами всех побежал в образе девицы, будто из кельи святого. Люди закричали: «Ловите ее!» Но хоть и долго гнались, не смогли поймать. Святой же, услышав говор людской у кельи своей, вышел и спросил: «Что случилось, дети мои?» Они же рассказали все, что видели, и, не внимая оправданиям святого, осудили его как блудника. Схватили его, и надругались над ним, и, не понимая, что творят, понося святого, порешили: «Посадим его на плот на реке Волхове — пусть выплывет из нашего города вниз по реке». И вывели святого и целомудренного великого святителя божьего Иоанна на Великий мост, что на реке Волхове, и, опустив святого с моста, на плот посадили. Так сбылось предсказание лукавого дьявола. Возрадовался нечистый, но божья благодать и вера святого в бога и молитвы пересилили.

Когда посадили божьего святителя Иоанна на плот на Волхове, то поплыл плот против самой быстрины, которая как раз у Великого моста, никем не подталкиваемый, вверх по реке, к монастырю святого Георгия. Святой же молился о новгородцах, говоря: «Господи! Не вмени им это во грех: ведь сами не ведают, что творят!» Дьявол же, видев это, посрамился и возрыдал.

Народи же, видевше таково чюдо, растерзаху ризы своа и возвращахуся, рекуще: «Согрешихом, неправедное содеяхом — овци сыи пастыря осудихом. Се бо видим яко от бесовскаго мечтаниа сие сотворися нам!» И шедше скоро в великую Премудрость божию, и повелеша священному собору, иереом и диаконом, со кресты пойти вверх по брегу реки Волхова ко святаго Георгиа монастырю, и молити святаго, дабы возвратился на престол свой. Священный же собор со тщанием взяша честный крест и икону святии богородици, яко же лепо бе, и поидоша по брегу реки Волъхова, вослед святаго, моляще его, дабы ся возвратился на престол свой. Тако же и народи они, иже прежде ков на святаго воздвигше, текуще по брегу реки Волхова к святаго Георгиа монастырю, умильне глас испущающе, глаголаху: «Возвратися, честный отче, великий святителю Иоанне, на престол свой, и не остави чад своих сирых, и не помяни, еже согрешихом к тебе!» И предвариша святаго и носящих иереов честныа кресты близ святого Георгиа монастыря яко пол-поприща, и сташа, преклоняюще главы своа до земля, моляще святаго и слезы проливающе, тако же глаголюще, яко же рехом: «Возвратися, честный отче, пастырю нашь, на престол свой; грех бо нашь пред нами есть всегда; пред тобою согрешихом, и диавола лукаваго мечтанием прелстихомся. Тако сотворити дерзнухом, яко убо безответне прощениа просим, но обаче и благословения твоего сподоби нас!» И ина многа глаголаху, моляще святаго. Не скоро бо пловяше святый на плоте оном противу великиа быстрины, но яко некоторою божественною силою носим благоговейно и честно, не бо предваряше носящих честныа кресты по брегу, но равно пловяше с носящими иереи и диаконы честныа кресты. И егда священный собор с честными кресты приидоша к месту, иде же народи они стояще бяху, и начаша вкупе болма молити святаго, дабы возвратился на престол свой. Святый же послуша моленија их, яко по воздуху носим, ко брегу приплове и, востав с плота, сниде на брег. Народи же, видевше, радовахуся, яко умолиша святаго возвратитися, и плакахуся, еже согрешиша к святому, прощениа просяще.

Беззлобивая же она душа прощениа сподобляет их. Мнози же от них на нозе падающе, слезами обливаху нози его; друзии же ризами знаменовахуся святаго. И, спроста рещи, друг друга утесняху, хотяху поне видети святаго. Святый же благословяше их. И тако поиде с кресты чудоносивый архиерей божий Иоанн в святаго Георгия монастырь, и со священным собором молебная съвершающе пениа. И множество народа вследующим и глаголющим: «Господи, помилуй!»

Люди, узрев такое чудо, стали рвать одежды на себе и говорили: «Согрешили мы, неправедно поступили — осудили овцы пастыря своего. Теперь-то видим, что бесовским наваждением все произошло!» Побежали в великую Софию божию и велели священному собору — иереям и дьяконам — идти с крестами вверх по берегу реки Волхова к монастырю святого Георгия и умолить святого, чтобы возвратился на престол свой. Священники взяли честной крест и икону святой богородицы, как подобает, и пошли по берегу Волхова вослед за святым, моля его, чтобы возвратился на престол свой. Так же и те люди, которые прежде на святого клевету возводили, шли по берегу Волхова к монастырю святого Георгия и с мольбой просили: «Возвратись, честный отче, великий святитель Иоанн, на престол свой, не оставь чад своих осиротевшими, не поминай наше согрешение перед тобой!» И, обогнав святого и крестный ход, остановились за пол-поприща до монастыря святого Георгия, и, кланяясь до земли и проливая слезы, умоляли Иоанна, повторяя: «Возвратись, честный отче, пастырь наш, на престол свой! Пусть грех наш падет на нас — прельстились кознями лукавого дьявола и согрешили перед тобой. За дерзость свою прощения просим, не лиши нас благословения своего!» И многое другое говорили, умоляя святого. Тихо плыл Иоанн на плоте своем против сильного течения, как будто некой божественной силой несло его благоговейно и торжественно, чтобы не обогнать крестного хода,— наравне с несущими честные кресты иереями и дьяконами плыл он. Когда священный собор с честными крестами подошел к тому месту, где стоял народ, то все вместе стали еще горячее молить святого, чтобы возвратился он на престол свой. Святой, вняв мольбе их, словно по воздуху несомый, приплыл к берегу и, поднявшись с плота, сошел на берег. Люди, видевшие все это, радовались, что умолили святого возвратиться, и плакали о своем согрешении перед ним, прощения прося.

Он же, беззлобная душа, простил их всех. Одни из них в ноги падали ему, обливая их слезами, другие прикладывались к ризам святого. И, попросту сказать, теснились и толкали друг друга, чтобы хоть увидеть святого. Святой же благословлял всех. И пошел чудотворец архиерей божий Иоанн с крестным ходом в монастырь святого Георгия, совершая молитвенные пения со священным собором. И множество народа следовало за ними, восклицая: «Господи, помилуй!»

Архимандриту же и иноком монастыря того не ведущимь, яко архиерей божий Иоанн грядеть в монастырь. В то же время во святаго Георгиа монастыри бе некий человек яко урод ся творя, прозорлива же дара имеа от бога благодать. Сей скоро притече к архимандриту монастыря того, толкый в двери келиа его, и глаголя: «Изыди противу великаго святителя божиа Иоанна, архиепископа Великого Новаграда, сей грядеть к нам в монастырь». Архимандрит же усумнеся, и посла видети. Послании же шедше увидеша от народа ту сущаго вся бывшая яже о святемь, и скоро возвратившеся возвестивше архимандриту. Архимандрит же повеле в тяжкая звонити. И сшедшимся иноком великиа тоя лавры, и вземше честныя кресты, и изидоша из монастыря противу святителя божиа Иоанна. Святый же видев, когождо благословяше их, и прииде в монастырь, и вшед в церковь святаго великомученника Христова Георгиа, со архимандритом монастыря того, и со всем священным собором, и со иноческым чином, и со множеством народа. И молебнаа совершив, и тако с великою честию возвращается на престол свой в Великый Новъград.

Сиа же сам о собе исповеда священному собору и прочим людемь: како хотяше его бес пострашити, и како был в Иерусалиме граде во единой нощи из Великого Новаграда, и вся, яже сбыться ему, по ряду сказа, яко же преди речеся. И учаше их святый, глаголя: «Чада! со испытанием всяко дело творите, да не прельщени будете диаволом. Да некогда з добродетелию злобу приплетену обрящете, и суду божию повинни будете: страшно бо есть впасти в руце бога живаго!» И о сем мало да премолчим.

Князь же и началници града того, советовавше со множеством народа, поставиша крест камен на том месте на брегу, иде же приплове святый, иже и до ныне стоить во свидетельство преславному чюдеси сему святаго, и в наказание соньмицы Великого Новаграда, да пакы тако не дерзають скоро без испытаниа святителя осужати и изженути. О святых бо своих Христос рече: «Блажении изгнани правды ради, яко техь есть царство небесное! А иже святыя изганяють бес правды, кый ответ имуть?»

Архимандрит же и иноки того монастыря не знали, что в монастырь грядет архиерей божий Иоанн. А в те времена в монастыре святого Георгия жил некий человек, юродивый, получивший от бога благодать прозорливости. Сей человек пришел к архимандриту монастыря и, постучав в дверь его кельи, сказал: «Иди, встречай великого святителя божьего Иоанна, архиепископа Великого Новгорода,— грядет он к нам в монастырь». Архимандрит не поверил и послал посмотреть. Посланные же пошли и узнали от людей все случившееся со святым и, быстро вернувшись, рассказали архимандриту. Архимандрит повелел в большие колокола звонить. И собрались иноки этой великой лавры, взяли честные кресты и пошли из монастыря навстречу святителю божьему Иоанну. Святой же, увидев их, благословил каждого и, придя в монастырь, вошел в церковь святого Христова великомученика Георгия с архимандритом монастыря того, со всем священным собором и иноками, и со всем множеством народа. И, совершив молебен, с великой честью вернулся на престол свой в Великий Новгород.

Все это о себе рассказал он сам священному собору и другим людям: как его бес хотел постращать, как он побывал за одну ночь в Иерусалиме-граде и вернулся назад в Новгород, и все, что случилось с ним, подробно поведал, как это выше рассказано. И поучал их святой, говоря: «Дети мои! любое дело творите, сначала проверив все, чтобы не оказаться прельщенными дьяволом. А то может случиться, что с добродетелью зло переплетется, тогда виновны будете перед божьим судом: ведь страшно впасть в руки бога живого!» Но об этом пока многого говорить не будем.

Князь и начальники города, посоветовавшись со всем народом, поставили крест каменный на том месте на берегу, куда приплыл святой. И крест этот и ныне стоит во свидетельство преславного чуда этого святого и в назидание всем новгородцам, чтобы не дерзали сгоряча и необдуманно осуждать и изгонять святителя. Ибо сказал Христос о святых своих: «Блаженны изгнанные правды ради, потому что им принадлежит царство небесное! А те, которые изгоняют святых несправедливо, что смогут ответить на том свете?»

О ЖИТЬИ СВЯТОГО МИХАЙЛА, ХРИСТА РАДИ УРОДИВАГО

Прихожение Михайла, уродиваго Христа ради ко святей Троицы на Клопъско при Феодосии, нареченнем на владычество.

А пришел канун дни честнаго Рожества Иоанна в нощь. И поп Макарий покадив во церкви на девятой песни да пошел в келию. И прииде в келию, аже келиа отомчена. И он войде в келию, аже старец седит на стуле, а пред ним свеща горит. А пишет, седя, деания святого апостола Павла, плавание. И поп воспятилъся, да пошол в церковь уполошився. Да пришед да сказал Феодосию игумену и черньцом.

И игумен Феодосие возмя крест и кадило да прииде в келию и с черньци, аже сенци заперты. И он посмотрил в окно в келию, аже старець седя пишет. И игумен сотвори молитву: «Господи Исусе Христе, сыне божие, помилуй нас грешных!» И он против сотворил молитву тако же. И игумен 3-жды створил молитву и он противу тако же сотворил 3-жды молитву, против игумена Феодосиа.

И Феодосий молвит ему: «Кто еси ты, человек ли еси или бес? Что тебе имя?» И он ему отвеща те же речи: «Человек ли еси или бес? Что ти имя?» И Феодосей молвит ему в другие и вь третее те же речи: «Человек ли еси или бес, что ти имя?» И Михайла противу того те же речи в другие и в третие: «Человек ли еси или бес?»

И повеле игумен Феодосей у кельи и у сенець верх содрати да у кельи дверь выломити. Да влещи игумен в келию, да почал келию кадит темьяном, да старца того почал кадити. И он от темьана закрывается, а крестом знаменается. И игумен воспроси

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

О ЖИТИИ СВЯТОГО МИХАИЛА, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО

Приход Михаила, Христа ради юродивого, в Клопский монастырь святой Троицы при игумене Феодосии, избранном позже на владычный стол.

А пришел в Иванову ночь. Поп Макарий, покадив в церкви на девятой песне, пошел в келью. Пришел к келье — а келья открыта. Вошел он в келью, а там старец сидит на стуле, горит перед ним свеча, а он переписывает деяния святого апостола Павла — рассказ о плавании. Поп, перепугавшись, попятился и вернулся в церковь. Пришел и рассказал о незнакомце игумену Феодосию и инокам.

Игумен Феодосий, взяв крест и кадило, пошел к келье с братиею, а сенцы в келью уже заперты. И он заглянул в окно кельи — старец сидит и пишет. Тогда игумен сотворил молитву: «Господи Исусе Христе, сыне божий, помилуй нас, грешных!» А незнакомец в ответ сотворил эту же молитву. И игумен трижды творил эту молитву, и трижды пришелец отвечал Феодосию той же молитвой.

Вот Феодосий молвит ему: «Кто ты — человек или бес? Как твое имя?» А он ему в ответ те же слова: «Человек ты или бес? Как твое имя?» И Феодосий во второй и третий раз повторил свой вопрос: «Человек ты или бес? Как твое имя?» И во второй и третий раз Михайла отвечал одно и то же: «Человек ты или бес?»

Тогда игумен Феодосий велел в келье и в сенцах крышу разобрать и в келье дверь выломать. Вошел игумен в келью, начал келью фимиамом кадить и старца стал кадить. А тот от фимиама прикрывается, а сам осеняет себя крестным знамением.

его Феодосей: «Как еси пришел к нам и откуду еси? Что еси за человек? Что имя твое?» И старец ему отвеща те же речи: «Как еси к нам пришел? Откуду еси? Что твое имя?» И не могли ся у него имени допытати.

И Феодосей молвить старцам таково слово: «Не бойтеся, старци, бог нам послал сего старца».

И потом позвонили обеднюю, и поп к церкви Макарей. И начали обеднюю пети. И где пришло ся пети «Единородный», аже старец вь церковь. И он почал пети «Единородный сын и блажен», «Апостол», и все обеденное пети почал и до конца. И поп, отпев обедню, да к Феодосию к игумену с проскурою. И Феодосий, взяв проскуру, да даст старцу, да молвит Федосей старцу: «Пойди к нам, старец, вь трапезу хлеба ясти!» И он с ними в трапезу пошел. И отьатши хлеба да Феодосей рече ему: «Буди у нас, старець, живи с нами». А сам Феодосей ввел его в келию.

И по мали времени рече Михайло Феодосью игумену: «Будут у нас гости». И рече ему Феодосей: «Сыну, что за гости будут?» И он не отвеща ему ничто же. И пойде Феодосей игумен и старец ис церкви от обедни, обедню певши, аж стоят на монастыре три мужи. И Феодосей игумен подасть им проскуру, ино два взяли проскуру, а один не взял. И старец рече Феодосию: «Зови их хлеба ясти, зане же издалеча пришли». И рече Феодосей: «Пойдем, дети, в трапезу хлебов ясти». И отвеща един от них: «Есть, отче, у нас иные друзи нам товарищи». И рече Феодосей игумен и Михайла: «Един от вас шедши позови и тех другов, да вместе емы». И призва, шед, един от них. Аже их идет 30 в доспесех со оружьи и з сулицами.

И вошли в трапезу хлеба ясти. И рече им Феодосей и Михайло: «Сядите, дети, хлебов ясти». И седши все яли хлеба, а два не ели. И рече им Михайло: «Не збудетца ваше, почто есте пришли!» И разболелися в тъй чяс оба, которые не яли хлеба. И восташа от трапезы, прославиша бога и святую Троицу. И даша един от них 100 бел на трапезу, а молвя таково слово: «Поберегите, отче, товарищев наших, мы от вас с миром идем!» И лежаша болны пять ден. И един болен вельми, желааше в черньци. А Федосей не смея постричи. И рече Михайло Феодосью: «Постриижи, отче, брат нам будеть!» И постригоша его, и даша имя ему Ерофей. А другаго отпустиша здрава и рече ему: «Иди молви своим другом: по ся места не украдите и не разбийте, останете своих грехов».

Ловля рыбы.
«Житие Михаила Клопского».
Миниатюра. XVII в.

(ИРЛИ, собр. Каликина, № 35, л. 330 об.).

И спросил его игумен Феодосий: «Как ты пришел к нам, откуда ты? Что ты за человек? Как имя твое?» А старец отвечал его же словами: «Как ты пришел к нам? Откуда ты? Как твое имя?» Так и не могли допытаться о его имени.

И Феодосий молвил старцам: «Не бойтесь, старцы, бог нам послал этого старца».

Потом позвонили к обедне, и поп Макарий пошел в церковь. Начали служить обедню. И когда запели «Единородный», видят—старец тот в церковь вошел и тоже начал петь «Единородный сын и блаженный» и «Апостол» и всю обедню пел до конца. Когда поп кончил обедню, то подошел с просвирой к Феодосию игумену. И Феодосий, взяв просвиру, дал ее старцу, да молвил ему: «Иди, старец, к нам в трапезную хлеб есть». И он пошел со всеми в трапезную. А когда поели, то Феодосий сказал ему: «Оставайся у нас, старец, живи с нами». И сам Феодосий ввел его в келью.

Прошло немного времени, и говорит Михайла игумену Феодосию: «Будут к нам гости». Спрашивает его Феодосий: «Сын мой, что за гости будут?» А он ничего не ответил. Пошли Феодосий игумен и старец из церкви от обедни, отпев обедню, а на монастырском дворе стоят трое неизвестных. Игумен Феодосий дал им по просвире: двое взяли, а один не взял. И говорит старец Феодосию: «Зови их хлеб есть — ведь они издалека пришли». И Феодосий сказал: «Пойдем, дети, в трапезную поедим хлеба». А один из них ответил: «С нами, отче, есть еще люди, наши товарищи». Тогда Феодосий игумен и Михайла говорят: «Пусть кто-нибудь из вас пойдет да позовет остальных — поедим все вместе». Один из них пошел и позвал остальных. А их идет тридцать человек, все в доспехах, с оружием и сулицами.

Вошли в трапезную хлеб есть. Феодосий и Михайла говорят им: «Садитесь, дети, хлеб есть». Все сели за столы и поели, а двое не стали есть. Тогда сказал им Михайла: «Не сбудется ваш умысел, с которым вы сюда пришли!» И сразу же худо стало тем двоим, которые не ели. Встали все от трапезы, прославляя бога и святую Троицу, а один из гостей дал сто бел на трапезу и молвил: «Позаботьтесь, отцы, о наших товарищах — а мы от вас с миром пойдем!» И лежали двое больных пять дней. И один из них, сильно занемогший, захотел постричься в чернецы. Но Феодосий не смел постричь его. Тогда сказал Михайла Феодосию: «Постриги, отче, братом нам будет». И постригли его и нарекли в монашестве Ерофеем. А другого, когда поправился, отпустили, и Михаил сказал ему: «Иди да передай своим друзьям, чтобы с этой поры они больше не грабили и не разбойничали, оставили бы свои грехи».

И по том времени приехал князь Костянтин и з женою причащатися и манастырь кормити на Преображение господне. И заставили его книгу чести Иева праведнаго за обедом. И князь слышав голос его да посмотрив в очи, и познал его. Да молвит ему: «А се Михаил, Максимов сын». И он противу молвить князю: «Бог знает». И Феодосей игумен ему молвит: «Чему, сынько, имени своего нам не скажеши?» И он молвит противу: «Бог знает». И с тых мест сказал свое имя — Михайло. И почали его звати Михайлом. И князь молвить игумену и старцам: «Поберегите его — нам человек той своитин». И с тых мест поча игумен старца беречи его.

И тогды в Веряжи вся вода высохла. И бысть суша по три лета. И пойде понамарь по водицу к церкви, аже Михайла пишет на песку: «Чашу спасениа прииму, имя господне призову. Ту будет кладяз неисчерпаемый». И понамарь, как обедню отпели, сказал игумену Феодосию. И пойде игумен с Михайлом на берег. И посмотрит игумен, аже написано на песку, и спросит игумен у Михайла: «Что, Михайло, написано на песку?» И Михайло молвит: «Написано на песку — чашу спасениа прииму, имя господне призову. Ту будет кладяз неисчерпаемый». И створи игумен и Михайла молитву. И покопа мало — пойде вода опругом. И явися кладяз неисчерпаемый и до сего дни.

Того же лета глад бысть по всей земли Ноугородцкой, и прискорбен бысть Феодосей игумен з братьею. И рече Михайло Феодосью: «Не скръби, отче, бог препитал четыредесять мужь тысящь в пустыни, развее жен и детей». И умоли Михайло у Феодосья игумена и у старцов, повеле рожь варити в котле и давати спутником. И начаша старци роптати на Феодосья и на Михайла. И Феодосей и Михайло так рькли: «Пойдем в житници, посмотрим». И обретоша всякых благых житници полны — не убы ничто же. И повелеша боле варити рож, раздаяти народу безъбранна. И прославиша бога и святую Троицу и угодников его.

По времени же не мале прииде князь Костянътин Дмитриевич в манастырь ко Троице святой на Клопъско в Лазореву суботу печален, благословится у игумена Феодосиа и у Михайла. А говорит Феодосью игумену и старцу Михайлу: «Ныне печален есмь — братья мои не дадут мне вотьчины». И отвеща ему Михайло: «Княже, не печалуй, будеши на своей вотчине — за мало время братья по тобя пришлють. Помолися, княже, святой Троици, постави храм камен, а святая Троица уготовает тобе храм божий на небесех противу того».

Вскоре после этого, на Преображение господне, приехал причащаться и монастырь кормить князь Константин с женою. За обедом Михаила заставили читать книгу Иова праведного. И князь, услышав голос старца, посмотрел ему в лицо и узнал его. Говорит он ему: «Да ведь это Михаил, Максимов сын». А тот молвил князю в ответ: «Бог знает». Тогда Феодосий сказал: «Почему, сынок, своего имени нам не назовешь?» А он в ответ: «Бог знает». И с той поры назвал свое имя — Михайла. И начали называть его Михаилом. Князь же сказал игумену и старцам: «Вы берегите его — этот человек нам родня». С тех пор игумен начал заботиться о старце.

Случилось — в Веряже вся вода высохла. Была засуха три года подряд. Раз пошел пономарь за водой для церкви, видит — Михаил пишет на песке: «Чашу спасения приму, имя господа призову. Тут будет источник неисчерпаемый». И пономарь, как обедню отпели, рассказал об этом игумену Феодосию. Пошел игумен с Михаилом на берег, посмотрел он, что написано на песке, и спросил у Михаила: «Что, Михайла, написано на песке?» А Михайла отвечает: «На песке написано — чашу спасения приму, имя господа призову. Тут будет источник неисчерпаемый». Сотворили молитву игумен с Михаилом. Покопали немного — и ударила вода ключом. Так до сих пор на этом месте бьет источник неиссякаемый.

В том же году голод был по всей Новгородской земле. Опечалился игумен Феодосий и вся братия. А Михайло говорит Феодосию: «Не скорби, отче, бог напитал сорок тысяч человек в пустыне, не считая женщин и детей». И умолил Михайла игумена Феодосия и старцев, чтобы повелели рожь в котле варить да давать странникам. И начали старцы роптать на Феодосия и на Михаила. Тогда Феодосий с Михаилом сказали: «Пойдем в житницы и посмотрим». И нашли в житницах всего в изобилии — ничего не убавилось. После этого повелели еще больше варить рожь и раздавать народу безотказно. И прославили бога, и святую Троицу, и угодников его.

Некоторое время спустя пришел в Клопский Троицкий монастырь, в Лазареву субботу, опечаленный князь Константин Дмитриевич, прося благословения у игумена Феодосия и у Михаила. Говорит он игумену Феодосию и старцу Михаилу: «Печален я ныне — братья мои не отдают мне вотчины». А Михаил ответил ему: «Князь, не горюй, будешь на своей вотчине — в скором времени пришлют за тобой братья. Послужи, князь, святой Троице, построй храм каменный, а святая Троица за это уготовит тебе храм божий на небесах».

И спроси князь игумена Феодосья: «Отче, ест ли таковы мастеры? Хощу храм поставити камен живоначальныя Троици себе на память и своим родителем». И посла Феодосей по мастеры, и призва мастеры Ивана, и Клима, и Олексея. И рече князь мастером: «Поставите ми храм камен живоначальныя Троица, а обложаем такову, как Никола на Лятки?» И рекоша ему мастеры: «Можем, господине князь, тобе служити, как нам бог поможеть и живоначальная Троица». И урядися князь с мастеры и даст им задатку тритцат рублев, а опосле им взяти сто рублев да по норяткы. А хлеба им ясти в трапезе, опричи наймитов.

И основаша храм в лето 6931-е апреля 22 на память преподобнаго отца нашего Феодора Секиота. И свершиша церковь до рамени. И возиша камень. И воста бурно дыхание, яко же в размышленьи быша им — не мощи возити камени водою, а мастерам не мощи на церкви стояти. Негде чего добыти стало — погодие велико. А стояло погодие две недили. И мастеры хотели проч побежать. И князь почал скорбити, что церков не совершена, занеже ему на Москву ехати. И Михайла князю молвит: «Княже, не скорби! Бог даст утре тишину». И бысть утре тишина. И рече Михайло мастером: «Помолитеся богу — бог составляет храм невидимою силою». И по глаголанию Михайлову дал бог ветр покосен: по камень поедут — ветр, а с каменем взад — и ветр по них же.

И приехал князь Костяньтин на свершение храму со княинею и з бояры, и сь едением и с питием — рад бысть вельми. А совершен бысть храм живоначальныя Троица в лето 6932-е, сентября 24 на память святыя первомученици Феклы и благословеньем игумена Феодосья и молитвами и молением угодника Христова Михайла.

И рече князь Костянтин игумену Феодосью и старцу Михайлу: «Вашими, отче, молитвами пришла ми весть от старейших братьи — дают ми вотчину мою». И отвеща ему Феодосей и Михайло: «Едеши, чадо, с миром и приимуть тя любезно. Не забуди, чядо, дому божия и храму живоначальныя Троица, и нас, своих нищих». И рече им князь: «До живота своего не забуду дому божия и храму живоначальныя Троици и вас, своих нищих богомолцов!» И поехал князь на Москву к братии, и приняли его с честию.

И прорече Михайла Феодосью игумену: «Быти тебе на владычьстве, и сведуть тя на сени нареченным на владычьстве, и

И спросил князь у игумена Феодосия: «Отче, есть ли такие мастера? Хочу каменный храм поставить живоначальной Троице на свое поминовение и своих родителей». Тогда послал Феодосий за мастерами и позвал мастеров Ивана, Клима и Алексея. Спрашивает князь мастеров: «Постройте мне храм каменный живоначальной Троицы, такой же, как церковь Николы на Лятке?» Мастера ему ответили: «Можем, господин князь, тебе послужить с помощью божьей и живоначальной Троицы». И подрядил князь мастеров; дал в задаток им тридцать рублей, а потом им получить сто рублей и по однорядке, и хлеб им есть монастырский, без наймитов.

Заложили храм в 6931 (1423) году, 22 апреля, в день памяти преподобного отца нашего Феодора Секиота. И уже возвели стены в рост человека. А камень возили водой. Вдруг поднялся такой сильный ветер, что все призадумались: и камень водой везти нельзя, и мастерам на церкви не устоять. Нигде ничего не достанешь — такая непогода. И стояло ненастье две недели. Тогда мастера решили уйти. Князь стал тужить, что церковь не достроена, а ему уже в Москву ехать. И Михайла говорит князю: «Князь, не тужи! Бог даст наутро тишину». И утром стало тихо. А Михайла говорит мастерам: «Помолитесь богу — бог возводит храм незримой силой». И, как предсказал Михаил, дал бог благоприятный ветер: за камнем поедут — по ветру, назад с камнем — ветер тоже попутный.

Приехал князь Константин с угощением и питием на завершение храма с княгиней и с боярами, рад был очень. А окончен был храм живоначальной Троицы в 6932 (1424) году 24 сентября, в день памяти святой первомученицы Феклы, благословением игумена Феодосия и молитвами и молением Христова угодника Михаила.

Говорит князь Константин игумену Феодосию и старцу Михаилу: «Вашими, отцы, молитвами пришла ко мне весть от старших братьев — дают мне вотчину мою». Феодосий и Михайла в ответ ему: «Поезжай, чадо, с миром — примут тебя с любовью. Не забудь, чадо, дома божьего и храма живоначальной Троицы, и нас, своих нищих». И сказал князь: «До конца жизни своей не забуду дом божий и храм живоначальной Троицы и вас, своих смиренных богомольцев!» И поехал князь в Москву к братьям, и приняли его с честью.

Предсказал Михаил Феодосию игумену: «Быть тебе на владычестве, и введут тебя во владычен двор, избранным на

поживеши на владычьстве три годы». А в то время немогл владыка Иоан три годы, и взяша мужа честна у Спаса на Хутыни на владычество Семена. И сведоша его на сени и бысть три годы не поставлен. И постави его митрополит и бысть 3 годы. И потом сведоша Феодосиа на сени, мужа честна, по пророчению Михайлову и по жребию на владычество. И поживе на владычестве 3 годы и потом сведоша его с сеней боари и послаша его в манастырь. И поживе в манастыре два годы при Ефимии. И после Феодосиа сведоша мужа честна на сени Омельяна, нареченаго на владычество Еуфима.

И погыбе из манастыря олень. И Михайла с ним. И пребысть Михайла и олень три недили неведомо где. И преставися Феодосей канун Покрова дни, и послаша ко владыки Еуфимию проводити Феодосиа, и он не поехал. 3 дни лежа не похоронен. И люди добры скопяся из города, игумены и попы и понесут Феодосиа ко гробу хоронити, посмотрят, аже идет Михайла, а олень за ним, а не привязан ничим — только у Михайла мошок в руке, а он за мошком идет. И положиша Феодосиа в гроб и погребоша честно.

И хватя старцы Михайла на Святой недили, аже его в манастыри нету. И явися в городе у святой Софеи в притворе. И позна его посадник Григорей Кирилович по заутрени, да молвит Михайлу: «Ежь хлеба с нами в одном месте». И он молвит: «Бог знает». И пристави к нему человека. И хватится, ажь Михайла не бывало. И пойде поп к церкви к обедней, на Клопьско, аже Михайла стоить в притвори у церкви. Братья пошли ис церкви в трапезу хлеба ести. Мало хлеба отьали, аже посадник человека прислал на Клопъско смотрити Михайла — есть ли в манастыре, аже он в манастыри.

И бысть налога на манастырь от посадника от Григорья от Кириловича. И приедет Григорей Кирилович на манастырь на Велик день к церкви, к обедни, святей Троици. Игумен, отпев обедню, да вышол ис церкви игумен и посадник. И посадник удержа игумена на манастыри и старцов. И посадник рече игумену: «Не пускайте вы коней да и коров на жар, то земля моя. Ни по реки по Веряжи, ни по болоту, ни под двором моим не ловите рыбы. А почнете ловить, и аз велю ловцем вашим рукы и ногы перебить». И Михайла рече посаднику: «Будешь без рук и без ног сам, и мало не утонешь в воде!»

И послал игумен и Михайла ловцев на реку ловить и на болота. И вышел посадник на реку, аже ловци волокуть тоню.

владычество, и пробудешь владыкой три года». А в то время болел владыка Иоанн три года, и избрали на владычество честна мужа из Спасо-Хутынского монастыря Семена. Ввели его во владычен двор, и три года владычествовал без посвящения, а потом посвятил его митрополит, и владычествовал еще три года. После него по жребию ввели во владычен двор Феодосия, мужа честна, как предсказал Михаил. На владычестве пробыл он три года, а потом свели его с владычного двора бояре и отослали в монастырь. И прожил он еще в монастыре при Евфимии два года: Евфимия, так нарекли на владычестве мужа честного Емельяна, ввели во владычен двор после Феодосия.

Раз исчез из монастыря олень—и Михайла с ним. Три недели неведомо где пропадали и Михайла и олень. А в это время, накануне Покрова, преставился Феодосий. Послали за владыкой Евфимием, чтобы проводил Феодосия, а тот не поехал. Три дня лежал игумен непогребенным. Тогда собрались люди добрые из города, и понесли игумены и попы Феодосия к могиле, хоронить, смотрят — идет Михайло, а за ним олень, ничем не привязан: только у Михаила клочок мха в руке, и олень за мхом тянется. И положили Феодосия в могилу, и погребли с честью.

Как-то хватились старцы Михаила на Святой неделе, а его в монастыре нет. Он же в это время появился в городе, в притворе святой Софии. Узнал его посадник Григорий Кириллович, как кончилась заутреня, и говорит Михаилу: «Вкуси хлеба с нами вместе». А он в ответ: «Бог знает». Посадник приставил к нему человека, и тот не успел спохватиться, а Михаила как не бывало. В Клопском же монастыре пошел поп в церковь служить обедню, смотрит — в притворе стоит Михайла. Пошли иноки из церкви в трапезную хлеб есть. Немного поели, а посадник в Клопский монастырь человека прислал посмотреть — в монастыре ли Михайла, а он уже в монастыре.

И рассердился на монастырь посадник Григорий Кириллович. Приехал он в монастырь в Великий день на обедню в церковь святой Троицы. Игумен, отпев обедню, вышел из церкви, а посадник с ним. Остановил посадник игумена и старцев на дворе, говорит: «Вы не пускайте коней и коров на жары — это моя земля. И в реке Веряже, и по болоту, и около двора моего рыбу не ловите. А если начнете ловить, то я повелю рыбакам вашим руки и ноги перебить». Михаил же посаднику в ответ: «Сам останешься без рук и без ног и едва не потонешь!»

Послали игумен и Михайла рыбаков ловить рыбу на реку и на болота. И посадник пошел на реку, а рыбаки как раз тянут

И он пошел к ним, к реки, да и в реку за ними сам сугнал, да ударил рукою, да хотел в другорят ударить, так мимо ударил да пал в воду и мало не утоп. Люди подняли пришед его да повели, ано ни рук ни ног у него по пророчеству Михайлову.

И привезли его на манастырь порану. И Михайла не велел его на манастырь пущати, ни кануна приимати, ни свещи, ни проскуры. И рече Михайла: «Ни корми ни пои ты нас, а нас не обиди». И игумен и братья в сумнении бысть, что не приали кануна, ни проскурь. И они поехали проч з грозою: «Мы ся пожалуем владыце и Великому Новугороду, что вы за посадника не хотите молебну пети, да проскур и канона не приимаете». И пошли к владыце жаловатися и к Новугороду Яков Ондреанов, Фефилат Захарьин, Иоан Васильев. И посла владыка своего протопопа и протодиакона к Михайле и к игумену: «Пойте за посадника молебен да обедню!» И Михайла рече протопопу и протодиакону: «Молим бога о всем миру, не токмо о Григории. Поездишь по манастырем, попросишь у бога милости!»

И поехал посадник по манастырем да почал давати милостыню и по всем по городцким церквам. Ездил год по манастырем да полтора месяца, нигде себе милости не обрел, ни в коем манастыри. И приехав послал к владыце: «Не обрел есми собе помощи в манастырех». «И ты ныне, чадо, поеди в манастырь святыа Троица да попроси милости у святыя Троица да у старца у Михайла». И послал владыка своих попов да и посадника. Приехал, да велил молебен пети да обедню. Да внесли посадника в церковь на ковре и прекреститися не может. И начаша молебен пети святыя Троица. И дойде до кондака и он почал рукою двигати, а год весь да полтора месяца ни рукою, ни ногою не двигал. И пошли с Евангелием на выход, и он прекрестился да сел. И дойде до переноса, и он, востав на ногы, стоял до конца. И, отпев обедню, пошли в трапезу, обед поставя. И посадник рече: «Святая братья, хлеб, осподо, да соль!» И Михайла рече против того: «Еже уготова бог любящим его и заповеди его хранящим». И рече Михайла: «Зачинающему рат — бог его погубит!» И бысть с тех месть добрь до Михайла и до манастыря.

И бысть брань о земли Олферью Ивановичу с Ываном Семеновичем с Лошинским. И прорече Михайла Олферию Ивановичу: «И будешь без рук, и без ног, и нем!» И пришедши Олферей Иванович к церкви святей Богородици в Курецко и молвит: «Брате

сети. Побежал он к ним, к реке, да в реку сам за ними погнался, ударил кого-то рукой, хотел второй раз ударить, но промахнулся, упал в воду и едва не утонул. Подоспевшие люди подняли его, повели, а у него, по пророчеству Михаила, и руки и ноги отнялись.

Рано утром привезли его в монастырь. Но Михаил не велел его в монастырь впускать, и не брать от него ни кануна, ни свечи, ни просвиры. И сказал Михаил: «Не корми, не пои ты нас, только не обижай». Игумен же и братия в сомнении были, не приняв от посадника ни кануна, ни просвир. А привезшие посадника поехали прочь, угрожая: «Мы пожалуемся владыке и Великому Новгороду, что вы не захотели за посадника молебен петь и ни просвир, ни кануна не принимаете». И пошли Яков Андреанов, Феофилат Захарьин, Иоан Васильев жаловаться владыке и Новгороду. Владыка послал своих протопопа и протодьякона к Михаилу и к игумену, повелевая: «Пойте молебен и обедню за посадника!» А Михаил сказал протопопу и протодьякону: «Молим бога о всех людях, не только о Григории. Пусть он поездит по монастырям и попросит прощения у бога!»

Поехал посадник по монастырям и по всем городским церквам и стал давать милостыню. Ездил он так по монастырям год и полтора месяца, но ни в одном монастыре не обрел себе исцеления. И, вернувшись, послал сказать владыке: «Не обрел я себе помощи в монастырях». А владыка: «Чадо, теперь поезжай ты в монастырь святой Троицы да попроси милости у святой Троицы и у старца Михаила». И своих попов послал владыка с посадником. Когда приехали они, то Михаил повелел молебен петь и обедню. Внесли посадника в церковь на ковре, а он даже перекреститься не может. Стали молебен петь святой Троице. Когда дошли до кондака, то начал рукой шевелить, а целый год и полтора месяца ни рукой, ни ногой не двигал. Когда пошли с Евангелием на выход, то перекрестился и сел. А когда дошли до переноса, то, встав на ноги, стоял до конца службы. Отпев обедню, пошли в трапезную, где посадник обед поставил. И посадник сказал: «Святая братия, хлеб да соль вам, отцы!» Михайла же ответил на это: «Уготовил господь любящим его и заповеди его хранящим». И еще сказал Михаил: «Кто зачинает рать — бог того погубит!» С тех пор стал посадник добр и к Михаилу и к монастырю.

Поспорили из-за земли Олферий Иванович с Иваном Семеновичем Лошинским. И предсказал Михайла Олферию Ивановичу: «Будешь ты без рук и без ног и онемеешь!» Вот пришел Олферий Иванович к церкви святой Богородицы в Курецке да

Иоан, то земля моя!» Да по руки ударив, да рукавицею ударив в землю. И по рукавицю наклонился, ино у него рука, и нога, и язык проч отнялися, и не говорить.

А иное пророчение,— Микифору попу. Панагею украл, и он молвит, Михайло, Микифору попу: «Будеши похаб!» И с тех мест у попа ни ума, ни памети. И повеле Михайло горн роскопати, аж панагея в горну.

А иное. Бысть налога монастырю от Еуфимья владыки от Перваго: захотел куны взять. И взяша конь ворон из монастыря. И Михайло владыце рече: «Мало поживеши. Останется все!» И с тех мест разболеся владыка и преставился.

И в та же лета возвели владыку Еуфимья Другово на сени. И поживе 3 годы нареченым, а не поставленым. И прийде владыка Еуфимей на Клопьско кормить манастыря. И седячи владыка за столом да молвит: «Михайлушько, моли бога о мне,чтобы было свершение от князя великого». И у владыкы в руках ширинъка. И Михайла торг ширинку из рук вон у владыкы да на голову: «Доездиши в Смоленьско и поставят тя владыкою». И ездил владыка вь Смоленьско и стал владыкою. И приехав владыка опять, и к Михайлу: «Бог мене свершил и митрополит». И Михайла владыке молвит: «И позовуть тя на Москву, и тебе ехати, и добьешь челом князю великому и митрополиту».

И приехал тогды князь Дмитрей Юрьевич в Новъгород, и приехал на Клопьско к Михайлу благословится. И рече: «Михайлушко, бегаю своей отчине и збили мя с великого княженияа!» И Михайла рече ему: «Всяка власть дается от бога». И князь воспроси: «Михайлушко, моли бога, чтобы мне досягнути своей отчине — великого княжения». И Михайла рече ему: «Княже, досягнеши 3-лакотнаго гроба!» И князь, того не рядячи, да поехал досягать великого княжения. И Михайла рече: «Всуе тружаешися, княже, чего бог не даст». И не бысть божиа пособиа князю. И в то время спросили у Михайла: «Пособил бог князю Дмитрею?» И Михайла рече: «Заблудили наши!» И они записали тот день. Аж так ся и было. Опять прибег в Великый Новъгород. И приехал князь на Клопьско манастыря кормить, на Троецькой недели в пяток, и у Михайла благословится. И накормил и напоил старцов. И Михайлу дал шубу, с себе снем. И почали князя проводить с манастыря, и Михайла князя за голову погладить, да молвит: «Княже, земля вопиет ти!» И трижды молвить. И молвит князь: «Михайлушко, хочю во Ржову ехати Костянтинову на свою вотчину». И рече ему

говорит: «Брат Иван, здесь моя земля!» Ударили по рукам и Олферий Иванович рукавицей о́земь. Наклонился за рукавицей, а у него рука и нога и язык отнялись, и не говорит.

А вот другое предсказание — Никифору попу. Украл поп панагию, и Михаил говорит ему: «Ума лишишься!» И после этого у попа ни ума, ни памяти. Велел Михаил в печи золу раскопать, а там панагия.

И еще. Пришла беда монастырю от владыки Евфимия Первого — захотел деньги с монастыря получить. И взял из монастыря коня вороного. А Михайло владыке сказал: «Мало тебе жить — все останется!» И с тех пор разболелся владыка и преставился.

В те годы ввели во владычен двор владыку Евфимия Второго. Владычествовал он три года избранным, но не посвященным. Раз пришел владыка в Клопский монастырь братию кормить. Вот, сидя за столом, владыка и говорит: «Михайлушка, моли бога за меня, чтобы было от великого князя согласие на посвящение». А в руках у владыки платок. Михайла хвать из рук владыки платок и на голову ему: «Поедешь в Смоленск, и там посвятят тебя во владыки». И ездил владыка в Смоленск и получил там посвящение. Приехал он снова к Михаилу: «Бог меня посвятил и митрополит». А Михаил владыке молвит: «Еще позовут тебя в Москву, и тебе придется ехать и бить челом великому князю и митрополиту».

Приехал в ту пору в Новгород князь Дмитрий Юрьевич и пришел в Клопский монастырь у Михаила благословиться. Говорит он: «Михайлушка, скитаюсь вдали от своей вотчины — согнали меня с великого княжения!» Михайла ему в ответ: «Всякая власть дается от бога». Попросил князь: «Михайлушка, моли бога, чтобы мне добиться своей вотчины — великого княжения». И Михаил ответил ему: «Князь, добьешься трехлокотного гроба!» Но князь, не вняв этому, поехал добиваться великого княжения. Тогда Михайла сказал: «Всуе стараешься, князь,— не получишь, чего бог не даст». И не было божьей помощи князю. Спросили в то время у Михаила: «Пособил бог князю Дмитрию?» И Михаил сказал: «Впустую проплутали наши!» Записали день тот. И так оно и оказалось. Опять прибежал князь в Великий Новгород. На Троицкой неделе в пятницу приехал он в Клопский монастырь братию кормить и у Михаила благословиться. Накормил и напоил старцев, а Михаилу пожаловал шубу со своего плеча. Когда стали князя провожать из монастыря, то Михаил погладил князя по голове, приговаривая: «Княже, земля по тебе стонет!» Да трижды так молвил. А князь

Михайло: «Княже, не исполниши желания своего». Аже князь канун Ильина дни преставися.

Преехал посадник Иван Васильевич Немир на монастырь. А Михайло по манастырю ходит. И Михайло въспросил посадника: «Что ездиши?» И посадник отвеща ему: «Был есми у пратещи своей, у Ефросеньи, да приехал есми у тобя благословитца». И Михайло рече ему: «Что твоя, чядо, за дума, з жонками думаешь?» И посадник рече ему: «Будет у нас князь великий на лето, да хочеть воевать землю, а у нас есть князь Михайло литовьской». И отвеща ему Михайло: «То у вас не князь — грязь! Пошлите послы к великому князю да добивайте челом. И не уймете князя: будеть с силами к Новугороду, и не будеть вам божия пособия, и станеть князь великый в Бурегах, и роспустит силу свою на Шолоне, и попленит ноугородцов многох, иных на Москву сведеть, а иных присечет, а иных на окуп даст. А Михайло князь о вас не станет, вам помочи от него не будет. И послати вам преподобнаго отца владыку да посадники, да добивати челом. И ему челобитье приимать, да и куны изьемлет. Да по мале времени князь великий опять будеть, да город возметь, да всю свою волю учинить, да бог даст ему». И збысться тако.

А Михайлово житье в животе своем. Жил собе в кельи один. Ни постели, ни озголовья не имел, ни платна, ни одежди, а лежал собе на песку. А келью топил калом коневьим. А житья его в монастыре 40 лет да четыре лета. А по вся недили вкушаше единою от хлебе и от воде.

И разболеся Михайла месяца декабря в Савин день, ходя к церкве. А стоал на правой стороне у церкве, на дворе, против Феодосиева гроба. А почали говорити ему игумен и старцы: «Чему, Михайло, не стоишь в церкве, а стоишь на дворе?» И он им рече: «Ту аз хочю полежати!»

А дары взял на Феодосиев день на своих ногах. Да взял с собою кадилницу да темъан, да шол в келию. И послал к нему игумен ести и пити от трапезы. И они пришли, ажно кельа заперта. И они отперли, ажно темьан ся курит, а его в животе ниту. И почали места искати, земля меръзла, где его положити. И помянуша черньци игумену: испытай того места, где стоял Михайла. И оне того места досмотриша, аже земля тала. И они погребоша его честно у живоначалныя Троици, месяца генваря в 11 день на память преподобнаго отца нашего Феодосия Ерусалимского.

говорит: «Михайлушка, хочу ехать во Ржев, на свою вотчину». И сказал Михаил: «Княже, не исполнишь желания своего». И накануне Ильина дня князь преставился.

Приехал в монастырь посадник Иван Васильевич Немир, а на монастырском дворе Михаил ему встретился. Спрашивает Михаил посадника: «Чего ездишь?» Посадник ему отвечает: «Был у пратещи своей, у Ефросиньи, да приехал к тебе благословиться». И Михайла сказал ему: «Что у тебя, чадо, за дума, что с бабами советуешься?» Посадник же в ответ: «Летом придет на нас князь великий, хочет подчинить себе землю нашу, но у нас есть князь Михаил Литовский». И ответил ему Михайла: «То у вас не князь — грязь! Пошлите лучше послов к великому князю и бейте ему челом. А не умолите князя, придет он с силами к Новгороду, и не будет вам помощи от бога, станет князь великий в Бурегах и пустит силу свою по Шелоне и многих новгородцев покорит: одних в Москву уведет, других казнит, а с иных откуп возьмет. А Михаил князь вас бросит, и помощи вам от него не будет. А потом пошлете вы преподобного отца владыку да посадников бить челом великому князю. И он челобитье ваше примет, и откуп с вас возьмет. И вскоре князь великий опять придет, и город возьмет, и все учинит по своей воле, и бог поможет ему». Так все и сбылось.

Вот каково было житье Михаила при жизни земной. Жил в келье один. Ни постели, ни изголовья, ни подстилки, ни одеяла не имел, а спал на песке. Келью топил конским навозом. Прожил в монастыре сорок четыре года, а питался каждый день только хлебом и водой.

В декабре месяце на Саввин день разболелся Михаил, но в церковь продолжал ходить. А стоял справа у церкви, на дворе, против могилы Феодосия. Стали говорить ему игумен и старцы: «Почему, Михайла, стоишь не в церкви, а на дворе?» И он им ответил: «Хочу я тут лечь!»

На Феодосиев день Михаил сам принял святые дары и, взяв с собою кадильницу и фимиам, пошел в келью. Послал игумен ему от трапезы еды и питья. И когда пришли к нему, то келья была закрыта. Открыли келью — и фимиам еще курился, а он был уже мертв. Стали искать место, где похоронить его,— земля сильно промерзла. Тогда напомнили чернецы игумену — «посмотри то место, где стоял Михаил». Попробовали, а земля в этом месте талая. И погребли Михаила честно у церкви живоначальной Троицы в 11 день января месяца, в день памяти преподобного отца нашего Феодосия Иерусалимского.

Некто христолюбець, Михайла Марков сын, имеа любовь Христову к рабу Михайле. И поехал за море в корабли с товаром с Колываня. И бысть ему на мори буря велика. 6 дний корабль носило, и бысть корабленик и Михайла в тугы и в печали великой. И воспомянув Михайла Марков сын раба божиа Михайла: «Господине, рабе божий, помози ми!» И усмотри купец Михайла, аже раб божий Михайла за корму же держить. И бысть тишина велика. И махнет рукою, и поступи корабль. И паде Михайла купець ниць и к тому не виде раба божиа Михайла. И поехаша без пакости. И приехаша домов и обложиша гроб камен. И до сего дни.

Некий христолюбец, Михаил Марков сын, имел любовь во Христе к рабу божьему Михаилу. Поехал он из Колывани за море в корабле с товаром. И случилась на море сильная буря. Шесть дней носило корабль, и затужили и кормчий и Михаил. Тогда помянул Михаил Марков сын раба божьего Михайла: «Господине, раб божий, помоги мне!» И увидел купец Михаил, что раб божий Михайла держит корабль за корму. И наступила тишина. Махнул святой рукою, и корабль поплыл. Михаил купец упал ниц, и не стало видно раба божьего Михаила. И поплыли дальше беспрепятственно. И, приехав домой, поставил купец каменную гробницу Михаилу, и стоит она до сих пор.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ ВОЕВОДЕ

Бысь в Мунтьянской земли греческыя веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его.

Приидоша к нему некогда от турьскаго поклисарие и, егда внидоша к нему и поклонишась по своему обычаю, а кап своих з глав не сняша, он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвещаша: «Таков обычай нашь, государь, и земля наша имеет». Он же глагола им: «И аз хощу вашего закона потвердити, да крепко стоите». И повеле им гвоздием малым железным ко главам прибити капы и отпусти их, рек им: «Шедше скажите государю вашему: он навык от вас ту срамоту терпети, мы же не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят его имети, но у себе его да держит».

Царь же велми разсердити себе о том и поиде воинством на него и прииде на него со многими силами. Он же, собрав елико имеаше у себе войска, и удари на турков нощию, и множьство изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми и възвратися. И кои с ним з бою того приидоша, и начат их сам смотрити; кой ранен спереди, тому честь велию подаваше и витязем его учиняше, коих же сзади, того на кол повеле всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на туркы, тако глагола всему войску своему: «Кто хощет смерть помышляти, той не ходи со мною, останн зде». Царь же, слышав то, поиде прочь с великою срамотою, безчисленно изгуби войска, не сме на него поити.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дась дань. Дракула же велми почести поклисаря оного, и показа ему все свое имение, и рече ему: «Аз не токмо хощу дань давати царю, но со всем

Слева печатается древнерусский текст, справа — перевод на современный русский язык.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ ВОЕВОДЕ

Был в Мунтьянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и мудр был, что, каково имя, такова была и жизнь его.

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы следовали ему неуклонно». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай блюсти у других государей, которым обычай такой чужд, а в своей стране его соблюдает».

Царь был очень разгневан этим, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Дракула же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил множество врагов. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину,— того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а баба!» А когда снова двинулся против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь остается». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не посмел выступить против Дракулы.

И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю,

своим воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелит, тако ему служу. И ты возвести царю, как поиду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мне и моим людем, а яз скоро хощу по тебе ко царю ити, и дань принесу и сам к нему прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хощет приити к нему на службу, и посла его почести и одари много. И велми рад бысь, бе бо тогда ратуяся со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоего ж зла никто дабы Дракуле не учинил, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався с всем воиньством, и приставове царстии с ним и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапу вернуся, и начат пленити градове и села, и множьство много поплени и изсече, овых на колие сажаху турков, а иных на полы пресекая и жжигая, и до ссущих младенець. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множьство много користи взем, возвратись, приставов тех почтив, отпусти, рек: «Шедше повесте царю вашему, яко же видесте: сколко могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и аз еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побежен бысь.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатьство имел бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозен бысь. Источник его и кладязь на едином месте, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многых стран, и прихождаху людие мнозии, пияху от кладязя и источника воду, студена бо бе и сладка. Он же у того кладязя на пустом месте постави чару велию и дивну злату; и хто хотяще воду пити, да тою чарою пиет, на том месте да поставит, и, елико оно время пребысь, никто ж смеаше ту чару взяти.

Единою ж пусти по всей земли свое веление, да кто стар, иль немощен, иль чим вреден, иль нищ, вси да приидут к нему. И собрашась бесчисленое множьство нищих и странных к нему, чающе от него великиа милости. Он же повеле собрати всех во

но со всем воинством своим и со всем богатством хочу идти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по всей своей земле, чтобы не чинили зла ни мне, ни людям моим, а я вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав все это от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, послу его честь воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, что, когда пойдет Дракула, никакого зла ему не причинять, а, напротив, встречать его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему повсюду почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних — на колья сажал, других рассекал надвое или сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а всех, что было там, христиан увел и расселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели. Сколько сил хватило, послужил ему. И если люба ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет — не избегнуть тому смерти. Пусть будет он знатный вельможа, или священник, или монах, или простой человек, пусть он владеет несметными богатствами, все равно не откупится он от смерти. Так грозен был Дракула.

Был в земле его источник и колодец, и сходились к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить из того колодца родниковую воду, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место. И сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару.

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех

едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пити доволно; они ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к ним и глагола им: «Что еще требуете?» Они же вси отвещаша: «Ведает, государю, бог и твое величество, как тя бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?» Они же чающе от него велико нечто и глаголаша вси: «Хощем, государю». Он же повеле заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгореша. И глаголаше к боляром своим: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто ж да не будеть нищь в моей земли, но вси богатии; второе, свободих их, да не стражут никто ж от них на сем свете от нищеты иль от недуга».

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разно, и призва к себе единого от них, и показа ему округ двора множьство бесчисленое людей на колех и на колесех, и вопроси его: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же. Он же отвеща: «Ты, государь, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом въсприали». Он же призвав перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великым государем, не зная ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко ти мученици суть. Аз и тебе хощу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученик». И повеле его на кол посадити проходом, а другому повеле дати 50 дукат злата, глаголя: «Ты еси разумен муж». И повеле его на возе с почестием отвести и до Угорскыя земли.

Некогда ж прииде купець гость некы от Угорскыя земли в его град. И по его заповеди остави воз свой на улици града пред полатою и товар свой на возе, а сам спаше в полате. И пришед некто, украде с воза 160 дукат злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию нощь обрящеши злато». И повеле по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повеле свое злато, нес, положити на возе в нощи и приложи един златой. Купец же въстав, и обрете злато, и прочет единою и дващи, обреташесь един лишний златой, и шед к Дракуле, глагола: «Государю, обретох злато, и се есть един златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и с златом.

в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина. Они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо богу, государь, и тебе: что тебе бог внушит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдают они на этом свете от нищеты или болезней».

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где виднелось множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил, и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его с почетом довезти до рубежа Венгерской земли.

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото и пересчитал его и раз, и другой, все выходило, что один дукат лишний. И, придя к

И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведал злато, готов бых и тебе с сим татем на кол посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срам ей вырезати, и кожю содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпе среди града и торга повесити, и девицам, кои девьства не сохранят, и вдовам тако ж, а иным сосца отрезаху, овым же кожу содравше со срама ея, и, рожен железен разжегши, вонзаху в срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снедь будет.

Единою ж яздящу ему путем и узре на некоем сиромахе срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?» Он же отвеща: «Имам, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой, да вижю». И узре жену его младу сущу и здраву и глагола мужу ея: «Не си ли лен сеял?» Он же отвеща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола жене его: «Да почто ты леность имееши к мужу своему? Он должен есть сеяти и орати и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежю светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хощеши ему учинити, а здрава суща телом. Ты еси повинна, а не мужь твой: аще ль бы муж не сеял лну, то бы муж твой повинен был». И повеле ей руце отсещи и труп ея на кол всадити.

Некогда ж обедоваше под трупием мертвых человек, иже на колие саженых, множьство бо округ стола его; он же среди их ядяше и тем услажашесь. Слуга ж его, иже пред ним ясти ставляше, смраду оного не моги терпети и заткну нос и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвеща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на кол всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не можеть тебе доити».

Иногда же прииде от угорскаго короля Меттеашя апокликарь до него, человек не мал болярин, в лясех родом. И повеле ему сести с собою на обеде среди трупия того. И пред ним лежаше един кол велми дебел и высок, весь позлащен, и вопроси апокликаря Дракула: «Что ради учиних сей кол тако? Повеж ми». Посол же той велми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: неки великий человек пред тобою согреши, и хощеши ему почте-

Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Если бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, или, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла женщина, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?» — «Да, государь»,— отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить ему нарядные праздничные одежды. А ты и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки, и труп ее воздеть на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его. Он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть трупного смрада и заткнул нос и отвернулся. «Что ты делаешь?» — спросил его Дракула. Тот отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И сел Дракула с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный позолоченный кол, и спросил Дракула посла: «Скажи мне: для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более

ну смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ты еси велика государя посол кралевьскы, тебе учиних сей кол». Он же отвеща: «Государю, аще достойное смерти соделал буду, твори еже хощеши. Праведный бо еси судия; ты не повинен моей смерти, но аз сам». Дракула же расмияся и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, воистину бы был еси на сем коле». И почти его велми и, одарив, отпусти, глаголя: «Ты вправду ходи на поклисарство от великых государей к великым государем, научен бо еси с государьми великыми говорити, прочии же да не дерзнуть, но первое учими будуть, как им с государьми великыми беседовати». Таков обычай имеаше Дракула: отколе к нему прихождаше посол от царя или от короля неизящен и не умеаше против кознем его отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти —иль государь твой, иль ты сам. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ль сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себя». Тако поклисарю учиняше кол высок и позлащен весь, и на него всаждаше, и государю его те речи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и ненаучена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочкы железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеров тех посещи повеле, да никто ж увесть съделаннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему диавол.

Некогда же поиде на него воинством король угорскы Маттеашь; он же поиде против ему, и сретеся с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих издан по крамоле. И приведен бысь Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницю. И седе в Вышеграде на Дунаи, выше Будина 4 мили, 12 лет. А на Мунтьянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему в темницю, да аще восхощет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латиньскую веру прииметь, аще ль же ни, то умрети в темници хощеть. Дракула же возлюби паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и при-

почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь. Вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти,— делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями». Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на коварные вопросы Дракулы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. Если государь твой, зная, что неумен ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой же государь и убил тебя. Если же ты сам решился идти, неученый, то сам же себя и убил». И так готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола.

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш. Выступил Дракула ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтьянской земле король посадил другого воеводу.

Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтьянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру. Если же не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру,

ат латыньскую прелесть. Крал же не токмо дасть ему воеводство на Мунтьянской земли, но и сестру свою родную дасть ему в жену, от нея же роди два сына. Пожив же мало яко 10 лет, и тако скончася в той прельсти.

Глаголют же о немь, яко, и в темници седя, не остася своего злаго обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая, и тако казняше их, ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со иныя перие ощипав, пускаше. И научися шити и тем в темници кормляшесь.

Егда же краль изведе его ис темници, и приведе его на Будин, и дасть ему дом в Пещи противу Будина, и еще у краля не был, случися некоему злодею уйти на его двор и съхранися. Гонящии же приидоша и начаша искати и найдоша его. Дракула же востав, взем мечь свой, и скочи с полаты, и отсече главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти; прочии же бежаша и приидоша к биреву и поведаша ему бывшее. Бирев же с всеми посадникы иде ко кралю, жалуяся на Дракулу. Корол же посла к нему, вопрашая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвеща: «Зло никое ж учиних, но он сам себе убил; находя разбойническы на великаго государя дом, всяк так погибнеть. Аще ли то ко мне пришел бы явил, и аз во своем дому нашел бы того злодея, или бы выдал, или просил его от смерти». Кралю же поведаша. Корол же нача смеятися и дивитись его сердцю.

Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начаша их сещи и гнаша их. Дракула же от радости възгнав на гору, да видить, како секуть турков, и отторгъся от войска; ближнии его, мнящись яко турчин, и удари его один копием. Он же видев, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийць мечем своим 5, его же мнозими копии сбодоша, и тако убиен бысь.

Корол же сестру свою взят, и со двема сынми, в Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живет, а другий был у Варадинского бископа и при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибег ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула с единою

и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул ему Мунтьянское воеводство, но и отдал в жены ему родную сестру, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной католической вере.

Рассказывали о нем, что и сидя в темнице не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучал их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья. И научился шить, и кормился этим в темнице.

Когда же король освободил Дракулу из темницы, привели его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды, но еще не был допущен Дракула к королю. И вот тогда случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же стали искать здесь преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил. Остальные обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же с посадниками отправился к королю с жалобою на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о произошедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо просил бы его помиловать». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтьянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска. Приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Дракула, видя, что убивают его свои же, сразил мечом своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего сына, старшего, видели тут же в Буде — бежал он к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил этого сына Дракула с одной

девкою. Стефан же молдовский з кралевы воли посади на Мунтьянской земли некоего воеводскаго сына, Влада именем. Бысь бо той Влад от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало побил и убил его Стефан волосьскы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтьянской земли Влад, иже бывы чернець и игумен.

В лето 6994 февраля 13 прежь писал, та же в лето 6998 генваря 28 вдругье переписах, аз грешны Ефросин.

девкой. Стефан же молдавский по королевской воле посадил в Мунтьянской земле некоего воеводского сына по имени Влад. Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом, а потом расстригся и сел на воеводство. И женился он на вдове воеводы, правившего некоторое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове он и женился. И ныне он воевода в Мунтьянской земле, тот Влад, что был чернец и игумен.

В год 6994 (1486) февраля в 13 день списал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин.

СЛОВО О ДИМИТРИИ КУПЦЕ ЗОВОМОМ ПО РЕКЛУ БАСАРЪГЕ, КИЕВЛЕНИНЕ, И О МУДРОМ И О БЛАГОРАЗУМНОМ СЫНЕ ЕГО, ОТРОЧАТИ ДОБРОМУДРОМ СМЫСЛЕ

Бысть некто купец богат зело в Руской земли во граде Киеве, именем зóвом Димитрий Басарга. Ему же некогда прилучися отплыти от славнаго Царяграда. И бысть с ним рабов немало. И взя с собой единароднаго сына своего, еще млада суща — возрастом седми лет. И пловяху же ему по морю, и внезапу восташа ветр велий, и понесоша корабль по морю, и отбиша вся правления корабля. И носивши корабль по морю 30 дней. Купец же Дмитрей воздев руце на небо и нача молитися богу и испусти слезы от очию потоки немалыи з детищем своим и со отроки своими. И внезапу узреша град велик издалече стоящ, и возрадовася купец радостию великою и обратиша корабль ко брегу, ко пристанищу градскому. И видехом у пристанища того 300 и 30 кораблей стояща, и удивишася купец Дмитрей тому, что много кораблей стоит: «Мню, яко земля та богата есть и купцы в ней торгуют». И сниде с корабля купец Дмитрей и поиде во град. И стретоша его гражане и рече ему: «Откуду еси, купче, прииде, и ис которого царствия, и коей еси ты веры?» И купец тако рече: «Аз есми, господия, веры руской, верую во единого бога, отца и сына и святаго духа, а урожением града Киева». И рекоша ему граженя: «Брате купче, единой еси веры с нами — руской. Толке за наше согрешение послал бог нам царя законопреступника ельнинския [1] веры и томит нас, хощет привлещи ко своей вере. Видиш ли, купче, приходят купцы изо всех стран, хотят тор-

[1] еллинской; здесь: языческой.

говать в сем царстве всякими товары. И царь им велит 3 загатки отгонуть. И оне не могут ни единой загатки отгонуть. И сих ради загадок купцы все седят в темницы. И заповедывает царь — не велит на торг никому хлебов петчи, дабы гладом измерли». Купец же Дмитрей, слышав тако от гражан и возвратися скоро на карабль свой, хотя отплыть от града того. И приде на корабль свой, ажно на корабли стоят стражи царевы, занеже закон царев есть: как придет корабль ис которого царства и царь им велит стрещи корабль, чтобы не отшел не обявяся царю тому.

Купец же Дмитрей, взем дары великия, и поиде к царю, а царю тому имя Несмиян Гордяич. И приде купец Дмитрей, ста пред царем и рече: «Государь царь Несмиян Гордяич: купчишко пришло из Руской страны, чтобы ты, государь, дары принял, а торговать велел во своем царстве всякими товары». И рече царь купцу: «Буди, купче, ныне ко мне обедать, а дары у тебя возму по времени же». Приде купец к царю обедать и яко же пообеда у царя, и рече царь купцу: «Купче! коей ты веры?» И купец рече ко царю: «Аз есми, царю, веры руской, верую во единого бога, отца и сына и святаго духа». И рече царь купцу: «Аз чаял — единой веры со мной и единого бога, и хотел тобе область дать, и торговать велел бы во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпустити тобя хотел во твою землю. А нынеча сказываеш про себя — не моея веры, но руския. И ныне же ти ведомо буди, купче,— отгадай ми сегодни загатку, что аз тобе загону. Аше ли ту отгадаеш, и аз тобе другую загану. Аще ли и ту отгадаеш, и яз тобе и третьюю загону. Аще ли и ту отгадаеш, то аз тобе велю торговать во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпустити тя имам во твою землю. Аще ли загадок моих не отгадаеш и ты пребывай в моей вере, аз тобе воздам великую честь и торговать велю во своем царстве всякими товары, и з дары и с проводники отпущу тя во твою землю. Аще ли загадок моих не отгадаеш и в вере моей не пребываеш, то ведомо ти буди, купче,— велю главу твою мечем усекнуть, а товар твой повелю на собя взять». Купец же Дмитрей став на долг час, пониче лицем на землю, не имея что отвещать царю. И рече купец к царю: «Яко же гоже, царю, твоей державе, тако и будет. Дай мне сроку на 3 дни подумать, а в 4 день приду к тобе да отгадаю твои загатки». Царь же даде ему сроку на 3 дни.

И прииде купец Дмитрей на корабль свой плача и рыдая, чая от царя смерти приять. А сын его играет на карабли, на древце ездит: рукой за конец держит, а другой рукой плеткой побивает, а мнит, яко на коне ездит, яко же подобает детям игры

творити. Детище же, виде отца своего велми печалня, и отложи игру свою, и скоро тече ко отцу своему и рече: «Что тя вижу, отче мой, велми печалня и изнемогающа? Кое зло прилучися тебе на сем царстве?» Рече отец сыну своему: «Чадо мое милое! Ты играеш по-детски, а отцовы печали не ведаеш. Не веси ли, чадо мое милое, что ми царь отвечал смертный час? А ответу не имам дать и не вем как пособить». И рече детище отцу своему: «Отче, скажи мне, что тобе царь извечал и какую речь говорил тобе. Яз помогу ти». И рече отец к сыну своему, воздохнув из глубины сердца своего: «Тебе ли, чадо мое, помочи мне? А ты отроча младо еще. Аз и свершен муж, а смысла не знаю, что ми царю отвещать, а ты ли, что хощеши царю отвещать и смыслить?» И рече детище отцу своему: «Отче мой, скажи мне, что тебе царь извечал и какую речь поведал тобе. Яз помогу ти. Ведомо же ти буди, отче: конь на рати познаваетца, а милый друг у беды помогает. И ты, отче, скажи ми, младому своему отрочати, что тобе царь извечал. Аще ли, отче, не поведаешь мне, то сам от царя смерть примеш, а меня погубиш!» Слышав же отец от сына своего мудрую речь и рече се: «Сыну мой, то печаль и рыдание имам от царя: царь мне велел у собя 3 загатки отгадать. А тех ради 3-х загадок триста и 30 купцев седят в темнице, терпят глад и наготу и скорбь имени ради Христова. И заповедывает царь не велит на торг хлеба петчи, дабы гладом измерли. И яз, страха ради царева, взя сроку на 3 дни, а в четвертый день хощет главу мою мечем усекнуть, а товар мой на собя възять». И рече детище отцу своему: «Прости мя, отче, пред собой глаголати. Безумных мужей рыдание твое: един хощеш печаль свою утаить, а мне, отрочати своему, не поведаеш. Аз, отче, помогу ти. И ты, отче мой, молися богу, а не тужи: аз за тобя загатки у царя отгадаю! Возверзи на господа печаль свою и той тя препитает!» Детище же взем игру свою и нача играть. Отец же его малу утеху приим от сына своего и рече в себе: «Сын мой меня тешит, а что ему младому отрочати учинить?» И плакася купец Дмитрей всю 3 дни.

И уже светающу четвертому дни, и призва сына своего и рече: «Се, сыну мой, тот день приде, коего просих у царя. Что ми велиш пред царем говорить?» И рече сын отцу своему: «Поидем, отче, пред царя, возмем с собой единаго раба. Воля господня да будет; яко же и бысть, тако же и будет. Буди имя господне благословенно от ныне и до века!» Отец его дивися разумному ответу сына своего и помышляше в себе, глаголя: «Господи, что се будет?» И пойде купец Дмитрей ко царю с сыном своим и с рабом и ста пред царем. И рече царь купцу: «Се, купче, тот день

И прїиде ко вратом кто бы єго чоулъ,
и вниде въ храминоу и видѣ в храминѣ
сѣдяше єдину дѣвцу и ткаше. и рече
юноша єи. азъ слуга кнѧзя петра
кнѧ моѡдержи болѣзнїю. ѡнаже рї.
привези кнѧзя своего
сѣмо.

Феврония за рукоделием.
Миниатюра. XVII в.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских»
(ЛО Института истории АН СССР.
Собрание Н. П. Лихачева, оп. 5, № 50, л. 5).

приде, коего просил у меня. Отгадай три загатки мои!» И рече сын купцев ко царю: «Дай мне, царю, испить. Яз тебе загатки отгону». И рече царь детищу: «Не подобает тобе загатки мои отгадовать. Аз велю купцу сему отгадывать». И рече детище к царю: «Яз сего купца сын единородный и превозлюбленный, аз за отца своего загатки отгадаю». Царь же налья чашу златую меду и даст детищу. Детище же даст отцу своему. Отец же испив чашу и хотя отдать царю. И детище же рече отцу своему: «Не отдавай, отче мой, чаши сия, но скры в недра своя [1], занеже царево даяние не отходит вспят!» Отец же послушав сына своего и съкры чашу в недра своя. Царь же налия другую чашу и даст детищу. Детище же испив чашу и скры в недра своя. Тако же и рабу повеле скрыть в недра своя. И рече детище: «Царево даяние не ходит вспят».

И рече царь детищу: «Тебе глаголю, детище, загатку мою: много ли того или мало от востока и до запада? Скажи мне». И рече детище ко царю: «Загатку твою отгадаю: тово, царю, ни мало ни много — день с нощию. Солнце проидет в круг небесный от востока и до запада единым днем, а нощию единою проидет от севера и до юга. То тебе, царю, моя отгатка». И удивися царь тому разумному ответу его, что ему добре разумно отвечал. И царь налиял чашу меду и даст купцу, тако же и сыну его и рабу. Детище же и те повеле скрыть в недра своя и рече: «Царево даяние не отходит вспять!» И рече царь детищу: «Другую загатку во утрешний день отгадай, а ныне мы повеселимся». Почтив же царь купца и сына его и раба и отпусти их.

На утрие же царь повеле собрать ипаты и тироны [2], и князи, и бояре и весь град на предивное чюдо, что седми лет детище царевы загатки отгадывает. Царь же седя за столом среди царского своего двора. Купец же Дмитрей приде ко царю с сыном своим и с рабом и ста у престола царева и поклонистася все три равно до земли. И рече царь детищу: «Младый отрок, а разумом смыслен! Отгадай ми сегодни другую загатку: что днем десятая часть в миру убывает, а нощию десятая часть в миру прибывает?» И рече детище ко царю: «Государь царь, тои твои загатки младых отроков. А сих ради словес твоих 300 и 30 купцев сидят в темнице, терпят глад и скорбь и наготу имени ради Христова! То, царю, днем десятая часть в миру убывает — солнцем воды усыхает из моря и из рек и из озер; а нощию десятая часть в мир прибывает — ино та часть воды исполняется, занеже солнцу зашедшу и несияющу. То тобе, царь, другая моя отгатка».

---

[1] за пазуху; [2] правителей и вельмож.

Диви же ся царь разумному его ответу, что ему разумно отвечал

И рече царь детищу: «Младый отрок, а разумом смыслен! Отгадай ми сегодни третею загатку, чтобы ся аз поганой не смеялся вам християном!» И рече детище ко царю: «Тое загатки не отгадаю, потому что мало людей у тобя, не перет кем сказать. И ты, царю, дай мне сроку на пять дней, а в 6 день повели проповедником кликать по всем торгом, дабы шли на царев двор ипаты и тироны, князи и бояре, и всякия люди: мужи и жены и девицы. А вам гражанам добро будет». И царь даде ему сроку на 5 день.

А в 6 день велел проповедником [1] кликать по всем торгом, дабы шли на царев двор ипаты и тироны, и князи и бояре и весь град. И снидеся весь град на царев двор. Царь же, седя на престоле своем царском, в руце держит жезл, а в другой меч, хотя главу купцу и сыну и рабу их усекнуть. И приде купец с сыном своим и с рабом на царев двор и ста у престола царева и поклонистася царю все три равно до земли. И рече царь детищу: «Младый отрок, а разумом смыслен! Отгадай ми сегодни третьюю загатку, чтобы ся поганой не смиялсе вам християном». И рече детище царю: «Ты еси, царю, велик и высоко седиш на престоле своем, а яз есми отрок млад, стою у престола твоего. И аз тебе скажу, и ты молвишь: «Не дослышал». И ты, царю, сойди с престола своего да пусти меня на престол свой и дай мне одеяние свое царское и венец, и жезл, и меч своими руками. И яз тебе отгадаю загатку твою третьюю». Царь же слышав от отрока и ста во иступлении ума своего и оцепенеша кости его. И ступиша с престола своего и пусти детище на престол и даст ему одеяние свое и венец, и жезл, и меч своими руками. А рече в себе царь: «Аз его тешу, а что ему свести [2] младому отрочати?» А не ведает того, яко бог власть дает комуждо хощет. И бысть голка велика во дворе царском: народом хотяще видети чюдо, что будет. И рече детище ко царю: «Повели, царю, молчать народом». И повеле царь молчати. И бысть тишина и молчание во дворе велие народом. И возопи отрок велиим гласом и глаголя: «Ипаты и тироны, князи и бояре и вси людие граждане — мужие и жены и девицы! В котораго бога хотите веровать?» И рекоша вси единым гласом и глаголя: «Хотим веровать во отца и сына и святаго духа. Помози нам!» Детище же извлек меч и отсече главу царю и рече ему: «Се ти, царю, третьяя моя отгатка: не смейся поганой нам христьяном!»

---

[1] Здесь: глашатаям; [2] здесь: сделать.

И бысть голка велика на дворе царском народом. Детище же рече и веле им молчать. И бысть тишина велия во дворе. И рече детище: «Ипаты и тироны, князи и бояре и вси граженя, мужие и жены и девицы! Кого себе царем поставите?» И возопиша вси людие единогласно рекуще: «Ты нас избавил от сего мучителя, ты у нас и царем буди!» И детище же глаголя к народом: «Коли есте меня произволили над собой царем быть, но не вашим произволением, но божиим строением все збыться. Аще бог по нас, кто на ны! Десница твоя, господи, прославися, десная ти рука сокруши враги! Аще бы не господь предал сего гонителя младому отрочати, то како мощно зрети на таковое величество и гордость? Царь бо имянуем есть и все царство покоренно ему суть; ныне же господь предал в руце наши. Возвеличим господа и прославим милосердие его, давшаго нам победу на враги наша. Избавил есть господь отца моего и меня единороднаго сына отцу моему и раб наших от лютаго сего мучителя и от горкия смерти, и вас милостию своею господь посети и не отторг сущия веры християнския. Но всем нам подобает славить святую Троицу, отца и сына и святаго духа!» И воскликнуша вси единым гласом и с великой радостью и рекоша: «О, милосердие владычне! Много лет государю нашему новому царю Борзосмыслу [1] Дмитреевичю!» И дивишася вси великой его мудрости и младости.

И рече новый царь Борзосмысл Дмитреевич: «Взыщите ми патриярха!» И они же ему рекоша: «Патриярх наш и учитель гоним бысть злым нашим гонителем и мучителем и богоотступником царем в заточение». И повеле царь вскоре патриярха из заточения вон выпустить, да благословится от него на царство и примет свой престол. Яко же и первие начнет люди учить закону господню и по заповедям божиим ходить. И бысть радость велия во царствие том и дивишася вси разуму и словеси его. Они же с радостию великою,— ипаты и тироны, князи и бояре,— послаша множество посланников. И взыскаша патриярха в заточении и сказаша вся по ряду патриярху, иже содеяшася во царствии том и как послал по него новый царь Борзосмысл. Патриарх же слышав и прослезися и руце воздев на небо и рече: «О владыко! Что ти воздам милосердию твоему, иже нам даровал еси в последняя лета наша. Не предал еси нас беззаконному царю, избавил еси царство и люди от горкаго сего мучителя!» И поиде патриярх с посланники во царство с великой радостию, и возвестиша царю приход патриярхов. Царь же

---

[1] быстрому разумом.

повеле всему царству встретить патриярха с великой честию со кресты и со иконами и с клиросы [1] и всему народу. И вси стретоша патриярха с великой честию. Патриярх же поклонися новому царю Борзосмыслу и рече: «Тебе повеле господь царствовати!» И поклонися весь град со слезами и рече: «Много лет государю нашему Борзосмыслу Дмитреевичю! Тебя господь послал избавить нас и град наш от горкия смерти от сего мучителя!» И дивися патриярх возрасту и смыслу его. И вниде патриярх во церковь и сотвори молитву, яко же подобает патриярхом; и постави патриярх над царем на главе турей рог с маслом древяным; и воскипе рог на нем, и благослови его патриярх на царство. Людие же вси воскликнуша от мала и до велика: «Много лет государю нашему царю Борзосмыслу Дмитреевичю!» Царь же сотвори в той день пиршество велие и созва патриярха и все множество людей, ипаты, и тироны, князи и бояре.

И повеле царь привести царицу прежняго царя и рече ей: «Есть ли у тобя сын или дщерь?» И рече ему царица: «Нет у меня сына, столке есть у меня едина дщерь красна и мудра, а возрастом еще седми лет». И рече ей царь: «В котораго бога хотите веровать?» И рече ему царица: «Дай мне, царю, сроку на седмь дней, а в восьмый день приду да скажу тебе». Царь же даде ей сроку на седмь дней. И в восьмый день приде царица и со дщерию пред царя и поклонися царю и рече: «Хотим веровать богу твоему!» Царь же повеле патриярху крестити царицу и со дщерью ея и вскоре венчася царь со тою девицей. И бысть радость паче велия во царствии том.

И повеле царь привести купцев тех ис темниц. И приведенным им бысть пред царя. И зря на них царь и удивися: бысть лица их, аки земля, а тело их прилпе к костем, власы же их обростоша до раму [2], брады же их, аки стрелы по персем лежаща от глада и от наготы, и ризы их распадошася. И расплакался царь на них смотрячи, и учреди их царь у собя по три дни, и раздав им имения их и отпусти их коегождо во свою землю с миром. Купцы же поидоша во свою землю, славяще бога и молящеся богу за царя Добросмысла.

Повеле же царь от темниц замки поснимать, а седящая в темницах и в заточении и во юзах повеле всех свободить и милостыню дал им доволню и свободи всех. И рече царь отцу своему: «Отче мой! Избавил нас бог и пречистая богомати от напрасныя смерти. Восприими, отче мой, умиление и слезы от избавления душ наших в день Страшнаго суда христова, яко да избавил

[1] церковнослужителями; [2] по плечи.

нас господь геоны огненныя. И восприими, отче мой, болярство во царствии моем и боли доволно о мире всего мира и о благостоянии святых божиих церквах, чтобы нам господь подал свыше победу видимыя и невидимыя враги наша сопротивныя и возвысил бы господь бог десницу нашу над бусорманы!» И разосла царь во все окрестныя царства гонцы с листы, чтобы в его царство со всех государств ехали купцы на караблех со всякими товары да торговали в его царстве безо всякия пакости и прекословия всякими товары.

И отпустиша царь отца своего во свою землю и повеле привести матерь свою и сродник своих. Отец же его скоро и не замедлив сяде на корабль свой и поиде во свою землю. И приде купец Дмитрей во свою землю и росказа жене своей и сродцам о избавлении смерти своей и сына своего и вся бывшая по ряду и как сын его Добросмысл Дмитреевич царство правит. Мати же его слышавши сия и наполнися радости великия. И собра весь род свой и поиде во царство сына своего Добросмысла Дмитреевича, славяще бога и пречистую богоматерь. И приде отец царев и мати во царство сына своего и ста на пристанище морстем. И возвестиша граженя царю, что приехал отец его и мати и сродники и ста у пристанища. Царь же возрадовася отцову приезду и матери своей и сродником и учини им стречю с великою честию. Сам же царь Добросмысл встретил отца своего и матерь и сродников своих во дворе царском. И бысть радость велия и брак честен.

И начаша купцы многия приходить ко царству его на караблех со многими товары. И вся суть учинишася во царствии его и обогате царство велми всякими узорочии, златом и сребром и камением драгим и многоценным жемчюгом. И начаша царь Добросмысл Дмитреевич править царство свое во благоденьствии и в тишине и во всяком исправлении безо всякого мятежа. И бысть царства его 60 седмь лет и пять месяц. И по преставлении своем приказа царство свое править брату своему Кирьяку Дмитреевичю, а старейшинство приказа дяде своему Василию Кудрявцу.

В славу и похвалу божию и пречистыя богородицы всегда и ныне и присно и во веки веком. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

ПОВЕСТЬ ОТ ЖИТИЯ СВЯТЫХ НОВЫХ ЧЮДОТВОРЕЦ МУРОМСКИХ БЛАГОВЕРНАГО И ПРЕПОДОБНАГО И ДОСТОХВАЛНАГО КНЯЗЯ ПЕТРА, НАРЕЧЕННАГО ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ДАВИДА, И СУПРУГИ ЕГО БЛАГОВЕРНЫЯ И ПРЕПОДОБНЫЯ КНЯГИНИ ФЕВРОНИИ, НАРЕЧЕННЫЯ ВО ИНОЧЕСКОМ ЧИНУ ЕФРОСИНИИ. БЛАГОСЛОВИ, ОТЧЕ.

Се убо в Русийстей земли град, нарицаемый Муром. В нем же бе самодержавствуяи благоверный князь, яко поведаху [1], именем Павел. Искони же ненавидяи добра роду человеческому, диявол всели [2] неприязненаго летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей яков же бе естеством, приходящим же людем являшеся своими мечты [3], яко же князь сам седяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша, жена же сего не таяше, но поведаше князю мужеви своему вся ключшаяся [4] ей, змий же неприязнивый осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумеяшеся. И рече жене си: «Мыслю, жено, но недоумею,что сотворити неприязни тому. Смерть убо не вем [5], каку нанесу на нь. Аще бо глаголет к тебе какова словеса, да вопросиши его лестию и о сем: весть ли сей неприязнивый духом своим, от чего ему смерть хощет быти. Аще ли увеси [6], нам поведаеши, свободишися не токмо в нынешном веце злаго его дыхания и сипения и всего скаредия [7], еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши!»

Жена же мужа своего глагол в сердцы си твердо приимши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

[1] как рассказывают; [2] наслал; [3] хитростями; [4] случившееся; [5] не знаю; [6] узнаешь; [7] осквернения.

Во един же от днии неприязнивому тому змию прилетевшу к ней, она же добру память при сердцы имея, глагол лестию предлагает к неприязни той, глаголя многия иныя речи, и по сих с почтением воспросив его хваля, рече бо, яко «много веси [1], и веси ли кончину си [2], какова будет и от чего?» Он же неприязнивый прелестник прельщен добрым прелщением от верныя жены, яко нещева [3] тайну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова же меча!»

Жена же, слышав такую речь, в сердци си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того поведа князю мужеви своему, яко же рекл есть змий. Князь же то слышав, недоумеяшеся, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча.

Имеяше же у себе приснаго брата, князя именем Петра. Во един же от днии призва его к себе и начат ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть жене его. Князь же Петр слышав от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняся мужествене, како бы убити змия. Но и еще в нем беаше мысль, яко не ведыи Агрикова меча.

Имеяше же обычай ходити по церквам уединяяся. Бе же вне града церковь в женьстем монастыри Воздвижение честнаго и животворящаго креста. И прииде к ней един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощеши ли да покажу ти Агриков мечь?»

Он же хотя желание свое исполнити рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди вслед мене». И показа ему во олтарней стене межи камения скважню, в ней же лежаще мечь. Благоверный же князь Петр взем мечь той и прииде и поведа брату своему. И от того дни искаше подобна [4] времени да убьет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе [5] своей на поклонение. Ключи же ся ему приити во храмину ко брату своему. И в том же часе шед к сносе своей во храмину и виде брата своего седяща у нея. И паки пошед от нея, встрете некоего от предстоящых брату его и рече ему: «Изыдох бо от брата моего к сносе моей, брат же мой оста в своем храме. Мне же, не косневшу ни камо [6] же, вскоре пришедшу в храмину к сносе моей и не свем чюждуся [7], како брат мой напредь мене обретеся в храмине у снохи моея?» Той же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоем отшествии не изыде брат твой из своея храмины!»

Он же разуме быти пронырьству лукаваго змия. И прииде к брату и рече ему: «Когда семо прииде? Аз бо от тебе изыдох,

---

[1] знаешь; [2] свою; [3] здесь: не думая, не предполагая; [4] подходящего; [5] снохе; [6] не задержавшись нигде; [7] изумился.

и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоей в храмину и видех тя с нею седяща и почюдихся [1], како напредь мене обретеся. Приидох же паки семо, нигде же ничесо же помедлив, ты же, не вем како мя предтече [2], напредь мене зде обретеся». Он же рече: «Никако же, брате, из храма сего по твоем отшествии не изыдох и у жены своея никако же бе». Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронырьство лукаваго змия: да тобою ми ся кажет [3], аще не бых хотел убити его [4], яко непщуя тебе [5] своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никамо же иди, аз же тамо иду братися со змием, да негли божиею помощию убьен будет лукавый змий сей».

И взем мечь, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей, и видев змия зраком аки брата си, и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестный змий, и удари его мечем. Змий же явися яков же бяше естеством и нача трепетатися и бысть мертв и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею. Он же от неприязнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде на нь болезнь тяжка зело. И искаше во своем одержании [6] от мног врачев исцеления, и ни от единого получи.

Слышав же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязаньския земли, и повеле себе тамо вести, не бе бо сам мощен на кони седети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязаньския земли и послав синклит свой искати врачев.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающуюся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же; и вниде в дом и не бе кто бы его чюл; и вниде в храмину и зря видение чюдно: седяше бо едина девица и ткаше красна [7], пред нею же скача заец.

И глаголя девица: «Нелепо есть быти дому без ушии и храму безо очию!» Юноша же тоя глагол не внят во ум, рече девици: «Где есть человек мужеска полу, иже зде живет?» Она же рече: «Отець мой и мати моя поидоша взаим [8] плакати, брат же мой иде чрез ноги в нави [9] зрети».

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чюдеси и глагола к девици: «Внидох к тебе и вижу тя делающу и видех заець пред тобою скача и слышу от устну твоею глаголы странны некаки и сего не вем[10], что глаголеши. Перьвое бо рече: «Нелепо есть быти дому без ушию и храму без очию». Про отца же твоего и матерь рече, яко «идоша взаим плакати», брата же своего глаголя «чрез ноги в нави зрети». И ни

[1] подивился; [2] опередил; [3] тобою мне показывается; [4] чтобы не убил его; [5] предполагая в нем тебя; [6] княжестве; [7] холст, полотно; [8] взаймы; [9] смерть; [10] не понимаю.

единого слова от тебе разумех». Она же глагола ему: «Сего ли не разумееши! Прииде в дом сий и в храмину мою вниде и видев мя седящу в простоте [1]. Аще бы был в дому наю [2] пес и чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моей отроча и виде тя к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и матерь и брата, яко отец мой и мати моя идоста взаим плакати — шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют, и егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: сей есть заимованный плачь. Про брата же ти глаголах, яко отец мой и брат мой древолазцы суть, в лесе бо мед от древия емлют. Брат же мой ныне на таковое дело иде, яко же лести на древо в высоту чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гоньзнет. Сего ради рех, яко иде чрез ноги в нави зрети».

Глагола ей юноша: «Вижу тя девице мудру сущу. Повеждь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра служаи ему. Князь же мой имея болезнь тяжку и язвы. Оструплену бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго свирепаго змия, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеления от мног врачев и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша зде многи врачеве. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрошаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, могл бы уврачевати». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе? Аще кто уврачюет, то князь мой даст ему имения много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его». Она же рече: «Да приведеши князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен во ответех, да будет здрав!»

Юноша же той скоро возвратися ко князю своему и поведа ему все подробну, еже виде и еже слыша от девицы. Благоверный же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица».

И привезоша его в дом той, в нем же есть девица. И посла [3] к ней отрок своих, глаголя: «Повежь ми, девице, кто есть, хотя мя уврачевати? Да уврачюет мя и возмет имения много». Она же не обинуяся [4] рече: «Аз есмь хотяи врачевати, но имения не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не требе ми есть [5] врачевати его».

---

[1] неприбранной; [2] нашем; [3] послал; [4] без колебаний; [5] нет смысла мне.

И пришед человек той, поведа князю своему, яко же рече девица. Князь же Петр яко не брегии [1] словеси ея и помысли: «Како князю сущу древолазца дщи пояти себе жену?» И послав к ней рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачует. Аще ли уврачует, имам пояти ю́ себе жену!»

Пришедше же реша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди [2] своея и дунув на ню и рече: «Да учредят князю вашему баню и да помазует сим по телу своему, иде же суть струпы и язвы, и един струп да оставит не помазан. И будет здрав!»

И принесоша к нему таковое помазание. И повеле учредити баню. Девицу же хотя во ответех искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголех ея от юноши своего. Посла к ней со единым от слуг своих едино повесмо [3] лну, рек: «Аще сия девица хощет ми супруга быти мудрости ради и аще мудра есть, да в сием лну учинит мне срачицу [4] и порты и убрусець [5] в годину [6], в ню же аз в бани пребуду».

Слуга же принесе к ней повесмо лну и дав ей и княже слово сказа. Она же рече слузе: «Взыди на пещь нашу и снем з гряд поленце, снеси семо». Он же послушав ея снесе поленьце. Она же отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленьца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возми сий утинок [7] от поленьца сего и шед даждь князю своему от мене и рци ему: в кий час се повесмо очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, ким сотчетца полотно его». Слуга же принесе ко князю утинок поленца и речь девичю сказа. Князь же рече: «Шед, рци девици, яко невозможно есть в такове мале древце и в таку малу годину сицева строения сотворити!» Слуга же пришед сказа ей княжу речь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть человеку мужеска возраста в едином повесме лну в малу годину, в пю же пребудет в бани, сотворити срачицу и порты и убрусец?» Слуга же отиде и сказа князю. Князь же удивлься ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазуя язвы и струпы своя. И един струп остави не помазан по повелению девици. Изыде же из бани ничто же болезнено пострада. На утрие же узре все тело здраво и гладко, разве единого струпа, иже бе не помазан по повелению девици. И дивляшеся скорому исцелению. Но не восхоте пояти женою себе отечества ея ради [8] и посла к ней дары. Она же не прият.

---

[1] не обратил внимания; [2] хлебной закваски; [3] пучок; [4] рубашку; [5] полотенце; [6] время; [7] обрубок; [8] из-за ее происхождения.

Князь же Петр поеха во отчину свою, град Муром, здравъствуяи. На нем же бе един струп, еже бе не помазан повелением девичим. И от того струпа начаша мнози струпы расходитися на теле его от перьваго же дни, в онь [1] же поехал во отчину свою. И бысть оструплен многими язвами, яко же бе и первие.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. Яко же приспе в дом ея, со студом посла к ней, прося врачевания. Она же ни мало гневу подержав рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостию слово дав ей, яко имать пояти ю в жену себе. Сия же паки, яко же и преже то же врачевание дасть ему, еже преди писах. Он же вскоре исцеление получи и поят ю в жену себе. Таковою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста во всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей преступающе.

По малех же днех преди реченный князь Павел отходит от жития сего, благоверный же князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду Мурому.

Княгини же его Февронии боляре его не любляху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ея ради, богу же прославляющу добраго ради жития ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде к благоверному князю Петру навади [2] на ню, яко «от коегождо,— рече,— стола своего бес чину исходит: внегда бо стати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна!» Благоверный же князь Петр хотя ю искусити, повеле да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же яко же обычай имеяше, взем от стола в руку свою крохи. Князь же Петр приим ю за руку и, развед, виде ливан добровонный и фимиян. И от того дни остави ю к тому не искушати.

По мнозе же времени приидоша к нему боляре его, с яростию рекуще: «Хощем вси праведно служити тебе и самодержцем имети тя, но княгини Февронии не хощем, да государьствует женами нашими. Аще ли хощеши самодержець быти, да будет ти ина княгини, Феврония же, взем богатьство доволно себе, отидет, амо же хощет!» Блаженный же князь Петр, яко же бе ему обычай ни о чесом же ярости имея, но со смирением отвеща: «Да глаголита Февронии, и яко же речет, то да слышим».

Они же неистовии наполнившеся безстудиа [3] и умыслиша, да учредят пир. И сотвориша. И, егда уже быша весели, начаша

---

[1] в который; [2] наговорил; [3] бесстыдства.

простирати безстудныя своя глаголы, аки пси лающе, отнемлюще у святыя божий дар, его же бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Февроние! Весь град и боляре глаголют тебе: даждь нам, его же мы у тебе просим!» Она же рече: «Да возмета, его же просита!» Они же яко единеми усты реша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержьствует над нами. Тебе же жены наша не хотят, яко господьствуеши над ними. Взем богатьство доволно себе, отидеши, амо же хощеши!» Она же рече: «Обещахся вам, яко елика аще просита, приимета. Аз же вам глаголю: дадите мне, его же аще воспрошу у ваю» [1]. Они же злии ради быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко «аще речеши, единою бес прекословия возмеши». Она же рече: «Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра!» Реша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мысли, яко аще не будет князь Петр, да поставят себе иного самодержцем: киижде бо от боляр во уме своем держаше, яко сам хощет самодержець быти.

Блаженный же князь Петр не возлюби временнаго самодержьства, кроме божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещает, рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, разве словеси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творит». Сей же блаженный князь по Евангелию сотвори: о держании своем яко уметы вмени [2], да заповеди божия не разрушит.

Они же злочестивии боляре даша им суды на реце,— бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реце в судех. Некто же бе человек у блаженныя княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человек, приим помысл от лукаваго беса, воззре на святую с помыслом. Она же, разумев злыи помысл его, вскоре обличи и́, рече бо ему: «Почерпи убо воды из реки сея с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну судна сего». Он же почерпе. И повеле паки испити. Он же пит. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слаждьши?» Он же рече: «Едина есть, госпоже, вода». Паки же она рече: «Сице едино естество женьское. Почто убо свою жену оставя, чюжия мыслиши?» Той же человек уведе, яко в ней есть прозрения дар, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брег. Блаженный же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже

---

[1] вас; [2] княжение свое за ничто почел.

волею самодержавъства гоньзнув?» Предивная же княгини Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творець и промысленик всему не оставит нас в нищете быти!»

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю[1] его ядь готовляху. И потче [2] повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечери же святая княгини Феврония ходящи по брегу и видевши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сия на утрие древие велие, имуще ветви и листвие».

Еже и бысть. Воставше убо утре обретоша тоя древца великое древие, имуще ветвие и листвие. И яко же уже хотяху рухло людие их вметати в суды со брега, приидоша же велможы от града Мурома, рекуще: «Господи княже! От всех велмож и от всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но возвратишися на свое отечествие. Мнози бо велможа во граде погибоша от меча, киижде бо их хотя державъствовати, сами ся убиша. И оставшии вси со всем народом молим тя, глаголюще: господи княже, аще и прогневахом тя и раздражыхом тя, не хотяще, еже княгини Февронии господарьствовати женами нашыми, ныне же со всеми домы своими раби ваю есмы, и хощем и любим и молим, да не оставиши нас раб своих!»

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония возвратишася во град свой. И бяху державъствующе во граде том, ходяще во всех заповедех и оправданиих господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем под их властию сущым, аки чадолюбивыи отець и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатьства тленнаго щадяще, но в бога богатеюще. Беста бо своему граду истинная пастыря, а не яко наемника. Град свой истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя [3] приемлюще, алчным насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напастей избавляюще.

Егда же приспе благочестное преставление ею [4], умолиша бога да во един час будет преставление ею. И совет сотвориша, да будут положена оба во едином гробе, и повелеша учредити себе во едином камени два гроба, едину токмо прегради имуще меж собою Сами же во едино время облекостася во мнишеския ризы. И наречен бысть блаженный князь Петр во иноческом чину Давид, преподобная же княгини Феврония нареченна бысть во иноческом чину Ефросиния.

В то же время преподобная Феврония, нареченная Ефросиния, во храм пречистыа соборныа церкви своими руками шияше

---

[1] ужин; [2] подрубил; [3] странников; [4] их.

воздух, на нем же бе лик святых. Преподобный же и блаженный князь Петр, нареченный Давид, прислав к ней глаголя: «Сестро Ефросиние! Хощу уже отити от тела, но жду тебе, яко да купно отидем». Она же рече: «Пожди, господине, яко да дошью воздух во святую церковь». Он же вторицею посла к ней глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко третицею посла к ней, глаголя: «Уже бо хощу преставитися и не жду тебе». Она же остаточное дело воздуха того шьяше, уже бо единого святаго риз не дошив, лице же нашив и воста и вотче [1] иглу свою в воздух и преверте нитию, ею же шиаше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем [2]. И, помолившеся, предаста вкупе святыя своя душа в руце божии месяца июня в 25 день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженный Петр внутрь града у соборныя церкви пречистыя Богородици, Февронию же вне града в женьстем монастыри у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, рекуще, яко «во мнишестем образе неугодно есть положити святых в едином гробе». И учредиша им гробы особныя и вложыша телеса их в ня: святаго Петра, нареченнаго Давыда, тело положыша во особный гроб и поставиша внутрь града в церькви святыя Богородици до утрия, святыя же Февронии, нареченныя княгини Ефросинии, тело положиша во особный гроб и поставиша вне града в церкви Воздвижения честнаго креста. Общий же гроб, его же сами повелеша истесати себе во едином камени, оста тощь [3] в том же храме Пречистыя соборныя церкви, иже внутри града.

На утрие же воставше людие и обретоша гробы их особныя тщи, в ня же их вложыста. Святая же телеса их обретошася внутрь града в соборной церкви пречистыя Богородица в едином гробе, его же сами себе повелеша истесати. Людие же неразумнии, яко же в животе о них мятущеся, тако и по честнем ею преставлении: паки преложыша я́ во особныя гробы и паки разнесоша. И паки наутрии обретошася святии в едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святым их телесем и положыста я́ в едином гробе, в нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рожества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду тому: иже с верою пририщуще [4] к мощем их, неоскудно исцеление приемлют.

Мы же по силе нашей да приложим хваление има.

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть власть убити летящаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женьстей главе святых муж мудрость имела еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле сво-

---

[1] воткнула; [2] совместном, одновременном; [3] пустой; [4] припадают.

ем нося, доблествене скорби претерпел еси! Радуйся, Февро́ние, яко от бога имела еси дар в девьственей юности недуги целити! Радуйся, Петре, яко заповеди ради божия самодержавъства волею отступи, еже не оставити супруги своея! Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину нощь малое древие велико возрасте и изнесоша ветви и листвие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смирении и в молитвах и в милостыни без гордости пожиста; тем же Христос дарова вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежаще, духом же предстоита владыце Христу! Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящым невидимо подаета!

Но молит вы, о преблаженная супруга, да помолитеся о нас, творящых верою память вашу!

Да помянета же и мене прегрешнаго, списавшаго сие, елико слышах; неведыи, аще инии суть написали, ведуще паче мене. Аще бо и грешен есмь и груб, но на божию благодать и на щедроты его уповая и на ваше моление ко Христу надеяся, трудихся мыслыми. Хотя вы на земли хвалами почтити, и не у хвалы коснухся. Хотех вам ради вашего смиреннаго самодержавства и преподобьства по преставлении вашем венца плести и не уплетения коснухся. Прославлени бо есте на небесех и венчани истинными нетленными венцы от общаго владыки Христа. Ему же подобает всяка слава, честь и поклонение со безначалным его отцем купно и с пресвятым и благим и животворящым духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ О ПРЕНИИ ЖИВОТА СО СМЕРТИЮ И О ХРАБРОСТИ ЕГО И О СМЕРТИ ЕГО

Человек некий ездяше по полю чисту и по раздолию широкому, конь под собою имея великою крепостию обложен, зверовиден, а мечь имея у себе вельми остр обоюду, аки лед видением, а змиино имея жало, разсекая железо и великое твердое каменние, оболчен [1] во оружие твердо. И многия полки человек той побивая, и многия силныя цари прогоняя и побежая, и многия силныя богатыри побивая, имея в себе велию силу и храбрость, и разума исполнен и всякия мудрости; и помышляше в себе, глаголя высокая и гордая словеса: «Если убо на сем свете, на всей подънебесней кто бы могл со мною битися или противу мене стати,— царь, или богатырь, или зверь силный?» И сице помышляше в себе и глаголаше: «Аще бы был аз на облацех небесных, а в земли бы было колце утвержено, и аз бы всею землею подвизал». И бысть абие в велице высокоумии. И внезапу же прииде к нему смерть, образ имея страшен, а обличие имея человеческо — грозно же видети ея и ужасно зрети ея; и оружия носяше с собою много на человека учинены: мечи, ножи, пилы, рожны [2], серпы, сечива [3], косы, бритвы, уды [4], теслы [5] и иная многа незнаемая, иже кознодействует [6] различно на разрушение человека. Узрев же ея, храбрый той воин устрашися велми, и душа его смиренная ужасеся и уды [7] его вострепеташа вси, вмале же укрепися и рече ей: «Кто еси, лютый зверю? Страшный образ твой человечь есть и страшен велми».

---

[1] снаряжен, вооружен; [2] рогатины; [3] топоры; [4] здесь: сети; [5] особого рода топоры; [6] творят зло; [7] члены.

Рече же ему смерть: «Пришла есми к тебе, а хощу тя взяти».

Рече ей удалый воин: «Аз не слушаю тебе, а тебе не боюся».

Рече же ему смерть: «Человече суетне, о чем ты мене не боиши? Се бо вси цари, и князи, и святители мене боятся, аз есми велми славна на земли».

Рече же ей живот: «Аз есми силен и храбр, и на ратех многия полки побиваю, а от тех ни един человек не может со мною битися, ни противу мене стати, а ты како ко мне едина пришла еси? И хощеши ко мне приближитися, а оружия с собою носиши много; видишися ты мне не удала и состарелася еси многолетною старостию, а конь у тебе аки много дней не едал и изнемог гладом, токмо в нем кости да жилы; аз тебе глаголю кротостию и старость твою почитаю: отиди скоро от мене, бежи, доколе не поткну тя мечем моим».

Рече же ему смерть: «Аз есть ни силна, ни хороша, ни красна, ни храбра, да силных, и хороших, и красных, и храбрых побораю, да скажу ти, человече, послушай мене: от Адама и до сего времени сколко было богатырей силных, никто же смел противу мене стати. Хотела бых того, кто бы противу мене стал и брался бы со мною, но несть: ни царь, ни князь, ни богатыри, ни всякий человек, ни жены, ни девицы, никто же смел со мною братися,— ни юн, ни стар. Царь Александр был Македонский храбр и мудр, и Самсон был силный, и он говорил тако: аще бы было колце вделано в землю, и аз бы всем светом поворотил, да и тот не смел спиратися со мною; а во Алевите был Акирь Премудрый, и тот со мною спиратися не смел же; тех аз всех взяла, яко единого от убогих сирот. Был царь пророк Давид и сын его царь Соломон премудр, и хитр, и мудр был, не было такова мудреца во всей поднебесной, и тот не смел со мною спиратися и противу мене стати, и того аз взяла. Аще ты, человече, не ведаеш, кто есмь аз, аз есми смерть».

Услышав же то, человек той сия зело устрашися сердцем своим и ужасеся умом своим, глагола ей: «Госпоже моя, добрая и славная смерть! понеже человек есми храбр, а мечь у мене, госпоже, велми остр, токмо битися я с тобою не хощу, но хощу с тобою, госпоже, мир великий имети: ты, госпоже, смерть зовешися, аз есмь живот именуюсь. Что всуе хощеши посещи мене? Ничто же пред тобою вем себе преступивша или которую тебе сотворша досаду. Есть, госпоже, у мене богатества много — и злата, и сребра, и бисера многоценнаго множество; возми у мене, госпоже моя, что хощеши, токмо смирися со мною и не дей мене к тому и буди ми, госпоже моя, друг любимый, и отиди, госпоже моя, от мене с честию великою, дондеже не прогневаюся на

тя, и отбежи, госпоже, от мене скоро, дондеже не возгорится ярость моя на тя».

Рече жє ему смерть: «О человече суетне, что всуе сия глаголы безумныя глаголеши, а не поможет ти ничто же: ни слава, ни богатьство, ни сила, ни храбрость. Аз убо от тебе не отиду, а тебе от себе не отпущу, но хощу убо тя ногою моею запяти [1] и на земли тя хощу простерти, яко же и всех человек. Аз есмь ни посулница: и богатества не збираю, ни краснаго портища не ношу, а земныя славы не ищу, занеже не милостива есми издетска и не повадилась есми никого же миловать, ни милую, ни наравлю никому: как прииду, так и возму, но токмо жду от господа бога повеления, как господь повелит в мегновении ока возму, в чем тя застану, в том ти и сужду».

Рече же живот: «Госпоже моя смерть, покажи на мне милость свою, отпусти мя ко отцу моему духовному, да покаюся ему, елико согреших».

Рече же ему смерть: «Никако же, человече, не отпущу тя ни на един час. Тем вы прельщаетеся, глаголюще: заутра ся покаю, и бес покаяния наипаче согрешаете, а мене забываете, а ныне как аз пришла, так и возму. Ко всем моя любовь равна есть: какова до царя, такова и до нища, и до святителя, и до простых людей. Да аще бы аз богатество собирала, ино бы не было и места, где ми его класти, понеже, человече, прихожу аз, аки тать в нощи, безвесно. Слышал ли еси во Евангелии господа глаголюща: блюдитеся вы на всяк час смерти, не весть бо ни един от вас, когда прииидет смерть, приходит смерть аки тат, смерътъ вам грамоты не пошлет, ни вести не подаст. Господь бог тебе не стерпе, ниже помилова. От мене же милости нихто не ищи, аще кто ищет и не обрящет».

И тако его поверже с коня на землю, дондеже предаст дух свой богу. Тако сконча воин жизнь свою. Ныне и присно и во веки веком. Аминь.

---

[1] ударить.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО А. М. КУРБСКОМУ

ЦАРЕВО ГОСУДАРЕВО ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО РОСИЙСКОЕ ЦАРСТВО НА КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВ ЕГО, НА КНЯЗЯ АНДРЕЯ КУРБСКОВО С ТОВАРИЩИ О ИХ ИЗМЕНЕ

...

Яко же и выше рех, какова злая пострадах от юности моея даже и доселе, пространнеишее изобличити. Се убо являет (аще убо и юн еси сих лет, но обаче ведети можеши): егда божиими судьбами отец наш, великий государь Василей, пременив порфиру ангельским пременением[1], тленное все и мимотекущее земное царство оставил, прииде на небесная во онь век несконча́емый, предстояти царю царем и господину государем, мне же оставшу со единородным братом, святопочившим Георгием, мне убо трею лет сущу, брату же моему лета единаго, родительнице же нашей, благочестивой царице Елене, в сицевых бедне во вдовстве оставше, яко же во пламени отовсюду пребывающи, ово убо от иноплеменных язык от круг преседящих, брани непременительныя приемлюще ото всяких язык, литаонских[2], и поляков, и Перекопи, Надчитархана, и от нагаи, и от Казани, ово же от вас изменников беды и скорби разными виды приемлюще, яко же подобен тебе, бешеной собаке, князь Семен Бельской да Иван Ляцкой оттекоша в Литву и камо не скакаша бесящеся? И во Царьград, и в Крым, и в Нагаи, и отовсюду на православия рати воздвизающе; и ничто же успеша: богу заступающу, и пречистые богородицы, и великим чюдотворцом, и родителей наших молитвами и благословением, вся сия яко же Ахитофель совет разсыпася. Тако же потом дядю нашего, князя Ондрея

[1] сменив царскую порфиру на ангельскую (монашескую) одежду; [2] литовских.

Ивановича, изменники на нас подъяша, и с теми изменники пошел было к Новугороду (и которых хвалиши! доброхотных нам и душу за нас полагающих называешь!) и те в те поры от нас были и отступили, а к дяде нашему ко князю Андрею приложилися, а в головах [1] твой брат, князь Иван княжь Семенов сын, княжь Петрова Львова Романовича и иные многие. И тако з божиею помощию тот совет не совершися. Ино то ли их доброхотство, которых ты хвалишь? Тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити? Потом же, изменным обычяем, недругу нашему литовскому почяли отчину нашу отдавати, грады Радогощ, Стародуб, Гомей: и тако ли доброхотствуют? Егда несть во своей земли, кем погубити от земля и славу в прелесть вселити [2], тогда ко иноплеменным примешаются любовию, точию да погубят безпамятно[3]!

Тако же изволися судьбами божиими быти, родительницы нашей благочестивей царицы Елене преити от земнаго царьствия на небесное; намь же со святопочившым братом Георгием сиротствующим родителей своих и ни откуду же промышления человеческого приемлюще, токмо на божье милосердие уповающе и на пречистую богородицы на милость, и на всех святых молитвы и на родителей своих благословение упование положихом. Мне же осмому лету от рожения тогда преходящу и тако подвластным нашим хотение свое улучившим, еже царьство безо владетеля обретоша, нас убо, государей своих, никоего промышления доброхотнаго не сподобиша, сами же ринушася богатству [4] и славе, и тако наскочиша друг на друга. И елика тогда сотвориша! Колико боляр, и доброхотных отца нашего и воевод избиша! И дворы, и села, и имения дядь наших восхитиша и водворишася в них! И казну матери нашея перенесли в Большую казну и неистово ногами пихающе и осны [5] колюще, а иное же и себе разделиша. А дед твой Михайло Тучков то и творил. И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережение учинилися [6], и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей главные изменники, ис понимания повыпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйской на дяди нашего княж Андрееве дворе Ивановича учял жити, и на том дворе, сонмищем июдейским, отца нашего да и нашего дьяка ближняго Федора Мишурина изымав, позоровав[7], убили; и князя Ивана Федоровичя Бельского и иных многих в розная места за-

---

[1] во главе; [2] погубить родную землю ради славы; [3] навсегда; [4] бросились добывать богатство; [5] посохами; [6] вошли в мое покровительство; [7] предав поруганию.

точиша, и на церковь вооружишася, и Данила митрополита, сведши с митрополии, в заточение послаша; и тако свое хотение во всем улучиша [1], и сами убо царьствовати начяша. Нас же, со единородным братом, святопочившим Георгием, питати начяша, как иностранных, или убо яко убожайшую чядь [2]. Таковая же тогда пострадах во одеянии и в алчбе! Во всем воли несть, но вся не по своей воли и не по времени юности. Едино воспомянути: нам бо во юности детская играющим, а князь Иван Васильевич Шуйской седит на лавке, локтем опершися об отца нашего постелю, ногу положа на стул, к нам же не приклоняяся не токмо яко родительски, но ниже властельски, рабское же ниже начяло обретеся. И таковая гордения хто может понести? Како же исчести таковая многая бедне страдания, еже во юности пострадах? Многажды поздо ядох не по своей воли. Что же убо о казнах родительского ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детем боярским жалованье, а все себе у них поимаша во мъздоимание; а их не по делу жалуючи, верстая [3] не по достоинству; а казну деда и отца нашего безчисленну себе поимаша; и тако в той нашей казне исковаша себе сосуды златые и сребряные и имя на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание; всем людем ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйсково шуба была мухояр [4] зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было сосуды ковати, ино лутче шуба переменити, да в ысходке [5] суды ковати. А о казнах наших дядей глаголати, но все себе восхитиша. По сем же на грады и на села наскочиша, и тако горчяйшим мучением многоразличными виды имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же от них напасти хто может исчести? Подовласных же всех аки рабы себе сотвориша, рабы же свои аки вельможа сотвориша; правити же мнящеся и строити [6], и вместо сего неправды и неустроения многая устроиша, мъзду же безмерную ото всяких собирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще.

И тако им на много время жившим, мне возрастом телом преспевающе [7] и не восхотех под властью рабскою быти, и того для князя Ивана Васильевичя Шуйсково от себя отослал на службу, а у собя велел есми быти болярину своему князю Ивану Федоровичю Бельскому. И князь Иван Шуйской, приворотя к собе всех людей и к целованию привед, пришед ратию к Москве, а болярина нашего князя Ивана Федоровичя Бельсково и иных

[1] достигнув своих желаний; [2] как последних из домочадцев; [3] назначая; [4] полушерстяная; [5] на излишние деньги; [6] делали вид, что правят и распоряжаются; [7] я стал подрастать.

боляр и дворян переимали советники его Кубенские и иные, до его приезду, да сослав его на Белоозеро и убили, да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша. Таж князь Андрей Шуйской со своими единомысленники, пришед к нам в ызбу в столовую, неистовным обычяем перед нами боляpина нашего Федора Семеновичя Воронцова изымавши позоровав, вынесли из избы да убить хотели. И мы послали к ним митрополита Макария, да боляр своих Ивана да Василья Григорьевичев Морозовых своим словом, чтоб его не убили, и оне едва по нашему слову послали его на Кострому; а митрополита затеснили и манатью на нем со источники[1] изодрали, и боляр в хребет толкали. Ино и то ли доброхотны, что боляр наших и угодных нам супротивно нашему повелению переимали и побили и разными муками и гонении мучити? И тако ли годно и за государей своих душу полагают, еже к нашему государьству ратью приходити и перед нами сонмищем имати, и с нами холопу со государем ссылатися, и государю у холопа выпрашивать? Тако ли пригоже прямая служба? Воистинну вся вселенная посмиется, видя такую правду. А о гонении же что и глаголати, каковы тогда случишася? От преставления матери нашея и до того времяни шесть лет и пол[2] не престаша сия злая!

Нам же пятагонадесят [3] лета возраста преходящим, и тако сами яхомся строити свое царство, и по божии милости благо было началося строити. Понеже грехом человеческим, повсегда божию благодать раздражающим, и тако случися грех ради наших, божию гневу разпростершуся, пламени огненному царствующий град Москву попалившу, наши изменные бояре, от тебе же нарицаемая мученики (их же имена волею премену) [4], аки время благополучно своей изменной злобе улучиша, наустиша [5] народ художайших умов, будто матери нашей мать, княгина Анна Глинского, с своими детьми и людьми сердца человеческая выимали и таким чяродейством Москву попалили; да бутто и мы тот совет ведали: и тако тех изменников научением болярина нашего князя Юрья Васильевичя Глинского, воскричяв, народ июдейским обычяем, изымав его в пределе великомученика Дмитрия Селунского, выволокши, в соборной и апостольской церкви пречистыя Богородицы против митрополичья места, безчеловечно убиша и кровию церковь наполниша, и вывлекши его мертва в передние двери церковные, и положиша на торжище, яко осуженника. И сие убийство во церкви всем ведомо,

---

[1] с цветными полосами; [2] шесть с половиной лет; [3] пятнадцатого; [4] назову, когда найду нужным; [5] подучили.

а яко же ты, собака, лжеши! Нам же тогда живущим во своем селе Воробьеве, и те изменники наустили были народ и нас убити за то, что бутто мы князь Юрьеву матерь, княину Анну, и брата его князя Михаила у собя хороним от них. Тако же убо смеху подлежит сия мудрость! Про что убо нам самим царству своему запалителем быти? Толика убо стяжания, прародителей наших благословение, у нас погибоша, еже ни во вселенной обрестися не может. Хто же безумен или яр таков обрящется, разгневаяся на рабы, да свое стяжание погубити? И он бы их и палил, а себе бы уберег. Во всем наша собачья измена обличаетца. Како же на такую высоту, еже Иван святый, водою кропити? Си убо безумие явъственно. И тако ли доброхотно подобает нашим боляром и воеводам нам служити, еже такими собраниями собацкими, без нашего ведома, боляр наших побивати, да еще и в черте кровной на мя[1]. И тако ли душу свою за нас полагают, еже нашу душу от мира сего желающи на всяк чяс во он век препустити? ...

[1] моих родственников.

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ

ОТ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ВАСИЛЬЮ ГРИГОРЬЕВИЧЮ ГРЯЗНОМУ ИЛЬИНУ

Что писал еси, что по грехом взяли тебя в полон,— ино было, Васюшка, без путя середи крымских улусов не заезжати; а уже заехано — ино было не по объезному спати: ты чаял, что в объезд приехал с собаками за зайцы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали [1]. Али ты чаял, что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушеньем шутити? Крымцы так не спят, как вы, да вас, дрочон [2], умеют ловити да так не говорят, дошедши до чюжей земли, да пора домов! Только б таковы крымцы были, как вы, жонки,— ино было и за реку не бывать, не токмо что к Москве.

А что сказываешься великой человек — ино что по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды. А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине — ино таковы и в станицах езживали, а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотникех с собаками, и прежние твои были у ростовских владык служили. И мы того не запираемъся, что ты у нас в приближенье был. И мы для приближенья твоего тысячи две рублев дадим, а доселева такие по пятидесят рублев бывали; а ста тысяч опричь государей ни на ком окупу [3] не емлют, а опричь государей таких окупов ни на ком не дают. А коли б ты сказывался молодой человек — ино б на тебе Дивея не просили. А Дивея сказывает царь, что он молодой человек, а ста тысячь рублев не хочет на тебе мимо Дивея: Дивей ему ста тысяч рублей лутчи, а за сына

[1] привязали к седлу; [2] неженок; [3] выкупа.

за Дивеева дочерь свою дал, а нагайской князь и мурзы ему все братья; у Дивея и своих таких полно было, как ты, Вася. Оприч было князя Семена Пункова не на кого менять Дивея; ано и князя Михаила Васильевича Глинского нечто для присвоенья меняти было; а то и в нынешнее время неково на Дивея меняти. Тебе, вышедчи ис полону, столько не привесть татар, ни поимать, сколько Дивей кристьян пленит. И тебя, ведь, на Дивея выменити не для кристьянства — на кристьянство [1]: ты один свободен будешь, да приехав по своему увечью лежать станешь, а Дивей приехав учнет воевати да неколко сот кристьян лутчи тебе пленит. Что в том будет прибыток?

Коли еси сулил мену не по себе и писал и что не в меру, и то как дати? То кристьянству не пособити — разорить кристьянство, что неподобною мерою зделать. А что будет по твоей мере мена или окуп, и мы тебя тем пожалуем. А будет станишь за гордость на кристьянство — ино Христос тебе противник!

---

[1] против христианства.

А. М. КУРБСКИЙ
ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ

...

Тогда зачалъся нынешнии Иоанн наш и родилася в законопреступлению и во сладострастию лютость, яко рече Иоанн Златоустый в слове о жене злой, ему ж начало: днесь нам Иоанново преподобие [1] и Иродова лютость егда возвещалась, смутились и внутренные [2], сердца вострепетали, зрак помрачился, разум притупился, слух скутался, и протчее. И аще святые великие учители ужасалися, пишуще от мучителей на святых дерзаемые[3], кольми паче нам, грешным, подобает ужасатися, таковую трагедию возвещати! Но послушание вьсе преодолевает, паче же стужения[4], або докучания ради вашего частого. Но и сие к тому злому началу еще возмогло, понеже остался отца своего зело млад, аки дву лет; по немногих летех и мати ему умре; потом питаша [5] его велицые гордые паны, по их языку боярове, его на свою и детей своих беду, ретящеся [6] друг пред другом, ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждению и сладострастию.

Егда же начал приходити в возраст, аки лет в дванадесять [7], и впредь что творил, умолчю иные и иные, обаче же возвещу сие. Начал первие безсловесных [8] крови проливати, с стремнин высоких мечюще их, а по их языку с крылец, або с теремов, тако же и иные многие неподобные дела творити, являющи хотящее быти немилосердое произволение [9] в себе, яко Соломон глаголет: «Мудрый,— рече,— милует души скотов своих, тако ж и безумный биет их нещадно»; а пестуном ласкающим [10], попущающе сие и хваляще, на свое горшее [11] отрока учаще. Егда же уже приходяще к пятомунадесять лету [12] и вящеи, тогда начал чело-

---

[1] добродетель; [2] души; [3] о мучителях, дерзнувших на святых; [4] печали; [5] воспитывали; [6] соревнуясь; [7] двенадцать; [8] животных; [9] проявляя будущую свою жестокость и произвол; [10] а воспитатели его ласкали; [11] горе; [12] пятнадцати годам.

веков ураняти [1]. И собравши четы юных около себя детей и сродных оных предреченных сигклитов, по стогнам и по торжищам начал на конех с ними ездити и всенародных человеков, мужей и жен, бити и грабити, скачюще и бегающе всюду неблагочинне. И воистину, дела разбойнические самые творяще, и иные злые исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателем же всем таковое на свою беду восхваляющим: «О храбр, глаголюще, будет сей царь и мужествен!» Егда же прииде к седьмомунадесять лету [2], тогда те же прегордые сигклитове начаше подущати [3] его и мстити им свои недружбы [4], един против другаго; и первие [5] убиша мужа пресильнаго, зело храбраго стратига и великородного, иже был с роду княжат литовских, единоколенен [6] кролеви польскому Ягайлу, имянем князь Иван Бельский, иже не токмо быв мужествен, но и в разуме мног и в священных писаниих в некоторых искусен.

По мале же времени, он же сам повелел убити такожде благородное едино княжа, имянем Андрея Шуйского, с роду княжат суждальских. Потом, аки по двух летех, убил трех великородных мужей: единаго, ближняго сродника своего, рожденнаго с сестры отца его, князя Иоанна Кубенского, яже был у отца его великим земским марщалком; а был роду княжат Смоленских и Ярославских, и муж зело разумный и тихий, в совершенных уже летех; и вкупе побиени с ним предреченные мужие, Феодор и Василий Воронцовы, родом от Немецка языка, а с племени княжат Решских. И тогда же убиен Феодор, глаголемый Невежа, зацный [7] и богатый землянин [8]. А мало пред тем, аки за два лета, удавлен от него князя Богдана сын Трубецкого, в пятинадесяти [9] летех младенец, Михаил имянем, с роду княжат литовских; и потом, памятались, того ж лета убиени от него благородные княжата: князь Иоанн Дорогобужский, с роду великих княжат тверских, и Феодор, единочадый сын князя Иоанна, глаголемаго Овчины, с роду княжат торуских и оболенских, яко ягнцы неповинно заколены, еще в самом наусии [10]. Потом, егда начал всякими безчисленными злостьми превосходити, тогда господь, усмиряюще лютость его, посетил град великий Москву презельным огнем, и так явственне гнев свой навел, аще бы по ряду писати, могла бы повесть целая быти або книжица; а пред тем, еще во младости его, безчисленными плененьми варварскими, ово от царя Перекопскаго, ово от татар нагайских, сиречь заволских [11], а наипаче и горши всех от царя Казанского, сильнаго и можнаго

[1] терзать; [2] к семнадцати годам; [3] подучивать; [4] недругам; [5] сначала; [6] из рода; [7] честный; [8] землевладелец; [9] пятнадцати; [10] отрочестве, юности; [11] заволжских.

мучителя христианского [яже подо властию своею имел шесть языков различных], ими же безчисленное и неисповедимое пленение и кровопролитие учинял, так, иже уже было все пусто за осмьнадесять миль до Московского места. Тако же и от Перекопского, або от Крымскаго царя, и от нагаи вся Резанская земля, аже по самую Оку реку, спустошена; а внутрь человекоугодником, со царем младым, пустошащим и воюющим нещадно отечество. Тогда ж случилось, после того предреченнаго пожару, презельного и воистинну зело страшного, о нем же никто же сумнитца рещи явственный гнев божий — а что ж тогда бысть?

Бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утещи от града со своим двором его; и в том возмущению убиен от вой его князь Юрий Глинский от всего народа, и дом его весь разграблен; другие же вои его, князь Михаил Глинский, который был всему злому начальник, утече, и другие человекоугодницы сущие с ним разбегошеся. ...

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА IV НА НОВГОРОД В 1570 ГОДУ

В лета 7078-го [1] году, генваря во 2 день, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Росии самодержец, ходил со гневом на Великий Новъград, и на архиепископа Пимина, и на его владычных бояр, и на изящных [2] именитых людей, и на всех градцких жителей.

Посещением и изволением и наказанием вседержителя господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, за умножение беззакония нашего и богомерских противных грех, иже умножися велия злоба греховная в человецех: братоненавидение, всякое преступление, вражда, ненависть, хищение, неправды — за сия неприязненая дела и беззакония, по пророческому писанию, приходит с небеси гнев божий на сыны противныя и на всяко нечестие; всячески убо наказующу нас всещедрому человеколюбцу господу богу своими щедротами и милосердием, иногда гладом и мором, сиречь смертною появою [3], иногда пожаром, иногда безбожных сопостат нахождении страшных, горчая же того междуусобные брани, кровопролития и много находящая роду человеческому; и святым божиим церквам от злословения богу оскудение и презрение, запустение сирским жителством живущим [4], домом разрушение до основания, градом и всем живущим в нем конечная погибель до основания.

Таково убо бысть во дни наша велие потрясение, и поколебание, труса и падение, яко во время мимошедшее и в предния роды человеческия не бысть, ни отцы наши таковаго возвестиша нам, иже бысть в Росийской земли, в богоспасаемом преименитом и славном граде, их же око не виде и ухо не слыша и на сердца человеческая взыти не может, иже сотвори всещедрый гос-

[1] 1570; [2] лучших; [3] моровою язвою; [4] бедным, неимущим.

подь праведным своим судом на град отец наших за беззакония наша и велия прегрешения, наущением и злоумышлением богоотступников, злых обаявых [1] человек, хищников, от действа неприязненаго сопостата диявола, иже влагающих во уши царевы неприязненыя глаголы на архиепископа новгородцкого Пимена, и на его владычных [2] бояр, и на изящных именитых человек, жителей градцких, о предании града иноплеменником [3]. И от сих неистовых ложных глагол ожесточи бог сердце благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, всеа Росии самодержцу, великим гневом и неукротимою яростию и великиим озлоблением на Великий Новъград, на свою ему государеву царскую державу, и на вся люди, живущия во граде.

От всемирнаго создания лета 7078-го, генваря во 2 день, в понедельник, на память иже во святых отца нашего Селивестра, папы Римскаго, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Росии самодержец, посла в Великий Новъград наперед перед собою, изгоном [4], предний полк своих государевых бояр, и воевод, и князей, и дворян, и детей боярских, и всяких воинских людей велие и безчисленное множество. Они же приехаша в Великий Новъград по повелению благочестиваго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Росии самодержца, около Великаго Новаграда учиниша великия сторожы и крепкия заставы со всяцем утвержением. И повелеша на заставах стражем крепко стрещи всех живущих во граде, кабы ни един человек из града не убежал. А иные государевы князи и дети боярские того же государева перваго полку разъехашася по всем монастырем, иже есть около Великаго Новаграда, и монастыри запечаташа и церковные казны, а игуменов и черных [5] священников и дияконов, и соборных старцов изо всех новъгородцких монастырей собраша и привезоша с собою вместе в Великий Новъград, числом их яко до пятисот старцов и больши, и всех их поставиша на правеже до государева приезду. А иные дети боярские того же государева перваго полку собраша всего Новаграда от всех церквей попов и дияконов и поставиша их на правежы, и раздаваху их по десяти человек за пристава [6], и повелеваху их держати приставом крепко во узах железных, и повелеша бити их приставом из утра и до вечера на правежи, до искупа, безщадно, а доправити повеле государь на них по двадцати рублев по новъгородцкому их числу, как у них в Новегороде число денгам держит. А иные дети бояр-

---

[1] способных обмануть, оклеветать; [2] архиепископских; [3] иноземцам; здесь: полякам; [4] быстрым маршем; [5] монастырских; [6] под стражу.

ские от того государева перваго полку по всему Великому Новуграду по улицам во всех градцких приходех церкви и подцерковные [1] и домовые полаты у всех именитых людей Великаго Новаграда и со всем имением их запечаташа, и многие стражи поставиша стрещи крепко до государева приезду. А иные дети боярские того же государева перваго полку повелением государевым во всем Великом Новеграде гостей и приказных государевых людей именитых переимаша и роздаваша их по приставом, и повелеша приставом держати их крепко во оковах железных, а домы их и вся имения их запечаташа, и жены и дети их повелеша стражем твердо блюсти их до государева приезду.

И того же 7078-го лета, генваря в 6 день, на праздник Богоявления господа нашего Иисуса Христа приехал в Великий Новъград благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец, а с ним сын его государев, благоверный царевич князь Иван Ивановичь, и с ним, государем, многое безчисленное множество полков, князей и бояр, и детей боярских и прочих воинских людей, да с ним з государем полторы тысящы стрелцов; и приехал государь в Великий Новъград и ставъ со всею силою на Торговой стороне, на месте нарицаемом Городищи, от посаду Новаграда две версты. И назавтрия приезду своего государева, в суботу, благочестивый государь царь и великий князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец, повеле игуменов и попов черных, и дияконов и старцов соборных, да которые прежде государева приезду в первом полку иманы из монастырей и поставлены на правежы, повеле избивати их на правежи палицами насмерть, и, убив их всех, повеле когождо их во свой монастырь развозити и погребати. А в воскресение господне, генваря в 8 день, государь поехал со всеми своими полки к соборной велицей церкви ко Премудрости божия Софеи слушати обедни, и стретил его, государя, по закону царьскому, со крѐсты и чюдотворными иконы, архиепископ Пимин Новгородцкий со всем священным собором на Волховском мосту Великом, у Черного креста. И по обычаю царьскому хотящу архиепископу Пимину государя царя и великаго князя Ивана Васильевича и сына его благовернаго царевича князя Ивана Ивановича крестом оградити [2]. И государь царь и великий князь Иван Васильевич и сын его царевичь князь Иван ко кресту ко архиепископу не пошли. И говорит государь царь и великий князь архиепископу Пимину: «Ты, злочестиве, в руце своей держиши не крест животворящий, но вместо креста оружие, и сим

[1] то есть находящиеся в ведении церкви; [2] благословить.

бо оружием хощеш уязвити царьское сердце наше своим неистовым зломыслением и с своими злотворцы и единомысленники, града сего жители. И хощете царьския державы вотчину нашу, сей великий богоспасаемый Новъград предати сопостатом нашим, иноплеменником, королю литовскому Жигимонту Августу. И отселе впереди не си убо наречешися пастырь и учитель и сопрестольник великия соборныя апостольския церкви Премудрости божии Софеи, но волк, и хищник, и губитель, и изменник, и нашему царьскому багру досадитель».

И таковая государь яростная словеса изглаголав, повелевает архиепископу со кресты итти в соборную церковь Премудрости божии Софии и литоргисати [1] со всем священным собором. А сам государь благоверный царь и великий князь Иван Васильевичь и со благоверным царевичем со князем Иваном Ивановичем, и со всеми своими государевыми полчаны [2] поиде во след святых и животворящих крестов и святых честных и чюдотворных икон в церковь Премудрости божии Софии. И в соборной церкви Премудрости божии литоргию божественную государь отслушал. И после обедни государь пошел ко архиепископу Пимину в столовую полату, за стол, хлеба ясти, со всеми своими князи и боляры и дети боярскими и со всеми воинскими людми. И как государь сел за стол, начат государь ясти, и вскоре нечто помедли, и возопи гласом велием сь яростию к своим князем и боляром, по обычаю, ясаком [3] царьским тотчас повеле государь архиепископову казну и весь двор его владычень, со всеми обиходы, и все полаты и келии пограбити, и бояр ево владычних и всех слуг его повеле переимати и за приставы отдавати до своего государева указу. А самого владыку архиепископа Пимина ограбить повеле, за приставы его отдати и крепко повеле его стрещи, и давати повеле ему из казны на всяк день за корм по две денги на день. А дворецкому своему, Лву Андреевичу Салтыкову, и протопопу Евъстафию и прочим своим боляром повеле государь итти в соборную и великую церковь Премудрость божию Софию, взяти повеле ризную казну, и прочия драгия освященныя церковные вещи, и святыя иконы чюдотворныя корсунския писма греческих живописцев. Прочее же повелевает им государь по всему Великому Новуграду, во всех святых божиих церквах, имати церковныя казны, и святыя честныя божественныя драгия чюдотворныя иконы, и ризы, и колокола. И около всего Великого Новаграда, во всех монастырех, повеле государь имати во всех церквах такоже и церковныя казны, и иконы дра-

[1] служить литургию; [2] воинами; [3] здесь: условный сигнал, клич.

Спор жизни со смертью.
Миниатюра. 1633 г.

«Синодик» (ГБЛ, ф. 209, № 694, л. 46).

гия греческия, сиречь корсунския, и ризы драгия, и прочая драгия освященыя церковныя вещы и колокола.

Таже благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевичь, всеа Росии самодержец, и с сыном своим со благоверным царевичем князем Иваном Ивановичем седе на судище, иде же государь приехал, стал на Городищи. И повеле государь приводити из Великого Новаграда владычных боляр и иных многих служивых людей, и детей боярских, и гостей, и всяких градцких и именитых изрядных людей, и жен их и детей пред себя, и повеле государь их пред собою горце и люте и безчеловечне различными муками мучити. И во мнозех неисповедимых, горких и различных муках повеле государь телеса их некоею составною мудростию огненою подъжигати, иже именуемаго подъжаром [1], и своим государевым детем боярским повелевает государь тех мученых и поджареных людей за руки и за ноги и за власы опако вязати различно тонкими ужыщи [2], и привязывати их повеле по человеку с каменем и повеле их быстро за санми влещи на Великий Волховский мост и метати с мосту в реку Волхов. А жен их, мужеск и женеск пол младенцы, и сущии млеком питаемии, и всяк возраст повеле государь привозити их на Великий Волховский мост и возводити их на высоту, иже ту устроено место, и вязаху за руце и за нозе опако назад, младенцов к матерем своим и вязаху, и с великиия высоты повеле государь метати их в воду, в реку в Волхов. А иные в те поры государевы люди, и дети боярские, и воинъские люди в малых судех ездяху по реце Волхове, со оружием, и с рогатыни, и с копии, и з багры, и с топоры, и которые люди, мужы и жены и всяк возраст, из глубины речной и вверх на воду спловет, и они прихватывают багры, и тех людей копии и рагатынями прободающи, и топоры секуще и во глубину речную без милости сурово погружающе, предаяху их горцей смерти. И бысть убо таковаго неизповедимаго кровопролития человеческому роду, грех ради наших, неукротима ярость царева по вся дни, безпрестани, яко до пяти седмиц и болши, и на всяк убо день ввергнут и потопят в воде человек всякаго возраста числом яко до тысящы, а иногда и до полуторы тысящ. А тот убо день облегчен и благодарен, иже ввергнут в воду до пятисот или до шестисот. И по скончании убо того благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Росии самодержец, с своими государевыми людми, со князи, и боляры, и з детми боярскими, и с прочими воинскими людми, начат ездити около Великого Новаграда по честным и великим монастырем, и

[1] здесь: легковоспламеняющаяся жидкость; [2] веревками.

тамо повеле в монастырех грабити церковныя и монастырские казны, и кельи, и служебныя монастырьские домы, и всякие обиходы, в житницах хлеб всякой, стоячей в скирдах и на полях немолоченой хлеб повеле огнем сожигати, а скот их всякой, и лошади и коровы, повеле посекати. И по сих благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Росии самодержец, приехал из монастырей в Великий Новъград, и повеле по всему Новуграду, по всем торговым рядом, и по всем улицам, и в ленивых торжкех [1], у градских торговых людей и в лавках всякой товар грабити, и торговые анбары и лавки повеле разсекати и до основания разсыпати. И потом государь благоверный царь и великий князь со всеми своими людми и со всеми воинскими полки начат ездити по всему Новуграду и по всем посадом, и повеле государь у всех градских жителей во всех домех их имения грабити, а самих людей и жен их, безпощадно, без останков, всех грабити, и дворы их и хоромы ломати, а окна и ворота вскоре повеле без милости высекати. А в те поры государь, во время градскаго грабежу, иных государевых своих людей разсылает около Великаго Новаграда на все четыре стороны, на всякую новгородцкую пятину, по станом и волостям и по усадищем боярским и по поместьям, и по всем местом около Великаго Новаграда верст за двести и за полтретьяста [2] и болши, и повеле домы их всячески разхищати и скоты убивати у всяких людей, без пощаденья, чей кто не буди, без разсуждения. И бысть убо того неисповедимаго колебания и великаго падения, труса и кровопролития человеческому роду в Великом Новеграде и по окрестных странах около Великого Новаграда безпрестани шесть недель, грех ради наших. И того же 78-го года, месяца февраля в 3 день, на другой недели Великаго поста, в понедельник, заутра повеле государь оставших новгородцов жителей изо всякой улицы по лутчему человеку поставити пред собя. Они же сташа пред царем с трепетом, дряхли [3] и унылы, отчаяшеся живота своего, быша яко мертви, видяще неукротимую ярость цареву. И благочестивый и христолюбивый государь царь и великий князь Иван Васильевич, всеа Росии самодержец, возрев на них милостивым и кротким оком, издаст им государь царьское милостиво слово и сказа им сице: «Мужие, жителие сего Великого Новаграда, вси, иже ныне оставшии во граде! Молите всемилостиваго и всещедраго человеколюбиваго господа бога и пречистую его богоматерь владычицу богородицу и всех святых его о нашем благочестивом царьском державстве, и о чадех моих,

[1] временных базарах; [2] двести пятьдесят; [3] подавленные.

благоверных царевичах, о Иване, о Феодоре, и о всем нашем христолюбивом воинстве, чтобы нам господь бог подаровал свыше победу и одоление на вся видимыя и невидимыя враги наша и супостаты. А судит бог общему изменнику вашему и моему владыке новгородскому Пимину, и его злым советником и единомыслеником, ненавидям рода человеческаго взыщется проливаемая кровь на тех изменниках. И вы о всем ныне не скорбите, живите во граде сем благодарне, и яз вам во свое место оставлю царьского правителя во граде, болярина своего и воеводу князя Петра Даниловича Пронского». И сия глаголы изрече и отпусти их с миром во своя домы. А сам благоверный государь царь и великий князь Иван Васильевичь и с сыном своим благоверным царевичем со князем Иваном Ивановичем и со всею своею силою пошел из Великого Новаграда во Псков. А владыку Новгородцкаго архиепископа Пимина, и попов и дияконов, которые не искупилися от правежу, а прочих досталних [1] новгородцов опалных людей повеле государь отсылати за приставы в Олександрову слободу, до своего царева приезду. И как государь приехал изо Пскова в богоспасаемый град Москву, и повеле со владыки новгородцкого Пимина сан сняти и в заточение послати в монастырь, он же тамо вскоре не по мнозе времени преставися благодарне. А прочих оставших новгородцов, опалних людей, повеле государь на Москве казнити смертною казнию, главы их отсекати. И тако тии ту скончашася. А иных мнозе испытани [2], повеле государь по иным городам разсылати на жителство.

Се же бысть все неизреченными судбами и наказанием вседержытеля господа бога нашего в великом сем богоспасаемом Новеграде и всем живущим в нем за грехи наша и прочему человеческому роду на уверение [3]. Аминь.

---

[1] остальных; [2] после пыток; [3] в назидание.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

ИСТОРИЯ В ПАМЯТЬ СУЩИМ ПРЕДЪИДУЩИМ РОДОМ, ДА НЕ ЗАБВЕНА БУДУТ БЛАГОДЕЯНИЯ, ЕЖЕ ПОКАЗА НАМ МАТИ СЛОВА БОЖИЯ, ВСЕГДА ОТ ВСЕЯ ТВАРИ БЛАГОСЛОВЕННАЯ ПРИСНОДЕВАЯ МАРИЯ, И КАКО СОВЕРШИ ОБЕЩАНИЕ К ПРЕПОДОБНОМУ СЕРГИЮ, ЯКО НЕОТСТУПНО БУДУ ОТ ОБИТЕЛИ ТВОЕЯ

И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышать, киих ради грех попусти господь бог нашь праведное свое наказание и от конец до конец всея Росия, и како весь словенский язык возмутися, и вся места по Росии огнем и мечем поядены быша.

Сему же сказанию начало сицево.

Благочестивому и храброму во царех великому князю Ивану Васильевичю, всеа Росии самодержцу, дошедшу кончины лет, его же скипетра и всея державы и восприимник бысть сын юнейший Феодор Ивановичь. И той убо не радя о земном царьствии мимоходящем, но всегда ища непременяемаго, его же и видя око зрящее от превышщих небес, дает по того изволению немятежно земли Росийстей пребывание. В славе же его вознесеся брат царицы его Ирины, яко же и Иосиф во Египте, и толико знаменит бе, яко и от Перских царей, и от Италии, и от всего запада приносящеи дары чесныя царю Феодору Ивановичю и тому Борису равноподобную царстей чести дарованиа приношаху. Но аще и разумен бе в царских правлениих, но писания божественнаго не навык и того ради в братолюбствии блазнен бываше [1].

[1] заблуждался.

Великаго убо царя Феодора брата Дмитрия Ивановича, не единоматерьня, отделиша всех началнейших велмож росийских советом на Углечь, да в своем пространствии с материю си пребывает. Сему же царевичю Димитрею естеством возрастающу, и братне царьство и величество слышащу, и от ближних си смущаему за еже не вкупе пребывания з братом, и часто в детьских глумлениих глаголет и действует нелепо о ближнейших брата си, паче же о сем Борисе. И врази суще и ласкатели, великим бедам замышленицы, в десятерицу лжи составляюще, с сими подходят велмож, паче же сего Бориса, и от многия смуты ко греху низводят, его же, краснейшаго юношу, отсылают, нехотяща, в вечный покой. Память же его великою кровию неповинною во всей Росии торжествовася. Се первый грех да разумеется, таже по сем и другий: ни во что же положиша сю кровь неповинную вся Росия. Но се всяк глас просторечие: «Кто убо в деле, той и в ответе; уже тому бог судил быти».

И по тому же и царю святому Феодору, пременившу земное царьство на небесное, от многих же правление держащих в Росии промышляется быти царем вышепомянутый Борис. Он же, или хотя, или не хотя, но вскоре на се не подадеся, и отрицаяся много, и достойных на се избирати повелевая; сам же отшед в великую лавру матери слова божия, воспомянаемаго чюдеси Смоленския иконы, Девичия монастыря; и ту сестре си царице Ирине, уже иноке Александре, служаше. От народнаго же множества по вся дни принужаем бываше к восприятию царьствия и молим от многих слез, но никако же прекланяшеся. Таже что? Просто тую вси церьковницы, повелением патриаршим со всем освященным собором, приемлют убо икону матери всех бога... И нескверныя и неблазныя [1] и нетленныя пречистыя царицы воображение всех з богом пред тленным человеком стоит на умоление, и похвально церковницы и вси вельможие глаголют: «Се сий образ матери божии тебе ради изнесохом и тебе ради толик путь шествова царица»... Двигнут бысть той образ нелепо, двигнута же и Росия бысть нелепо.

Венчаваему же бывшу Борису рукою святейшаго отца Иева, и во время святыя литоргия стоя под того рукою,— не вемы, что ради,— испусти сицев глагол, зело высок и богомерзостен: «Се, отче великий патриарх Иов, бог свидетель сему, никто же убо будет в моем царьствии нищ или беден». И тряся верх срачицы [2] на собе и глаголя: «И сию последнюю разделю со всеми!» Слове-

---

[1] чистой, безгрешной; [2] ворот рубашки.

се же сего никто недоумевся [1] взбранити, но вси такающе [2] и истину глаголюща ублажающе.

Двоелетному же времяни прешедшу, и всеми благинями Росия цветяше. Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царьству вещей зело печашеся, по словеси же своему, о бедных и нищих крепце промышляше и милость к таковым велика от него бываше, злых же людей люте изгубляше. И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть.

И оставшее же племя царя блаженнаго Феодора начат нелюбити ради смущения своих си ближних и мало по малу начат и к смерти на сих поучатися... По сих же убо изгнании и инех многих их ради погуби, се же мышляше да утвердит на престоле по себе семя свое. Рабом же на господий толико попусти клеветати, яко и зрети не смеюще на холопей; и многим рабом имения государьская отдая, и велики дары доводцом [3] от него бываху. С великим же опасением и отец с сыном глаголаше, и брат з братом, и друг з другом, и по беседе речей закленающеся страшными клятвами, еже не поведать глаголемых ни о велице, ни о мале деле или вещи. ...

О НАЧАЛЕ БЕДЫ ВО ВСЕЙ РОСИИ

...Тогожде лета 7111 [4], и за всего мира безумное молчание, еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели, омрачи господь небо облаки, и толико дождь пролися, яко вси человецы во ужасть впадоша. И преста всяко дело земли, и всяко семя сеянное, возрастши, разседеся [5] от безмерных вод, лиемых от воздуха, и не обвея ветр травы земныя за десять седмиц дней, и прежде простертия серпа поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полех и в виноградех и яко от огня иоядена бысть вся земля. Году же сему прешедшу, ох, ох, горе, горе всякому естеству воскличющу, и во вторый злейши бысть, такожде и в третьее лета. ...

Мнози же тогда от ближних градов и весий пририщуще [6] к царьствующему граду, препитатися хотяще от милостыни царевы. И кто сея беды изглаголет? Славе велицей проходяще о милостыни, и от неразумия всяк, кто иже от места своего двигнувыйся, погибаше: сребряницу [7] бо едину взяв или две, чим пре-

---

[1] не сумел; [2] поддакивали; [3] здесь: доносчикам; [4] 1603; [5] сгнило; [6] сошлись; [7] серебряную монету.

питатися? — И шестма убо или боле не мощно единому человеку в день припитатися; кольми же паче жену и чада и род имущему к довлению се [1]. По отцех бе богоносных речению, мнози тогда ко второму идолослужению обратишася, и вся имущеи сребро, и злато и сосуды и одежда отдаяху на закупы, и собираху в житница своя вся семяна всякаго жита, и прибытков восприемаху десятирицею и вящши. И во всех градех во всей Росии и велико торжество сребролюбное к бесом бываше. Мнози бо имущеи к разделению к братии не прекланяхуся, но зряще по стогнам града царьствующаго от глада умерших, и ни во что же вменяху. И не толико бревн и дров на возилех [2], яко же мертвых нагих телес всегда влечаще по всему граду. ...

В тая же лета мнозии имущеи глаголаху к просящим: «Не имамы ничто же». Во время же пленения от всех окольних язык, наипаче же от своих, то обретеся безсчислено расхищаемо всякого хлеба, и давныя житницы не истощены, и поля скирд стояху, гумна же пренаполнены одоней и копон и зародов, до четырехнадесять [3] лет от смятения во всей Русской земле, и питахуся вси от поль старыми труды: орание [4] бо и сеятва и жатва мятяшеся [5], мечю бо на выи у всех всегда надлежашу. Се убо да разумеется грех всей Росии, чесо ради от прочих язык пострада: во время бо искушения гнева божея не пощадеша братию свою, и жита и благая своя заключиша себе и врагу человекоубийце. И яко же мы не пощадехом, тако и нас не пощадеша врази наши.

О ЗАЧАЛЕ РАЗБОЙНИЧЕСТВА И ВОРЕХ ВО ВСЕЙ РОСИИ

...Во время же великаго глада сего озревшеся [6] вси, яко не мощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпускати, и инии убо истинно, инии же и лицемерством: истинствующеи убо с написанием и за утвержением руки своея, лицемерницы же не тако, ино токмо из дому изгонит. А аще х кому прибегнет, той зле продаваем бываше и много снос и убыток платяше. Инии же ради воровства нигде не приемлемы бываху, инии же от неразумия и без ремества погибаху, и инии срама ради скончавахуся бедне, за отечества ради. Мнози же и имуще, чем препитати и на много время домашних своих, но восхотевше многа богатства притяжать и того ради челядь свою отпускающе; и не токмо челядь, но и род и ближних своих не пощадеша

---

[1] на потребности их; [2] повозках; [3] четырнадцать; [4] пахота; [5] были брошены; [6] увидели.

и гладом скончающихся туне презреша. Бяше же и се зло во многих: лето убо все тружаются, зиму же и главы не имеют где подклонить; и паки в лето, и не хотя, в делех страждут. В сицевых же озлоблениих разлучахуся мужа от жены, и брат от брата, и отец от чад, и друг от друга. Еще же зло на зло прилагаху мнози: не токмо у рабов своих, но у поселян, данных им в поместиях, емлюще у них жены и дщере и сестры на постели скверныя, и тии токмо воздыхающе, плакати же и не смеяху, вещати же и не помышляюще: смерть бо предо очима лежаше. Домы же великих боляр, зле от царя Бориса распуженых, вси рабы распущены быша; заповедь же о них везде положена бысть, еже не приимать тех опальных боляр слуги их никому же. Инии же и сами поминающе благодеяние господей своих, и в негодовании на царя пребывающе, но времяни ждуще, зле распыхахуся и тако люте скончавахуся. И иже от сих каково хто ремество имеюще, тии кормящеся; инии же от родителей своих питахуся. А иже на конех играющеи, сии к велику греху уклоняхуся и к толику, якова же не бысть в Росии от начала благочестия: во грады бо вышереченныя украйныя [1] отхождаху; и аще и не вкупе, но боле двадесяти тысящь сицевых воров обретшеся по мнозе времяни во осаде в сидении в Колуге и в Туле кроме тамошних собравшихся старых воров.

Царь же Борис, хотя ползу сотворити питаемым от царьских его сокровищ, дабы на время оскудети неких, инех же бы препитати бедных... Се же неразсудно содея: подаемую убо пшеницу от царьских житниц в приношении безкровныя жертвы всех благих подателю, повеле вместо ея рож дати на приношение богу. Но аще и не по повелению его, но — на грех велик житодавця простершеся — худу бо зело и гнилу даяху. Инем же и далече в селех от царьствующаго града повелеваху имать, но и то по велице мзде дающе, и многу скорбь на пути приемлюще, и безо мзды царьских жалований никако же никому не мощно возприяти. Да никто же сему буди смеятися. Не гордости ли се исполнено и небрежения о бозе!.. Се же творяше царь Борис, боясь врагов окольних.

Держащаго же языки словом веления своего не бояся, и почитая и любя иноязычников паче священноначальствующих; вельможи же его от иноземцов подсмеваеми бываху.

Погорде же в своей земли сына и дщерь браку совокупити, но их же языков любяше, к тем и о сватовстве посла. И от Датския земли государича привед, хотя дщерь свою дати за нь, но

[1] окраинные.

всесильный смертию пресече гордых смысл. Тако же сыну невесту изволи от Татарских царьств привести, из Хвалис, и тамо не мало от православных зле погибоша от кумык и от черкас в проходех нужных [1] реками возле моря Хвалицкаго; и то не збысть же ся. Се же мысляше, да от востока сущих невестою, от запада же зятем примиреть к себе, и дабы царьство свое укрепити и изшедших от чресл его на престоле своем утвердити, окольним же противником страшну быти.

Творимо же се бе во время великаго того глада, но ничто же о гладе всемирном не разсудив, яко на толико время простреся, и киих ради грех наказание сицево от содетеля всех бысть; но промышляше от прочих соседствующих ему стран славну и почитаему быти, еже бысть. ...

Оскверни же злосмрадным прибытком вся дани своя: корчемницы бо, пиянству и душегубству и блуду желателие, во всех градех в прекуп высок воздвигшие цену кабаков, и инех откупов чрез меру много бысть; наипаче же грабя домы и села боляр и велмож и много людей. И собирая того ради да тем милостыню творит и церкви строит, и смешав клятву з благословением, и одоле злоба благочестию. И таковых ради всех дел, их же сотвори, Борис в ненависть бывает всему миру, но отай уже и вси поношаху его ради крови неповинных и разграблений имений и нововводимых дел. ...

И егда рекохом «мир и утвержение» о управлении Бориса и по апостола гласу, внезапу «приде на нас всегубительство»: не попусти убо содержай вся словом никого же от тех, их же стрегийся Борис царь, и не воста на него ни от вельмож его, их же роды погуби, ни от царей странских [2], но кого бог попусти. Смеху достойно сказание, плача же велика дело.

О РОЗСТРИГЕ ГРИГОРИИ

Некто чернец Григорий имянем, от рода Отрепьевых, сей юн еще навыче [3] чернокнижею и прочем злым, той же, отшед от Росии, вселься в пределех королевства Польскаго и, тамо живя, составляше ложная писания, и посылая повсюду, проповедая, жива царевича Димитрия себе нарицая. Сам же от места на место преходя и крыяшеся, и мятяше [4] в двою государьству всеми людми. За се же яшася [5] крепце вси они вышепомянутии бегуны,

---

[1] труднодоступных; [2] иноземных; [3] научился; [4] наводил смуту; [5] ухватились.

северских и полских градов жителие, вечныя холопи московския, им же доиде время по их вражию изволению; и прежде убо мало-мало прилагахуся, весь от веси, таже и град от града, дондеже и вси погибоша... Четвертую бо часть вселенныя, всю Европию в два лета посланми своими прельсти, и папа же римский всему Западу о нем восписа, изгнана того суща от отечества являше, и польскому кралю вси на месть за него повелеша строитися. . .

Но или убо тако, или не тако о обою сию царю, о Борисе и о черньце Григории, знаменано, но в вещех совершися дело. Царь бо Борис, аще и не от него убиен бысть, но во время неправдою замышленого состава [1] его скорою смертию посечен бысть. И вси, на них же надеяшеся, з домом его разсеяни быша. Той же чернец по его смерти возшед на царьство его, нарицаяся Димитрий, от многих же знаем, яко Григорий чернец. Хотя же укрепитися на Росии царем, и собирает весь род убиеннаго царевича Димитрия и инех многих, царем Борисом развеянных; и, еще и не превед, тех всех прельсти имением к суетствию своему. Прельстися же и мати царевича Димитрия, инока Марфа, Нагих родом, бывшая жена царя Ивана Васильевича всеа Русии, и нарицает того врага сына своего суща. И тогда не токмо же род его галичане вси обличаху, но и мати его, Богданова жена Отрепьева, вдова Варвара, и з сыном своим, с его з Григоревым братом, и з дядею родным, с Смирным Отрепьевым, такожде обличаху, и дядя его в Сибирь сослан, много прием озлобления. Мученицы же новии явльшеся тогда дворянин Петр Тургенев да Федор Колачник: без боязни бо того обличивше, им же по многих муках главы отсекоша среди царьствующаго града Москвы. Той же Федор, ведом к посечению, вопияше всему народу: «Се прияли есте образ антихристов и поклонистеся посланному от сатаны, и тогда уразумеете о нем, егда вси от него погибнете». Москвичи же ему смеяхуся и поделом суд тому смертный судяще. Тако же и Петрову казнь ни во что же вмениша. И вскоре по них и князь Василей Ивановичь Шуйской на плаху судися, его же усрамившеся поляки и у ростриги едва испросше от посечения.

Потом же советом его злым покоршеся вси и с патриярхом Игнатием, митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь первоначальствующих священный чин, и князи, и боляре со всеми началствующими воем [2] и приложиша к воровской грамоте руки, и послы избравше, послаша

[1] здесь: замышленного деяния; [2] воинами.

в королевство Польское, просяще у пана Сердамирсково дочери тому ростриге в жену и истинно свидетельствующе о нем в тех писаниих, яко праведно сын царя Ивана Васильевича. А вси знающе, яко Григорий чернец, наипаче же Пафнотей, митрополит Крутитский: при нем бо в Чюдове монастыре два лета на крылосе стоял и у патриярха у Иова боле года во дворе был, служа писмом патриярху, и за свое воровство от него збежа в Литву. И яко же колесница фараоновы неволею связашася на пагубу, такожде и все Росийское государьство в безумство дашася; и возлюбивше вси лесть, и доныне всем то и есть.

Совершенное же лукавство той окаянный ростриги Григорий сам усоветова с Сердамирским, егда бысть в Полше еще, в дому его питаяся; по его же злому умыслу ятся пути [1]; взем дшерь свою Маринку и привед с собою на брак беззаконный пиршественников 6000 избранаго воинства, иже никогда же таковы гости в Москве прежде сего не слышашася. И взяты быша вси домы великия на панов не токмо у простых чади, но и у вельмож, и у властей, и у нарицаемых ложных родителей у Нагих; и во всех крепких местех и в домех еретическое насилование вселися.

Кривоверию же рачитель ростриги того же бояся, еже над Борисовым родом содеяся, и в хождении и исхождении дома царьскаго и по граду всегда со многим воинством яздяше; преди же и зади его во бронех текуще с протазаны и с алебарды и со инеми многими оружии. Един же он токмо посредь сих; велможе же и боляре далече беяху от него, и бяше страшно всем видети множество оружий блещащихся. Немец же и литву хранители и страже постави себе и всем крепостем царскаго дома. Зерньщиком же толико попусти играти и воровати, яко и в самех царьских полатах пред ним бесящеся. Не ведь [2] же, каковыя ради радости, не токмо иже по повелению его, весь синклит, но и простыи сущии вси, яко женихи и от конца до конца улиц в злате и в сребре и в багрех странских ходяще, веселяхуся. Пред лицем же его камением многоценным и бисером драгим украсившеися служаху, и не хотяше никого же видети смиренноходящих. Поляком же вся сокровища царьская древняя истощи, и еретическое же семя лютори, воду черплюще, ношаху сребряными сосуды, и в банях мыющеся от златых и сребряных сосудов.

От злых же врагов, казаков и холопей, вси умнии токмо плачюще, накиновением [3] же ни мало не смеюще рещи нелепо о

---

[1] предпринимается поход; [2] неизвестно; [3] здесь: намеком.

вразех божиих, и о том ростриге, и о делех их: аще бо на кого нанесут, яко розтригою нарицает того,— и той человек неведом погибаше. И во всех градех росийских и в честных монастырех и мирстии и иночествующеи мнози погибоша: ови заточением, овем же рыбия утроба вечный гроб бысть. ...

О СОВЕТЕ РОЗСТРИГИНЕ, КАКО БЫЛО ЕМУ ПОГУБИТИ МОСКОВСКИХ БОЯР

Враг же той ростриги умысли сь еретики посещи всякого чина, от велмож и до простых начальствующих, сицевым образом: хотяше окаяный, игру зделати за враты Стретенскими, к Напрудному на поли, и тешитися из наряду [1] пушачнаго; и егда же изыдут вси людие на то позорище [2], и тогда врата граду затворити при срои [3] и побити всех. Но лютый сей совет его прежде двою день срока увéден бысть, и по десятих днех несвойственаго брака [4] сам окаянный зле скончася, год препровадив царьствуя, повествуя же о себе — на тридесят и четыре лета жития си...

От каковых зол избави нас господь!.. Того ради и нам подобаше, сия зрящим, внимати и за неизмерную владычню милость благодарити его; да, благодарствуем, паче щедроты его на нас изливает. Мы же, росияне, душевное око несмотрительно имуще и паче волов упрямы обычаем: тии бо ясли господина своего разумеют и питающему повинуются, мы же промышляющаго нами небрежем, и того ради болий грех сами на ся влечем, и вскоре безумству нашему возмездие даровася.

О ЦАРЕ ВАСИЛИИ ШУЙСКОМ

По убиении же розстригине в четвертый день малыми некими от царьских полат излюблен бысть царем Василей Иванович Шуйской и возведен бысть во царьский дом, и никим же от вельмож не пререкован, ни от прочего народа умолен. И устроися Росия вся в двоемыслие: ови убо любяще, ови же ненавидяще его. ...

Кто же тоя беды изречет, еже содеяся во всей Росии? На единой бо трапезе седяще в пиршествех во царьствующем граде; по веселии же овии убо во царьския полаты, овии же в Тушинския таборы прескакаху. И разделишася надвое вси человецы,

---

[1] орудий; [2] зрелище; [3] сборище; [4] здесь: брака с иноверкой.

вси, иже мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет мати градов Москва, то тамо отцы наши и братия, и род и друзи,— тии нас соблюдут; аще ли мы сподолеем, то такожде им заступницы будем. Польския же и литовския люди и воры-казаки тем перелетом ни в чем ни вероваху и, яко волца надо псами, играху, и инех искушающе, инеми же вместо щитов от меча, и от всякого оружия, и от смертнаго поядения защищахуся; и бяше им стена тверда — злокозньство изменник. ...

И пременишася тогда жилища человеческая на зверская: дивие бо, некроткое естество, медведи, и волцы, и лисицы, и заяцы, на градская и на пространная места прешедше, тако же и птицы слетшие, на велицей пищи, на трупе человеческом вселишася; и звери и птица в главах и в чревах и в трупех человеческих гнезда содеяша. Горы бо могли тогда явишася побьенных по правде и не по правде ратовавшихся, их же нелеть [1] изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша бо и на прошествии от Тулы в Колугу и под Кромами, и на Восме под Коширою, и под Орлом, и под Нижним Новым градом. И крыяхуся тогда человецы в дебри непроходимыя, и в чащи темных лесов, и в пещеры неведомыя, и в воде межу кустов отдыхающе и плачющеся к содетелю [2], дабы нощь сих объяла и поне мало бы отдохнути на сусе [3]. Но ни нощь, ни день бегающим не бе покоя и места ко скрытию и к покою, и вместо темныя луны многия пожары поля и леса освещаваху нощию, и никому же не мощно бяше двигнутися от места своего: человецы, аки зверей, от лес исходящих ожидаху. И оставиша тогда злодеи за зверми гонбу и женуще за своею братиею и со псы, аки лютых зверей, пути пытаху. И существенныя [4] звери человеков бегающих поядаху, и произволителныя [5] не естеством, но нравом, такожде поядаху. И звери убо едину смерть дающе, сии же и телесную и душевную. Попусти же, господь наш и бог, праведный гнев свой на нас: не токмо злых сих врагов, но и зверие пакости деяху. Нигде бо християне, земледелцы и вси, бегающе и не могуще жит семенных всяких сокрыти, и везде от ям звери ископаваху далече. Тако же и казаки и изменники, иде же что останется таковых жить, то в воду и в грязь сыплюще и конми топчюще,— се же едино милосердие творяще. Иде же не пожгут домов, или не мощно взяти множества ради домовных потреб, то все колюще мелко и в воду мещуще; входы же и затворы всякие разсекающе, дабы никому же не жительствовати ту. Но звери убо со птицы плоть человеческу ядуще, человецы же з бесы и душа и телеса

[1] нельзя; [2] создателю; [3] на сухом месте; [4] настоящие; [5] схожие.

погубляяху: не могуще бо безмилосердных мучений терпети мучимии и на мал час хотяще отдохнути, и в смертном разлучении неповинно и неправедно друг друга оклеветоваху. ...

Но ни во что же сие наказание бысть. И пророческо слово вси и до днесь небрегут реченное, яко «аще едину сребряницу присовокупите ко имению вашему, то и весь дом погибнет тоя ради». И не явно ли бысть наказание москвичем за разграбление Годуновых, и инех неповинных такожде, и за безумное крестное целование ростриге и Сердамирскому, и за дружелюбство с воры с цари, и с поляки, и с казаками, и з грабителми, еже власти ради и богатства отдахомся сами на погубление. И где суть не осквернишася святыя божия церкви и божия образы? Где иноцы, многолетными сединами цветущия? Где инокини, невесты христовы, добродетелми украшенныя? Где всяко благолепие росийское, не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Где народ общий християнский? И не все ли лютыми и горкими смертми скончашася? Где множество безчисленое во градех и в селех работные чади христовы? Не вси ли без милости пострадаша и в плен разведены быша? Не пощадеша бо и престаревшихся возрастом, ни усрамишася седин старец многолетных. И ссущеи [1] млеко младенцы, незлобивыя душа вся, испиша чашю ярости гнева божия.

О, ненасытимии имением! Помяните сия и престаните от злых, научитеся добро творите. Видите общую погибель смертную? Гонзните сих, да же и вас самех величавых тая же не постигнет лютая смерть!

...

СКАЗАНИЕ, ЧТО СОДЕЯШЯСЯ В ДОМУ ПРЕСВЯТЫА И ЖИВОНАЧАЛНЫЯ ТРОИЦА И КАКО ЗАСТУПЛЕНИЕМ ПРЕСВЯТЫА БОГОРОДИЦА И ЗА МОЛИТВ ВЕЛИКИХ ЧЮДОТВОРЦОВ СЕРГИА И НИКОНА ИЗБАВЛЕНА БЫСТЬ ОБИТЕЛЬ СИА ОТ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И РУСКИХ ИЗМЕННИКОВ. ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРАМИА ПАЛИЦЫНА.

ПРЕДИСЛОВИЕ

... Егда же отступишя от обители польские и литовские люди и руские изменники со многим срамом, и от царствующаго града Москвы лже-Христу со множеством студа[2] бегству вдавшуся, и бывшу ми паки в дому живоначальныя Троица, и слышах бывшее великое заступление, и помощь над враги, и чюдеса преподобных отец Сергиа и Никона и испытах вся подробну со многим опасением пред многими сведетели оставшихся иноков

[1] сосущие; [2] стыда.

святолепных и доброразсудительных и от воин благоразумных и от прочих православных христиан о пришествии изменник к обители, и о выласках, и о прúступных боех, паче же о великих чюдотворениих преподобных отец и о пособлении их над враги. И от великих и преславных малаа избрах, яко от пучины морскиа горсть воды почерпох, да поне мало напою жиждущаа душа [1] божественаго словесе. Написах сиа о обстоянии [2] монастыря Троицкого вся по ряду, елико возмогох, да не позазрите ми [3] о сем, господие и братия, глаголюще, яко тщеславием или гордостию вознесохся, но по истинне, по ревности божии, грубостию же разума моего побеждаем, коснухся делу сему, богу помогающу ми молитв ради чюдотворца. Много бо может молитва праведнаго поспешествуема. И яко всяк разум книжный по своему сказанию не бывает, но еже слышахом и очима своима видехом, о сем и свидетельствуем. Не подобает убо на истину лгати, но с великим опасением подобает истину соблюдати. Сие же изъясних писанием на память нам и предъидущим по нас родом, да не забвена будут чудеса великих светил преподобных отец наших Сергиа и Никона о Христе Иисусе, господе нашем, ему же слава во веки. Аминь.

...

СКАЗАНИЕ О ПРИШЕСТВИИ ПОД ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И РУСКИХ ИЗМЕННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПЕГИ ДА ПАНА АЛЕКСАНДРА ЛИСОВСКОГО И ИНЫХ МНОГИХ ПАНОВ

В лето 7117-ое [4] в царьство благовернаго и христолюбиваго царя и великого князя Василиа Ивановича всея Русии и при святейшем патриархе Ермогене Московском и всея Русии, пресвятыя же и пребезначальныя Троица Сергиева монастыря при архимарите Иасафе и при келаре старце Авраамии Палицыне, богу попустившу за грехи нашя, сентября в 23 день, в зачатие честнаго и славнаго пророка и предтечи, крестителя господня Иоанна, прииде под Троицкой Сергиев монастырь литовской гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовской с польскими и с литовскими людми и с рускими изменники по Московской дороге.

И бывшу ему на Клемянтеевском поле, осадные же люди, из града вышедше конные и пешие, и с ними бой велик сотвориша. И милостию пребезначальныя Троица многих литовских людей побили, сами же во град здравы возвратишяся.

---

[1] жаждущие души; [2] об осаде; [3] не посетуйте на меня; [4] 1608.

Богоступницы же литовские люди и руские изменники, сие видевше, воскричашя нелепыми гласы, спешно и сурово обходяще со всех стран Троецкой Сергиев монастырь. Архимарит же Иасаф и весь освященный собор со множеством народа вниде во святую церковь святыя живоначальныя Троица и ко образу пресвятыя богородица и ко многоцельбоносным [1] мощем великаго чюдотворца Сергиа, молящеся со слезами о избавлении. Градстии же людие округ обители слободы и всякиа службы огню предашя, да некогда врагом жилище и теснота велиа будет от них. Гетман же Сопега и Лисовской, разсмотривше мест, иде же им с воинствы своими стати; и разделившеся, начяшя строити себе станы и поставишя два острога и в них крепости многие сотворишя и ко обители пути вся заняли, и никомуждо минути мимо их невозможно в дом и из дому чюдотворца.

...

О СТРЕЛЬБАХ ПО ГРАДУ НОЯБРЯ В 8 ДЕНЬ

Того же месяца в 8 день на праздник собора святаго архистратига Михаила день той пребысть плача и сетованиа, яко уже преиде 30 дней и 30 нощей и беспрестанно со всех стран из-за всех туров изо штидесят трех пищалей биюще по граду и из верховых. В той же день иде в церковь святыа Троица клирик Корнилей, и внезапу прилете ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колено, и внесошя его в паперть. И по божественей литоргии причастися животворящих таин христовых и глаголаше архимариту: «Се, отче, господь бог архистратигом своим Михаилом отомстит кровь православных христиан». И сиа рек, старец Корнилей преставися. Да того же дни убило ис пушки старицу; оторвало руку правую и с плечем. Воеводы же и вси осадные люди во граде, избравше старцов добрых и воинских людей, которым ити на выласку и на подкопные рвы, и разрядивше войско и учредишя по чину. В Михайлов же день архистратига поющым вечерню, и вси сущии во обители людие с воплем и рыданием и в перси биеньми просяще милости у всещедраго бога, и руце воздвижуще горе и на небо взирающе и вопиюще: «Господи, спаси ны погибающих, скоро предвари и избави нас от погибели сея имени твоего ради святаго. И не предай же достояниа твоего в руце сквер-

[1] всеисцеляющим.

ным сим кровопийцам!» Врази же святыя Троица делом своим коварствено промышляюще о градоемстве [1] и беспрестанно стреляюще изо многих пушек и пищалей. Во время же псалмопениа вназапу ядро удари в большой колокол, и сплыв в олтарное окно святыя Троица, и проби в деисусе у образа архистратига Михаила дску подле праваго крыла. И ударися то ядро по столпу сколзь от левого крылоса и сплы в стену, отшибесе в насвещник пред образом святыя живоначальныя Троица и наязви [2] свещник, и отразися в левой крылос и развалися. В той же час иное ядро прорази железныя двери с полуденныя страны [3] у церкви живоначалныя Троица и проби дску местнаго образа великаго чюдотворца Николы выше левого плеча подле венца; за иконою же ядро не объявися. Тогда убо в церкви святыя Троица нападе страх велик на вся предстоящаа люди, и вси колеблющеся. И полиан бысть мост [4] церковной слезами, и пению медлящу от множества плача. ...

О ВЫЛАСКЕ И О ОБРЕТЕНИИ ПОДКОПОВ И О ЗАРУШЕНИИ ИХ

Воеводы же, князь Григорей Борисовичь Долгорукой и Алексей, урядивше полки вылазных людей, приидошя в церковь святыя живоначальныа Троица, знаменавшеся [5] к чюдотворным образом и к целбоносным мощем преподобнаго отца нашего Сергиа чюдотворца. И пришедше ко вратом потаеным, повелешя выходити по малу и во рву укрыватися. В то же время с Пивново двора вышли головы в воеводское место туляне: Иван Есипов, Сила Марин, Юрьи Редриков переславец с своими сотнями и з даточными людьми на Луковой огород и по плотине Краснаго пруда. Также и ис Конюшенных ворот вышли со многыми знамены головы дворяне: Иван Ходырев, олексинец, Иван Болоховской, володимерец, переславцы Борис Зубов, Афонасей Редриков и иные сотники с сотнями, с ними же и старцы троицкие во всех полках. И егда начяшя из града выходити за три часа до света, и абие наидошя облацы темныя, и омрачися небо нелепо, и бысть тма, яко ни человека видети. Таково господь бог тогда и время устрои своими неизреченными судбами. Людие же вышедше из града и ополчишяся. И абие буря велика воста и прогна мрак и темныя облаки и очисти воздух, и бысть светло. И егда ударишя в осадныя колокола

---

[1] Здесь: о взятии крепости; [2] ударилось; [3] с южной стороны; [4] помост, пол; [5] здесь: приложились.

по трижды, тако бо повелено им весть подати. Иван же Ходырев с товарыщи, призвавше на помощь святую Троицу и крикнувше многыми гласы, нарекше ясак [1] Сергиево имя, и вкупе наподошя на литовских людей нагло [2] и мужественно. Они же услышавше ясак той, и абие возмятошяся и, гневом божиим гонимы, побегошя.

В то же время от Святых ворот голова Иван Внуков с товарыщи и со всеми людми прииде против подкопов на литовских людей, возвавше той же ясак, збивше литву и казаков под гору на Нижней монастырь и за мелницу. А Иван Есипов с товарыщи своим полком бьющеся с литвою по Московской дороге по плотине Краснаго пруда до Волкуши горы; старцы же Сергиева монастыря ходяще в полках, бьющеся с литвою и укрепляюще люди не ослабляти в делех. И тако вси охрабришяся и бьяхуся крепко, глаголюще друг другу: «Умрем, братие, за веру христианскую!» И благодатию божиею тогда обретошя устие подкопа. Въскочыше же тогда в глубину подкопа ради творимаго промысла крестьяне клемянтиевские Никон, зовомый Шилов, да Слота; и егда же зажгошя в подкопе зелие с калы и смолу, заткавше устие подкопа, и взорва подкоп. Слота же и Никон ту же в подкопе згорешя. Градстии же людие приступающе крепко к Волкуше горе к наряду литовскому; они же стреляюще из-за туров. Тогда же ранили голову Ивана Есипова и троицких людей прогнали до Нижняго монастыря. Голова же Иван Внуков, обратився с своими людьми от Нижнево монастыря по плотине и по пруду, и прогна литву и казаков на Терентеевскую рощу и до Волкуши горы побиваше их нещадно. Троицкой же слуга Данило Селевин поносим бываше отъезда ради брата его Оски Селевина, и не хотяше изменничья имени на себе носити и рече пред всеми людьми: «Хощу за измену брата своего живот на смерть пременити!» И с сотнею своею прииде пешь к чюдотворцову Сергиеву кладязю на изменника атамана Чику с казаки его. Данило же силен бяше и горазд саблею и посекая многих литовских людей, к сему же и трех вооруженых на конех уби. Литвин же удари Данила копием в груди, Данило же устремися на литвина того и уби его мечем, сам же от раны тоя начат изнемогати крепце. И вземше его, отведошя в монастырь, и преставися во иноческом образе. Головы же Иван Ходырев, Борис Зубов со своими сотнями и прогнаша литву и казаков за мельницу на луг. Иван же Внуков остася на Нижнем монастыре. Атаман

[1] Здесь: условный знак, клич; [2] внезапно.

же Чика уби Ивана Внукова из самопала. И отнесошя его в монастырь. И бысть троицким людем скорбь велиа о убитых дворянех и слугах, понеже бышя мужествени и ратному делу искусни. Троицкое же воинство паки справяся убили дву полковников, дворян королевских, Юрья Мозовецкого да Стефана Угорскаго, да четырех рохмистров желнырских и иных панов; и всяких людей многих побили и поранили. А живых поиманных языков во град введошя.

...

О ВЫЛАСКИ НА СТОРОЖИ [1] ЛИТОВСКИЕ И РУСКИЕ

... Гетман же Сопега прииде на Красную гору на троицких людей по всему Клемянтеевскому полю всеми своими полки. Лисовской же о пришествии Сопегине возвеселися и хотя совету одолети господа бога вседержителя. И повеле в полку своем в трубки и в сурны играти, и в накры и по литаврам. И абие вскоре с Сопегою устремишяся на Красную гору поперек всех троицких людей, хотяще во един час всех потребити. И согнашя троицких пеших людей под гору к Пивному двору; и бе воистинну чюдно видети милость божию троицкому воинству и заступление и помощь на врагы молитв ради великих чюдотворцов Сергиа и Никона. И сотвори господь преславная тогда. И нератницы охрабришяся, и невежди [2], и никогда же обычай ратных видевшеи, и ти убо исполинскою крепостию препоясашася. От них же един некто даточных людей, села Молокова крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом [3] и силен вельми, подсмеваем же всегда неумениа ради в боех, и рече: «Се умру днесь или славу получю от всех!» В руках оружие держаше бердышь. И укрепи господь бог того Суету, и даде ему безстрашие и храбрость; и нудяше [4] православных христиан стати от бегства и глаголя: «Не убоимся, братие, врагов божиих, но вооружимся крепце на них!» И сечаше бердышем своим на обе страны врагов и удержеваа полк Лисовского Александра; и никто же против его стати не возможе. Скоро же скакаше, яко рысь, и многых тогда вооруженых и во бронях уязви [5]. Мнози же крепцыи оружницы сташя на него за срамоту и жестоце на него наступающе. Суета же сечаше на обе страны; не подающе [6] же его пешие люди, иже от бегства своего укрепившиися о надолобах. Беззаконный же Лисовской

---

[1] передовые отряды; [2] необученные; [3] ростом; [4] понуждал; [5] ранил; [6] не отдали.

совашеся сюду и сюду, како бы что зло сотворити. И поворотився окааньный от того места вдоль по горе Красной х Косому Глиняному врагу [1] на заводных [2] троицких людей. Тогда же с слугою с Пимином с Тененевым сущии людие сташя крепко против врагов на пригорке у рву, бьющеся с литвою и с казаки. Видев же мало троицкаго воинства, злонравный лютор [3] Лисовской устремися жестоко на них, и смесившеся вси людие вместо [4] литовские и троицкие, и бысть бой велик близ врага Глиняново. Врази же, боящеся подсады [5], начяшя отбегати. Троицкое же воинство помалу отходяще от литовских людей и скрывшеся в Косой Глиняной враг. Александр же Лисовской хотя во отводе [6] жива взяти слугу Пимина Тененева. Пимин же обратився на Александра и устрели его из лука в лице по левой скрании [7]. Свирепый же Александр свалися с коня своего. Полчане же его ухвативше и отвезошя в Сопегин полк. Троицкое же воинство ударишя изо множества оружия по них и ту побишя много литвы и казаков. Литва же видевше и скоро на бегство устремишяся врознь по Клемянтеевскому полю. Сердца же кровию у многих закипеша по Лисовском, и на месть паки мнози воздвигнушяся за нь. Яко лютыя волцы, литовския воеводы князь Юрьи Горский да Иван Тишкеевичь, да рохмистр Сума со многими гусары и желныри и нападошя на сотника Силу Марина да на троицких слуг, на Михайла да на Федора Павловых, и на все троицкое воинство. И бысть брань велика зело и люта. И сломльшии оружиа емлющися друг за друга, ножи резахуся. ...

На том же бою мнози от литовских людей видешя двою старцов мещущих на них плиты и единем вержением [8] многих поражающе, камение же из недр [9] емлюще, и не бе числа метанию их. От поляков же выходцы [10] о сем возвестишя в дому чюдотворца. Такову же погибель видяще поляки, яко князя Юрья лишишяся и иных храбрых своих растесаных [11] лежящих, и, гонимы гневом божиим, побегошя от троицкого воинства. И тако разыдошяся вси полци Сопегины и Лисовского. Троицкое же воинство внидошя во обитель с великою победою.

...

О МОРУ НА ЛЮДИ

Ноября же от 17 дни явлься мор в людех и протяжеся до пришествиа Давида Жеребцова. Образ же тоя болезни в нужных [12] осадах ведом, юже нерекошя врачеве цынга. Тесноты бо ради и недостатков сиа случаются, наипаче же от вод скверных.

---

[1] оврагу; [2] наемных; [3] лютеранин; [4] вместе; [5] засады; [6] на меже; [7] щеке; [8] броском; [9] из-за пазухи; [10] перебежчики; [11] раненых; [12] тяжелых.

Не имущих теплых зелий [1] и корений, поядающих ражающийся гной во утробах, и не имущих водок житных распухневаху от ног даже и до главы. И зубы тем исторгахуся, и смрад зловонен изо устну исхождаше. Руце же и нозе корчахуся, жилам сводимым внутрь и вне юду [2], от язв кипящих. И теплиц неимущим в пособ, сим телеса оструплякуся [3]. И желудку необыкшу к нерастворению приатия затворяющуся, и непрестанен понос изнемогшим до конца и не могущим от места на место преити, ни предвигнутися. И согниваху телеса их от кала измету, и проядаше скверна даже до костей; и черви велицы гмизяху [4]. И не бе служащих у многих ни жажду утолити, ни алчющих накормити, ни гнойным струпом пластыря приложити, ни превратити на страну [5], ни червиа отмыти, ни отгнати скот стужающий [6], ни вон извести прохладитися, ни подъяти, еже бы мало посидети, ни уста пропарити, ни лице, ни руце умыти, ни от очию праха оттерти. А иже еще воздвижущеи [7] руце, и тии уста и очи нечистотою оскверневаху и прежде смерти от стуку [8] и от ветр и от движений всяких мнози прахом посыпаны бышя. И не бе познавати тех в вид зрака. Имущеи же сребро или иныя вещи и отдааху на купование [9] нуж потребных ястиа и питиа. И колико на потребу, толико и за службу; и со слезами моляще таковех, но всякому до себе прииде, о прочих же не брежаху. И аще бы не истощили житниц дому чюдотворца и погребов не испразднили [10], то и вси бы измерли во второе лето во осаде седяще.

И тогда бе не едина беда и зло: вне юду — мечь, внутрь же юду — смерть. И не ведуще же, что сотворити: или мертвых погребати, или стен градских соблюдати; или с любовными своими разставатися, или со враги польма [11] разсекатися; или очи родителем целовати, или своя зеницы на извертение предаати. И неимущеи сродныя крове и тии от стен градных не исхождаху, но ту смерти от противных [12] ожидаху, и един путь к смерти, глаголюще, отвсюду. И единем токмо утешающеся ко врагом храбрым ратоборством, и друг друга на смерть поощряху, глаголюще: «Се, господие и братие, не род ли нашь и други погребаются, но и нам по них тамо же ити. И аще не умрем ныне о правде и о истинне, и потом всяко умрем же бес пользы и не бога ради»...

...

---

[1] лекарств, согревающих тело; [2] наружу; [3] покрывались струпьями; [4] копошились; [5] повернуть на другой бок; [6] беспокоящий; [7] а те, которые еще могли двигать; [8] от пальбы; [9] покупку; [10] не опорожнили; [11] пополам; [12] врагов.

Охрабри же тогда вѣликий чюдотворец Сергий во осаде слугу Ананию Селевина. Егда уже во обители чюдотворца храбрии и крепции мужие падоша, овии убо острием меча от иноверных, инии же во граде прежереченною ценгою помрошя. Той же Ананиа мужествен бе: 16 языков нарочитых во осад тогда сущий, во град приведе, и никто же от сильных поляков и руских изменников смеюще наступати на нь, но издалече ловяще из оружиа убити. Вси бо знааху его и от прочих отлучающеся на того ополчевахуся. И по коне его мнози знающе; толик бо скор конь той, яко из среды полков литовских утекаше, и не можаху постигнути его. И с вышепомянутым немком во исходех на бранех часто исхождаху. Той бо немко всегда с ним пешь на брань исхождаше, и роту копейных поляков они же, два, с луки вспять возвращаху. Александр же Лисовской, некогда видев того Ананию ратующа противу себе, и выйде против его, хотя его убити. Ананиа же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в висок левой, с ухом простреливь, и опроверже его долу; сам же утече из среды полков казачьих: бе бо из лука горазд, тако же и из самопала. Прилучи же ся тому Анании чернь [1] отъимати от поляков в прутии [2], и от двою рот отторгаему уже от дружины его, и бегающу избавитися. Немко же во пнех скрывся и зряше нестроениа [3] Анании, имеяше же лук в руку и колчан велик стрел; и изскочив, яко рысь, и стреляюще по литвякех и бияшеся зле. Литвяки же обратившеся на немка, и абие Ананиа исторжеся к нему, и вкупе сташя. И многих поранивше самех и бахматов [4], и отидоша здравы, токмо конь под Ананиею ранишя. Поляки же едино советовавше, да убиют коня под Ананьею; вси бо ведяще, яко жива его не взяти. Егда же исхождаше Ананиа на брань, то вси по коне стреляюще. И тако на многих выласках конь его шестию ранен бысть, и в седьмый смерти предан бысть. И начат Ананиа охуждатися на бранех. Потом же Ананию ранишя ис пищали по нозе, по большому персту, и всю плюсну раздробиша. И опухну вся нога его, но еще крепце ратовашеся. И по седьми днех по той же нозе по колену ранен бысть. И тако крепкий муж возвратися вспять. И отече нога его до пояса, и по днех малех скончася ко господу.

...

---

[1] простой народ; [2] здесь: в кустах; [3] здесь: неблагополучное положение; [4] коней.

О ТРЕТЬЕМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ И О ОБМАНКЕ НАД ТРОИЦКИМИ СИДЕЛЬЦИ

...Видевше же злии врази, яко не ищут троицкие сидельцы живота, но смертнаго пиршества любезно желающе, и тако ко второму дни на приступ строятся. Пан же Зборовской, ругаася и понося Сопеге и Лисовскому и всем паном, глаголя: «Что безделное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взяти, да ворон передавити? Се убо вы нерадением творите и хощете чернью збитою взяти». И уготовавше же ся сами к приступу, а чернь отослашя от себе, разве казаков Лисовских. И положивше совет на сонных приити в ту же нощь... Бысть же сей приступ третий великий июля в 31 день...

Зборовской же избранное воинство, оружных людей многих изгуби. Его же слезна зряще, Сопега и Лисовской с своими воинствы подсмеваху: «Что ради не одолел еси лукошку? Исправися еще, толик еси храбр, не посрами нас! Разори, шед, лукошко сие, учини славу вечную королевству Польскому! Нам не за обычай приступы. Ты премудр, промышляй собою и нами». ...

О ОТЧААНИИ ПОМОЩИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИА И СКОРБЕНИЕ ПОБИВАЕМЫХ У ДРОВ И У ПРОЧИХ ПОТРЕБ

Многу же беду и многу напасть и кровь проливаему всегда зряще мучащеися во обители чюдотворца — паче же по последнем сем третием приступе на выласках,— и побивающе множество градских у добытиа дров за градом...

И мнозем руце от брани престаху: всегда о дровах бои злы бываху. Исходяще бо за обитель дров ради добытиа, и во град возвращахуся не бес кровопролитиа. И купивше кровию сметие [1] и хврастие [2], и тем строяще повседневное ястие [3]. К мученическим подвигом зелне себе возбужающе, и друг друга сим спосуждающе. Иде же сечен бысть младый хвраст, ту рассечен лежаше храбрых возраст. И иде же режем бываше младый прут, ту растерзаем бываше птицами человеческий труп. И неблагодарен бываше о сем торг: сопротивных бо полк со оружием прискакаше горд. Исходяще же нужницы [4], да обрящут си веницы, за них же, и не хотяще, отдааху своя зеницы. Текущим же на лютый сей добыток дров, тогда готовляшеся им вечный гроб.

[1] мусор; [2] хворост; [3] еду; [4] нуждающиеся.

Во вратех же убо града всегда входяще и исходящеи сретающе [1], глаголаху сице: «Чим, брате, выменил еси проклятыя дрова сиа, другом ли или родителем или своею кровию?» ...
...

О БОЮ СО КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ ПОЛЬСКИМ И ЛИТОВСКИМ ЛЮДЕМ И РУСКИМ ИЗМЕННИКОМ

Разрушителю бранем, князю Михаилу, приближшуся х Колязину монастырю...

Литовские же гетманы и их полковники всеми полки своими устремишяся на руское воинство. И съступишяся обоих полцы, и бысть сеча зла, и сечахуся на многих местех, бьющеся чрез весь день. От оружейново стуку и копейного ломаниа и от гласов вопля и кричаниа обоих людей воиска, и от трескоты оружиа не бе слышати друг друга, что глаголет. И от дымного куреииа едва бе видети, кто с кем ся бьет. И яко зверие рыкающе, зле сечахуся на многих местех, бьющеся чрез весь день.

Солнцу же достизающу на запад, и возопишя вси православнии к богу со умилением, вопиюще от сердец своих: «Виждь, владыко, кровь раб твоих, неповинно закалаемых; тако же и ты, преподобне отче Макарие, помолися за ны к богу и помози нам!» И уже близ вечеру сущу, услыша господь молитвы раб своих; и нападе страх велий на врагов божиих; и ужасом великим одержими, в бегство устремишася. И побегошя, друг друга топчюще, гоними гневом божиим. Руские же полци гнашя литовских людей, секуще до Рябова монастыря и многих литовских людей побили и поранили, и нарочитых панов многих живых поимали. И с великою победою и одолениим возвратишяся под Колязин монастырь со многою корыстию. ...
...

О ПОБЕГЕ ГЕТМАНА СОПЕГЕ И ЛИСОВСКАГО

И генваря в 12 день гетман Сопега и Лисовской со всеми польскими и литовскими людьми и с рускими изменники побегоша к Дмитрову, никим же гонимы, но десницею божиею.

---

[1] встречались.

Толико же ужасно бежашя, яко и друг друга не ждуще и запасы своя мещуще. И велико богатство мнози по них на путех обретаху, не от хуждьших вещей, но и от злата и сребра и драгих порт и коней. Инии не могуще утечи и возвращающеся вспять и лесы бегающе, прихождаху во обитель к чюдотворцу, и милости просяще душям своим, и поведающе, яко «мнози видешя от нас велики зело два полка, гонящя нас даже и до Дмитрова». Чюдиша же ся вси о сем, яко от обители не бяше за ними никакой посылки...

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

ПОСЛАНИЕ ТУРЬСКОГО ЦАРЯ САЛТАНА К ЦАРЮ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ИВАНУ ВАСИЛЬЕВИЧЮ ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦУ

В лета 7054-го [1] году. Избранному моему ратаю [2] и тележному поганатаю [3], белому Ивану, великому боярину, ясельничему [4] моему, руской области воздержателю, рускому князю, яко же и сродником твоим и братома.

Инорога рог, над цари царь, над князьми князь, вышняго бога Саваофа произволением страж гробу господню и печатник у вышняго престола, великий воин, крепким оружник мужеством и всем царем царь и советник восточные и северские страны, избранный во царех царь. Обнаженный мечь, неутолимый гнев возбуженным сердцем и разсуженным многим державам, неоградимый страхом, предложенный сердцем, златочестен и изообилованным всяким богатством, смиренным от вышняго просвещенным милосердием, драгий бисер, светлый на главе венец, прозорливый вся светлости белообразный, наказатель царских властей, светилник горняго Иерусалима и учитель воинственней силе, храбрый воин и исполненый всякой премудрости совершенный возрастом, непреклонная гордыня, прекрасный лицем, быстрое возрение очное, вышний закон, ключарь небесный, и непокоренным землям турским царь Салтан. Кланяяся и мню радоватися, пишу.

Послахом ныне к тебе от своея силы поклисары[5], а с ними сотворил писание о выходные моея казны за 12 лет. Отцу твоему Василию умершу, а тебе младу сущу после его остатися, и яз до твоего возраста и недосовершеннаго разума не нудил своея

[1] 1546; [2] пахарю; [3] погонщику; [4] конюху; [5] послов.

оброчныя казны имать. И яз ныне приказ свой послал к тебе, а велел есми без пожданья казну свою взяти исполнену по прежним книгам отца твоего и по моим поклисарским грамотам.

А ты ж, воздержатель руской области, отечеству своему последовал и спрашивай у прежних советников отца твоего, которым было мошно верити, как отец твой у нашей силы изоброчен был, како чтил мои поклисари. И како советницы твои истину изрекут, и ты б поклисаров моих отпущал честных, како им годе, не замедливая исполненых. А будет советницы твои учнут тя развращати, и ты б мне изрядное проповедал, да и разум растворил от воздержания от создателя своего, да и поклисары от своея Руския земли пошли с своими угожшими реченми и с покорением.

А поклисары б твои были превелика разума и смысла, чтоб умел и разумел с моими паши говорити, зане же оне у меня превысочайшия вельми, превелика разума и смысла. По моему наказу всея области моея и наши советницы растворе ники многим странам в совершение мудрости вышним Саваофом направляеми великое сокровище в сердцы своем полагают, зане же слава их страшна суть, како по моему величеству восхотят, тако и творят.

Все области силы моея страшатся, камо яз двигну, ту путь мой прав и покорен, а именуюся самовластен, не устыжуся никоторыя державы, развие вышнаго Саваофа, потому что наше несправление пред ним, кто в который грех падет, и ныне де на мою державу страх и неизреченный трепет, земля ся от него поколебает. А милость его коли к нам придет велика, и яз тогда всех осеняю своим величеством.

А которых царств приходят ко мне поклисары, и оне зрети на мой образ не могут, страх их велий обоимет и ужас, зане ж лице мое безстудно. И кто может исповедати силы владычествия моего или ведети великое страхование мое, како я обладаю всеми державами. А имею яз седалище себе в велицей полате, а очи мои закровенны. А коли придут паши мои ко мне извещати о чем, и оне до меня не доходят за 20 мерь, да понизят главы своя до земли. И яз в те поры учиню очи свои скровенны, да учну со своими витязи говорити, разсужати им кождо по чему угодно, да и отказ от мене получат, и походят в свою полату, а тамошним державам управление и учинят по моему наказу.

А приезжают в мою область инших царств поклисары и самые самодержцы, и оне гласа моего слышати не могут, зане ж державами инеми царствы властвуют, да оброки мне со

всех земель дают, и все повинуются мне, и во всем послушание творят предо мною, а раздрания ко мне и сетей на мою державу не чинят, зане ж нерушимый в моей области град.

Всеи области моей державе удивляются. Тако же и ты, руским правитель, аще сего не сотвориши, да и казны моей к нашей силе своими поклисары не отпустиш и отцу своему не учнеш последовати, как отец твой к нашей силе во всем повиновение творил и службу свою великую предо мною ставил. А будет тебе на смысл [1] сроку надобеть, и ты бы известно державе моей чинил, и яз бы тебя в том мешкотил [2], зане же яко к покоренным милостив, аки вышний, и тех, кто предо мною великое повиновление творит и держит, ино его мечь мой не сечет.

И ты руский белый воздержатель избери себе едино: повинование предо мною, или гордыню, да и поклисары свои пришли, яко ж згодне. Аще ж повинование предо мною не сотвориши, а возложиши гордыню на ся и поклисаров моих нечестных отпустиш в мою область, и моей с ними выходные казны не отпустиш, и ведомо ти буди, пошлю на тя гнев свой с великою яростию, и не велю утолити меча своего, и руце свои возложу на тя, на плещи твои, а силу твою велю за твою к себе неправду злой смерти предати, а град твой велю под свою область покорити. А которые моление о тебе посылают к вышнему и яз велю тех кождо по своим державам розводити, и в те поры вышний не услышит гласа твоего о твоем молении и положит тя в великое забвение, и милости к тебе не покажет за твое неповинование ко мне и за непокорение, потому что хощеши един сопротивен быти мне. А всех областей цари и князи, и градодержатели повиновение ко мне творят: и литовской краль, и святая святых горы, и греки, и волохи, и еруса́лимляня, и витязей римцы каримцы, и уварване, были Вави́лон и Асирия, и вся восточныя и северская все страны, и все великую службу предо мною ставят от сотворения и от зачала миру, како вышняго повелением земля стала.

А ты, руским воздержатель, хощеши един со мною братися, а не возможеши против мене стать, потому что в силе твоей стяжания нет и храбрости, и конскаго ухищрения, и несть достойно к моей силе.

Как будет мне время, пошлю к тебе опаснаго [3] хранителя, что б тебе ведомо было страхование мое и грозная супостат силы величествия моего движения. А как придет на твое Руское

---

[1] размышление, раздумье; [2] не торопил; [3] охраняющего.

воздержание [1] от моея силы плен, и ты учнеш в те поры от мене ждати великия милости, и аз не пощажу никоторыми делы, всю область твою Рускую велю мечному посечению предати, зане же сердце мое неутолимое есть.

И ты, князь, известися себе, как ти годно, и грамотам моим поклисарским ревнуй, все ти ведомо чиню, милосердо ся ставлю.

Сия же поклисары отпущены от далнаго силнаго и грознаго обладателя, турскаго и тевризскаго царя Салтана, угодна землям мир и здравие.

ВОСПИСАНИЕ СОПРОТИВНО ОТ РУСКАГО ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА К ТУРСКОМУ ЦАРЮ САЛТАНУ

Божиею милостию и пречистые его матере господа бога и спаса нашего Исуса Христа вышняго творца небу и земли воздержателевы десницы, от благовернаго и православнаго, гордаго и буйственаго, разумнаго и мудраго, справедливаго и милосердаго правителя, истиннаго его небеснаго слузе [2] и нареченный в первых царех царь, яко же есть вторый Манамах.

Из силнаго и неоскуднаго обдержания Московскаго царствия и иных многих областей воздержатель, руский царь и государь великаго княжения Иван Васильевичь всеа Руския державы от владимирскаго крещения и всея Сибирския страны обладатель, заступник и поборник истинные православные веры, вышняго бога пастух над державами, изрядный проповедитель, растворенный государь и разсудный, к покоренным милостивый пощадитель.

От страшнаго и великаго сана, от грознаго воина, и от крепкаго супостата и супротивника, и от изряднаго полчевника, пленным на неверных непреклонная глава, от востраго меча и от неунятые сабли, и от твердые ограды, и от душевнаго благородия, и от красоты личные, и от света очию моею, от укрепленнаго воинственней силе непобедимый и государь насупротиву борцы, и братель на супостат скоросмышленный, и поспешным своим движением на свое царское дело, и здравоходим своим воинством, ключарь всея земли и страж своея Руския области.

---

[1] державу; [2] слуги.

Иван IV.
Дерево. Темпера. XVI в.
Датский национальный музей.
Копенгаген.

От щедраго и поспешнаго, и потребнаго государя по достоянию царскому и по величеству власти и силы, от честнаго правителя и от крепкаго и от твердаго щита, ратованный воинъством.

В турский во Царьград к неверному и злообразному, самохвальному и недостойному царскаго венца и скипетра. Заблуждьшему и зашедшему в дальние земли, от света во тьму, от православия в неверие. Самоназванному царю и посаженному не от бога Салтану.

Се же ти мню и покланяние творю в своем царском месте, на поседании степеннем известно ти даю.

Приидоша от твоего неверия к нашему православному державьству к великому царству поклисарове твои, невольние повелители. И аз приказ свой учинил конюшенному своему боярину, а велел с твоими неверными поклисары посольство твое правити, яко же годе. По моему царскому наказу и по величеству силы моея области посольство с моим конюшим боярином было о выходной к тебе казне и оброке.

И аз возрел своим царским видением в писание истиннаго господа нашего Исуса Христа и в сложение святых отец, да потому милостиво есми к тебе, к неверному, сотворил, к неволним твоим поклисаром, не велел есми послателей твоих смертной казни предати, да им растворил [1] есми от создателевы десницы и своим царским речением, что ты тако творил от неверия со младоумием своим и с недовершеным возрастом, да потому, что ты невольным обдержатель, посаженным градарь и послужатель, уподобися наимнику, како ти цареградцы повелят, и ты тако и твориш, да и потому, что ты от царские моея державы руские поудалел в заморския волнения, и ты не мниш себе потому сопротивника, живеш во отчаянии, посольские грамоты тако совершаеш.

Аще б еси был вблизу нашего царства, православнаго моего державства, и аз бы по твоим посольским грамотам к твоему неверному державству повинование творил, дани и оброки посылал, и поклисар бы своих к тебе с казною отпущал. Впервые бы послал к тебе малаго слугу воеводу своего, а дал бы к тебе вести дань от своея царския силы — вострый мечь и неунятую саблю. И ты бы, неверный, от тое дани свое неверное державство отставил, укрыл бы ся в горы каменныя. И аз бы еще послал к тебе атамана своего со стрельцы, а дал бы им своея казны оброк к тебе вести: пушки и скорострельные пищали,

[1] раскрыл смысл.

и ты бы ся от того оброку и тамо не укрыл. Да еще бы послал к тебе послы своя, а велел бы им посольство правити, тобя жива пред собою поставити, а в державе бы твоей велел православие утвердити, а превысочайших твоих пашей велел бы к ним милостивно учинить, темничному заключению предати. А в которых ты полатах поседание твориш с своими витязи, и аз бы те полаты приказал разорению предати, а тем бы камением велел думцов твоих витязей, которые посольские грамоты от тебя чинят, побити, а тело их прихранити, псом на снедение дати за их злоневерьствие.

Да и возможно мне так чинити, занеже богу помогающу ми на супротивные, на неверныя враги, и покоряет вышний неверных под нозе мои. А тебе, неверному, не мошно на мое царство никотораго движения чинити, потому что не до воли твоей сягнути на нас. И много на православном царствии в моей державе святителей, да еще к тому богомольцов, которые к вышнему вседержителю молитвы воздают о моей державе и о православном християнстве.

И аще ты с неразумия своего и с недовершенного разума и движение учиниши, и ты со всем своим движением в морском волнении погрузишися, яко и Козат воевода. Или аще сему недовериш, и ты возри в летописец свой, коли был православной царь Констянтин Великий во Цареграде, а после его царствова сын его, и потом нача Царьград держати неверный салтан, яко же и ты. И в том во Цареграде лежало тело Иванна Златоустаго. И фрязове из Родоса приехав во Царьград, да у салтана у невернаго и у его думцов тело Иванна Златоустаго откупили жемчугом, и златом, и сребром, да привезли в Родос град, а рака [1] его и ныне во Цареграде. И салтан цареградский посла за ними погоню, Козата воеводу своего с корабли и велел отняти тело Иванна Златоустаго. И Златауст их победи, и корабли их в мори потопи со всем войском.

Да тако и ты того ж убойся, не попущает бог вышний неверных на православие, а православие, мою державу, попущает на неверных, потому не могу терпети злокозненаго вашего диявольства, что б вы обратились ко истинному крещению и к вере християнстей, занеже Христос неверных наказует, овогда гладом, овогда нашествием войску на град, а овогда запалением огненым на град за ваше беззаконство. И вы кладете то в великое забвение и не обратитеся на истинный путь, да моление твориш капищем идольским.

---

[1] гробница.

А се буди ти ведомо изрядно о моей державе к твоему неверию конечный мир, обоюдный мечь. И хощу рукою своею царскою и двигнути силою своею на твое неверное и злонравное державство за непокорение твое ко мне и за неистовое поклисарство твое к нашему державству. Да и мню своим мечным посечением и великим движением поколебатися покоренным твоим странам, како мне, царской деснице, бог даровал, и видети невольних твоих жителей по улусом, что б оне под мою десницу повинование ставили, яко же и иные державы преклонены к моему царству. А твоему неверию от моей силы сведомо учнет быти, коли аз гнев не велю утолити, меча не велю удержати.

Сия посольская киличийская [1] грамота совершена в Русийском царствии у православнаго державнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, солнечныя области.

[1] дииломатическая.

СКАЗАНИЯ ПРО ХРАБРАГО ВИТЕЗЯ, ПРО БОВУ КАРАЛЕВИЧА

Не в коем было царстве, в великом государстве, в славном граде во Антоне жил был славный король Видон. И проведал в славном граде Идементияне у славнаго короля Кирбита Верзауловича дочь, прекраснаю королевну Милитрису. И призва к себе любимаго слугу именем Личарду и почел говорить: «Ой еси, слуга Личарда! Служи ты мне верою и правдою, поди ты во град Дементиян... посолствовать, а от меня свататца». И слуга Личарда государя своего не ослушался, грамоту принял и челом ударил и поехал во град Дементиян к доброму и славному королю Кирбиту Верзауловичю.

И как будет слуга Личарда во граде Дементияне у славнаго и добраго короля Кирбита Верзоуловича и вшед в королевские хоромы и грамоту положил перед короля на стол. И король Кирбит Верзоуловичь грамоту распечатывал и прочитал. И пошел в задние хоромы к прекрасной королевне Милитрисе и почел говорить любезные словеса: «Дочи моя прекрасная королевна Милитриса! Приехал в наш град Дементиян от славнаго и добраго короля Видона посольствовать, а на тебе сватаца. И яз не могу против таковаго славнаго короля стоять, потому что у него войска соберетца многа, наш град огнем пожжет и головнею покатит, а тебя с нелюбьви возмет»

И прекрасная королевна Милитриса пад на колени пред оцем своим и почела говорить: «Государь мой батюшка, славный король Кирбит Верзаулович! Когда яз была млада, а тот король Додон сватался у тебя на мне. И ты... государь мой батюшка, не давай меня за короля Видона, дай меня за короля

Дадона. Тот король Дадон будет нашему граду сдержатель и ото всех стран оберегатель».

И славный король Кирбит Верзаулович от таковаго славнаго короля Видона отстоятца не мог и отдал дочь свою, прекрасную королевну Милитрису, за славного короля Видона...

И жил с нею три годы и прижил младаго детищу, а храбраго витезя Бову каралевича. И прекрасная королевна Милитриса призва к себе любимаго слугу именем Личарду и написала грамоту государю доброму и славному королю Додону, пожаловать бы: «Добры и славный король Дадон! приехал бы под наш град под Антон и моего бы короля Видона извел, а меня б взял за жены места». «И будет ты, слуга Личарда, государыни своей ослушаесься и поидеш х королю Дадону и от меня грамоты не отвезеш, и яз тебя оболгу государю своему королю Видону небылыми словесы, и он тебя скоро велит злою смертию казнить». И слуга Личарда государыня своей не ослушался, грамоту принял и челом ударил и поехал х королю Дадону.

И как будет слуга Личарда у короля Додона и вшед в королевские полаты и положил грамоту на стол пред короля Дадона. И король Додон грамоту принял, и роспечатывал, и прочитал, и покивал главою, и росмеялся, и почел говорить: «О слуга Личарда! Что государыни ваша меня смущает? А уже она с королем Видоном и детище прижила, храбраго витези Бову королевича». И слуга Личарда почел говорить: «Государь добрый король Дадон! Вели меня посадить в темницу накрепко и поить и кормить доволно. А ты, государь, поезжай под наш град Антон, и будет словеса мои не збудутца, и ты меня вели злою смертию казнить». И королю то слово полюбилось и почел король Дадон говорить: «О слуга Личарда, словеса твоя паче меда устом моим, а будет словеса твои збудутца, и яз тебя пожалую».

И король Додон радощен бысть и повеле в рог трубити. И собра войска 37 000 и поехал под град Антон и, пришед, стал в королевском лугу и велел шатры роставить. И узрила из задних хором своих прекрасная королевна Милитриса и, оболакаа [1] на себя трагоценнуя платья, и пошла в королевские полаты и почела говорить: «Государь мой добрый король Видон, понесла яз второе чрево, не вем сын, не вем тщерь. И захотелась мне зверина мяса, и накорми меня дикаго вепря свежим мясом, от твоея руки убиеннаго». И король Видон радощен бысть, что не слыхал таковых речей и в три годы от своея пре-

[1] надевая.

красныя королевны Милитрисы И король повеле оседлати осля и сяде на осля и взял в руки копие и поехал в чистоя поля за диким вепрям.

И прекрасная королевна Милитриса поднят и градные врата отворит и стрете короля Дадона с великою радостию во вратех градных. И вземь его за белыя руки и любезно во уста целова и поведе его в королевские полаты. И почели пити и ясти и веселитися И в те поры храбрый витезь Бова королевичь, еще детище младо и несмышленно, и вшед на конюшню и ухоронися под ясли. И был у Бовы дятка Симбалда и вшед на конюшню и нашел Бову под ясли и сам прослезися и почел говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Мати твоя злодей, прекрасная королевна Милитриса. С королем Дадоном извела она, зладей, государя моего, а батюшка твоего, добраго и славнаго короля Видона. А ты еще детище младо, не можеш отмстити смерти отца своего. Побежим мы, государь, во град Сумин, которым градом пожаловал государь мой, а батюшка твой славный король Видон; а тот град вельми крепок». И рече Бова дятке Симъбалъде: «Государь мой дядка Симъбалда! Яз еще детище младо и несмысленно и не могу яз на добром коне сидеть и во всю конскую пору скакать». И дятка Симъбалда оседлал себе добраго коня, а под Бову иноходца и призва к себе тридцать юношей и побежа во град в Сумин.

И были во граде изменники, и сказали королю Додону и прекрасной королевне Милитрисе, что дятка Симбалда побежал во град Сумин и увес с собою Бову королевича. И король Додон повеле в рог трубить и собра войска 40 000 и погнася за дяткою Симбалдою и за Бовою королевичем. И посла загоньшиков за дяткою Симбалдою и за Бовою. И загоншики сугнали дятку Симбалду и Бову королевича. И оглянулъся дятка и увиде загоншиков, и почел во всю конскую пору скакать и убеже во град Сумин и затворися накрепко. А Бова королевич не мог ускакать, и свалился Бова с коня на землю. И загоншики Бову взяли и привезли х королю Дадону. И король Дадон посла Бову к матери ево, к прекрасной королевне Милитрисе.

И пришед король Дадон под град Сумин, стал в лугу и роставил королевские шатры. И спа тут и виде сон велми страшен, кабы ездит Бова королевич на добром коне, в руце держит копие и прободает королю Дадону утробу и сердце. И король Додон воста от сна своего и призва к себе брата своего именем Обросима и почел сон свой сказывать и посылать брата своево Обросима во град Антон к прекрасной коралеве Мили-

трисе лепо поздравити [1] и сон сказати и просить Бовы королевича, чтоб его за тот сон предать злой смерти.

И Обросим поехал во град Антон к прекрасной коралеве Милитрисе лепо проздравити и сон сказати и просить Бовы королевича, чтоб ево за тот сон предать смерти. И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Могу яз и сама Бове смерть предати. Посажу ево в темницу и не дам ему ни пити, ни ясти, та же ему смерть будет».

И король Дадон стоял под градом Суминым 6 месецов и не мог взять града Сумина и пошел во град во Антон. И дятка Симбалда повеле в рог трубить и собра войска 15 000 и пошел под град под Антон и нача в городовую стену бити безотступно и кричать и прошать из города государя своего Бовы королевича: «А не здадите мне государя моего Бовы королевича, и яз жив не могу от града отитить». И прекрасная королева Милитриса почела говорить королю Дадону: «Государь мой король Дадон, что злодей наш не даст нам упокою ни в день, ни в ночь». И король Дадон повеле в рог трубити и собра войска 30 000 и погнася за дяткою Симбалдою. И дятка Симбалда не может стоять против короля Додона и убежал во град Сумин и затворися накрепко.

И прекрасная королева Милитриса велела Бову посадить в темницу и дскою железною задернуть и песком засыпать и не довать Бове пити и ясти пять дней и пять нощей. И Бове из младости ясти добре хочетца. И прекрасная королева Милитриса оболокла на себя драгоценное платье и пошла по королевскому двору. И Бова увидел ис темницы и закричал Бова зычно гласом: «Государыня моя матушка, прекрасная королева Милитриса! Что ты, государыня моя, воскручинилася на меня? Не пришлеш ко мне ни пити, ни ясти! Уже мне приближаетца голодная смерть!» И прекрасная королева Милитриса почела говорить: «Чадо мое милое, Бова королевичь! Воистину яз тебя забыла с кручины. Тужу по отце твоем, а по государе своем по добром короле Видоне. Ужжо я тебе пришлю много пити и ясти, и ты напитай свою душу». И прекрасная королева Милитриса, вшед в королевские полаты, и почела месить два хлебца своими руками на змеином сале во пшенишном тесте. Испекла два хлебца и посла з девкою к Бове в темницу... Да за тою ж девкою пришли два выжлеца и сели у темницы под окошком. И девка дала Бове два хлебца, и Бова хочет хлебцы ясти. И девка прослезися и почела говорить: «Госу-

[1] любезно приветствовать.

дарь храбрый витезь Бова королевич! Не моги ты, государь, те хлебцы скоро съести, а скоряе того умреш. Мати твоя, а государыня моя прекрасная королева Милитриса, месила она те хлебцы своими руками во пшеничном тесте на змеином сале». И Бова, взем хлебец, да бросил выжлецу, а другой другому. И сколь скоро выжлецы хлебцы съели, и скоряя тово их розрвало по макову зерну. И Бова прослезися: «Милостивый Спас и пречистая богородица! За что меня государыня мати моя хотела злой смерти предать?» И девка дала Бове своего хлебца ясти, и Бова наелся и напился.

И девка, пошед ис темницы, не затворила и дска железные не задернула. И Бова вышел ис темницы и побежал из града чрез городовую стену. И скочил Бова з городовые стены и отшиб Бова себе ноги и лежал за градом три дни и три нощи. И воста Бова и пошел куда очи несут. И пришол Бова на край море и увидел Бова корабль на море. И закричал Бова громко гласом. И от Бовина гласу на море волны востали и корабль потресеся. И гости-корабельшики дивяшеся, что детище младо кричит громким гласом. И гости-корабелщики послали ярышков [1] в подестке [2] и велели спросить: «Крестьянского ли ты роду или татарскаго? И буде хрестьянскова, и вы ево возмите на карабль». И ярыжные приехали к брегу и почели спрашивать: «Хрестианскова ли ты роду или татарскова? Имя твое как?» И рече Бова: «Яз роду не татарскова, яз роду християнскова, понамарев сын, а матушка моя была убогая жена, на добрых жен платья мыла, тем свою голову кормила». И ярыжные взяли Бову в подездок и повезли на корабль. ...

И почел Бова по кораблю похаживать. И гости-корабельницы промеж собою диващеся, не могут на Бовину красоту насмотритися, что не видали такова отрока: велми лепообразен [3]. И лег Бова спать, и гости корабельницы промеж собою хотят смертныя чаши пити о Бове. И Бова воста от сна своего и почел говорить: «Гости-корабелницы, не бранитеся и не деритеся обо мне. Яз вам служу по росчету: которой меня увидел преж на берегу, и яз тому служу до обеда, а которой увидел после, и яз тому служу после обеда до вечера». И гостям то слово полюбилось, вымáли якори и подымали парусы и бежали по морю год и три месяца и прибежали под Арменское царство, а во Арменском царстве король Зензевей Адаровичь. И метали гости-корабельницы сход на берег, и Бова почел по кораблю ходить.

---

[1] Здесь: матросы; [2] в лодке; [3] красив.

И король Зензевей Адаровичь посла юношей и подячих и велел спросить, коево царства корабль прибежал, и коего града гости, и с какими тавары. И юноши и подячие, пришед на корабль, и увиде Бову на корабли, и не могли на Бовину красоту насмотритца и забыли во уме своем спрошать, коево царства корабль прибежал, и которого города гости, и с какими тавары. И король Зензевей Адаровичь спрашивает юношей и подячих, коево царства корабль, и коего града гости, и с какими товары. Они ж ему ничего не сказаша, только сказали, что видели на корабли юнова. И король Зензевей скоро повеле осля подвести и поехал к короблю и увиде: на корабле ходит отроча велми лепообразен. И забы во уме своем испрошать, коева царства корабль и какими товары. И король Зензевей Одарович почел у гостей торговать отрока: «И гости-корабелницы, продайте мне отрока, возмите у меня 300 литр злато». И гости-корабелницы говорили: «Государь король Зензевей Одарович! Нелзе нам того отрока продать, что у нас тот рабичь общей, а взят на край море на брегу». И король Зензевей Адарович говорил гостям: «А коли у вас тот рабичь общей, и вы его продайте, а возмите у меня 300 литр злато, да торгуйте в моем царстве безданно и беспошлинно. А будет не продадите мне общего рабича, и вам из моего царства живым не выехать и впред мима моего царства кораблем не хаживать». И гости-корабелницы Бову продали, а взяли за него 300 литр злата

И король Зензевей Адарович посади Бову на осля и поехал во Арменское царство и почел у Бовы спрашивать: «Бова, какова ты роду, царского или королевскаго?» И Бова рече: «Государь мой король Зензевей Адарович! Яз роду не царскаго и не королевскаго, яз роду християнского, понамарев сын А мати моя, убогая жена, на добрых жен платья мыла, тем свою голову кормила». И король Зензевей Адарович почел говорить: «А коли ты, Бова, такова худова роду, и ты у меня служи на конюшни и буди нат конюхами большой». И Бова, государю своему ударя челом, и пошол на конюшню; а отроду Бове семь лет. И Бова почел на конюшне служить.

И у того короля Зензевея Адаровича была дочь, прекрасная королевна Дружневна. И узрила из своих хором Бову на конюшне велми лепообразно, и от Бавины красоты во всю конюшню осветило. И прекрасная королевна Дружневна надела на себя драгоценное платье и пошла в королевские палаты ко отцу своему и, пришед, почела говорить: «Государь мой батюшка, король Зензевей Адарович! Много, государь, у меня нянек и мамок и красных девиц, а нет у меня ни единаго

слуги. Завтра, государь, у меня пир на нянек и на мамок, а некому у меня постряпоть, еств роздать и у поставца постоять. Пожалуй, государь батюшка, тем меня холопом, котораго купил у гостей, а дал 300 литр злата». И у короля Зензевея Адаровича дочь была в любови. «Дочь моя, прекрасная королевна Дружневна! Буди на твоей воли». И велел позвать Бову. И Бова пришел в королевскую полату, государю своему челом ударил. И король Зензевей Адарович почел говорить: «Бова! Завтра у Дружневны постряпой и ествы роздай и у поставца постой. А еще, Бова, послушай моево наказу и по вся дни буди у Дружневны». И Бова, челом ударя, и пошел на конюшню. И Дружневна, челом ударя отцу своему, и пошла в задние хоромы.

И как ночь проходит, а день настает, а Дружневна естью спешит. А как ества поспевает, и прекрасная королевна Дружневна послала девку на конюшню. И девка пришед на конюшню: «Поди, Бова, королевна тебе зовет». И Бова оделся и пришел в задние хоромы, и прекрасная королевна Дружневна против Бовы не усидела и встала. И Бова почел говорить: «Прекрасная государыня, прекрасная королевна! Не гораздо делаеш, против меня, холопа, встаеш». И королевна на Бову досады никакие не держит. И как пошел пир и пировая ества, поспел лебедь, и Бова лебед принес. И прекрасная королевна лебед рушела и уронила нож под стол... И Бова кинулся под стол. И прекрасная королевна, подклоня главу под стол, и не хватала за нож, хватала Бовину главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши. И Бова вырвался и опять стал у поставца и почел государыню свою бесчестить: «Государыни прекрасна королевна Дружневна! Не пригожа тебе меня, холопа своего, цаловать во уста, и во уши, и во очи!» И как пированье отошло, и Бова почел говорить: «Прекрасная королевна Дружневна! Отпусти меня на конюшню к товарыщем». И Бова пошел на конюшню, и прекрасная королевна на Бовин след не могла насмотретца. И Бова, пришед на конюшню, и лег спать и спал 5 дьней и 5 нощей. Конюхи разбудить не могли и поехали по траву и Бовин урок накосили и в розвези[1] связали. И Бова востал, да по траву поехал и стретил конюхов, урок свой взял да выбрал розных цветов и сплел травяной венец и положил себе на главу. И приехал на конюшню. И прекрасная королевна усмотрила у Бовы на главе травяной венец в розных цветах и послала девку на конюшню. И девка, пришед: «Поди, Бова, Дружневна тебя зовет».

[1] волокуши.

И Бова пришед в задние хоромы. И прекрасная королевна не усидела и встала против Бовы и почела говорить: «Бова, сыми с своей главы венец своими руками да положь венец на мою главу». И Бова почел говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Не пригоже холопу с своей главы своими руками да класть на твою главу». И Дружневна почела говорить: «А буде ты, Бова, не сымеш венца с своей главы своими руками да не положиш на мою главу, и яз тебя оболгу батюшку небылыми словесы. И батюшка тебя велит скоро злою смертию казнить». И Бова схватил венец да ударил о кирпичную середу. И королевна венец подняла и к серцу прижала и учела любовать паче златаго и жемчюжнаго. И пошел Бова ис полаты, ударил дверми, и выпал кирпичь и-стены и прошибло Бове голову. И прекрасная королевна лечила своими угодями. И Бова пришел на конюшню и лег спать и спал 9 дней и 9 нощей.

И приехал из Задонскаго царства король Маркобрун, а с ним войска 40 000. И ставился в лугу шатры роставливать и писал грамоту от короля Маркобруна королю Зензевею Адаровичю: «Дай свою дочь за меня с любви, а не даш с любви,— и яз твое царство огнем пожгу и головнею покачю, а дочь твою с нелюбви возму». И король Зензевей Адарович от таковаго короля отстоятца не мог и встречал ево в городовых воротех и примал ево за белые руки и цаловал в сахарные уста и называл ево любимым зятем. И пошли в королевские полаты и почели пити и ясти на радостях.

И Маркоброновы дворяня почели за городом тешитца на добрых конех. И Бова воста и услыша конское ржание и пошел в задние хоромы и почел говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Что за нашим царством за шум и конское ржание?» И прекрасная королевна почела говорить: «Бова, долго спиш, ничего не ведаеш! Приехал из Задонскаго царства король Маркобрун, а с ним войска 40 000, и наше царство осадил. А батюшка мой не мог отстоятца от такова короля и встречал его в городовых воротех и называл ево любимым зятем, а мне муж он». И Бова почел говорить: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Не на чем мне выехать с Маркобруновыми дворяны потешитца. Дабудь ты мне добраго коня и меча-кладенца, и палицы железной, и доспеха крепкаго, и щита». И прекрасная королевна почела говорить: «Еще ты детище младо, только отроду сем лет, и добрым конем владеть не умеешь и во всю конскую пору скакать и палицею железною махать».

И Бова пошол на конюшню да оседлал иноходца — за город к Маркобруновым дворянам тешитца. И не лучилось у него ни меча-кладенца, ни копия, лиш взял метлу да выехал за город. И Маркобруновы дворяня розсмеялися и розсмотрили Бову и сами почели говорить: «Что за бледин сын один выехал тешитца? Что ему за честь?» И почели на Бову напускатца человек по пети и по шти. И Бова почел скакать, а метлою махать, и прибил Бова 15 000. И прекрасная королевна увидела, что Бова один скачет, и ей стало жаль: убьют его. И надела на себя драгоценное платье и пошла ко отцу своему и почела говорить: «Государь мой батюшка король Зензевей Адаровичь! Вели Бову унять, что ему за честь с Маркобруновыми дворяны тешитца?» И король Зензевей послал по Бову юношей, и юноши, пришед, говорили: «Бова! Государь король на тебя кручинитца. Что тебе за честь с Маркобруновыми дворяны тешитца?» И Бова приехал на конюшню да лег спать и спал 9 дней и 9 нощей.

И в то время под Арменское царство приехал из Рахленскаго царства царь Салтан Салтанович и сын его Лукопер, славный богатырь. Глава у него аки пивной котел, а промеж очми добра мужа пядь, а промеж ушми колена стрела ляжет, а промеж плечми мерная сажень. И нет такова силнаго и славнаго богатыря во всей подселенней. И Арменское царство осадил и писал грамоту королю Зензевею Адаровичю от славного богатыря Лукопера, чтоб король Зензевей Адаровичь «дал бы за меня дочь свою прекрасную королевну Дружневну с любьви. А буде не даст, и яз его царство огнем пожгу и головнею покачю, а дочь твою с нелюбьви возму».

И король Зензевей Адаровичь почел говорить королю Маркобруну: «...У тебя войска 40 000, а у меня соберетца 40 000 же. И сами два короля, а войска у нас по 40 000, да выдем против силнаго богатыря Лукопера». И король Зензевей Адаровичь повеле в рог трубить и собра войска 40 000, а Маркобрунова войска 40 000 же. И два короля з двемя войскома выехали против силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправил копие на двух королей глухим концем и двух королей сшип, что снопов, и два войска побил. А двух королей, короля Зензевея Адаровича да короля Маркобруна, связал да на марское пристанище отослал ко отцу своему царю Салтану Салтановичю.

И Бова воста от сна своего, ажно за городом шум велик и конское ржание. И пошол Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Дружневне. И вшед в полату и почел Бова спрашивать: «Государыня королевна Дружневна! Что за городом шум

велик и конское ржание?» И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Государь Бова! Долго спиш, ничего не ведаеш, что приехал из Рахленскаго царства царь Салтан Салтановичь и сын его Лукопер, славный богатырь. ... И батюшка мой собрал войска 40 000, а Маркобрунова войска 40 000 же. И два короля з двемя войскома выехали против силнаго богатыря Лукопера. И Лукопер заправил на двух королей копие хлухим концом и сшип двух королей с коней, что снопов, и два войска побил и двух королей связал и на морское пристанище отослал ко отцу своему царю Салтану Салтановичю». И рече Бова: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Не на чем мне выехать против силнаго богатыря Лукопера. Нет у меня ни добраго коня богатырскаго, ни доспеха крепкаго, ни меча-кладенца, ни копия востраго, ни збруи богатырской». И рече прекрасная королевна Дружневна: «Государь Бова! Ты еще детище младо и не можеш на добром коне сидеть и во всю конскую пору скакать. И уже мне отцу своему не пособить! А ты, государь Бова, возми меня себе за жены места, а буди нашему царству здержатель и ото всех стран оберегатель». И рече Бова: «Который государь купит холопа добраго, а холоп хочет выслужитца. Да не на чем мне выехать против силнаго богатыря Лукопера: нет у меня ни добраго коня богатырскаго, ни збруи ратные».

И рече прекрасная королевна Дружневна: «Есть у государя моего батюшка добрый конь богатырский: стоит на 12 цепях, по колени в землю вкопан, и за 12 дверми. И есть у батюшка моего в казне 30 доспехов старых богатырей и мечь-кладенец». И Бова бысть радощен и пошол на конюшню, и добрый конь богатырский з 12 цепей збился и уже пробивает последние двери. И Дружневна побежала за Бовою на конюшню и почела говорить: «Есть ли во Арменском царстве юноши храбрые витязи? Подите за мною на конюшню!» И доброй конь богатырский охапил Бову передними ногами и почел во уста цаловать аки человек, и Бова почел добраго коня богатырскаго по шерсти гладить и скоро утешил добраго коня богатырскаго. И Дружневна послала в казну по доспех богатырский и по мечь-кладенец: 12 человек на насилках несли. И Бова бысть радощен и хочет садитись на добраго коня богатырскаго и ехать на дело ратное и смертное. И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Государь мой Бова! Едеш ты на дело ратное и смертное, либо будеш жив, либо нет, а богу ты не помолился и со мною не простился». И Бове то слово полюбилось, и пошел к Дружневне в полату и помолился богу и взял себе Спаса на

помощь и пречистую богородицу и з Дружневною простился и пошел на дело ратное и смертное,

И Дружневна Бову проважала. И отпущает на дело ратное и смертное и подпоясывала около Бовы мечь-кладенец своими руками. И Бова садился на добраго коня богатырскаго, а в стремя ногою не вступаючи. И прекрасная королевна Дружневна ухватила Бовину ногу и ставила в стремя своими руками и примала Бову за буйную главу и целовала его во уста, и во очи, и во уши И рече прекрасная королевна Дружневна: «Государь мой Бова! Едеш ты на дело ратное и смертное, либо будеш жив, либо нет. И яз тому веры не иму, что ты понамарева роду. Поведай мне истинную правду свою, царского ли ты роду или королевскаго?» И рече Бова прекрасной королевне: «Еду яз на дело ратное и смертное, либо буду жив, либо нет. Скажу яз тебе истинную правду. Не понамарева яз роду, яз роду королевскаго, славнаго короля сын Видона, а матушка моя, прекрасная королева Милитриса, добраго и славнаго короля Кирбита Берзауловича дочь». И Бова досталь Дружневне песку к сердцу присыпал.

И был у того короля Зензевея Адаровича дворецкой. И почал говорить, а государыню свою бесчестить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Не доведетца тебе около холопа своего своими руками мечь-кладенец опоясывать, и не доведетца тебе холопьи ноги в стремя ставить своими руками, и не доведетца тебе за холопью главу принимать и целовать холопа своего во уста, и во очи, и во уши и провожать и отпущать на дело ратное и смертное». И Бова ударил дворецкого копием, глухим концом, и дворецкой пад на землю мертв и лежал три часа, одва востал.

И Бова поехал на дело ратное и смертное. И скочил Бова впрям через городовую стену, и увидел славный богатырь Лукопер, что выскочил из Орменскова царства храбрый витезь через городовую стену, и стали на поле сьезжатца два силные богатыря. И Лукопер на Бову заправил копие вострым концом, и Бова на Лукопера вострым же концом. И ударились два силные богатыря промеж собою вострыми копьями, что сильный гром грянул прет тучаю. И Лукопер на Бове не мог доспеха пробить, а Бова на Лукопере доспех пробил на обе стороны, и Лукопер свалился с коня мертв. И Бова почел Лукоперова войска бить и бился Бова 5 дней и 5 нощей, не столько бил копием — конем топтал и побил войска 100 000 и невелике люди ушли на морское пристанище ко царю Салтану Салтановичю. И почели говорить: «Государь царь Салтан Салтановичь!

Выехал из Орменскаго царства храбрый витез..., ужо будет на морское пристанище». И царь Салтан Салтановичь не поспел царских шатров посымать и скочил на корабль с невеликими людьми и побежал во Рахленское царство.

И Бова приехал на морское пристанище и скочил в шатер, ажно два короля связаны под лавкою лежат, король Зензевей Адаровичь да король Маркобрун. И Бова двух королей розвезал и на коней посадил... И ехали во Арменское царство 3 дни и 3 нощи в трупу человеческом, одва добрый конь скачет в крови по колени.

И рече Бова государю своему Зензевею Адаровичю да королю Маркобруну: «Которы государь добраго холопа купит, а тот холоп государю своему выслужитца» И король Маркобрун почел говорить королю Зензевею Адаровичю: «Слыхал аз у старых людей: которой государь добраго холопа купит, а холоп государю своему выслужитца, и того холопа наделяют да отпущают». И король Зензевей Адоровичь почел говорить: «Яз де слыхал у старых же людей, что такова холопа годно наделять да к себе призывать». И приехали два короля во Арменское царство и пошли в королевские палаты и почели пити и ясти и веселитися. И Бова пошол на конюшню и лег спать и спал 9 дней и 9 нощей.

И в тоя поры два короля, король Зензевей Адаровичь да король Маркобрун выехали с ястрепцы на заводи тешитца. И в тоя поры дворецкой призвал к себе 30 юношей, храбрых витезей, и почел говорить: «Подите, юноши, и убейте Бову на конюшне соннаго, а яз вам дам много злата и сребра». И всякому корысти хочетца. И кинулись 30 юношей к Бове на конюшню, а Бова крепко спит. И в тех 30 юношех был един разумной. И почел говорить: «А токо мы не можем Бовы сонного убить. А Бова пробудитца, что нам будет? Бова — храбрый витез, убил Бова силнаго и славнаго богатыря Лукопера и 100 000 войска побил. Пойдем мы к дворецкому! А дворецкой таков же, что и наш государь Зензевей Адаровичь, и напишет дворецкой грамоту королевским именем и пошлет Бову во Рахленское царство, а Бова от сна своего не узнает». И дворецкому то слово полюбилось. И пошол дворецкой в королевскую полату и грамоту написал от короля Зензевея царю Салтану Салтановичу, чтоб царь Салтан Салтановичь «на меня не кручинился, не яз убил Лукопера, сына твоего и 100 000 войска побил. Имя ему Бова, а яз его послал к тебе головою на смерть». И дворецкой грамоту написал и запечатал, а сам лег на королевскую кровать и одевался королевским одеялом и послал

по Бову на конюшню. И Бова пришол в королевскую полату и не узнал Бова дворецкого. И почел говорить королевским именем: «Бова, служи ты мне верою и правдою. Поди ты во Рахленское царство, отнеси от меня челобитье царю Салтану Салтановичю». И Бова грамоту принел и челом ударил и пошел на конюшню. И не оседлал добра коня богатырскаго, оседлал Бова иноходца и поехал во Рахленское царство.

И едет Бова 9 дней и 9 нощей и не может Бова наехать ни реки, ни ручья, а пити Бове добре хочетца. И увиде Бова: от дороги с версту стоит дуб, а под дубом стоит черноризец. И поехал Бова... И рече пилигрим: «Государь мой, храбрый витез Бова королевичь! Яз пью укруха, а тебе, государь, дам тож укруги». И старец почерпнул чашу укруги и уклонился, всыпал усыпающего селья и дал Бове. И Бова выпил, и уклонился Бова с коня на землю и спал 9 дьней и 9 нощей. А старец пилигрим унес у Бовы мечь-кладенец и увел добраго коня... И Бова востал от сна, ажно нет у него ни добраго коня-иноходца, ни меча-кладенца. И Бова прослезися: «Милостивый Спас и пречистая богородица! Уже ми изобидел старец..., а государь меня послал на смерть». И пошел Бова, куды очи несут. И Бове господь путь правит.

И пришел Бова во Рахленское царство и вшед в царские полаты и грамоту положил на стол. И царь Салтан Салтановичь грамоту принял и роспечатал и прочитал. И закричал царь Салтан Салтановичь: «О злодей Бова..., ныне ты сам ко мне на смерть пришол, могу тебя повесить!» И закричал царь Салтан Салтановичь: «Есть ли у меня юноши, храбрыи витези? Возмите Бову и поведите на повешенье». И скоро рели поставили, котлы приготовили, и востали 60 юношей, взяли Бову 30 юношей под правую руку, а другая 30 юношей под левую руку и повели Бову на повешенье. И увидел Бова рели и прослезися Бова: «Милостивый Спас и пречистая богородица! Что моя вина, что моя неправда, за что яз погибаю?» И взложи бог Бове на разум, что Бова силный богатырь. И трехнул Бова правую рукою и 30 юношей ушиб, и тряхнул Бова левою рукою и другую 30 юношей убил. И побежал Бова от Рахленскаго царства.

И увидел царь Салтан Салтановичь и повеле в рог трубить и собрал двора своего 5 тысячь и погнася за Бовою. И сугнали и поймали и привезли ко царю Салтану Салтановичю. И царь Салтан Салътановичь почел говорить, аки в трубу трубить: «Уже ты, злодей Бова, хочеш у смерти уйти. Могу тебя повесить!»

И была у того царя Салтана дочь прекрасная королевна Минчитрия. И надела на себя драгоценная платья и пошла ко отцу своему в полату и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтан Салтановичь! Уже тебе сына своего, а брата моего не поднять и 100 000 войска не поднять же, а такова сильнаго богатыря изведеш. А ты, государь батюшка, дай его мне на руки, и яз его превращу в свою веру латынскую и в нашего бога Ахмета, а меня он возмет за жены места и будет нашему царству здержатель и ото всех стран оберегатель». И у царя Салтана дочь прекрасная царевна Минчитрия была в любви. И царь Салтан говорит: «Чадо мое милое, прекрасная царевна Минчитрия, буди на твоей воли».

И царевна Минчитрия челом ударила отцу своему... и пошла во свои хоромы и дала Бове много пити и ясти розличных еств и почела говорить: «Бова, забуд свою веру провославную християнскую... и возми меня за жены места... А не станеш нашей латынской веры веровать и не возмеш меня себе за жены места, и батюшка мой может тебя повесить или на кол посадит». И рече Бова: «Хоть мне повешену быть или на коле посажену быть, а не верую аз вашея латынские веры и не могу яз забыть своея истинныя». И царевна Минчитрия велела Бову посадить в темницу накрепко и цкою железную задернуть и песком засыпать и не дала Бове пити, ни ясти 5 дней и 5 нощей. И Бове пити и ясти добре хочетца.

И прекрасная царевна Минчитрия надела на себя драгоценное платья и пошла к Бове в темницу и велела песку отгрести и цку железную открыть. И вошла к Бове в темницу и не могла на Бовину красоту насмотритися 3 часа... «Бова! Лутчи ли тебе умереть голодную смертью или повешену быть или на коле посажену быть? Веруй нашу латынскую веру... и возми меня себе за жены места». — «Уже мне и так голодная смерть приближаетца. А хош мне повешену быть или на коле посажену быть, а не верую яз вашея латынские веры и не могу забыть провославныя християнские веры».

И царевна Минчитрия не дала Бове ни пити, ни ясти и пошла ко отцу своему в полату и почела говорить: «Государь мой батюшка, царь Салтан Салтановичь! Не могла яз Бовы прелстить. Хош его повесь, хош на кол посади». И царь Салтан Салтановичь почел говорить: «Ест ли у меня 30 юношей? Подите в темницу и возмите Бову и приведите ево ко мне, яз могу Бову повесить». И стали 30 юношей и пошли к Бове в темницу и не могли песку отгрести и цки железные открыти и почели кровлю ломать. И закручинился Бова: «Нет де у меня меча-

кладенца, нечем де мне попротивитца против 30 юношей». И увиде Бова в углу в темнице меч-кладенец и взя Бова меч-кладенец, бысть Бова радощен. И юноши почели к Бове в темницу спущатца человека по два и по три и по пяти и по шти. И Бова сечет да лесницу кладет. И 30 юношей всех присек да и за лесницу склал. И царь Салтан на тех юношей взозлился: «Зашли де блядины дети да з Бовою беседуют». И послал других 30 юношей и велел тотчас Бову привесть. И пришли 30 юношей и стали к Бове в темницу спущатца. А Бова сечет да лесницу кладет. И вышел Бова из темницы да и побежал из Рахленскова царства. И царь Салтан Салтановичь повеле в рог трубить и собра войска 30 000 да погнася за Бовою.

И Бова прибежал на морское пристанище и увиде Бова корабль и скочил на карабль, от берегу отвалил. И закричал царь Салтан Салтанович зычно гласом: «Гости-корабелщики, здайте с коробля моего изменника, которой у меня ис темницы ушол, а имя ему Бова. И буде вы не здадите моего изменника, и впред мимо моего царства кораблем не хаживать и в моем царстве не торговать». И мужики-корабелщики хотят Бову с коробля здать. И Бова вынял ис-под пазушя мечь-кладенец и мужиков присек да и в море пометал. И ерыжные на коробле ухоронились и почели говорить: «Государь храбрый витез, не моги ты нас погубить, а мы тебе, государь, побежим куды тебе надобе».

И ярыжные подымали парусы и бежали по морю год и три месеца и подбежали под Задонское царство и увидели три терема златоверхия и отнесло их погодою от пути верст за 100. И Бова велел парусы отпустить и якори в воду пометать. И почел Бова по короблю ходить и на вся стороны смотрит. И увиде на край брегу моря рыболовы. И закричал Бова зычно гласом: «Пожалуй, рыболов, не ослушайся, подедь на корабль!» И рыболов не ослушался, приехал, и Бова почел рыболова роспрашивать: «Пожалуй, рыболов, скажи мне: царство ли, или орда, царь ли живет или король?» И рече рыболов: «Государь гость-корабелщик! Стоит то наше царство Задонское, а живет государь наш король Маркобрун». И Бове пошло на разум и рече Бова: «Не тот ли король Маркобрун, что сватался во Арменском царстве у короля Зензевея Адаровича на прекрасной королевне Дружневне?» И рече рыболов: «Государь гость-корабелщик, тот. А ныне королева Дружневна у нашего государя короля Маркобруна умолила на год, а все проведывает про храбраго витезя про Бову королевича. У нашего государя Маркобруна радость будет, свадба, женитца на пре-

красной королевне Дружневне». И рыболов Бове песку к сердцу присыпал И Бова рече рыболову: «Пожалуй, рыболов, продай рыбы ярыжным». И рыболов кинул пять осетров на корабль: «Во се, государь, тебе рыбы и бес продажи». И Бова взял злата и сребра и покрывал камками и бархаты, да и бросил рыболову в подездок. И рыболов почел говорить Бове: «Государь гость-корабелщик, дал ты мне много живота [1], ни пропить, ни проесть ни детем моим, ни внучетом». И Бова рече: «Пожалуй, рыболов, свези меня на берег». И рыболов не ослушался, взял Бову в подездок и привес на берег. И Бова почал ярыжным наказывать: «Ярыжные, вот вам весь карабль и з животом. Делите пополам, а не бранитеся и не деритеся».

И пошол Бова к Задонскому царству и шел Бова 5 дней и 5 нощей и нашел старца пилигрима, которой ево ограбил и взял у него мечь-кладенец и добраго коня-иноходца И Бова почел пилигрима бить. И пилигрим почел молитца: «Не убей меня, храбрый витез Бова королевичь! Яз тебе отдам добраго коня-иноходца и мечь-кладенец и дам тебе трое зелье: усыпающее да зелье белое, а третье черное». И взял Бова трое зелье да мечь-кладенец да и пошел.

Идет Бова 6 дней к Задонскому царству. И увидел Бова старца — на улице щепы гребет. И рече Бова старцу: «Дай мне с себя черное платье, а возми мое цветное». И старец почел говорить: «Государь храбрый витез, не пригодитца мое тебе платье, а твое цветное мне: милостины не дадут». И Бова старца ударил о землю и снял с старца черное платье, а свое цветное платье покинул. И надел на себя Бова черное платье и пошел на королевской двор и пришол на поварню, а повары ествы ворят.

И пришел Бова и почел есть прошать: «Государи королевские повары, напойте-накормите прохожева старца для Спаса и пречистые богородицы и для ради храбраго витезя Бовы королевича». И повары закричали: «О злодей старец, что ты про Бову милостины прошаеш? У нашего государя про Бову заповедано: хто про Бову помянет, того казнить смертью бес королевскаго ведома». И кинулся повар, выхватил ис-под котла головню и ударил старца, и старец на месте не тряхнулся и ухватил ту же головню, и ударил старец повара и ушиб до смерти. И побежали повары к дворецкому: «Дворецкой, поди на поварню. Пришел старец на поварню да лутчева повара ушиб до смерти». И дворецкой пришол на поварню... И рече

[1] Здесь: имущества, добра.

Бова: «Государь дворецкой, не вели меня, старца, убить, яз старец прохожей и заповеди вашей не слыхал». И дворецкой рече: «Поди, старец, на задней двор, тамо королевна Дружневна нищих златом делить. Завтра у нашего государя радость будет: женитца наш государь король Маркобрун на прекрасной королевне Дружневне».

И старец пошел на задней двор, ажно на заднем дворе нищих великое множество. И старец пошел промеж нищих теснитца, и нищие старцу пути не дадут и почели старца клюками бить. И старец почел на обе стороны нищих толкать, и за старцом много мертвых лежат. И нищие почели старца пускать. И старец дошел до прекрасной королевны Дружневны, и закричал старец зычно гласом: «Государыни прекрасная королевна Дружневна! Дай мне, старцу, милостину для Спаса и пречистые богородицы и для храбраго витезя Бовы королевича». У Дружневны миса из рук з златом вывалилась. И добрый конь богатырский услышал всадника своего храбраго витезя Бову королевича и почел на конюшне ржать... И королевна Дружневна почела говорить: «Подите, нянки, да раздовайте злато нищим». А сама взяла старца и пошла в задние хоромы и почела спрашивать: «Старец, что ты про Бову милостины прошаеш? Где ты слыхал про государя моего храбраго витезя Бову королевича?» И рече старец: «Государыни королевна! Яз з Бовою в одной темнице сидел во Рахленском царстве, да мы з Бовою одною дорогою шли. Бова пошел налево, а яз пошел направо». И рече старец: «Государыня королевна Дружневна! А как Бова ныне придет, что ты над ним учиниш?» И прекрасная королевна Дружневна прослезися...: «Кабы яз проведа государя Бову на тридесятом царстве на тридесятой земле, и яз бы и там к нему упала!»

И в тоя поры пришол король Маркобрун к прекрасной королевне Дружневне, ажно старец сидит, а Дружневна перед старцом стоит. А король Маркобрун почел говорить: «Что ты, Дружневна, пред старцом стоиш, а слезы у тебя по лицу каплют?» И королевна Дружневна почела говорить: «Государь мой король Маркобрун, как мне не плакать? Пришел тот старец из нашего из Орменскаго царства и сказывает: батюшка и матушка моя умерли, и яз по них плачю». И король Маркобрун почел говорить: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! Уже тебе отцу своему и матери своей не пособить. А тужиш, лишо живот свой надсажаеш. Пущи всего, что добрый конь богатырский збился з 12 цепей, уже последние двери пробивает. А как последние двери пробьет, и в городе много мертвых будет».

И рече старец: «Государь король Маркобрун! Яз утешу добраго коня, что станет трех лет младенец ездить». И король Маркобрун рече старцу то: «Коль ты, старец, утешиш добраго коня, яз тебя пожалую, дам тебе много злата». И старец пошел на конюшню, и Дружневна пошла за старцом. И добрый конь богатырский услышал всадника своего и последние двери пробил и стал на задние ноги, а передними ногами охапил, почел во уста целовать аки человек. И увидел король Маркобрун, пошел в полату и заперса: «Уже коли добрый конь последние двери пробил и старца смял, то много в городе мертвых людей будет».

И прекрасная королевна Дружневна почела говорить: «Что ты, старец, скоро утешил?» И старец рече: «Государыня прекрасная королевна Дружневна! И сам яз тому дивлюся, что добрый конь меня скоро узнал, а ты меня долго не узнаеш. А яз истинный сам Бова королевичь». И Дружневна рече старцу: «Что ты, старец, меня смущаеш! Государь был Бова велми лепообразен, от Бовины бы красоты во всю конюшню осветила». И старец вынял из подпазушья мечь-кладенец, и Дружневна мечь к сердцу прижала: «Истинной мечь государя моего Бовы королевича! А ты, старец, черн и дурен, а шел ты з Бовою одною дорогою, и ты у него мечь украл. А кабы тот мечь был у государя моего Бовы королевича, умел бы он тем мечем владать. А се была у государя моего у Бовы на главе рана, а в рану палец ляжат. Когда он служил во Арменском царстве у государя моего батюшка у короля Зензевея Айдаровича, и пошел Бова ис полаты и ударил дверми, и свалился кирпич сверху и разшиб у Бовы голову. И яз лечила Бову своими руками и яз знаю Бовину рану». И старец снял з главы клабук и показал рану. И Дружневна рану осмотрила и поцеловала: «Истинная рана государя моего Бовы, а ты, старец, дурен и черн». И рече старец: «Истинный яз сам Бова. А ты, Дружневна, вели воды принести, и яз умоюсь белаго зелья». И Дружневна побежала сама по воду и принесла воды в сребряном рукомойце. И Бова умылся белаго зелья и осветил Бова во всю конюшню. И Дружневна пад в ноги Бове и почела говорить: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Не покинь меня, побежим с тобою от короля Маркобруна». И рече Бова: «И ты, Дружневна, поди к королю Маркобруну и дай ему пить и всыпь в кубак усыпающего зелья, и он спит 9 дней и 9 нощей, а мы в тоя поры убежим». И Бова дал усыпающего зелья и Дружневна зелья взела да и за рукав завернула и пошла в свои хоромы и надела на себя драгоценная платья и почела говарить: «Государь мой король Маркобрун!

Завтра у нас с тобою радость будет: тебе, государь, меня за себя понять. А ты, государь, со мною изопьем по кубку меду, чтобы мне не тужить по батюшке и по матушке». И у короля Маркобруна Дружневна была в любьви. И скоро велел принести крепкаго меду... и Дружневна, уклонясь, всыпала из рукава усыпающего зелья и поднесла королю Маркобруну. И у короля Дружневна была в любви и велел ей наперед пить. И Дружневна почела перед ним уничижатца: «Государь мой король Маркобрун! Не доведетца мне, девке страднице, преж тебя пити. Выпей, государь, тот кубак ты, а яз по другой пошлю». И король Маркобрун выпил кубак меду и уклонился спать. И королевна Дружневна побежала к Бове на конюшню и почела говорить: «Государь мой храбрый витез Бова королевичь! Уже король Маркобрун крепко спит».

И Бова оседлал под себя добраго коня богатырскаго, а под Дружневну иноходца. И Дружневна взяла ис казны 2 шатра езжалые. И Бова шатры в торока, и садился Бова на добра коня, а Дружневна на иноходца, и поехали из Задонского царства. И ехал Бова з Дружневною 9 дней и 9 нощей и стал Бова в поле и роставил белые шатры и добры кони стреножил. И пошел з Дружневною в шатер и бо з Дружневною совокупился. И король Маркобрун воста от сна своего, ажно нет у него прекрасные королевны Дружневны, ни добраго коня богатырскаго. И почел король Маркобрун говорить: «Не старец злодей был, был истинный сам Бова королевичь. Увел у меня, злодей, прекрасную королевну Дружневну и добраго коня богатырскаго». И повеле в рог трубити и собра войска 30 000 и послал за Бовою и за Дружневную.

И Бова вышел из шатра холодитца. ...И как услышал Бова конскую потоп и людцкую молву, и пошел в шатер и почел говорить: «Государыни прекрасная королева Дружневна! Есть за нами люди небольшие; быть погоне от короля Маркобруна». И прекрасная королева Дружневна почела говорить: «Государь мой ласковый, храбрый витез Бова королевичь! А тако нас поимают, уже нам от короля Маркобруна живым не быть». И Бова рече: «Государыня прекрасная королева Дружневна! Молися богу, бог с нами».

И взял Бова мечь-кладенец и сел на добраго коня и без седла и поехал против погони и побил погоню 30 000, только оставил 3 человека, наказав, да и отпустил х королю Маркобруну: «Что король Маркобрун за мною посылает, толко войска теряет! А знает он, что яз силны богатырь храбры витез Бова королевичь? Убил яз силнаго богатыря Лукопера

и 9000 войска побил». И пришли 3 человека х королю Маркобруну и почели говорить: «Государь король Маркобрун! Бова все войско побил, а нас трех отпустил и не велел за собою гонятца: что он посылает за мною, только войска теряет!»

И король Маркобрун повеле в рог трубить и собра войска 40 000 и посылает за Бовою и за Дружневною. И те юноши почели говорить: «Государь наш король Маркобрун! Что нам за Бовою ити? А Бовы нам не взять, только нам головами своими наложить. Есть, государь, у тебя сильный богатырь, а имя ему Полкан, по пояс песьи ноги, а от пояса что и прочий человек, а скачет он по 7 верст. Тот может Бову сугнати и поимать, а сидит он у тебя в темнице за 30 замками и 30 мостами». И король Маркобрун велел Полкана ис темницы выпустить и послал за Бовою. И Полкан почел скакать по семи верст.

И Бова вышел из шатра, и услышал Бова, что Полкан богатырь скачет. И Бова взял мечь и сел на добраго коня и без седла и поехал против силнаго богатыря Полкана. И как сьезжаютца два силные богатыря, и Бова махнул Полкана мечем, и у Бовы мечь из рук вырвался и ушол до половины в землю. И Полкан Бову ударил палицею, и Бова свалился с коня на землю мертв. И Полкан скочи на Бовина коня, и добрый конь Бовин увидел Полкана и закусил муштук и почел носить по лесам и по заразам и по кустам и ободрал по пояс ноги и мясо до костей. И Бова лежал мертв три часа и востал, что ни в чем не бывал, и пришел к Дружневне в шатер и лег на кровать. И добрый конь уносил Полкана и примчал к шатру, и Полкан свалился на землю. И Дружневна из шатра вышла и почела говорить: «Брате Полкане, помирися з Бовою, ин вам не будет супротивника на сем свете». И рече Полкан: «Яз бы рад з Бовою помирица, лиш бы Бова помирился». И Дружневна, пришед в шетер, и почела говорить: «Государь храбрый витез Бова королевичь! Помирися ты с Полканом, ино вам не будет на сем свету супротивника». И рече Бова: «Яз рад с Полканом помиритца, а не помиритца Полкан, и яз его убью». И Бова с Полканом помирился. Полкан Бову примал за белые руки и целовал во уста и называл его болшим братом.

И сел Бова на добраго коня, а Дружневна на иноходца, а Полкан за ними почел скакать. И приехали во град Костел, а во граде нет ни царя, ни короля, толко мужик посацкой, а имя ему Орел. И Бова королевичь да Полкан ставились на подворье, и Бова лег с Дружневною спать. А в тоя поры пришол король Маркобрун под град Костел, а войска с ним 50 000, и Костел град осадил и почел грамоты к мужику посацкому

писать и прошать з города Бову с Полкапом: «А будет вы не здадите з города моих изменников, и яз ваш град Костел огнем пожгу и головнею покачю!» И мужик посадцкой велел мужиком собратца в земскую избу... и мужикам грамоту прочел и почел говорить мужикам: «Пойдем мы против короля Маркобруна! И яз сам пойду и двух сынов с собою возму». И мужики собрались да и выехали против короля Маркобруна И король Маркобрун мужика посадника и з детми полонил... А дву сыновей взял в закладе, а велел здать з города Бову да Полкана да прекрасную королеву Дружневну.

И мужик пришол в город .. и почел говорить: «Здать ли нам з города выезжих людей или не здавать?» И выступала Орлова жена и почела говорить: «Выезжих людей з города не здавать, а уже детям своим нам не пособить». И мужик Орел почел говорить: «У всякие жены волосы долги, да ум короток». И присоветовали мужики, что Бову з города здать. И пошел Полкан к Бове: «Брате Бова, долго спиш, ничего не ведаеш: хотят нас мужики з города здать». И рече Бова: «Злодеи-мужики, что они про думу не гораздо удумали! Не гораздо и им будет!» И скочил Бова скоро с кровати и опахнул на себя шубу одевалную. И взял под пазуху мечь-кладенец и пошел в земскую избу и почел мужиков рубить от дверей и до куту [1]. Мужиков порубил да и вон пометал, а Орлова жена побежала с коника [2] к печи и почела говорить: «Государь храбры витез, не моги меня, горкие вдовы, погубить!» И рече Бова: «Матушка государыня, не бойся. Дай мне да утра сроку, я и детей твоих отполоню». И выехал Бова да Полкан против короля Маркобруна, и Бова ехал с правые руки, а Полкан заскочил с левые руки И почели Маркобрунова войска бить, аки животину отгнали и Орловых детей отполонили.

И король Маркобрун ушол в Задонское царство с невеликими людми и положил на себя клятву, что «не гонятца за Бовою ни детем моим, ни внучетом, ни правнучатам». И Бова пришел в город Костел и, пришед, к Орлове жене: «Во, се, государыни-матушка, дети твои». И почел у мужиков крест целовать и учередил Орловых детей да и поехал з города Костела и с прекрасною королевою Дружневною, а Полкан за ними пеш поскакал.

И едучи Дружневна почела говорить: «Государь мой храбры витез Бова каралевичь! Уже приходит мне время, как

---

[1] до красного угла; [2] лавка для спанья (ларём, с открывающейся крышкой).

добры жены детей рождают». И Бова стал на стан и шатры роставил и рече Бова Полкану: «Брате Полкане, стань подале: Дружневна у меня недомогает». И Полкан отшел подале да стал под дуб. И Дружневна родила два сына, и Бова нарек имя им: одному имя Симбалда, а другому Личарда. И Полкан востал от сна своего и услышал конскую потопь и люцкую молву, и пришел Полкан к Бовину шатру, и рече Полкан: «Брате Бова! Идет рат великая, невесть идет царь, невесть король. Сам ли ты идеш проведать или меня пошлеш?» И рече Бова: «Поди ты, а мне ныне не доволно: Дружневна народи два сына — Симбалду, а другова Личарду». И Полкан поскакал, и много людей он похватал и в пленицу перевезал да и к Бове привел.

И Бова почел языков спрашивать: «Сказывайте вы, добрые люди, не испорчены, коева царства рат идет? Царь ли идет или король?» И языки почели росказывать: «Государь храбрый витез! Идут то, государь, воеводы от нашего государя короля Додона во Армеское царьства. Сказывают, что бутто во Арменском царьстве у короля Зензевея Адоровича служит Бова королевич. И король Додон велел его, Бову, взят да к себе привест во царство». И у Бовы разгорелося богатырское сердце, и не мог Бова утерпети и предаде им смерти. И оседлал себе доброго коня своего богатырского и взял с собою меч-кладенец, и почел Бова брату своему Полкану наказыват: «Брате мой Полкане! Не покин ты Дружневны моей и двух детей моих. А яз поеду во Арменское царьства на дело ратное, а сам ты, брате, не ходи блиско к лесу». И простился Бова с Полканом, да и з Дружневную и з детми своими, и поехал Бова на ратное дело.

А Полкан после его отшел к лесу спат, и в ту ж пору лвы к Полкану сонному, и богатыря того Полкана сьели всего, только оставили одни плесны ножные. И после того вышла Дружневна из шатра своего и посмотрила под дубом: и где Полкан спал, ажно Полкана лвы сьели, толко лежат плесны одни ножные. И Дружневна велми по нем потужила, по Полкане, и взела детей своих и пасадила за пазуху и сяде на инахотца и поехала, куды ее очи несут.

И приехала Дружневна под Арменское царьства и взяла с собою только плет едину в торока и пустила доброго своего коня инахотца в чистое поле и рече ему: «Поди ты, мой добрый конь, ищи себе государя ласковова». И пришед Дружневна к реке и умылась чернаго зелья и стала черна, что уголь. И пришед Дружневна в Рохленское царство и стала у вдовы на подворье. А в Рохленском царстве царевна Миличитрия. И Дружневна

почела на добрых жен сорочки шить, тем свою голову кормила и детей своих.

И Бова королевичь силу побил и приехал к шатру, ажно нет в шатре ни королевы Дружневны, ни детей его. И Бова посмотрел под дуб, ажно Полкана- львы сьели, только лежат плесны ножны. И Бова растужися: «Уже коли такова сильнаго богатыря львы сьели, то и Дружневну и детей моих». И похоронил Бова Полкановы плесны и сам росплакася горко: «Милостивый Спас и пречистая богородица! Дали вы мне ладо поноровное и не дали вы мне с нею пожить от младости и до старости». И пошел Бова на заводи тешитца и настрелял гусей и лебедей, и наварил Бова ествы, да наелся и напился. Да и поехал Бова во Арменское царство, чтобы ему дворецкого убить, которой дворецкой послал ево на смерть.

И приедет Бова во Арменское царство в воскресной день, а король Зензевей Адаровичь стоит у церковнаго пения. И пошел король Зензевей от пения, и Бова королю Зензевею Адаровичу челом ударил. И король Зензевей почел спрашивать: «Имя твое как и коего града и куды идеш?» И рече Бова: «Имя ми Август, ищу себе государя ласкаваго, чтобы меня приголубил». И рече король: «Мне такие люди надобно. Пожалуй, Август, служи ты мне». И Август, челом ударя, и пошел на королевской двор и дворецкаго убил.

И приехали послы из Рахленскаго царства. И Август подвернулся к послам и почел спрашивать: «Коего царства послы и почто приехали?» И почели говорить: «Мы, государь, пришли из Рахленскова царства проведавать про храбраго витезя Бову каралевича: послала нас царевна Миличитрия, а хочет она за Бову замуж итить». И Август рече: «Подте вы, послы, в Рохленское царство, а Бова будет у вас».

И поехал Бова в Рохленское царство. И приехал Бова в Рохленское царство и взехал Бова на каралевской двор безопсылачно [1]. И встречает Бову прекрасная царевна Минчитрия, и повела Бову в королевские полаты, и почели пити и ясти и веселитися. И царевна Минчитрия почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь! Крести ты, государь, меня да возми себе за жены места, и буди нашему царству здержатель и ото всех стран оберегатель». И Бова Минчитрию крестил, да и положили промеж собою на слове да воскреснаго дни.

И у Дружневны дети уже на разуме. Симбалда играет в гусли, а Личарда в домъру. И Дружневна почела посылать

[1] без предупреждения.

детей своих на королевской двор: «Подьте, детушки, на королевской двор, и вас возмут в королевскую полату, и вы играйте наигрыши добрые и тонцы водите хорошие, да во всякой песни пойте храбраго витезя Бову королевича». И Бовины дети пошли на королевской двор и в королевские полаты и почели наигрыши играть и тонцы водить, а во всякой песни поют храбраго витезя Бову королевича. И Бова рече: «Что вы поете во всякой песне Бову королевича? А яз много хожу, а Бовы в песнях не слыхал». И Бовины дети почели говорить: «Поем мы в песнях государя своего батюшка Бову королевича, а велела нам государыня наша матушка прекрасная королевна Дружневна». И Бова велел их напоить и накормить и дал им злата и сребра много, одва мочно донести, а сам пошел за ними назором. И пришли Бовины дети на двор, и мати их встречает: «Подте, детушки!», и примает за белые руки и целует их во уста. Увиде Бова, что встречает баба дурна и черна, плюнул Бова да и прочь пошел: «Блядины де дети сказали у себя мати Дружневна, ана баба дурна и черна, что уголь».

И как ноч приходит, а день настает, и Дружневна посылает детей своих на королевской двор. И Бовины дети пришли в королевские полаты и почели игрища играть добрые, а тонцы водить хорошие, и во всякой песни поют Бову королевича. И Бова велел их напоить и накормить и дал им много злата и сребра и того болши и пошол за ними назором. И королевна Дружневна умылась белаго зелья и вышла встречать детей своих. И Бова увидел Дружневну и скочил на двор. И хватает Дружневну за белые руки и целует в сахарные уста. И Дружневна пала ему в ноги: «Государь мой храбрый витез Бова королевичь! Не покинь меня и детей своих!» И Бова взял Дружневну и детей своих и пошол на конюшню и выбрал добрые кони-иноходцы под Дружневну и под детей своих. И царевна Минчитрия палась Бове в ноги и почела говорить: «Государь храбрый витезь Бова королевичь! Коли ты, государь, меня за себя не взял, и яз буду твоя закладчица» [1]. И рече Бова: «А коли ты за меня заложилась, и тебя не изобидит ни царь, ни король, слышичи мою грозу, храбраго витезя Бовы королевича». И поехал Бова с Дружневною и з детми своими во град Сумин к дятьке Симбалде.

И дятка Симбалда встречал приезжаго человека Августа и двор ему отвел. И назавтрее дятка Симбалда на приезжаго человека Августа пир рядил. И пришел Август на пир, и дядка

[1] заложница.

Симбалда велел ему места дать. И как пошел пир навесело, и Август почел говорить: «Государь дятка Симбалда! Кто близ тебя живет и нет ли какой обиды?» И говорил дятка Симбалда: «Есть, государь! Близ меня живет злодей король Додон. Убил он, злодей, царя моего, добраго и славнаго короля Видона и по вся годы животину от града отгоняет, а яз против его стоять не могу». И Август рече: «Яз могу ту обиду отмстить. Собери войска, колко мочно».

И Симбалда повеле в рог трубить и собра войска 15 000. И Август поехал воеводою и взял с собою дядкина сына именем Дмитрея. И пришел под град под Антон и животину отгнал и посады обжег. И где лежит король Видон, а над могилою стоит столп, и Август ходил по три дни на могилу прощатца, а сам горко плакася. И увидел король Додон, что пришли под град невелики люди и животину отгнали и посады обожгли. И повеле в рог трубити и собра войска 40 000 и вышел против Августа. И Август аки животину отгнал от града и ударил копием короля Дадона и дал ему сердечную рану. И поехал Август во град Сумин, и дятка Симбалда повеле на радостех звонить и молебны служить и взял Августа к себе. И дядкин сын Дмитрей почел отцу своему сказывать, что Август ходил на могилу по три дни прощатца, а сам горько плакася: «Не государь ли наш храбрый витез Бова королевичь?» И дятка Симбалда почел говорить: «Государь наш был Бова королевичь велми лепообразен, и от Бовины красоты не мочно на месте сидеть». И Бова услышал те речи и вышел на крыльцо и умылся белаго зелья и вшел в полату. И осветил всю полату Бова своею красотою. И дядка Симбалда пад в ноги: «Государь мой храбрый витезь Бова королевичь! Моги отмстить смерть отца своего!»

И приехал посол из града из Антона во град Сумин лекаря спрашивать. И Бова умылся чернаго зелья и назвался лекарям: «Яз де могу вашего короля Додона излечить от раны сердечныя». И взял Бова с собою дядкина сына Дмитрея да и пошол во град во Антон лечить Додона. И посол пришел и обвестил королю Додону: «Государь король Додон, яз тебе лекаря привез из Сумина града». И король Додон велел итти лекарю в полату, ажно много князей и бояр. И лекарь почел говорить: «Государь король Додон! То дело упорливо; чтоб не было никого в полате!» И король Додон выслал ис полаты всех, и Бова полату запер и приставил у крюка дяткина сына. И вымал Бова ис-под пазушья мечь-кладенец и почел говорить королю Дадону: «За то б яз тебе головы не отсек, что ты государя моего батюшка,

добраго и славнаго короля Видона извел. И яз за то тебе отсеку голову, что ты послушая женского разума».

И отсек Бова голову королю Дадону и положил на блюдо да ширинкою покрыл. И пошол Бова в задние хоромы к прекрасной королевне Милитрисе и почел говорить: «Во, ся, государыня дары от короля Додона. Яз излечил твоего короля Додона от раны сердечные». И королевна Милитриса дары принела и открыла, ажно голова Дадонова лежит на блюде И сама закрылася: «О злодей лекарь, что ты? Ужже яз тебя скоро велю злою смертию казнить!» И рече Бова: «Стой, не торопися, государыни матушка моя!» Прекрасная королевна Милитриса почела говорить: «О злодей лекарь! Бова королевичь был велми лепообразен, от Бовиной красоты всю полату осветила, а ты, лекарь, черн и дурен, что уголь». И Бова вышел на крыльцо и умылся белаго зелья и пришол в полату и освятил всю полату Бовиною красотою. И прекрасная королевна Милитриса пала Бове в ноги. И Бова почел говорить: «Государыня матушка, не уничижайся предо мною!» И велел Бова гроб зделать, мать свою — живу во гроб, и одевал гроб камками и бархаты. Погреб Бова мать свою живу в землю и по ней сорокоусты роздал. И пошол Бова в темницу, где преж сего сам сидел, ажно девка та сидит в Бовино место. И Бова темницу розламал, а девку выпустил, ажно у девки власы до пят отросли И девка рече: «Государь мой храбрый витез Бова королевичь! Яз сежу в темницы с токовы поры, как тебя, государя, из темницы выпустила». И Бова рече девке: «Государыня девица, потерпела бедности, и ты ныне возрадуйся». И выбрал князя и отдал девку за князя замуж. И пошел Бова в Рахленское царство и женил дядкина сына Дмитрея на прекрасной царевне Минчитрие.

И пошед Бова на старину [1], и почел Бова жить на старине з Дружневною и з детми своими, лиха избывать, а добра наживать. И Бове слава не минетца отныне и до века.

---

[1] в свою вотчину.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛЬЯНИИ ОСОРГИНОЙ

МЕСЯЦА ГЕНВАРЯ ВО 2-Й ДЕНЬ УСПЕНИЕ СВЯТЫЯ ПРЕПОДОБНЫЯ УЛЬЯНЕИ, МУРОМСКИЯ ЧЮДОТВОРИЦЫ

В дни благовернаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всея Русии, от его царьскаго двора бе муж благоверен и нищелюбив, именем Иустин, пореклом Недюрев, саном ключник, имея жену такову же боголюбиву и нищелюбиву, именем Стефаниду, Григорьеву дщерь Лукина, от града Мурома. И живяста во всяком благоверии и чистоте, и имяста сыны и дщери и много богатства, и раб множество. От нею же родися сия блаженная Улияния.

Бывши же ей шести лет, и умре мати ея, и поят ю́ к себе в пределы муромские баба ея, матери ея мать, вдова Анастасия, Никифорова дщи Дубенского, и воспитающе во всяком благоверии и чистоте шесть же лет. И умре баба ея, и по заповеди ея, поят ю́ к себе тетка ея Наталия, Путилова жена Арапова. Сия же блаженная Улияния от младых ногтей бога возлюбя и пречистую его матерь, помногу чтяше тетку свою и дщери ея, и имея во всем послушание и смирение, и молитве и посту прилежаше. И того ради от тетки много сварима бе [1], а от дщерей ея посмехаема. И глаголаху ей: «О, безумная! что в толицей младости плоть свою изнуряеши, и красоту девственную погубляеши». И нуждаху ю́ рано ясти и пити; она же невдаяшеся воли их, но все со благодарением приимаше и с молчанием отхождаше: послушание имея ко всякому человеку. Бе бо измлада кротка и молчалива, небуява [2], невеличава, и от смеха и всякия игры отгребошеся. Аще и многажды на игры

[1] бранима была; [2] незаносчива.

и на песни пустошные от сверстниц нудима бе, она же не приставаше к совету их и недоумение на ся возлагая [1], и тем потаити хотя своя добродетели. Точию в прядивном и в пяличном деле [2] прилежание велие имяше, и не угасаше свеща ея вся нощи. А иже сироты и вдовы немощныя в веси той бяху, и всех обшиваше и всех нужных [3] и болных всяцем добром назираше, яко всем девитися разуму ея и благоверию; и вселися в ню страх божий. Не бе бо в веси той церкви близ, но яко два поприща; и не лучися ей в девичестем возрасте в церковь приходити, ни слышати словес божиих почитаемых, ни учителя учаща на спасение николи же; но смыслом благим наставляема нраву добродетелному.

Егда же достиже шестаго на десять лета [4], вдана бысть мужу добродетелну и богату, именем Георгию, пореклом Осорьину, и венчани быша от сущаго ту попа, Потапия именем, в церкви праведнаго Лазаря, в селе мужа ея. Сей поучи их по правилом святых отец закону божию; она же послуша учения и наказания [5] внятно и делом исполняше. Еще бо свекру и свекрови ея в животе сущим; иже видевше ю́ возрастом и всею добротою исполнену и разумну, и повелеста ей все домовное строение [6] правити. Она же со смирением послушание имяше к ним, ни в чем не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я́ [7] и вся повеленная ими непреткновенно [8] совершаше, яко всем дивитися о ней. И многим искушающим ю́ в речах и во ответах, она же ко всякому вопросу благочинен и смыслен ответ даяше; и вси дивляхуся разуму ея и славяху бога. По вся же вечеры доволно богу моляшеся и коленопреклонения по сту и множае, и, вставая рано, по вся утра такоже творяше и с мужем своим.

Егда же мужу ея на царьских службах бывающу лето или два, иногда же по три лета во Астрахани, она же в та времена по вся нощи без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, в прядиве и в пяличном деле. И то продав, нищим цену [9] даяше и на церковное строение; многу же милостыню отаи творяше в нощи, в день же домовное строение правяше. Вдовами и сироты, аки истовая мать, печашеся, своима рукама омывая, и кормя, и напаяа. Рабы же и рабыни удовляше [10] пищею и одеждою, и дело по силе налагаше, и никого простым именем назваше, и не требоваше воды ей на омовение рук подающего,

---

[1] притворяясь незнающей; [2] в прядении и в вышивании; [3] нуждающихся, [4] шестнадцати лет; [5] наставления; [6] домашнее хозяйство; [7] их; [8] безотказно; [9] полученную плату; [10] удовлетворяла.

ни сапог разрешающаго [1], но все сама собою творяше. А неразумныя рабы и рабыни смирением и кротостию наказуя, и исправляше, и на ся вину возлагаше; и никого не оклеветаше, но всю надежду на бога и на пречистую богородицу возлагаше и великого чюдотворца Николу на помощь призываше, от него же помощь приимаше.

Во едину же нощь, востав по обычаю на молитву, без мужа. Беси же страх и ужас велик напущаху ей; она же, млада еще и неискусна, тому убояся и ляже на постели и усну крепко. И виде многи бесы, прешедшие же на ню со оружием, хотяще ю́ убити, рекуще: «Аще не престанешь от таковаго начинания, абие погубим тя!» Она же помолися богу и пречистой богородице, и святому Николе чюдотворцу. И явися ей святый Никола, держа книгу велику, и разгна бесы, яко дым бо исчезоша. И воздвиг десницу свою и благослови ю́, глаголя: «Дщи моя, мужайся и крепися, и не бойся бесовскаго прещения [2]: Христос бо мне повеле тебе соблюдати от бесов и злых человек!» Она же абие от сна возбнув [3] и увиде яве мужа свята из храмины дверми изшедша скоро, аки молнию. И востав скоро, иде во след его, и абие невидим бысть: но и притвор [4] храмины тоя крепко заперт бяше. Она же оттоле, извещение приимши, возрадовася, славя бога, и паче перваго добрых дел прилежаше.

Помале же божию гневу Русскую землю постигшу за грехи наши; гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню отаи творяше, взимаше пищу у свекрови на утренее и на полъденное ядение, и то все нищим гладным даяше. Свекры же глагола ей: «Како ты свой нрав премени! Егда бе хлебу изобилие, тогда не могох тя к раннему и полуденному яденію принудити; а ныне, егда оскудение пищи, и ты раннее и полъдневное ядение взимаешь». Она же, хотя утаитися, отвеща ей: «Егда не родих детей, не хотяше ми ся ясти, и егда начах дети родити, обезсилех, и не могу наястися. Не точию в день, но и нощию множицею хочет ми ся ясти, но стрaмляюся у тебе просити». Свекры же, се слышав, рада бысть, и посылаше ей пищу доволну не точию в день, но и в нощь; бе бо у них в дому всего обилно, хлеба и всех потреб. Она же от свекрови пищу приимая, сама не ядяше, гладным все раздаяше. И егда кто умираше, она же наимаше омывати, и погребалное даяше и на погребение сребреники даяше; а егда в селе их погребаху мертвых кого нибуди, о всяком моляся о отпущении грех.

---

[1] снимающего; [2] бесовской угрозы; [3] пробудилась; [4] сени, передняя.

Сельскохозяйственные работы.
Миниатюра.

«Лекарство душевное» (ГБЛ, собр. Долгова, № 54, л. 56).

По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом[1], и оттого мнози в домех запирахуся и уязвенных пострелом в дом не пущаху, и ризам не прикасахуся. Она же отаи свекра и свекрови, язвенных многих своима рукама в бани омывая, целяше, и о исцелении бога моляше. И аще кто умираше, она же многи сироты своима рукама омываше и погребалная возлагаше, погребати наймая, и сорокоуст даяше.

Свекру же и свекрови ея в глубоцей старости во иноцех умершим, она же погребе их честно: многу милостыню и сорокоусты по них разда и повеле служити по них литоргию, и трапезы в дому своем попом, мнихом и нищим поставляше во всю 40-цу по вся дни, и в темницу милостыню посылаше. Мужу бо ея в то время на службе во Астрахани три лета и боле бывшу, она же по них много имения в милостыню истроши [2], не точию в ты дни, но и по вся лета творя память умершим.

И тако пожив с мужем лета доволна во мнозе добродетели и чистоте по закону божию, и роди сыны и дщери. Ненавидяй же добра враг тщашеся спону [3] ей сотворити; часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смыслено и разумно разсуждая, смиряше. Враг же наусти [4] раба их: и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына на службе убиша. Она же вмале аще и оскорбися [5], но о душах их, а не о смерти: но почти их пением, и молитвою, и милостынею.

Потом моли мужа отпустити ю в монастырь; и не отпусти, но совещастася вкупе жити, а плотнаго совокупления не имети. И устрои ему обычную постелю, сама же с вечера по мнозе молитве возлегаше на пещи без постели, точию дрова острыми странами к телу подстилаше, и ключи железны под ребра своя подлагаше, и на тех мало сна приимаше, дондеже рабы ея усыпаху, и потом вставаше на молитву во всю нощь и до света. И потом в церковь вхожаше к заутрени и к литоргии, и потом ручному делу прилежаше, и дом свой богоугодно строяше, рабы своя доволно пищею и одеянием удовляше, и дело комуждо по силе задаваше, вдовами и сироты печашеся, и бедным во всем помогаше.

И пожив с мужем 10 лет по разлучении плотьне, и мужу ея преставлшуся, она же погребе и [6] честно и почти пением и молитвами, и сорокоусты и милостынею. И паче мирская отверже, печашеся о душе, как угодити богу, ревнуя [7] прежним святым женам, моляся богу, и постяся, и милостыню безмерну

---

[1] язвой; [2] истратила; [3] вред; [4] подстрекнул; [5] опечалилась; [6] его; [7] подражая.

творя, яко многажды не остати у нея ни единой сребреницы, и займая даяше нищим милостыню, и в церковь по вся дни хождаше к пению. Егда же прихождаше зима, взимаше у детей своих сребреники, чим устроити теплую одежду, и то раздая нищим, сама же без теплыя одежды в зиму хождаше, в сапоги же босыма ногама обувашеся, точию под нозе свои ореховы скорлупы и чрепие [1] острые вместо стелек подкладаше, и тело томяше.

Во едино же время зима бе студена зело, яко земли разседатися от мраза; она же неколико время к церкви не хождаше, но в дому моляшеся богу. Во едино же время зело рано попу церкви тоя пришедшу единому в церковь, и бысть ему глас от иконы богородичны: «Шед, рцы милостивой Ульянеи, что в церковь не ходит на молитву? И домовная ея молитва богоприятна, но не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не меньши 60 лет, и дух святый на ней почивает». Поп же в велицем ужасе быв, абие прииде к ней, пад при ногу ея, прося прощения, и сказа ей видение. Она же тяжко вся то внят [2], еже он поведа пред многими, и рече: «Соблазнился еси, егда о себе глаголеши; кто есмь аз грешница, да буду достойна сего нарицания». И закля его [3] не поведати никому. Сама же иде в церковь и, с теплыми слезами молебная совершив, целова икону богородицыну. И оттоле боле подвизася к богу, ходя к церкви.

По вся вечеры моляшеся богу во отходной [4] храмине; бе же ту икона богородицына и святаго Николы. Во един же вечер вниде в ню по обычаю на молитву, и абие бысть храмина полна бесов со всяким оружием, хотяху убити ю. Она же помолися богу со слезами, и явися ей святый Никола, имея палицу, и прогна их от нея, яко дым исчезоша. Единаго же беса поймав, мучаше; святую же благослови крестом, и абие невидим бысть. Бес же плача вопияше: «Аз ти многу спону творих по вся дни: воздвизах брань в детех и в рабех, к самой же не смеях приближитися ради милостыни, и смирения, и молитвы». Она бо безпрестани, в руках имея четки, глаголя иисусову молитву. Аще ядяше и пияше, ли что делая, непрестанно молитву глаголаше. Егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба ея подвизастася [5] на славословие божие: многажды видехом ю спящу, а рука ея четки отдвигаше. Бес же бежа от нея, вопияше: «Многу беду ныне приях тебе ради, но сотворю ти спону на старость: начнеши гладом измирати,

---

[1] черепки; [2] с опасением все это слушала; [3] взяла с него клятву; [4] уединенной; [5] стремилась.

ниже чюжих кормити». Она же знаменася крестом, и исчезе бес от нея. Она же к нам прииде ужасна велми и лицем пременися. Мы же, видехом ю смущену, вопрошахом,— и не поведа ничто же. Не по мнозе [1] же сказа нам тайно, и заповеда не рещи никому же.

И пожив во вдовстве 9 лет, многу добродетель показа ко всем, и много имения в милостыню разда, точию нужные [2] потребы домовные оставляше, и пищу точию год до года разчиташе, а избыток весь требующим растакаше [3]. И продолжися живот ея до царя Бориса. В то же время бысть глад крепок во всей Русстей земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неизчетно гладом изомроша. В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земли всееное [4] жита ея; кони же и скоты изомроша. Она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе [5] не коснутися, но елико оставшься скоты, и ризы и сосуды вся распрода на жито и от того челядь кормяше, и милостыню доволну даяше, и в нищите обычныя милостыни не остася, и ни единаго от просящих не отпусти тща [6]. Дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея; и о том не смятеся, но все упование на бога возложи.

В то бо лето преселися во ино село нарицаемое Вочнево в пределы нижеградцкия, и не бе ту церкви, но яко два поприща. Она же, старостию и нищетою одержима, не хождаше к церкви, но в дому моляшеся; и о том немалу печаль имяше, но поминая святаго Корнилия, яко не вреди его и домовная молитва, и иных святых. Велице же скудости умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладом. От них же доброразсуднии [7] обещахуся с нею терпети, а инии отъидоша; она же со благословением и молитвою отпусти я: не держа гнева нимало. И повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору древяную, и в том хлеб сотворити, и от того сама с детьми и рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлеб сладок. От того же нищим даяше, и никого нища тща не отпусти; в то бо время без числа нищих бе. Соседи же ея глаголаху нищим: «Что ради в Ульянин дом ходите? Она бо и сама гладом измирает!» Они же поведаша им: «Многи села обходихом и чист хлеб вземлем, а тако в сладость не ядохом, яко сладок хлеб вдовы сея». Мнози бо имени ея не ведаху. Соседи же, изобилны

---

[1] вскоре; [2] необходимые; [3] раздавая; [4] посеянное; [5] разбою; [6] с пустыми руками; [7] разумные, лучшие.

хлебом, посылаху в дом ея просити хлеба, искушающе ю; и тако же свидетельствующа, яко велми хлеб ея сладок. И дивяся, глаголаху к себе: «Горазди раби ея печь хлебов!» И не разумеюще, яко молитвою ея хлеб сладок. Потерпе же в той нищете два лета, не опечалися, не смутися, не поропта, и не согреши ни во устах своих и не даст безумия богу; и не изнеможе нищетою, но паче первых лет весела бе.

Егда же приближися честное ея преставление, и разболеся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней. В день лежа моляшеся; а в нощи, воставая, моляшеся богу, особь стояше, никим подъдержима, глаголаше бо: «И от болнаго бог истязует [1] молитвы духовныя».

Генваря во 2-й день, свитающу дню, призва отца духовнаго и причастися святых таин. И сед, призва дети и рабы своя и поучив их о любви, и о молитве, и о милостыни, и о прочих добродетелях. Прирече же и се: «Желанием возжелах ангельскаго образа иноческаго еще от юности моея, но не сподобихся грех моих ради и нищеты, понеже недостойна бых — грешница сый и убогая, богу тако извольшу, слава праведному суду его». И повеле уготовити кадило, и фимиям вложити и целова вся сущая ту, и всем мир и прощение даст, возлеже, и прекрестися трижды, обвив чотки около руки своея, последнее слово рече: «Слава богу всех ради, в руце твои, господи, предаю дух мой, аминь». И предаст душу свою в руце божии, его же измлада возлюби. И вси видеша около главы ея круг злат, яко же на иконах около глав святых пишется. И омывше, положьше ю в клете, и в ту нощь видеша свет и свеща горяща и благоухание велие повеваше ис клети тоя. И вложьше ю во гроб дубовый, везоша в пределы муромския, и погребоша у церкви праведнаго Лазаря подле мужа ея в селе Лазареве за четыре версты от града, в лета 7112 [2] генваря в 10 день.

Потом над нею поставиша церковь теплую во имя архистратига Михаила. Над гробом ея лучися пещи быти [3]. Земля же возрасташе над нею по вся лета. И бысть в лето 7123 [4] августа в 8 день преставися сын ея Георгий. И начаша в церкви копати ему могилу в притворе между церковию и пещию,— бе бо притвор той без моста [5],— и обретше гроб ея на верху земли цел, неврежден ничим. И недоумеваху, чий есть, яко от многих лет не бе ту погребаемаго. Того же месяца в 10 день погребоша сына ея Георгия подле гроба ея и пойдоша в дом его, еже учре-

---

[1] требует; [2] 1604; [3] случилось так, что над ее могилой была поставлена печь; [4] 1615; [5] пола.

дити погребателей. Жены же, бывшыя на погребении, открыша гроб и видеша полн мира благовонна, и в той час от ужасти не поведаша ничто же; по отшествии же гостей сказаша бывшая. Мы же, слышав, удивихомся, и открывше гроб, видехом так, яко же и жены реша [1] от ужасти, начерпахом мал сосудец мира того и отвезохом во град Муром в соборную церковь. И бе видети в день миро, аки квас свекольный, в нощи же сгустевашеся, аки масло багряновидно. Телеси же ея до коньца от ужасти не смеяхом досмотрети, точию видехом нозе ея и бедры целы суща, главы же ея не видехом, того деля, понеже на коньце гроба бревно пещьное лежаше. От гроба же под пещь бяше скважня, ею же гроб той ис под пещья идяше на восток с сажень, дондеже пришед ста у стены церковныя. В ту же нощь мнози слышаху у церкви тоя звон; и мнеша пожар, и прибегше, не видеша ничто же, точию благоухание исхождаше. И мнози слышаху, и прихождаху, и мазахуся миром тем, и облегчение от различных недуг приимаху. Егда же миро то раздано бысть, нача подле гроба исходити персть, аки песок; и приходят болящии различными недуги, и обтираются песком тем, и облегчение приемлют и до сего дня. Мы же сего не смеяхом писати, яко не бе свидетельства.

[1] сказали.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Лета 7150 [1] октября в 28 день приехали к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа России к Москве з Дону из Азова города донские казаки: атáман казачей Наум Василев да ясаул Федор Иванов. А с ним казаков 24 человека, которые сидели в Азове городе от турок в осаде. И сиденью своему осадному привезли оне роспись [2]. А в росписи их пишет.

В прошлом, де, во 149-м году июня в 24 день прислал турской Ибрагим салтан царь под нас, казаков, четырех пашей своих, да дву своих полковников, Капитана да Мустафу, да ближние своей тайные думы, покою своего слугу да Ибремяскопца над ними уже пашами смотрети вместо себя, царя, бою их и промыслу [3], как станут промышлять паши его и полковники над Азовым городом. А с ними пашами прислал под нас многую свою собранную рать бусурманскую, совокупя на нас подручных своих двенатцать земель. Воинских людей, переписаной своей рати, по спискам, боевого люду двести тысящей, окроме поморских и кафимских и черных мужиков, которые на сей стороне моря собраны изо всей орды крымские и нагайские на загребение наше, чтобы нас им живых загрести, засыпати бы нас им горою высокою, как оне загребают люди персидские. А себе бы им и тем смертию нашею учинить слава вечная, а нам бы укоризна вечная. Тех собрано людей на нас черных мужиков многия тысящи, и не бе числа им и писма. Да к ним же после пришел крымской царь, да брат ево народым Крым Гирей царевичь со всею своею ордою крымскою и нагайскою, а с ним крымских и нагайских князей и мурз и татар ведомых, окроме охотников [4], 40 000. Да с ним, царем, пришло горских князей и черкас ис Кабарды 10 000. Да с ними ж, пашами,

[1] 1642; [2] донесение; [3] действий; [4] добровольцев.

было наемных людей и у них немецких [1] два полковника, а с ними салдат 6000. Да с ними ж, пашами, было для промыслов над нами многие немецкие люди городоимцы, приступные и подкопные мудрые вымышленники [2] многих государств: из Реш еллинских и Опанеи великия [3], Винецеи великие и Стеколни [4] и француски наршики [5], которые делать умеют всякие приступные и подкопные мудрости и ядра огненные чиненыя. Наряду было с пашами пушок под Азовым великих болших ломовых [6] 129 пушек. Ядра у них были великия в пуд, в полтара и в два пуда. Да мелкова наряду было с ними всех пушек и тюфяков [7] 674 пушки, окроме верховых пушек [8] огненных, тех было верховых 32 пушки. А весь наряд был у них покован на цепях, боясь того, чтоб мы, на выласках вышед, ево не взяли. А было с пашами турскими людей ево под нами розных земель: первые турки, вторые крымцы, третьи греки, четвертые серби, пятые арапы, шестые мужары [9], седмые буданы, осмые башлаки, девятые арнауты [10], десятые волохи [11], первые на десять [12] митьяня [13], второе на десять черкасы, третие на десять немцы. И всего с пашами людей было под Азовым и с крымским царем по спискам их браново ратного мужика, кроме вымышленикóв немец и черных мужиков и охотников, 256 000 человек.

А збирался турской царь на нас за морем и думал ровно четыре годы. А на пятой год он пашей своих к нам под Азов прислал. Июня в 24 день в ранней самой обед пришли к нам паши его и крымской царь и наступили они великими турецкими силами. Все наши поля чистые от орды нагайския, где у нас была степь чистая, тут стали у нас однем часом, людми их многими, что великия непроходимыя леса темные. От силы их турецкие и от уристания [14] конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у нас из Дону вода волны на берегу показала, уступила мест своих, что в водополи [15]. Почали оне, турки, по полям у нас ставитца шатры свои турецкие и полатки многие и наметы [16] великие, яко горы страшные забелелися. Почали у них в полках их быть трубли болшие в трубы великия, игры многия, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрелба мушкетная и пушечная великая. Как есть стояла над нами страшная гроза небесная, будто молние, коль страшно

[1] иноземных; [2] специалисты; [3] из греческого царства и великой Испании; [4] Стокгольма; [5] петардщики; [6] тяжелых; [7] орудий, стрелявших картечью; [8] мортир; [9] мадьяры (венгры); [10] албанцы; [11] жители Валахии; [12] одиннадцатые; [13] молдаване; [14] скакания; [15] половодье; [16] большие шатры.

гром живет от владыки с небесе. От стрелбы их той огненной стоял огнь и дым до неба, все наши градские крепости потряслися от стрелбы их огненные, и луна померкла во дни том светлая, в кровь обратилась, как есть наступила тма темная. Страшно нам добре стало от них в те поры и трепетно и дивно несказанно на их стройной приход бусурманской было видети. Никак непостижимо уму человеческому в нашем возрасте [1] того было услышати, не токмо что такую рать великую и страшную и собранную очима кому видети. Близостию самою оне к нам почали ставитца за полверсты малыя от Азова города. Их янычарския головы [2] строем их янычерским идут к нам оне под город великими болшими полки и купами на шаренки [3]. Многия знамена у них, всех янычен [4], великие, неизреченные, черные бе знамена. Набаты [5] у них гремят, и в трубы трубят и в барабаны бъют в великия ж несказанныя. Двенатцать их голов яныческих. И пришли к нам самою близостию к городу стекшися, оне стали круг города до шемпова в восм рядов от Дону, захватя до моря рука за руку [6]. Фитили у них у всех янычар кипят у мушкетов их, что свечи горят. А у всякого головы в полку янычаней по двенатцати тысящей. И все у них огненно, и платье на них, на всех головах яныческих златоглавое, на янычанях на всех по збруям их одинакая красная, яко зоря кажется. Пищали у них у всех долгие турские з жаграми. А на главах у всех янычаней шишаки, яко звезды кажутся. Подобен строй их строю салдацкому. Да с ними ж тут в ряд стали немецких два полковника с салдатами. В полку у них солдат 6000.

Того же дни на вечер, как пришли турки к нам под город, прислали к нам паши их турецкие толмачей своих бусурманских, перских и еллинских [7]. А с ними, толмачами, прислали говорить с нами яныченскую голову первую от строю своего пехотного. Почал нам говорить голова их яныческой словом царя своего турского и от четырех пашей и от царя крымского речью гладкою:

«О люди божии царя небеснаго, никем в пустынях водимы или посылаеми. Яко орли парящи, без страха по воздуху летаете, и яко лвы свирепи в пустынях водимы, рыкаете, казачество донское и волское [8], свирепое, соседи наши ближние, непостоянные нравы, лукавые, вы пустынножителем лукавые убицы, разбойницы непощадные, несытые ваши очи, неполное

---

[1] на своем веку; [2] командиры; [3] отрядами в шеренгах (?); [4] янычар; [5] барабаны; [6] то есть окружив; [7] персидских и греческих; [8] волжское.

ваше чрево, николи не наполнится. Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили вы на такую десницу высокую, на царя турского. Не впрям еще вы на Руси богатыри светоруские. Где вы тепере можете утечи от руки ево? Прогневали вы Мурат салтанова величества, царя турского Да вы ж взяли у нево любимою ево цареву вотчину, славной и красной Азов город. Напали вы на него, аки волцы гладные. Не пощадили вы в нем никакова мужичска возраста [1] ни старова жива, и детей побили всех до единова. И положили вы тем на себя лютое имя звериное. Разделили государя царя турскаго со всею ево ордою крымскою воровством своим и тем Азовым городом. А та у него орда крымская — оборона ево на все стороны. Убили вы у него посла ево турского Фому Катузина, с ним побили вы армен и греченин, а послан он был к государю вашему. Страшная вторая: разлучили вы его с карабелним пристанищем. Затворили вы им Азовым городом все море Синее: не дали проходу по морю ни караблям ни катаргам ни в которое царство, поморские городы. Согрубя вы такую грубость лютую, чего конца в нем своего дожидаетесь? Очистите вотчину Азов город в ночь сию не мешкая. Что есть у вас в нем вашего серебра и злата, то понесите из Азова города вон с собою в городки свои казачьи, без страха, к своим товарищам. А на отходе ничем не тронем вас. А естли толко вы из Азова города в нощ сию не выйдете, не можете уж завтра у нас живы быти. И кто вас может, злодеи убицы, укрыть или заступить от руки ево такие силные и от великих таких страшных и непобедимых сил его, царя восточного турского? Хто постоит ему? Несть никово равна или ему подобна величеством и силами на свете, единому лише повинен он богу небесному, един он лишь верен страж гроба божия: по воле ж божией избра ево бог единаго на свете ото всех царей. Промышляйте в нощ сию животом своим.

Не умрете от руки ево, царя турскаго, смертию лютою: своею он волею великой государь восточной, турской царь, не убийца николи вашему брату, вору, казаку-разбойнику. Ему то, царю, честь достойная, что победит где царя великого, равнаго своей чести, а ваша ему не дорога кров разбойничья. А естли уже пересидите в Азове городе нощ сию чрез цареву такую милостивую речь и заповеть, примем завтра град Азов и вас в нем, воров-разбойников, яко птицу в руце свои. Отдадим вас, воров, на муки лютые и грозные. Раздробим всю плоть вашу на крошки дробные. Хотя бы вас, воров, в нем

[1] взрослых мужчин.

сидело 40 000, ино силы под вас прислано с пашами болши 300 000. Волосов ваших столко нет на главах ваших, сколко силы турския под Азовом городом. Видите вы и сами, воры глупые, очима своима силу ево великую, неизреченную, как оне покрыли всю степь великую. Не могут, чаю, с высоты города очи ваши видеть другова краю сил наших, однех писмяных [1]. Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица парящая: от страху людей ево и от множества сил наших валитца вся с высоты на землю. И то вам, вором, дает ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никакой от человек к вам не будет руских помощи и выручки. На што вы надежны, воры глупые? И запасу хлебного с Руси николи к вам не присылают. А естли толко вы служить похочете, казачество свирепое, государю царю волному рать салтанову величеству, толко принесете ему, царю, винные [2] свои головы разбойничьи в повиновение на службу вечную. Отпустит вам государь наш турецкой царь и паши ево все ваши казачьи грубости прежние и нынешное взятье азовское. Пожалует наш государь, турецкой царь, вас, казаков, честию великою. Обогатит вас, казаков, он, государь, многим неизреченным богатством. Учинит вам, казаком, он, государь, во Цареграде у себя покой великий. Во веки положит на вас, на всех казаков, платье златоглавое и печати богатырские з золотом, с царевым клеймом своим. Всяк возраст вам, казаком, в государеве ево Цареграде будут кланятся. Станет то ваша казачья слава вечная во все краи от востока и до запада. Станут вас называть во веки все орды бусурманские и енычены и персидские светорускими богатыри, што не устрашилися вы, казаки, такими своими людми малыми, с семью тысящи, страшных таких непобедимых сил царя турского — 300 000 письменных. Дождалися их вы к себе полкы под город. Каков пред вами, казаками, славен и силен и многолюден и богат шах, персицкой царь. Владеет он всею великою Персидою и богатою Индеею. Имеет у себя рати многия, яко наш государь турецкой царь. И тот шах, персидской царь, впрям не стоит николи на поле противу силного царя турскаго. И не сидят люди ево персидские противу нас, турок, многими тысящи в городех своих, ведая оне наше свирепство и бестрашие».

Ответ наш казачей из Азова города толмачем и голове яническому:

«Видим всех вас и до сех мест [3] про вас ведаем же, силы и пыхи [4] царя турского все знаем мы. И видаемся мы с вами,

---

[1] сосчитанных; [2] повинные; [3] доныне; [4] угрозы.

турскими, почасту на море и за морем на сухом пути. Знакомы уж нам ваши силы турецкие. Ждали мы вас в гости к себе под Азов дни многие. Где полно ваш Ибрагим, турской царь, ум свой девал? Али у нево, царя, не стало за морем серебра и золота, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов наших, четырех пашей своих, а с ними, сказывают, что прислал под нас рати своея турецкия 300 000. То мы и сами видим впрямь и ведаем, что есть столко силы ево под нами, с триста тысящ люду боевого, окроме мужика черново. Да на нас же нанял он, ваш турецкой царь, ис четырех земель немецких салдат шесть тысячь да многих мудрых подкопщиков, а дал им за то казну свою великую. И то вам, турком, самим ведомо, што с нас по се поры нихто наших зипунов даром не имывал. Хотя он нас, турецкой царь, и взятьем возьмет в Азове городе такими своими великими турецкими силами, людми наемными, умом немецким, промыслом, а не своим царевым дородством [1] и разумом, не большая то честь будет царя турского имяни, что возмет нас, казаков в Азове городе, не изведет он тем казачья прозвища, не запустиет Дон головами нашими. На взыскание наше [2] молотцы з Дону все будут. Пашам вашим от них за море итти. Естли толко нас избавит бог от руки ево силныя такия, отсидимся толко от вас в осаде в Азове городе от великих таких сил его, от трехсот тысящей, людми своими такими малыми, всево нас казаков во Азове сидит отборных оружных 7590, соромота ему будет царю вашему вечная от ево братии и от всех царей. Назвал он сам себя, будто он выше земных царей. А мы людие божии, надежа у нас вся на бо́га, и на мать божию богородицу, и на их угодников, и на свою братью товарыщей, которые у нас по Дону в городках живут. А холопи мы природные [3] государя царя христианскаго царства московского. Прозвище наше вечное — казачество великое донское безстрашное. Станем с ним, царем турским, битца, что с худым свиным наемником. Мы себе, казачество волное, укупаем [4] смерть в живота места. Где бывают рати ваши великия, тут ложатся трупы многие. Ведомы мы людии — не шаха персидского: их то вы что жонок засыпаете в городех их горами высокими. Хотя нас, казаков, сидит сем тысящей пятьсот девяносто человек, а за помощию божиею не боимся великих ваших царя турского трехсот тысящей и немецких промыслов. Гордому ему бусурману, царю турскому, и пашам вашим бог противитца за ево такие слова высокие. Равен он, собака смрадная, ваш

[1] силой; [2] отомстить за нас; [3] по рождению; [4] предпочитаем.

турской царь, богу небесному пишется. Не положил он, бусурман поганой и скаредной, бога себе помошника. Обнадежился он на свое великое тленное богатство. Вознес сотона, отец ево, гордостью до неба, а пустит ево за то бог с высоты в бездну вовеки. От нашей ему казачьей руки малыя соромота ему будет вечная, царю. Где ево рати великия топеря в полях у нас ревут и славятца [1], завтра тут лягут люди ево от нас под градом и трупы многия. Покажет нас бог за наше смирение христианское перед вами, собаками, яко львов яростных. Давно у нас в полях наших летаючи, а вас ожидаючи, хлекчут орлы сизые и грают вороны черные подле Дону, у нас всегда брешут лисицы бурые, а все они ожидаючи вашево трупу бусурманского. Накормили мы их головами вашими, как у турского царя Азов взяли, а топере им опять хочется плоти вашея, накормим уж их вами досыти. Азов мы взяли у нево царя турскаго не татиным [2] веть промыслом, впрям взятьем, дородством своим и разумом для опыту, каковы ево люди турецкие в городех от нас сидеть. А сели мы в нем людми малыми ж, розделясь нароком [3] надвое, для опыту: посмотрим турецких сил ваших и умов и промыслов. А все то мы применяемся к Ерусалиму и Царюграду, лучитця нам так взять у вас Царьград. То царство было христианское. Да вы ж нас, бусурманы, пужаете, что с Руси не будет к нам запасов и выручки, будто к вам, бусурманом, из государства Московскога про нас то писано. И мы про то сами ж и без вас, собак, ведаем, какие мы в государстве Московском на Руси люди дорогие и к чему мы там надобны. Черед мы свой сами ведаем. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияет оно посреди всех государств и орд бусурманских и еллинских и персидских, яко солнце. Не почитают нас там на Руси и за пса смердящаго. Отбегохом мы ис того государства Московского из работы вечныя, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да зде вселилися в пустыни непроходные, живем, взирая на бога. Кому там потужить об нас? Ради там все концу нашему. А запасы к нам хлебные не бывают с Руси николи. Кормит нас, молотцов, небесный царь на поле своею милостию: зверьми дивиими [4] да морскою рыбою. Питаемся, ако птицы небесные: ни сеем, ни орем, ни збираем в житницы. Так питаемся подле моря Синяго. А сребро и золото за морем у вас емлем. А жены себе красные любые, выбираючи, от вас же водим. А се мы у вас взяли Азов город своею казачьею волею, а не государьским

[1] бахвалятся; [2] не воровским; [3] нарочно; [4] дикими.

повелением, для зипунов своих казачьих да для лютых пых ваших. И за то на нас государь наш, холопей своих далних, добре кручиноват. Боимся от него, государя царя, за то казни к себе смертныя за взятье азовское. И государь наш, великой, пресветлой и праведной царь, великий князь Михайло Феодоровичь всеа Русии самодержец, многих государств и орд государь и обладатель. Много у него, государя царя, на великом холопстве таких бусурманских царей служат ему, государю царю, как ваш Ибрагим турской царь. Коли он, государь наш, великой пресветлой царь, чинит по преданию святых отец, не желает разлития крове вашея бусурманския. Полон государь и богат от бога ж данными своими и царскими оброками и без вашего смраднаго бусурманского и собачья богатства. А естли на то было тако ево государское повеление, восхотел бы толко он, великой государь, кровей ваших бусурманских разлития и городам вашим бусурманским разорения за ваше бусурманское к нему, государю, неисправление, хотя бы он, государь наш, на вас на всех бусурманов велел быть войною своею украиною, которая сидит у него, государя, от поля, от орды нагайские, ино б и тут собралося людей ево государевых руских с одной ево украины болши легеона тысящи. Да такие ево государевы люди руские украинцы, что они подобны на вас и алчны вам, яко лвы яростные, хотят поясть живу вашу плоть бусурманскую. Да держит их и не повелит им на то ево десница царская, и в городех во всех под страхом смертным за царевым повелением держат их воеводы государевы. Не скрылся бы ваш Ибрагим, царь турской, от руки ево государевой и от жестокосердия людей ево государевых и во утробе матери своей, и оттуду бы ево, распоров, собаку, выняли да пред лицем царевым поставили. Не защитило бы ево, царя турского, от руки ево государевой и от ево десницы высокие и море бы Синее, не удержало людей ево государевых. Было бы за ним, государем, однем летом Ерусалим и Царьгород попрежнем, а в городех бы турецких во всех ваших не устоял и камень на камени от промыслу руского. Вы ж нас зовете словом царя турского, чтоб нам служить ему, царю турскому. А сулите нам от него честь великую и богатство многое. И мы люди божии, холопи государя московского, а се нарицаемся по крещению христианя православные, как можем служить царю неверному, оставя пресветлой свет здешной и будущей? Во тму итти не хочетца! Будем мы ему, царю турскому, в слуги толко надобны, и мы, отсидевся и одны от вас и от сил ваших, побываем у него, царя, за морем, под ево Царемградом, посмотрим ево Царяграда

строения, кровей своих. Там с ним, царем турским, переговорим речь всякую, лиш бы ему наша казачья речь полюбилась. Станем ему служить пищалями казачьими да своими саблями вострыми. А топерво нам говорить не с кем, с пашами вашими. Как предки ваши, бусурманы, учинили над Царемградом — взяли ево взятьем, убили в нем государя, царя храброго Костянтина благовернаго, побили христиан в нем многие тысящи-тмы, обагрили кровию нашею христианскою все пороги церковныя, до конца искоренили всю веру христианскую, так бы нам над вами учинить нынече с обрасца вашего. Взять бы его, Царьград, взятьем из рук ваших Убить бы против того в нем вашего Ибрагима, царя турского, и со всеми вашими бусурманы, пролить бы так ваша кровь бусурманская нечистая, тогда бы то у нас с вами мир был в том месте. А топере нам и говорить с вами болше того нечего, что мы твердо ведаем. А что вы от нас слышите, то скажите речь нашу пашам своим. Нелзя нам мирится или верится бусурману с христианином. Какое преобращение! Христианин побожится душею христианскою, да на той он правде век стоит, а ваш брат, бусурман, побожится верою бусурманскою, а вера ваша бусурманская и житье ваше татарское равно з бешеною сабакою. Ино чему вашему брату-собаке верити? Ради мы вас завтра подчивать, чем у нас молотцов в Азове бог послал. Поезжайте от нас к своим глупым пашам, не мешкая. А опять к нам с такою глупою речью не ездите. Оманывать вам нас, ино даром лише дни терять. А кто к нам от вас с такою речью глупою опять впредь буде, тому у нас под стеною убиту быть. Промышляйте вы тем, для чего вы от царя турского к нам присланы.

Мы у вас Азов взяли головами своими молодецкими, людми немногими. А вы ево у нас ис казачьих рук доступаете [1] уже головами турецкими, многими своими тысещи. Кому-то из нас поможет бог? Потерять вам под Азовым турецких голов своих многие тысящи, а не видать ево вам из рук наших казачьих и до веку. Нешто ево, отняв у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодоровичь, всеа России самодержец, да вас им, собак, пожалует попрежнему, то уже ваш будет: на то ево воля государева».

Как от Азова города голова и толмачи приехали в силы своя турецкия к пашам своим, и начаша в рати у них трубить в трубы великия собранные. После той их трубли почали у них бить в грамады [2] их великия и набаты и в роги и в цебылги [3]

---

[1] добиваетесь; [2] орудия; [3] цимбалы.

почали играть добре жалостно. А все разбирались опе в полках своих и строилися ночь всю до свету. Как на дворе в часу уже дни, почали выступать из станов своих силы турецкия. Знамена их зацвели на поле и прапоры [1], как есть по полю цветы многия. От труб великих и набатов их пошол неизреченной звук. Дивен и страшен приход их к нам под город.

Пришли к приступу немецкие два полковника с салдатами. За ними пришел строй их весь пехотной яныческой — сто пятдесят тысячь. Потом и орда их вся пехотою ко граду и к приступу, крикнули стол смело и жестоко приход их первой. Приклонили к нам они все знамена свои ко граду. Покрыли наш Азов город знаменами весь. Почали башни и стены топорами сечь. А на стены многия по лесницам в те поры взошли. Уже у нас стала стрелба из града осаднаго: до тех мест молчали им. Во огни уже и в дыму не мочно у нас видети друг друга. На обе стороны лише огнь да гром от стрельбы стоял, огнь да дым топился [2] до небеси. Как то есть стояла страшная гроза небесная, коли бывает с небеси, гром страшный с молнием. Которые у нас подкопы отведены были за город для их приступного времене, и те наши подкопы тайные все от множества их неизреченных сил не устояли, все обвалились: не удержала силы их земля. На тех то пропастях побито турецкия силы от нас многия тысящи. Приведен у нас был весь наряд на то место подкопное и набит был он у нас весь дробом сеченым. Убито у них под стеною города на приступе том в тот первой день турков шесть голов однех яныческих да два немецкия полковника со всеми своими салдатами с шестью тысящи. В тот же день, вышед, мы вынесли болшое знаме на выласке, царя турскаго, с коим паши ево перво приступали к нам турские, тот первой день всеми людьми своими до самой уже ночи и зорю всю вечернюю. Убито у них в тот первой день от нас под городом, окроме шти [3] голов их яныческих и дву полковников, одных янычаней дватцать полтретьи тысящи [4], окроме раненых.

На другой день в зорю светлую опять к нам турские под город прислали толмачей своих, чтоб нам дати им отобрати от града побитой их труп, который у нас побит под Азовом, под стеною города. А давали нам за всякую убитую яныческу голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту талеров. И войском за то не постояли им [5], не взяли у них за битые головы серебра и золота: «Не продаем

---

[1] флажки; [2] клубился; [3] шести; [4] двадцать две с половиной тысячи; [5] не приняли их предложения.

мы никогда трупу мертваго, но дорога нам слава вечная. То вам от нас из Азова города, собакам, игрушка первая, лише мы молотцы ружье свое почистили. Всем то вам, бусурманам, от нас будет, иным нам вас нечем подчивать, дело у нас осадное». В тот другой день бою у нас с ними не было. Отбирали они свой побитой труп до самой до ночи; выкопали ему, трупу своему, глубокой ров от города три версты и засыпали ево тут горою высокою и поставили над ним многие признаки [1] бусурманские и подписаны на них языки розными.

После того в третей день опять оне к нам, турки, пришли под город со всеми своими силами, толко стали уже вдали от нас, а приступу к нам уже не было. Зачали ж их люди пешие в тот день вести к нам гору высокую, земляной великой вал, выше многим Азова города. Тою горою высокою хотели нас покрыть в Азове городе своими великими турецкими силами. Привели ее в три дни к нам. И мы, видя ту гору высокую, горе свое вечное, что от нее наша смерть будет, попросяу бога милости и у пречистые богородицы помощи и у Предтечина образа, и призывая на помощь чюдотворцы московские, и учиня меж себя мы надгробное последнее прощение друг з другом и со всеми христианы православными, малою своею дружиною седмью тысящи пошли мы из града на прямой бой противу их трехсот тысящ.

«Господь, сотворитель, небесный царь, не выдай нечестивым создания рук своих: видим оних сил пред лицем смерть свою лютую. Хотят нас живых покрыть горою высокою, видя пустоту [2] нашу и безсилие, что нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия их силы турецкия. А мы, бедныя, не отчаяли от себя твоея владычни милости, ведая твоя щедроты великия, за твоею божиею помощию за веру христианскую помираючи, бьемся противу болших людей трехсот тысячь и за церкви божия, за все государьство Московское и за имя царское».

Положа на себя все образы смертныя, выходили к ним на бой, единодушно все мы крикнули, вышед к ним: «С нами бог, разумейте, языцы неверные, и покоритеся, яко с нами бог!»

Услышели неверные изо уст наших то слово, что с нами бог, не устоял впрям ни один против лица нашего, побежали все и от горы своей высокия. Побили мы их в тот час множество, многия тысящи. Взяли мы у них в те поры на выходу, на том бою у той горы, шеснатцать знамен одних яныческих

---

[1] надгробия; [2] малочисленность.

да дватцать восм бочек пороху. Тем то их мы порохом, подкопався под ту их гору высокую, да тем порохом разбросали всю ее. Их же побило ею многия тысящи и к нам их янычаня тем нашим подкопом живых их в город кинуло тысячу пятсот человек. Да уж мудрость земная их с тех мест миновалася. Повели уже они другую гору позади ее, болши тово, в длину ее повели лучных стрелбища в три, а в вышину многим выше Азова города, а широта ей — как бросить на нее дважды каменем. На той то уже горе оне поставили весь наряд свой пушечной и пехоту привели всю свою турецкую, сто пятдесят тысячь, и орду нагайскую всю с лошадей збили. И почели с той горы из наряду бить оне по Азову городу день и нощ беспрестанно. От пушек их страшный гром стал, огнь и дым топился от них до неба. Шеснатцать дней и шеснатцать нощей не премолк наряд их ни на единой час пушечной. В те дни и нощи от стрелбы их пушечной все наши азовские крепости распалися. Стены и башни все и церков Предтечева и полаты збили все до единые у нас по подошву самую.

А и наряд наш пушечной переломали весь. Одна лише у нас во всем Азове городе церков Николина в полы [1] осталась, потому и осталася, што она стояла внизу добре [2], к морю под гору. А мы от них сидели по ямам. Всем выглянут нам из ям не дали. И мы в те поры зделали себе покои великия в земле под ними, под их валом: дворы себе потайные великие. И с тех мы потайных дворов своих под них повели 28 подкопов, под их таборы. И тем мы подкопами учинили себе помощ, избаву великую. Выходили ношною порою на их пехоты янычана, и побили мы множество. Теми своими выласками нощными на их пехоту турецкую положили мы на них великой страх, урон болшой учинили мы в людех их. И после того паши турецкия, глядя на наши те подкопные мудрые осадные промыслы, повели уже к нам напротиву из своево табору 17 подкопов своих. И хотели оне к нам теми подкопами проити в ямы наши, да нас подавят своими людми велими. И мы милостию божиею устерегли все те подкопы их, порохом всех их взорвало, и их же мы в них подвалили многие тысящи. И с тех то мест подкопная их мудрость вся миновалась, постыли уж им те подкопные промыслы.

А было всех от турок приступов к нам под город Азов 24 приступа всеми людьми. Окроме болшова приступа первого, такова жестоко и смела приступу не бывало к нам: ножамя

[1] до половины; [2] значительно ниже.

мы с ними резались в тот приступ. Почали к нам уж оне метать в ямы наши ядра огненные чиненые и всякие немецкие приступные мудрости. Тем нам они чинили пуще приступов тесноты [1] великие. Побивали многих нас и опаливали. А после тех ядр уж огненных, вымысля над нами умом своим, отставя же они все свои мудрости, почали оне нас осиливать и доступать прямым боем своими силами.

Почали они к нам приступу посылать на всяк день людей своих, яныченя; по десяти тысящей приступает к нам целой день до нощи; и нощ придет, на перемену им придет другая десять тысящ; и те уж к нам приступают нощ всю до свету: ни часу единого не дадут покою нам. А оне бъются с переменою день и нощ, чтобы тою истомою осилеть нас. И от такова их к себе зла и ухищренного промыслу, от бессония и от тяжких ран своих, и от всяких лютых нужд, и от духу смраднаго труплова отягчали мы все и изнемогли болезньми лютыми осадными. А все в мале дружине своей уж остались, переменитца некем, ни на единый час отдохнуть нам не дадут. В те поры отчаяли уже мы весь живот свой и в Азове городе и о выручке своей безнадежны стали от человек, толко себе и чая помощи от вышняго бога. Прибежим, бедные, к своему лиш помощнику, Предтечеву образу, пред ним, светом, росплачемся слезами горкими: «Государь-свет, помощник наш, Предтеча Иван, по твоему, светову, явлению разорили мы гнездо змиево, взяли Азов город. Побили мы в нем всех христианских мучителей, идолослужителей. Твой, светов, и Николин дом очистили, и украсили мы ваши чудотворные образы от своих грешных и недостойных рук. Бес пения у нас по се поры перед вашими образы не бывало, а мы вас, светов, прогневали чем, что опять идете в руки бусурманские? На вас мы, светов, надеяся, в осаде в нем сели, оставя всех своих товарыщев. А топере от турок видим впрям смерть свою. Поморили нас безсонием, дни и нощи безпрестани с ними мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулися и руки наши от обороны уж не служат нам, замертвели, уж от истомы очи наши не глядят, уж от беспрестанной стрелбы глаза наши выжгли, в них стреляючи порохом, язык уш наш во устнах наших не воротитца на бусурман закрычать — таково наше безсилие, не можем в руках своих никакова оружия держать. Почитаем мы уж себя за мертвой труп. З два дни, чаю, уже не будет в осаде сидения нашего. Топере мы, бедные, роставаемся с вашими иконы чудотворными

[1] страдания.

и со всеми христианы православными: не бывать уж нам на святой Руси. А смерть наша грешничья в пустынях за ваши иконы чудотворныя, и за веру христианскую, и за имя царское, и за все царство Московское».

Почали прощатися:

«Прости нас, холопей своих грешных, государь наш православной царь Михайло Федоровичь всеа Русии! Вели наши помянуть души грешныя! Простите, государи, вы патриархи вселенские! Простите, государи, все митрополиты, и архиепископы, и епископы! И простите все архимандриты и игумены! Простите, государи, все протопопы, и священницы, и дьяконы! Простите, государи, все христианя православные, и поминайте души наши грешные с родительми! Не позорны ничем государству Московскому! Мысля мы, бедныя, умом своим, чтобы умереть не в ямах нам и по смерти бы учинить слава добрая». Подняв на руки иконы чюдотворныя, Предтечеву и Николину, да пошли с ними против бусурман на выласку, их милостию явною побили мы их на выласке, вдруг вышед, шесть тысящей. И, видя то, люди турецкия, што стоит над нами милость божия, што ничем осилеть не умеют нас, с тех то мест не почали уж присылать к приступу к нам людей своих. От тех смертных ран и от истомы их отдохнули в те поры. После тово бою, три дни оне погодя, опять их толмачи почали к нам кричать, чтобы им говорити с нами. У нас с ними уж речи не было, потому и язык наш от истомы нашей во устах наших не воротится. И оне к нам на стрелах почали ерлыки [1] метать. А в них оне пишут к нам, просят у нас пустова места азовского, а дают за него нам выкупу на всякого молотца по триста тарелей [2] сребра чистаго да по двести тарелей золота красного.

«А в том вам паши наши и полковники сердитуют душею турскою, веть што ныне на отходе ничем не тронут вас, подите с серебром и з золотом в городки свое и к своим товарыщем, а нам лише отдайте пустое место азовское».

А мы к ним напротиву пишем: «Не дорого нам ваше собачье серебро и золото, у нас в Азове и на Дону своево много. То нам, молодцам, дорого надобно, чтобы наша была слава вечная по всему свету, что не страшны нам ваши паши и силы турецкия. Сперва мы сказали вам: дадим мы вам про себя знать и ведать паметно на веки веков во все краи бусурманские, штобы вам было казать, пришед от нас, за морем царю своему турскому глупому, каково приступать к казаку рускому. А сколко вы

[1] записки; [2] талеров.

у нас в Азове городе розбили кирпичу и камени, столко уж взяли мы у вас турецких голов ваших за порчу азовскую. В головах ваших да костях ваших складем Азов город лутче прежнева. Протечет наша слава молодецкая во веки по всему свету, что складем городы в головах ваших. Нашол ваш турецкой царь себе позор и укоризну до веку. Станем с нево имать по всякой год уж вшестеро». После тово уж нам от них полехчело, приступу уж не бывало к нам, сметилися [1] в своих силах, што их под Азовым побито многие тысящи. А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную. Многие от нас люди искусные в осаде то видели во сне, и вне сна, ово жену прекрасну и светлолепну, на воздусе стояще посреди града Азова, ини мужа древна власы [2], в светлых ризах, взирающих на полки бусурманския. Ино та нас мать божия богородица не предала в руце бусурманския. И на них нам помощ явно дающе, вслух нам многим глаголюще умилным гласом: «Мужайтеся, казаки, а не ужасайтеся! Сей бо град Азов от беззаконных агарян [3] зловерием их обруган [4] и суровством их нечестивым престол Предтечин и Николин осквернен. Не токмо землю в Азове или престолы осквернища, но и воздух над ним отемнища, торжище тут и мучителство христианское учиниша, разлучаша мужей от законных жен, сыны и дщери разлучаху от отцов и от матерей. И от многово того плача и рыдания земля вся христианская от них стонаху. А о чистых девах и о непорочных вдовах и о сущих младенц безгрешных и уста моя не могут изрещи, на их обругания смотря. И услыша бог моления их и плачь, виде создание рук своих, православных христиан, зле погибающе, дал вам на бусурман отомщение: предал вам град сей и их в руце ваши. Не рекут нечистивыи: «Где есть бог ваш христиански?» И вы братие не пецытеся [5], отжените весь страх от себя, не пояст [6] вас никой бусурманской мечь. Положите упование на бога, приимите венец нетленно от Христа, а души ваши примет бог, имате царствовати со Христом во веки».

Атаманы многие ж видели от образа Иванна Предтечи течаху от очей ево слезы многия по вся приступы. А первой день, приступное во время, видех ломпаду полну слез от ево образа. А на выласках от нас из города все видеша бусурманы, турки, крымцы и нагаи, мужа храбра и млада в одеже ратной, с одним мечем голым на бою ходяще, множество бусурман

---

[1] прикинули, посчитали; [2] седовласого; [3] магометан; [4] поруган; [5] печальтесь; [6] сразит.

побиваше. А наши не видели, лишо мы противу убитому [1] знаем, што дело божие, а не рук наших. Пластаны [2] люди турецкие, а сечены наполы: послана на них победа с небеси. И оне о том нас, бусурманы, многажды спрашивали: «Хто от вас выходит из града на бой с мечем?» И мы им сказываем: «То выходят воеводы наши».

А всего нашего сидения в Азове от турок в осаде было июня з 24 числа 149 году до сентября по 26 день 150 году. И всего в осаде сидели мы 93 дни и 93 нощи. А сентября в 26 день в нощи от Азова города турецкие паши с турки и крымской царь со всеми силами за четыре часа до свету, возмятясь [3] окаянные и вострепетась, побежали, никем нами гонимы. С вечным позором пошли паши турецкие к себе за море, а крымской царь пошол в орду к себе, черкасы пошли в Кабарду свою, нагаи пошли в улусы все. И мы, как послышали отход их ис табаров,— ходило нас, казаков, в те поры на таборы их тысяча человек. А взяли мы у них в таборех в тое пору языков, турок и татар живых, четыреста человек, а болних и раненых застали мы з две тысящи.

И нам тея языки в роспросех и с пыток говорили все единодушно, отчево в нощи побежали от града паши их и крымской царь со всеми своими силами. «В нощи в той с вечера было нам страшное видение. На небеси, над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского. И стала она против самаго табору нашего. А перед нею, тучею, идут по воздуху два страшные юноши; а в руках своих держат мечи обнаженые, а грозятся на наши полки бусурманские. В те поры мы их всех узнали. И тою нощию страшные воеводы азовские во одежде ратной выходили на бой в приступы наши из Азова города. Пластали нас и в збруях [4] наших надвое. От тово-то страшново видения бег пашей турецких и царя крымского с таборов».

А нам, казакам, в ту же нощь с вечера в виде се всем виделось: по валу бусурманскому, где их наряд стоял, ходили тут два мужа леты древны, на одном одежда иерейская, а на другом власяница мохнатая. А указывают нам на полки бусурманские, а говорят нам: «Побежали, казаки, паши турецкие и крымской царь ис табор, и пришла на них победа Христа, сына божия, с небес от силы божия». Да нам же сказывали языки те про изрон людей своих, что их побито от рук наших под Азовом городом: письмяново люду побито однех у них мурз и татар,

---

[1] по убитым; [2] рассечены; [3] придя в смятение; [4] доспехах.

янычен их, девяносто шесть тысящ, окроме мужика черного и охотника тех янычан. А нас всех казаков в осаде село в Азове толко 7367-м человек. А которые осталися мы, холопи государевы, и от осады тои, то все переранены, нет у нас человека целова ни единого, кой бы не пролил крови своея, в Азове сидечи, за имя божие и за веру христианскую. А топере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси просим милости, сиделцы [1] азовские и которые по Дону и в городках своих живут, холопей своих чтобы пожаловал и чтобы велел у нас принять с рук наших ту свою государеву вотчину, Азов город, для светого Предтечина и Николина образов, и што им, светом, годно тут. Сем Азовым городом заступит он, государь, от войны всю свою украину, не будет войны от татар и во веки, как сядут в Азове городе.

А мы, холопи ево, которые осталися у осаду азовския силы, все уже мы старцы увечные: с промыслу и з бою уж не будет нас. А се обещание всех нас предтечева образа в монастыре сво постричися, принять образ мнишески. За него, государя, станем бога молить до веку и за ево государское благородие. Ево то государскою обороною оборонил нас бог, верою, от таких турецких сил, а не нашим то молодецким мужеством и промыслом. А буде государь нас, холопей своих далних, не пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова города, заплакав, нам ево покинути. Подимем мы, грешные, икону Предтечеву да и пойдем с ним, светом, где нам он велит. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у нас над нами будет игуменом, а ясаула пострижем, тот у нас над нами будет строителем. А мы, бедные, хотя дряхлые все, а не отступим от ево Предтечева образа, помрем все тут до единова. Будет во веки славна лавра Предтечева.

И после тех же атаманов и казаков, что им надобно в Азов для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запасу, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денег на то на все надобно 221 000 рублев.

Нынешняго 150 году по прошению и по присылки турского Ибрагима салтана царя, он, государь царь и великий князь Михайло Феодоровичь, пожаловал турского Ибрагима салтана царя, велел донским атаманом и казаком Азов град покинуть.

---

[1] бывшие в осаде.

КНИГА, ГЛАГОЛЕМАЯ УРЯДНИК НОВОЕ УЛОЖЕНИЯ И УСТРОЕНИЯ ЧИНУ СОКОЛЬНИЧЬЯ ПУТИ

Государь, царь и великий князь, Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, указал быть новому сему обрасцу и чину для чести и повышения ево государевы красныя и славныя птичьи охоты, сокольничья чину. И по ево государеву указу никакой бы вещи без благочиния и без устроения уряженого и удивительного не было, и чтоб всякой вещи честь, и чин, и образец писанием предложен был. Потому, хотя мала вещ, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна — никто же зазрит, никто же похулит, всякой похвалит, всякой прославит и удивитця, что и малой вещи честь, и чин, и образец положен по мере. А честь и чин и образец всякой вещи большой и малой учинен потому: честь укрепляет и возвышает ум, чин управляет и утвержает крепость. Урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление, стройство же предлагает дело. Без чести же малитца и не славитца ум, без чину же всякая вещ не утвердитца и не укрепитца, безстройство же теряет дело и вставляет безделье. Всякий же, читателю, почитай, и разумевай, и узнавай, а нас слагателя похваляй, а не осуждай.

Что всякой вещи потреба? Мерение, сличие [1], составление, укрепление; потом в ней или около ее: благочиние, устроение, уряжение. Всякая же вещ без добрыя меры и иных вышеписаных вещей безделна суть и не может составитца и укрепитца.

[1] мера, подобие.

Паче же почитайте сию книгу, красныя и славныя птичьи охоты, прилежныя и премудрыя охотники, да многие вещи добрые и разумныя узрите и разумеете. Аще с разумом прочтете, найдете всякого утешнаго добра; аще же ни, наследите [1] всякого неутешнаго зла.

Молю и прошю вас премудрых, доброродных и доброхвалных охотников, насмотритися всякого добра: вначале благочиния, славочестия, устроения, уряжения сокольничья чину начальным людем [2], и птицем их, и рядовым устроения по чину же; потом на поле утешатися и наслаждатися сердечным утешением во время. И да утешатца сердца ваша, и да пременятца, и не опечалятца мысли ваши от скорбей и печалей ваших.

И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя, и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичья добыча. Безмерна славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая переласка и добыча. Красносмотрительно же и радостно высокова сокола лёт. Премудро же челига соколья добыча и лёт. Добровидна же и копцова добыча и лёт. По сих же доброутешна и приветлива правленых [3] ястребов и челигов ястребьих ловля. К водам рыщение [4], ко птицам же доступание. Начало же добычи и всякой ловле — разсуждения охотникова временам и порам, разделение же птицам в добычах. Достоверному же охотнику несть в добыче и в ловле разсуждения временам и порам: всегда время и погодье в поле.

Будите охочи, забавляйтеся, утешайтеся сею доброю потехою зело потешно, и угодно, и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякия. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте нелениво и безскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычю.

О славнии мои советники и достовернии и премудрии охотники! Радуйтеся и веселитеся, утешайтеся и наслаждайтеся сердцами своими, добрым и веселым сим утешением в предъидущия лета.

Сия притча душевне и телесне; правды же и суда и милостивыя любве и ратного строю николи же позабывайте: делу время и потехе час.

---

[1] навлечете на себя; [2] старшие по положению, чину; [3] выученных; [4] стремительное движение.

БЛАГОЧИНИЕ И СЛАВОЧЕСТИЕ СОКОЛЬНИЧЬЯ ЧИНУ НАЧАЛЬНЫМ ЛЮДЕМ

Как государь жалует верьховых [1] сокольников из рядовых в начальные сокольники, и кому государь укажет быть в начальных сокольниках, и ково подсокольничей и начальные сокольники приговорят быть в начальных сокольниках, тово государь и пожалует.

СТАТЬИ ДО ГОСУДАРЕВА ПРИШЕСТВИЯ КО УСТРОЕНИЮ, КО УРЯЖЕНИЮ, КО СЛАВОЧЕСТИЮ НОВОВЫБОРНАГО

1-я статья

Егда же приспеет час к государской милости к нововыборному, тогда подсокольничей, Петр Семеновичь Хомяков, велит переднюю избу Соколенного пути нарядить к государеву пришествию. И велит послать ковер диковатой [2] и положить на ковер озголовья полосатое бархатное: а пух в нем диких уток. А живет [3] то озголовья и ковер в казне соколенного чину. И противу государева озголовья и золотова ковра велит поставить 4 стула нарядные, а на них велит посадить 4 птицы: а стулья поставят сим образцом. А промеж стулов велит сена наслать и покрыть попоною, где нарежат [4] нововыборнаго. На 1 стул посадить кречета, на 2 стул посадить челига кречатья, на 3 стул посадить сокола, на 4 стул посадит челига соколья. А будет не случитца челига соколья, и в то место посадить сокола на 4 стул. А сидеть птицам на тех стулах розных всех статей первым [5] птицам.

И позади места урежает потсокольничей, и велит поставить стол и покрыть ковром, и с начальными сокольниками на столе кладет, и урежает наряды птичьи нововыборного и нововыбранного наряд. И уставляет птицы нововыбранного около стола в рядовом наряде. А держат их всех статей рядовые сокольники 2-е по росписи: 1 статьи, Парфенья Яковлева сына Таболина,— Андрюшка Кельин; 2 статьи, Михея Федорова сына Таболина,— Алешка Камчатой; 3 статьи Левонтья Иванова сына Григорова,— Власка Лабутин; 4 статьи, Терентья Максимова сына Тулубьева,— Гришка Молчанов. И рядовых сокольников поставляет по чину же, со птицами, в лутчем платье без шапок.

---

[1] дворцовых, придворных; [2] серо-зеленого цвета; [3] хранится; [4] облачают, одевают; [5] лучшим.

А птицы держат в большем наряде и в нарядных рукавицах, розных статей, по росписи, и безо птиц в нарядных рукавицах, от стола направо и налево, возле лавок, в один человек [1].

А начальных сокольников поставляет: 1-ва Парфенья Таболина, 3-ва Левонтья Григорова, по праву, у стола и у наряду, перед редовыми сокольниками.

2 статья

Велит потсокольничей вздеть на нововыборного государево жалованье [2]: новой цветной кафтан суконной, с нашивкою золотною или с серебреною: х какому цвету какая пристанет; сапоги желтые.

3 статья

А как нарядитца, и ему быть до государева пришествия в особой избе. А с ним быти 2-м человеком ис старых рядовых сокольников первым, из 2-й и из 3-й статьи: из 2-й Микитке Плещееву, из 3-й Мишке Ерофееву; да и ево сокольником поддатнем [3] всем быти, которые останутца за нарядом, в лутчем платье и в нарядных рукавицах.

И уредя и устроя все по чину. И станет сам подсокольничей перед нарядом, мало поотступя от стола направо. А стоит в ферезее, надев шапку искривя, и дожидаетца государева пришествия с начальными сокольники и со всеми рядовыми.

СТАТЬИ ПРИ ГОСУДАРЕВЕ ПРИШЕСТВИИ

1. Как государь, царь и великий князь, Алексей Михайловичь, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец, придет в переднюю избу Сокольничья пути и, пришед, изволит сесть на своем государеве месте, и старшей потсокольничей с начальными соколники, и с рядовыми старыми сокольниками, и с поддатнями государю челом ударит.

А шапка потсокольничему сняти в ту пору, как увидит государевы пресветлые очи. И челом уларя государю, подсокольничей отступит от стола и от наряду на правую сторону. И мало

[1] по одному человеку; [2] подарок, пожалование; [3] помощникам.

постояв, подступает бережно и докладывает государя, а молыт: «Время ли, государь, образцу и чину быть?» И государь изволит молыть: «Время, объявляй образец и чин».

И потсокольничей отступает на свое место. И став на месте и пооправяся добролично и добровидно, кликнет начальнова сокольника четвертова и молыт: «Четвертой начальной, Терентей Толубеев, прими у Андрушки челига, розмыть. нововыборнова статьи, и поднеси ко мне». И тот начальной сокольник, приняв челига, поднесет к нему, и он велит держать подле себя по указу.

А мало поноровя [1], подсоколничей а молыт: «Началные, время наряду и час красоте». И начальные емлют с стола наряд: 1-й, Парфеней, возьмет клобучек, по бархату червчетому [2] шит серебром с совкою нарядною; 2-й, Михей, возьмет колокольцы серебреные позолочены; 3-й, Левонтей, возьмет обнасцы и должик тканые з золотом волоченым. И уготовя весь наряд на руках, подшед к потсокольничему, начальные сокольники нарежают кречета; Левонтей кладет обнасцы и должик, Михей кладет колокольцы, Парфеней кладет клобучок с совкою. А нарядя начальные кречета, отступают к прежним своим местам.

И наряжают нововыбранного сокольника достальных птиц в большей наряд по чину на тех местех, где их держат рядовые сокольники. А нарядя их, начальные сокольники станут около стола у наряду, на прежних своих местех.

2. И старшей потсокольничей паки подступает к государю и докладывает: «Время ли, государь, приимать, и по нововыбранного посылать, и украшение уставлять?» И царь и великий князь молыт: «Время; приимай, и посылай, и уставляй».

И потсокольничей паки отступает на свое место. И станет на месте и молыт ясно, громогласно: «Подай рукавицу». И начальной сокольник 3-й статьи, Левонтей Григоров, поднесет ему рукавицу. И потсокольничей вздевает рукавицу тихо, стройно; и вздев рукавицу, велит ему, Левонтью, отступить на прежнее свое место к наряду.

И потсокольничей, пооправся и поучиняся, перекрестя лице свое, приимает у начального сокольника четвертова, у Терентья Толубеева, челига, нововыборного статьи, премудровато и оброзсцовато; и велит ему отступить на прежнее свое место к наряду, и, приняв кречета, мало подступает к царю и великому князю благочинно. смирно, урядно; и станет поодоле царя и великого князя человечно, тихо, бережно, весело и кречета

[1] подождав; [2] красному.

держит чесно, явно, опасно [1], стройно, подправительно, подъявительно к видению человеческому и х красоте кречатье.

...5. А начальные сокольники, как учнут ставить нововыбранного на поляново, приимаютца за наряд нововыбранного и с стола емлют: 1-й статьи, Парфеней Таболин, емлет шапку горностайную и держит за верх по обычаю; 2-й статьи, Михей Таболин, емлет рукавицу с притчами и держит по обычаю же; 3-й статьи, Левонтей Григоров, емлет перевезь — тесма серебреная — и держит по обычаю же. А у перевези привешен бархат червчет, четвероуголен, а на бархате шит канителью [2] райская птица Гамаюн; а в Гамаюне писмо, а в писме писано уставление, укрепление, обещание нововыборного; 4-й держит тесму золотную. А нововыборного статьи поддатни, рядовые сокольники, емлют с стола последней наряд: 1-й поддатень, Федька Кошелев, держит вабило; 2-й поддатень, Наумка Петров, держит ващагу, 3-й поддатень, Кирюшка Мослов, держит рог серебреной; 4-й поддатень, Елисейко Батогов, держит полотенцо.

6. И мало подождав, потсокольничей, подступяся к государю, докладывает государя, а молыт: «Время ли, государь, мере и чести и укреплению быть?» И государь молыт: «Время, укрепляй».

И потсокольничей отступает на прежнее свое место, а молыт: «Начальные, время мере, и чести, и удивлению быть». И начальные сокольники потступят к нововыборному и ево наряжают: 4-й опоясывает тесмою, 3-й кладет перевезь с писмом, в бархате застегнута; 2-й кладет рукавицу с притчами, а первой стоит у наряду, держит шапку до указу.

Потом потступят, нововыборного статьи, 4 человека подначальные: поднесет 1-й, Федка Кошелев, вабило большого наряду и крюком на левой стороне за колцо прицепит; 2-й, Наумко Петров, поднесет вашагу и привесит на правой стороне за кольцо; 3-й, Кирюшка Мослов, поднесет рог серебреной и полотенцо и привесит рог на правой стороне за колцо; а 4-й, Елисейко Батогов, поднесет полотенцо и привесит. И, привеся, поотступят мало от нововыборного и стоят за ним...

---

[1] осторожно; [2] серебряным или золотым шитьем.

ПИСЬМО ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА А. Л. ОРДИНУ-НАЩОКИНУ

Верному и избранному и радетельному [1] о божиих и о наших государских делах и судящему людей божиих и наших государевых вправду (воистину доброе и спасительное дело людей божиих судить вправду), наипаче же христолюбцу и миролюбцу, нищелюбцу и трудолюбцу и совершенно богоприимцу и странноприимцу и нашему государеву всякому делу доброму ходатаю и желателю, думному нашему дворянину и воеводе Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину от нас, великого государя, милостивое слово.

Учинилось нам ведомо, что сын твой попущением божиим, а своим безумством объявился во Гданске. А тебе, отцу своему, лютую печаль учинил, и тоя ради печали, приключившейся тебе от самого сатаны, и мню, что и от всех сил бесовских, исшедшу сему злому вихру и смятоша воздух аерный, и разлучиша и отторгнуша напрасно сего доброго агнца яростным и смрадным своим дуновением от тебе, отца и пастыря своего. И мы, великий государь, и сами по тебе, верном своем рабе, поскорбели приключившейся ради на тя сея горькие болезни и злого оружия, прошедшего душу и тело твое. Ей, велика скорбь и туга воистинно!

Еще же скорбим и о сожительнице твоей, яко же и о пустыножилице и единопребывательнице в дому твоем, и приемшую горькую пелынь [2] тую в утробе своей, и зело оскорбляемся двойного и неутешного ея плача: первого ея плача не имущи тебя, богом данного и истинна супруга своего пред очима своима всегда; второго плача ея о восхищении [3] и разлучении, от лютого и

[1] заботливому; [2] полынь; [3] отторжении.

яростного зверя, единоутробного птенца своего, напрасно отторгнутого от утробы ее. О злое сие насилие от темного зверя попущением божиим, а ваших грех ради!

Воистинно зело велик и неутешим плач, кроме божия надеяния, обоим вам, супругу с супружницею, лишившиеся такового наследника и единоутробного от недр своих, еще же утешителя и водителя старости и угодителя честной вашей седине и по отшествии вашем в вечные благие памятотворителя доброго. Бьешь челом нам, чтоб тебя переменить. И ты от которого обычая такое челобитье предлагаешь? Мню, что от безмерные печали. Обесчестен ли бысть? Но к славе, яже ради терпения на небесех лежащей, взирай. Отщетен [1] ли бысть? Но взирай богатство небесное и сокровище, еже скрыл еси себе ради благих дел. Отпал ли еси отечества? Но имаши отечество на небесех — Иерусалим. Чадо ли отложил [2] еси? Но ангелы имаши, с ними же ликоствуеши [3] у престола божия и возвеселишися вечным веселием.

Не люто бо есть пасти, люто бо есть падши не востати: так и тебе подобает от падения своего пред богом, что до конца впал в печаль, востати борзо и стати крепко, и уповати и дерзати и на его приключившееся действо крепко и на свою безмерную печаль дерзостно, безо всякого сомнительства. Воистинно бог с тобою есть и будет во веки и на веки. Сию печаль той да обратит вам в радость и утешит вас вскоре.

А что будто и впрямь сын твой изменил, и мы, великий государь, его измену поставили ни во что, и конечно ведаем, что кроме твоея воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил. И будет тебе, верному рабу Христову и нашему, сына твоего дурость ставить в ведомство и в соглашение твое ему: и он, простец, и у нас, великого государя, тайно был и не по одно время и о многих делах с ним к тебе приказывали, а такова просто умышленного яда под языком его не ведали. А тому мы, великий государь, не подивляемся, что сын твой сплутал: знатно то, что с малодушия то учинил. Он человек молодой, хощет создания и владычня и творения руку его видеть на сем свете, яко же и птица летает семо и овамо[4] и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от святого духа во святой купели, и к вам вскоре возвратится.

И тебе, верному рабу божию и нашему государеву, видя к себе божию милость и нашу государскую отеческую премногую

---

[1] лишен богатства; [2] отверг; [3] возликуешь; [4] туда и сюда.

милость, и отложа тое печаль, божие и наше государево дело совершать, смотря по тамошнему делу. А нашего государского не токмо гневу на тебя к ведомой плутости сына твоего,— ни слова нет; а мира сего тленного и вихров, исходящих от злых человек, не перенять, потому что во всем свете рассеяни быша, точию бо человеку душою пред богом не погрешить, а вихры злые, от человек нашедшие, кроме воли божией что могут учинити? Упование нам бог, а прибежище наше Христос, а покровитель нам есть дух святый.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

И почему было Москве царством быть, и хто то знал, что Москве государством слыть?

Были тут по Москве-реке села красные, хорошы боярина Кучка Стефана Ивановича. И бысть у Кучка боярина два сына красны, и не было столь хорошых во всей Руской земле. Изведав про них князь Данило Суздальский и спроси у боярина Кучка Ивановича двух сынов к собе во двор с великим прением. И глагола: «Аще не дашь сынов своих ко мне во двор, и яз-де на тобя с войной приду, и тобя мечем погублю, и села твои красные огнем пожгу». И боярин Кучко Стефан Иванович убояся грозы князя Данила Суздальсково и отдав сынов обоих своих князю Данилу Суздальскому. И князю же Данилу Суздальскому полюбилися оба сынови Кучковы, почал их любити, и пожалова их — одного в стольники и другаго в чашники.

И приглянулись оне Данилове княгине Улите Юрьевне, и уязви дьявол ея блудною похотью, возлюби красоту лица их; и дьявольским возжелением зжилися любезно. И здумали извести князя Данила. И мысля Кучка боярина дети со княгиною, како предати злой смерти. И умыслиша ехати поля смотрити зайца лову. И поехав князь Данило с ними на поле и отъехав в дебрии, и нача Кучковы дети предавати злой смерти князя Данила. Князь ускоче на коне своем в рощу, частоте леса, и бежав зле [1] Оку-реку, остав конь свой. Оне же злии, аки волцы лютии, напрасно [2] хотя восхитити его, и в торопях и сами во ужасте иска его, и не могоша надти его, но токмо нашед коня его.

Князь же добежав зле Оку-реку до перевоза, и нечево дати перевозчику перевозного, токмо с руки перстень злат. Перевоз-

[1] подле, вдоль; [2] внезапно, неожиданно, врасплох.

Даниил Александрович, князь Московский.
Миниатюра. Конец XVII в.

«Титулярник» (ГПБ, Эрмитажное собр., № 440, л. 27).

щик глаголаше: «Лихи-де вы люди оманчивы, како перевези за реку вас, и удете не заплатя перевознаго». А не познав его, что князь есть. Перевозчик же приехавше блиско ко брегу и протянув весло: подай-де перстень на весло перевознаго. Князь же возложыв на весло свой перстень злат, перевозщык взяв перстень к собе, и отпехнувся в перевозне за Оку-реку, и не перевез его.

Князь побеже зле Оку-реку, бояся за собою людей погонщиков. И наста день той к вечеру темных осенных ночей. И не весть, где прикрытися: пусто место в дебрии. И нашед струбец, погребен ту был упокойный мертвый. Князь же влезе в струбец той, закрывся, забыв страсть [1] от мертвого. И почии нощь темну осенную до утрия.

Сынове же боярина Кучка Ивановича быв в сетованье и в печали, во скорби велицей, что упустили князя Данила жыва с побоища ранена: «Лутче было нам не мыслити и не деяти над князем злого дела смертнаго. Ушел-де князь Данило ранен от нас в Володимер-град ко брату своему, ко князю Андрею Александровичю, и будеть князь Андрей к нам за то с войским, и принят будет от них злая казнь розноличная и смерть лютая, а тебе, княгина Улита Юрьевна, повешеной быть на воротех и зле ростриляной, или в землю по плечь жывой быть закопаной, что мы напрасно здумали зло на князя неправедно».

Злая же та княгина Улита, наполни ей дьявол в сердце злыи мысли на мужа своего, князя Данила Александровича, аки ярому змею яда лютаго, а дьявольским и сотониным навождением блудною похотью возлюбив милодобрех и наложников и сказа им, Кучковым детям, своим любовником, все по ряду: «Есть-де у нас пес выжлец. И как князь Данило поежжает на грозные побоища против тотаровей и крымских людей и заказывает мне поедучи: «Либо-де я от тотаровей или от крымских людей убит буду, или на поле случитце мне смерть безвестная, и в трупу человечье меня сыскать или опознать будет немошно, или и в полон возмут жыва меня тотаровя, и которой дорогой в кою страну свезут меня жыва в свою землю, и ты пошли искать меня своих дворян с тем со псом выжлетом, и вели им пусти пса того наперед проста [2] и за ним самим ехати, и где будет я жыв свезен, и пес той дорогой дойдет меня, или на поле буду мертв без висти, или на побоище убит в трупу многаго человечья, и образ у меня у мертваго от кровавых ран переиначитце, не познать меня, и тот пес сыщет без оманки [3] меня и мертвому мне

[1] страх; [2] Здесь: отвязанного; [3] без ошибки.

почнет радоватися, а мертвое мое тело почнет лизать на радосте».

И на утрии княгина Улита того пса выжлеца дав им, своим любовником, и твердо им наказывала: «Где вы его, князя, со псом сыщете жыва, и тут ему скоро и смерти предайте без милости». Они же, злии, злаго ума от тоя злоядницы княгины Улиты наполнились, взяв пса того, и доехав того места, где князя Данила вчера ранили, и с того места пустиша напред собя пса выжлеца. И пес побеже, а они за ним скоро ехаша. И побежав пес зле Оку-реку, и добежав до того струпца упокойнаго, где ухоронися князь, и забив пес главу свою в струбец, а сам весь пес в струбец не вместися, и увиде пес государя своего, князя Данила, и нача ему радоватись ласково. Те же искомыи его увидевше пса радующеся и хвостом машуще и, скоро скоча, скрывают покров струбца того и нашли тут князя Данила Александровича. И скоро ту князю смерть дают лютую, мечи и копьи прободоша ребра ему и отсекоша главу ему, в том же струбце покрыша тело его.

Той же благоверный князь Данило Александрович бысть четвертый мученик новый, прият мученическую смерть от прелюбодеяний жены своие. Первыи мученики, Борис и Глеб, и Святослав, убьени быша от брата своего, окаянного Святополка, рекомого Поганогополка. Кучковы же дети приехав во град Суздаль, и привезли ризу кровавую князя Данила Александровича ко княгини его, и немного жыша со княгиной той в бесовском возжделением, сотониным законом связавшися, удручая тело свое блудною любовною похотию, скверня в прелюбодевствии.

Но скоро доходит весть в Володимер-град ко князю Андрею Александровичю, что здеяся таковое злоубивствие над братом его Данилом. Сыне же его, Ивану Даниловичю, внуку Александрову, остася младу сущу, но токмо пяти лет и трех месяц, и храняше его и соблюде его верный слуга бысть князю Данилу, именем Давыд Тярдемив, храняше его втаи два месяца. И зжалися той верный слуга Давыд о княже сыне Иване, и взяв его отай нощию, и паде на конь, и гнав с ним скоро ко граду Володимеру, ко князю Андрею Александровичю, по рождению к дядюшке его. И сказав слуга той Давыд князю Андрею все по ряду бывшое, что во граде Суздале содеяся злоубивствие над братом его Данилом.

Князь же Андрей зжалися по брате своем, аки князь Ярослав Владимерович по братьи своей, по Борисе, и Глебе, и по Святославе, на окаяннаго злаго братоубийца Святополка, нарекомого Поганого полка. И собра Ярослав новгородцев войска,

и бога собе в помощь призывая, и шед ратию, и отмстив кровь праведну братьи своей, Бориса, и Глеба, и Святослава, победив окаянного Святополка Поганогополка. Такоже сий новый Ярослав, князь Андрей Александрович, прослезився горце [1] по брате своей, князе Даниле Суздальском, и воздев руце на небо, и рече со слезами: «Господи, владыко, творце и всему создатель, мстил еси ты кровь праведну Бориса и Глеба князю Ярославу на окаянного Святополка. Такоже, господи владыко, мсти кровь сию неповинную, мне грешному, брата моего, князя Данила, на злых сих блудников, наложников тоя бляди Улитки, несытых их плотских, блудных, скверных, грязных похотей, бесовских угодных дел, связанья их сотонина закона. Святополк окаянный братоубивство сотворив, очи его злыи прельстися несытии сребра, и злата, и имения многаго, власть царствати сего света на един час восхотев, а небеснаго царства во веки отринух, а во дне адове вовеки мучение возлюбив. Тако же и та блядь Улитка своего чрева блудныя, скверныя похоти несытовство всласть на един час в бескорывство приим, не токмо небеснаго царьства отринувся, но и сего света власть, и злато, и сребро, и ризы многоценныя отринув, но возлюби скверность блудную, похоть чреву, несытость, возляже с теми наложники на един час, сласть возлюби, всю земную красоту забыв, а стала ино аки ад изблева, похоть скверную вылья, невеста готовитце окаянному Святополку во дне адове, от сотаны дьявола закон приемлют вовеки мучение, мужа своего изгубих своими наложники, аки сотона со двема дьяволы».

И собра князь Андрей в Володимере-граде своего войска пять тысящь и поиде ко граду Суздалю. И слышав во граде Суздале Кучка боярина Стефана Ивановича дети, что идет на них из Володимера-града князь Андрей с войским, и обыде [2] их страх и ужасть, что напрасно пролия кровь неповинную. И не возмогоша стати противо князя Андрея ратоватися, и бежа ко отцу своему, к Кучку боярину Стефану Ивановичю. Князь же Андрей своим воинством пришед в Суздаль-град. Суздальцы же не противишася ему, но токмо покоришася ему глаголюще: «Государю князь Андрей Александрович, мы бо не советники государю своему убоица [3] князю Данилу, но не вемыи, что жена его злую смерть ему в кий час получи и можем тобе, князю Андрею, пособьствовати на слых тех изменников». И взяв княгину Улиту, и казня всякими муками розноличными, и предаде ея смерти лютое, что она, злая, таковаго безтутства [4], детеля [5]

[1] горько; [2] охватил; [3] убийцам; [4] бесстыдства; [5] создателя.

бога не убояшася и вельможь, всяких людей не усрамишась, а от добрых жен укору и посмеху не постыдешася, мужа своего злой смерти предала, и сама ту же злую смерть прия.

И собрався суздальцев три тысячи войска ко князю Андрею пособъствовати, и поидоша князь Андрей со всею силою на боярина Кучка Стефана Ивановича. И не было у Кучка боярина круг [1] его красных сел ограды каменныя, ни острогу деревянного, и немного возмог Кучко боярин боем битися. И не вдолге князь Андрей своей силою войскою емлет приступом селы и слободы красныя Кучка боярина, и самого его, Кучка боярина, и с его детми в полон емлет. И куют их в железа крепкие, и казнят его и з детми его всякими казнями розноличными лютыми. И ту Кучко боярин и своими детми злую смерть приять в лето 6797 [2] месяца марта в 17 день.

Князь же Андрей Александровичь отмстив кровь брата своего, победив Кучка боярина и злых убиец князя Данила, брата своего, а детей Кучка боярина и все именье богатства его розграбиша, а сел и слобод красных еще не позжгоша огнем. И воздаде славу богу на радосте, и почии ту до утрия. И на утрии востав и посмотрив по тем красным селам и слободам, и вложы бог в сердце князю Андрею мысль: те села и слободы добре ему красны полюбилися, и мысли во уме своем уподобися ту граду быть. И воздохнув из глубины сердца своего, и помолився богу со слезами, и возрев на небо, и рече: «Боже вседержителю, творче и всему создатель, просвяти, господи, место сие, уподобися граду быти и церквам божиим, подаж ми, господи, помощь хотения мысли моея устроити». И оттоле князь Андрей седе в тех красных селах и слободах жительствовати, во граде же Суздале и в Володимере посажая державъствовати сына своего Георгия, а плямника [3] своего, брату сына, Ивана Даниловича, к собе взяв и воспитав его до возраста в добре наказании.

Той же благоверный князь Андрей Александрович созижде церковь святыя богородицы честнаго и славнаго ея Благовещенья, но невелику сущи, древянную, и бога в помощь собе призывающи и пречистую его богоматерь. Таже нача и град основати около тех красных сел по Москве-реке, бога собе в помощь призывая, с ним же пособствова суздальцы, и володимерцы, и ростовцы, и все окрестные. Ту и соверши град божию помощию, и устрои, и башни здела, и все градное устрои в лета 6799 [4] месяца июля в 27 день на память святого великомученика Пантелеймона. И оттоле нача именоватися и прославися град той Москва.

---

[1] вокруг; [2] 1289; [3] племянника; [4] 1291.

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

В МОРИ ПЕРЕД БОЛШИМИ РЫБАМИ СКАЗАНИЕ О ЕРШЕ О ЕРШОВЕ СЫНЕ, О ЩЕТИНЕ О ЯБЕДНИКЕ, О ВОРЕ О РАЗБОЙНИКЕ, О ЛИХОМ ЧЕЛОВЕКЕ, КАК С НИМ ТЯГАЛИСЯ РЫБЫ ЛЕЩ ДА ГОЛОВЛЬ, КРЕСТЬЯНЯ РОСТОВСКОГО УЕЗДУ

Лета 7105 [1] декабря в день было в болшом озере Ростовском сьежджалися судии всех городов, имена судиям: Белуга Ярославская, Семга Переяславская, боярин и воевода Осетр Хвалынского моря, окольничей был Сом, больших Волских предел [2], судные мужики Судок да Щука-трепетуха.

Челом били Ростовского озера жильцы, Лещ да Головль, на Ерша на щетину по челобитной. А в челобитной их написано было: «Бьют челом и плачутца сироты божии и ваши крестьянишька, Ростовскаго озера жильцы, Лещ да Головль. Жалоба, господа, нам на Ерша на Ершова сына, на щетинника на ябедника, на вора на разбойника, на ябедника на обманщика, на лихую, на раковые глаза, на вострые щетины, на худово недоброво человека. Как, господа, зачалось озеро Ростовское, дано в вотчину на век нам после отцев своих, а тот Ерш щетина, ябедник, лихой человек, пришел из вотчины своей, из Волги из Ветлужскаго поместья из Кузьмодемянскаго стану, Которостью-рекою к нам в Ростовское озеро з женою своею и з детишками

[1] 1596; [2] волжских краев.

своими, приволокся в зимную пору на ивовых санишках и загрязнился и зечернился, что он кормился по волостям по дальним и был он в Черной реке, что пала она в Оку-реку, против Дудина монастыря.

И как пришел в Ростовское озеро и впросился у нас начевать на одну ночь, а назвался он крестиянином. И как он одну ночь переначевал, и он вопрошался у нас в озеро на малое время пожить и покормитися. И мы ему поверили и пустили ево на время пожить и покормитися и з женишком и з детишками. А пожив, итти было ему в Волгу, а жировать ему было в Оке-реке. И тот воришько Ершь обжился в наших вотчинах в Ростовском озере, да подале нас жил и з детьми расплодился, да и дочь свою выдал за Вандышева сына и росплодился с племянем своим, а нас, крестиян ваших, перебили и переграбили, и из вотчины вон выбили, и озером завладели насильством з женишком своим и з детишьками, а нас хощет поморить голодною смертию. Смилуйтеся, господа, дайте нам на него суд и управу».

И судии послали пристава Окуня по Ерша по щетину, велели поставить. И ответчика Ерша поставили перед судиями на суде. И суд пошел, и на суде спрашивали Ерша:

«Ершь щетина, отвечай, бил ли ты тех людей и озером и вотчиною их завладел?»

И ответчик Ершь перед судиями говорил: «Господа мои судии, им яз отвечаю, а на них яз буду искать безчестия своего, и назвали меня худым человеком, а яз их не бивал и не грабливал и не знаю, ни ведаю. А то Ростовское озеро прямое мое, а не их, из старины дедушьку моему Ершу Ростовскому жильцу. А родом есьми аз истаринший [1] человек, детишка боярские, мелких бояр по прозванию Вандышевы, Переславцы. А те люди, Лещ да Головль, были у отца моего в холопях. Да после, господа, из батюшка своего, не хотя греха себе по батюшкове душе, отпустил их на волю и з женишками и з детишьками, а на воле им жить за мною во хрестиянстве, а иное их племя и ноне есть у меня в холопях во дворе. А как, господа, то озеро позасохло в прежние лета и стало в томь озере хлебная скудость и голод велик, и тот Лещь да Головль сами сволоклися на Волгу-реку и по затонам розлилися. А ныне меня, бедново, отнють продают напрасно. И коли оне жили в Ростовскомь озере, и оне мне никогда и свету не дали, ходят поверх воды. А я, господа, божиею милостию и отцовымь благословениемь и материною молитвою не чмуть [2], ни вор, ни тать и ни разбойник, а полишнаго [3] у меня никакова

[1] родовитый; [2] проходимец; [3] краденых вещей.

не вынимывали, живу я своею силою и правдою отеческою, а следом ко мне не прихаживали и напраслины никакой не плачивал. Человек я доброй, знают меня на Москве князи и бояря и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех, и едят меня в ухе с перцемь и шавфраномь и с уксусомь, и во всяких узорочиях, а поставляють меня перед собою чесно на блюдах, и многи люди с похмеля мною оправливаютца».

И судии спрашивали Леща с товарищи: «Что Ерша еще уличаите ли чем?»

И Лещь говорил: «Уличаем божиею правдою да кресным целованием и вами, праведными судиями».

«Да сверх кресново целования есть ли у нево, Ерша, на то Ростовское озеро какое письмо или какие даные или крепости какие не буть?»

И Лещь сказал: «Пути-де у нас и даные утерялися, а сверх тово и всем ведамо, что то озеро Ростовское наше, а не Ершево. И как он, Ершь, тем озером завладел сильно [1], и всем то ведамо, что тот Ершь лихой человек и ябедник и вотчиною нашею владеет своим насильством».

И Лещь с товарищем слалися: «Сшлемся, господа, из виноватых, на доброво человека, а живет он в Новгородском уезде в реке Волге, а зовут его рыба Лодуга, да на другово доброво человека, а живет он под Новымгородом в реке, зовут его Сигом. Шлемся, господа наши, что то Ростовское озеро из старины наше, а не Ершово».

И судии спрошали Ерша щетинника: «Ершь щетинник, шлесьса ли ты на Лещеву общую правду?» И Ершь им говорил: «Господа праведные судии, Лещь с товарищи своими люди прожиточные, а я человек небогатой, а съезд у меня вашим посылочным людям и пожитку нет, по ково посылка починать. А те люди в далнем разстоянии, шлюся на них в послушество, что оне люди богатые, а живут на дороге. И оне хлеб и соль с теми людми водят меж собою».

И Лещь с товарищем: «Шлемся, господа, из виноватых на доброво человека, а живет он в Переславском озере, а зовут его Селдь рыба».

И Ершь так говорил: «Господа мои судии, Лещь Сигу да Лодуге и Сельди по племяни [2], промеж собою ссужаютьца [3], и они по Леще покроют».

---

[1] насильно; [2] родственники; [3] дают деньги в долг.

И судии спрашивали Ерша: «Ершь щетина, скажи нам, почему тебе те люди недруги, а живешь ты от них подалеку?» И Ершь говорил так: «Дружбы у нас и недружбы с Сигом и с Лодугою и з Сельдию не бывало, а слатся на них не смею, потому что путь дальней, а езду платить нечем, а се Лещь — он с ними во племяни».

И судии спрашивали и приговорили Окуню приставу съездити по те третие, на коих слалися в послушество на общую правду, и поставити их пред судиями. И пристав Окунь поехал по правду и взял с собою понятых Мня. И Мень ему отказал: «Что ты, братец, меня хощешь взять, а я тебе не пригожуся в понятые — брюхо у меня велико, ходити я не могу, а се у меня глаза малы, далеко не вижу, а се меня губы толсты, перед добрыми людьми говорить не умею».

И пристав Окунь отпустил Мня на волю да взял в понятые Язя да Саблю да мелкого Молю с пригоршни и поставил правду пред судиями.

И судии спрашивали Сельди да Лодуга и Сига: «Скажите, что ведаете промеж Леща да Ерша, чье из старины то Ростовское озеро было?»

И правду сказали третие: «То-де озеро из старины Лещево да Головлево». И их оправили [1]. «Господа,— люди добрые, а крестияня они божии, а кормятся своею силою, а тот Ершь щетина лихой человек, поклепщик бедо [2], обманщик, воришько, воришько-ябедник, а живет по рекам и по озерам на дне, а свету мало к нему бываеть, он таков, что́ змия ис-под куста глядить. И тот Ерш, выходя из реки на устье, да обманывает большую рыбу в неводы, а сам и вывернетца он, аки бес. А где он впроситца начевать, и он хочет и хозяина-то выжить. И как та беда разплодился, и он хочеть и вотчинника-то посесть, да многих людей ябедничеством своим изпродал и по дворам пустил, а иных людей пересморкал. А Ростовское озеро Лещево, а не Ершово».

И судии спрашивали у Ерша: «Скажи, Ершь, есть ли у тебя на то Ростовское озеро пути и даные и какие крепости?» [3] И Ершь так говорил: «Господа, скажу я вам, были у меня пути и даные и всякие крепости на то Ростовское озеро. И грех ради моих в прошлых, господа мои, годех, то Ростовское озеро горело с-Ыльина дни да до Семеня дни Летоначатьца, а гатить было в тое поры нечем, потому что старая солома придержалася,

---

[1] оправдали; [2] бедовый, ужасный; [3] владельческие документы.

а новая солома в тое пору не поспела. Пути у меня и даные згорели».

И судии спрашивали: «Скажите вы про тово Ерша; назвался он добрым человеком, да знают-де ево князья и бояря, и дворяня и дети боярские, и дьяки и подьячие, и гости и служивые люди, и земские старосты, что он доброй человек, родом сын боярской Вандышевых, Переславцы».

«А мы, господа, стороны, про нево скажем вправду. Знают Ерша на Москве бражники и голыши и всякие люди, которым не сойдетца купить добрые рыбы, и он купит ершев на полденьги, возмет много есть, а более того хлеба разплюеть, а досталь [1] собакам за окно вымечють или на кровлю выкинуть. А из старины словут Вандышевы, Переславцы, а промыслу у них никаково нет, опричь плутовства и ябедничества, что у засельских холопей. Да, чаю, знает ево и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з большим усом, что он, Ершь, вековой обманщик, и обайщик, и ведомой воришко».

И судии спрашивали Осетра: «Осетр, скажи нам про тово Ерша, что ты про нево ведаешь?»

И Осетр, стоячи, молвил: «Право, я вам ни послух, ни что, а скажу про Ерша правду. Знают Ерша на Москве князи и бояря и всяких чинов люди. Толко он — прямой вор, а меня он обманул, а хотел вам давно сказать, да, право, за сорóм не смел сказать, а ныне прилучилося сказать. И еще я вам скажу, как Ершь меня обманул, когда было яз пошел из вотчины своей реки Которости к Ростовскому озеру, и тот Ерш встретил меня на устье, пустил до озера да назвал меня братом. И яз начался ево добрым человеком да назвал ево противу братом. И он меня спросил: «Брате Осетр, далеча ль ты идеш?» И яз ему спроста сказал, что иду в Ростовское озеро жировать. И Ерш рече: «У меня перешиб [2], брате мой милый Осетр, жаль мне тебя, не погинь ты напрасно, а ныне ты мне стал не в чужих. Коли яз пошел из вотчины своей, из Волги-реки, Которостию-рекою к Ростовскому озеру, и тогда яз был здвоя тобя и толще и шире, и щоки мои были до передняго пера, а глава моя была что пивной котел, а очи что пивные чаши, а нос мой был карабля заморскаго, вдол меня было сем сажен, а поперек три сажени, а хвост мой был что лодейной парус. И яз бока свои о берег отер и нос переломал, а ныне ты, брате, видиш и сам, каков яз стал: и менши тобя и дороства моего ничего нет». И яз ему, вору, поверил и от него,

---

[1] остаток; [2] прострел.

блядина сына, назат воротился, а в озеро не пошел, а жену и детей з голоду поморил и племя свое розпустил, а сам одва чуть жив пришел, в Нижнее под Новгород не дошел, в реке и зимовал».

А Сом воевода, уставя свою непригожую рожу широкую и ус роздув, почал говорить: «Право, он прямой человек ведомой вор: мне он не одно зло учинил — брата моево, болшево Сома, затащил в невод, а сам, аки бес, в ячейку и вывернулся. А когда брат мой, болшей Сом, вверх по Волге-реке шел, и тот Ершь щетина, ябедник и бездушник, встретил ево, брата моево, и почал с ним говорить. А в тое время брата моево неводом обкидали и з детьми, а тот Ершь стал говорить: «Далече ли ты, дядюшка Сом, видишь?» И брат мой спроста молвил: «Я-де вижу Волгу с вершины и до устия». А тот Ершь насмеялся: «Далече ты, дядюшка Сом, видишь, а я недалеко вижу, толко вижу, что у тебя за хвостом». А в те поры брата моего и з детми рыболовы поволокли на берег, а он, вор Ершь щетина, в малую ячейку из неводу и вывернулся, аки бес, а брата моево на берег выволокли да обухами и з детми прибили, и Ершь скачет да пляшет, а говорит: «А дак-де нашево Обросима околачивают». Ершь — ведомой вор».

И судии в правду спрашивали и приговорили Лещу с товарищем правую грамоту дать. И выдали Лещу с товарищи Ерша щетину головою.

Беда от бед, а Ершь не ушел от Леща и повернулса к Лещу хвостом, а сам почал говорить: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лещь с товарищем, проглоти с хвоста».

И Лещь, видя Ершево лукавство, подумал Ерша з головы проглотить, ино костоват добре, а с хвоста уставил щетины, что лютые рогатины или стрелы, нельзе никак проглотить. И оне Ерша отпустили на волю, а Ростовским озером по-прежнему стали владеть, а Ершу жить у них во крестиянех. Взяли оне, Лещь с товарищем, на Ерша правую грамоту, чтобы от нево впредь беды не было какой, а за воровство Ершево велели по всем бродом рыбным и по омутом рыбным бить ево кнутом нещадно.

А суд судили: боярин и воевода Осетр Хвалынскаго моря да Сом з болшим усом, да Щука-трепетуха, да тут же в суде судили рыба Нелма да Лосось, да пристав был Окунь, да Язев брат, а палач бил Ерша кнутом за ево вину — рыба Кострашь. Да судные избы был сторож Мен Чернышев да другой Терской, в понятых были староста Сазан Ильменской да Рак Болотов, да

целовальник переписывал животы и статки [1] пять или шесть Подузов Красноперых, да Сорок з десеть, да с пригоршни мелково Молю, да над теми казенными целовальники, которые животы Ершевы переписывали в Розряде, имена целовальником — Треска Жеребцов, Конев брат. И грамоту правую на Ерша дали.

И судной список писал вину Ершову подьячей, а печатал грамоту дьяк Рак Глазунов, печатал левою клешнею, а печать подписал Стерлеть с носом, а подьячей у записки в печатной полате — Севрюга Кубенская, а тюремный сторож — Жук Дудин.

[1] имущество.

СУД ШЕМЯКИН

В некоих местех живяше два брата земледелцы, един богат, други убог. Богаты же ссужая много лет убогова и не може исполнити скудости его. По неколику времени прииде убоги к богатому просити лошеди, на чемь ему себе дров привести. Брат же ему не хотяше дати ему лошеди и глагола ему: «Много ти, брате, ссужал, а наполнити не мог». И егда даде ему лошадь, он же вземь, нача у него хомута просити. И оскорбися на него брат, нача поносити убожество его, глаголя: «И того у тебя нет, что своего хомута». И не даде ему хомута.

Поиде убогой от богатого, взя свои дровни, привяза за хвост лошади, поеде в лес и привезе ко двору своему и забы выставить подворотню и ударив лошадь кнутом. Лошедь же изо всеи мочи бросися чрез подворотню с возом и оторва у себя хвост.

И убоги приведе к брату своему лошадь без хвоста. И виде брат его, что у лошеди ево хвоста нет, нача брата своего поносити, что лошадь, у него отпрося, испортил, и, не взяв лошади, поиде на него бить челом во град к Шемяке судии.

Брат же убоги, видя, что брат ево пошел на него бити челом, поиде и он за братом своим, ведая то, что будет на него из города посылка, а не ити,— ино будет езд [1] приставом платить.

И приидоша оба до некоего села, не доходя до города. Богатый прииде начевати к попу того села, понеже ему знаем. Убогий же прииде к тому же попу и, пришед, ляже у него на полати. А богатый нача погибель сказывать своей лошади, чего ради в город идет. И потом нача поп з богатым ужинати, убогова же не позовут к себе ясти. Убогий же нача с полатей смотрети, что поп з братом его ест, и урвася с полатей на зыпку и удави

[1] плата за прогоны.

попова сына до смерти. Поп также поеде з братом в город бити челом на убогова о смерти сына своего.

И приидоша ко граду, иде же живяше судия. Убогий же за ними же иде. Поидоша через мост в город. Града же того некто житель везе рвом в баню отца своего мыти. Бедный же веды [1] себе, что погибель ему будет от брата и от попа, и умысли себе смерти предати, бросися прямо с мосту в ров, хотя ушибьтися до смерти. Бросяся, упаде на старого, удави отца у сына до смерти; его же поимаше, приведоша пред судию. Он же мысляше, как бы ему напастей избыти и судии что б дати. И ничего у себе не обрете, измысли, взя камень и, завертев в плат и положи в шапку, ста пред судиею. Принесе же брат его челобитную на него исковую в лошеди и нача на него бити челом судии Шемяке.

Выслушав же Шемяка челобитную, глаголя убогому: «Отвещай!» Убогий же, не веды, что глаголати, вынял из шапки тот заверчены камень, показа судии и поклонися. Судия же начаялся [2], что ему от дела убоги посулил, глаголя брату ево: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, и ты у него лошади своей не замай до тех мест [3], у лошеди выростет хвост. А как выростет хвост, в то время у него и лошадь свою возми».

И потом нача другий суд быти. Поп ста искати смерти сына своего, что у него сына удави. Он же также выняв из шапки той же заверчены плат и показа судие. Судиа же виде и помысли, что от другова суда други узел сулит злата, глаголя попу судия: «Коли-де у тебя ушип сына, и ты-де атдай ему свою жену попадью до тех мест, покамест у пападьи твоей он добудет ребенка тебе. В то время возми у него пападью и с ребенком».

И потом нача трети суд быти, что, бросясь с мосту, ушиб у сына отца. Убогий же, выняв заверчены из шапки той же камень в плате, показа в третие судие. Судия же начаяся, яко от третьего суда трети ему узол сулить, глаголя ему, у кого убит отец: «Взыди ты на мост, а убивы отца твоего станеть под мостом, и ты с мосту вержися сам на его, такожде убий его, яко же он отца твоего».

После же суда изыдоша исцы со ответчиком ис приказу. Нача богаты у убогова просити своей лошади, он же ему глагола: «По судейскому указу как-де у ней хвост выростеть, в ту-де тебе пору и лошадь твою отдам». Брат же богаты даде ему за свою лошадь пять рублев, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взя у брата своего пять рублев и лошадь его отда.

---

[1] зная; [2] понадеялся; [3] покамест.

Той же убоги нача у попа просити попадьи по судейскому указу, чтоб ему у нее ребенка добыть и, добыв, попадью назад отдать ему с робенком. Поп же нача ему бити челом, чтоб у него попадьи не взял. Он же взя у него десять рублев.

Той же убоги нача и третиему говорить исцу: «По судейскому указу я стану под мостом, ты же взыди на мост и на меня тако ж бросися, яко ж и аз на отца твоего». Он же размишляя себе: «Броситися мне — и ево-де не ушибить, а себя разшибьти». Нача и той с ним миритися, даде ему мзду, что броситися на себя не веле.

И со всех троих себе взя.

Судиа шь выслa человека ко ответчику и веле у него показанние три узлы взять. Человек же судиин нача у него показанныя три узла просить: «Дай-де то, что ты из шапки судие казал в узлах, велел у тебя то взяти». Он же выняв из шапки завязаны камень и показа. И человек ему нача говорить: «Что-де ты кажеш камень?» Ответчик же рече: «То судии и казал». Человек ему нача его вопрошати: «Что то за камень кажешь?» Он же рече: «Я-де того ради сей камень судье казал, кабы он не по мне судил, и я тем камнем хотел его ушибти».

И пришед человек и сказал судье. Судья же, слыша от человека своего, и рече: «Благодарю и хвалю бога моего, что я по нем судил: ак бы я не по нем судил, и он бы меня ушиб».

Потом убогий отыде в дом свой, радуяся и хваля бога. Аминь.

СКАЗАНИЕ О РОСКОШНОМ ЖИТИИ И ВЕСЕЛИИ

Не в коем государстве добры и честны дворянин вновь пожалован поместицом малым.

И то ево поместье меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубров и садов и рощей избраных, езерь[1] сладководных, рек многорыбных, земель доброплодных. Там по полям пажити видети скотопитательных пшениц и жит различных; изобилны по лугам травы зеленящия, и разноцветущи, цветов сличных[2] прекрасных и благовонных несказанно. По лесам древес — кедров, кипарисов, виноградов, яблонь и груш и вишень и всякого плодного масличья — зело много; и толико премного и плодовито, что яко само древесие человеческому нраву самохотне служит, преклоняя свои вершины и розвевая свои ветви, пресладкия свои плоды обьявляя.

В садех же и дубровах птиц преисполнено и украшено — пернатых и краснопеснивых сиринов и попугаев, и струфокамилов, и иных птах, служащих на снедь человеческому роду. На голос кличещему человеку прилетают, на двор и в домы, и в окны и в двери приходят. И кому какая птица годна, тот ту себе, избрав, взмет, а остаточных прочь отгоняет.

А по мори пристанищ корабелных и портов утешных и утишах[3] добрых без числа много там. Насадов и кораблей, шкун, каторг, бус и лодей, стругов и лоток, паюсков, кояков и карбусов неисчетныи тьме тысящи, со всякими драгоценными заморскими товары безпрестанно приходят: з бархоты и отласы, со златоглавы и оксамиты, и с олтабасы, и с коберцами[4], и с камками. И отходят и торгуют без пошлин.

А по краям и берегам морским драгоценных камней — акинфов, алмазов, яхонтов, изумрудов драгоценных, бисеру и жемчугу — добре много. А по дну морскому песков руд златых и

[1] озер; [2] красивых; [3] гаваней; [4] коврами.

сребреных, и медных и оловяных, мосяровых [1] и железных, и всяких кружцов [2] несказанно много.

А по рекам там рыбы — белугов, осетров и семги, и белых рыбиц и севрюг, стерледи, селди, лещи и щуки, окуни и караси, и иных рыб — много. И толико достаточно, яко сами под дворы великими стадами подходят, и тамошние господари, из домов не исходя, но из дверей и из окон и руками, и удами, и снастями, и баграми ловят.

А по домам коней стоялых — аргамаков, бахматов, иноходцев,— кур и овец, и лисиц и куниц, буйволов и еленей, лосей и соболей и бобров, зайцев и песцов, и иных, одевающих плоть человеческую во время ветров,— безчисленно много.

А за таким великим приходом той земли не бывает снегов, не знают дождя, грозы не видеть, и что́ зима — отнюдь не слыхать. И таких зверей и шубы людем непотребны.

Да там же есть едина горка не добре велика, а около ея будеть 90 миль полских. А около тоя горки испоставлено преукрашенных столов множество, со скатертми и с убрусами и с ручниками, и на них ключи и мисы златыя и сребреныя, хрустальныя и стеклянныя, и различных яств с мясными и с рыбными, с поснымн и скоромными, ставцы [3], и сковороды, и сковородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясныя части и кисель, рыбныя звены и ухи, гуси жареныя и журавли, лебеди и чапли и индейския куры, и курята и утята, кокоши [4] и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и цыплята, хлебы ситныя и пирошки, и сосуды с разными напитками. Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя делвы[5] ренскова и рамонеи, балсамов [6] и тентинов, и иных заморских драгоценных питий множество много. И браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется.

А кто-либо охотник и пьян напьется, ино ему спать довольно нихто не помешает: там усланы постели многия, перины мяхкия пуховыя, изголовья, подушки и одеяла. А похмельным людям также готово похмельных ядей соленых, капусты великия чаны, огурцов и рыжиков, и грушей, и редки, и чесноку, луку и всякия похмелныя яствы.

Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двойнова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк пришед — хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью,— бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту

---

[1] латунных; [2] руд; [3] чашки; [4] петухи; [5] бочки; [6] бальзамов.

всяк пришед пей да и на голову лей, коня своего мой да и сам купайся, и нихто не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно. Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи доволно, и прохлаждайся любовно.

А около гор и по полям, по путем и по дорогам, перцу валяется что сорю [1], а корицы, инбирю — что дубова коренья. А онис и гвоздика, шаврань и кардамон, и изюмныя и винные ягоды, и виноград на все стороны лопатами мечут, дороги прочищают, чтобы ходить куды глаже. А нихто тово не подбирает, потому что всего там много.

А жены там ни прядут, ни ткут, ни платья моют, ни кроят, ни шьют, и потому что всякова платья готоваго много: сорочек и порт мужеских и женских шесты повешены полны, а верхнева платья цветнова коробьи и сундуки накладены до кровель, а перстней златых и сребреных, зарукавей [2], цепочек и монистов без ларцев валяется много — любое выбирай да надевай, а нихто не оговорит, не попретит ни в чем.

А кроме там радостей и веселья, песень, танцованья и всяких игр, плясанья, никакия печали не бывает. Тамошняя музыка за сто миль слышать. Аще кому про тамошней покой и веселье сказывать начнешь, никако ничто тому веры не пойме, покамест сам увидит и услышит.

И кто изволит до таких тамошних утех и прохладов, радостей и веселья ехать, и повез бы с собою чаны с чанички и с чянцы, бочки и бочерочки, ковши и ковшички, братины и братиночки, блюда и блюдички, торелки и торелочки, ложки и ложечки, рюмки и рюмочки, чашки, ножики, ножи и вилочки, ослопы [3] и дубины, палки, жерди и колы, дреколие, роженье [4], оглобли и каменья, броски и уломки [5], сабли и мечи и хорзы, луки, сайдаки [6] и стрелы, бердыши, пищали и пистолеты, самопалы, винтовки и метлы,— было бы чем от мух пообмахнутися.

А прямая дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд [7], оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколню и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкаской, в Чигирин и Кафимской. А кого перевезут Дунай, тот домой не думай.

А там берут пошлины неболшия: за мыты [8], за мосты и за перевозы — з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям.

А там хто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает.

---

[1] сору; [2] браслетов; [3] жерди; [4] заостренные шесты; [5] обломки, хлам; [6] чехлы на луки; [7] Лифляндию; [8] сбор за проезд, провоз товара.

СЛОВО О БРАЖНИКЕ, КАКО ВНИДЕ В РАЙ

Бысть неки бражник, и зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшом господа бога прославлял, и часто в нощи богу молился. И повеле господь взять бражникову душу, и постави ю́ у врат святаго рая божия, а сам ангел и прочь пошел.

Бражник же начя у врат рая толкатися, и приде ко вратам верховный апостол Петр, и вопроси: «Кто есть толкущися у врат рая?» Он же рече: «Аз есмь грешны человек бражник, хощу с вами в раю пребыти». Петр рече: «Бражником зде не входимо!» И рече бражник: «Кто ты еси тамо? Глас твой слышу, а имени твоего не ведаю». Он же рече: «Аз есть Петр апостол». Слышав сия бражник, рече: «А ты помниши ли, Петре, егда Христа взяли на распятие, и ты тогда трижды отрекся еси от Христа? О чем ты в раю живеши?» Петр же отъиде прочь посрамлен.

Бражник же начя еще у врат рая толкатися. И приде ко вратом Павел апостол, и рече: «Кто есть у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребывати». Отвеща Павел: «Бражником зде не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты, господине? Глас твой слышу, а имени твоего не вем».—«Аз есть Павел апостол». Бражник рече: «Ты еси Павел! Помниш ли, егда ты первомученика Стефана камением побил? Аз, бражник, никово не убил!» И Павел апостол отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат толкатися. И приде ко вратом рая царь Давыд: «Кто есть у врат толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю пребыти». Давыд рече: «Бражником зде не входимо!» И рече бражник: «Господине, глас твой слышу, а в очи тебя не вижу, имени твоего не вем».—«Аз есть царь Давыд».

И рече бражник: «Помниши ли ты, царь Давыд, егда слугу своего Урию послал на службу и веле ево убити, а жену ево взял к себе на постелю? И ты в раю живеши, а меня в рай не пущаеши!» И царь Давыд отъиде проч посрамлен.

Бражник начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом царь Соломон: «Кто есть толкаетца у врат рая?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Рече царь: «Бражником зде не входимо!» Бражник рече: «Кто еси ты? Глас твой слышу, а имени твоего не вем».— «Аз есмь царь Соломон». Отвещав бражник: «Ты еси Соломон! Егда ты был во аде, и тебя хотел господь бог оставити во аде, и ты возопил: господи боже мой, да вознесетца рука твоя, не забуди убогих своих до конца! А се еще жены послушал, идолом поклонился, оставя бога жива, и четыредесять [1] лет работал еси им! А я, бражник, никому не поклонился, кроме господа бога своего. О чем ты в рай вшел?» И царь Соломон отъиде проч посрамлен.

Бражник же начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом святитель Никола: «Кто есть толкущися у врат рая?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю во царствие внити». Рече Никола: «Бражником зде не входимо в рай! Им есть мука вечная и тартар неисповедим!» Бражник рече: «Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю, кто еси ты?» Рече Никола: «Аз есть Николай». Слышав сия бражник, рече: «Ты еси Николай! И помниш ли: егда святи отцы были на вселенском соборе и обличяли еретиков, и ты тогда дерзнул рукою на Ария безумнаго? Святителем не подобает рукою дерзку быти. В законе пишет: не уби, а ты убил рукою Ария треклятаго!» Николай, сия слышав, отъиде прочь.

Бражник же еще начя у врат рая толкатися. И приде ко вратом Иоанн Богослов, друг Христов, и рече: «Кто у врат рая толкаетца?» — «Аз есть бражник, хощу с вами в раю быти». Отвещав Иоанн Богослов: «Бражником есть не наследимо царство небесное, но уготованна им мука вечная, что бражником отнюдь не входимо в рай!» Рече ему бражник: «Кто есть тамо? Зане глас твой слышу, а имени твоего не знаю».— «Аз есть Иоанн Богослов». Рече бражник: «А вы с Лукою написали во Евангели: друг друга любяй. А бог всех любит, а вы пришельца ненавидите, а вы меня ненавидите. Иоанне Богослове! Либо руки своея отпишись, либо слова отопрись!» Иоанн Богослов рече: «Ты еси наш человек, бражник! Вниди к нам в рай». И отверзе ему врата.

---

[1] сорок.

Бражник же вниде в рай и сел в лутчем месте. Святи отцы почяли глаголати: «Почто ты, бражник, вниде в рай и еще сел в лутчем месте? Мы к сему месту не мало приступити смели». Отвеща им бражник: «Святи отцы! Не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым!»

И рекоша вси святии отцы: «Буди благословен ты, бражник, тем местом во веки веков». Аминь.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ, КАК ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН

Изволением господа бога и спаса нашего
Иисуса Христа вседержителя,
от начала века человеческаго.
А в начале века сего тленнаго
сотворил бог небо и землю,
сотворил бог Адама и Евву,
повелел им жити во святом раю,
дал им заповедь божественну:
и повелел вкушати плода виноградnаго
от едемскаго [1] древа великаго.
Человеческое сердце несмысленно и неуимчиво:
прелстился Адам со Еввою,
позабыли заповедь божию,
вкусили плода виноградnаго
от дивнаго древа великаго;
и за преступление великое
господь бог на них разгневался,
и изгнал бог Адама со Еввою
из святаго раю, из едемского,
и вселил он их на землю, на нискую.
благословил их растителся — плодитися
и от своих трудов велел им сытым быть,
от земных плодов.
Учинил бог заповедь законную:

[1] райского.

велел им браком и женитбам быть
для рождения человеческаго и для любимых детей.
Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добру убожливи,
а на безумие обратилися
и учели жить в суете и в неправде,
в ечерине [1] великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них господь бог разгневался,—
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие [2] злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учали, наказывать,
на добрыя дела наставливать:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родителскаго,
ты послушай пословицы,
добрыя, и хитрыя, и мудрыя:
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великои.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины [3],
не садися ты на место бóлшее,
не пей, чадо, двух чар заедину!
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых, красных жен,
на отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное [4],
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,

[1] в распре; [2] нищета; [3] пирушки; [4] пустынное.

да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго!
Не ходи, чадо, х костарем [1] и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, з глупыми — не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и серебро,
не збирай богатства неправаго,
не бу́ди по́слух [2] лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и матерь
и на всякого человека,
да и тебе покрыет бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми
и с разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублев,
залез он себе пятьдесят другов.
Честь его яко река текла.
Дру́говя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг —
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речми прелесными,
зазвал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,

[1] игрокам в кости; [2] свидетель.

запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова,—
я сяду стеречь-досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему [1] сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого,—
не хотелося ему друга ослушатца:
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаетца,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
чиры [2] и чулочки — все поснимано:
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина [3] у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинут гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое.
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:

---

[1] меду; [2] башмаки; [3] собственность.

«Житие мне бог дал великое,—
ясти-кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу денги,—
так не стало ни друга не полдруга.
род и племя отчитаются,
все друзи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появитися
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит,
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он креститися,
ведет он все по писанному учению, —
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в бо́лшее место, не в меншее,—
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
а не пьет, ни ест он, ни тешитца
и ничем на пиру не хвалитца.
Говорят молодцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец?
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
пи пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишся?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоей?

или малые дети тебя изобидили?
или глупыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, седя, доброй молодец:
«Государи вы, люди добрыя!
Скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родителское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питие пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери,—
благословение мне от них миновалося,
господь бог на меня разгневался
и на мою бедность — великия
многия скорби неисцелныя
и печали неутешныя,
скудость и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изъсушила печаль мое лице и белое тело.
Ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутилися,—
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государи вы, люди добрыя!
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех,
и как залести мне милых другов?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесив на чюжой стороне,
покорися ты другу и не́другу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не обявливай,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавыя [1],
не вейся змиею лукавою,

[1] хитрые увертки.

смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держися истинны с правдою,—
то тебе будет честь и хваля великая.
Первое тебе люди отведают
и учнуть ти чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милыя други,
названыя братья надежныя!»
И отуду пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи.
От великаго разума наживал он живота [1] болшы
старова,
присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелося молотцу женитися.
Средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по божию попущению,
и по действу диаволю
пред любовными своими гостьми и други,
и назваными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец,
живота болши старова!»
Послушало Горе-Злочастие хвастане молодецкое,
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатеством!
Бывали люди у меня, Горя,
и мудряя тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
учинися им злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися,
не могли у меня, Горя, уехати,
и сами они во гроб вселились,
от мене накрепко они землею накрылись,
босоты и наготы они избыли,

[1] богатства.

и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на их в могиле осталось.
Еще возграяло я, Горе,
к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впусте же жити —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонить.
А гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне молотцу появитися?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойди, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодець не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему явилося,
еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота-безпроторица великая?
На себя что купить — то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих-босых,
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется —
а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодець он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,

надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появитися
своим милым другом.
Пошел молодец на чужу страну далну-незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера.
Миновался день до вечера, ни дообеднем,
не едал молодець ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, Злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною,—
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камени:
босо-наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды!
Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил,
и как тебе мати наказывала!
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покоритися,
постыдился им поклонитися,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.

А хто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злочастное.
Не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покарятися!»
Говорит Злочастие таково слово:
«Покорися, мне Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли!
А нет меня, Горя, мудряя на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неминучюю,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел-поскочил доброй молодец
по круту, по красну по бережку,
по желтому песочику.
Идет весел-некручиноват,
утешил он Горе-Злочастие,
а сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец некручиноват
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрила,
хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
а в драгих портах чаду и цены нет!
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен [1] я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!» [2]
Услышали перевощики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,

[1] связан с заветным желанием; [2] головешкою.

а не взели у него перевозного,
напоили-накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
простися ты с своими родители,
отцем и материю,
возми от них благословение родителское!»
И оттуда пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорить Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злочастное, привязалося!
хошь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается —
ино тот между нами замучится!
такова у нас участь и лутчая!
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречатом.
Молодец полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы.
Молодец стал в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злочастие над молотцем насмиялося:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»

Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
Еще Горе злочастное насмеялося:
«Быти тебе, рыбонке, у бережку уловленой,
быть тебе да съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с каменем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастыр пошел постригатися
а Горе у святых ворот оставается,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, вечныя муки,
а дай нам, господи, светлый рай
Во веки веков. Аминь.

Купцы.

Миниатюра. XVI в.

«Житие Николая Чудотворца»
(ГБЛ, собр. Большакова, № 15, л. 103).

ПОВЕСТЬ ЗЕЛО ПРЕЧУДНА И УДИВЛЕНИЮ ДОСТОЙНА, ИЖЕ СОДЕЯШАСЯ ВО ГРАДЕ КАЗАНИ НЕКОЕГО КУПЦА ФОМЫ ГРУДЦЫНА О СЫНЕ ЕГО САВВЕ

В лето от сотворения миру 7114 [1] бысть во граде велицем Устюзе[2] некто купец, муж славен и богат зело, именем и прослытием Фома Грудцын-Усовых. Видев бо гонение и мятеж велик на христианы в Российском государстве и во многих градех, абие оставляет великий град Устюг и преселяется в понизовный славный царственный град Казань, зане в понизовых градех не бысть злочестивыя литвы.

И живяше той Фома з женою своею во граде Казани даже до лет благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровичя всея России. Имея же у себя той Фома сына единородна, именем Савву, двоенадесятолетна [3] возрастом. Обычай же имея той Фома куплю деяти, отъезжая вниз Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда же за Хвалынское [4] море в Шахову область [5] отъезжая, куплю творяще. Тому же и сына своего Савву поучяще и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его.

По некоем же времени восхоте той Фома отплыти на куплю в Шахову область и обычныя струги с таваром к плаванию устроившу, сыну же своему, устроив суды со обычными тавары, повелевает плыти к Соли Камской и тако купеческому делу со всяким опасением прилежати повелеваше. И абие обычное целование подаде жене и сыну своему, пути касается.

Малы же дни помедлив, и сын его на устроенных [6] судех по повелению отца своего к Соли Камской плавание творити начинает. Достигшу же ему усолскаго града Орла, абие приставает

[1] 1606; [2] Устюге; [3] двенадцати лет; [4] Каспийское; [5] Персию; [6] снаряженных.

ко брегу и по повелению отца своего у некоего нарочита человека в гостиннице обитати приставает. Гостинник [1] же той и жена его, помня любовь и милость отца его, немало прилежание и всяко благодеяние творяху ему и яко о сыне своем всяко попечение имеяху о нем. Он же пребысть в гостиннице оной немало время.

В том же граде Орле бысть некто мещанин града того, именем и прослытием Бажен Второй, уже бо престаревся в летех и знаем бяше во многих градех благондравнаго ради жития его, понеже и богат бе зело и попремногу знаем и дружен бе Саввину отцу Фоме Грудцыну. Уведев [2] же Бажен Второй, яко ис Казани Фомы Грудцына сын его во граде их обретается, и помыслив в себе, яко «отец его со мною многу любовь и дружбу имеяше, аз же ныне презрех его, но убо возму его в дом мой, да обитает у мене и питается со мною от трапезы моея».

И сия помыслив, усмотря некогда того Савву путем грядуща и, призвав его, начят глаголати: «Друже Савво! или не веси[3], яко отец твой со мною многу любовь имат, ты же почто презрел еси мене и не пристал еси в дому моем обитати? Ныне убо не преслушай мене, прииди и обитай в дому моем, да питаемся от общия трапезы моея. Аз убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына приемлю тя». Савва же, слышав таковыя от мужа глаголы, велми рад бысть, яко от такаваго славна мужа прият хощет быти, и низко поклонение творит пред ним. Немедленно от гостинника онаго отходит в дом мужа того Бажена Втораго и живяше во всяком благоденствии, радуяся. Той же Бажен Второй стар сый и имея у себе жену, третиим браком новоприведенную, девою пояту сущу. Ненавидяй же добра роду человечю супостат диавол, видя мужа того добродетелное житие и хотя возмутити дом его, абие уязвляет жену его на юношу онаго к скверному смешению блуда и непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному: весть бо женское естество уловляти умы младых к любодеянию. И тако той Савва лестию жены тоя, паче же рещи [4], от зависти диаволи зачят [5] бысть, падеся в сеть любодеяния з женою оною ненасытно творяше блуд и безвременно [6] во оном скверном деле пребываше с нею, ниже бо воскресения день, ниже празники помняще, но забывше страх божий и чяс смертный, всегда бо в кале блуда яко свиния валяющеся и в таком во ненасытном блужении многое время яко скот пребывая.

Некогда же приспевшу празднику Вознесения господа нашего Иисуса Христа, в навечерии [7] же праздника Бажен Второй,

---

[1] хозяин гостиницы; [2] узнал; [3] разве ты не знаешь; [4] лучше сказать; [5] завлечен; [6] все время; [7] канун.

поим с собою юношу онаго Савву, поидоша до святыя церкви к вечернему пению и по отпущении вечерни паки приидоша в дом свой, и по обычной вечери возлегоша кождой на ложе своем, благодаряще бога. Внегда же боголюбивый оный муж Бажен Второй заспав крепко, жена же его диаволом подстрекаема, востав тайно с ложа своего и пришед к постели юноши онаго и возбудив его, понуждаше к скверному смешению блудному. Он же, аще и млад сый, но яко некоею стрелою страха божия уязвлен бысть, убояся суда божия, помышляше в себе: «Како в таковый господственный день таковое скаредное [1] дело сотворити имам?» И сия помысли, начят с клятвою отрицатися от нея, глаголя, яко «не хощу всеконечно погубити душу свою и в таковый превеликий праздьник осквернити тело мое». Она же, ненасытно распалаема похотию блуда, неослабно нудяше его ово ласканием, ово же и прещением [2] неким угрожая ему, дабы исполнил желание ея, и много труждшися, увещавая его, но никако же возможе приклонити его к воли своей: божественная бо некая сила помагаше ему. Видев же лукавая та жена, яко не возможе привлещи юношу к воли своей, абие зелною яростию на юношу распалися яко лютая змия, возстенав, отиде от ложа его, помышляше волшебными зелии опоити его и неотложно злое свое намерение совершити хотя. И елико замыслив, сия и сотвори.

Внегда же начяше клепати [3] ко утреннему пению, боголюбивый же он муж Бажен Второй, скоро востав от ложа своего, возбудив же и юношу онаго Савву, поидоша на славословие божие ко утренни и отслушавше со вниманием и страхом божиим и приидоша в дом свой. И егда же приспе время божественныя литоргии, поидоша паки с радостию до святыя церкви на славословие божие. Проклятая же оная жена тщателно устрояше на юношу волшебное зелие и яко змия хотяще яд свой изблевати на него. По отпущении же божественныя литоргии Бажен Второй и Савва изыдоша из церкви, хотяще итти в дом свой. Воевода же града того пригласив онаго мужа Бажена Втораго, да обедует с ним, вопросив же и о юноши оном, чей сын и откуду. Он же поведает ему, яко из Казани Фомы Грудцына сын. Воевода же приглашает и юношу онаго в дом свой, зане добре знающе отца его. Они же бывше в дому его и по обычяю общия трапезы причастившеся, с радостию возвратившеся в дом свой.

Бажен же Второй повеле принести от вина мало, да испиют в доме своем чести ради господственнаго онаго праздника, ничто же бо сведый [4] лукаваго умышления жены своея. Она же, яко

---

[1] нечистое; [2] угрозой; [3] звонить; [4] зная.

ехидна злая, скрывает злобу в сердце своем и подпадает лестию к юноши ономy. Принесенну же бывшу вину, наливает абие чашу и подносит мужу своему. Он же и пив благодаря бога. И потом наливает, сама испив. И абие наливает отравнаго онаго уготованнаго зелия и подносит юноши ономy Савве. Он же испив, нимало помыслив, ниже убоявся жены оныя, чаяше, яко же никоего же зла мыслит на него, и без всякаго размышления выпивает лютое оно зелие. И се начят яко некий огнь горети в сердцы его. Он же помышляя, глаголя в себе, яко «много различных питей в дому отца моего и никогда же таковаго пития испих, яко же ныне». И егда же испив онаго, начят сердцем тужити и скорбети по жене оной. Она же, яко лютая львица, яростно поглядаше на него и нимало приветство являше к нему. Он же сокрушашеся, тужаше по ней. Она же начят мужу своему на юношу онаго клеветати и нелепая словеса глаголати и повелевше изгнати из дому своего. Богобоязливый же он муж, аще и жалея в сердцы своем по юноши, обаче же уловлен бысть женскою лестию, повелевает юноши изыти из дому своего, сказуя ему вины некия. Юноша же той с великою жалостию и тугою сердца отходит из дому его, тужа и сетуя о лукавой жене оной.

И прииде паки в дом гостинника онаго, идеже первее обиташе. Он же вопрошает его: «Каковы ради вины изыде из дому Баженова?» Он же сказуя им, яко «сам не восхоте жити у них, зане гладно ми есть». Сердцем же скорби и неутешно тужаше по жене оной. И начят от великия туги красота лица его увядати и плоть его истончяватися. Видев же гостинник юношу сетующа и скорбяща зело, недоумевающеся ему, что бо бысть.

Бысть же во граде том некто волхв, чарованием своим сказуя [1], кому какова скорбь приключится, он же узнавая, или жити или умрети. Гостинник и жена его, благоразумни сущы, немало попечение о юноши имеяху и призывают тайно волхва онаго, хотяще уведати от него, какова скорбь приключися юноши. Волхв же оный, посмотрив волшебныя своя книги, сказуеть истинну, яко никоторыя скорби юноши не имат в себе, токмо тужит по жене Бажена Втораго, яко в блудное смешение падеся, ныне же осужен бысть от нея и, по ней стужая, сокрушается. Гостинник же и жена его, слушавши таковая от волхва, не яша веры, зане Бажен муж благочестив бяше и бояйся бога, и ни во что же дело сие вмениша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой жене оной и день от дне от тоя туги истончи плоть свою, яко бы некто великою скорбию болел.

[1] колдовством своим угадывал.

Некогда же той Савва изыде един за град на поле от великаго уныния и скорби прогулятися и идяше един по полю, и никого же за собою или пред собою видяще, и ничто же ино токмо сетуя и скорбя о разлучении своем от жены оныя и, помыслив в себе во уме своем такову злу мысль, глаголя: «Егда бо кто от человек или сам диавол сотворил ми сие, еже бы паки совокупитися мне з женою оною, аз бы послужил диаволу». И такову мысль помыслив, аки бы ума иступив, идяше един и мало пошед слышав за собою глас, зовущ его во имя. Он же обращся, зрит за собою юношу, борзо текуща в нарочите одеянии, помавающа рукою ему, пождати себе повелевающе. Он же стоя, ожидая юношу онаго к себе.

Юноша той, паче же рещи, супостат диавол, иже непрестанно рыщет, ища погибели человеческия, пришед же к Савве и по обычаю поклоншеся между собою. Рече же пришедший отрок к Савве, глаголя: «Брате Савво, что убо яко чюждь бегаеши от мене? Аз бо давно ожидах тя к себе, да како бы пришел еси ко мне и сродственную любовь имел со мною. Аз убо вем тя давно, яко ты от рода Грудцыных-Усовых из града Казани, а о мне аще хощеши уведети, и из того же рода от града Великаго Устюга, зде давно обитаю ради конския покупки, и убо по плотскому рождению братия мы с тобою. А ныне убо буди брат и друг и не отлучяйся от мене: аз бо всяко споможение во всем рад чинити тебе». Савва же слышав от мнимаго онаго брата, паче же рещи, от беса, таковыя глаголы, велми возрадовався, яко в таковой далной незнаемой стране сродника себе обрете, и любезно целовастася, поидоша оба вкупе по пустыни оной.

Пришед же Савво с ним, рече бес к Савве: «Брате Савво, какую скорбь имаши в себе, яко велми изчезе юношеская красота твоя?» Он же всяко лукавствуя, сказовашя ему некую быти великую скорбь в себе. Бес же, осклабився, рече ему: «Что убо скрываешися от мене? Аз бо вем скорбь твою. Но что ми даси, аз помогу скорби твоей». Савва же рече: «Аще убо ведаеши истинную скорбь, яже имам в себе, то поиму веры тебе, яко можеши помощи ми». Бес же рече ему: «Ты бо, скорбя, сокрушаешися сердцем своим по жене Бажена Втораго, зане отлучен еси от лубви ея. Но что ми даси, аз учиню тя с нею по-прежнему в любви ея». Савва же рече: «Аз убо, елико им зде таваров и богатства отца моего и с прибытками, все отдаю тебе. Токмо сотвори по-прежнему любовь имети з женою оною». Бес же и ту усмеявся, рече ему: «Что убо искушаеши мя? Аз бо вем яко отец твой много богатства имат. Ты же не веси ли, яко отец мой седмерицею богатее отца твоего. И что ми будет в таварех твоих? Но даждь

ми на ся рукописание мало некое, и аз исполню желание твое». Юноша же рад бысть, помышляя в себе, яко «богатство отца моего цело будет, аз же дам ему писание, что ми велит написати», а не ведый, в какову пагубу хощет впасти, еще же и писати совершенно, ниже слагати что умея. Оле безумия юноши онаго! Како уловлен бысть лестию женскою, и тоя ради в какову погибель снисходит! Егда же изрече бес к юноши словеса сия, он же с радостию обещася дати писание. Мнимый же брат, паче же рещи, бес вскоре изъем из очпага [1] чернила и хартию, дает юноши и повелевает ему немедленно написати писание. Той же юноша Савва еще несовершенно умеяше писати и, елико бес сказоваше ему, то же и писаше, не слагая [2], и таковым писанием отречеся Христа истиннаго бога и предадеся в служение диаволу. Написав же таковое богоотметное писание, отдает диаволу, мнимому своему брату. И тако поидоша оба во град Орел.

Вопросив же Савва беса, глаголя: «Повеждь ми, брате мой, где обитаеши, да увем дом твой». Бес же, возсмеявся, рече ему: «Аз убо особаго дому не имам, но где прилучится, тамо и начую. Аще ли хощеши видетися со мною часто, ищи мя всегда на Конной площатки. Аз убо, яко же рех ти, зде живу ради конских покупок. Но аз сам не обленюся посещати тебе. Ныне же иди к лавке Бажена Втораго: вем бо, яко с радостию призовет тя паки в дом свой жити».

Савва же по глаголу брата своего диавола радостно тече к лавке Бажена Втораго. Егда же Бажен видев Савву, усердно приглашает его к себе, глаголя: «Господине Савво, кую злобу сотворих аз тебе и почто изшел еси из дому моего? Протчее [3] убо молю тя, прииди паки обитати в дом мой, аз убо за любовь отца твоего яко присному своему сыну рад бых тебе всеусердно». Савва же, егда услыша от Бажена таковыя глаголы, неизреченною радостию возрадовася и скоро потече в дом Бажена Втораго. И егда же пришед, жена же его, егда видев юношу и, диаволом подстрекаема, радостно сретает его и всяким ласканием приветствоваше его и лобызаше. Юноша же уловлен бысть лестию женскою, паче же диаволом, паки запинается в сети блуда с проклятою оною женою, ниже празников, ниже страха божия помняще, поне ненасытно безпрестанно с нею в кале блуда валяяся.

По мнозе времени абие входит в слухи в пресловущий град Казань к матери Саввиной, яко сын ея живет неисправное и непорядочное житие и, елико было с ним отеческих таваров, все

---

[1] кармана; [2] думая; [3] в остальном.

изнурих бе в блуде и пиянстве. Мати же его, таковая о сыне своем слуша, зело огорчися и пишет к нему писание, дабы он оттуду возвратился ко граду Казани и в дом отца своего. И егда прииде к нему писание, он же, прочет, посмеяся и ни во что же вменив. Она же паки посылает к нему второе и третие писмо, ово молением молит, ово же и клятвами заклинает его, дабы немедленно ехал оттуду во град Казань. Савва же нимало внят матерню молению и клятве, но ни во что не вменяше, токмо в страсти блуда упражняшеся.

По некоем же времени поемлет бес Савву и поидоша оба за град Орел на поле. Изшедшим же им из града, глаголет бес к Савве: «Брате Савво, веси ли, кто есмь аз? Ты убо мниши мя совершение быти от рода Грудцыных, но несть тако. Ныне убо за любовь твою повем ти всю истину, ты же не бойся, ниже устыдися зватися братом со мною: аз убо всесовершенно улюбих тя во братство себе. Но аще хощеши ведати о мне, аз убо сын царев. Пойдем протчае, да покажу ти славу и могутство отца моего». И сия глаголя, приведе его в пусто место на некий холм и показа ему в некоем раздолии град велми славен: стены и покровы и помосты все от злата чиста блистаяся. И рече ему: «Се есть град отца моего, но идем убо и поклонимся купно отцу моему, а еже ми дал еси писание, ныне взем сам вручи его отцу моему и великой честию почтен будеши от него». И сия изглаголя, бес отдает Савве богоотметное оно писание. Оле безумие отрока! Ведый бо, яко никоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаема бе царем Московским. Аще бы тогда вообразил на себе [1] образ честнаго креста, вся бы сия мечты дияволския яко сень [2] погибли. Но на предлежащее возвратимся.

Егда же поидоша оба к привиденному граду и приближившимся им ко вратом града, сретают их юноши темнообразнии [3], ризами и поясы украшены златыми и со тщанием покланяющеся, честь воздающе сыну цареву, паче же рещи, бесу, такожде и Савве покланяющеся. Вшедшим же им во двор царев паки сретают инии юноши, ризами блистающеся паче первых, такожде покланяющеся им. Егда же внидоша в полаты царевы, абие друзии юноши сретают их друг друга честием и одеянием превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Савве. Вшед же бес в полату, глаголя: «Брате Савво, пожди мя зде мало: аз убо шед возвещу о тебе отцу моему и введу тя к нему. Егда же будеши пред ним, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему

[1] осенил себя; [2] тень; [3] лицом темные.

писание свое». И сия рек, поиде во внутренние полаты, оставль Савву единаго. И помедлив тамо мало, приходит к Савве и по сем вводит его пред лице князя тьмы.

Той же седя на престоле высоце, камением драгим и златом преукрашенном, сам же той славою великою и одеянием блистаяйся. Окрест же престола его зрит Савва множество юнош крылатых стоящих. Лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны. Пришед же Савва пред царя онаго, пад на землю, поклонися ему. Вопроси же его царь глаголя: «Откуду пришел еси семо и что есть дело твое?» Безумный же он юноша подносит ему богоотметное свое писание, глаголя, яко «приидох, великий царю, послужити тебе». Древний же змий сатана, прием писание и прочет его, обозревся [1] к темнообразным своим воинам, рече: «Аще ли и прииму отрока сего, но не вем, крепок ли будет мне или ни». Призвав же сына своего, Саввина мнимаго брата, глаголя ему: «Иди протчяе и обедуй з братом своим». И тако оба поклонишася царю и изыдоша в преднюю полату, наченша обедати. Неизреченныя и благовонныя яди приношаху им, такожде и питие, яко Савве дивитися, глаголя: «Никогда же в дому отца моего таковых ядей вкушать или пития испих». По ядении же приемлет бес Савву и поидоша паки з двора царева и изыдоша из града. Вопрошает же Савва брата своего беса, глаголя: «Что убо, брате, яко видех у отца твоего окрест престола его юнош крылатых стоящих?» Бес же, улыбаяся, рече ему: «Или не веси, яко мнози языцы служат отцу моему: индеи и персы и инии мнози? Ты же не дивися сему и не сумневайся братом звати мя себе. Аз бо да буду тебе меньши брат; токмо, елико реку ти, во всем буди послушен мне. Аз же всякаго добродетельства рад чинити тебе». Савва же всем обещаяся послушен быти ему. И тако уверишася, приидоша паки во град Орел. И оставльше бес Савву, отходит. Савва же паки прииде в дом Баженов и пребываше в прежнем своем скаредном деле.

В то же время прииде в Казань из Персиды со многими прибытки отец Саввин Фома Грудцын и, яко же лепо, обычное целование подав жене своей, вопрошает ю о сыне своем, жив ли есть. Она же поведает ему, глаголя, яко «от многих слышу о нем: по отшествии твоем в Персиду, отъиде он к Соли Камской, тамо и доныне живет житие неудобное [2], все богатство наше, яко же глаголют, изнурих в пианстве и блуде. Аз же много писах к нему о сем, дабы оттуду возвратился в дом наш, он же ни единыя отповеди подаде ми, но и ныне тамо пребывает, жив ли или ни, о

[1] оглянулся; [2] непотребное.

сем не вемы». Фома же, таковыя глаголы слышав от жены своея, зело смутися умом своим и скоро сед, написав епистолию к Савве, со многим молением, дабы без всякаго замедления оттуду ехал во град Казань, «да вижу, рече, чядо, красоту лица твоего». Савва же таковое писание прием и прочет е́, ни во что же вмени, ниже помысли ехати ко отцу своему, но токмо упражняяся в ненасытном блужении. Видев же Фома, яко ничто не успевает писание его, абие повелевает готовити подобныя [1] струги с тавaром, к пути касается к Соли Камской, по Каме. «Сам, рече, сыскав, поиму сына своего в дом мой».

Бес же, егда уведе и яко отец Саввин путешествие творит к Соли Камской, хотя пояти Савву в Казань, и абие глаголет Савве: «Брате Савво, доколе зде во едином малом граде жити будем? Идем убо во иныя грады и погуляем, паки суда возвратимся». Савва же нимало отречеся, но глаголя ему: «Добре, брате глаголеши, идем, но пожди мало: аз бо возьму от богатства моего неколико пенязей [2] на путь». Бес же возбраняет ему о сем, глаголя: «Или не ведал еси отца моего, не веси ли, яко везде села его ест, да иде же приидем, тамо и денег у нас будет, елико потребно». И тако поидоша от града Орла, никим не ведомы, ниже то сам Бажен Второй, ниже жена его уведевши о отшествии Саввине.

Бес же и Савва об едину ношь от Соли Камския объявишася на реке Волге во граде, нарицаемом Кузьмодемьянском, разтояние имеюще от Соли Камской боле 2000 поприщ. И глаголет бес Савве: «Аще кто тя знаемый узрит зде и вопросит, откуду пришел еси, ты же рцы: от Соли Камския в третию неделю приидохом до зде». Савва же, елико поведа ему бес, тако и сказывашя, и пребываше в Кузьмодемьянску неколико дней.

Абие бес паки поемлет Савву и об едину нощь ис Кузьмодемьянску приидоша на реку Оку в село, нарицаемое Павлов Перевоз. И бывшим им тамо в день четвертка, в той же день в селе оном торг бывает. Ходящым же им по торгу, узрев Савва некоего престарела нища мужа стояша, рубищами гнусными зело одеянна и зряща на Савву прилежно и велми плачюща. Савва же отлучися мало от беса и притече ко старцу оному, хотя уведати вины плачя его. Пришед же ко старцу и рече: «Кая ти, отце, печяль есть, яко неутешно тако плачеши?» Нищий же он старец святый глаголет ему: «Плачю, рече, чядо, о погибели души твоея: не веси бо, яко погубил еси душу свою и волею предался еси диаволу. Веси ли, чадо, с кем ныне ходиши и его же братом себе нарицаеши? Но сей не человек, диявол, но бес, ходяй с тобою,

[1] надлежащие; [2] денег.

доводит тя до пропасти адския». Егда же изрече старец к юноше глаголы сия, обозревся Савва на мнимаго брата своего, паче же рещи, на беса. Он же издалечя стоя и грозя на Савву, зубы своими скрежеташе на него. Юноша же вскоре, оставль святаго онаго старца, прииде к бесу паки. Диявол же велми начят поносити его и глаголати: «Чесо бо ради с таковым злым душегубцом сообщился еси? Не знаешь ли сего лукавого старца, яко многих погубляет; на тебе же видев одеяние нарочито и глаголы лестныя происпустив к тебе, хотя отлучити тя от людей и удавом удавити и обрати с тебе одеяние твое. Ныне убо аще оставлю тя единаго, то вскоре погибнеши без мене». И сия изрече, со гневом поемлет Савву оттуду и приходит с ним во град нарицаемый Шую и тамо пребываху неколико времени.

Фома же Грудцын-Усов, пришед во град Орел, вопрошает о сыне своем и никто же можаше поведати ему о нем. Вси бо видяху, яко пред его приездом сын его во граде хождаше всеми видим, а иде же внезапу скрыся, никто же весть. Овии глаголаху, яко «убояся пришествия твоего, зане зде изнурил все богатство твое и сего ради скрыся». Паче же всех Бажен Второй и жена его, дивящеся, глаголаху, яко «об нощь спаше с нами, заутра же пошед некуды, мы же ожидахом его обедати, он же от того чясу никако нигде же явися во граде нашем, а иде же надеся [1], ни аз, ни жена моя о сем не вем». Фома же многими слезами обливаяся, живый, ожидая сына своего и немало пождав тщею [2] надеждою возвратися в дом свой. И возвещает нерадостный случай жене своей и оба вкупе сетуя и скорбяща о лишении единороднаго сына своего. И в таковом сетовании Фома Грудцын поживе неколико время, ко господу отъиде, жена же его оставлши вдовою сущыи.

Бес же и Савва живяше во граде Шуе. Во время же то благочестивый государь, царь и великий князь Михаил Феодорович всея России возжелаше [3] послати воинство свое противу короля польскаго под град Смоленск и по его царскаго величества указу по всей России набираху новобраных тамошних салдат. Во град же Шую ради салдатцкаго набору послан с Москвы столник Тимофей Воронцов и новобраных салдат по вся дни воинскому артикулу учяще. Бес же и Савва, приходяще, смотряху учения. И рече же бес к Савве: «Брате Савво, хощеши ли послужити царю, да напишемся и мы в салдаты?» Савва же рече: «Добре, брате, глаголеши, послужим». И тако написавшеся в салдаты и начеше купно на учение ходити. Бес же в воинском учении такову

---

[1] скрылся; [2] тщетною; [3] изволил.

премудрость дарова Савве, яко и старых воинов и начялников во учении превосходит. Сам же бес, яко бы слугуя Савве, хождаше за ним и оружие его ношаше.

Егда же из Шуи новобраных салдат приведоша к Москве и отдаша их в научение некоему немецкому полковнику, той же полковник, егда прииде видети новобраных салдат на учении, и се видит юношу млада, во учении же воинском зело благочинна и урядно поступающа и ни малаго порока во всем артикуле имеюща и многих старых воинов и начялников во учении превосходяща, и велми удивися остроумию его. Призвав же его к себе, вопрошает рода его. Он же сказует ему всю истинну. Полковник же, возлюбив велми Савву и назвав его сыном себе, даде ему з главы своея шляпу, драгоценным бисером утворену сущу. И абие вручяет ему три роты новобраных салдат, да вместо его устрояет и учит той Савва. Бес же тайно припаде к Савве и рече ему: «Брате Савво, егда ти недостаток будет, чим ратных людей жаловати, повеждь ми: аз бо принесу ти, елико потребно денег будет, дабы в команде твоей роптания и жалобы на тебя не было». И тако у того Саввы вси салдаты во всякой тишине и покое пребываху, в протчих бо ротах молва и мя́теж непрестанно, яко от глада и нагаты непожалованы помираху. У Саввы же во всякой тишине и благоустроении салдаты пребываху, и вси дивляхуся остроумию его.

По некоему же случяю явственно учинися о нем и самому царю. В то же время на Моськве немалу власть имея шурин царев боярин Семен Лукьянович Стрешнев. Уведев про онаго Савву, повелевает его привести пред себе и рече ему: «Хощеши ли, юноше, да поиму тя в дом мой и чести немалы сподоблю тя?» Он же поклонися ему и рече: «Есть бо, владыко мой, брат у мене, вопрошу убо его. Аще ли повелит ми, то с радостию послужу ти». Боярин же нимало возбранив ему о сем, отпустив его, да вопросит, рече, брата своего. Савва же пришед, поведа сие мнимому брату своему. Бес же с яростию рече ему: «Почто, убо хощеши презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо ныне и сам в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси, ни убо не буди тако, но да послужим царю. Егда убо царь увесть верную твою службу, тогда и чином возвышен будеши от него».

По повелению же цареву вси новобраныя салдаты розданы по стрелецким полкам в дополнку [1]. Той же Савва поставлен на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе, в доме стре-

[1] пополнение.

лецкаго сотника именем Иякова Шилова. Сотник же той и жена его, благочестивыи и благондравнии суще, видящи бо Саввино остроумие, зело почитаху его. Полки же на Москве во всякой готовности бяху.

Во един же от дней прииде бес к Савве и рече ему: «Брате Савво, пойдем прежде полков в Смоленск и видим, что творят поляки и како град укрепляют и бранныя сосуды [1] устрояют». И об едину ношь с Москвы в Смоленску ставше и пребывше в нем дни три и нощи три же, никим же видимы, они же все видевше и созирающе, како поляки град укрепляху и на приступных местах всякия гарматы [2] поставляху. В четвертый же день бес объяви себе и Савву в Смоленску поляком. Егда же узревше поляки их, велми возмятошася, начяша гнати по них, хотяще уловити их. Бес же и Савва, скоро избехше из града, прибегоша к реке Днепру, и абие разступися им вода и преидоша реку оную посуху. Поляки ж много стреляюще по них, и никако же вредиша их, удивляхуся, глаголюще, яко «бесове суть во образе человеческом, приидоша и бывше во граде нашем». Савва же и бес паки приидоша к Москве и ставше паки у того же сотника Иякова Шилова.

Егда же по указу царскаго величества поидоша полки с Москвы под Смоленск, тогда и той Савва з братом своим в полках поидоша. Над всеми же полками тогда боярин бысть Феодор Иванович Шеин. На пути же бес к Савве рече: «Брате Савво, егда убо будем под Смоленским, тогда от поляков из полков из града выедет един исполин на поединок и станет звати противника себе. Ты же не бойся ничесо же, изыди противу его; аз убо ведая глаголю ти, яко ты поразиши его. На другий же день паки от поляков выедет другий исполин на поединок, ты же изыди паки и противу того; вем бо, яко и того поразиши. В третий же день выедет из Смоленска третий поединщик, ты же, ничесо не бояся, и противу того поиди, но и того поразиши. Сам же уязвлен [3] будеши от него. Аз же язву твою вскоре уврачюю». И тако увещав его, приидоша под град Смоленск и ставше в подобне [4] месте.

По глаголу же бесовскому послан бысть из града некий воин страшен зело, на кони скакавше из смоленских полков и искавше себе из московских полков противника, но никто же смеяше изыти противу его. Савва же объявляя себе в полках, глаголя: «Аще бы мне был воинский добрый конь, и аз бы изшел на брань противу сего неприятеля царска». Друзии же его слышавше сия

---

[1] боевые орудия; [2] гранаты; [3] ранен; [4] удобном.

и скоро возвестиша о нем боярину. Боярин же повеле Савву привести пред себе и повеле ему коня нарочита дати и оружие, мнев, яко вскоре погибнути имат юноша от таковаго страшнаго исполина. Савва же по глаголу брата своего беса, ничто же размышляя или бояся, выезжает противу полскаго онаго богатыря и скоро сразися его, приводит и́ с конем в полки московския, и от всех похваляем бе. Бес же ездя по нем, служа ему и оружие его за ним нося. Во вторый же день паки из Смоленска выезжает славный некий воин, ища из войска московскаго противника себе, и паки выезжает противу его той же Савва и того вскоре поражает. Вси же удивляхуся храбрости его. Боярин же разгневася на Савву, но скрываше злобу в сердцы своем. В третий же день еще выезжает из града Смоленска некий славный воин паче первых, такожде ища и позывая противника себе. Савва же, аща и бояся ехати противу такова страшнаго воина, обаче по словеси бесовскому немедленно выезжает и противу того. Но абие поляк той яростию напустив и уязви Савву копием в левое стегно. Савва же, исправлься, нападает на поляка онаго, убивает его и с конем в табары [1] привлече, немал же зазор смоляном наведе, все же российское воинство во удивление приведе. Потом же начяша из града выласки выходити и войско с войском сошедшимся свалным боем [2] битися. Да иде же Савва з братом своим с котораго крыла воеваху, тамо поляки от них невозвратно бежаху, тыл показующе, бесчисленно бо много поляков побивающе, сами же ни от кого вредими бяху.

Слышав же боярин о храбрости юноши онаго и уже не могий скрыти тайнаго гнева в сердцы своем, абие призывает Савву к шатру и глаголет ему: «Повежды ми, юноше, какового еси роду и чий есть сын?» Он же поведа ему истинну, яко ис Казани Фомы Грудцына-Усова сын. Боярин же начят всякими нелепыми словесы поносити его и глаголати: «Кая тя нужда в таковый смертный случяй призва? Аз убо знаю отца твоего и сродников твоих, яко безчисленно богатство имут, ты же от какова гонения, или скудости оставя родителей своих, семо пришел еси? Обаче глаголю ти: ни мало медли, поиди в дом родителей твоих и тамо во благоденствии с родители твоими пребывай. Аще ли преслушаеши мене и услышу о тебе, яко зде имаши пребывати, то без всякаго милосердия зде имаши погибнути: главу бо твою повелю вскоре отяти от тебе». Сия же боярин к юноше изрече и с яростию отиде от него. Юноша же со многою печалию отходит от него.

---

[1] лагерь; [2] врукопашную.

Отшедшим же им от шатра, рече бес к Савве: «Что убо тако печялуешися о сем? Аще неугодна служба наша явися зде, то идем прочае паки к Москве и тамо да пребываем». И тако въсъкоре отидоша из Смоленска к Москве и приставше обитати в доме того же сотника. Бес же днем пребываше с Саввою, к нощи же отхождаше от него в своя адския жилища, иде же искони обычяй окаянным пребывати.

Не малу же времени минувшу, абие разболеся Савва и бе болезнь его тяжка зело, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи, боящися бога, всяко попечение и прилежание о Савве имущи и глаголаше ему многажды, дабы повелел призвати иерея и исповедати грехи своя и причяститися святых тайн, «да некако, рече, в таковой тяжкой скорби внезапу без покаяния умрет». Савва же о сем отрицаяся, яко «аще, рече, и тяжко болю, но несть сия болезнь моя к смерти». И день от дне болезнь его тягчяя бяше. Жена же оная неотступно притужаше[1] Савве, да покается, ибо «от того не имаши умрети». И едва принужден бе Савва боголюбивою оною женою, повелевает призвати к себе иерея. Жена же она вскоре посылает ко храму святаго Николая, что во Грачях, и повелевает призвати иерея тоя церкви. Иерей же, ни мало замедлив, притече к болящему. Бе бо иерей той леты совершен сый, муж искусен и богобоязлив. Пришед же, начят молитвы покаянны глаголати, яко же обычно. И егда же всем людем из храма изшедшим, иерей же начят болнаго исповедовати, и се внезапу зрит больны во храм той вшедших толпу велию бесов. Мнимый же его брат, паче же рещи — бес, прииде с ними же уже не в человеческом образе, но в существенном своем зверовидном образе и, став созади бесовския оныя толпы, велми на Савву яряся и зубы скрежеташе, показуя ему богоотметное оно писмо, яже даде ему Савва у Соли Камския. И глагола бес к болящему: «Зриши ли, клятвопреступниче, что есть сие? Не ты ли писал еси сие? Или мниши, яко покаянием сим избудеши от нас? Ни убо, не мни того; аз убо всею силою моею подвигнуся на тя». Сия убо и иная многая неподобная бесом глаголящим, болный же зря очевидно их и ово ужасеся, ово же надеяся на силу божию, и до конца все подробну исповеда иерею оному. Иерей же той, аще и муж свят бе, обаче убояся страха онаго, зане людей никого же во храмине кроме болнаго виде, голку же велику слыша от бесовския оныя силы. И с нуждею[2] великою исповеда болнаго, отиде в дом свой, никому же сия поведав.

---

[1] упрашивала; [2] трудом.

По исповеди же оной нападе на Савву дух нечистый и начят немилостиво мучити его, ово о стену бия, ово о помост одра его пометая, ово храплением и пеною давляше и всякими различными томлениями мучяше его. Боголюбивый же муж вышепомянутой сотник и з благонравною своею женою, видящы на юноши таковое от диявола внезапьное нападение и несносное мучение, велми жалеюща и стеняху сердцы своими по юноши, но никако же помощи ему могуще. Бес же день от дне на болнаго люте нападая, мучяще его, и всем предстоящим ту от мучения его немал ужас находящь. Господин же дому, яко виде на юноши таковую необычную вещь, паче же и зная, яко юноша той ведом бе и самому царю храбрости ради своея, и помышляше з женою своею, да како бы возвестити о сем самому царю. Бе же и сродница некая бяше у них в доме царском. И сия помысливше, посылает немедленно жену свою ко оной сроднице своей, повелевая ей, да вся подробно возвестит ей и дабы немедленно о сем возвестити цареви, да «некако, рече, юноша оный в таковом злом случяе умрет, а они истязани [1] от царя за неизвещение».

Жена же его ни мало помедлив, скоро тече ко сроднице своей и вся повеленная ей от мужа по ряду сказа. Сродница же оная, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболев по юноши, паче же скорбяще по сродницех своих, да некако и вправду от таковаго случяя беду приимут. И ни мало помедлив, скоро тече от дому своего до полат царевых и возвещает о сем ближним сигклитом царевым. И не в долзе часе внушяется самому царю о сем.

Царь же, яко слыша о юноши таковая, милосердие свое изливает на нь, глаголя предстоящим пред ним сигклитом, да егда бывает повседневное изменение караулом, повелевает посылати в дом сотника онаго, иде же бесный оный юноша лежит, по два караулщика, да надзирают, рече, опасно [2] юношу онаго, да некако, от онаго бесовскаго мучения обезумев, во огнь или в воду ввержется. Сам же благочестивый царь посылаше к болящему повседневную пищу и, елико здравее больный явится, повелевает возвестити себе. И сему тако бывшу, больный же немало время в таковом бесовском томлении пребысть.

Бысть же месяца июля в 1 день юноша оный необычно от беса умучен бысть. Абие заспав мало и во сне, якобы на яве, начят глаголати, изливая слезы изо смеженных очей своих, сице рече: «О, всемилостивая госпоже царице и богородице, помилуй, владычице, помилуй, не солжу бо все, царице, не солжу, но исполню, елико обещахся ти». Домашнии же и снабжевающии [3]

[1] они будут наказаны; [2] с прилежанием; [3] охранявшие.

его воини, таковая от болнаго глаголы слышаще, удивишася, глаголющы, яко некое видение видит.

Егда же болный от сна возбнув, приступи к нему сотник и рече: «Повеждь ми, господине Савво, что таковыя глаголы со слезами во сне, и х кому рекл еси?» Он же паки начят омывати лице свое слезами, глаголя: «Видех, рече, ко одру моему пришедшу жену светолепну [1] и неизреченною светълостию сияющу, носящу же ризу багряну, с нею же и два мужа некия, сединами украшены. Един убо во одежде архиерейстей, другий же апостолское одеяние носяще. И не мню инех, токмо жену мню быти пресвятую богородицу, мужей же единаго наперстъника господня апостола Иоанна Богослова, втораго же неусыпнаго стража града нашего Москвы преславнаго во иерарсех архиерея божия Петра митрополита, их же подобия и образ добре знаю. И рече ми светолепная она жена: «Что ти есть, Савво, и чесо ради тако скорбиши?» Аз же рех ей: «Скорблю, владычице, яко прогневах сына твоего и бога моего и тебе, заступницу рода христианскаго, и за се люте бес мучит мя». Она же, оскълабився, рече ми: «Что убо мниши, како ти избыти от скорби сея и тако ти выручити рукописание свое из ада?» Аз же рех ей: «Не могу, владычице, не могу, аще не помощию сына твоего и твоею всесилною милостию». Она же рече ми: «Аз убо умолю о тебе сына своего и бога, токмо един глагол мой исполни: аще избавлю тя от беды сея, хощеши ли монах быти?» Аз же тыя молебныя глаголы со слезами глаголах ей во сне, яже и вы слышасте. Она же паки рече ми: «Савво, егда убо приспеет празник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, яже на площади у Ветошнаго ряду, и аз пред всем народом чюдо являю на тебе». И сия рече ми, невидима бысть».

Сия же слышав, сотник и приставлши воини от Саввы изглаголанная, велми почюдишася. И начя сотник и жена его помышляти, како бы о сем видении возвестити самому царю. И умыслиша послати по сродницу свою, дабы она возвестила о сем видении царевы полаты сигклитом, от них же бы внушено было самому царю. Прииде же сродница оная в дом сотника. Они же поведаша ей видение болящаго юноши. Она же слышав и абие отходит немедленно до царевы полаты и возвещает ближним сигклитом. Они же немедленно внушают царю о бывшем видении Саввином. И егда же слышав царь, велми почюдися. И начяша ожидати праздника онаго. И егда же приспе время июлия осмаго числа, бысть праздник Казанския пресвятыя богородицы. Абие

[1] светозарную.

повелевает царь принести болящаго онаго Савву до церкви. Бысть же в той день хождение крестное из соборныя апостолския церкви Успения пресвятыя богородицы. В том же ходу был и сам царское величество. И егда же наченше божественную литоргию, принесенну же бывшу и болящему оному Савве и положенну вне церкъви на ковре.

Егда же бо начяше пети херувимскую песнь, и се внезапу бысть глас с небеси, яко бы гром велий возгреме: «Савво, востани! Что бо медлиши? И прииди во церковь мою, здрав буди, к тому не согрешай». И абие спаде от верху церкви богоотметное оно Саввино писание, все заглажено, яко никогда же писано, пред всем народом. Царь же, видев сие чюдо, велми подивися. Болный же той Савва, скочив с ковра, аки бы никогда же болев, и притече скоро в церковь, паде пред образом пресвятыя богородицы, начя со слезами глаголати: «О, преблагословенная мати господня, христианская заступница и молебница о душах наших к сыну своему и богу; избави мя от адския пропасти. Аз же въскоре исполню обещание свое». Сие же слышав, великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России повеле призвати к себе онаго Савву и вопросив его о бывшем видении. Он же поведав вся по ряду и показав писание свое. Царь же подивися зело божию милосердию и несказанному чудеси.

Егда же отпеша божественную литоргию, поиде Савва в дом сотника Иякова Шилова, яко никогда же болев. Сотник же той и жена его, видев над ним милосердие божие, благодарив бога и пресвятую его богоматерь.

Потом же Савва, роздав все имение свое, елико имеяше, убогим, сам же иде в монастырь Чюда архистратига Михаила, иде же лежат мощы святителя божия Алексея митрополита, иже зовется Чюдов монастырь. И возприав иноческий чин и начя ту жити в посте и в молитвах, беспрестанно моляся господеви о согрешении своем. В монастыре же оном поживе лета довольна, ко господу отиде в вечный покой, иде же святии пребывают. Буди же вседержителю богу слава и держава во веки веков, аминь. Конец и богу слава.

Аввакум протопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием,— понеж отец ему духовной инок,— да не забвению предано будет дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь.

Всесвятая Троице боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати делы благими, яже ныне хощу глаголати аз недостойный; разумея же свое невежество, припадая, молю ти ся и еже от тебя помощи прося: управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел, да, добрыми делы просвещен, на судище [1] десныя ти страны причастник буду со всеми избранными твоими. И ныне, владыко, благослови, да, воздохнув от сердца, и языком возглаголю Дионисия Ареопагита о божественных именех, что есть богу присносущные [2] имена истинные, еже есть близостные, и что виновные [3], сиречь похвалные. Сия суть сущие: сый [4], свет, истинна, живот, толко четыре свойственных, а виновных много; сия суть: господь, вседержитель, непостижим, неприступен, трисиянен, триипостасен [5], царь славы, непостоянен, огнь, дух, бог, и прочая по тому разумевай.

Того ж Дионисия о истинне: себе бо отвержение [6] истинны испадение есть, истинна бо сущее есть; аще бо истинна сущее есть, истинны испадение сущаго отвержение есть; от сущаго же бог испасти не может, и еже не быти — несть [7].

Мы же речем: потеряли новолюбцы [8] существо божие испадением от истиннаго господа, святаго и животворящаго духа. По Дионисию: коли уж истинны испали, тут и сущаго отверглись.

---

[1] суде (Страшном суде); [2] всегда присущие; [3] приличествующие; [4] существующий, сущий; [5] троеликий; [6] ибо отказ от себя; [7] и чего не существует, того нет; [8] сторонники новых обрядов.

Бог же от существа своего испасти не может, а еже не быти, несть того в нем: присносущен истинный бог наш. Лучше бы им в символе веры не глаголати господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсекати, в нем же существо божие содержится. Мы же, правовернии, обоя имена исповедаем: и в духа святаго, господа истиннаго и животворящаго света нашего, веруем, со отцем и с сыном поклоняемаго, за него же стражем и умираем, помощию его владычнею. Тешит нас Дионисий Ареопагит, в книге ево сице пишет: сей убо есть воистинну истинный християнин, зане истинною разумев Христа, и тем богоразумие [1] стяжав, изступив убо себе [2], не сый в мирском их нраве и прелести [3], себя же весть трезвящеся и изменена [4] всякаго прелестнаго неверия, не токмо даже до смерти бедъствующе истинны ради, но и неведением скончевающеся [5] всегда, разумом же живуще, и християне суть свидетелствуемы [6]. Сей Дионисий научен вере христове от Павла апостола, живый во Афинах, прежде, даже не приитти в веру христову, хитрость имый [7] ищитати беги небесныя; егда ж верова Христови, вся сия вмених быти яко уметы [8]. К Тимофею пишет в книге своей, сице глаголя: «Дитя, али не разумееш, яко вся сия внешняя блядь ничто же суть, но токмо прелесть и тля [9] и пагуба? Аз пройдох делом и ничто ж обретох, но токмо тщету». Чтый да разумеет. Ищитати беги небесныя любят погибающии, понеже любви истинныя не прияша, воеже [10] спастися им; и сего ради послет им бог действо льсти [11], воеже веровати им лжи, да суд приимут неверовавшии истинне, но благоволиша о неправде. Чти Апостол, 275.

Сей Дионисий еще не приидох в веру христову, со учеником своим во время распятия господня быв в Солнечнем граде, и видев: солнце во тму преложися и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явилися черным видом. Он же ко ученику глагола: «Или кончина веку прииде, или бог-слово плотию стражет» [12]; понеже не по обычаю тварь виде изменену: и сего ради бысть в недоумении. Той же Дионисий пишет о солнечнем знамении, когда затмится: есть на небеси пять звезд заблудных, еже именуются луны. Сии луны бог положил не в пределех, яко ж и прочии звезды, но обтекают по всему небу, знамение творя или во гнев, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звезда, еже есть луна, подтечет под солнце от запада и закроет свет сол-

[1] богопознание; [2] победив самого себя; [3] не причастный мирским соблазнам; [4] сознает себя трезвым и свободным; [5] умирая в неведении мирского; [6] об этом свидетельствуют; [7] владевший искусством рассчитывать движение светил небесных; [8] грязь; [9] тлен; [10] чтобы; [11] соблазна; [12] страдает.

нечный, то солнечное затмение за гнев божий к людям бывает. Егда ж бывает от востока луна подтекает, то по обычаю шествие творяще закрывает солнце.

А в нашей Росии бысть знамение: солнце затмилось в 162 году [1], пред мором за месяц или менши. Плыл Волгою рекою архиепископ Симеон сибирской, и в полудне тма бысть, перед Петровым днем недели за две; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Дионисию, являя бог гнев свой к людям: в то время Никон отступник веру казил [2] и законы церковныя, и сего ради бог излиял фиал гнева ярости своея на Рускую землю; зело мор велик был, неколи еще забыть, вси помним. Потом, минув годов с четырнатцеть, вдругоряд солнцу затмение было; в Петров пост, в пяток [3] в час шестый тма бысть; солнце померче, луна подтекала от запада же, гнев божий являя, и протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угреше в темницу, проклинав, бросили. Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века [4] познано будет всеми; потерпим до тех мест.

Той же Дионисий пишет о знамении солнца, како бысть при Исусе Навине во Израили. Егда Исус секий иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полднях [5], ста Исус крестообразно, сиречь разпрострe руце свои, и ста солнечное течение, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сиречь назад отбежало, и паки потече, и бысть во дни том и в нощи тридесеть четыре часа, понеже в десятый час отбежало; так в сутках десять часов прибыло. И при Езекии царе бысть знамение: оттече солнце вспять во вторый-на-десять [6] час дня, и бысть во дни и в нощи тридесять шесть часов. Чти книгу дионисиеву, там пространно уразумееш.

Он же Дионисий пишет о небесных силах, росписует, возвещая, како хвалу приносят богу, разделяяся деветь чинов на три троицы. Престоли, херувими и серафими освящение от бога приемлют и сице восклицают: благословенна слава от места господня! И чрез их преходит освящение на вторую троицу, еже есть господьства, начала, власти; сия троица, славословя бога, восклицают: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! По алфавиту, а л ь — отцу, и л ь — сыну, у й я — духу святому. Григорий Ниский толкует: аллилуйя—хвала богу; а Василий Великий пишет: аллилуйя—ангельская речь, человечески рещи—слава тебе,

---

[1] в 7162 (1654) году; [2] искажал; [3] пятницу; [4] конца света, Страшного суда; [5] на юге; [6] двенадцатый.

боже! До Василия пояху во церкви ангельския речи: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Егда же бысть Василий, и повеле пети две ангельския речи, а третьюю — человеческую, сице: аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! У святых согласно, у Дионисия и у Василия; трижды воспевающе, со ангелы славим бога, а не четыржи, по римской бляди: мерско богу четверичное воспевание сицевое: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава тебе, боже! Да будет проклят сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица, силы, архангели, ангели, чрез среднюю троицу освящение приемля, поют: свят, свят, свят, господь Саваоф, исполнь небо и земля славы его! Зри: тричислено и сие воспевание. Пространно пречистая богородица протолковала о аллилуйи, явилася ученику Ефросина Пъсковскаго, именем Василию. Велика во аллилуйи хвала богу, а от зломудръствующих досада велика,— по-римски святую троицу в четверицу глаголют, духу и от сына исхождение являют; зло и проклято се мудрование богом и святыми. Правоверных избави боже сего начинания злаго, о Христе Исусе, господе нашем, ему же слава ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Афанасий Великий рече: иже хощет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическая вера [1], ея же аще кто целы и непорочны не соблюдает, кроме всякаго недоумения, во веки погибнет. Вера ж кафолическая сия есть, да единаго бога в Троице и Троицу во единице почитаем, ниже сливающе составы, ниже разделяюще существо; ин бо есть состав отечь, ин — сыновень, ин — святаго духа; но отчее, и сыновнее, и святаго духа едино божество, равна слава, соприсносущно величество; яков отец, таков сын, таков и дух святый; вечен отец, вечен сын, вечен и дух святый; не создан отец, не создан сын, не создан и дух святый; бог отец, бог сын, бог и дух святый — не три бози, но един бог; не три несозданнии, но един несозданный, един вечный. Подобне: вседержитель отец, вседержитель сын, вседержитель и дух святый. Равне: непостижим отец, непостижим сын, непостижим и дух святый. Обаче не три вседержители, но един вседержитель; не три непостижимии, но един непостижимый, един пресущный. И в сей святей Троице ничто же первое или последнее, ничто же более или менее, но целы три составы и соприсносущны суть себе и равны. Особно бо есть отцу нерождение, сыну же рождение, а духу святому исхождение; обще же им божество и царство. (Нужно бо есть побеседовати и о вочеловечении богаслова [2] к вашему спасению.) За благость щедрот излия себе от

[1] христианскую веру; [2] Иисуса Христа.

отеческих недр сын-слово божие в деву чисту богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився от духа свята и Марии девы, вочеловечився, нас ради пострадал, и воскресе в третий день, и на небо вознесеся, и седе одесную величествия на высоких и хощет паки приитти судити и воздати комуждо по делом его, его же царствию несть конца. И сие смотрение в бозе бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися.(Совет отечь.) Рече отец сынови: «Сотворим человека по образу нашему и по подобию». И отвеща другий: «Сотворим, отче, и преступит бо». И паки рече: «О, единородный мой! О, свете мой! О, сыне и слове! О, сияние славы моея! Аще промышляеши [1] созданием своим, подобает ти облещися в тлимаго [2] человека, подобает ти по земли ходити, апостолы восприяти, пострадати и вся совершити». И отвеща другий: «Буди, отче, воля твоя!» И по сем создася Адам. Аще хощеши пространно разумети, чти Маргарит: «Слово о вочеловечении»; тамо обрящеши. Аз кратко помянул, смотрение показуя. Сице всяк веруяй в онь не постыдится, а не веруяй осужден будет и во веки погибнет, по вышереченному Афанасию. Сице аз, протопоп Аввакум, верую, сице исповедаю, с сим живу и умираю.

Рождение же мое в Нижегороцких пределех, за Кудмою рекою, в селе Григорове. Отец ми бысть священник Петр, мати — Мария, инока [3] Марфа. Отец же мой прилежаше пития хмелнова; мати же моя постница и молитвеница бысть, всегда учаше мя страху божию. Аз же некогда видев у соседа скотину умершу, и той нощи, возставше, пред образом плакався доволно о душе своей, поминая смерть, яко и мне умереть; и с тех мест обыкох по вся нощи молитися. Потом мати моя овдовела, а я осиротел молод, и от своих соплеменник во изгнании быхом. Изволила мати меня женить. Аз же пресвятей богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, безпрестанно обыкла ходить во церковь,— имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли божии тако. Посем мати моя отъиде к богу в подвизе велице. Аз же от изгнания преселихся во ино место. Рукоположен во дьяконы двадесяти лет з годом, и по дву летех в попы поставлен; живый в попех осм лет и потом совершен в протопопы православными епископы,— тому двадесять лет минуло; и всего тридесят лет, как имею священъство.

---

[1] заботишься; [2] тленного; [3] в монашестве.

А егда в попах был, тогда имел у себя детей духовных много,— по се время сот с пять или с шесть будет. Не почивая, аз, грешный, прилежал во церквах, и в домех, и на распутиях, по градом и селам, еще же и в царствующем граде, и во стране Сибиръской проповедуя и уча слову божию,— годов будет тому с полтретьяцеть [1].

Егда еще был в попех, прииде ко мне исповедатися девица, многими грехми обремененна, блудному делу и малакии [2] всякой повинна; нача мне, плакавшеся, подробну возвещати во церкви, пред Евангелием стоя. Аз же, треокаянный врач, сам разболелъся, внутрь жгом огнем блудным, и горко мне бысть в той час: зажег три свещи и прилепил к налою, и возложил руку правую на пламя и держал, дондеже во мне угасло злое разжежение, и, отпустя девицу, сложа ризы, помоляся, пошел в дом свой зело скорбен. Время же, яко полнощи, и пришед во свою избу, плакався пред образом господним, яко и очи опухли, и моляся прилежно, да же отлучит мя бог от детей духовных: понеже бремя тяшко, неудобь носимо. И падох на землю на лицы своем, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вем, как плачю; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловут стройно два корабля златы, и весла на них златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на них сиделцов. И я спросил: «Чье корабли?» И оне отвещали: «Лукин и Лаврентиев». Сии быша ми духовныя дети, меня и дом мой наставили на путь спасения и скончалися богоугодне. А се потом вижу третей корабль, не златом украшен, но разными пестротами — красно́, и бело, и сине, и черно, и пепелесо [3],— его же ум человечь не вмести красоты его и доброты; юноша светел, на корме сидя, правит; бежит ко мне из-за Волъги, яко пожрати мя хощет. И я вскричал: «Чей корабль?» И сидяй на нем отвещал: «Твой корабль! Да, плавай на нем з женою и детми, коли докучаеш!» И я вострепетах и, седше, разсуждаю: «Что се видимое? И что будет плавание?»

А се по мале времени, по писанному, обьяша мя болезни смертныя, беды адавы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох. У вдовы началник отнял дочерь, и аз молих его, да же сиротину возвратит к матери; и он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежа мертв полчаса и болши, и паки оживе божиим мановением. И он, устрашася, отступился мне девицы. Потом научил ево дьявол: пришед во церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву говорю в то время.

---

[1] двадцать пять; [2] разврату; [3] пепельного цвета.

Таже ин началник, во ино время, на мя разсвирепел,— прибежал ко мне в дом, бив меня, и у руки огрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же, поблагодаря бога, завертев руку платом, пошел к вечерне. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки со двема малыми пищалми и, близь меня быв, запалил ис пистоли, и божиею волею на полке порох пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ея на землю и из другия паки запалил так же, и божия воля учинила так же — и та пищаль не стрелила. Аз же прилежно, идучи, молюсь богу, единою рукою осенил ево и поклонился ему. Он меня лает, а я ему рекл: «Благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял, а меня выбил, всево ограбя, и на дорогу хлеба не дал.

В то же время родился сын мой Прокопей, которой сидит с матерью в земле закопан. Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же бог наставит, и на пути крестили, яко же Филипп каженика [1] древле. Егда ж аз прибрел к Москве, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Иванну, они же обо мне царю известиша, и государь меня почал с тех мест знати. Отцы ж з грамотою паки послали меня на старое место, и я притащилъся: ано и стены разорены моих храмин. И я паки позавелся, а дьявол и паки воздвиг на меня бурю. Приидоша в село мое пясовые медведи з бубнами и з домрами: и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и хари, и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял,— одново ушиб, и паки ожил, а другова отпустил в поле. И за сие меня Василей Петровичь Шереметев, пловучи Волгою в Казань на воеводство, взяв на судно и браня много, велел благословить сына своево Матфея бритобратца. Аз же не благословил, но от писания ево и порицал, видя блудолюбный образ. Боярин же, гораздо осердясь, велел меня бросить в Волъгу и, много томя, протолкали. А опосле учинились добры до меня: у царя на сенях со мною прощались [2], а брату моему меншому бояроня Васильева и дочь духовная была. Так-то бог строит своя люди!

На первое возвратимся. Таже ин началник на мя разсвирепел: приехав с людми ко двору моему, стрелял из луков и ис пищалей с приступом. А аз в то время, запершися, молился с воплем ко владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же веси судбами!» И побежал от двора, гоним святым духом. Таже в нощ ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами:

---

[1] евнуха; [2] просили прощения.

«Батюшко-государь! Евфимей Стефановичь при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, а сам говорит: «Дайте мне батка[1] Аввакума! За него бог меня наказует!» И я чаял, меня обманывают; ужасеся дух мой во мне. А се помолил бога сице: «Ты, господи, изведый мя из чрева матере моея и от небытия в бытие мя устроил! Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом московским; аще зарежут, и ты причти мя з Захариею пророком; а буде в воду посадят, а ты, яко Стефана Пермъскаго, паки свободиш мя!» И моляся, поехал в дом к нему, Евфимию. Егда ж привезоша мя на двор, выбежала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорит: «Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилец!» И я сопротив тово: «Чюдно! Давеча был блядин сын, а топерва — батюшко! Болшо [2] у Христа-тово остра шелепуга-та [3]: скоро повинилъся муж твой!» Ввела меня в горницу. Вскочил с перины Евфимей, пал пред ногама моима, вопит неизреченно: «Прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою!» А сам дрожит весь. И я ему сопротиво: «Хощеши ли впредь цел быти?» Он же, лежа, отвеща: «Ей, честный отче!» И я рек: «Востани! Бог простит тя!» Он же, наказан гораздо, не мог сам востати. И я поднял и положил ево на постелю, и исповедал, и маслом священным помазал, и бысть здрав. Так Христос изволил. И наутро отпустил меня честно в дом мой; и з женою быша ми дети духовныя, изрядныя раби христовы. Так-то господь гордым противится, смиреным же дает благодать.

Помале паки инии изгнаша мя от места того вдругоряд. Аз же сволокся к Москве, и божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевец-Поволской. И тут пожил немного — толко осм [4] недель. Дьявол научил попов и мужиков и баб — пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня ис приказа собранием,— человек с тысящу и с полторы их было,— среди улицы били батожьем и топтали; и бабы были с рычагами [5]. Грех ради моих, замертва убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошеди умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают, и по граду молва велика. Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров кинем!» Аз же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дети, по Волге сам-третей ушел к Москве. На Кострому прибежал,— ано и тут протопопа ж Даниила изгнали. Ох, горе!

---

[1] отца, батюшку; [2] знать; [3] плеть; [4] восемь; [5] ухватами.

Везде от дьявола житья нет! Прибрел к Москве, духовнику Стефану показался; и он на меня учинилъся печален: на што-де церковь соборную покинул? Опять мне другое горе! Царь пришел к духовнику благословитца ночью; меня увидел тут,— опять кручина: на што-де город покинул? — А жена, и дети, и домочадцы, человек з дватцеть, в Юрьевце остались: неведомо — живы, неведомо — прибиты! Тут паки горе.

По сем Никон, друг наш, привез ис Соловков Филиппа митрополита. А прежде его приезду Стефан духовник, моля бога и постяся седмицу з братьею,— и я с ними тут же,— о патриаръхе, да же даст бог пастыря ко спасению душ наших; и с митрополитом казанским Корнилием, написав челобитную за руками [1], подали царю и царице — о духовнике Стефане, чтоб ему быть в патриархах. Он же не восхотел сам, и указал на Никона митрополита. Царь ево и послушал, и пишет к нему послание навстречю: преосвященному митрополиту Никону новгороцкому и великолуцкому и всеа Русии радоватися, и прочая. Егда ж приехал, с нами, яко лис: челом да здорóво! Ведает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помешка какова не учинилась. Много о тех кознях говорить! Егда поставили патриархом, так друзей не стал и в Крестовую пускать! А се и яд отрыгнул. В пост великой прислал память х Казанъской к Неронову Иванну. А мне отец духовной был; я у нево все и жил в церкве: егда куды отлучится, ино я ведаю церковь. И к месту, говорили, на дворец к Спасу, на Силино покойника место, да бог не изволил. А се и у меня радение худо было. Любо мне, у Казанъские тое держалъся, чел народу книги. Много людей приходило. В памети Никон пишет: «Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания [2] творити на колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились». Мы же задумалися, сошедшеся между собою; видим, яко зима хощет быти; сердце озябло и ноги задрожали. Неронов мне приказал церковь, а сам един скрылся в Чюдов — седмицу в полатке [3] молился. И там ему от образа глас бысть во время молитвы: «Время приспе страдания, подобает вам неослабно страдати!» Он же мне, плачючи, сказал; таже коломенъскому епископу Павлу, его же Никон напоследок огнем жжег в новогороцких пределех; потом — Данилу, костромскому протопопу; таже сказал и всей братье. Мы же з Данилом, написав ис книг выписки о сложении перст и о поклонех, и подали государю; много

---

[1] прошение за своими подписями; [2] земные поклоны; [3] комнатке, келье.

писано было; он же, не вем где, скрыл их; мнит ми ся[1], Никону отдал.

После тово вскоре схватав Никон Даниила, в монастыре за Тверскими вороты, при царе остриг голову и, содрав однорятку, ругая, отвел в Чюдов в хлебню [2] и, муча много, сослал в Астрахань. Венец тернов на главу ему там возложили, в земляной тюрме и уморили. После Данилова стрижения взяли другова, темниковскаго Даниила ж протопопа, и посадили в монастыре у Спаса на Новом. Таже протопопа Неронова Иванна — в церкве скуфью снял и посадил в Симанове монастыре, опосле сослал на Вологду, в Спасов Каменной монастырь, потом в Колской острог. А напоследок, по многом страдании, изнемог бедной — принял три перста, да так и умер. Ох, горе! Всяк, мняйся стоя, да блюдется, да ся не падет! [3] Люто время, по реченному господем, аще возможно духу антихристову прелстити и избранныя. Зело надобно крепко молитися богу, да спасет и помилует нас, яко благ и человеколюбец.

Таж меня взяли от всенощнаго Борис Нелединской со стрелцами; человек со мною шестьдесят взяли: их в тюрму отвели, а меня на патриархове дворе на чеп посадили ночью. Егда ж розсветало в день неделный [4], посадили меня на телегу, и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тут на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидел три дни, ни ел, ни пил; во тме сидя, кланялся на чепи, не знаю — на восток, не знаю — на запад. Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох доволно. Бысть же я в третий день приалъчен, сиречь есть захотел, и после вечерни ста предо мною, не вем— ангел, не вем — человек, и по се время не знаю, токмо в потемках молитву сотворил и, взяв меня за плечо, с чепью к лавке привел и посадил, и лошку в руки дал и хлебца немношко и штец дал похлебать — зело прикусны, хороши! — И рекл мне: «Полно, довлеет [5] ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно толко человек; а что ж ангел? Ино нечему дивитца — везде ему не загорожено. Наутро архимарит з братьею пришли и вывели меня; журят мне: «Что патриарху не покорися?» А я от писания ево браню да лаю. Сняли болшую чеп, да малую наложили. Отдали чернцу под начал, велели волочить в церковь. У церкви за волосы дерут, и под бока толкают, и за чеп торгают, и в глаза плюют. Бог их простит в сий век и в буду-

---

[1] думается; [2] хлебопекарню; [3] всякий, думая, что он устоит, пусть бережется, чтобы не упасть; [4] воскресенье; [5] достаточно.

щий: не их то дело, но сатаны лукаваго. Сидел тут я четыре недели.

В то время после меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царе, остриг в обедню. Во время переноса снял патриарх со главы у архидьякона дискос и поставил на престол с телом христовым; а с чашею архимарит чюдовской Ферапонт вне олътаря, при дверех царских стоял. Увы, разсечения тела христова, пущи жидовскаго действа! Остригше, содрали с него однарятку и кафтан. Логин же разжегся ревностию божественнаго огня, Никона порицая, и чрез порог в олтарь в глаза Никону плевал; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтарь в глаза Никону бросил; и чюдно! растопоряся рубашка и покрыла на престоле дискос, бытто воздýх. А в то время и царица в церкве была. На Логина возложили чеп и, таща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскова монастыря, и кинули в полатку нагова, и стрелцов на карауле поставили накрепко стоять. Ему ж бог в ту нощ дал шубу новую да шапку; и наутро Никону сказали, и он розсмеявся, говорит: «Знаю-су я пустосвятов тех!» — и шапку у нево отнял, а шубу ему оставил.

По сем паки меня из монастыря водили пешева на патриархов двор, также руки ростяня, и стязався [1] много со мною, паки также отвели. Таже в Никитин день ход со кресты, а меня паки на телеге везли против крестов. И привезли к соборной церкве стричь, и держали в обедню на пороге долъго. Государь с места сошел и, приступя к патриарху, упросил. Не стригше, отвели в Сибирской приказ и отдали дьяку Третьяку Башмаку, что ныне стражет же по Христе, старец Саватей, сидит на Новом, в земляной же тюрме. Спаси ево, господи! И тогда мне делал добро.

Таже послали меня в Сибирь з женою и детми. И колико дорогою нужды бысть, тово всево много говорить, разве малая часть помянуть. Протопопица младенца родила — болную в телеге и повезли до Тобольска; три тысящи верст недель с тринатцеть волокли телегами, и водою, и санми половину пути.

Архиепископ в Тобольске к месту устроил меня. Тут у церкви великия беды постигоша меня: в полтара годы пять слов государевых сказывали на меня, и един некто, архиепископля двора дьяк Иван Струна, тот и душею моею потряс. Съехал архиепископ к Москве, а он без нево, дьяволским научением напал на меня: церкви моея дьяка Антония мучить напрасно захотел. Он же, Антон, утече у него и прибежал во церковь ко мне.

---

[1] споря.

Той же Струна Иван собрався с людми, во ин день прииде ко мне в церковь,— а я вечерню пою,— и въскочил в церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду. А я в то время двери церковныя затворил и замкнул, и никово не пустил,— один он, Струна, в церкве вертится, что бес. И я, покиня вечерню, с Антоном посадил ево среди церкви на полу и за церковной мятеж постегал ево ременем нарочито-таки; а прочии, человек з дватцеть, вси побегоша, гоними духом святым. И покаяние от Струны приняв, паки отпустил ево к себе. Сродницы же струнины, попы и чернцы, весь возмутили град, да како меня погубят. И в полунощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взять и в воду свести. И божиим страхом отгнани быша и побегоша вспять. Мучился я с месяц, от них бегаючи втай: иное в церкве начаю, иное к воеводе уйду, а иное в тюрму просилъся — ино не пустят. Провожал меня много Матфей Ломков, иже и Митрофан именуем в чернцах,— опосле на Москве у Павла митрополита ризничим был, в соборной церкви з дьяконом Афонасьем меня стриг; тогда добр был, а ныне дьявол ево поглотил. Потом приехал архиепископ с Москвы и правилною виною ево, Струну, на чеп посадил за сие: некий человек з дочерью кровосмешение сотворил, а он, Струна, полтину възяв и, не наказав, мужика отпустил. И владыка ево сковать приказал и мое дело тут же помянул. Он же, Струна, ушел к воеводам в приказ и сказал «слово и дело государево» на меня. Воеводы отдали ево сыну боярьскому лутчему, Петру Бекетову, за пристав. Увы, погибель на двор Петру пришла. Еще же и душе моей горе тут есть. Подумав архиепископ со мною, по правилам за вину кровосмешения стал Струну проклинать в неделю православия в церкве болшой. Той же Бекетов Петр, пришед в церковь, браня архиепископа и меня, и в той час ис церкви пошед, взбесилъся, ко двору своему идучи, и умре горкою смертию зле. И мы со владыкою приказали тело ево среди улицы собакам бросить, да ж граждане оплачют согрешение его. А сами три дни прилежне стужали [1] божеству, да же в день века отпустится ему. Жалея Струны, такову себе пагубу приял. И по трех днех владыка и мы сами честне тело его погребли. Полно тово пълачевнова дела говорить.

По сем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что браню от писания и укоряю ересь никонову. В таже времена пришла ко мне с Москвы грамотка. Два брата жили у царицы вверху [2], а оба умерли в мор и з женами и з детми;

[1] докучали; [2] во дворце.

и многия друзья и сродники померли. Излиял бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались [1] горюны однако — церковью мятут. Говорил тогда и сказывал Неронов царю три пагубы за церковной раскол: мор, мечь, разделение. То и збылось во дни наша ныне. Но милостив господь: наказав, покаяния ради и помилует нас, прогнав болезни душ наших и телес, и тишину подаст. Уповаю и надеюся на Христа, ожидаю милосердия его и чаю воскресения мертвым.

Таже сел опять на корабль свой, еже и показан ми, что выше сего рекох,— поехал на Лену. А как приехал в Енисейской, другой указ пришел: велено в Дауры вести — дватцеть тысящ и болши будет от Москвы. И отдали меня Афонасью Пашкову в полк — людей с ним было 6 сот человек; и грех ради моих суров человек: безпрестанно людей жжет, и мучит, и бьет. И я ево много уговаривал, да и сам в руки попал. А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня.

Егда поехали из Енисейска, как будем в болшой Тунгуске реке, в воду загрузило бурею дощеник мой совсем: налилъся среди реки полон воды, и парус изорвало,— одны полубы над водою, а то все в воду ушло. Жена моя на полубы из воды робят кое-как вытаскала, простоволоса ходя. А я, на небо глядя, кричю: «Господи, спаси! Господи, помози!» И божиею волею прибило к берегу нас. Много о том говорить! На другом дощенике двух человек сорвало и утонули в воде. По сем, оправяся на берегу, и опять поехали впредь.

Егда приехали на Шаманъской порог, на встречю приплыли люди иные к нам, а с ними две вдовы — одна лет в 60, а другая и болши: пловут постричись в монастырь. А он, Пашков, стал их ворочать и хочет замуж отдать. И я ему стал говорить: «По правилам не подобает таковых замуж давать». И чем бы ему, послушав меня, и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь. На другом, Долгом, пороге стал меня из дощеника выбивать: «Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» О, горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заломя голову! В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галъки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята инъдейские, и бабы, и лебеди и иные дикие,— многое множество,— птицы разные. На тех же горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, и изубри, и лоси, и кабаны, волъ-

[1] не распознали.

ки, бараны дикие — во очию нашу, а взять нельзя! На те горы выбивал меня Пашков, со зверми и со змиями, и со птицами витать. И аз ему малое писанейце написал, сице начало: «Человече! Убойся бога, седящаго на херувимех и призирающаго [1] в бездны, его же трепещут небесныя силы и вся тварь со человеки, един ты презираеш и неудобъство [2] показуеш»,— и прочая: там многонько писано; и послал к нему. А се бегут человек с пятдесят: взяли мой дощеник и помчали к нему,— версты три от него стоял. Я казакам каши наварил, да кормлю их; и оне, бедные, и едят и дрожат, а иные, глядя, плачют на меня, жалеют по мне. Привели дощеник; взяли меня палачи, привели перед него. Он со шпагою стоит и дрожит; начал мне говорить: «Поп ли ты, или роспоп?» И аз отвещал: «Аз есм Аввакум протопоп; говори: что тебе дело до меня?» Он же рыкнул, яко дивий [3] зверь, и ударил меня по щоке, таже по другой, и паки в голову, и збил меня с ног и, чекан ухватя, лежачева по спине ударил трижды и, разболокши [4] по той же спине семъдесят два удара кнутом. А я говорю: «Господи, Исусе Христе, сыне божий, помогай мне!» Да то ж, да то ж безпрестанно говорю. Так горко ему, что не говорю: «Пощади!» Ко всякому удару молитву говорил, да осреди побой вскричал я к нему: «Полно бить-тово!» Так он велел перестать. И я промолыл ему: «За что ты меня бьеш? Ведаеш ли?» И он паки велел бить по бокам, и отпустили. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенной дощеник оттащить: сковали руки и ноги и на беть [5] кинули. Осень была, дождь на меня шел, всю нощ под капелию лежал. Как били, так не болно было с молитвою тою; а лежа, на ум взбрело: «За что ты, сыне божий, попустил меня ему таково болно убить тому? Я веть за вдовы твои стал! Кто даст судию между мною и тобою? Когда воровал, и ты меня так не оскорблял, а ныне не вем, чтó согрешил!» Бытто доброй человек! — Другой фарисей з говенною рожею,— со владыкою судитца захотел! Аще Иев и говорил так, да он праведен, непорочен, а се и писания не разумел, вне закона, во стране варварстей, от твари бога познал. А я первое — грешен, второе — на законе почиваю и писанием отвсюду подкрепляем, яко многими скорбми подобает нам внити во царство небесное, а на такое безумие пришел! Увы мне! Как дощеник-от в воду-ту не погряз со мною? Стало у меня в те поры кости-те щемить и жилы-те тянуть, и сердце зашлось, да и умирать стал. Воды мне в рот плеснули, так вздохнул да покаялъся пред владыкою, и

---

[1] глядящего; [2] сомнение; [3] дикий; [4] раздев; [5] поперечную перекладину.

господь-свет милостив: не поминает наших беззакониих первых покаяния ради; и опять не стало ништо болеть.

Наутро кинули меня в лотку и напредь повезли. Егда приехали к порогу, к самому болшему, Падуну,— река о том месте шириною с версту, три залавка [1] чрез всю реку зело круты, не воротами што попловет, ино в щепы изломает,— меня привезли под порог. Сверху дождь и снег, а на мне на плеча накинуто кафтанишко просто; льет вода по брюху и по спине,— нужно [2] было гораздо. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на бога вдругорят. На ум пришли речи, пророком и апостолом реченныя: «Сыне, не пренемогай наказанием господним, ниже ослабей, от него обличаем. Его же любит бог, того наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет. Аще наказание терпите, тогда яко сыном обретается вам бог. Аще ли без наказания приобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте». И сими речми тешил себя.

По сем привезли в Брацкой острог и в тюрму кинули, соломки дали. И сидел до Филипова поста в студеной башне; там зима в те поры живет, да бог грел и без платья! Что собачка, в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил,— и батошка [3] не дадут дурачки! Все на брюхе лежал: спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» Да сила божия возбранила,— велено терпеть. Перевел меня в теплую избу, и я тут с аманатами [4] и с собаками жил скован зиму всю. А жена з детми верст з дватцеть была сослана от меня. Баба ея Ксенья мучила зиму ту всю — лаяла да укоряла. Сын Иван — невелик был — прибрел ко мне побывать после Христова рождества, и Пашков велел кинуть в студеную тюрму, где я сидел: начевал милой и замерз было тут. И наутро опять велел к матери протолкать. Я ево и не видал. Приволокся к матери — руки и ноги ознобил.

На весну паки поехали впредь. Запасу неболшое место осталось; а первой разграблен весь: и книги, и одежда иная отнята была; а иное и осталось. На Байкалове море паки тонул. По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть: зело нужен ход ею был,— и поесть было неколи, нежели спать. Лето целое мучилися. От водяныя тяготы люди изгибали, а у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися. На том же Хилке в третьее тонул. Барку от берегу оторвало водою,— людские стоят, а мою ухватило, да и понесло! Жена и дети остались на берегу, а меня сам-друг с кормщиком

---

[1] уступа; [2] мучительно; [3] хворостинки; [4] заложниками-туземцами.

Протопоп Аввакум.
Дерево. Темпера. Конец XVII — начало XVI
(ГИМ)

помчало. Вода быстрая, переворачивает барку вверх боками и дном; а я на ней ползаю, а сам кричю: «Владычице, помози! Упование, не утопи!» Иное ноги в воде, а иное выполъзу наверх. Несло с версту и болши; да люди переняли. Все розмыло до крохи! Да што петь [1] делать, коли Христос и пречистая богородица изволили так? Я, вышед из воды, смеюсь, а люди-те охают, платье мое по кустам развешивая, шубы отласные и тафтяные, и кое-какие безделицы тое много еще было в чемоданах, да в сумах; все с тех мест перегнило,— наги стали. А Пашков меня же хочет опять бить: «Ты-де над собою делаеш за посмех!» И я паки свету-богородице докучать: «Владычице, уйми дурака-тово!» Так она-надежа уняла: стал по мне тужить.

Потом доехали до Иргеня озера: волок тут,— стали зимою волочитца. Моих роботников отнял, а иным у меня нанятца не велит. А дети маленки были, едоков много, а работать некому: один бедной горемыка-протопоп нарту зделал и зиму всю волочилъся за волок. Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ. Четверътое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городовой [2]. Стало нечева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелъкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палъки болшие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох, времени тому! Не знаю, как ум у него отступилъся. У протопопицы моей однарятка московская была, не згнила,— по русскому рублев в полътретьяцеть [3] и болши, по тамошнему — дал нам четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой, тянулися, на Нерче реке живучи, с травою перебиваючися. Все люди з голоду поморил, никуды не отпускал промышлять,— осталось неболшое место; по степям скитающеся и по полям, траву и корение копали, а мы — с ними же; а зимою — сосну [4], а иное кобылятины бог даст, и кости находили от волков пораженных зверей,— и что́ волк не доест, мы то доедим. А иные и самых озяблых ели волъков и лисиц, и что́ получит — всякую скверну. Кобыла жеребенка родит, а голодные втай и жеребенка и место скверное кобылье съедят. А Пашков, сведав, и кнутом до смерти забьет. И кобыла умерла,— все извод взял, понеже не по чину жеребенъка тово вытащили из нея: лишо голову появил, а оне и выдернули, да и почали кровь скверную есть. Ох, времени тому! И у меня два сына маленьких умерли в нуждах тех, а с прочими, скитающеся

[1] ведь; [2] для домов и крепостных стен; [3] двадцать пять; [4] сосновую кору.

по горам и по острому камению наги и боси, травою и корением перебивающеся, кое-как мучилися. И сам я, грешной, волею и неволею причастен кобыльим и мертвечьим звериным и птичьим мясам. Увы, грешной душе! Кто даст главе моей воду и источник слез, да же оплачю бедную душу свою, ю же зле погубих житейскими сластми? Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево, Афонасьева, Фекла Симеоновна: оне нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево,— иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полъпудика накопит и передаст, а иногда у куров корму ис корыта нагребет. Дочь моя, бедная горемыка, Огрофена, бродила втай к ней под окно. И горе, и смех! — Иногда робенка погонят от окна без ведома бояронина, а иногда и многонько притащит. Тогда невелика была, а ныне уж ей 27 годов,— девицею, бедная моя, на Мезени, с меньшими сестрами перебиваяся кое-как, плачючи живут. А мать и братья в земле закопаны сидят. Да што же делать? Пускай горкие мучатся все ради Христа! Быть тому так за божиею помощию. На том положено: ино мучитца, ино мучитца веры ради христовы. Любил протопоп со славными знатца, люби же и терпеть, горемыка, до конца. Писано: не начный блажен, но скончавый [1]. Полно тово; на первое возвратимся.

Было в Даурской земле нужды великие годов с шесть и с семь, а во иные годы отрадило. А он, Афонасей, наветуя мне, безпрестанно смерти мне искал. В той же нужде прислал ко мне от себя две вдовы,— сенныя [2] ево любимые были,— Марья да Софья, одержимы духом нечистым. Ворожа и колдуя много над ними, и видит, яко ничто же успевает [3], но паче молъва бываетъ [4],—зело жестоко их бес мучит, бьются и кричат; призвал меня и поклонилъся мне, говорит: «Пожалуй, возми их ты и попекися об них, бога моля; послушает тебя бог». И я ему отвещал: «Господине! Выше меры прошение, но за молитв святых отец наших вся возможна суть богу». Взял их, бедных. Простите! Во искусе то на Руси бывало,— человека три-четыре бешаных приведших бывало в дому моем и, за молитв святых отец, отхождаху от них беси, действом и повелением бога живаго и господа нашего Исуса Христа, сына божия-света. Слезами и водою покроплю и маслом помажу молебная певше во имя христово, и сила божия отгоняше от человек бесы и здрави бываху, не по

[1] не начавший блажен, но окончивший; [2] служанки; [3] ничто не помогает; [4] волнение увеличивается.

достоинъству моему,— ни никако же,— но по вере приходящих. Древле благодать действоваше ослом при Валааме, и при Улияне мученике — рысью, и при Сисинии — оленем: говорили человеческим гласом. Бог иде же хощет, побеждается естества чин. Чти житие Феодора Едесскаго, тамо обрящеши: и блудница мертваго воскресила. В Кормчей писано: не всех дух святый рукополагает, но всеми, кроме еретика, действует. Таже привели ко мне баб бешаных; я, по обычаю, сам постилъся и им не давал есть, молебъствовал, и маслом мазал, и, как знаю, действовал: и бабы о Христе целоумны и здравы стали. Я их исповедал и причастил. Живут у меня и молятся богу; любят меня и домой не идут. Сведал он, что мне учинилися дочери духовные, осердилъся на меня опять пущи старова — хотел меня в огне жжечь: «Ты-де выведываеш мое тайны!» А как петь-су причастить, не исповедав? А не причастив бешанова, ино беса совершенно не отгониш. Бес-от веть не мужик: батога не боится; боится он креста христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бежит от тела христова [1]. Я, кроме сих тайн, врачевать не умею. В нашей провославной вере без исповеди не причащают; в римъской вере творят так — не брегут о исповеди; а нам, православие блюдущим, так не подобает, но на всяко время покаяние искати. Аще священника, нужды ради, не получиш: и ты своему брату искусному возвести согрешение свое, и бог простит тя, покаяние твое видев, и тогда с правилцом [2] причащайся святых тайн. Держи при себе запасный агнец. Аще в пути или на промыслу, или всяко прилучится, кроме церкви, воздохня пред владыкою и, по вышереченному, ко брату исповедався, с чистою совестию причастися святыни: так хорошо будет! По посте и по правиле [3], пред образом христовым на коробочку постели платочик и свечку зажги, а в сосудце водицы маленко, да на ложечку почерпни и часть тела христова с молитвою в воду на лошку положи, и кадилом вся покади, поплакав, глаголи: «Верую, господи, и исповедаю, яко ты еси Христос сын бога живаго, пришедый в мир грешники спасти, от них же первый есм аз. Верую яко воистинну се есть самое пречистое тело твое, и се есть самая честная кровь твоя. Его же ради молю ти ся, помилуй мя и прости ми и ослаби ми согрешения моя, волная и неволная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, яже разумом и мыслию, и сподоби мя неосужденно причаститися пречистых ти таинъств во оставление грехов и в жизнь вечную, яко благословен еси во веки. Аминь». Потом, падше на землю

[1] от причастия; [2] с молитвою; [3] после богослужения.

пред образом, прощение проговори и, возстав, образы поцелуй и, прекрестясь, с молитвою причастися и водицею запей и паки богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умреш после тово, ино хорошо. Полно про то говорить. И сами знаете, что доброе добро. Стану опять про баб говорить.

Взял Пашков бедных вдов от меня; бранит меня вместо благодарения. Он чаял: Христос просто положит; ано пущи и старова стали беситца. Запер их в пустую избу, ино никому приступу нет к ним; призвал к ним чернова попа [1],— и оне ево дровами бросают, и поволокся прочь. Я дома плачю, а делать не ведаю что́. Приступить ко двору не смею: болно сердит на меня. Тайно послал к ним воды святыя, велел их умыть и напоить, и им бедным легче стало. Прибрели сами ко мне тайно, и я помазал их во имя христово маслом; так опять, дал бог, стали здоровы и опять домой пошли; да по ночам ко мне прибегали тайно молитца богу. Изрядные детки стали, играть перестали и правилца дéржатца. На Москве з бояронею в Вознесенском монастыре вселились. Слава о них богу!

Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе. Пять недель по лду голому ехали на нартах. Мне под робят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающеся о лед. Страна варварская; иноземцы немирные; отстать от лошедей не смеем, а за лошедми итти не поспеем — голодные и томные [2] люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалилъся: оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «Матушъка-государыня, прости!» А протопопица кричит: «Что ты, батко, меня задавил?» Я пришол,— на меня, бедная, пеняет, говоря: «Долъго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же, вздохня, отвещала: «Добро, Петровичь, ино еще побредем».

Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу божиим повелением; нужде нашей помогая; бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ни што чюдо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублев при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала.

---

[1] священника-монаха; [2] утомленные.

Слава богу, вся строившему благая! А не просто нам она и досталася. У боярони куры все переслепли и мереть стали; так она, собравше в короб, ко мне их прислала, чтоб-де батко пожаловал, помолилъся о курах. И я-су подумал: кормилица то есть наша, детки у нея, надобно ей курки. Молебен пел, воду святил, куров кропил и кадил; потом в лес збродил — корыто им зделал, ис чево есть, и водою покропил, да к ней все и отслал. Куры божиим мановением исцелели и исправилися по вере ея. От тово-то племяни и наша курочка была. Да полно тово говорить! У Христа не сегодни так повелось. Еще Козма и Дамиян человеком и скотом благодействовали и целили о Христе. Богу вся надобно: и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще же и человека ради.

Таже приволоклись паки на Ирьгень озеро. Бояроня пожаловала — прислала сковородку пшеницы, и мы кутьи [1] наелись. Кормилица моя была Евдокея Кириловна, а и с нею дьявол ссорил, сице: сын у нея был Симеон — там родилъся, я молитву давал и крестил, на всяк день присылала ко мне на благословение и я, крестом благословя и водою покропя, поцеловав ево, и паки отпущу; дитя наше здраво и хорошо. Не прилучилося меня дома; занемог младенец. Смалодушничав, она, осердясь на меня, послала робенка к шептуну-мужику. Я, сведав, осердилъся ж на нея, и меж нами пря [2] велика стала быть. Младенец пущи занемог: рука правая и нога засохли, что батошки. В зазор пришла; не ведает, что делать, а бог пущи угнетает. Робеночек на кончину пришел. Пестуны, ко мне приходя, плачют; а я говорю: «Коли баба лиха, живи же себе одна!» А ожидаю покаяния ея. Вижу, яко ожесточил диявол сердце ея; припал ко владыке, чтоб образумил ея. Господь же, премилостивый бог, умяхчил ниву сердца ея: прислала на утро сына среднева Ивана ко мне,—со слезами просит прощения матери своей, ходя и кланяяся около печи моей. А я лежу под берестом наг на печи, а протопопица в печи, а дети кое-где: в дождь прилучилось, одежды не стало, а зимовье каплет,— всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: «Вели матери прощения просить у Орефы колъдуна». Потом и болнова принесли,— велела перед меня положить; и все плачют и кланяются. Я-су встал, добыл в грязи патрахель [3] и масло священное нашол. Помоля бога и покадя, младенца помазал маслом и крестом благословил. Робенок, дал бог, и опять здоров стал — с рукою и с ногою. Водою святою ево напоил и к матери послал. Виждь, слышателю, покаяние ма-

[1] каши; [2] ссора; [3] епитрахиль.

терне колику силу сотвори: душу свою изврачевала и сына исцелила! Чему быть? Не сегодни кающихся есть бог! Наутро прислала нам рыбы да пирогов,— а нам то, голодным, надобе. И с тех мест помирилися. Выехав из Даур, умерла, миленкая, на Москве; я и погребал в Вознесенъском монастыре. Сведал то и сам Пашков про младенца,— она ему сказала. Потом я к нему пришел. И он, поклоняся низенко мне, а сам говорит: «Спаси бог! Отечески твориш — не помниш нашева зла». И в то время пищи доволно прислал.

А опосле тово вскоре хотел меня пытать: слушай, за что́. Отпускал он сына своево Еремея в Мунгальское царство воевать,— казаков с ним 72 человека да иноземцов 20 человек,— и заставил иноземца шаманить, сиречь гадать: удаст ли ся им и с победою ли будут домой? Волъхв же той мужик, близ моего зимовья привел барана живова в вечер, и учал над ним волъхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударилъся, и пена изо рта пошла. Беси давили ево, а он спрашивал их: «Удастъся ли поход?» И беси сказали: «С победою великою и з богатъством болшим будете назад». И воеводы ради, и все люди радуяся говорят: «Богаты приедем!» Ох, душе моей, тогда горко, и ныне не сладко! Пастырь худой погубил своя овцы, от горести забыл реченное во Евангелии, егда Зеведеевичи на поселян жестоких советовали: «Господи, хощеши ли, речеве, да огнь снидет с небесе и потребит их, якоже и Илия сотвори». Обращ же ся Исус и рече им: «Не веста, коего духа еста вы; сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубити, но спасти». И идоша во ину весь. А я, окаянной, зделал не так. Во хлевине своей кричал с воплем ко господу: «Послушай мене, боже! Послушай мене, царю небесный-свет, послушай меня! Да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроиши всем! Приложи им зла, господи, приложи, и погибель им наведи, да не збудется пророчество дьявольское!» И много тово было говорено. И втайне о том же бога молил. Сказали ему, что я так молюсь, и он лишо излаял меня. Потом отпустил с войским сына своего. Ночью поехали по звездам. В то время жаль мне их: видит душа моя, что им побитым быть, а сам-таки на них погибели молю. Иные, приходя, прощаются ко мне, а я им говорю: «Погибнете там!» Как поехали, лошади под ними взоржали вдруг, и коровы тут взревели, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы что собаки завыли; ужас на всех напал. Еремей весть со слезами ко мне прислал: чтоб батюшко-государь помолилъся за меня. И мне ево стало жаль. А се

друг мне тайной был и страдал за меня. Как меня кнутом отец ево бил, и стал разговаривать отцу, так со шпагою погналъся за ним. А как приехали после меня на другой порог, на Падун, 40 дощеников все прошли в ворота, а ево, Афонасьев, дощеник,— снасть добрая была и казаки все шесть сот промышляли о нем, а не могли взвести,— взяла силу вода, паче же рещи — бог наказал! Стащило всех в воду людей, а дощеник на камень бросила вода; чрез ево льется, а в нево не идет. Чюдо, как-то бог безумных тех учит! Он сам на берегу, бояроня в дощенике. И Еремей стал говорить: «Батюшко, за грех наказует бог! Напрасно ты протопопа-тово кнутом-тем избил; пора покаятца, государь!» Он же рыкнул на него, яко зверь, и Еремей, к сосне отклонясь, прижав руки, стал, а сам, стоя, «господи помилуй!» говорит. Пашков же, ухватя у малова колешчатую [1] пищаль,— никогда не лжет,— приложася на сына, курок спустил, и божиею волею осеклася пищаль. Он же, поправя порох, опять спустил, и паки осеклась пищаль. Он же и в третьи также сотворил; пищаль и в третьии осеклася же. Он ее на землю и бросил. Малой, подняв, на сторону спустил — так и выстрелила! А дощеник единаче на камени под водою лежит. Сел Пашков на стул, шпагою подперся, задумався, и плакать стал, а сам говорит: «Согрешил, окаянной, пролил кровь неповинну, напрасно протопопа бил; за то меня наказует бог!» Чюдно, чюдно! По писанию: яко косен [2] бог во гнев, а скор на послушание,— дощеник сам, покаяния ради, сплыл с камени и стал носом против воды. Потянули — он и взбежал на тихое место тотъчас. Тогда Пашков, призвав сына к себе, промолыл ему: «Прости, барте [3], Еремей,— правду ты говориш!» Он же, прискоча, пад, поклонився отцу и рече: «Бог тебя, государя, простит! Я пред богом и пред тобою виноват!» И взяв отца под руку, и повел. Гораздо Еремей разумен и добр человек: уж у него и своя седа борода, а гораздо почитает отца и боится его. Да по писанию и надобе так: бог любит тех детей, которые почитают отцов. Виждь, слышателю, не страдал ли нас ради Еремей, паче же ради Христа и правды его? А мне сказывал кормщик ево, Афонасьева, дощеника,— тут был,— Григорей Телной. На первое возвратимся.

Отнеле же отошли, поехали на войну. Жаль стало Еремея мне: стал владыке докучать, чтоб ево пощадил. Ждали их с войны,— не бывали на срок. А в те поры Пашков меня и к себе не пускал. Во един от дней учредил застенок и огнь росклал — хочет меня пытать. Я ко исходу душевному и молитвы прогово-

---

[1] с колесным замком; [2] медлен; [3] пожалуйста.

рил; ведаю ево стряпанье,— после огня-тово мало у него живут. А сам жду по себя и, сидя, жене плачющей и детям говорю: «Воля господня да будет! Аще живем, господеви [1] живем, аще умираем, господеви умираем». А се и бегут по меня два палача. Чюдно дело господне и неизреченны судбы владычни! Еремей ранен сам-друг дорошкою мимо избы и двора моево едет, и палачей вскликал и воротил с собою. Он же, Пашков, оставя застенок, к сыну своему пришел, яко пьяной с кручины. И Еремей, поклоняся со отцем, вся ему подробну возвещает: как войско у него побили все без остатку, и как ево увел иноземец от мунгальских людей по пустым местам, и как по каменным горам в лесу, не ядше, блудил седм дней,— одну съел белку,— и как моим образом человек ему во сне явилъся и, благословя ево, указал дорогу, в которую страну ехать. Он же, вскоча, обрадовалъся и на путь выбрел. Егда он отцу розсказывает, а я пришел в то время поклонитися им. Пашков же, возвед очи свои на меня,— слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да господь не выдаст! — вздохня, говорит: «Так-то ты делаеш? Людей-тех погубил столко!» А Еремей мне говорит: «Батюшко, поди, государь, домой! Молъчи для Христа!» Я и пошел.

Десеть лет он меня мучил, или я ево — не знаю; бог розберет в день века. Перемена ему пришла, и мне грамота: велено ехать на Русь. Он поехал, а меня не взял; умышлял во уме своем: «Хотя-де один и поедет, и ево-де убьют иноземцы». Он в дощениках со оружием и с людми плыл, а слышал я, едучи,— от иноземцов дрожали и боялись. А я, месяц спустя после ево, набрав старых, и болных, и раненых, кои там негодны, человек з десяток, да я з женою и з детми — семнатцеть нас человек, в лотку седше, уповая на Христа и крест поставя на носу, поехали, амо же бог наставит, ничево не бояся. Книгу Кормъчию дал прикащику, и он мне мужика кормщика дал. Да друга моего выкупил, Василия, которой там при Пашкове на людей ябедничал и крови проливал и моея головы искал: в ыную пору, бивше меня, на кол было посадил, да еще бог сохранил! А после Пашкова хотели ево казаки до смерти убить. И я, выпрося у них Христа ради, а прикащику выкуп дав, на Русь ево вывез, от смерти к животу,— пускай ево беднова! — либо покаятся о гресех своих. Да и другова такова же увез замотая [2]. Сего не хотели мне выдать; и он ушел в лес от смерти и, дождався меня на пути, плачючи, кинулъся мне в карбас. Ано за ним погоня! Деть стало негде. Я-су,— простите! — своровал: яко Раав блуд-

[1] для господа; [2] мота.

ная во Ерихоне Исуса Наввина людей, спрятал ево, положа на дно в судне, и постелею накинул, и велел протопопице и дочери лечи на нево. Везде искали, а жены моей с места не тронули,— лишо говорят: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя натерпелась!» А я,— простите бога ради! — лгал в те поры и сказывал: «Нет ево у меня!» — не хотя ево на смерть выдать. Поискав, да и поехали ни с чем; а я ево на Русь вывез. Старец да и раб христов, простите же меня, что я лъгал тогда. Каково вам кажется? Не велико ли мое согрешение? При Рааве блуднице, она, кажется, так же зделала, да писание ея похваляет за то. И вы, бога ради, поразсудите: буде грехотворно я учинил, и вы меня простите; а буде церковному преданию не противно, ино и так ладно. Вот вам и место оставил: припишите своею рукою мне, и жене моей, и дочери или прощение, или епитимию, понеже мы за одно воровали — от смерти человека ухоронили, ища ево покаяния к богу. Судите же так, чтоб нас Христос не стал судить на Страшном суде сего дела. Припиши же что-нибудь, старец.

Бог да простит тя и благословит в сем веце и в будущем, и подружию твою Анастасию, и дщерь вашу, и весь дом ваш. Добро сотворили есте и праведно. Аминь.

Добро, старец, спаси бог на милостыни! Полно тово.

Прикащик же мучки гривенок с тритцеть дал, да коровку, да овечок пять-шесть, мясцо иссуша; и тем лето питалися, пловучи. Доброй прикащик человек, дочь у меня Ксенью крестил. Еще при Пашкове родилась, да Пашков не дал мне мира и масла, так не крещена долго была,— после ево крестил. Я сам жене своей и молитву говорил, и детей крестил с кумом — с прикащиком, да дочь моя болшая — кума, а я у них поп. Тем же обрасцом и Афанасия сына крестил и, обедню служа на Мезени, причастил. И детей своих исповедывал и причащал сам же, кроме жены своея; есть о том в правилех — велено так делать. А что запрещение то отступническое, и то я о Христе под ноги кладу, а клятвою тою [1],— дурно молыть! — гузно тру. Меня благословляют московские святители Петр и Алексей, и Иона, и Филипп,— я по их книгам верую богу моему чистою совестию и служу; а отступников отрицаюся и клену,— враги оне божии, не боюсь я их, со Христом живучи! Хотя на меня каменья накладут, я со отеческим преданием и под каменьем лежу, не токмо под шпынскою [2] воровскою никониянъскою клятвою их. А што много говорить? Плюнуть на действо-то и службу-ту их, да и на книги-те их новоизданныя,— так и ладно будет! Станем гово-

[1] запрещением тем; [2] шутовской.

рить, како угодити Христу и пречистой богородице; а про воровство их полно говорить. Простите, барте, никонияне, что избранил вас; живите, как хочете. Стану опять про свое горе говорить, как вы меня жалуете-подчиваете: 20 лет тому уж прошло; еще бы хотя столко же бог пособил помучитца от вас, ино бы и было с меня, о господе бозе и спасе нашем Исусе Христе! А затем сколко Христос даст, толко и жить. Полно тово,— и так далеко забрел. На первое возвратимся.

Поехали из Даур, стало пищи скудать, и з братиею бога помолили, и Христос нам дал изубря, болшова зверя,— тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляют; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Тереньтьюшко с товарищи; плачют, миленкие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи, сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: «Вот, батюшко, на твою часть бог в запоре нам дал,— возми себе всю!» Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: «На што мне столко?» Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починя и парус скропав, чрез море пошли. Погода [1] окинула на море, и мы гребми перегреблись: не болно о том месте широко — или со сто, или с осмъдесят верьст. Егда к берегу пристали, востала буря ветренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки,— дватцеть тысящ верьст и болши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши [2], врата и столпы, ограда каменная и дворы,— все богоделанно. Лук на них ростет и чеснок,— болши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворах травы красныя, и цветны и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей,— по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерьледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане море болшом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем; осетры и таймени жирны гораздо— нелзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа-тово-света наделано для человеков, чтоб, упокояся, хвалу богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко, сень [3], преходят; скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь; гневается, яко рысь; сьесть хощет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавует, яко бес; насыщаяся доволно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние

[1] непогода; [2] башни; [3] тень.

на старость и потом исчезает, и не вем, камо отходит: или во свет ли, или во тму,— день судный коегождо [1] явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

Таже в русские грады приплыл и уразумел о церкви, яко ничто ж успевает, но паче молъва бывает. Опечаляся, сидя, разсуждаю: «Что сотворю? Проповедаю ли слово божие, или скроюся где? Понеже жена и дети связали меня». И виде меня печална, протопопица моя приступи ко мне со опрятъством и рече ми: «Что, господине, опечалился еси?» Аз же ей подробну известих: «Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе; говорить ли мне, или молчать? Связали вы меня!» Она же мне говорит: «Господи помилуй! Что ты, Петровичь, говориш? Слыхала я,— ты же читал,— апостольскую речь: привязалъся еси жене, не ищи разрешения, егда отрешишися, тогда не ищи жены. Аз тя и з детми благословляю: деръзай проповедати слово божие по-прежнему, а о нас не тужи; дондеже бог изволит, живем вместе; а егда разлучат, тогда нас в молитвах своих не забывай; силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петровичь,— обличай блудню еретическую!» Я-су ей за то челом и, отрясше от себя печалную слепоту, начах по-прежнему слово божие проповедати и учити по градом и везде, еще же и ересь никониянскую со деръзновением обличал.

В Енисейске зимовал; и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал. И до Москвы едучи, по всем городам и по селам, во церквах и на торъгах кричал, проповедая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесть. Таже приехал к Москве. Три годы ехал из Даур, а туды волокся пять лет против воды; на восток все везли, промежду иноземъских оръд и жилищ. Много про то говорить! Бывал и в иноземъских руках. На Оби — великой реке предо мною 20 человек погубили християн, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртише-реке собрание их стоит: ждут березовских [2] наших з дощеником и побить. А я, не ведаючи, и приехал к ним и, приехав, к берегу пристал: оне с луками и объскочили нас. Я-су, вышед, обниматца с ними, што с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною, а с вами той же!» И оне до меня и добры стали, и жены своя к жене моей привели. Жена моя также с ними лицемеритца, как в мире лесть совершается; и бабы удобрилися. И мы то уже знаем: как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро. Спрятали мужики луки и стрелы своя, торъговать со мною

[1] каждого; [2] из города Березова.

стали,— медведен я у них накупил,— да и отпустили меня. Приехав в Тоболеск, сказываю; ино люди дивятся тому, понеже всю Сибирь башкиръцы с татарами воевали тогда. А я, не разбираючи, уповая на Христа, ехал посреде их. Приехал на Верхотурье, Иван Богдановичь Камынин, друг мой, дивится же мне: «Как ты, протопоп, проехал?» А я говорю: «Христос меня пронес и пречистая богородица провела; я не боюсь никово, одново боюсь Христа».

Таже к Москве приехал и, яко ангела божия, прияша мя государь и бояря,— все мне ради. К Федору Ртищеву зашел: он сам ис полатки выскочил ко мне, благословилъся от меня, и учали говорить много-много,— три дни и три ночи домой меня не отпустил и потом царю обо мне известил. Государь меня тотъчас к руке поставить велел и слова милостивые говорил: «Здорово ли де, протопоп, живеш? Еще-де видатца бог велел!» И я сопротив руку ево поцеловав и пожал, а сам говорю: «Жив господь и жива душа моя, царь-государь, а впредь, что изволить бог!» Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел куды надобе ему. И иное кое-что было, да што много говорить? Прошло уже то! Велел меня поставить на монастыръском подворье в Кремли и, в походы мимо двора моево ходя, кланялъся часто со мною низенько-таки, а сам говорит: «Благослови-де меня и помолися о мне!» И шапку в ыную пору, муръманку [1], снимаючи з головы, уронил, едучи верхом. А ис кореты высунется, бывало, ко мне. Таже и все бояря, после ево, челом да челом: «Протопоп, благослови и молися о нас!» Как-су мне царя-тово и бояр-тех не жалеть? Жаль, о-су! Видиш, каковы были добры! Да и ныне оне не лихи до меня; дьявол лих до меня, а человеки все до меня добры. Давали мне место, где бы я захотел, и в духовники звали, чтоб я с ними соединилъся в вере; аз же вся сия яко уметы вменил, да Христа приобрящу, и смерть поминая, яко вся сия мимо идет.

А се мне в Тобольске в тонце [2] сне страшно возвещено (блюдися, от меня да не полъма [3] растесан будеши). Я вскочил и пал пред иконою во ужасе велице, а сам говорю: «Господи, не стану ходить, где по-новому поют, боже мой!» Был я у завтрени в соборной церкви на царевнины имянины, шаловал [4] с ними в церкве-той при воеводах; да с приезду смотрил у них просвиромисания [5] дважды или трожды, в олътаре у жертвеника стоя, а сам им ругалъся; а как привык ходить, так и ру-

[1] парадную шапку; [2] тонком; [3] пополам; [4] дурачился; [5] приготовление «святых даров».

гатца не стал,— что жалом, духом антихристовым и ужалило было. Так меня Христос-свет попужал и рече ми: «По толиком страдании погибнуть хощеш? Блюдися, да не полъма разсеку тя!» Я и к обедне не пошел, и обедать ко князю пришел, и вся подробну им возвестил. Боярин миленькой, князь Иван Андреевичь Хилъков, плакать стал. И мне, окаянному, много столко божия благодеяния забыть?

Егда в Даурах я был, на рыбной промысл к детям по льду зимою по озеру бежал на базлуках; там снегу не живет, морозы велики живут и льды толъсты намерзают,— блиско человека толъщины; пить мне захотелось и, гараздо от жажды томим, итти не могу; среди озера стало: воды добыть нелзя, озеро веръст с восьм; стал, на небо взирая, говорить: «Господи источивый ис камени в пустыни людям воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь ты еси! Напой меня, ими же веси судбами [1], владыко, боже мой!» Ох, горе! Не знаю, как молыть; простите, господа ради! Кто есм аз? Умерый [2] пес! Затрещал лед предо мною и разступился чрез все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора великая льду стала и, дондеже уряжение бысть, аз стах на обычном месте [3] и, на восток зря, поклонихся дважды или трижды, призывая имя господне краткими глаголы из глубины сердца. Оставил мне бог пролубку маленку, и я, падше, насытился. И плачю, и радуюся, благодаря бога. Потом и пролубка содвинулася, и я, востав, поклоняся господеви, паки побежал по льду, куды мне надобе, к детям. Да и в прочии времена в волоките моей так часто у меня бывало. Идучи, или нарту волоку, или рыбу промышляю, или в лесе дрова секу, или ино что творю, а сам и правило в те поры говорю, вечерню, и завтреню, или часы[4] ,— што прилучится. А буде в людях бывает неизворотно, и станем на стану, а не по мне товарищи, правила моево не любят, а идучи, мне нелзя было исполнить; и я, отступя людей под гору или в лес, коротенко зделаю — побьюся головою о землю, а иное и заплачется, да так и обедаю. А буде жо по мне люди, и я, на сошке складенки [5] поставя, правилца поговорю; иные со мною молятся, а иные кашку варят. А в санях едучи, в воскресныя дни на подворьях всю церковную службу пою, а в рядовыя дни, в санях едучи, пою; а бывало и в воскресныя дни, едучи, пою. Егда гораздо неизворотно, и я, хотя немношко, а таки поворчю. Яко же тело алъчуще желает ясти и

---

[1] каким знаешь образом; [2] мертвый; [3] на месте для молитвы; [4] церковную службу; [5] складень.

жаждуще желает пити тако и душа, отче мой Епифаний, брашна духовнаго желает; не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека; но глад велий человеку — бога не моля жити.

Бывало, отче, в Дауръской земле,— аще не поскучите послушать с рабом-тем христовым, аз, грешный, и то возвещу вам,— от немощи и от глада великаго изнемог в правиле своем, всего мало стало, толко павечернишные псалмы, да полунощницу, да час первой, а болши тово ничево не стало; так, что скотинка, волочюсь, о правиле том тужу, а принять ево не могу, а се уже и ослабел. И некогда ходил в лес по дрова, а без меня жена моя и дети, сидя на земле у огня, дочь с матерью — обе плачют. Огрофена, бедная моя горемыка, еще тогда была невелика. Я пришел из лесу: зело робенок рыдаетъ; связавшуся языку ево, ничево не промолыт, мичит к матери, сидя; мать, на нея глядя, плачет. И я отдохнул и с молитвою приступил к робяти, рекл: «О имени господни повелеваю ти: говори со мною! О чем плачеш?» Она же, вскоча и поклоняся, ясно заговорила: «Не знаю кто, батюшко-государь, во мне сидя, светленек, за язык-от меня держал и с матушкою не дал говорить; я тово для плакала; а мне он говорит: «Скажи отцу, чтобы он правило по-прежнему правил, так на Русь опять все выедете; а буде правила не станет править, о нем же он и сам помышляет, то здесь все умрете, и он с вами же умрет». Да и иное кое-что ей сказано в те поры было: как указ по нас будет, и сколько друзей первых [1] на Руси заедем [2],— все так и збылося. И велено мне Пашкову говорить, чтоб и он вечерни и завтрени пел, так бог ведро даст и хлеб родится,— а то были дожди безпрестанно; ячменцу было сеено неболшое место: за день или за два до Петрова дни — тотчас вырос, да и згнил было от дождев. Я ему про вечерни и завтрени сказал, и он и стал так делать; бог ведро дал и хлеб тотъчас поспел. Чюдо-таки. Сеен поздно, а поспел рано. Да и паки, бедной, коварничать стал о божием деле. На другой год насеел было и много, да дождь необычен излияся, и вода из реки выступила и потопила ниву, да и все розмыло, и жилища наши розмыла. А до тово николи тут вода не бывала,— и иноземцы дивятся. Виждь: как поруга дело божие и пошел страною, так и бог к нему странным гневом! Стал смеятца первому тому извещению напоследок: робенок-де есть хотел, так плакал! А я-су с тех мест за правило свое схваталъся, да и по ся мест тянусь помаленьку. Полно о том беседовать, на первое возвратимся. Нам надобе вся сия помнить и

[1] прежних; [2] застанем.

не забывать, всякое божие дело не класть в небрежение и просто и не менять на прелесть сего суетнаго века.

Паки реку московское бытие. Видят оне, что я не соединяюся с ними; приказал государь уговаривать меня Родиону Стрешневу, чтоб я молъчал. И я потешил ево: царь-то есть от бога учинен, а се добренек до меня,— чаял, либо помаленку исправится. А се посулили мне Симеонова дни сесть на Печатном дворе книги править, и я рад силно,— мне то надобно лутче и духовничества. Пожаловал, ко мне прислал десеть рублев денег, царица десеть рублев же денег, Лукъян духовник десять рублев же, Родион Стрешнев десеть рублев же, а дружище наше старое Феодор Ртищев, тот и шестьдесят рублев казначею своему велел в шапку мне сунуть; а про иных нечева и сказывать: всяк тащит да несет всячиною! У света моей, у Федосьи Прокопьевны Морозовы, не выходя, жил во дворе, понеже дочь мне духовная, и сестра ее, княгиня Евдокея Прокопьевна, дочь же моя. Светы мои, мученицы христовы! И у Анны Петровны Милославские покойницы всегда же в дому был. А к Федору Ртищеву бранитца со отступниками ходил.

Да так-то с полгода жил, да вижу, яко церковное ничто же успевает, но паче молъва бывает, паки заворчал, написав царю многонко-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую, святую церковь, от ересей оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо волъка и отступника Никона, злодея и еретика. И егда писмо изготовил, занемоглось мне гораздо, и я выслал царю на переезде с сыном своим духовным, с Феодором юродивым, что после отступники удавили ево, Феодора, на Мезени, повеся на висилицу. Он же с писмом приступил к цареве корете со деръзновением, и царь велел ево посадить и с писмом под Красное крылцо,— не ведал, что мое; а опосле, взявше у него писмо, велел ево отпустить. И он, покойник, побывав у меня, паки в церковь пред царя пришед, учал юродством шаловать, царь же, осердясь, велел в Чюдов монастырь отслать. Там Павел архимарит и железа на него наложил, и божиею волею железа разъсыпалися на ногах пред людми. Он же, покойник-свет, в хлебне той после хлебов в жаркую печь влез и голым гузном сел на поду и, крошки в печи побираючи, ест. Так чернцы ужаснулися и архимариту сказали, что ныне Павел митрополит. Он же и царю возвестил, и царь, пришед в монастырь, честно ево велел отпустить. Он же паки ко мне пришел.

И с тех мест царь на меня кручиноват стал: не любо стало, как опять я стал говорить; любо им, как молчю, да мне так

не сошлось. А власти, яко козлы, пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня с Москвы, понеже раби христовы многие приходили ко мне и, уразумевше истинну, не стали к прелесной их службе ходить. И мне от царя выговор был: «Въласти-де на тебя жалуются, церкви-де ты запустошил, поедь-де в ссылку опять». Сказывал боярин Петр Михайловичь Салътыков. Да и повезли на Мезень. Надавали было кое-чево, во имя христово, люди добрые много, да все и осталося тут; токмо с женою и детми и з домочадцы повезли. А я по городам паки людей божиих учил, а их, пестрообразных зверей, обличал. И привезли на Мезень.

Полтора года держав, паки одново к Москве възяли, да два сына со мною — Иван да Прокопей — сьехали же, а протопопица и прочии на Мезени осталися все. И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь. И туды присылка была,— тож да тож говорять: «Долъго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!» Я отрицаюся, что от бесов, а оне лезут в глаза! Скаску [1] им тут з бранью з болшою написал и послал з дьяконом ярославским, с Козмою, и подьячим двора патриарша. Козма-та не знаю коего духа человек; въяве уговаривает, а втай подкрепляет меня, сице говоря: «Протопоп! Не отступай ты старова-тово благочестия; велик ты будеш у Христа человек, как до конца претерпиш; не гляди на нас, что погибаем мы!» И я ему говорил сопротив, чтоб он паки приступил ко Христу. И он говорит: «Нельзя, Никон опутал меня!» Просто молыть, отрекся пред Никоном Христа, так же уже, бедной, не сможет встать. Я, заплакав, благословил ево горюна; болши тово нечева мне делать с ним; ведает то бог, что будет ему.

Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чепи, взяли меня паки в Москву, и в Крестовой стязався власти со мною, ввели меня в соборной храм и стригли по переносе меня и дьякона Феодора, потом и проклинали, а я их проклинал сопротив. Зело было мятежно в обедню-ту тут! И, подеръжав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги божии отрезали у меня. Чему быть? Волъки-то есть, не жалеют овцы! Оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лъбу. Везли не дорогою в монастырь — болотами да грязью, чтоб люди не сведали. Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол,— что на них и пенять! Не им было, а быть же было

[1] объяснение.

иным [1], писанное время пришло по Евангелию: нужда соблазнам приити. А другой глаголет евангелист: невозможно соблазнам не приитти, но горе тому имъ [2] же приходит соблазн. Виждь, слышателю необходимая наша беда, невозможно миновать! Сего ради соблазны попущает бог, да же избрани будут, да же разжегутся, да же убелятся, да же искуснии явленни будут в вас. Выпросил у бога светлую Росию сатона, да же очервленит [3] ю́ кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо — Христа ради, нашего света, пострадать!

Держали меня у Николы в студеной полатке семнатцеть недель. Тут мне божие присещение бысть; чти в цареве послании, тамо обрящеши. И царь приходил в монастырь; около темницы моея походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется потому, и жаль ему меня, да уш то воля божия так лежит. Как стригли, в то время велико нестроение вверху [4] у них бысть с царицею, с покойницею: она за нас стояла в то время, миленкая; напоследок и от казни отпросила меня. О том много говорить. Бог их простит! Я своево мучения на них не спрашиваю, ни в будущий век. Молитися мне подобает о них, о живых и о преставльшихся. Диявол между нами разсечение положил, а оне всегда добры до меня. Полно тово! И Воротынской, бедной князь Иван, тут же без царя молитца приезжал: а ко мне просился в темницу, ино не пустили горюна; я лишо, в окошко глядя, поплакал на него. Миленькой мой! Боится бога, сиротинъка христова: не покинет ево Христос! Всегда-таки он христов да наш человек. И все бояря-те до нас добры, один дьявол лих. Что-петь зделаеш, коли Христос попустил! Князь Ивана миленкова Хованъскова и батожьем били, как Исаию сожгли. А бояроню-ту Федосью Морозову и совсем разорили, и сына у нея уморили, и ея мучат; и сестру ея Евдокею, бивше батогами, и от детей отлучили, и с мужем розвели, а ево, князь Петра Урусова, на другой-де женили. Да что-петь делать? Пускай их, миленких! Мучася, небеснаго жениха достигнут. Всяко-то бог их перепровадит век сей суетный и присвоит к себе жених небесный в чертог свой, праведное солнце, свет, упование наше! Паки на первое возвратимся.

По сем свезли меня паки в монастырь Пафнутьев и там, заперши в темную полатку, скована держали год без мала. Тут келарь Никодим сперва добр до меня был, а се бедной

---

[1] Если бы не они, то другие бы это сделали; [2] через которого; [3] окровавит ее; [4] во дворце.

болшо тово же табаку испил, что у газскаго митрополита выняли напоследок 60 пудов, да домру, да иные тайные монастырьские вещи, что поиграше творят. Согрешил, простите,— не мое то дело: то ведает он, своему владыке стоит или падает. К слову молылось. То у них были любимые законоучителие. У сего келаря Никодима попросилъся я на Велик день [1] для празника отдохнуть, чтоб велел, дверей отворя, на пороге посидеть; и он, меня наругав, и отказал жестоко, как ему захотелось; и потом, в келию пришед, разболелъся: маслом соборовали и причащали, и тогда-сегда дохнет. То было в понеделник светлой. И в нощи против вторника прииде к нему муж во образе моем, с кадилом, в ризах светлых, и покадил ево и, за руку взяв, воздвигнул, и бысть здрав. И притече ко мне с келейником ночью в темницу,— идучи говорит: «Блаженна обитель,— таковыя имеет .темницы! Блаженна темница,— таковых в себе имеет страдалцов! Блаженны и юзы!» И пал предо мною, ухватился за чеп, говорит: «Прости, господа ради, прости! Согрешил пред богом и пред тобою; оскорбил тебя,— и за сие наказал мя бог». И я говорю: «Как наказал? Повежд ми». И он паки: «А ты-де сам, приходя и покадя, меня пожаловал и поднял,— что-де запираесся!» А келейник, тут же стоя, говорит: «Я, батюшко-государь, тебя под руку вывел ис кельи, да и поклонился тебе, ты и пошел сюды». И я ему заказал, чтоб людям не сказывал о тайне сей. Он же со мною спрашивался, как ему жить впредь по Христе: «Или-де мне велиш покинуть все и в пустыню пойти?» Аз же его понаказав, и не велел ему келаръства покидать, токмо бы, хотя втай, держал старое предание отеческое. Он же, поклоняся, отъиде к себе и наутро за трапезою всей братье сказал. Людие же безстрашно и деръзновенно ко мне побрели, просяще блáгословения и молитвы от меня; а я их учю от писания и ползую словом божиим; в те времена и врази кои были, и те примирилися тут. Увы! Коли оставлю суетный сей век? Писано: горе, ему же рекут добре вси человецы. Воистинну не знаю, как до краю доживать: добрых дел нет, а прославил бог! То ведает он,— воля ево.

Тут же приезжал ко мне втай з детми моими Феодор покойник, удавленой мой, и спрашивалъся со мною: «Как-де прикажеш мне ходить — в рубашке ли по-старому, или в платье облещись? Еретики-де ищут и погубить меня хотят. Был-де я на Резани под началом, у архиепископа на дворе, и зело-де он, Иларион, мучил меня — реткой день, коли плетми не бьет,

[1] Пасху.

и скована в железах держал, принуждая к новому антихристову таинъству. И я-де уже изнемог, в нощи моляся и плача, говорю: «Господи! Аще не избавиш мя, осквернят меня, и погибну. Что тогда мне сотвориш?» И много плачючи говорил. «А се-де вдруг, батюшко, железа все грянули с меня, и дверь отперлась, и отворилася сама. Я-де, богу поклонясь, да и пошел; к воротам пришел — и ворота отворены! Я-де по болшой дороге, к Москве напрямик! Егда-де розсветало,— ано погоня на лошедях! Трое человек мимо меня пробежали,— не увидели меня. Я-де надеюся на Христа, бреду таки впредь. Помале-де оне едут на въстречю ко мне, лают меня: ушел-де, блядин сын,— где-де ево возмеш? Да и опять-де проехали, не видали меня. И я-де ныне к тебе спроситца прибрел; туды ль-де мне опять мучитца пойти или, платье вздев, жить на Москве?» И я ему, грешной, велел въздеть платье. А однако не ухоронил от еретических рук — удавили на Мезени, повеся на висилицу. Вечная ему память и с Лукою Лаврентьевичем! Детушки миленкие мои, пострадали за Христа! Слава богу о них!

Зело у Федора тово крепок подвиг был: в день юродъствует, а нощ всю на молитве со слезами. Много добрых людей знаю, а не видал подвижника такова! Пожил у меня с полъгода на Москве,— а мне еще не моглося,— в задней комнатке двое нас с ним, и много час — другой полежит, да и встанет; 1000 поклонов отбросает, да сядет на полу и иное, стоя, часа с три плачет, а я таки лежу — иное сплю, а иное неможется; егда уж наплачется гораздо, тогда ко мне приступит: «Долго ли тебе, протопоп, лежать-тово, образумься — веть ты поп! Как сорома нет?» И мне неможется, так меня подымает, говоря: «Встань, миленкой батюшко, ну, таки встащися как-нибудь!» Да и роскачает меня. Сидя мне велит молитвы говорить, а он за меня поклоны кладет. То-то друг мой сердечной был! Скорбен миленкой был с перетуги великия: черев из него вышло в одну пору три аршина, а в другую пору пять аршин. Неможет, а кишки перемеряет; и смех с ним и горе! На Устюге пять лет безпрестанно меръз на морозе бос, бродя в одной рубашке: я сам ему самовидец. Тут мне учинился сын духовной, как я ис Сибири ехал. У церкви в полатке,— прибегал молитвы ради,— сказывал: «Как-де от мороза-тово в тепле-том станеш, батюшко, отходить, зело-де тяшко в те поры бывает»,— по кирпичью-тому ногами-теми стукаеть, что коченьем! А на утро и опять не болят. Псалътыр у него тогда была новых печатей в келье — маленко еще знал о новизнах; и я ему розсказал подробну про новыя

книги; он же, схватав книгу, тотъчас и в печь кинул, да и проклял всю новизну. Зело у него во Христа горяча была вера! Да что много говорить? Как начал, так и скончал! Не на баснях проходил подвиг, не как я, окаянной; того ради и скончалъся боголепне. Хорош был и Афонасьюшко — миленкой, сын же мне духовной, во иноцех Авраамий, что отступники на Москве в огне испекли, и, яко хлеб сладок, принесеся святей Троице. До иночества бродил босиком же в одной рубашке и зиму и лето; толко сей Феодора посмирнее и в подвиге малехнее покороче. Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем молыт,— и у него слово тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле божии болезнен: всяко тщится разорити и обличати неправду. Да пускай их! Как жили, так и скончались о Христе Исусе господе нашем.

Еще вам побеседую о своей волоките. Как привезли меня из монастыря Пафнутьева к Москве, и поставили на подворье, и, волоча многажды в Чюдов, поставили перед вселенских патриархов, и наши все тут же, что лисы, сидели,— от писания с патриархами говорил много; бог отверз грешъные мое уста и посрамил их Христос! Последнее слово ко мне рекли: «Что-де ты упрям? Вся-де наша палестина — и серби, и алъбанасы [1], и волохи [2], и римляне, и ляхи,— все-де тремя перъсты крестятся, один-де ты стоиш во своем упоръстве и крестисся пятью перъсты! Так-де не подобает!» И я им о Христе отвещал сице: «Вселенъстии учителие! Рим давно упал и лежит невсклонно, и ляхи с ним же погибли, до конца враги быша християном. А и у вас православие пестро [3] стало от насилия туръскаго Магмета,— да и дивить на вас нелзя: немощни есте стали. И впредь приезжайте к нам учитца: у нас, божиею благодатию, самодеръжство. До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно, и церковь немятежна. Никон-волък со дьяволом предали трема перъсты креститца, а первые наши пастыри, яко же сами пятью перъсты крестились, такоже пятью персты и благословляли по преданию святых отец наших: Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московский поместный бывый собор при царе Иване так же слагая перъсты креститися и благословляти повелевает, яко же прежнии святии отцы, Мелетий и прочии, научиша. Тогда при царе

[1] албанцы; [2] румыны; [3] разнообразно, не чисто.

Иване быша на соборе знаменоносцы [1] Гурий и Варсонофий, казанъские чюдотворцы, и Филипп, соловецкий игумень,— от святых русских». И патриаръси задумалися; а наши, что волъчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: «Глупы-де были и не смыслили наши русские святыя, не учоные-де люди были,— чему им верить? Оне-де грамоте не умели!» О, боже святый! Како претерпе святых своих толикая досаждения? Мне, бедному, горъко, а делать нечева стало. Побранил их, побранил их, колко мог, и последнее слово рекл: «Чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: лутче един творяй волю божию, нежели тмы беззаконных!» Так на меня и пущи закричали: «Возми, возми его! Всех нас обезчестил!» Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились. Человек их с сорок, чаю, было,— велико антихристово войско собралося! Ухватил меня Иван Уаров, да потащил, и я закричал: «Постой,— не бейте!» Так оне все отскочили. И я толъмачю-архимариту говорить стал: «Говори патриархам,— апостол Павел пишет: — таков нам подобаше архиерей, преподобен, незлобив,— и прочая; а вы, убивше человека, как литоргисать [2] станете?» Так оне сели. И я отшел ко дверям, да набок повалилъся: «Посидите вы, а я полежу»,— говорю им. Так оне смеются: «Дурак-де протопоп-от! И патриархов не почитает!» И я говорю: «Мы уроди [3] Христа ради! Вы славни, мы же безчестни! Вы силни, мы же немощни!» Потом паки ко мне пришли власти и про- аллилуая стали говорить со мною. И мне Христос подал — посрамил в них римъскую ту блядь Дионисием Ареопагитом, как выше сего в начале реченно. И Евфимей, чюдовской келарь, молыл: «Прав-де ты,— нечева-де нам болши тово говорить с тобою». Да и повели меня на чеп.

Потом полуголову царь прислал со стрелцами, и повезли меня на Воробьевы горы; тут же — священника Лазоря и инока Епифания старца; острижены и обруганы, что мужички деревенские, миленкие! Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них глядя. Да пускай их терпят! Что о них тужить? Христос и лутче их был, да тож ему, свету нашему, было от прадедов их, от Анны и Каиафы, а на нынешних и дивить нечева: с обрасца делают! Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! Погибаете от своего злаго и непокориваго нрава.

---

[1] со «знаменами» (знаками крестов); [2] совершать литургию; [3] глупцы.

Потом с Воробьевых гор перевели нас на Андреевское подворье, таже в Савину слободку. Что за разбойниками, стрелцов войско за нами ходит и срать провожают; помянется,— и смех и горе,— как-то омрачил дьявол! Таж к Николе на Угрешу; тут государь присылал ко мне голову Юрья Лутохина благословения ради, и кое о чем много говорили.

Таже опять ввезли в Москву нас на Никольское подворье и взяли у нас о правоверии еще скаски. Потом ко мне комнатные люди многажды присыланы были, Артемон и Дементей, и говорили мне царевым глаголом: «Протопоп, ведаю-де я твое чистое и непорочное и богоподражателное житие, прошу-де твоево благословения и с царицею и с чады,— помолися о нас!» Кланяючись, посланник говорит. И я по нем всегда плачю; жаль мне силно ево. И паки он же: «Пожалуй-де послушай меня,— соединись со вселенъскими-теми хотя неболшим чем!» И я говорю: «Аще и умрети ми бог изволит, со отступниками не соединюся! Ты, реку, мой царь, а им до тебя какое дело? Своево, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюды приволоклися! Я, реку, не сведу рук с высоты небесныя, дондеже бог тебя отдаст мне». И много тех присылок было. Кое о чем говорено. Последнее слово рек: «Где-де ты ни будеш, не забывай нас в молитвах своих!» Я и ныне, грешной, елико могу, о нем бога молю.

Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье. И я ис Пустозерья послал к царю два послания: первое невелико, а другое болши. Кое о чем говорил. Сказал ему в послании и богознамения некая, показанная мне в темницах; тамо чтый да разумеет. Еще же от меня и от братьи дьяконово снискание [1] послано в Москву, правоверным гостинца, книга «Ответ православных» и обличение на отступническую блудню. Писано в ней правда о догматех церковных. Еще же и от Лазаря священника посланы два послания царю и патриарху. И за вся сия присланы к нам гостинцы: повесили на Мезени в дому моем двух человеков, детей моих духовных,— преждереченнаго Феодора юродиваго да Луку Лаврентьевича, рабов христовых. Лука-та московъской жилец, у матери-вдовы сын был единочаден, усмарь [2] чином, юноша лет в полтретьятцеть [3], приехал на Мезень по смерть з детми моими. И егда бысть в дому моем въсегубительство, вопросил его Пилат: «Как ты, мужик, крестисься?» Он же отвеща смиренномудро: «Я так верую и крещуся, слагая перъсты, как отец мой духовной, протопоп Авва-

[1] сочинение; [2] кожевник; [3] двадцать пять.

кум». Пилат же повеле его в темницу затворити, потом, положа петлю на шею, на релех повесил. Он же от земных на небесная взыде. Болши тово что́ ему могут зделать? Аще и млад, да по-старому зделал: пошел себе ко владыке. Хотя бы и старой так догадалъся! В те жо поры и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопья, велено ж повесить; да оне, бедные, оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испужався смерти, повинились. Так их и с матерью троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти смерть! Кайтеся, сидя, дондеже дьявол иное что умыслит. Страшна смерть — недивно! Некогда и друг ближний Петр отречеся и, изшед вон, плакася горько, и слез ради прощен бысть. А на робят и дивить нечева: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уж добро, быть тому так! Силен Христос всех нас спасти и помиловати.

По сем той же полуголова Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас скаску. Сице реченно: год и месяц, и паки,— мы святых отец церковное предание держим неизменно, а палестинъскаго патриарха Паисея с товарыщи еретическое соборище проклинаем. И иное там говорено многонко, и Никону, завотчику ересям, досталось неболшое место. По сем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восм и болши, да братья паки есть велели.

По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченая, на земле лежа, сложила сама перъсты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чюдно: бездушная одушевленых обличает! Я на третей день у нево во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все — без языка, а не болит. Дал бог во временне часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком. Егда исполнилися два годы, иное чюдо: в три дни у него язык вырос совершенной, лиш маленко тупенек, и паки говорит, беспрестанно хваля бога и отступников порицая.

По сем взяли соловецъкаго пустынника, инока-схимника Епифания старца, и язык вырезали весь же; у руки отсекли

четыре перъста. И сперва говорил гугниво. По сем молил пречистую богоматерь, и показаны ему оба языки, московъской и здешъней, на воздýхе; он же, един взяв, положил в рот свой и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся во ръте. Дивна дела господня и неизреченны судбы владычни! И казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить? Бог — старой чюдотворец, от небытия в бытие приводит. Во се петь в день последний всю плоть человечю во мъгновении ока воскресит. Да кто о том разъсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава ему о всем!

По сем взяли дьякона Феодора; язык вырезали весь же, оставили кусочик неболшой во рте, в горле накось резан; тогда на той мере и зажил, а опосле и опять со старой вырос и за губы выходит, притуп маленко. У нево же отсекли руку поперег ладони. И все, дал бог, стало здорово,— и говорит ясно против прежнева и чисто.

Таже осыпали нас землею: струб в земле, и паки около земли другой струб, и паки около всех общая ограда за четырми замъками; стражие же пред дверми стрежаху темницы. Мы же, здесь и везде сидящии в темницах, поем пред владыкою Христом, сыном божиим, песни песням, их же Соломан воспе, зря на матерь Виръсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твои горят, яко пламень огня; зубы твои белы паче млека; зрак лица твоего паче солнечных лучь, и вся в красоте сияеш, яко день в силе своей» (хвала о церкви).

Таже Пилат, поехав от нас, на Мезени достроя, возвратился в Москву. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаию сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число бог изочтет. Чюдо, как то в познание не хотят приити: огнем, да кнутом, да висилицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? Не знаю. Мой Христос не приказал нашим апостолом так учить, еже бы огнем, да кнутом, да висилицею в веру приводить. Но господем реченно ко апостолом сице: шедше в мир весь проповедите Евангелие всей твари. Иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет. Смотри, слышателю, волею зовет Христос, а не приказал апостолом непокаряющихся огнем жечь и на висилицах вешать. Татаръской бог Магмет написал во своих книгах сице: «Непокаряющихся нашему преданию и закону повелеваем главы их мечем подклонити». А наш Христос ученикам своим никогда

так не повелел. И те учители явны, яко шиши [1] антихристовы, которые, приводя в веру, губят и смерти предают; по вере своей и дела творят таковы же. Писано во Евангелии: не может древо добро плод зол творити, ниже древо зло плод добр творити, от плода бо всяко древо познано бывает. Да што много говорить? Аще бы не были борцы, не бы даны быша венцы. Кому охота венчатца, не по што ходить в Перъсиду, а то дома Вавилон. Ну-тко, правоверне, нарцы имя христово, стань среди Москвы, прекрестися знамением спасителя нашего Христа, пятью персты, яко же прияхом от святых отец: вот тебе царство небесное дома родилось! Бог благословит: мучься за сложение перъст, не разсуждай много! А я с тобою же за сие о Христе умрети готов. Аще я и несмыслен гораздо, неука человек, да то знаю, что вся в церкви, от святых отец преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти яко же приях: не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веком! Не блуди, еретик, не токмо над жертвою христовою и над крестом, но и пелены не шевели. А то удумали со дьяволом книги перепечатать, вся переменить,— крест на церкви и на просвирах переменить, внутрь олътаря молитвы иерейские откинули, ектеньи переменили, в крещении явно духу лукавому молитца велят,— я бы им и с ним в глаза наплевал,— и около купели против солнца лукаво-ет их водит, такоже и церкви святя, против солнца же, и брак венчав, против солнца же водят,— явно противно творят,— а в крещении и не отрицаются сатоны. Чему быть? — Дети ево: коли отца своево отрицатися захотят! Да что много говорить? Ох, правоверной душе! Вся горняя долу быша. Как говорил Никон, адов пес, так и зделал: «Печатай, Аръсен, книги как-нибудь, лишь бы не по старому!» Так-су и зделал. Да болши тово нечем переменить. Умереть за сие всякому подобает. Будьте оне прокляты, окаянные, со всем лукавым замыслом своим, а стражущим от них вечная память 3-ж![2]

По сем у всякаго правовернаго прощения прошу; иное было, кажется, про житие-то мне и не надобно говорить, да прочтох Деяния апостольская и Послания павлова,— апостоли о себе возвещали же, егда что́ бог соделает в них: не нам, богу нашему слава. А я ничто ж есм. Рекох, и паки реку: «Аз есм человек грешник, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытарем и грешникам, и всякому человеку лицемерец окаянной».

---

[1] соглядатаи; [2] трижды.

Простите же и молитеся о мне, а я о вас должен, чтущих и послушающих. Болши тово жить не умею; а что зделаю я, то людям и сказываю; пускай богу молятся о мне! В день века вси жо там познают соделанная мною — или благая, или злая. Но аще и не учен словам, но не разумом; не учен диалектики, и риторики, и философии, а разум христов в себе имам, яко ж и апостол глаголет: аще и невежда словом, но не разумом.

Простите,— еще вам про невежество свое побеседую. Ей, зглупал, отца своего заповедь преступил, и сего ради дом мой наказан бысть; внимай бога ради, како бысть. Егда еще я попом бысть, духовник царев, протопоп Стефан Вънифаньтьевичь, благословил меня образом Филиппа митрополита да книгою святаго Ефрема Сирина, себя ползовать, прочитая, и люди. Аз же, окаянный, презрев отеческое благословение и приказ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь променял. У меня же в дому был брат мой родной, именем Евфимей, зело грамоте горазд и о церкве велико прилежание имел; напоследок взят был к болшой царевне вверх во псаломщики, а в мор и з женою скончалъся. Сей Евфимей лошедь сию поил и кормил и гораздо об ней прилежал, презирая правило многажды. И виде бог неправду в нас з братом, яко неправо по истинне ходим,— я книгу променял, отцову заповедь преступил, а брат, правило презирая, о скотине прилежал,— изволил нас владыко сице наказать: лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить,— всегда мокра, заезжена, и еле жива стала. Аз же недоумеюся, коея ради вины бес так озлобляет нас. И в день недельный после ужина, в келейном правиле, на полунощнице, брат мой Евфимей говорил кафизму непорочную и завопил высоким гласом: «Призри на мя и помилуй мя!» И, испустя книгу из рук, ударился о землю, от бесов поражен бысть,— начат кричать и вопить гласы неудобными, понеже беси ево жестоко начаша мучить. В дому же моем иные родные два брата — Козма и Герасим — болши ево, а не смогли удержать ево, Евфимия; и всех домашних человек с тритцеть, держа ево, рыдают и плачют, вопиюще ко владыке: «Господи, помилуй! Согрешили пред тобою, прогневали твою благостыню, прости нас, грешных! Помилуй юношу сего, за молитв святых отец наших!» А он пущи беситься, кричит, и дрожит, и бьется. Аз же помощию божиею в то время не смутихся от голки тоя бесовъския. Кончавше правило, паки начах молитися Христу и богородице со слезами, глаголя: «Владычице моя, пресвятая богородице! Покажи, за которое мое согрешение таковое ми бысть наказание, да, уразумев, каяся пред сыном

твоим и пред тобою, впредь тово не стану делать». И, плачючи, послал во церковь по Потребник и по святую воду сына своего духовнаго Симеона — юноша таков же, что и Евфимей, лет в четырнатцеть, дружно меж себя живуще Симеон со Евфимием, книгами и правилом друг друга подкрепляюще и веселящеся, живуще оба в подвиге крепко, в посте и молитве. Той же Симеон, плакав по друге своем, сходил во церковь и принес книгу и святую воду. Аз же начах действовать над обуреваемым молитвы Великаго Василия с Симеоном: он мне строил кадило и свещи и воду святую подносил, а прочии держали беснующагося. И егда в молитве речь дошла: аз ти о имени господни повелеваю, душе немый и глухий, изыди от создания сего и к тому не вниди в него, но иди на пустое место, иде же человек не живет, но токмо бог призирает,— бес же не слушает, не идет из брата. И я паки ту же речь вдругоряд, и бес еще не слушает, пущи мучит брата. Ох, горе мне! Как молыть? И сором, и не смею, но по старцову Епифаниеву повелению говорю; сице было: взял кадило, покадил образы и беснова и потом ударилъся о лавку, рыдав на мног час. Возставше, ту же Василиеву речь закричал к бесу: «Изыди от создания сего!» Бес же скорчил в колцо брата и, пружався [1], изыде и сел на окошко; брат же быв, яко мертъв. Аз же покропил ево водою святою; он же, очхняся, перъстом мне на беса, седящаго на окошке, показует, а сам не говорит, связавшуся языку его. Аз же покропил водою окошко, и бес сошел в жерновный угол. Брат же и там ево указует. Аз же и там покропил водою, бес же оттоля пошел на печь. Брат же и там указует. Аз же и там тою же водою. Брат же указал под печь, а сам прекрестилъся. И аз не пошел за бесом, но напоил святою водою брата во имя господне. Он же, воздохня из глубины сердца, сице ко мне проглагола: «Спаси бог тебя, батюшко, что ты меня отнял у царевича и двух князей бесовских! Будет тебе бить челом брат мой Аввакум за твою доброту. Да и малчику тому спаси бог, которой в церковь по книгу и по воду-ту ходил, пособлял тебе с ними битца. Подобием он, что и Симеон же, друг мой. Подле реки Сундовика меня водили и били, а сами говорят: «Нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу, а ты-де ея любиш». Так-де мне надобе брату поговорить, чтоб книгу-ту назад взял, а за нея бы дал денги двоюродному брату». И я ему говорю: «Я,— реку,— свет, брат твой Аввакум». И он мне отвещал: «Какой ты мне брат? Ты мне батко; отнял ты меня у ца-

[1] напрягшись.

ревича и у князей; а брат мой на Лопатищах живет,— будет тебе бить челом». Аз же паки ему дал святыя воды; он же и судно у меня отнимает и сьесть хочет,— сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскал и давать стал; он и не стал пить. Ночь всю зимнюю с ним простряпал. Маленко я с ним полежал и пошел во церковь заутреню петь; и без меня беси паки на него напали, но лехче прежнева. Аз же, пришед от церкви, маслом ево посвятил, и паки беси отъидоша, и ум цел стал; но дряхл бысть, от бесов изломан: на печь поглядывает и оттоля боится,— егда куды отлучюся, а беси и наветовать ему станут. Бился я з бесами, что с собаками,— недели с три за грех мой, дондеже възял книгу и денги за нея дал. И ездил к другу своему Илариону игумну: он просвиру вынял за брата; тогда добро жил,— что ныне архиепископ резанской, мучитель стал християнской. И иным духовным я бил челом о брате: и умолили бога о нас, грешных, и свобожден от бесов бысть брат мой. Таково-то зло заповеди преступление отеческой! Что же будет за преступление заповеди господня? Ох, да толко огонь да мука! Не знаю, дни коротать как! Слабоумием обьят и лицемерием, и лжею покрыт есм, братоненавидением и самолюбием одеян, во осуждении всех человек погибаю, и мняся нечто быти, а кал и гной, есм, окаянной,— прямое говно! Отвсюду воняю — душею и телом. Хорошо мне жить с собаками да со свиниями в конурах: так же и оне воняют, что и моя душа, злосмрадною вонею. Да свиньи и псы по естеству, а я от грехов воняю, яко пес мертвой, повержен на улице града. Спаси бог властей тех, что землею меня закрыли: себе уж хотя воняю, злая дела творяще, да иных не соблажняю. Ей, добро так!

Да и в темницу-ту ко мне бешаной зашел Кирилушко, московской стрелец, караульщик мой. Остриг ево аз и вымыл и платье переменил,— зело вшей было много. Замъкнуты мы с ним, двое с ним жили, а третей с нами Христос и пречистая богородица. Он, миленькой, бывало, серет и сцыт под себя, а я ево очищаю. Есть и пить просит, а без благословения взять не смеет. У правила стоять не захочет,— дьявол сон ему наводит: и я постегаю чотками, так и молитву творить станет, и кланяется за мною, стоя. И егда правило скончаю, он и паки бесноватися станет. При мне беснуется и шалует, а егда ко старцу пойду посидеть в ево темницу, а ево положу на лавке, не велю ему вставать и благословлю его, и докамест у старца сижу, лежит, не встанет, богом привязан,— лежа беснуется. А в головах у него образы и книги, хлеб и квас и прочая, а ничево без меня не тронет. Как прииду, так въстанет и, дьявол,

мне досаждая, блудить заставливает. Я закричю, так и сядет. Егда стряпаю, в то время есть просит и украсть тщится до времени обеда; а егда пред обедом «Отче наш» проговорю и благословлю, так тово брашна и не ест — просит неблагословеннова. И я ему силою в рот напехаю, и он и плачет и глотает. И как рыбою покормлю, тогда бес в нем въздивиячится [1], а сам из него говорит: «Ты же-де меня ослабил!» И я, плакавъся пред владыкою, опять постом стягну и окрочю [2] ево Христом. Таже маслом ево освятил, и отрадило ему от беса. Жил со мною с месяц и болши. Перед смертию образумилъся. Я исповедал ево и причастил, он же и преставился, миленкой, скоро. И я, гроб купя и саван, велел погребъсти у церкви; попом сорокоуст дал. Лежал у меня мертвой сутки: и я ночью, востав, помоля бога, благословя ево мертвова, и с ним поцеловався, опять подле его спать лягу. Таварищ мой миленкой был! Слава богу о сем! Ныне он, а завтра я также умру.

Да у меня ж был на Москве бешаной,— Филипом звали,— как я ис Сибири выехал. В углу в ызбе прикован был к стене, понеже в нем бес был суров и жесток гораздо, билъся и дрался, и не могли с ним домочадцы ладить. Егда ж аз, грешный, со крестом и с водою прииду, повинен бывает и, яко мертв, падает пред крестом христовым и ничево не смеет надо мною делать. И молитвами святых отец сила божия отгнала от него беса; но токмо ум еще несовершен был. Феодор был над ним юродивой приставлен, что на Мезени веры ради христовы отступники удавили,— Псалтыр над Филиппом говорил и учил ево исусовой молитве. А я сам во дни отлучашеся от дому, токмо в нощи действовал над Филиппом. По некоем времени пришел я от Феодора Ртищева зело печален, понеже в дому у него с еретиками шумел много о вере и о законе; а в моем дому в то время учинилося нестройство: протопопица моя со вдовою домочадицею Фетиньею меж собою побранились,— дьявол ссорил ни за што. И я, пришед, бил их обеих и оскорбил гораздо, от печали; согрешил пред богом и пред ними. Таже бес вздивиял в Филиппе, и начал чепь ломать, бесясь, и кричать неудобно. На всех домашних нападе ужас и зело голка бысть велика. Аз же без исправления приступил к нему, хотя ево укротити; но не бысть по-прежнему. Ухватил меня и учал бить и драть, и всяко меня, яко паучину, терзает, а сам говорит: «Попал ты мне в руки!» Я токмо молитву говорю, да без дел не ползует и молитва. Домашние не могут отнять, а я и сам ему отдалъся.

---

[1] взбунтуется; [2] смирю.

Вижу, что согрешил: пускай меня бьет. Но — чюден господь!— бьет, а ничто не болит. Потом бросил меня от себя, а сам говорит: «Не боюсь я тебя!» Так мне в те поры горько стало: «Бес,— реку,— надо мною волю взял!» Полежал маленко, с совестию собрался. Воставше, жену свою сыскал и пред нею стал прощатца со слезами, а сам ей, в землю кланяяся, говорю: «Согрешил, Настасья Марковна,— прости мя, грешнаго!» Она мне также кланяется. По сем и с Фетиньею тем же образом простился. Таже лег среди горницы и велел всякому человеку бить себя плетью по пяти ударов по окаянной спине: человек было з дватцеть,— и жена, и дети, все, плачючи, стегали. А я говорю: «Аще кто бить меня не станет, да не имать со мною части во царствии небеснем!» И оне, нехотя, бьют и плачют, а я ко всякому удару по молитве. Егда же все отбили, и я, воставше, сотворил пред ними прощение. Бес же, видев неминучюю, опять вышел вон ис Филиппа. И я крестом ево благословил, и он постарому хорош стал. И потом исцелел божиею благодатью о Христе Исусе, господе нашем, ему ж слава.

А егда я был в Сибири — туды еще ехал — и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. Соблудил в велик день з женою своею, наругая празник, жена ево сказывала,— да и възбесился. И я, в дому своем держа месяца з два, стужал об нем божеству, в церковь водил и маслом осветил, и помиловал бог: здрав бысть и ум исцеле. И стал со мною на крылосе петь в литорьгию, во время переноса, и досадил мне. Аз в то время, побив ево на крылосе, и в притворе велел пономарю приковать к стене. И он, вышатав пробой, пущи и первова вбесясь, в обедню ушел на двор к болшому воеводе, и сундуки разломав, платье княинино на себя вздел, а их розгонял. Князь же, осердясь, многими людми в тюрму ево оттащили; он же в тюрме юзников бедных всех перебил и печь разломал. Князь же велел ево в деревню к жене и детям сослать. Он же, бродя в деревнях, великие пакости творил. Всяк бегает от него. А мне не дадут воеводы, осердясь. Я по нем пред владыкою плакал всегда. По сем пришла грамота с Москвы,— велено меня сослать ис Тобольска на Лену, великую реку. И егда в Петров день собралъся в дощеник, пришел ко мне Феодор целоумен, на дощенике при народе кланяется на ноги мои, а сам говорит: «Спаси бог, батюшко, за милость твою, что помиловал мя. По пустыни-де я бежал третьева дни, а ты-де мне явился и благословил меня крестом, и беси-де прочь отбежали от меня, и я пришел к тебе поклонитца, и паки прошу благо-

словения от тебя». Аз же, на него глядя, поплакал и возрадовался о величии божии, понеже о всех нас печется и промышляет господь — ево исцелил, а меня возвеселил! И поуча ево, благословя, отпустил к жене ево и детям в дом. А сам поплыл в ссылку, моля о нем Христа, сына божия-света, да сохранит его и впредь от неприязни. А назад я едучи, спрашивал про него и мне сказали: «Преставился-де, после тебя годы с три, живучи християнски з женою и детми». Ино и добро. Слава богу о сем!

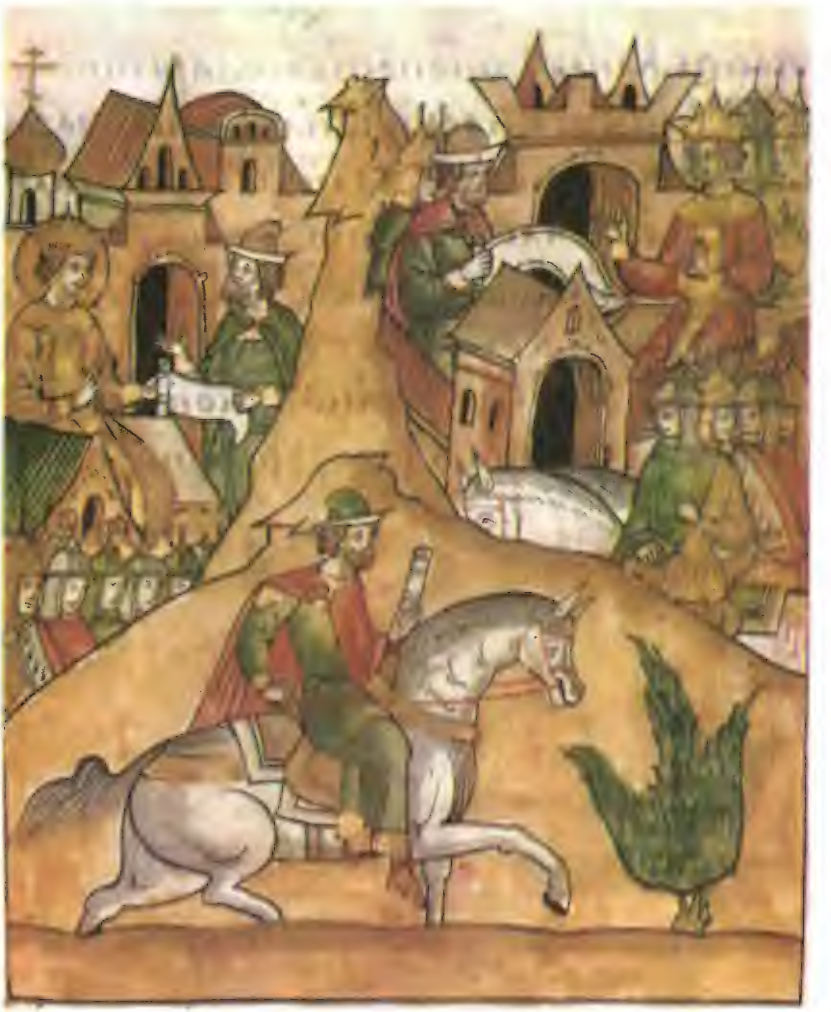
Простите меня, старец с рабом тем христовым,— вы мя понудисте сие говорить. А однако уж розвякался,— еще вам повесть скажу. Как в попах еще был, там же, где брата беси мучили, была у меня в дому вдова молодая,— давно уж, и имя ей забыл! Помнится Офимьею звали,— ходит и стряпает, и все хорошо делает. Как станем в вечер начинать правило, так ея бес ударит о землю, омертвеет вся, яко камень станет, и не дышит, кажется,— ростянет ея среди горницы, и руки, и ноги,— лежит яко мертва. И я, «О всепетую» проговоря, кадилом покажу, потом крест положу ей на голову и молитвы василиевы в то время говорю: так голова под крестом и свободна станет, баба и заговорит, а руки и ноги и тело еще мертво и каменно. И я по руке поглажу крестом, так и рука свободна станет; я — и по другой, и другая также освободится; я — и по животу, так баба и сядет. Ноги еще каменны. Не смею туды крестом гладить,— думаю, думаю — и ноги поглажу, баба и вся свободна станет. Вставше, богу помолясь, да и мне челом. Прокуда-таки [1]— ни бес, ни што был в ней, много времени так в ней играл. Маслом ея освятил, так вовсе отошел прочь: исцелела, дал бог. А иное два Василия у меня бешаные бывали прикованы,— странно и говорить про них: кал свой ели.

А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато [2], кажется, да было так. В Тобольске была у меня девица, Анною звали, дочь мне духовная, гораздо о правиле прилежала о церковном и о келейном, и вся мира сего красоту вознебрегла. Позавиде диявол добродетели ея, наведе ей печаль о первом хозяине своем Елизаре, у него же взросла, привезена ис полону ис кумыков [3]. Чистотою девъство соблюла и, егда исполнилася плодов благих, дьявол окрал: захотела от меня отъити и за первова хозяина замуж пойти, и плакать стала всегда. Господь же пустил на нея беса, смиряя ея, понеже и меня не стала слушать ни в чем, и о поклонех не стала радеть. Егда станем пра-

[1] грех такой; [2] соблазнительно; [3] калмыков.

вило говорить, она на месте станет, прижав руки, да так и простоит. Виде бог противление ея, послал беса на нея: в правило стоящу ей, да и вбесится. И мне, бедному, жаль: крестом благословлю и водою покроплю, так и отступит от нея бес. И многажды так бысть. Она же единаче в безумии своем и непокоръстве пребывает. Благохитрый же бог инако ея наказал: задремала в правило, да и повалилась на лавке спать, и три дни и три ночи, не пробудяся, спала. Я лишо ея по времяном кажу, спящую: тогда-сегда дохнет. Чаю, умрет. И в четвертый день очхнулась; села да плачет; есть ей дают,— не ест. Егда я правило канонъное скончав и домочадцов, благословя, роспуçтил, паки начах во тме без огня поклоны класть; она же с молитвою втай приступила ко мне и пала на ноги мои; и я, от нея отшед, сел за столом. И она, приступя паки к столу и плачючи, говорит: «Послушай, государь, велено тебе сказать». Я стал слушать у нея: «Егда-де я в правило задремала и повалилась, приступили ко мне два ангела и взяли меня, и вели меня тесным путем. И на левой стране слышала плачь, и рыдание, и гласы умиленны. Потом-де меня привели во светлое место [1], зело гораздо красно, и показали-де многие красные жилища и полаты; и всех-де краше полата, неизреченною красотою сияет паче всех, и велика гораздо. Ввели-де меня в нея, ано-де стоят столы, и на них послано бело, и блюда з брашнами стоят. По конец-де стола древо кудряво повевает и красотами разными украшено; в древе-де том птичьи гласы слышала я, а топерва-де не могу про них сказать, каковы умилны и хороши! И подержав-де меня, паки ис полаты повели, а сами говорят: «Знаеш ли, чья полата сия?» И аз-де отвещала: «Не знаю; пустите меня в нея». Оне же отвещали: «Отца твоего, протопопа Аввакума, полата сия. Слушай ево и живи так, как он тебе наказывает перъсты слагать и креститца, и кланятца, богу молясь, и во всем не протився ему, так и ты будеш с ним здесь. А буде не станеш слушать, так будеш в давешнем месте, где плакание-то слышала. Скажи жо отцу своему. Мы не беси, водили тебя; смотри: у нас папарты, беси-де не имеют тово». И я-де, батюшко, смотрила,— бело у ушей-тех их». Да и поклонилася мне, прощения прося. Потом паки исправилася во всем. Егда меня сослали ис Тобольска, и я оставил ея у сына духовнаго тут. Хотела постричися, а дьявол опять зделал по-своему: пошла за Елизара замуж и деток прижила. И по осми летех услышала, что я еду назад, отпросилася у мужа и

[1] рай.



Гонец.
Миниатюра. XVI в.

«Житие Николая Чудотворца»
(ГБЛ, собр. Большакова, № 15, л. 226).

постриглася. А как замужем была, по временам бог наказывал,— бес мучил ея. Егда ж аз в Тоболеск приехал, за месяц до меня постриглася, и принесла ко мне два детища и, положа предо мною робятишок, плакала и рыдала, кающеся, безстыдно порицая себя. Аз же, пред человеки смиряя ея, многажды на нея кричал; она же прощается в преступлении своем, каяся пред всеми. И егда гораздо ея утрудил, тогда совершенно простил. В обедню за мною в церковь вошла. И нападе на нея бес во время переноса,— учала кричать и вопить, собакою лаять, и козою блекотать, и кокушкою коковать. Аз же зжалихся об ней: покиня херувимскую петь, взявше от престола крест, и на крылос взошед, закричал: «Запрещаю ти именем господним; полно, бес, мучить ея! Бог простит ея в сий век и в будущий!» Бес же изыде из нея. Она же притече ко мне и пала предо мною за ню же вину. Аз же крестом ея благословя, и с тех мест простил, и бысть здрава душею и телом. Со мною и на Русь выехала. И как меня стригли, в том году страдала з детми моими от Павла митрополита на патриархове дворе веры ради и правости закона. Доволно волочили и мучили ея. Имя ея во иноцех Агафья.

Ко мне же, отче, в дом принашивали матери деток своих маленких; скорбию одержимы грыжною; и мои детки, егда скорбели во младенъчестве грыжною болезнию, и я маслом священным, с молитвою презвитеръскою, помажу вся чювъства и, на руку масла положа, младенцу спину вытру и шулнятка [1],— и божиею благодатию грыжная болезнь и минуется во младенце. И аще у коего отрыгнет скорьбь, и я так же сотворю: и бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию.

А егда еще я был попом, с первых времен, как к подвигу касатися стал, бес меня пуживал сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и приехал к ней отец духовной; аз же из двора пошел по книгу в церковь нощи глубоко, по чему исповедать ея. И егда на паперть пришел, столик до тово стоял, а егда аз пришел, бесовским действом скачет столик на месте своем. И я, не устрашась, помолясь пред образом, осенил рукою столик и, пришед, поставил ево, и перестал играть. И егда в трапезу вошел, тут иная бесовская игра: мертвец на лавке в трапезе во гробу стоял, и бесовским действом верхняя роскрылася доска, и саван шевелитца стал, устрашая меня. Аз же, богу помолясь, осенил рукою мертвеца, и бысть по-прежнему все. Егда ж в олтарь вошел, ано ризы и стихари летают с места

[1] яички.

на место, устрашая меня. Аз же, помоляся и поцеловав престол, рукою ризы благословил и пощупал, приступя, а оне по-старому висят. Потом, книгу взяв, ис церкви пошел. Таково-то ухищрение бесовское к нам! Да полно тово говорить. Чево крестная сила и священное масло над бешанными и болными не творит благодатию божиею! Да нам надобе помнить сие: не нас ради, ни нам, но имени своему славу господь дает. А я, грязь, что могу зделать, аще не Христос? Плакать мне подобает о себе. Июда чюдотворец был, да сребролюбия ради ко дьяволу попал. И сам дьявол на небе был, да высокоумия ради свержен бысть. Адам был в раю, да сластолюбия ради изгнан бысть, и пять тысящ пятьсот лет во аде был осужден. По сем разумея всяк, мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет. Держись за христовы ноги и богородице молись и всем святым, так будет хорошо.

Ну, старец, моево вяканья много веть ты слышал. О имени господни повелеваю ти, напиши и ты рабу-тому христову, как богородица беса-тово в руках-тех мяла и тебе отдала, и как муравьи-те тебя ели за тайно-ет уд, и как бес-от дрова-те сожег, и как келья-та обгорела, а в ней цело все, и как ты кричал на небо-то, да иное, что вспомниш во славу Христу и богородице. Слушай же, что говорю: не станеш писать, я-петь осержусь. Любил слушать у меня, чево соромитца,— скажи хотя немношко! Апостоли Павел и Варнава на соборе сказывали же во Еросалиме пред всеми, елика сотвори бог знамения и чудеса во языцех с нима, в Деяниих, зач. 36 и 42 зач., и величашеся имя господа Исуса. Мнози же от веровавших прихождаху, исповедающе и сказующе дела своя. Да и много тово найдется во Апостоле и в Деяниих. Сказывай, небось, лише совесть крепку держи; не себе славы ища, говори, но Христу и богородице. Пускай раб-от христов веселится, чтучи! Как умрем, так он почтет, да помянет пред богом нас. А мы за чтущих и послушающих станем бога молить; наши оне люди будут там у Христа, а мы их во веки веком. Аминь.

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

О ЗАЧАТИИ ОТРОЧА МОНАСТЫРЯ

Лета мироздания 6773 [1] года составлен бысть Отрочь манастырь, тщанием и рачением великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго и великия книгини богомудрыя Ксении по совокуплении их законнаго брака в четвертое лето по прошению и молению любимаго его отрока Григориа, а во иноческом чину Гуриа.

В лето великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго бысть у сего великаго князя отрок именем Григорий, иже пред ним всегда предстояше и бе ему любим зело и верен во всем; и тако великий князь посылаше его по селом своим, да собирает ему повеленная. Случися же тому отроку быти в селе, нарицаемом Едимоново, и ту обита у церковнаго понамаря именем Афанасия, и узре у него дщерь его девицу именем Ксению, велми красну, и начат мыслити в себе, да оженится ею. И боя-ся князя своего, да не когда приимет от него великий гнев и велми печален бысть о сем; возлюби бо ю́ зело и не поведа мысли своея никому от другов своих, но в себе размышляше, да како бы ему улучити желаемое. И случися наедине со отцем ея Афонасием, начат ему глаголати, да вдаст за него дщерь свою, и обещается ему во всем помогати. Отец же ея велми удивися о сем: «Да како у таковаго великаго князя имать предстояти всегда пред лицем его, и тако ли вещает мне о сем», и не ведаше, что ему отвещати против словес его. Шед убо Афанасий, вопроси о сем жены своея и дщери, сказа им подробну. Дщерь же его, исполнена духа святаго, возглагола отцу своему сице:

[1] 1265.

«Отче мой! сотвори ему вся сия. Елика он тебе обещася, положи на волю его, богу бо тако изволившу и сие да будет».

Бяше бо девица сия благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имея велик зело, и хождаше во всех заповедех господних, и почиташе родители своя зело, и повинуяся има во всем, от младых ногтей Христа возлюбила и последуя ему, слышаше бо святое Писание от отца своего и внимаше прилежно всем сердцем своим.

Отрок же наипаче того уязвися любовию и прилежно о сем вещает отцу ея, да не устрашается: «Аз бо ти во всем имаюся [1] и князя умолю во всем, ты же не бойся». И тако советщастася во всем и быти в том селе браку и венчатися в церкви святаго великомученика Димитрия Селунскаго, и жити ту, да же [2] великий князь повелит.

И тако повеленная великаго князя исполни вся, яже повелена быша, и возвратися во град Тферь с радостию и дивляшеся в себе велми, яко нигде таковыя обрете девицы, и не поведа сего никому.

Отроковица же после его рече отцу своему и матери: «Господие мои! не дивитеся о сем, что вам обещался сей отрок, он бо тако совеща [3], но бог свое строит: не сей бо мне будит супруг, но той, его же бог мне подаст». Родители же ея о сем велми дивистася, что рече к ним дщерь их.

Предиреченный же отрок той, усмотря время благополучное и припаде к ногама великаго князя и молит его со многими слезами, и возвещает ему свою мысль, да сочетается законному браку, яко ему годно бысть; красоту и восраст и разум девицы оныя изъявляет. Князь же великий сия от него слышав, рече ему: «Аще восхотел еси женитися, да поимеши себе жену от велмож богатых, а не от простых людей и небогатых и худейших и безотечественных [4], да не будеши в поношении и уничижении от своих родителей, и от боляр и от другов и от всех ненавидим будеши и от мене удален стыда ради моего». Однако на многи дни отрок моляше прилежно великаго князя, да повелит ему желание свое исполнити и тамо жити. И тако великий князь наедине его увещавает и вопрошает о сем подробну, чего ради тако восхоте. Он же все исповеда великому князю обещание свое, яко же тамо обещася.

Князь же великий Ярослав Ярославич по прошению его повелевает всему быть яко же ему годно и потребно, и насад

---

[1] я сам за все отвечу; [2] если; [3] предполагает; [4] незнатных.

изготовити, и вся воли его потребная, и люди ему готовы тамо быть имеют, елико годно будет на послужение отроку. Когда приспеет время обручению и венчанию его, и отпущает его в насаде по Волге реке; бе бо то село близ Волги стояи, а кони его обещавает прислати за ним вскорости по брегу.

Отрок же с радостию поклонися великому князю и поиде в насаде по Волге реке со всеми посланными с ним.

На утрии же великий князь повеле готовити себе коня и всему своему сигклиту, яко же угодно великому князю, соколы и пъсы, да едучи ловы деет; в ту бо нощь великий князь сон видел, яко бы быти в поле на ловех и пускати своя соколы на птицы; егда же пусти великий князь любимаго своего сокола на птичье стадо, той же сокол, все стадо птиц разогнав, поимал голубицу красотою зело сияющу, паче злата, и принесе ему в недра [1], и возбнув [2] князь от сна своего и много размышляше в себе, да что сие будет, и не поведа сна того никому, токмо повеле с собою на лов вся птицы взяти; и тако великий князь поиде в ту же страну, иде же отрок, ловы деюще тешася. Бе же великий князь безбрачен и млад, яко двадесяти [3] лет, еще ему не достигшу возраста своего.

Той же отрок, егда прииде в насаде по реке и приста у брега, ожидающе коней от князя, и посла вестники своя к девице, да вся готова будут, яко же есть обычай брачным. Девица же присланным рече: «Возвестите отроку, да же помедлеет тамо, дондеже сама весть пришлю к нему, как вся изготована будут, понеже бо нам от него о приходе его вести не было». Вестницы же его пришедше поведаша ему о всем, еже им повелено бысть от девицы возвестити. Провиде бо она великаго князя к себе приход и рече родителем своим, яко «уже сват мой приехал, а жених мой не бывал еще, но уже будет, яко в поле тешится и замедлил тамо, но пождем его короткое время, да же приедет к нам». А о имени его никому от сродников своих не поведа, но токмо готовяше ему честныя дары, яже сама строяше [4], сродницы же ея велми о сем дивляхуся, а того жениха ея не ведяху, но токмо она едина.

Князь же великий села того не знаяше, но восхоте тамо быти на утрие или на другий день и да видит своего отрока оженившагося; и тако обночева на лове, бяше бо село то от града Тфери четыредесять [5] поприщ; в нощи же той виде сон прежний и наипаче размышляше в себе, что будет сие видение; на утрие же по обычаю своему ловы деяше.

---

[1] за пазуху; [2] проснувшись; [3] двадцати; [4] приготовила; [5] сорок.

Отрок же той не дождався вести, ни коней, помысли в себе, яко «аще государь мой великий князь раздумает и пошлет по мене, и велит возвратитися вспять, аз же своего желаннаго не получил». И тако вскоре поиде во двор той, иде же девица та, и по чину своему вся изготовавше. И тако седоста вкупе на место свое, яко же быти вскоре венчанию их, отрок же повеле-ваше поскору вся строити и дары разносити. Девица же рече отроку: «Не вели спешить ничем, да еще у меня будет гость незванной, а лутче всех и званых гостей».

Великий же князь в то время близ бе села того, и увиде стадо лебедей на Волге реке, и тако повеле пустити вся своя птицы, соколы и ястребы, пусти же и сокола своего любимаго, и поимаше много лебедей. Той же сокол великаго князя, заигрався, ударися летети на село то; великий же князь погна за ним и приехал в село то борзо, забыв вся; сокол же сяде на церкви святаго великомученика Димитриа Селунскаго; князь же повеле своим вопросити про село чие есть. Селяне же поведаху, яко село то великаго князя Ярослава Ярославича Тферскаго, а церковь святаго великомученика Димитриа Селунскаго. В то же время множества народу сошедшуся смотрети, яко уже к венчанию хотят ити. Князь же, сия слышав от поселян, повеле своим сокола своего манити; сокол же той никако же думаше слетети к ним, но крилома своима поправливаяся и чистяшеся; сам же великий князь поиде на двор, иде же бе отрок его, в дорожном своем платье, не на то бо приехал, но богу тако изволившу. Людие же, видевше князя, не знаяху его; мняху бо его с конми и с потехами к жениху приехавша, и не встретиша его никто же.

Девица же рече всем ту седящим: «Востаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя, а моего жениха»,— они же дивляхуся.

Великий же князь вниде в храмину, иде же бяху отрок и девица седяще; всем же восставшим и поклоншимся великому князю, им же не ведущим пришествия его и прощения просящим; князь же повеле им сести, да видит жениха и невесту.

Девица же в то время рече отроку: «Изыди ты от мене и даждь место князю своему, он бо тебе болши и жених мой, а ты был сват мой».

Великий же князь узре ту девицу зело прекрасну и аки бы лучам от лица ея сияющим; и рече великий князь отроку своему Григорию: «Изыди ты отсюду и изыщи ты себе иную невесту иде же хощеши, а сия невеста бысть мне угодна, а не тебе»,— возгореся бо сердцем и смятеся мыслию.

Отрок же из места изыде повелением его; великий же князь поим девицу за руку и поидоста в церковь святаго великомученика Димитриа Селунскаго, и сотвориша обручение и целование о Христе, яко же подобает, потом же и венчастася в той же день; и тако бысть велия радость у великаго князя той день до вечера, бяше бо летом, и селян повеле покоити [1] день и нощь.

Идущу же великому князю после венчания от церкви ко двору, тогда оный сокол его любимый виде господина своего идуща с супругою своею, сидя на церкви, начат трепетатися яко бы веселяся и позирая на князя. Князь же вопроси своих соколников: «Слетел ли к вам сокол или нет?» Они же поведаша ему: «Не летит с церкви». Князь же возрев на него, кликнул его своим гласом. Сокол же скоро прилете к великому князю и сяде на десней его руце и позирая на обоих, на князя и на княгиню; великий же князь отдаде его соколнику.

Отрок же той великою кручиною одержим бысть, и ни яде и ни пия. Великий же князь велми его любляше и жаловаше, наипаче же ему не веляше деръжатися тоя кручины, и сказа ему сны своя: яко же видех во сне, тако и сбыться божиим изволением.

Отрок же той в нощи положил мысль свою на бога и на пречистую богоматерь, да яко же восхотят к которому пути, тако и наставят. И снем с себя княжее платье и порты и купи себе иное платье крестьянское и одеяся в него и утаися от всех своих, и изыде из села того, никому же о сем не ведущу, и поиде лесом незнаемо куды.

На утрии же великий князь того отрока воспомянув, что его у себя не видит, и повеле своим боляром, да пришлют его к нему; они же поискавше его много и не обретоша нигде, токмо платье его видеша. И великому князю возвестиша о нем. Князь же великий о нем велми печален бысть, и повеле искати его сюду и сюду по реке и в кладезях, бояся того, чтоб сам себя не предал губителной и безвременной смерти; и нигде его не обретоша, но токмо той селянин поведа, что де «купил у меня платье ветхое, и не велел о том никому поведати и поиде в пустыню».

Великий же князь повеле его искати по лесом и по дебрям и по пустыням, да где его обрящут и приведут его; и многие леса, и дебри и пустыни обыдоша и нигде его не обретоша. Бог бо его храняше. И пребысть ту великий князь даже до трех дней.

---

[1] дать отдых.

Великая же княгиня его Ксения вся возвести бывшая великому князю Ярославу Ярославичю о себе и о отроке, яже напреди писана суть.

Великий князь велми печален бысть об отроке своем, глаголаше бо, яко «аз повинен есмь смерти его». Княгиня же его печалитися ему всячески не велит и глаголет великому князю: «Богу убо тако изволившу быть мне с тобою в совокуплении; аще бы не божиим повелением, како бы было мощно тебе, великому князю, к нашей нищете приехати и пояти мя за себя. Ты же не печалися о сем, но иди с миром во град свой и мене поими с собою, ничего не бойся». Великий же князь велми печален бысть, воздохнув прослезися и воспомяну своя глаголы, яже глагола ко отроку своему Григорию: «Тое на мне событься, а его уже отныне не увижу»; и возложи свою печаль на бога и на пречистую его богоматерь.

И отпусти свою великую княгиню в насаде, и боляр своих, иже были со отроком, во град Тферь, и повеле великий князь боляром своим, да берегут великую княгиню его и покланяются ей и слушают во всем. Сам же великий князь по-прежнему поехал берегом, деюще потехи своя и ловы; и прииде во град Тферь прежде княгини своея. Егда же прииде и великая княгиня его Ксения ко граду Тфери, великий князь повеле боляром своим и з болярынами и своим дворовым и всему граду, да выдут на встретение великия княгини, и з женами своими. Вси же слышавше от великаго князя, с радостию изыдоша весь град, мужи и жены, и младенцы от мала даже и до велика с дароношением, и сретоша ея на брезе у церкви Архангела Михаила. Егде же прииде ко граду Тфери, великий князь посла всех боляр с коретами, и тако с великою честию сретоша ю́ и поклонишася ей; и вси зряще красоту ея, велми чудишася, яко «нигде же видехом очима нашима или слышахом слухом нашим таковую жену благообразну и светящуся аки солнце во многих звездах, яко же сию великую княгиню, сияющу во многих женах сего града паче луны и звезд многих»; и провождаше ю́ во град Тферь с радостию великою и с дары многими на двор великаго князя. И бысть во граде радость и веселие велие; и бысть у великаго князя пирование на многи дни всякому чину от мала даже и до велика.

Предиреченнаго же отрока не бе слухом слушати на много время. Божиим же промыслом той отрок прииде на реку зовомую Тферцу, от града Тфери пятьнадесят поприщ, на место боровое, и ту вселися на лесу и хижу себе постави, и часовню на том месте; и назнаменова где быти церкви во имя пресвятыя

богородицы честнаго и славнаго ея рождества. И ту пребысть немногое время, и найдоша его ту близ живущие людие, хождаху бо по лесу потребы ради своея; и вопрошаху его, глаголюще: «Откуду ты сюду пришел еси, и как тебя зовут, и кто тебе велел тут вселитися в нашем месте?» Отрок же им не отвеща ничто же, но токмо им кланяшеся, и тако от него отъидоша восвояси.

Он же ту мало пребысть и от того места отъиде, и хотяше отъитьти от града подалее, понеже уведа от пришедших к нему людей, яко близ есть град. Божиим изволением прииде близь града Тфери по той же реке Тферце на устье и вышед на реку Волгу и позна, яко град Тферь есть, ибо знаем ему бе, и возвратися в лес той и избра себе место немного вдалее от Волги на Тферце, и начат молитися пресвятей богородице, да явит ему про место сие. В нощи же то возляже опочинути и в сон тонок сведен бысть, и видит на том месте аки поле чистое и великое зело и свет великий, яко некую лучу божественную сияющу. И воспрянув от сна и мышляше в себе, да что сие будет знамение, и тако моляшеся спасу и пресвятей владычице богородице, да явит ему вещь сию; в ту же нощь паки явися ему пресвятая богородица и повелевает ему воздвигнути церковь во имя честнаго и славнаго ея успения и указа ему место и рече: «Хощет бо бог прославити сие место и роспространити его, и будет обитель велия; ты же иди с миром во град ко князю своему, и той помощник тебе будет во всем и прошение твое исполнит. Ты же, егда вся совершиши и монастырь сей исправиши, немногое время будеши ту жити и изыдеши от жития сего к богу». И тако воспрянув от сна своего, и велми ужасеся о видении том, и размышляше в себе, яко «аще отъиду от сего места, боюся явления сего и показания месту. Яко господеви годно, тако и будет». И помысли в себе глаголя: «Аще ли же поиду к великому князю и увещати меня станет, однако не хощу в доме его быти». Сие же ему мыслищу, абие приидоша в той час во оный лес некия ради потребы мужие княжии зверей ради. Отрок же позна их и прикрыся от них; они же видевше крест и хижу, и удивишася зело, и глаголаху друг ко другу, яко есть человек тут живяй, и тако начаша искати, и обретоша его, и познаша, яко «той есть отрок князя нашего». И пришедше к нему и поклонишася ему, и возрадовашася о нем радостию великою. Той бо отрок по пустыни хождаше три лета и вящше [1], и не виде его никто же, и бе питаем богом. И тако вземше

[1] более.

его с собою и ведоша ко князю, и сказаша ему вся, яко «великий князь печален бысть зело о тебе и до ныне; аще же увидит тя жива и здрава, возрадуется о тебе радостию великою». Он же сия слыша от них, с веселием идяше с ними.

Егда же прииде во двор великаго князя, и вси узревши его возрадовашася велми о нем и прославиша бога и возвестиша о нем великому князю. Князь же повеле ввести его в верхния палаты и виде отрока своего и возрадовася велми и похвали бога. Он же поклонися великому князю и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших пред тобою, опечалих бо тя зело». И рече к нему великий князь: «Како тя господь бог хранит до сего дне и времени?» и облобызав его. Он же поклонися до земли и рече: «Прости мя, господине мой великий княже, яко согреших пред тобою»; и исповеда вся о себе по ряду, како изыде от него, и како бог приведе до сего места. Князь же о сем велми удивися и прослави бога и повеле своим предстоящим, да дадут ему всю его первую одежду и да будет в первом своем чину. Он же со смирением рече: «Господине мой великий княже, я не того ради приидох к тебе, но да ты от печали свободишися и прошения моего да не презриши: молю тя и прошу, да повелиши то место розчистити» — и вся поведа великому князю, како ту прииде и како явилася ему пресвятая богородица со святителем Петром митрополитом московским и место показа, и иде же быти церкви во имя пресвятыя богородицы, честнаго и славнаго ея успения; и вся ему сказа о себе подробну. Князь же, воздохнув велми и прослезися, и отрока похвали, яко таковаго страшнаго видения сподобися; и обещася во всем помогати месту тому до совершения и беседова с ним многое время и повеле ему пред собою поставити трапезу, да вкусить брашна, он же вкуси малую часть хлеба и воды, а иной же пищи отнюдь не прикоснуся. Великий же князь повеле по воли его быти и тако отпусти его с миром, иде же он восхощет.

Отрок же отъиде на место свое и по обычаю своему молящеся богу и пресвятей владычице богородице и на помощь ея призывает о создании обителя тоя, и тако молитвами пресвятыя богородицы вскоре дело совершается. Князь же великий повеле вскоре собрати крестьян и иных людей, да росчистят место то, иде же оный отрок покажет, и посла их ко отроку. Слышавше же то граждане и сами мнози идяху на помощ месту тому; и тако вскоре очистивше место, еже отрок показа им, и возвестиша великому князю о сем; князь же прослави бога и отрока своего о сем похвали. И тако сам великий князь

прииде на то место и виде его сияюща паче иных мест; отрок же паки припадает к ногама его и молит, да повелит церковь создати древянную и монастырь возградити. Великий же князь вскоре повеле всем прежним людем тут работати и мастеров добрых собрати к церковному строению. И тако божиею помощию и великаго князя повелением вскоре дело совершается, и освящение церкви сотвориша.

Бысть же ту на освящении церкве Успения пресвятыя богородицы сам великий князь Ярослав Ярославич и с своею супругою великою княгинею Ксениею и со всем своим княжиим сигклитом, и всем трапезу устроил; и по прошению отрока своего великий князь даде ему игумена Феодосия и братию собра, и колокола устрои. И назвася место от великаго князя Ярослава Ярославича Отрочь монастырь; и вси прославиша бога и пречистую его богоматерь. На другий день по освящении церкве тоя той отрок Григорий пострижеся в иноческий чин и наречен бысть Гурий от игумена Феодосия. И той отрок, по постризсении своем, немногое время поживе и преставися ко господу и погребен бысть в своем монастыре.

По преставлении же блаженнаго онаго отрока немногим летом мимошедшим великий князь Ярослав Ярославич и великая княгиня Ксения изволили в том монастыре создати церковь каменную во имя пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея успения, с приделом Петра митрополита московскаго чудотворца, и села подаде к тому монастырю и место то насели, иде же бе отрок прежде пришедый.

Монастырь же той стоит и до ныне божиею благодатию и молитвами пресвятыя богородицы и великаго святителя Петра митрополита московскаго и всея России чудотворца.

ПЕРЕПИСКА ЧИГИРИНСКИХ КАЗАКОВ С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

ПЕРЕВОД С ПОЛСКОГО ПИСМА, СПИСОК С ЛИСТА САЛТАНА ТУРСКОГО, ПИСАННОГО В ЧИГИРИН К КАЗАКОМ ИЮЛЯ В 7 ДЕНЬ 1678-го

Салтан сын салтана турского, цесарь турской и греческой, македонской, вавилонской, иерусалимъской, паша ассирийской, Великого̀ и Малого Египта король александрийской, арменской и всех на свете обитающих князь над князи, внук божий, храбрый воин, наветник христианский, хранитель распятого бога, господарь великий, дедич на земли, надежда и утешение бусурманское, а христианом скорбь и падение.

Повелеваю вам, чтоб есте добровольно поддались нам со всеми людми.

САЛТАНУ ОТВЕТ ИЗ ЧИГИРИНА ОТ КАЗАКОВ НА ПИСМЕ ОТДАН

Салтан сын проклятого салтана турского, таварыщь сатанин, бездны адовы салтан турской, подножие греческое, повор вавилонской, бронник иерусалимской, колесник асирийской, винокур Великого и Малого Египта, свинопас александрийской, арчак [1] арменской, пес татарской, живущей на свете проклятой аспид, похититель Каменца Подолского и всех

[1] деревянный остов седла.

земных обитателей подданой шпынь [1] и скаред [2], всего света привидение, турского уезду бусурман, равен жмоту, клеврет [3] сатанин, всего сонмища адова внук, проклятого сатаны гонец, распятого бога враг и гонитель рабов его, надежда и утешение бусурманское, падение и скорбь их же. Не поддадимся тебе, но биться с тобою будем.

[1] шут; [2] скряга; [3] товарищ.

ИСТОРИЯ О РОССИЙСКОМ НОВГОРОДСКОМ ДВОРЯНИНЕ ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ, СТОЛЬНИЧЕЙ ДОЧЕРИ НАРДИНА-НАЩОКИНА АННУШКЕ

В Новгородском уезде имелся дворенин Фрол Скобеев. В том же Ноугородском уезде имелись вотчины столника Нардина-Нащокина, имелас дочь Аннушка, которая жила в тех новгородских вотчинах.

И проведал Фрол Скобеев о той столничей дочери, взял себе намерение возыметь любовь с тою Аннушкой и видит ее. Однако ж умыслил спознатся той вотчины с прикащиком, и всегда ездил в дом того прикащика. И по некотором времени случилос быть Фролу Скобееву у того прикащика в доме. И в то время пришла к тому прикащику мамка дочери столника Нардина-Нащокина. И усмотрел Фрол Скобеев, что та мамка живет всегда при Аннушки. И как пошла та мамка от того прикащика к госпоже своей Аннушке, и Фрол Скобеев вышел за нею и подарил тое мамку двумя рублями. И та мамка сказала ему: «Господин Скобеев, не по заслугам моим ко мне милость казать изволиш, для того что моей услуги к вам никакой не находится». И Фрол Скобеев отдал оныя денги и сказал: «То мне сие ни во что»,— и пошел от нее прочь, и вскоре ей не объявил. И мамка та пришла к госпоже своей Аннушке, ничего о том не объявила. И Фрол Скобеев посидел у того прикащика и поехал в дом свой. И во время увеселителных вечеров, которые бывают в веселости девичеству, называемыя по их девичеству званию Святки, и та столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка приказала мамке своей, чтоб она ехала ко всем дворянам, которыя во близости той вотчины столника Нардина-

Нащокина имеет жителство и у которых дворян имеютца дочери-девицы, чтоб тех дочерей просить к той столнической дочери Аннушке для веселости на вечеринку. И та мамка поехала и просила всех дворянских дочерей к госпоже своей Аннушке, и по тому ея прошению все обещались быть. И та мамка ведает, что у Фрола Скобеева есть сестра, девица. И приехала та мамка в дом Фрола Скобеева и просила сестру ево, чтоб она пожаловала в дом столника Нардина-Нащокина к Аннушке. Та сестра Фрола Скобеева объявила той мамке: «Пообожди малое время, я схожу к братцу своему; ежели прикажит мне ехать, то к вам с тем и объявим». И как пришла сестра Фрола Скобеева к брату свому и объявила ему, что приехала к ней мамка от столничей дочери Нардина-Нащокина Аннушки «и просит меня, чтоб я приехала в дом к ним». И Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Поди, скажи той мамке, что ты будешь не одна, некоторого дворянина з дочерью, девицею». И та сестра Фрола Скобеева о том весма стала думать, что брат ея повелел сказать, однако ж не смела преслушать воли брата своего, что она будет к госпоже ея сей вечер с некоторою дворянскою дочерью, девицею. И мамка поехала в дом к госпоже своей Аннушке. И Фрол Скобеев стал говорить сестре своей: «Ну, сестрица, пора тебе убираться и ехать в гости». И сестра ево как стала убираться в девичей убор, и Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Принеси, сестрица, и мне девичей убор, уберуся и я, и поедем вместе с тобою к Аннушке, столничей дочери». И та сестра ево весма о том сокрушалась: «Понеже, что ежели признает ево, то, конечно, быть великой беде брату моему, понеже тот столник Нардин-Нащокин весма великой милости при царе находится». Однако ж не прислушала воли брата своего, принесла ему девичей убор. И Фрол Скобеев убрався в девичей убор и поехал с сестрой своей в дом столника Нардина-Нащокина к дочери ево Аннушки. Собралось много дворянских дочерей у той Аннушки, и Фрол Скобеев тут же в девичьем уборе, и никто ево не может признать.

И стали все девицы веселитца разными играми, и веселились долгое время, а Фрол Скобеев с ними же и веселился, и признать ево никто не может. И потом Фрол Скобеев пожелал итти до нужника. И был Фрол Скобеев в нужнике один, а мамка стояла в сенях со свечою. И как вышел Фрол Скобеев из нужника и стал говорить мамке: «Как, мамушка, много наших сестер дворянских дочерей, а твоей к нам услуги много, а никто не может подарить ничем за услугу твою». И мамка не может признать, что он Фрол Скобеев. И Фрол Скобеев, вынев

денег пять рублев, подарил тое мамку. С великим принуждением и те денги мамка взяла. И Фрол Скобеев видит, что признать она ево не может, то Фрол Скобеев пал перед ногами той мамки и объявил ей об себе, что он дворянин Фрол Скобеев и приехал в девическом платье для Аннушки, чтоб с нею иметь обязателную [1] любовь. И как усмотрела мамка, что подлинно Фрол Скобеев, и стала в великом сумнени и не знает, с ним что делать. Однако ж памятуя ево к себе два многия подарки объявила ему: «Добро, господин Скобеев, за твою ко мне милость готова чинить все по воли твоей». И пришла в покои, где девицы веселятца, и никому о том не объявила.

И стала та мамка говорить госпоже своей Аннушке: «Полноте, девицы, веселитца! Я вам объявлю игру, как бы прежде сего от децкой игры были». И та Аннушка не преслушала воли мамки своей и стала ей говорить: «Ну, мамушка, изволь, как твоя воля на все наши девичьи игры». И объявила им та мамка игру: «Изволь, госпожа Аннушка, быть ты невестою,— а на Фрола Скобеева показала,— сия девица будет женихом». И повели их в особливу светлицу для почиву, как водится в свадьбе; и все девицы пошли их провожать до тех покоев и обратно пришли в те покои, в которых прежде веселилис. И та мамка велела тем девицам петь грамогласныя песни, чтоб им крику от них не слыхать быти. А сестра Фрола Скобеева весма в печали великой пребывала, сожелея брата своего и надеется, что, конечно, будет притчина [2]. И Фрол Скобеев, лежа с Аннушкой, и объявил ей себя, что он Фрол Скобеев, а не девица. И Аннушка стала в великом страхе. И Фрол Скобеев, не взирая ни на какой себе страх, и ростлил ея девство. Потом просила та Аннушка того Фрола Скобеева, чтоб он не обнес [3] ея другим. Потом мамка и все девицы пришли в тот покой, где она лежала, и Аннушка стала быть в лице переменна. И девицы никто не могут признать Фрола Скобеева, для того что в девическом уборе. И та Аннушка никому о том не объявила, только мамку взяла за руку и отвела от тех девиц и стала ей говорить искусно [4]: «Что ты надо мною зделала! Ета не девица со мною была; он мужественной человек, дворянин Фрол Скобеев!» И та мамка на то ей объявила: «Истинно, госпожа моя, что не могла признать ево, думала, что она такая же девица, как и протчии, а когда он такую безделицу [5] учинил, ведаеш, что у нас людей доволно можем ево скрыть в смертное место». И та Аннушка, сожалея того Фрола Скобеева, ответствовала: «Ну,

[1] нежную, верную; [2] беда; [3] осрамил; [4] испытующе; [5] обман.

мамушка, уже быть так, того мне не возвратить!» И пошли все девицы в пировой покой, Аннушка с ними же. И Фрол Скобеев в том же девическом уборе, и веселились долгое время ночи. Потом все девицы стали иметь покой. Аннушка легла со Фролом Скобеевым. И наутри встали все девицы, стали разъезжатся по домам своим, тако ж и Фрол Скобеев и с сестрою своею. Аннушка отпустила всех девиц, а Фрола Скобеева и с сестрою оставила. И Фрол Скобеев был у Аннушки три дни в девичьем уборе, чтоб не признали ево служители дому того, и веселилис все со Аннушкою. И по прошествии трех дней Фрол Скобеев поехал в дом свой и с сестрою своею, и Аннушка подарила Фрола Скобеева денгами 300 рублев. И Фрол Скобеев приехал в дом свой весма рад, что желаемое исполнил, и делал Фрол банкеты, и веселился с протчею своею братию дворянами.

И пишет из Москвы отец ея, столник Нардин-Нащокин, в вотчину, к дочери своей Аннушке, чтоб она ехала в Москву, для того что сватаются к ней женихи, столничьи дети. И Аннушка не преслушала воли родителя своего, собрався вскоре, и поехала в Москву. Потом проведал Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом сумнении, не ведает, что делать, для того он дворянин небогатой, а имел себе более пропи́тание всегда ходить в Москве поверенным з делами. И взял себе намерение как можно Аннушку достать себе в жену. Потом Фрол Скобеев стал отправлятся в Москву, а сестра ево весма о том соболезнует, об отлучени ево. Фрол Скобеев сказал сестре своей: «Ну, сестрица, не тужи ни о чем, хотя живот свой утрачу, а от Аннушки не отстану, либо буду полковник или покойник; ежели что зделается по намерению моему, то и тебя не отставлю, а буде зделается несчастие, то поминай брата своего»; убрався и поехал в Москву.

И приехал в Москву Фрол Скобеев и стал на квартире близ двора столника Нардина-Нащекина. И на другой день Фрол Скобеев пошел к обедни и увидел в церкви мамку, которая была при Аннушки. И по отшествии литургии вышел Фрол Скобеев ис церкви и стал ждать мамку. И как мамка ис церкви, и Фрол Скобеев подошел к мамке, и отдал ей поклон, и просил ея, чтоб она объявила об нем Аннушке. И как мамка пришла в дом, то объявила Аннушке о приезде Фрола Скобеева. И Аннушка на то стала в радости великой и просила мамку свою, чтоб она завтрешней день пошла к обедни и взела б с собою денег 200 рублев и отдала Фролу Скобееву, то учинила по воли ея. И у того столника Нардина-Нащекина имелас сестра, постриженa в Девичьем манастыре. И тот столник приехал к сестре

своей в манастыре. И сестра ево стретила по чести брата своего. И столник Нардин-Нащекин у сестры своея был долгое время и много имели разговоров. Потом сестра ево просила брата своего покорно, чтоб он отпустил к ней в манастырь для свидания дочь свою Аннушку, а ея племянницу, для чего она с нею многое время не видалась. И столник Нардин-Нащекин обещал к ней отпустить дочь свою. И просила ево: «Когда и в небытность твою дома пришлю я по ея корету и возников [1], чтоб ты приказал ей ехать ко мне и бес себя».

И случится по некоторому времени тому столнику Нардину-Нащекину ехать в гости з женою своею, и приказывает дочери своей: «Ежели пришлет по тебя из Москвы сестра корету и с возниками, то ты поезжай к ней». А сам поехал в гости. И Аннушка просила мамки своей, чтоб она, как можно, пошъла к Фролу Скобееву и сказала ему, чтоб он, как можно, выпросил корету и с возниками, и приехал сам к ней, и сказался бутто от сестри столника Нардина-Нащекина приехал по Аннушку из Девичьева манастыря. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему все по приказу ея.

И как услышел Фрол Скобеев от мамки и не ведает, что делать, и не знает, как кого обмануть, для того что ево многия знатныя персоны знали, что он, Скобеев, дворянин небогатой, толко великой ябида [2], ходотайствует за приказными делами.

И пришло в память Фролу Скобееву, что весма к нему добр столник Ловчиков. И пошел х тому столнику Ловчикову. И тот столник имел с ним разъговоров много. Потом Фрол Скобеев стал просить того столника, чтоб он ему пожаловал корету и с возниками. И приехал Фрол Скобеев к себе на фатеру, и того кучера поил весма пьяна. А сам, убрався в лакейское платье, и сел на козлы, и поехал ко столнику Нардину-Нащокину, по Аннушку. И усмотрела Аннушкина мамка, что приехал Фрол Скобеев под видом других того дому служителей, яко бы прислала тетка по нея из манастыря. И та Аннушка убралас и села в корету, и поехала на квартиру Фрола Скобеева. И тот кучер Ловчикова пробудился. И усмотрел Фрол Скобеев, что тот кучер Ловчикова не в таком сылном пьянстве, и напоя ево весма жестока пьяна, и положил ево в карету. А сам сел в козлы и поехал к Ловчикову на двор. И приехал ко двору, отворил ворота и пустил возников и с коретою на двор. Люди Ловчиковы видят, что стоят возныки, а кучер лежит в корете жестоко пьян. Пошли и объявили Ловчикову, что «лежит кучер пьян

---

[1] упряжных лошадей; [2] должностное лицо в суде.

в корете, а кто их на двор привел не знаем». И Ловчиков корету и возников велел убрать, и сказал: «То хорошо, что и всего не уходил, и с Фрола Скобеева взять нечево». И на утре стал спра́шивать Ловчиков того кучера, где он был со Фролом Скобеевым. И кучер сказал ему толко: «Помню, как приехал к нему на квартиру, а куды он поехал, Скобеев, и что делал, не знаю». И столник Нардин-Нащокин приехал из гостей и спрашивал дочери своей Аннушки. Та мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена к сестрице вашей в манастырь, для того что она прислала корету и возников». И столник Нардин-Нащокин сказал: «Изрядно!»

И столник Нардин-Нащокин долгое время не бывал у сестры своей и надеется, что дочь ево в манастыре у сестры ево. А уже Фрол Скобеев на Аннушке и женился. Потом столник Нардин-Нащокин поехал в манастырь к сестре своей: «Сестрица, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему ответствовала: «Полно, братец, издиватся! Что мне делать, когда я бесчастна моим прошением к тебе; просила ея прислать ко мне; знатно, что ты мне не изволишь верить, а мне время таково нет, чтоб послать по нея». И столник Нардин-Нащокин сказал сестре своей: «Как, государыня-сестрица, что ты изволишь говорить? Я о том не могу разсудить, для того что она отпущена к тебе уже тому месяц, для того что ты присылала по нея корету и с возниками, а я в то время был в гостях и з женою, и по приказу нашему отпущена к тебе». И сестра ему сказала: «Никак, я, братец, возников и кореты не посылала никогда и Аннушка у меня не бывала». И столник Нардин-Нащокин весма сожелел о дочери своей, горко плакал, что безвестно прапала дочь его. И приехал в дом, сказал жене своей, что Аннушка пропала, и сказал, что у сестры в манастыре нет. И стал мамку спрашивать: «Кто приезжал, и куда она поехала?» И мамка сказала: «Приезжал с возниками и с коретою кучер, и сказал, что из Девичьева манастыря от сестры вашей приехал по Аннушку, то по приказу вашему и поехала Аннушка». И о том столник и з женою весма соболезновали и плакали горко. И наутре столник Нащокин поехал к государю и объявил, что у него безвестно пропала дочь. И государь велел учинить публику [1] о ево столничей дочери: ежели кто ея содержит тайно, чтоб объявили, ежели кто не объявит, а после обыщется, то смертию казнен будет. И Фрол Скобеев, слышав публикацию, не ведает, что делать.

---

[1] объявить розыск.

И умыслил Фрол Скобеев, чтоб иттить к столнику Ловчикову и объявить ему о том, для того что тот Ловчиков весма к нему добр. И пришел Фрол Скобеев к Ловчикову, имел с ним много разговоров. И столник Ловчиков спрашивал Фрола Скобеева: «Что, господин Скобеев, женился ль?» И Скобеев сказал: «Женился, государь мой».— «Богату ли взял?» И Скобеев сказал: «Ныне еще богатства не вижу, что вдаль время окажет». И Ловчиков говорил Скобееву: «Ну, господин Скобеев, живи уже постоянно: отстань за ябидою ходить, живи вотчине своей, лутче здравию!»

Потом Фрол Скобеев стал просить того столника Ловчикова, чтоб он был предстателем [1] ево беде. И Ловчиков ему объявил: «Скажи, что ежели сносно — буду предстательствовать, а ежели что несносно — не гневайся». И Фрол Скобеев ему объявил, что «столника Нардина-Нащокина дочь Аннушка у меня, и я женился на ней». И столник Ловчиков сказал: «Как ты зделал, так сам и ответствуй». И Фрол Скобеев сказал: «Ежели ты предстательствовать не будешь обо мне, то и тебе будет не без чево[2]; мне уже пришло показать на тебя, для того что ты возников и корету довал, ежели б ты не давал, и мне б того не учинить». И Ловчиков стал в великом сумнении и сказал ему: «Настоящей ты плут! Что ты надо мною зделал? Добро, как могу буду предстательствовать». И сказал ему, чтоб завтрашней день пришел в Успенской собор и столник Нардин-Нащокин будет у обедни, «и я с ним буду, и после обедни будем стоять все мы в собрани на Ивановской площеди. И в то время приди и пади пред ним, и объяви ему о дочери, а я уже как могу о том буду предстательствовать».

И пришел Фрол Скобеев в Успенской собор к обедни. И столник Нардин-Нащокин, и Ловчиков, и другия столники,— все были. И по отшествии литурги в то время имелись в собрании на Ивановской площади, против Ивана Великого и все столники собрались на оную площадь и Нардин-Нащокин тоже. Имели оныя столники между собою разговоры, что им надобно. И столник Нардин-Нащокин болше соболезнуя и разсуждая о дочери своей, и столник Ловчиков, разсуждая о том же с ним к склонению милости. И на те их разговоры пришел Фрол Скобеев и отдал всем столникам, как по обычаю, поклон. И все столники Фрола Скобеева знают, и кроме всех столников пал пред ногами Скобеев столнику Нардину-Нащокину и просит прощения: «Милостивой государь, столник пер-

[1] заступником; [2] то есть придется отвечать.

вы, отпусти виновнаго, яко раба, которой возымел пред вами дерзновение!» И столник летами древен, однако ж еще усмотреть мог, натуралною клюшкою подымает Фрола Скобеева и спрашивает ево: «Кто ты таков, скажи о себе, что твоя нужда к нам?» И Фрол Скобеев толко говорит: «Отпусти вину мою!» И столник Ловчиков подошел к Нардину-Нащокину и сказал ему: «Лежит пред вами и просит отпущения вины своей дворенин Фрол Скобеев!» И столник Нардин-Нащокин закричал: «Встань, плут! Знаю тебя давно, плута, ябедника, знатно, что наябедничил себе несносно, скажи, плут, буде сносно, стану старатся о тебе, а когда не сносно, как хочешь. Я тебе, плуту, давно говорил: живи постоянно, встань, скажи, что твоя вина?» И Фрол Скобеев встал от ног ево и объявил ему, что дочь ево Аннушка у него и женился на ней. И как Нащекин услышал от него о дочери своей, и залился слезами, и стал в беспаметстве. И мало опаметовался и стал ему говорить. «Что ты, плут, зделал? Ведаешь ты о себе, кто ты таков? Нет тебе отпущения от меня вины твоей! Тебе ли, плуту, владеть дочерью моею? Пойду к государю и стану на тебя просить о своей плутской ко мне обиде!» И вторительно пришел к нему столник Ловчиков и стал ево разгаваривать, чтоб он вскоре не возымел докладу к государю: «Изволиш съездить домой и объявить о сем сожителнице [1] своей, и посоветуй обще, как к лутчему уже быть, так того времяни не возвратитъ, а он, Скобеев, от гневу вашего никуды не может скрытца». И столник Нардин-Нащокин совету столника Ловчикова послушал и не пошел к государю, и сел в корету и поехал в дом свой. А Фрол Скобеев пошел на квартиру свою и сказал Аннушке: «Ну, Аннушка, что будет нам с тобою, не ведаю! Я объявил о тебе отцу твоему!»

И столник Нардин-Нащокин приехал в дом свой и пошел в покои, жестоко плачит и кричит: «Жена, жена! Что ты ведаешь, я нашел Аннушку!» И жена ево спрашивает: «Где она, батюшка?» И Нащокин сказал жене своей: «Вор-от, плут и ябедник Фрол Скобеев женился на ней!» Жена ево услышела те от него речи и не ведает, что говорить, соболезнует о дочери своей. И стали оба горко плакать и в серцах своих бранят дочь свою, и проклинают, и не ведают, что чинить над нею. И пришли в память и, сожелея дочери своей, и стали разсуждать з женою: «Надобно послать человека, и сказать, где он, плут, живет, проведать о дочери своей: жива ли она». И призвали человека своего и послали сыскать квартиру Фрола Скобеева,

[1] жене.

и приказывали проведать про Аннушку, что жива ли она, имеет ли пропитание какое.

И пошел человек искать квартиру Фрола Скобеева на двор. И усмотрил Скобеев, что от тестя ево пришел человек, и велел жене своей лечи на постелю и притворить себя, якобы жестоко болна. И Аннушка учинила по воли мужа своего. И присланной человек вошел в покой и отдал, как по обычаю, поклон. И Скобеев спросил: «Что за человек и каку нужду имееш ко мне?» И человек тот сказал, что он прислан от столника Нардина-Нащокина проведать про Аннушку, здравствует ли она. И Фрол Скобеев сказал тому человеку: «Видишь ты, мой друг, какое здравье! Таков ти родителской гнев: видишь, они заочно бранят и кленут, и от того она при смерти лежит. Донеси их милости, хотя б они заочно бранят, благословение ей дали». И человек тот отдал им поклон и пошел от них и пришел к господину своему столнику Нащокину. И спросил ево: «Что нашел ли квартиру и видел ли Аннушку? Жива ли она или нет?» И человек тот объявил, что Аннушка жестоко болна и едва будет ли жива, и требует от вас хотя словесно заочно благословение. И столник и з женою своею соболезновали о ней, токмо разсуждали, что с вором и плутом делать. И мать ея стала говорить: «Ну, мой друг, уже быть так, что владеть дочерью нашею плуту такому, уже так бог судил. Надобно, друг мой, послать к ним образ и благословить их, хотя заочно, а когда сердце наше умилостивитца к ним, то можем и сами видится». Сняли с стены образ, которой обложен был златом и драгим камением, как прикладу[1] всего на 500 рублев, и послали с тем человеком. И приказали сказать, чтоб она сему образу молилас, «а плуту и вору Фролке Скобееву скажи, чтоб он ево не проматал».

И человек, приняв образ, и пошел на двор Фрола Скобеева. И усмотрил Фрол Скобеев, что пришед тот же человек, сказал жене своей: «Встань, Аннушка!» И она встала, и села вместе со Фролом Скобеевым. И человек тот вошел в покои и отдает образ Фролу Скобееву. Приняв образ, поставил где надлежит и сказал тому человеку: «Таково-то родителское благословение! И заочно намерены благословить, и бог дал Аннушке лехче. Слава богу, здрава!» И сказал Фрол Скобеев: «Тако ж и Аннушка благодарит батюшку и матушку за их родителскую милость». И человек пришел к господину своему и объявил об отдани образа, и о здрави Аннушки, и о благодарени их, и пошел в показанное свое место.

---

[1] оклад иконы.

И столник Нардин-Нащокин стал разсуждать и сожелеть о дочери своей и говорил жене своей: «Как, друг, быть? Конечно, плут заморит Аннушку: чем ея кормит, и сам, как собака, голоден. Надобно послать какова запасу на 6 лошедях». И послали запас и при том запасе реэстр. И Фрол Скобеев, не смотря по реэстру, и приказал положить в показанное место. И приказал тем людем за родителские милости благодарить. Уже Фрол Скобеев живет роскочно и ездит везде по знатным персонам. И весма Скобееву удивлялис, что он зделал такую притчину [1] так смело.

И уже чрез долгое время обратились сердцем и соболезновали о дочери своей, тако ж и о Фроле Скобееве. И приказали послать человека к ним, и просил их, чтоб Фрол Скобеев и з женою своею, а сь их дочерью, приехал к столнику Нардину-Нащокину кушать.

И пришел присланной человек и стал просить Фрола Скобеева, чтоб он изволил приехать сей день з женою своею кушать. И Фрол Скобеев сказал человеку: «Донеси батюшку: готов быть сей день к их милости!»

И Фрол Скобеев убрался з женою своею Аннушкою и поехал в дом тестя своего столника Нащокина. И как приехал в дом тестю, и Аннушка пришла к отцу своему; и пала пред ногами родителей своих. И усмотрил Нащокин дочь свою и з женою своею и стали бранить, наказывать гневом своим родителским: и, смотря на нея, жестоко плакали, как она так учинила без воли родителей своих. Однако ж, оставя весь свой гнев родителской, отпустя ей вину, и приказал сесть с собою. А Фролу Скобееву сказал: «А ты, плут, что стоиш? Садись тут же! Тебе ли, плуту, владеть моею дочерью!» И Фрол Скобеев сказал: «Ну, государь-батюшка, уже тому так бог судил!» И сели все вместе кушать. И столник Нардин-Нащокин приказал людем своим, чтоб никого в дом посторонних не пущали. Ежели кто придет и станет спрашивать, что дома ли столник Нащокин, сказывайте, что «время такого нет, чтоб видеть столника нашего, для того зь зятем своим, с вором и плутом Фролкою, кушает». И по окончании стола столник Нардин-Нащокин спрашивал: «Ну, плут, чем станешь жить?» — «Изволишь ты ведать обо мне,— более нечим, что ходить за приказным делам».— «Перестань, плут, ходить за ябедою! Имения имеется, вотчина моя в Синбирском уезде, которая по переписи состоит в 300-х дворех. Справь, плут, за собою и живи постоянно».

---

[1] дело, почин.

И Фрол Скобеев отдал поклон и з женою своею Аннушкой и, пренося пред ним благодарение. «Ну, плут, не кланеися; поди сам справляй за себя!» И, сидев не много время, и поехал Фрол Скобеев и з женою своею на квартиру. Потом столник Нардин-Нащокин приказал ево воротить и стал ему говорить: «Ну, плут, чем ты справишь? Ест ли у тебя денги?» — «Известен, государь-батюшка, какие у меня денги; развы продать ис тех же мужиков!» — «Ну, плут, не продавай! Возми денег — я дам». И приказал дать 300 рублев. И Фрол Скобеев взял денги и поехал на квартиру. И со временем справил тое вотчину за себя и, пожив столник Нардин-Нащокин немного время, и учинил при жизни своей Фрола Скобеева наследником во всем своем движимом и недвижимом имении. И стал жить Фрол Скобеев в великом богатстве. И столник Нардин-Нащокин умре и з женою своею. А Фрол Скобеев, после смерти отца своего, сестру свою родную отдал за некоторого столничьева сына, а которая при них имелас мамка, которая была при Аннушке, содержали ея в великой милости и в чести до смерти ея. Сей истории конец.

ПРИМЕЧАНИЯ

Сборники избранных произведений письменности назывались в древней Руси Изборниками или Цветниками. В изборники включались либо полностью, либо в отрывках разнообразные по содержанию, но объединенные какой-либо единой идеей тексты. Такой же характер носит и эта книга. В нее включены не только произведения повествовательного жанра, но и памятники эпистолярные, произведения деловой письменности, поучения, публицистические тексты. Однако все эти разнообразные сочинения объединяет то, что это наиболее интересные произведения как со стороны литературной, так и потому, что в них ярко отразилось мировоззрение эпохи. Только такая книга и может дать современному читателю представление о широте и многообразии древнерусской литературы. Большинство представленных в нашем сборнике текстов дается в полном объеме. Однако некоторые произведения печатаются в отрывках или в сокращении. В отрывках или с пропусками публикуются либо памятники, носящие составной характер (типа «Повести временных лет», «Киево-Печерского патерика» и т. п.), либо большие по объему произведения, о содержании и характере которых можно составить достаточно полное представление на основе печатаемых из них частей. Во всех этих случаях в примечаниях отмечается, что текст опубликован не полностью и дается характеристика всего произведения в целом. Сокращения текста обозначаются тремя точками.

Все произведения, время возникновения которых можно относить до начала XVI столетия, сопровождаются параллельными древнерусским текстам переводами их на современный русский язык. Произведения XVI и XVII столетий печатаются без переводов, с объяснениями в подстрочных примечаниях и в особом словарике непонятных или имеющих иное семантическое значение, чем в современном языке, слов и выражений. В известной степени это создает определенную трудность для современного читателя, но зато дает ему возможность познакомиться со всей древнерусской литературой в ее оригинальном виде. Все древнерусские тексты

печатаются в упрощенной орфографии: отсутствующие в современном алфавите знаки заменяются соответствующими им современными (і — и, θ — ф и т. д.), Ѣ сохраняется в текстах до XIV в., в памятниках более позднего времени Ѣ заменяется е, ъ и ь внутри слов ставятся в соответствии с написаниями рукописей, по которым издаются тексты, конечное ъ сохраняется (в соответствии с наличием в списках) в произведениях до середины XIII в., сохранившихся в списках ранней рукописной традиции. Принципы выбора текстов, характер вносимых в тексты исправлений и изменений отмечаются в примечаниях.

В примечаниях употребляются следующие сокращения:

БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ — Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.

ОЛДП — Общество любителей древней письменности.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Одно из самых значительных произведений Киевской Руси — начальная русская летопись «Повесть временных лет». Патриотическая возвышенность рассказа, широта политического горизонта, живое чувство народа и единства Руси составляют исключительную особенность «Повести временных лет».

Сложилась «Повесть временных лет» далеко не сразу. Свой окончательный вид она приобрела в первой четверти XII в., но ей предшествовали другие летописи, которые она включила в свой состав.

По-видимому, первое историческое произведение по русской истории было составлено еще при Ярославе Мудром и касалось по преимуществу истории христианизации Руси. Постепенно оно стало дополняться сведениями по светской истории, разрастаться различными вставками и продолжаться в последующие годы. Могут быть отмечены два крупных этапа в развитии летописания XI в.: это летописный свод 1073 года, составлен-

ный монахом Киево-Печерского монастыря Никоном, и так называемый Начальный свод, составленный в 1093 году в том же Печерском монастыре. На основе этого Начального свода 1093 года и была создана в начале второго десятилетия XII в. «Повесть временных лет». По всей вероятности, составителем «Повести временных лет» явился монах Печерского монастыря Нестор. Однако труд Нестора сохранился лишь в переделках и доработках последующих редакторов-летописцев. Эти редакторы, принадлежавшие к другой политической ориентации и к другому, враждебному печерянам, монастырю, изъяли имя Нестора из заглавия летописи. Но в названии одного из списков — так называемом Хлебниковском — имя Нестора все-таки сохранилось: «Нестора, черноризца Федосьева монастыря Печерского». Можно думать, что это не позднейшая вставка, так как еще в XIII в. имя Нестора твердо связывали с созданием «Повести временных лет»: в своем послании к архимандриту Акиндину один из создателей «Киево-Печерского патерика» — Поликарп в числе прочих постриженников Печерского монастыря упоминает и Нестора, «который написал Летописец». Правда, признание Нестора составителем «Повести временных лет» встречало в науке неоднократные возражения. Исследователи ссылались на противоречия, существующие между отдельными сведениями, читающимися в «Повести временных лет» о Киево-Печерском монастыре, и теми, которые даются о том же монастыре в достоверно принадлежащих Нестору произведениях, в частности — в Житии Феодосия. Однако противоречия эти отнюдь не могут свидетельствовать против авторства Нестора: «Повесть временных лет» была, по-видимому, составлена Нестором на двадцать пять лет позднее Жития Феодосия, и противоречащие в ней житию Феодосия места не принадлежат Нестору: они находятся в ней в составе той части, которая целиком была заимствована Нестором из предшествующего летописания.

Первая редакция «Повести временных лет» до нас не дошла. Сохранилась только вторая редакция, представляющая собой некоторую переработку текста Нестора, сделанную в соседнем Выдубицком монастыре его игуменом Сильвестром. Эта редакция лучше всего сохранилась в Лаврентьевской летописи. Именно эта, вторая редакция Лаврентьевской летописи (ГПБ, F, IV, № 2), легла в основу приводимого в данной книге текста «Повести временных лет». Третья редакция, 1118 года, была составлена для сына Владимира Мономаха — Мстислава, по мнению одних исследователей — в Печерском, а по мнению других — в Выдубицком монастыре. В настоящем издании публикуются лишь отдельные сказания из «Повести временных лет».

Стр. 28. *...хровате бѣлии...*— Византийский историк X в. Константин Багрянородный утверждает, что крещеные хорваты, живущие в Далмации, происходят от некрещеных хорватов, именуемых белыми.

Страну этих белых хорватов Константин Багрянородный не совсем точно определяет где-то в соседстве с Баварией и Венгрией, недалеко от Вислы.

Хорутане — словенцы.

...а от тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне.— Польские племена жили в бассейне Вислы и Одера. На севере, к западу от Одера, жили бодричи и лутичи, к востоку до Вислы — поморяне; на востоке — куявы и мазовшане; в центре — великополяне; на юго-западе — силезцы; на юге — малополяне.

Полота — приток Западной Двины.

Семь (Сейм) — приток Десны; *Сула* — приток Днепра.

Стр. 28—30. *...в озеро великое Нево...*— Озеро Нево — Ладожское озеро. Это последнее свое название озеро Нево получило по русскому городу Ладоге (теперь Старая Ладога).

Стр. 30. *...море Варяжьское...*— Балтийское море.

...Понтъ море...— Черное море.

...из Оковьскаго леса...— Судя по этому описанию, Оковский лес находился на водоразделе рек Днепра и Волги, то есть в районе Валдайской возвышенности.

Тѣмъ же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы...— Под болгарами здесь разумеются волжские болгары, Хвалисы — древнерусское название Хорезма (отсюда и «Хвалисское море» или «Хвалынское» — Каспийское море).

...жребий Симовъ ... до племени Хамова.— По библейской легенде, три сына Ноя — Сим, Хам и Иафет (Афет) — стали родоначальниками народов мира. Жители северных и западных стран — потомки Иафета; жители восточных стран — потомки Сима; жители южных стран — потомки Хама.

Онъдрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь...— Рассказ о посещении Русской земли апостолом Андреем хотя и не соответствует действительности, не может, однако, считаться выдумкою самого русского летописца. Отметим, что миссия апостола Андрея в Синопию и в Корсунь (I в. н. э.) известна по греческим «Деяниям» апостола Андрея (она входит в описание последнего — третьего — его путешествия). Синоп — греческая колония на южном берегу Черного моря, впоследствии крупный политический центр Византийской империи. Корсунь — древнерусское название греческой колонии Херсонес в Крыму.

Увозъ Боричевъ.— Боричев подъем соединял центральную часть Киева, расположенную на горе, с Подолом. Где находились поминаемые затем Щековица и Хоривица, установить не удалось.

Стр. 32. *В лѣто 6367.*— В древней Руси до Петра летосчисление велось «от сотворения мира» и началом года считался либо день 1 сентября, либо день 1 марта. От «сотворения мира» до «рождества Христова» считалось 5507—5508 лет (следовательно, дата нашей эры получается, если от

древнерусской даты отнять 5507 или 5508 — в зависимости от того, приходится событие на время до 1 марта или 1 сентября или после, но до 1 января).

...*чюдь*...— племя финно-угорского происхождения на севере Руси; предки эстов (ср. Чудское озеро). Входили в государственное образование Руси. Знатные представители чуди жили в Киеве («двор Чудин» в Киеве) и в Новгороде (Чудинцева улица в Новгороде).

Стр. 34. *И рѣша сами в себѣ: «Поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».*— Легенда о призвании трех братьев-варягов — Рюрика, Синеуса и Трувора — служит главным основанием для построений норманистов, доказывающих происхождение русской государственности со скандинавского Севера. Между тем легенда эта искусственного происхождения, ее историческое зерно отнюдь не достоверно.

Обратим внимание на то весьма важное обстоятельство, что легенда эта на юге Руси рассказывается только в «Повести временных лет». Ни одно другое литературное произведение XI — XIII вв. не знает Рюрика как основателя княжеского рода. В легенде этой отразились новгородские порядки, где князья «призывались» вечем вплоть до 1470 г.

Предание о Рюрике — новгородское, оно связано с местностью под Новгородом, называемой Рюриково городище. Предание о Синеусе — белозерское, где даже в XIX в. показывали «могилу царя Синеуса». Предание о Труворе, возможно, связано с какими-либо местными легендами Изборска. В связи с этим отметим, что Новгород — центр племени новгородских «словен», Изборск — кривичей, Белоозеро же расположено в районе мери. Возможно, что Рюрик, Синеус и Трувор были князьями этих трех племен и не были связаны между собою узами родства. Соединить этих князей узами братства по законам эпического творчества и создать легенду об их призвании, исходя из обычной в Новгороде практики призваний князей, могли и сами рассказчики и летописцы. Легенда о призвании князей-братьев была на руку печерским летописцам, стремившимся утвердить родовое единство всех русских князей. Легенда утверждала династическую унификацию: все князья — члены одной династии, призванной на Русь в качестве мудрых и справедливых правителей. Как представители одного рода, они должны прекратить братоубийственные раздоры: такова мысль киевских летописцев, постоянно проводимая ими в своих летописях. Чем же объяснить, что летописцы, столь последовательно стремившиеся утвердить значение русского народа в мировом историческом процессе, вывели княжеский род из-за моря — от варягов? В традициях ученой средневековой историографии (и на Западе и на Руси) было возводить происхождение правящей династии к иностранному государству. В происхождение французских королей от троян верили даже в XVI в. Многие из своих династий немцы выводили из Рима, швейцарцы — от скандинавов, итальянцы — от германцев. Весьма близкую

к нашему сказанию о призвании варягов легенду передаст историк X в. Видукинд Корвейский (бенедиктинский монах аббатства Корвей в Вестфалии), рассказывающий о призвании саксов Хенгиста и Хорса бриттами со сходной характеристикой своей земли («terra lata et spatiosa»). Сходство этого мотива у различных народов объясняется прежде всего сходными условиями общественного бытия на одинаковых ступенях исторического развития. Вместе с тем и в XI и в XII вв. «варяги» не представляли собой существенной политической силы. С норманского Севера Русскому государству не угрожала более опасность. Поэтому утверждение норманского происхождения княжеского рода не могло, очевидно, казаться летописцам политической угрозой самостоятельности Руси.

Стр. 36. *...Олъминъ дворъ...*— Кто такой был этот Олма — строитель церкви Николы, чей двор находился недалеко от нее,— неясно.

...и греци замкоша Судъ...— Суд (залив Золотой Рог) «запирался» в случае опасности цепью, протягивавшейся между двумя башнями у входа в залив.

Стр. 38. *...Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ...*— По-видимому, Перун принадлежал к числу богов, чей культ покровительствовался государством и носил не узкоместный, а общерусский характер. Волос, «скотий бог», не отмечен в числе богов, культ которых распространял Владимир, но он также, по-видимому, принадлежал к богам не узкоместным, а общерусским: кумиры Волоса стояли в Киеве (на Подоле) и в Новгороде.

...кропиньны...— шелковые; коприна — простой шелк.

Отроци Свѣньлъжи...— Отроки — младшая дружина князя: обычно личные его слуги, вооруженная свита, младшие агенты княжеского управления. Свенельд — воевода Игоря.

Стр. 40. *Изъкоръстѣнь* — город в древлянской земле, сейчас не сохранился, находился недалеко от современного Овруча.

...и кормилець его Асмудъ...— Кормилец — дядька, воспитатель молодого князя, сохранявший некоторое значение и тогда, когда его питомец становился взрослым.

Градъ же бѣ Киевъ, иде же есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ; а дворъ княжь бяше в городѣ, иде же есть нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ...— Все описание старого Киева отличалось большою точностью и наглядностью, но осталось понятным во многих из своих деталей только для современников летописца. В частности, неясно, где помещались дворы Воротислава и Чудина и кто были их владельцы.

...дворъ демьстиковъ...— Деместик — регент церковного хора; он же обычно хранитель церковной или монастырской библиотеки.

...бѣ бо ту теремъ каменъ.— Терем в X—XI вв. представлял собой башенку, граненую или коническую, покрытую шатровой кровлей и поставленную над какой-либо частью дворца. Теремом называлась башня

для входа на хоры Черниговского собора Спаса и такая же башня во Владимирском соборе Успенья. Остроконечный верх терема часто золотился.

Стр. 46. *...царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ...*— Константин Багрянородный сын Льва Философа.

...Великаго Костянтина...— римского императора Константина Великого (ок. 285—337 н. э.).

Стр. 48. *...пардусъ...*— гепард (хищник из породы кошачьих). Дрессированных гепардов на Востоке и реже на Руси употребляли как охотничьих зверей. Летописец сравнил Святослава Игоревича с пардусом, очевидно, за быстроту и легкость его движений.

...козаромъ по щьлягу...— Шьляг — монета, точное значение и происхождение которой не выяснено; по-видимому, польская по происхождению (польское szelą̨g).

...и Бѣлу Вежю взя.— Белая Вежа — Саркел — хозарская крепость; по-видимому, около станицы Цимлянской.

И ясы побѣди и касогы.— Ясы — осетины; касоги — черкесы. Те и другие жили в степях и предгорьях Кавказа. Поселения их заходили в степи значительно севернее, чем в последующее время.

...въ Переяславци...— Переяславец на Дунае, теперь село Преслав у Тульчи, на юг от Дуная.

...печенѣзи...— народ тюркского происхождения, кочевавший в южнорусских степях до середины XI в.

Стр. 50. *...на Лыбеди печенѣзи.*— Лыбедь — речка, протекавшая под Киевом.

Стр. 52. *И поиде Святославъ ко граду...*— «Градом» здесь называется Царьград. Греки часто называли Константинополис просто πόλις, как римляне Рим urbs.

Стр. 56. *...яко по полугривнѣ...*— Гривна — шейное украшение (из серебра или золота) и денежная единица в Древней Руси. Как денежная единица гривна имела форму бруска, а на шею надевалось полукольцо.

Стр. 58. *Не хочю розути робичича...*— Сыном рабыни («робичичем») Владимир назван потому, что его мать Малуша была ключницей у Ольги. Рогнеда отказывается выйти замуж за Владимира и употребляет при этом образное выражение: разувание мужа в знак покорности новобрачной было частью свадебного обряда.

...а Туры Туровь...— Тур — легендарный родоначальник князей Турова (современный Туров в Гомельской области).

...и стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи, межю Дорогожичемъ и Капичемъ...— Дорогожич — урочище между Киевом и Вышегородом, но ближе к Киеву, приблизительно там, где впоследствии был выстроен монастырь Кирилла (XII в.). Капич — урочище, местоположение которого неясно.

Стр. 62. *Иде Володимеръ на Болгары...*— Неясен вопрос, на каких болгар ходил Владимир походом: на волжских или на дунайских. В пользу первых свидетельствует древняя «Память и похвала» Владимиру, где говорится о походе Владимира на «серебряных» (то есть волжских) болгар. Однако упоминание двойного пути — в ладьях и на конях — свидетельствует скорее о походе против дунайских болгар (идти в ладьях на волжских болгар было нельзя).

...а торъкы берегомъ приведе...— Торки (народ тюркского происхождения) появились в южнорусских степях только в середине XI в. Позднее торки часто выступали как союзники русских. По-видимому, вместе с Владимиром выступили какие-то вспомогательные печенежские войска; их и назвал летописец, работавший во второй половине XI в., «торками».

...а мы вѣруемъ единому богу Аврамову, Исакову, Яковлю.— Авраам, его сын Исаак и сын Исаака — Иаков (названный также Израилем, то есть «богоборцем») — легендарные предки евреев.

Стр. 64. *...служать бо опрѣсноки...*— Во время католического богослужения (литургии) употребляются лепешки из неквашеного теста, называемые «опресноки».

И нача философъ глаголати сице...— Вся последующая за тем обширная «речь философа» представляет собою изложение легендарных «исторических» судеб человечества от «сотворения мира» и «падения» первого человека Адама до жизни Иисуса Христа и его учеников включительно с кратким изложением грядущего конца мира и «Страшного суда». В тексте «речи философа» имеются некоторые расхождения с Библией, объясняемые тем, что автор «речи» пользовался апокрифами, устными легендами и т. д.

Стр. 66. *И призваша я царя Василий и Костянтинъ...*— Императоры-сопровители: Василий II Болгаробойца (976—1025) и его брат Константин VIII (976—1028).

Стр. 74. *Иде Володимиръ на Хорваты.*— О том, кто такие эти хорваты, см. прим. на стр. 701—702.

Стр. 78. *Медуша* — помещение для хранения меда.

Латки — глиняные сковороды с высокими краями и полой ручкой, в которую при посадке в печь и при вынимании из печи вставлялась палка. Употреблялись обычно для жарения и печенья.

Корчаги — в древней Руси употреблялись обычно для хранения вина. Это были большие глиняные сосуды с одной или двумя ручками.

Стр. 82. *...вложити рубль въ уста...*— Рубль — обрубок какого-либо металла. По-видимому, Янь давал этим понять волхвам, что они приговорены к смерти, так как рубль в некоторых случаях вкладывался в рот покойнику.

Придоша Святополкъ, и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичь, и Василко

Ростиславичь, и Давыдъ Святославичь, и брат его Олегъ...— Этими словами начинается обширное и связное историческое повествование, в центре которого стоит злополучная судьба Василька Ростиславича. По-видимому, оно представляло собой отдельное сказание и лишь вставлено летописцем в свой труд. Автор сказания говорит о себе в первом лице. Это некто Василий, выполнявший дипломатические поручения и составивший свое сказание отчасти со слов самого Василька Ростиславича. Во всяком случае, никто, кроме самого Василька, не мог указать Василию с такою точностью обстоятельства ослепления и эпизод в пути с окровавленной сорочкой Василька.

...и сняшася Любячи...— По-видимому, речь идет не о городе Любече близ Чернигова, а о поселке около Киева на левом берегу Днепра у озера Подлюбского.

Теребовль — город на Гнездне, левом притоке Серета.

Стр. 84. *...на Рудици...*— Где помещалась Рудица — неясно.

Стр. 88. *Погорина* — побережье реки Горыни.

ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ

Житие Феодосия — инока, а затем игумена Киево-Печерского монастыря — написано в 80-х годах XI в. монахом той же обители — Нестором. Жизнеописание святого, как того требовал жанр произведения, должно было содержать ряд традиционных ситуаций: будущий святой рождается от благочестивых родителей, с детства отличается «прилежанием» к церкви, бежит от радостей и соблазнов «мирской» жизни, а, став монахом, являет собой образец аскета и подвижника, успешно борется с кознями дьявола, творит чудеса. Все это имеется и в Житии Феодосия. Но в то же время оно привлекает нас обилием ярких картин мирского и монастырского быта Киевской Руси. Сам Феодосий, в прошлом смиренный нравом отрок, терпеливо сносивший побои матери и издевательства сверстников, становится деловитым хозяином монастыря и политиком, смело вмешивающимся в княжеские распри. Мать Феодосия, вопреки христианскому благочестию, которым, по агиографическому канону, наделяет ее автор, упорно борется со стремлением сына «датися богу». Монахи Киево-Печерского монастыря, те, о ком летописец говорил, что они «сияют и по смерти яко светила», предстают перед нами вполне земными людьми: они с трудом примиряются с суровым монастырским уставом, далеко уступают своему игумену в трудолюбии, смирении и благочестии. Даже в описаниях чудес и видений Нестор, преодолевая агиографические штампы, умеет найти выразительные детали, создающие иллюзию достоверности изображаемого. Литературное мастерство Нестора снискало большую популярность Житию Феодосия.

Житие печатается в отрывках по древнейшему его списку (в составе Успенского сборника XII в.), изданному в 1899 г. А. А. Шахматовым и П. А. Лавровым; исправления внесены по списку ГПБ, Q, п. 1, № 31.

Стр. 92. *Васильевъ* — ныне Васильков, город южнее Киева. Впоследствии родители Феодосия переехали в Курск.

...Феодосиемь того нарицаеть.— В переводе с греческого «Феодосий» означает — данный, посвященный богу.

Стр. 94... *пастуха ... словесныхъ овьць...*— Традиционные в древнерусской книжности метафоры: священник, игумен — «пастух», «пастырь»; прихожане или монахи — «стадо», «словесные (то есть разумные) овцы».

Стр. 102. *...о блаженьмь Антонии...*— Антоний — монах, поселившийся в окрестностях Киева, в пещере. Позднее на этом месте возник Киево-Печерский монастырь.

...великому Никону...— Никон — монах, живший в пещере с Антонием. Полагают, что это постригшийся под именем Никона бывший киевский митрополит Иларион.

Стр. 106. *...святыихъ мясопущь...*— Мясопуст — воскресение за 56 дней до Пасхи, канун масленицы.

Стр. 108. *...до врьбьныя недѣля...*— Вербная неделя — шестая, последняя неделя великого поста.

...въ сопѣли сопущемъ...— Сопело — музыкальный инструмент типа свирели.

Стр. 112. *...великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книгы...*— Никону принадлежит так называемый «Киевский летописный свод», над которым он работал в монастыре в 1068—1073 гг. (см. стр. 700—701). Возможно, этот факт и нашел отражение в Житии.

...къ христолюбьцю князю Изяславу...— Изяслав Ярославич, киевский князь с 1054 по 1073 г. (с перерывом в 1068—1069 гг., когда княжил Всеслав), покровительствовал монастырю.

Стр. 118. *...гривьну злата...*— Гривна — см. прим. на стр. 705. Здесь речь идет, возможно, о золотом слитке достоинством в одну золотую гривну.

Стр. 124—126. *...посль же положи душю свою за брата своего...*— Изяслав Ярославич погиб в 1078 г. в битве при Нежатиной Ниве, выступив на помощь своему брату Всеволоду (см. прим. на стр. 711).

Стр. 128. *...дъвьма брань съторити на единого старьшаго...*— В 1073 г. братья Изяслава, Святослав и Всеволод, изгнали его из Киева. Киевским князем стал до своей смерти в 1076 г. Святослав.

Стр. 130. *...въ область свою.*— Всеволод был князем Переяславля Южного.

...и яко отьця си и брата старьшаго прогънавъша.— Видимо, намек на завещание Ярослава Мудрого, который, согласно летописи, ска-

зал: «Се же поручаю в собе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу — Киев, сего послушайте, яко же послушасте мене, да той вы будеть в мене место».

Стр. 132. *...другыя же оръганьныя гласы поющемъ, и инѣмъ замарьныя пискы гласящемъ...*— Органы — металлические ударные инструменты; замры (?) — видимо, название духового инструмента.

Стр. 134. *...иде же бѣ манастырь съставилъ...*— В 1062 г., спасаясь от гнева Изяслава, недовольного постриженнем в монахи своего боярина Варлаама, Никон бежал из Киева в Тмуторокань и основал там монастырь. В 1073 г. в знак протеста против изгнания Изяслава Никон снова отправляется в Тмуторокань.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125) — один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г.— киевским. Всю жизнь провел в борьбе с половцами, против которых организовал несколько походов объединенных сил русских князей. Законодательным путем несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, поощрял летописание и литературную деятельность.

«Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. В ней оно искусственно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях (Ипатьевской, Радзивилловской и др.) текст, разделенный в Лаврентьевской летописи «Поучением», читается без всякого разрыва и «Поучение» отсутствует. «Поучение» — одно из выдающихся произведений древнерусской литературы. По поводу того, когда оно было написано, существует большая литература и большие расхождения во взглядах. Вероятнее всего, оно написано в 1117 г. Печатается по Лаврентьевской летописи (ГПБ, F, IV, № 2) с незначительными исправлениями описок.

Стр. 146. *...наречный въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ...*— Два имени — одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское» или «княжеское»,— обычны в среде русских князей XI — XIII вв., а отчасти и позднее.

...Мьномахы...— Владимир, очевидно, был назван Мономахом в честь византийского императора Константина IX Мономаха. Мать Владимира была гречанкой из императорского рода. (Вслед за словом «Мономахы» в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки.)

Сѣдя на санех...— Это выражение следует понимать как образное. Оно может иметь значение: «в преклонных годах», «на краю смерти». Значение его основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая.

...дѣти мои, или инъ кто...— Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение.

...братья моея...— Здесь разумеются двоюродный брат Мономаха Святополк Изяславич и Святослав Давыдович.

...Ростиславича... — Рюрик Ростиславич, Володарь Ростиславич Перемышльский и Василько Ростиславич Теребовльский.

...вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я́, и то ми ся выня...— Псалтырью называется одна из книг Библии, представляющая собой собрание ста пятидесяти псалмов: песнопений, исполнявшихся в библейские времена под аккомпанемент струнного музыкального инструмента псалтыри, по имени которого и получила свое название эта книга Библии. Основная часть псалтыри приписывается библейскому царю Давиду. Псалтырью часто пользовались в древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтырного текста. Гадающий раскрывал наугад псалтырь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.

Стр. 148. *Яко же бо Василий учаше...*— Василий Великий (Кесарийский; ок. 330—379). «Поучение» Василия Великого было известно на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.

Стр. 152. *...как птица небесныя изъ ирья идуть...*— По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) — в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа.

Стр. 154. *...яко же бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ...*— Какие именно языки знал отец Мономаха — Всеволод Ярославич,— мнения расходятся. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков. Об этом помнили и этим восторгались в Европе ученые даже в XVI и XVII вв.

Стр. 156. *Вятичи* — жили по Оке и по Десне. Водный путь в Ростов лежал по Днепру и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. не малую опасность.

...со Ставкомь с Гордятичемъ...— Нигде в других случаях этот Ставко более в летописях не упоминается.

Берестье — ныне Брест.

Володимерь — город Владимир Волынский.

...идохъ Переяславлю отцю...— к отцу в Переяславль Южный (княжение отца Мономаха — Всеволода).

Сутейск.— Где был Сутейск — неясно. Урочищ со сходными названиями имеется несколько.

...за Глоговы до Чешьскаго лѣса...— Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. Глогова — Глогау на Одере.

...дѣтя... старѣйшее новгородьское.— Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. В Новгороде Мстислав княжил с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

И Святославъ умре...— Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г.

...Глѣбови в помочь...— в помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г.

Одрьскъ.— Где был город Одреск — неясно.

...на Краснѣмь дворѣ...— Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами.

...и побѣдихомъ Бориса и Олга.— Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича («Гориславича») (см. также прим. на стр. 720). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговцами».

Обровъ — урочище в Переяславском княжестве, но неясно где.

...до Лукамля и до Логожьска — города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

...князи Асадука и Саука...— Асадук — это, по-видимому, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке. Утверждать это с достоверностью нельзя.

Стр. 158. *...за Новымъ Городом* — за Новгородом Северским.

...силны вои Белкатгина...— Кто такой Белкатгин — неизвестно.

...а семечи и полонъ весь отяхом.— Кто такие «семичи» — неизвестно (жители по реке Семи?).

...на Ходоту...— Ходота — князь вятичей. Более о нем ничего не известно.

...ко Корьдну...— Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его неясно.

...по Изяславичихъ...— По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке — сыновьях Изяслава Ярославича), а о Рости-

славичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Василько Ростиславиче Теребовльском).

Микулинъ — город в Галицкой области на реке Серете.

Броды — город на границе Руси с Польшей в Волынской земле.

Хоролъ — приток Псела.

Горошинъ — город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке на юго-запад от Хорола.

Супой — левый приток Днепра, впадает в Днепр ниже Переяславля Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра — *Сула*. Супой и Сула — пограничные с половецкой степью реки.

Прилукъ — город в Переяславском княжестве. В некоторых списках «Повести временных лет» Прилуком называется город Переволочна.

...только семцю яша одиного живого...— Что означает слово «семца» — неясно (может быть,— младший член семьи, слуга).

...к Бѣлѣ Вежи...— Здесь, очевидно, имеется в виду город Белая Вежа на реке Остре.

Святославль.— Местоположение Святославля неясно.

Гюргевъ (Юрьев) — город на реке Роси.

Ростислав — Ростислав Всеволодович, брат Мономаха.

Варин.— Где находился Варин — неясно.

Володимерь — Владимир Волынский.

...и Ярополкъ умре.— Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г.

...по отни смерти...— Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

Халѣпъ — село Халепье недалеко от Стугны.

...у Гльбовы чади...— Интересно, что знатный половец носит русское имя. Русские имена у половцев встречаются неоднократно.

...на святаго Бориса день...— Память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля.

Стр. 160. *Римовъ* — город на Суле.

Голтав — город в Переяславском княжестве при впадении реки Голтавы в Псел.

Вороницы.— Местоположение Вороницы неясно.

...гонихом по Боняцѣ, но... убиша...— Место это испорчено в тексте и неясно.

...Гюргева мати умре...— жена Мономаха. Она названа так по имени последнего, младшего сына Мономаха — Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Гаральда, разбитого в 1066 г. в битве при Гастингсе с норманами Вильгельма Завоевателя. Дочь Гаральда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г.

Кснятин — город на правом берегу Сулы.

Уруба — половецкий князь.

...ходихом к Воиню...— Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр.

И к Выреви...— Выра — селение на реке Выре.

Ромен — город на реке Суле.

...на Ярославця...— Речь идет о походе на Ярославца Святополковича во Владимир Волынский.

А всьх путий 80 и 3 великих...— В своем «Поучении» Мономах перечислил не все восемьдесят три «великих» похода, а только шестьдесят девять. О том, сколько было меньших «путей» (походов), дает отчасти представление упоминание Мономаха о ста своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями.

Стр. 162. *...Таревьскый князь Азгулуй...*— Что такое «таревский» — неизвестно.

...лютый звѣрь...— Что такое этот «лютый зверь» — неясно.

Бирич — глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

Стр. 164. *О многострастный...*— Этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гориславичу» из «Слова о полку Игореве»), написанное, по-видимому, в 1096 г. Поводом к переписке Мономаха и Олега послужило убийство младшего сына Мономаха — Изяслава в битве с Олегом. Вняв совету своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич, Мономах послал это письмо Олегу со словами примирения.

...дѣтя мое и твое...— По-видимому, Изяслав был так же, как и Мстислав, крестным сыном Олега.

Стр. 166. *...а сноху мою послати ко мнѣ...*— Кто была сноха Мономаха — вдова его сына Изяслава — неизвестно.

...сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь...— Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

...хлѣбъ ѣдучи дѣдень...— феодальный термин, означающий сидеть в своем родовом уделе; в данном случае этот последний — Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

...а ты сѣдиши в своемъ...— в уделе Муромо-Рязанском.

Стр. 168. «*Премудрости наставниче...*» — Этими словами начинается новое произведение — молитва. Она приписывается Мономаху постольку, поскольку Мономаху же принадлежат первые два произведения — «Поучение» и письмо к Олегу Святославичу. Общее настроение этой молитвы отчасти навеяно покаянным каноном Андрея Критского. Град, упоминаемый в этой молитве,— Киев, покровительницей которого считалась богоматерь.

ДЕВГЕНИЕВО ДЕЯНИЕ

«Деяние прежних времен храбрых человек» или, как принято его называть, «Девгениево деяние»,— древнерусский перевод византийской эпической поэмы X—XI вв. о подвигах богатыря Дигениса, прозванного акритом. Акриты — воины-пограничники, охранявшие рубежи Византии от набегов соседних народов; и слово «акрит» являлось в те времена символом могучего и безмерно храброго воина. Первоначальный текст византийской поэмы не сохранился: в списках XVI — XVII вв. дошли до нас лишь его поздние переделки. Русский же перевод был сделан, по-видимому, еще в Киевской Руси и восходит, таким образом, к древней версии поэмы. Но перевод этот сохранился только в поздних списках середины XVII — XVIII вв., из которых лишь один (Тихонравовский) отражает древнейшую русскую редакцию перевода.

Публикуется текст Тихонравовского списка (ГБЛ, Собр. Тихонравова, № 399, 1740-х гг.) по его воспроизведению в книге В. Д. Кузьминой «Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек)», М. 1962. Начало главы «О свадьбе Девгееве» (до слов: «Видев же Стратиговна...») печатается по другому списку (ГПБ, собр. Титова, № 436, сер. XVIII в.). Публикуемые списки содержат много описок и искажений, поэтому в текст внесены поправки, предложенные В. Д. Кузьминой, М. Н. Сперанским и А. И. Стендер-Петерсеном. Отдельные поправки предложены в настоящем издании.

Стр. 174. *...яко червец...*— Червец — красная краска, добываемая из моллюска.

Стр. 176. *...сухим златом...*— золотыми пластинками или золотыми нитями.

...поиде ко Стратигу.— Стратиг (греч.) — военачальник, полководец. Здесь же это слово выступает как личное имя. Соответственно и дочь его, в греческом тексте носящая имя Евдокии, именуется Стратиговной.

Стр. 178. *...жития сего 36 лет.*— Девгению было предсказано, что, женившись на амазонке Максимо (в русских текстах — Максиме), он проживет 16 лет, а женившись на Стратиговне — 36 лет.

Стр. 180. *...чего ради раждающе.*— Текст испорчен.

Стр. 186. *...токмо знамение свое возложу на вас.*— Видимо, речь идет о ранении лица, как символе бесчестия (ср. клеймение рабов).

Стр. 190. *...Филипапе стрыю...*— Филипапа (Филопапа) — атаман апелатов (разбойников), вместе со своими сподвижниками — Киннамом и Иоанникием — и с помощью амазонки Максимо пытался победить Девгения (об этом рассказывается в греческих текстах «Девгениева деяния»). Почему Филипапа именуется здесь стрыем (то есть дядей Девгения по отцу) — неясно.

...Василия царя.— Возможно, здесь имеется в виду византийский император Василий I (867—886 гг.), а столкновение с ним Девгения — эпическое переосмысление борьбы императора с павликианами — еретическим движением, опиравшимся на широкие массы крестьянства и городских низов.

Стр. 192. *...срам в неисполнении...*— Далее текст испорчен.

Стр. 194. *И ...единаго.*— Текст испорчен.

А на Канама со Иаакимом...— См. прим. на стр. 714.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

«Слово» было открыто в начале 90-х гг. XVIII в. в составе рукописного сборника конца XV или XVI в., приобретенного известным коллекционером древнерусских рукописей А. И. Мусиным-Пушкиным в Ярославле. С этой рукописи был сделан список «Слова» для Екатерины II, а в 1800 г. появилось и издание «Слова», тщательно для своего времени подготовленное виднейшими архивистами своего времени: Н. Н. Бантыш-Каменским и тем же А. И. Мусиным-Пушкиным. В московском пожаре 1812 г. погиб дом А. И. Мусина-Пушкина со всем его ценнейшим собранием рукописей, в числе которых были и другие уникальные, как, например, знаменитая Троицкая летопись конца XIV в. Как и во всякой древнерусской рукописи, отстоящей от своего оригинала на несколько веков, в погибшей рукописи было много темных, неясных мест. Некоторые неясности внесены и самими издателями, которые, несмотря на всю свою осторожность, не имели, по условиям своего времени, достаточно ясного представления о древнерусском языке, иногда путали князей и события. Поэтому филологи упорно трудятся в течение полутора веков над разъяснением темных мест «Слова» и восстановлением испорченных мест.

«Слово» написано в конце XII в.— вскоре после похода Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев 1185 г. Большинство древнерусских исторических повестей писалось также вскоре после событий, а потом только перерабатывались и вводились в таком переработанном виде в крупные исторические компиляции: летописи, хронографы, разного рода исторические сборники. «Слово» тоже носит следы свежего впечатления от событий. В числе живых в «Слове» упоминается галицкий князь Ярослав Владимирович («Осмомысл»), умерший 1 октября 1187 г.

Поход, о котором рассказывает «Слово», начался в конце апреля 1185 г. В нем приняли участие двоюродные братья киевского князя Святослава — новгород-северский князь Игорь Святославич с сыном и племянником и князь трубчевский и курский Всеволод Святославич («Буй Тур»). Закончился поход страшным поражением. Войско было почти все уничтожено, Игорь Святославич ранен и захвачен в плен. Такое поражение было первым. Русские князья еще никогда не попадали в плен,

Поражение 1185 г. и послужило автору «Слова» для горьких раздумий о судьбах Русской земли и для страстного призыва к князьям объединиться и защитить Русскую землю.

Об идейной стороне «Слова» и о его художественной форме накопилась огромная литература. В этом произведении очень сильна фольклорная основа и, вместе с тем, оно тесно связано с книжностью своего времени. Это произведение лирическое и эпическое одновременно. В нем еще чувствуется та неопределенность в жанре, которая была типична для XI и XII вв., когда жанровая система русской литературы не успела отстояться. Поэтичность «Слова» захватила многих русских поэтов. Переводы «Слова» делали виднейшие поэты. В русской поэзии неоднократны отражения образов «Слова», его мотивов, типичных для «Слова» метафор, приемов речи и т. п. «Слово» вошло не только в литературу,—оно послужило темой музыкальных произведений, живописных композиций и т. д.

Художественная высота «Слова» соответствует художественной высоте русской живописи того же времени (иконы XII в., фрески в храмах Киева, Новгорода, Владимиро-Суздальской Руси, Пскова и пр.), архитектуры (Покров на Нерли, Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде, собор в Юрьеве Польском и мн. др.). Замечательные ораторские произведения Кирилла Туровского (конец XII в.) также свидетельствуют о высоте русской культуры перед нашествием татаро-монголов.

«Слово» в сильнейшей степени повлияло на памятник XV в. «Задонщину». Через «Задонщину» оно повлияло и на многие другие памятники XV—XVII вв., но само «Слово» было слишком трудно для понимания и мало интересовало уже по своей теме, так как поражение 1185 г. не казалось событием, достойным читательского внимания. Поэтому-то оно и сохранилось в одном единственном списке. Впрочем, в единственном списке сохранилось не только «Слово о полку Игореве»,— так же дошли до нас «Поучение» Владимира Мономаха, «Повесть о Горе-Злочастии» и мн. др.

Стр. 196. *Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова.*— Игорь Святославич (1151—1202) с 1179 г. князь небольшого города на восточной окраине черниговской земли — Новгород-Северского. Сын черниговского князя Святослава Ольговича. В 1198 г., после смерти Ярослава Всеволодовича Черниговского, стал князем в Чернигове.

...трудныхъ повѣстии...— По-древнерусски слово «труд» означало не только работу, но и подвиг, а также заботу, страдание, скорбь, горе (ср. ниже: «синее вино съ трудомь смѣшено»), боль, болезнь, недуг.

Боянъ.— Из упоминаний в «Слове» князей, которым пел «славу» Боян, можно заключить, что он жил во второй половине XI в.

...растькашется мыслию по древу...— Образ этот не народно-поэтический, а книжный. В дальнейшем автор «Слова» говорит о «мысленом древе» (см. стр. 198), и опять-таки, как и здесь, характеризуя поэтическую

манеру Бояна. Отдельные книжные, риторические, искусственные выражения встречаются по преимуществу в начале «Слова».

...старому Ярославу...— Киевский князь Ярослав Владимирович Мудрый (ум. в 1054 г.). При нем еще сохранялось в основном политическое единство Руси.

...храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми...— Мстислав Владимирович Великий, князь черниговский и тмутороканский, брат Ярослава Мудрого (ум. в 1036 г.). В «Повести временных лет» под 1022 г. рассказывается о его единоборстве с касожским князем Редедею. *Касоги* — племя, населявшее область Северного Кавказа.

...красному Романови Святъславличю.— Роман Святославич, князь тмутороканский, внук Ярослава Мудрого. Был убит половцами в 1079 году.

...отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря...— то есть от Владимира I Святославича (ум. в 1015 г.) до Игоря Святославича Новгород-Северского. Автор «Слова» постоянно обращается от современных ему событий к событиям прошлого и охватывает русскую историю больше чем за полтора столетия.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.— Речь здесь идет о затмении солнца 1 мая 1185 г.

Стр. 196—198. *...копие приломити...*— Выражение, означавшее: «вступить в единоборство», «начать битву».

Стр. 198. *...а любо испити шеломомь Дону.*— Выражение «испить шлемом из реки» нередко встречается в древнерусской письменности в одном и том же значении победы. Ср. в летописи: «Тогда Володимер Мономах пил золотом шеломом Дон, и приемшю землю их всю» (Ипатьевская летопись под 1201 г.).

...рища въ тропу Трояню...— Троян упоминается в «Слове» еще три раза: «были вѣчи Трояни», «на землю Трояню» и «на седьмомъ вѣцѣ Трояни». Ученые по-разному определяли, кто такой был Троян. По-видимому, Троян здесь языческий бог (бог Троян упоминается в памятниках древнерусской письменности). Если это так, то в «Слове о полку Игореве» выражение «рища въ тропу Трояню» означает «носясь по божественным путям»; «были вѣчи Трояни» означает «были века язычества»; «на землю Трояню» означает «на Русскую землю» (именно в этом же смысле русский народ называется ниже в «Слове» «Даждь-Божьим внуком»); «на седьмомъ вѣцѣ Трояни» означает «на последнем веке язычества».

...того внуку...— внуку Олега.

...Велесовь внуче...— О Велесе см. прим. на стр. 704.

Сула (левый приток Днепра, южнее Киева) — была наиболее близкой и опасной к Киеву границей Половецкой степи.

...въ Новѣградѣ...— Здесь имеется в виду Новгород-Северский.

...въ Путивлѣ...— Путивль — небольшой город Новгород-Север-

ского княжества в нижнем течении реки Сейма, на юге от Новгород-Северского, по пути в степь. В нем княжил сын Игоря Святославича — Владимир.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода.— Всеволод — родной брат Игоря Святославича, князь трубчевский и курский (ум. в 1196 г.).

Буи Туръ.— Тур (первобытный бык, зубр) в древней Руси был символом мужества и силы.

...свистъ звѣринъ въста...— Из зверей свистят только степные зверьки — байбаки и суслики. Звери эти свистят обычно, когда светло. Поэтому фраза «свистъ звѣринъ въста» означает, что наступило утро.

...збися Дивъ, кличетъ врьху древа...— Слово «див» не получило общепризнанного объяснения. Большинство исследователей считает «дива» мифическим существом (чем-то вроде лешего или вещей птицы).

...и Посулию, и Сурожу, и Корсуню...— Посулие — пограничная с Половецкой степью область по реке Суле. Город Сурож — ныне Судак в Крыму, важный торговый центр. Корсунь — греческая колония Херсонес в Крыму (недалеко от нынешнего Севастополя).

...и тебѣ, Тьмутораканьскыи блъванъ.— Тмуторокань находилась в районе нынешней Тамани, на северном берегу Черного моря. В XI в. Тмуторокань была русским княжеством, подвластным черниговским князьям. Вот почему Игорь Святославич рассматривал Тмуторокань как «отчину» (наследственный удел) черниговских князей и конечной целью своего похода ставил возвращение Тмуторокани из-под владычества половцев, которыми она была отторгнута от Руси во второй половине XI в. «Блъванъ» — по-видимому, идол, столп, статуя. Около Тамани до XVIII столетия стояли две огромные статуи божеств Санерга и Астарты, воздвигнутые в III в. до нашей эры. Возможно, что речь идет об одной из таких статуй.

Паволоки и *оксамиты* — шелковые ткани, выделывавшиеся в Византии и высоко ценившиеся всюду в Европе. Особенно ценился оксамит (вернее — гексамит, что по-гречески означает «шестинитчатый»).

Орьтъмами и япончицами, и кожухы...— Орьтма — покрышка, попона, покрывало. Япончица — накидка, плащ. Кожух — верхняя одежда, подбитая мехом (иногда дорогим) и крытая дорогими тканями.

Чрълена чолка — бунчук; конский хвост, выкрашенный черленью (красной краской), на древке, служивший знаком власти.

Стружие — по-видимому, древко копья.

Стр. 200. *Гзакъ... Кончакъ* — половецкие ханы. Особенно энергичным противником русских постоянно выступал хан Кончак Отрокович, неоднократно ходивший на Русь походами.

...хотятъ прикрыти 4 солнца...— В походе, кроме Игоря и его брата Всеволода, участвовали: Святослав Ольгович Рыльский (племянник Игоря и Всеволода) и Владимир (сын Игоря).

...на рѣцѣ на Каялѣ...— Каяла неоднократно упоминается в «Слове» как место поражения Игоря. Какая река называлась в XII в. Каялой, точно не установлено. По-видимому, это река Макатиха вблизи Торских озер, впадающая в реку Голую Долину. Но, может быть, это аллегорическая река скорби — «каяния».

Се вѣтри, Стрибожи внуци...— Стрибог — один из языческих русских богов. По-видимому, бог ветра.

...мечи харалужными.— Неоднократно встречающееся в «Слове» прилагательное «харалужный» и существительное «харалуг», по-видимому, означают «булатный», «булат». Происхождение слов «харалуг», «харалужный» остается до сих пор неясным.

...Оварьскыя...— Овары известны в «Повести временных лет» под именем «обров». Летописец отмечает полное исчезновение этого племени («погибоша аки обры») в IX в. Следовательно, «оварский шлем» — шлем особого типа, продолжавший изготовляться и употребляться в иной, не оварской этнической среде.

...отня злата стола...— Князь Всеволод Святославич был сыном Святослава Ольговича (ум. в 1164 г.), князя черниговского. В 1185 г. черниговский стол занимал Ярослав Всеволодович.

...красныя Глѣбовны...— Ольга Глебовна — жена Всеволода Святославича, дочь Глеба Юрьевича, внучка Юрия Долгорукого.

Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были плъци Олговы, Ольга Святъславличя.— В связи со сказанным выше о Трояне как о древнерусском языческом боге (см. прим. на стр. 717), это место следует понимать как указание автора «Слова» на три этапа русской истории: языческие времена, Ярославово время, как время христианской и единой Руси, и время междоусобий Олега. *...плъци Олговы...*— братоубийственные войны Олега Святославича («Гориславича») — родоначальника черниговских Ольговичей (см. прим. на стр. 720).

...тои же звонъ слыша давныи великыи Ярославь, а сынъ Всеволожь Владимиръ...— Это место в дошедшем до нас тексте «Слова» испорчено. Восстанавливаем его здесь предположительно. Ярослав Мудрый и Владимир Мономах в летописях XII — XIII вв. часто упоминаются как идеальные старые князья — представители единой Руси, подобно тому как Олег Святославич — обобщающий образ князя-крамольника. Ярослав уже «слышал» шум княжеских раздоров (ему приписывается завещание, в котором он предостерегает наследников от братоубийственных войн).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе...— Борис Вячеславич — внук Ярослава Мудрого, союзник Олега Святославича. Погиб в битве с Изяславом Ярославичем и Всеволодом Ярославичем близ Чернигова, «у села на Нежатиной Ниве», в 1078 г.

...на Канину...— По-видимому, это река, протекавшая около Чернигова; она однажды упоминается в Ипатьевской летописи под 1152 г.

...зелену паполому постла...— Паполома — погребальное покрывало, обычно черного цвета.

Съ тоя же Каялы Святоплъкь полелъя отца своего...— Отец Святополка Изяславича, Изяслав Ярославич, был убит в 1078 г. в той же битве на Нежатиной Ниве, где был убит и Борис Вячеславич. Софийская первая летопись, как и «Слово о полку Игореве», указывает место погребения Изяслава в киевском храме Софии.

...полелъя ...между угорьскими иноходьцы...— Иноходцев (лошадей, выдрессированных бежать особым аллюром) использовали при перевозке на носилках раненых и мертвых. Носилки прикреплялись длинными шестами к двум иноходцам, бегущим гуськом — друг за другом.

...при Олзъ Гориславличи...— то есть при Олеге Святославиче (ум. в 1115 г.), родоначальнике князей Ольговичей, принесшем много горя Русской земле своими войнами против Владимира Мономаха и постоянным наведением на Русскую землю своих союзников — половцев. Это-то принесенное русскому народу Олегом горе и вызвало его прозвище— Гориславич.

...Даждь-Божа внука...— Даждь-Бог — один из русских языческих богов. Под внуком Даждь-Бога имеются в виду русские.

Стр. 202. *...Игорь плъкы заворочаетъ...*— Здесь намек на обстоятельства пленения Игоря: Игорь погнался за побежавшими полками ковуев, чтобы повернуть их, отдалился от своего войска и был взят в плен.

За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Рускои земли, смагу людемъ мычючи въ пламянъ розъ.— По-видимому, Карна — олицетворение кары и скорби (от древнерусского слова «кара», «карание», «карьба»). Жля — то же, что и «желя», плач по убитым. Смага — огонь, пламя, сухость, жар. Здесь, возможно, имеется в виду какой-либо погребальный обычай.

...отецъ ихъ Святъславь...— Речь идет о Святославе Всеволодовиче Киевском, двоюродном брате Игоря и Всеволода Святославичей. Отцом Игоря и Всеволода Святослав назван как их феодальный глава.

...Святъславь грозныи великыи Киевскыи... наступи на землю Половецкую... А поганаго Кобяка..., яко вихръ, выторже, и падеся Кобякъ... въ гридницъ Святъславли.— Поход Святослава 1184 г. (по другим источникам 1183 г.) был действительно очень большим и успешным, но в «Слове» он все же гиперболизирован, чтобы подчеркнуть различие между этим походом и походом Игоря. В 1184 г. был захвачен в плен хан Кобяк. Помещения гридниц часто использовались для заключения пленных.

Уныша бо градомъ забралы...— Забралы городских стен — это их верхняя часть, переходы, где сосредоточивались защитники во время осады. В более узком значении — это бруствер, защищавший находившихся на верху стен воинов.

Стр. 204. *...сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великыи женчюгь на лоно...*— В народных поверьях, видеть во сне жемчуг считалось

предвестием слез. В народной поэзии — символ слез. Толковины — союзники, кочевые языческие народы, находившиеся на службе у русских.

Уже дьскы безъ кнѣса в моемъ теремѣ златовръсѣмъ.— Кнѣс — князек, то есть перекладина, на которой сходятся стропила крыши, или «матица», на которой держатся доски потолка. По древнерусским поверьям, видеть во сне дом без князька служило предвестием большого несчастья.

...у Плѣсньска...— какая-то неизвестная местность под Киевом.

...на болони...— Болонье — свободное пространство перед городскими стенами, оставляемое обычно без застройки, чтобы оно легче простреливалось со стен.

...бѣша дебрь Кисаню...— Какая имеется в виду «дебрь» (крепостной ров, лес) — неясно.

...а самою опуташа въ путины желѣзны.— «Путы», или «путины», надевались на ноги ловчим птицам, чтобы они не улетели.

...два солнца помѣркоста...— Здесь идет речь об Игоре и Всеволоде.

...Олегъ и Святъславъ...— Олег — это сын Игоря, родившийся в 1175 г. (о его участии в походе говорится в Лаврентьевской летописи); Святослав — племянник Игоря, князь Рыльский. Не назван Владимир, старший сын Игоря, несомненный участник похода Игоря.

...аки пардуже гнѣздо...— Пардус — см. прим. на стр. 705.

...и великое буйство подасть Хинови.— Хинове упомянуты еще раз в перечислении врагов Руси, а также в плаче Ярославны. По-видимому, слово это означает какие-то неведомые восточные народы.

Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса Дивь на землю.— «Хула», «нужда», «дивь» — по смыслу это все воплощения различных несчастий. В народной поэзии воплощение горя, злой судьбины, нужды, кручины встречается очень часто.

Се бо Готскыя красныя дѣвы...— Готы жили в Крыму и частично около Тмуторокани. Поход Игоря был направлен к этой старой русской Тмуторокани. Готы радуются победе половцев, с которыми они находились в торговых отношениях, и звонят русским золотом, награбленным половцами и доставшимся готам, очевидно, путем торговли.

...поютъ время Бусово...— Бус — это, по-видимому, антский князь Бос, Боус или Бооз. Как рассказывает римский историк Иордан, гот по происхождению, в 375 г. нашей эры готский король Винитар победил антов (предков восточных славян — русских) и приказал распять на кресте короля антов Боза, его сыновей и семьдесят знатных антов. Готские девы воспевают это время.

...лелѣютъ месть Шароканю.— Месть за Шарукана упомянута в «Слове» отнюдь не случайно. Шарукан был дедом хана Кончака. Шарукан потерпел жестокое поражение от Владимира Мономаха в 1106 г. Его сына Отрока Владимир Мономах загнал на Кавказ, за Железные Ворота.

Внук Шарукана и сын Отрока — хан Кончак впервые смог отомстить после поражения Игоря за бесславие своего деда и своего отца.

О, моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! — Святослав Киевский называет Игоря и Всеволода «сыновцами» (племянниками) как старший в лестнице феодального подчинения. На самом деле Игорь и Всеволод приходились Святославу двоюродными братьями.

...брата моего Ярослава...— Ярослава Всеволодовича Черниговского, родного брата Святослава Всеволодовича Киевского.

...съ Черниговьскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы.— Здесь в «Слове» перечисляются отдельные племена тех степных кочевых народов тюркского происхождения, которые издавна осели в пределах Черниговского княжества, подпав под культурное влияние русских.

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ въздиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.— Термин «в мытех» означает период линьки, особенно той, когда у молодого сокола появляется оперение взрослой птицы. Взрослые соколы отважно защищают свои гнезда от более сильных хищных птиц (например, от орла-беркута).

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимиръ подъ ранами.— После поражения Игоря половецкие ханы Гзак и Кончак двинулись на Русь. Гзак осадил Путивль, но не смог его взять; его войска разорили Посемье. Кончак пошел на Переяславль-Русский (Южный), где переяславский князь Владимир Глебович, князья Святослав Киевский и Рюрик Ростиславич нанесли ему поражение. На обратном пути Кончак осадил и захватил Римов. При осаде Переяславля на вылазке был ранен Владимир Глебович Переяславский.

Великыи княже Всеволоде! — Всеволод Юрьевич Владимир-Суздальский, сын Юрия Долгорукого и внук Владимира Мономаха; по позднейшему прозвищу — Большое Гнездо.

...отня злата стола поблюсти.— Отец Всеволода, Юрий Долгорукий, несколько раз захватывал киевский престол; умер в Киеве в 1157 г.

Стр. 206. *Ногата* и *резана* — названия мелких монет (в гривне 20 ногат или 50 резан).

...шереширы...— Что значит это слово — неясно. Возможно, оно происходит от греческого слова, означающего копье.

...сыны Глѣбовы — сыновья Глеба Ростиславича, рязанские князья, зависимые от Всеволода Георгиевича Суздальского.

Ты, буи Рюриче...— Рюрик Ростиславич, принадлежит к одним из самых деятельных, беспокойных и вместе с тем по-своему примечательных князей XII в.

...и Давыде! — Давыд Ростиславич Смоленский — брат Рюрика Ростиславича.

Не ваю ли вои злачеными шеломы по крови плаваша? — «Вои» встав-

лено предположительно, по смыслу. По-видимому, здесь имеется в виду битва с половцами в 1183 г. на реке Орели, в которой участвовали войска Рюрика и Давыда Ростиславичей.

Галичкы Осмомысль Ярославе! — Ярослав Владимирович Галицкий — тесть Игоря Святославича, отец Ярославны. Летописец так его характеризует: «Бе же князь мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях и славен полкы» (Ипатьевская летопись под 1187 г.). Прозвище Ярослава «Осмомысл» имеет несколько толкований: от восьми его мыслей или забот; от знания восьми языков; от того, что он вообще был умен за восьмерых, и т. п.

...меча бремены чрезъ облаки... стрѣляеши... салтани за землями.— Иными словами — галицкий князь Ярослав швыряет тяжести через облака и стреляет за землями (то есть в дальних странах) турок султана Саладина.

А ты, буи Романе...— Роман Мстиславич Галицкий был деятельный, предприимчивый, отважный и неутомимый князь, хозяин и устроитель своих владений.

...и Мстиславе! — Кто такой этот Мстислав, по всему судя — близкий к Роману, деливший с ним победы,— неясно. У Романа не было родного брата с таким именем, но был двоюродный брат — Мстислав Ярославич Пересопницкий. Возможно, однако же, что здесь имеется в виду Мстислав Всеволодович Городенский, участник походов на половцев, постоянно сражавшийся также с литвой, ятвягами, деремелой.

...паворзи...— завязки или застежки под подбородком, которыми шлем закреплялся на голове (кожаные или металлические).

Ятвязи — одно из литовских племен.

Деремела — вероятно, ятвяжская область и ятвяжское племя.

...по Роси...— Рось — правый приток Днепра, южнее Киева; пограничная с Половецкой степью река.

Инъгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи...— Ингварь и Всеволод — это сыновья Ярослава Изяславича Луцкого; под «тремя Мстиславичами», несомненно, имеются в виду единственные в ту пору на Руси три князя-брата, сыновья Мстислава Изяславича: Роман, Святослав и Всеволод. Эти три Мстиславича, как и Ингварь и Всеволод, были князьями волынскими — вот почему они объединены в едином обращении к ним. В этом месте он повторяет свое обращение к Роману Мстиславичу Галицкому («буй Романе»), объединяя его со всеми его волынскими братьями. Он говорит «и вси три Мстиславичи», подчеркивая этим, что речь перед тем шла только об одном Мстиславиче, а теперь идет о всех.

...не худа гнѣзда шестокрилци! — У сокола оперение каждого крыла делится на три части. Отсюда название сокола «шестокрылец».

...Изяславъ, сынъ Васильковъ... Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго — Всеволода...— Летопись упоминает полоцких князей Брячислава Васильковича и Всеслава Васильковича и их отца Василька

Рогволодовича. Всеволод и Изяслав летописью не упомянуты: эта ветвь княжеского рода вообще известна плохо.

И с хотию на кровать, и рекъ...— В издании 1800 г. и в екатерининской копии это место читается так: «и схоти ю на кровать и рекъ». Поправок этого неясного места было предложено много, но ни одна из них не могла быть признана достаточно удовлетворительной. Предлагали исправления «с хотию» (то есть с милой, с женой), и «схыти», «схопи» (схватил), «и схоти (схватил) юнак (юноша) рова (могилы)» и т. д. Принятое в настоящем издании чтение только одно из возможных.

Стр. 208. *...злато ожерелие* — круглый или квадратный глубокий вырез ворота княжеской одежды, обычно обшивавшийся золотом и драгоценными камнями. Другое название этого «ожерелья» — «оплечье».

...трубы трубятъ Городеньскии.— Изяслав Василькович, упомянутый в «Слове» выше, был, по-видимому, городенским князем (от Городно или Гродно — неясно).

Ярославе и вси внуце Всеславли! — Никакого Ярослава, усобицы которого с «внуками Всеслава» были бы так велики по последствиям и для Полоцкой земли, и для всей Русской,— неизвестно. Предполагаем, что в это место при его прочтении первыми издателями вкралась ошибка. Читать, возможно, следует не «Ярославе», а «Ярославле»: «Ярославли вси внуце и Всеславли», то есть «Ярославовы внуки и все внуки Всеславовы». Перед нами призыв прекратить вековые раздоры между князьями — потомками Ярослава Мудрого и полоцкими князьями — потомками Всеслава Полоцкого (иногда они назывались также в летописи потомками полоцкого князя Рогволода, также противопоставляясь «Ярославлим внукам»). Однако ввиду спорности этого предположения оставляем в тексте чтение первого издания.

...връже Всеславъ жребии о дѣвицю себѣ любу.— Под девицей здесь разумеется Киев. Всеслав решил воспользоваться в 1068 г. восстанием киевлян, чтобы взойти на киевский престол.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьгле...— В 1069 г. против Всеслава пошли походом Изяслав и польский король Болеслав. Всеслав выступил против них вместе с киевлянами. Но еще до встречи с войском Изяслава и Болеслава, по неясным для нас причинам, Всеслав принужден был бежать ночью из Белгорода тайно от киевлян (см. «Повесть временных лет» под 1069 г.). Следовательно, «они» — это киевляне.

...утръже вазни с три кусы: отъзори врата Новуграду...— Мы принимаем здесь деление на слова, предложенное Р. Якобсоном. Однако перевод, им предлагаемый («знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи»), кажется нам неудачным, так как образность его («куски удачи» и пр.) в древнерусской литературе не встречается и не соответствует образности «Слова».

...разшибе славу Ярославу...— С именем Ярослава Мудрого в древнем Новгороде Великом связывались представления о начале новгородской независимости.

...съ Дудутокъ.— Дудутки — это, по-видимому, какая-то местность под Новгородом.

На Немизѣ снопы стелютъ головами...— Немига — небольшая река, на которой стоял Минск (сейчас этой реки нет). На Немиге Всеслав потерпел поражение от трех сыновей Ярослава: Изяслава, Всеволода и Святослава.

...а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше...— То убегая от погони, то стремясь захватить города, то отстаивая свою вотчину, Всеслав действительно носился, как волк, по всей Русской земле. Есть прямое свидетельство быстроты передвижений Всеслава. Владимир Мономах говорит в своем «Поучении», что он гнался за Всеславом (в 1078 г.) «о двою коню» (то есть с поводными конями), но не смог нагнать его (см. стр. 156).

...великому Хръсови...— Хорс — славянский языческий бог, по-видимому, бог солнца. Следовательно, слова «великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше» означают, что Всеслав «рыскал» до восхода солнца.

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.— Здесь, по-видимому, имеется в виду следующее: Всеслав сидел в Киеве в заключении (в «порубе»), в то время как в родном его Полоцке его считали князем и поминали как князя в церковных службах (1067—1068 гг.).

Того стараго Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевьскымъ...— Здесь, несомненно, под «старым Владимиром» разумеется Владимир I Святославич с его многочисленными походами на внешних врагов Русской земли.

...нъ розно ся имъ хоботы пашутъ.— Автор «Слова» хочет этим сказать, что между войсками братьев Рюрика и Давыда Ростиславичей не было согласия. «Стяги» (полки) Давыда отказались выступить в 1185 г. совместно со стягами Рюрика и вернулись назад.

...Ярославнынъ гласъ...— Ярославна — жена Игоря, дочь Ярослава Владимировича Галицкого, «Осмомысла».

...омочю бебрянъ рукавъ...— Рукава верхней одежды знати в древней Руси делались длинными. Их обычно поднимали кверху, перехватывая обручами у запястий. Такой рукав легко можно было омочить в воде, чтобы утирать им раны, как платком. Бебръ, беберъ, как установлено в последнее время Н. А. Мещерским,— белая шелковая ткань особой выделки. Бебрянъ — шелковый.

Стр. 210. *Ты лельялъ еси на себѣ Святославли насады до плъку Кобякова.*— Ярославна вспоминает победоносный поход русских князей на половцев 1184 г. под предводительством Святослава Всеволодовича Киевского. Насады — ладьи с «насаженными» бортами.

Въ поль безводнь жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.— В трехдневной битве войска Игоря люди и кони, отрезанные половцами от воды, страдали от жары и жажды.

Овлуръ — половец, бежавший на Русь вместе с Игорем. В летописи он назван Лавр или Лавор.

Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чаицами на струяхъ, чрьнядьми на ветрѣхъ.— Чайки, гоголи и черняди (различные породы нырковых уток) очень пугливы и издали замечают приближение человека.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна: худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори.— Река Стугна мелководна, и утонуть в ней нельзя, но к устью она расширяется за счет притоков, главным образом с правой, половецкой стороны (вот почему здесь и говорится, что Стугна была расширена к устью, поглотив «чужие» ручьи и потоки). Юноша Ростислав погиб как раз в ее полноводной части — в устье, около города Треполя.

...плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ.— Этот плач матери Ростислава описывается в «Повести временных лет» под 1093 г.

...полозие ползоша...— Полозие — полозы, вид крупной змеи, водящейся в степях.

Аще его опутаевѣ красною дѣвицею...— Сын Игоря, Владимир, действительно женился на дочери Кончака, вернулся на Русь в 1187 г. с женой и ребенком и здесь был уже обвенчан по церковному обряду.

Стр. 212. *Рекъ Боянъ и Ходына, Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: «Тяжко ти головы...»* — Место это настолько испорчено, что не позволяет сколько-нибудь уверенно его исправить. Удовлетворительнее всего объясняется текст, если принять предложенное И. Е. Забелиным прочтение «ходы на» (так в издании 1800 г. и в екатерининской копии) как «Ходына» и предположить в этом Ходыне певца вроде Бояна, а в «хоти» видеть двойственное число от «хоть» — любимец. Каган — титул владык хазарских и аварских; применялся иногда и к русским князьям в X — XI вв.

Дѣвици поютъ на Дунаи...— В низовьях Дуная находились русские поселения. Еще Владимир Мономах «посажа посадники по Дунаю» (Ипатьевская летопись под 1116 г.).

...по Боричеву...— См. прим. на стр. 702.

...къ святѣи Богородици Пирогощеи — церковь Богородицы Пирогощей; была заложена в Киеве в 1132 г. и завершена в 1136 г. Так названа по иконе Пирогощей, то есть «башенной», привезенной в Киев из Константинополя.

Аминь.— Слово «аминь» происходит от греческого слова, означавшего «да будет так», «истинно». Обычно оно ставилось в конце древнерусских литературных произведений.

ДРЕВНЕРУССКИЕ СБОРНИКИ АФОРИЗМОВ

Начиная с XI в. в составе переводной литературы русская книжность получила подборки изречений из различных источников — от библейских книг до сочинений античных ученых, философов, поэтов и христианских богословов и проповедников. Такие подборки вошли уже в Изборник Святослава 1076 г.; в конце XI в. сборником афоризмов, известным под именем «Стословец» Геннадия, воспользовался Владимир Мономах в своем «Поучении». Изречения, приписанные Менандру, Исихии, Варнаве, бытовали и в отдельных списках, вошли и в состав самого популярного обширного сборника изречений — «Пчелы», переведенной с греческого оригинала XI в., видимо, еще в Киевской Руси, но дошедшей в списках XIV — XV вв. Русский читатель знакомился через «Пчелу» с изречениями Плутарха, Сократа, Еврипида, Демокрита, Эпиктета, Платона, Аристотеля, Демосфена и других античных философов и писателей. И летопись, и исторические повести, и публицистика нередко прибегали к этим афоризмам. Через литературу они входили в устную речь, где встречались с русскими народными пословицами, и тогда начиналась как бы вторая жизнь книжного изречения, если оно по самому своему миропониманию чем-то сближалось с мыслями, закрепленными в устных пословицах, или вообще соответствовало продиктованной русской действительностью оценке тех или иных явлений общественной и частной жизни, их моральным нормам. В таких случаях самая форма книжного изречения, постепенно шлифуясь, приобретала характерный для народной пословицы мерный склад речи, становилась лаконичной, иногда ритм ее подчеркивался рифмой. Так, например, из «Пчелы» заимствованное изречение — «Иже хощет над инем княжити, да учится первие сам собою владети» — в устной передаче звучит то совсем кратко: «Не управишь собою, не управишь и другим», то ритмично: «Кто сам собою не управит, тот и других не наставит» (В. Д а л ь, Пословицы русского народа, М. 1957, стр. 125). Или библейское изречение, также включенное в «Пчелу»,— «Копаяи яму под ближним своим въпадеться в ню» в устной речи сохраняется в виде пословицы: «Не копай другу ямы: сам в нее ввалишься» или «Не рой под людьми яму, сам ввалишься» (т а м ж е, стр. 194, 657).

Часто книжный афоризм лишь перекликается с народной пословицей, сложившейся независимо от него, и эта общность идеи способствовала усвоению переводного изречения. Так параллельны по мысли, хотя и не связаны по происхождению, следующие, например, пары: «Не остави друга древняго, новый бо не будеть ему подобен» — «Старый друг лучше новых двух»; «Ни птици упущены скоро можеши опять яти, ни слова из уст вылетевша възвратити можеши и яти» — «Слово не воробей: вылетит — не поймаешь» и т. д. Во второй половине XII в. яркий пример

встречи книжных афоризмов с «мирскими притчами» — народными пословицами — дало «Слово» Даниила Заточника. С конца XVII в. многие книжные афоризмы сборников изречений, образцы которых идут с XI в., уже были записаны под названием «повести или пословицы всенароднейшие», которые «в народе издавна словом употреблялися».

Тексты печатаются по изданиям В. Семенова: «Древняя русская пчела по пергаменному списку», СПб. 1893; «Мудрость Менандра по русским спискам», СПб. 1892; «Изречения Исихия и Варнавы по русским спискам», СПб. 1892; А. Д. Григорьева: «Повесть об Акире премудром», М. 1913; ПСРЛ: т. 2, изд. 2, СПб. 1908; т. 1, изд. 2, Л. 1927.

СЛОВО ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

К числу наиболее интересных и вместе с тем наиболее загадочных литературных произведений древней Руси принадлежит памятник, в первой своей редакции обычно называемый «Словом» Даниила Заточника, а во второй — «Молением» Даниила Заточника. Неясен прежде всего адресат этого произведения: ученые относят отдельные его редакции то к сыновьям Владимира Мономаха — Юрию Долгорукому или Андрею Владимировичу Доброму, то к сыну Всеволода Большое Гнездо — Ярославу Всеволодовичу, и т. д. Неясна также и сама личность Даниила: одни из исследователей считают его дворянином, другие — дружинником князя, третьи — холопом, четвертые — ремесленником. Говорилось и о том, что Даниил вообще не имел устойчивого социального положения. Не решен вопрос и о том, был ли Даниил заключен, был ли Даниил один или было двое Даниилов; наконец есть и такая точка зрения, что за произведением этим вообще нет какой-либо реальной основы, что Даниил — это чисто литературный образ.

Каковы бы ни были споры по поводу этого произведения, ясно следующее: «Слово» или «Моление» — памятник исключительно своеобразный, свидетельствующий о высокой литературной культуре домонгольской Руси.

Основная часть «Слова» или «Моления» состоит из своеобразных, ритмически организованных строф, с ассонансами и общим повторяющимся обращением в начале: «княже мой, господине». Строфы распадаются на излюбленные в средневековой литературе афористические изречения, пословицы и небольшие рассуждения. В подборе книжного материала автор выказывает себя широко образованным писателем, человеком из утонченной литературной среды, который не боялся остаться непонятым,— следовательно, имел образованных, начитанных читателей.

В своей образной системе «Слово» или «Моление» Даниила Заточника больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI — XIII вв., опирается на явления русского быта. Даниил как бы

щеголяет своей грубостью, нарочитой сниженностью стиля, не стесняясь бытового словаря, и, не задумываясь, пародирует даже Священное писание, переделывая цитаты из псалмов, и вольно обращается с летописным материалом. Порой перед нами явно проступают скоморошьи приемы.

Юмор Даниила — это скоморошье балагурство. Он пересыпает свою речь различными небылицами, рисует бытовые сценки; есть у него и сатирические выпады против бояр, против богатых вообще.

Книжные элементы у Даниила занимают очень солидное место. Он не чуждается книжных образов, книжных тем. Произведение Даниила, безусловно, книжное, хотя и возникшее на началах народного творчества.

Кем бы Даниил ни был — холопом или «дворянином» (в значении, свойственном XII — XIII вв.,— то есть членом княжеского «двора»), он, во всяком случае, вышел из низших слоев общества, принадлежа к тем его представителям, которые назывались княжескими «милостниками» и которые энергично поддерживали в это время сильную княжескую власть в ее борьбе с боярством.

Текст «Слова» печатается по публикации Н. Н. Зарубина: «Слово Даниила Заточника по редакции XII и XIII вв. и их переделкам», Л. 1932. В основу положена основная редакция XII в.

Стр. 224. *Псалтырь* — здесь музыкальный инструмент (см. прим. на стр. 710).

Трость (отточенный кусок тростника) — один из инструментов для письма в Византии, а отчасти, по-видимому, и в древней Руси в XI—XII вв.

...древняя младенца о камень.— Библейский символ младенцев, разбиваемых о камень, выражает высшую степень народного несчастия.

...аки она смоковница проклятая...— Согласно Евангелию, Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов.

...и расыпася животъ мои, аки Ханаонскыи царь буестию...— По-видимому, имеется в виду взятие ханаанского города Иерихона. Стены Иерихона рассыпались от трубного звука и кликов еврейского войска.

...аки Чермное море фараона.— Согласно Библии, когда израильтяне бежали из Египта, Красное море расступилось перед ними и позволило им перейти его. Фараон с египтянами, преследовавшие израильтян, вступили за ними на морское дно, но море сомкнулось и поглотило фараона со всем войском.

...аки Агарь рабыни от Сарры...— Согласно Библии, Сарра, жена Авраама, была бесплодна и предложила Аврааму взять в супружество служанку свою Агарь. Агарь, сделавшись женою Авраама и видя, что скоро станет матерью, стала презирать Сарру. Сарра, с позволения Авраама, «смиряла» Агарь, и та убежала. На пути Агари явился ангел и вернул ее к Аврааму.

Стр. 226. *Лаче озеро* — озеро Лаче на севере Новгородской области.

Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпше бы ми смерть, ниже Курское княжение...— Приводимые слова были сказаны, согласно летописи, не Ростиславом, а переяславским князем Андреем Владимировичем Добрым (см. Лаврентьевскую летопись под 1139 г.). Возможно, автор «Слова» имеет в виду здесь, что Ростислав (по-видимому, сын Юрия Долгорукого — Ростислав Юрьевич) только передал слова, сказанные Андреем Добрым.

...сыне великаго царя Владимера...— Под Владимиром здесь мог разуметься Владимир Мономах или какой-либо другой князь Владимир: например, внук Мономаха — Владимир Мстиславич.

Стр. 228. *Яко же бо похвалися Езекии царь посломъ царя Вавилонскаго...*— Иезекиль (Езекия), еврейский царь, согласно библейской легенде, вместо того чтобы прославить бога за свое чудесное выздоровление, показывал свои богатства послам вавилонского царя Бародах-Баладана, пришедшим справиться о его здоровье. Тогда пришел к Езекии пророк Исайя и предрек, что все это взято будет вавилонянами, и даже дети его будут отведены в Вавилон.

...Святославъ князь, сынъ Олъжинъ...— Имеется в виду знаменитый Святослав Игоревич, сын княгини Ольги. Приводимые здесь слова Святослава в летописи отсутствуют.

Сион — гора близ Иерусалима. Здесь цитата из псалма 124-го («Надеющийся на господа, как гора Сион»).

Дивиа за буяном кони паствити...— Пасти коней, наблюдая за ними с бугра, удобно в нескольких отношениях: с бугра хорошо видны все кони, издалека может быть замечено приближение неприятеля, и за бугром легче найти укрытие во время непогоды.

Стр. 230. *...тивунъ бо его... огнь трепетицею накладенъ... рядовичи...*— Рядовичи — закабаленные люди, заключившие «ряд» (договор) со своим господином и работающие у него по этому «ряду». Смысл сравнения в том, что княжеский управляющий (тиун), как огонь, сыплющий искры («на осине разожженный»), распространяет вокруг себя закабаление.

Стр. 232. *Повозъ возити* — обязанность доставлять дань или оброк в назначенное место.

Стр. 234. *...жены ради Иосифъ Прекрасный в темници затворенъ бысть...*— Иосифа Прекрасного (персонаж Библии) пыталась соблазнить жена его господина Пентефрия. Когда ей это не удалось, она оклеветала Иосифа, и Пентефрий заключил Иосифа в темницу.

...жены ради Данила пророка в ровъ ввергоша...— Здесь в «Слове» неточность. По библейскому преданию, пророк Даниил был ввергнут в ров со львами, но причиной этого была не женщина.

АЛЕКСАНДРИЯ

Позднеэллинистический роман о жизни и подвигах Александра Македонского (356—323 г. до н. э.) — «Александрия» был создан во II — III вв. н. э. на основе легенд и преданий о великом полководце. Автором романа средневековая традиция называла Каллисфена, историка, сопровождавшего Александра в его походе на Восток, против персидского царя Дария III Кодомана (336—330 г. до н. э.),— это не соответствует действительности (см. прим. на стр. 733). Поэтому неизвестного автора «Александрии» принято называть Псевдокаллисфеном. «Александрия» и ее многочисленные переделки и переложения были широко распространены в средние века в Европе и в странах Востока. В XII — XIII вв. «Александрия» была переведена на Руси и вошла в состав обширного древнерусского хронографического свода — «Летописца Еллинского и Римского». Эта редакция «Александрии» называется «хронографической», в отличие от другой редакции, восходящей к поздней переработке Псевдокаллисфена и пришедшей на Русь в XV в. из Сербии, так называемой «Сербской Александрии».

Публикуются фрагменты «хронографической» «Александрии» первой редакции по списку ЦГАДА, ф. 181, № 279-658, опубликованному в монографии В. М. Истрина «Александрия русских хронографов», М. 1893. Исправления внесены на основании других списков той же редакции и, в исключительных случаях, списка ГИМ, Чудов. собр., № 51-353, второй редакции. Заголовки фрагментов даны переводчиком. При переводе учитывался греческий текст Псевдокаллисфена.

Стр. 236. *Не того бо есть, но Нектонавовъ и Филиповы жены Олумпиады.*— Филипп II, отец Александра — македонский царь с 359 по 336 г. до н. э. Олимпиада, его жена,— дочь эпирского царя. Под Нектонавом, возможно, подразумевается египетский царь Нектанеб II (358—341 г. до н. э.). Рассказ о нем как об отце Александра — типичная для античности и средневековья легенда, возводящая происхождение царя или героя к богу, знатному чужестранцу и т. д.

Стр. 238. *...индии, и нокимьи, оксудоркы... халуви...*— У Псевдокаллисфена названы другие народы (скифы, арабы, оксудраки, иберы, сирийцы и др.). Иберы — восточно-грузинские (картские) племена; кавконы и халибы — народы, жившие по северному побережью Малой Азии; боспорцы — жители Боспорского царства. Остальные наименования — видимо, результат искажения каких-то греческих или местных этнических обозначений. Фактически же Нектанеб II в 341 г. до н. э. потерпел поражение от персидского царя Артаксеркса III и бежал в Эфиопию.

...сквозь Пулусию...— Пелусий — порт в дельте Нила.

...въ Пелу макидонскую.— Пелла — столица Македонии до 11 в. до н. э.

Стр. 244. *...и Асклипиа.*— Нектонав явился в образе дракона, змеи. Змея же была атрибутом бога врачевания Асклепия.

Стр. 248. *...мячемъ убо възвѣщаю... играеши...*— Здесь и далее в толковании символики даров древнерусский текст ошибочно называет мяч вместо плети и наоборот. Перевод в соответствии с текстом Псевдокаллисфена.

Стр. 252. *...Таура...*— Тавр — горный хребет, отделяющий Малую Азию от Сирии.

...багряную его ризу...— Багряная мантия (багряница) — символ царской власти.

Стр. 254. *...Пинариа...*— Пинар — река в Киликии, южнее города Исс.

Стр. 256. *...прошедъ Киликиискыи Тавръ, прииде въ Тарсъ...*— Тарс — город в Киликии, на побережье Александреттского залива в северо-восточной части Средиземного моря.

...и видѣвъ Впату рѣку... Филиппъ от славныхъ лечець.— У Плутарха река, в которой искупался Александр, называется Кидн, у Псевдокаллисфена — Океан. При этом в обоих источниках рассказывается, что на Филиппа донесли, будто бы он собирался отравить Александра. Но царь, доверившись своему врачу, выпил лекарство и выздоровел.

Стр. 258. *Пришедъ убо близъ града пръскаго яко пяти днищь...*— Переведено по смыслу. Неясность древнерусского текста объясняется тем, что термин «Персида» — название страны — был принят за название города.

...въ образѣ Ермовѣ...— Гермес — древнегреческий бог, считавшийся, в частности, покровителем послов.

...хламиду...— Хламида — плащ, застегивающийся на правом плече или на груди.

...на нем же бѣ волуя глава...— В опущенной нами части текста «Александрии» рассказывается, как юноша Александр усмирил коня, имевшего на бедре «знамение» (пятно?), напоминающее воловью голову. В других источниках имя любимого коня Александра Букефал (Буцефал), то есть «быкоголовый», объясняется формой головы коня.

Стр. 260. *...акы уроды творя макидоны.*— Возможен и иной перевод: «рассчитывая на глупость македонян».

Стр. 262. *...изииде из града.*— Зачем же Александру понадобилась чаша? В других редакциях Псевдокаллисфена говорится, что чаша послужила Александру пропуском в городских воротах.

...лагодя коневи, правляше ему путь...— Упоминание о факеле добавлено в переводе на основании текста Псевдокаллисфена. Ср. далее: «Александръ же бѣ акы звѣзда».

...Ксеръкса царя...— Ксеркс — персидский царь V в. до н. э.

...восхищенъ водою...— Судя по тому, что далее говорится: «Александръ ...пѣшь шедъ от рѣкы», можно понять, что конь погиб. Однако он упоминается как живой дальше, во время битвы с Пором. Буцефал погиб во время индийского похода Александра.

Стр. 264. *...град Александрию, иже на Исонъ.*— Ныне город Искендерон в Турции.

...убиенъ бысть от Виса и от Ариовръзана, мидскых старостъ.— Убийца Дария Бесс был сатрапом Бактрии (область по среднему и верхнему течению Аму-Дарьи), Набарзан — военачальником. Бесс провозгласил себя царем, приняв имя Артаксеркса IV, но был казнен Александром.

Стр. 268. *...яже бяху въ тягости гривенъ 25.*— В переводе на современные меры веса — около 10 килограммов.

...земля блаженныхъ.— По представлениям древних греков, «земля блаженных» — обиталище душ умерших — находится на краю земли, в царстве вечного мрака.

Калисфенъ.— Греческий историк Каллисфен, двоюродный племянник Аристотеля, действительно сопровождал Александра и был историографом его похода. Но еще до его окончания, в 327 г., он был обвинен в заговоре против Александра и казнен.

Стр. 270. *...на Пора, царя индиискаго.*— Пор — царь одного из государств в северо-западной части Индии, Пенджабе.

Стр. 274. *...и абие уби его.*— В действительности Пор не был убит, а стал союзником Александра.

Антипатру.— Антипатр — один из полководцев Филиппа II, во время похода Александра в Азию он был оставлен правителем Македонии.

И се размысливъ... судномъ железнымъ...— Большинство античных историков считало, что Александр умер от малярии. Однако наряду с этим существовала версия, будто бы Александр был отравлен. Во всяком случае, через шесть лет после смерти сына Олимпиада приказала казнить ряд лиц, подозреваемых в отравлении Александра, в том числе его виночерпия Иола.

Стр. 276. *Пердика... Клеадръ.*— Пердик, Птолемей, Лисимах и Клеандр — полководцы Александра. Евмен — секретарь Александра, ведший дневник похода.

Роксана — жена Александра, дочь сатрапа Бактрии Аксиарта.

Стр. 278. *...въ Ракодидь...*— Ракотис — ныне один из районов города Александрии.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА КРЕСТОНОСЦАМИ В 1204 ГОДУ

Двенадцатого апреля 1204 г. крестоносцы штурмом овладели столицей Византийской империи — Константинополем и подвергли город жестокому разграблению. Ярким рассказом и ценным историческим источником, повествующим об этом событии, и является русская повесть, написанная современником, а возможно, и очевидцем событий. Ее древнейший список находится в составе Синодального списка Новгородской первой летописи.

Текст повести печатается по изданию Синодального списка летописи: «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М.—Л. 1950, стр. 46—49. Исправления внесены на основании Комиссионного списка той же летописи, отдельные исправления предложены Н. А. Мещерским.

Стр. 280. *Царствующю Олъксе въ Цесариградѣ... цесаремь ста.*— Алексей III Ангел (Комнин) стал императором в 1195 г., свергнув своего брата Исаака. Исаак был ослеплен и долгое время находился в заключении.

...изити из града.— Сын Исаака Ангела — царевич Алексей бежал весной 1202 г. в Сицилию, а оттуда — в Германию. Но подробности бегства Алексея (в бочке с водой) — легендарны.

...къ нѣмьчьскуму цесарю... и къ сестрѣ своеи.— Сестра царевича Алексея Ирина была замужем за Филиппом Швабским, императором Священной Римской империи.

Стр. 282. *...къ Иерусалиму, въ помочь...*— Официальная цель IV крестового похода была борьба с мусульманским Египтом и возвращение захваченного перед тем арабами Иерусалима.

Фрязи.— Фрягами в древней Руси называли итальянцев, здесь же этот термин применен к участникам крестового похода.

...пришьдъше въ Судъ, замкы желѣзныя разбиша...— См. прим. на стр. 704.

...по Цесаревъ затворъ...— Видимо, до места, где Суд перегораживался цепью.

...Николу воина...— Простого воина Николая Канава выдвинули кандидатом на престол народные массы Константинополя.

...въ Влахернѣ — во Влахернском дворце, в северной части Константинополя.

...а на Мюрчюфла вѣньчь възложиша.— Алексей Дука, по прозвищу Мурчуфл (Мурдзуфл), то есть «насупленный», был выдвинут на престол византийской знатью. Византийский хронист Никита Хониат рассказывает, как Мурчуфл, глубокой ночью явившись к императору Алексею IV, под предлогом спасения его от мятежников вывел из дворцовых покоев. Свергнутый император был закован в кандалы и брошен в тюрьму.

Стр. 284. *...раями на шьглах...*— Речь идет о военных приспособлениях для штурма города. Никита Хониат упоминает, что корабли крестоносцев были увешаны «по реям веревочными лестницами, которые посредством блоков, прикрепленных к мачтам, легко опускались и опять поднимались вверх».

...Верьбнои недѣли...— См. прим. на стр. 708.

...противу святому Спасу, зовемыи Верге тис, противу Испигасу, сташа же и до Лахерны.— Здесь упоминаются монастырь Спаса Евергета, ворота, ведущие в Пигу (екс Пигас) и Влахернский дворец.

...бяху же изременани межи ими... и коне ихъ.— В переводе принята конъектура Н. А. Мещерского, предположившего в «изременани» искажение слова «дромоны» (корабли для перевозки конницы).

...не погорѣша фрязи.— Можно предположить, что речь идет о несостоявшейся когда-то в прошлом попытке греков сжечь флот крестоносцев с помощью судов-брандеров; Алексей (Исаакович) с января 1204 г. находился в темнице, а к моменту штурма Константинополя его уже не было в живых.

...забороломъ...— См. прим. на стр. 720.

Стр. 286. *...одьраша двьри...*— Двери покрывались пластинами из меди или драгоценных металлов, украшались резьбой.

...тябло — часть иконостаса.

...подъ тряпезою — под западной частью храма.

Дигитрию же чюдьную... святую богородицю...— Одигитрия («путеводительница») — определенный тип иконы богоматери с младенцем. Имеется в виду легенда, связанная с иконой Константинопольской Одигитрии, которая будто бы чудесным образом являлась в разных концах города.

...маркосъ от Рима, в градъ Бърне, иде же бе жил поганыи злыи Дедрикъ.— Маркос — передача итальянского marchio, marchisus (то есть маркграф). Речь идет о Бонифации Монферратском. Берн — немецкое название Вероны, родины Бонифация. Дедрик — Теодорих, король остготов с 475 по 526 г. В «Песне о Нибелунгах» Теодорих именуется Dietrich von Bern. Н. А. Мещерский предположил, что эти формы передачи имен и географических названий — результат общения автора повести с фландрскими рыцарями-крестоносцами.

...кондофъ Офланъдръ — граф (итал. conte) Болдуин IX Фландрский, ставший с мая 1204 г. императором вновь созданной Латинской империи.

...дужь слепыи от Маркова острова Венедикъ.— Энрико Дандоло с 1192 по 1205 г. дож Венеции. Венеция называлась республикой святого Марка, по имени почитавшегося там апостола.

...Мануилъ цесарь — византийский император Мануил I Комнин (1143—1180).

КИЕВО-ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК

Киево-Печерский патерик — сборник рассказов о жизни и подвигах монахов древнейшего на Руси монастыря (основан в 1051 г.). Сборник складывался постепенно и прошел длительную литературную историю. Основой Киево-Печерского патерика (патериками назывались сборники рассказов о жизни и деяниях святых и отцов церкви) послужили написанные в 20-х гг. XIII в. послание владимирского епископа Симона, бывшего монаха Киево-Печерской лавры, к иноку этого монастыря Поликарпу, его же повесть о истории построения Печерской Успенской церкви и послание Поликарпа к игумену монастыря Акиндину. Поликарп, неудовлетворенный участью рядового монаха, добивался епископского места. Симон, осуждая честолюбивые стремления Поликарпа, написал ему укоризненное послание, говоря о необходимости монашеского смирения. Свое послание он сопроводил девятью рассказами о подвигах иноков и рассказом о чудесах, связанных с историей построения церкви в монастыре. Позже к этому посланию Симона было присоединено послание Поликарпа (возможно, самим автором), в котором также приводилось 11 историй из монастырской жизни. Источниками рассказов и Симона и Поликарпа послужили устные легенды, монастырские записи XI в., жития основателей монастыря Антония и Феодосия. В XIII же веке к посланиям Симона и Поликарпа было присоединено «Слово о первых черноризцах печерских» (Демьяне, Иеремии, Матвее и Исакии) из «Повести временных лет». В 1406 г. в Твери была создана так называемая Арсеньевская редакция патерика, а в 1462 г. в самом монастыре составлена редакция, получившая название Кассиановской.

В основе многих рассказов патерика лежат широко распространенные в церковно-повествовательной литературе сюжеты о подвигах святых. Но в Киево-Печерском патерике эти традиционные мотивы тесно переплетены с фактами реального быта монастыря, с реальными историческими событиями. Эта реалистическая окраска сказочно-легендарных историй, их ярко выраженная демократичность дали основание А. С. Пушкину сказать, что рассказы Киево-Печерского патерика отличает «прелесть простоты и вымысла» (письмо к П. А. Плетневу от 14. IV. 1831 г.).

Публикуются отрывки из патерика, дающие представление о его первоначальном виде: окончание послания Симона к Поликарпу, два рассказа из его послания, два отрывка из его повести о создании Печерской церкви, послание Поликарпа к Акиндину и два рассказа из послания Поликарпа. За основу публикации взят список Кассиановской редакции конца XV в., ГБЛ, Румянцевское собр., № 305, изданный Д. И. Абрамовичем («Патерик Киевского Печерского монастыря», СПб. 1911), в который вносились необходимые исправления по другим спискам этой редакции патерика (по изд. Д. И. Абрамовича: «Киево-Печерский патерик». У Київі, 1931). Перевод М. А. Викторовой опубликован в 1870 г.

Стр. 290. *...княгини Ростиславляа Верхослава...*— Жена великого князя Ростислава Рюриковича (ум. в 1218 г.), дочь Всеволода Большое Гнездо.

...послушай Павла, глаголюща к Тимофтю...— Имеется в виду одно из посланий апостола Павла к Тимофею (апостольские послания находятся в Новом завете после апостольских деяний).

Князь Георгий — Георгий (Юрий) Всеволодович, великий князь Владимирский, брат Верхославы (ум. в 1238 г.).

Стр. 292. *Леонтий, епископ Ростовъский* — епископствовал с 1073 по 1077 г. Далее перечисляются русские епископы, выходцы из Печерского монастыря.

...с онема варягома...— Под 983 годом «Повесть временных лет» рассказывает о гибели варягов-христиан отца и сына, живших в Киеве, которые были убиты киевлянами-язычниками.

...чел еси в «Житии святаго Антония»...— Одно из древнейших русских житий, до нас не дошедшее.

...сиа съборныа церкви, красоты Владимерьскиа, и другиа Суждальскиа церьки...— Имеются в виду Успенский собор во Владимире (построен в 1158—1161 гг. и капитально перестроен в 1185 г.) и собор Рождества богородицы в Суздале (построен в 1222—1225 гг., перестроен в 1528 г.).

Стр. 298. *Ефрем* — церковный проповедник и писатель IV в. Ефрем Сирин; далее приводится цитата из его сочинения «Паренесис» (сборник поучений).

Стр. 300. *...Якуна Слепаго, иже отбеже от златыа луды, биася... с лютымь Мстиславомь.*— Луда — плащ. Имеется в виду битва 1024 г. при Листвене (урочище близ Чернигова) Ярослава Владимировича Мудрого (киевский вел. кн. с 1019 по 1054 г.) с братом Мстиславом (князь Черниговский и Тмутороканский, ум. в 1036 г.). Ярослав потерпел поражение, участвующий на стороне Ярослава вождь варяжского отряда Якун (Гакон) во время бегства с поля боя потерял свой плащ. Об этом рассказывает и «Повесть временных лет».

...Изяслав, Святослав и *Всеволод* — сыновья Ярослава Мудрого, в разное время занимавшие великокняжеский Киевский стол. Изяслав умер в 1078 г.; Святослав — в 1076 г.; Всеволод — в 1093 г.

Бывшим же имь на Алтъ...— Альта — река, впадающая в приток Днепра Трубеж.

Стр. 304. *...сѣдъ Георгий Владимерович в Киевѣ...*— Юрий Владимирович Долгорукий начал княжить в Киеве с 1149 г.

...тысяцкий...— высшая военно-административная должность.

Стр. 316. *Ростислав же утопе...*— Ростислав Всеволодович утонул в реке Стугне во время переправы через нее после битвы с половцами в 1093 г. В противоположность Киево-Печерскому патерику «Слово о полку Игореве» очень сочувственно говорит о гибели юного князя (см. стр. 210).

...в дни княжениа Святополча в Киевѣ.— Святополк Изяславич княжил с 1093 по 1113 г.

Стр. 320. *Егда же Святоплъкъ... и с самъмъ Васильком.*— Имеются в виду события 1097 г., о которых подробно рассказывает «Повесть временных лет» (см. стр. 82—91).

Стр. 324. *И по погребении блаженнаго поиде на войну... и взя всю землю их и приведе в свою землю их.*— В 1103 г. коалиция русских князей, в которой участвовал и Святополк Изяславич, нанесла сокрушительное поражение половцам.

СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Это отрывок из не дошедшего до нас произведения о судьбах Руси. Начальный фрагмент сохранился благодаря тому, что псковский книжник в середине XV в. использовал часть «Слова» как предисловие к одному из списков «Жития Александра Невского». В последних строках памятника звучит скорбь по поводу «беды христианам» после смерти Ярослава Мудрого. Вероятно, не дошедшая до нас заключительная часть «Слова» рассказывала о «погибели» Северо-Восточной Руси от татаро-монгольского нашествия. «Погибель» представлялась автору следствием княжеских раздоров и усобиц от Ярослава Мудрого (ум. в 1054 г.) до Ярослава Всеволодовича (ум. в 1246 г.). «Слово», видимо, было написано во Владимире между 1238 и 1246 гг. Отдельные образы и стилистические приемы «Слова», напоминающего «плачи» и «славы» народной поэзии, близки «Слову о полку Игореве».

«Слово о погибели» известно в двух списках: Псковском и Ленинградском. В наст. изд. печатается по Псковскому списку XV в. (Гос. архив Псковской области, ф. 449, № 60, лл. 245 об.—246 об.) с необходимыми исправлениями по Ленинградскому списку XVI в. (ИРЛИ, Р. IV, оп. 24, № 26, лл. 472—473) и конъектурными поправками.

Стр. 326. *...по смерти великого князя Ярослава.*— Ярослав Владимирович Мудрый (см. прим. на стр. 717).

Отселъ до угор — то есть от Владимира до границ с венграми.

Ятвязи — ятвяги, одно из литовских племен.

Устюг — город на реке Сухоне, притоке Северной Двины.

Тоймичи — одно из финских племен, обитавших на р. Тойме, впадающей в Северную Двину.

Дышючее море — Северный Ледовитый океан.

Болгары — волжские болгары (см. прим. на стр. 702).

Буртасы, веда — мордовские племена.

Черемисы — марийцы.

...великому князю Всеволоду — Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, великому князю Владимирскому (ум. в 1212 г.).

...отцю его Юрью, князю Кыевьскому...— Юрию Владимировичу Долгорукому (ум. в 1157 г.).

...дьду его Володимеру и Манамаху — Владимиру Всеволодовичу Мономаху (ум. в 1125 г.).

А нѣмци радовахуся, далече будуче за синим морем...— то есть до своего прихода во второй половине XII в. в Ливонию.

...бортьничаху — платили дань медом.

И кюр Мануил Цесарегородскыи — византийский император Мануил Комнин (1143—1180). В «Слове» допущен анахронизм: Владимир Мономах и Мануил Комнин не были современниками. *Кюр* — по-гречески — господин.

...до ныняшняго Ярослава...— до Ярослава Всеволодовича, великого князя Владимирского с 1238 по 1246 г.

...до брата его Юрья, князя Володимерьскаго...— до Юрия Всеволодовича, великого князя Владимирского с 1213 по 1216 и с 1219 по 1238 гг.

ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

«Житие князя Александра Ярославича» создано в начале 80-х гг. XIII в. в стенах Владимирского Рождественского монастыря, где князь Александр был похоронен.

Отобранные автором факты из жизни князя искусно объединены с помощью приемов, характерных для литературной юго-западной, галицкой школы, хотя сам автор был, скорее всего, владимирским монахом, ранее принадлежавшим к числу домашних слуг князя.

В настоящее время известно 13 списков XIV — XVII вв. «Жития Александра Невского» первой редакции. «Житие» печатается по списку Псковской второй летописи XV в. (ГИМ, Синодальное собрание, № 154, лл. 156—162 об.) с необходимыми исправлениями по спискам Лаврентьевской летописи, Барсовскому, Румянцевскому, Псково-Печерскому, Ленинградскому и другим.

Стр. 328. *Приточник* — предполагаемый автор ветхозаветной «Книги притчей Соломоновых».

Исайя пророк — Исайя, сын Амоса, иудейский пророк VIII в. до н. э., которому приписывается составление ветхозаветной «Книги пророчеств» из 66 глав.

...акы лице Иосифа, иже бѣ поставил его египетъскый царь втораго царя в Египтѣ.— Согласно Библии, Иосиф Прекрасный разгадал сны фараона, после чего тот женил его на дочери жреца и сделал своим соправителем.

...часть от силы Самсоня.— Самсон — один из героев Ветхого завета, иудейский богатырь и судья.

...аки царя римскаго Еуспасиана...— Веспасиан, римский император (69—79 гг.), прославившийся как энергичный полководец.

Град Атапата, или *Иоатапата* — крепость в Палестине.

Стр. 330. *Западная страна* — Ливония.

...нъкто силен... именем Андръяшь...— Андреас фон Фельвен, магистр Ливонского ордена рыцарей-крестоносцев. «Слуги божии» — перевод немецкого «Gottesritter».

Царица Ужская — царица Савская из южной Аравии.

Соломон, сын Давида,— третий иудейский царь (972—932 гг. до н. э.), прославившийся своим богатством и мудростью.

...король части Римьскыя от полунощныя страны ...—Здесь имеется в виду шведский король Эрик Эриксон, по прозванию Леспе (Картавый). Все воинские дела он поручал своему зятю ярлу Биргеру. В поход 1240 г. отправилось шведское войско под начальством ярлов Биргера и Ульфа Фасн.

...церков святыя Софьи — собор св. Софии в новгородском кремле, основан в 989 г.

Архиепископ же Спиридон — новгородский архиепископ Спиридон (1229—1249 гг.).

Помянем Пьснотворца...— Имеется в виду Давид (см. прим. на стр. 710).

...отець его, честный Ярослав Великый...— Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский (1238—1246 гг.).

...на память святых отец 600 и 30 бывшаго собора в Халкидоне и святою мученику Кирика и Улиты, имъяше же вѣру велику к святыма мученикома Бориса и Глѣба.— 4-й Вселенский собор в Халкидоне происходил 16 июля 451 г. Кирик и Улита — сын и мать, христианские мученики (III — начала IV вв.), их память 15 июля. Князья Борис и Глеб — сыновья князя Владимира, убитые 24 июля 1015 г. по приказу Святополка Окаянного. Канонизированные в 1026 г., Борис и Глеб считались военными покровителями Русской земли.

...старейшина в земли Ижерстей, именем Пелгуй.— Ижорская земля находилась на юг от Невы, ижорские карелы давно находились в подчинении Новгорода, а их верхушка приняла христианство.

Стр. 332. *Оттоль потщався наѣха на нь в 6 час дне.*— Невская битва произошла недалеко от впадения р. Ижоры в Неву 15 июля 1240 г. 6 часов дня по древнерусскому счету времени — это 6 часов от восхода солнца, то есть 11 часов утра.

Римляне — приверженцы римско-католической церкви, в данном случае, шведы, финны и норвежцы, находившиеся в войске Биргера.

...самому королю възложи печать на лице острымь своим копиемь.— Князь Александр ранил ярла Биргера копьем в щеку. Автор «Жития»,

рассказав об этом, одновременно намекает на обычай древних римлян ставить знак собственности — клеймо на лицо своего раба, и тем самым дает читателю понять, что предводитель «римлян» попал в положение раба.

Стр. 334. *...в древняя дни при Езекеи цари, егда приide Сепахирим, царь асурийск, на Иерусалим, хотя плънити святы град...*— Это относится к 740 г. до н. э.; об этом событии повествуется в Библии.

...и возградиша град в отечьствъ Олександровъ.— Крепость Копорье, в Водской пятине Новгородской земли, была построена ливонскими немцами в 1241 г.

...пойде на землю Немецкую в велицъ силъ...— Имеется в виду зимний поход князя Александра в Ливонию в 1241 г.

Уже бо бяше град Плесков взят, и тиуни их посажени.— Немцы захватили Псков в 1241 г. из-за измены некоторых псковских бояр во главе с посадником Твердилой Ивановичем. *Тиуны* — здесь: немецкие фогты (судьи).

Инии же гради совокупишася нъмечьстии...— Имеется в виду союз трех ливонских городов: Феллина, Юрьева и Оденпэ.

...брата меньшаго Ондрѣя на помощь в множествъ дружинъ.— В Ледовом побоище участвовала дружина Суздальского князя Андрея Ярославича.

...у Давыда царя...— Библейский царь Давид.

Стр. 336. *...яко же древле Моисьови на Амалика и прадѣду моему Ярославу на окаанаго Святополка.*— Моисей — ветхозаветный пророк, предводительствовавший иудеями при исходе из Египта во второй половине XIII в. до н. э. Амалик — вождь амаликитян, занимавших страну между Палестиной и Египтом, оказавший сильное сопротивление иудеям. Ярослав — Ярослав Владимирович Мудрый, одержавший в 1019 г. победу на реке Альте над Святополком Окаянным, убийцей Бориса и Глеба.

И бысть сѣча зла...— Ледовое побоище произошло 5 апреля 1242 г.

...яко же Исуса Наввина у Ерехона.— Иисус Наввин — ветхозаветный пророк, преемник Моисея. Иерихон — город и крепость в Палестине. По преданию, стены этой крепости сами пали от звука труб войска Иисуса Наввина.

...до моря Египетьскаго — то есть до части Средиземного моря, прилегающей к Египту.

Стр. 338. *...некто царь силен на Въсточнѣй странѣ* — хан Золотой Орды Батый, у которого князь Александр был в 1246 г.

...жены моавитьскыя...— Моавитяне — племя, происходившее от Моава, сына Лота, и жившее на восток от Иордана и Мертвого моря. Этим библейским именем автор называет татар.

...и посла воеводу своего Невруя...— В действительности ханом Золотой Орды тогда был уже не Батый, а Сартак. Невруево нашествие на

Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г. После Невруева нашествия князь Александр поехал в Сарай к Сартаку и получил от него ярлык на великое княжение Владимирское.

Стр. 340. *А сына своего Димитрия посла на Западныя страны...*— В 1262 г. князю Дмитрию Александровичу было всего 9 лет, войском же командовали его дядя князь Ярослав Ярославич Тверской, полоцкий князь Товтивилл и князь Константин Ростиславич. Весь рассказ «Жития» о походе на Юрьев в 1262 г. составлен с явной тенденцией изобразить Дмитрия достойным восприемником великокняжеского стола своего отца.

Стр. 342. *...в Рожестве святыя богородица, в архимандритьи велицьй...*— Рождественский богородицкий монастырь во Владимире, основанный в 1191—1192 гг., считался (до 1561 г.) первым монастырем Руси, «архимандритьей великой».

Се же бысть слышано всѣм от господина митрополита и от икономa его Савастияна.— Весь рассказ о посмертном «чуде» с душевной грамотой — запись устной легенды, бытовавшей во Владимирском Рождественском монастыре. Митрополит Кирилл (ум. в 1280 г.) и его эконом Севастьян, видимо, принимали участие в создании и распространении этой легенды.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

От рязанской литературы сохранился один-единственный памятник — это своеобразный «свод» различных произведений, составленный и разновременно пополнявшийся при церкви Николы в небольшом рязанском городе Заразске (ныне Зарайск). В составе этого «свода», многократно переписывавшегося в течение столетий и расходившегося по всей Руси во множестве списков, дошла до нас и «Повесть о разорении Рязани Батыем». Составлена «Повесть» была не сразу после нашествия Батыя. Это видно из того, что многие детали этого нашествия стерлись и как бы восстановлены по памяти. Всеволод Пронский, умерший еще в 1208 г., представлен участником обороны Рязани; с другой стороны, Олег Красный, умерший только в 1258 г., гибнет в «Повести» в той же обороне. Упрощены и сближены родственные отношения рязанских князей. Вместе с тем «Повесть о разорении Рязани» не могла возникнуть и позднее середины XIV в. За это говорит и самая острота переживания событий Батыева нашествия, не сглаженная и не смягченная еще временем, и ряд характерных деталей, которые могли быть памятны только ближайшим поколениям. Не забыты еще «честь и слава» рязанских князей, аманаты, которых брали рязанские князья у половцев, родственные отношения рязанских князей с черниговскими. Коломна еще выступает как рязанский город (Глеб Коломенский сражается вместе с рязанскими князьями). Но самое главное — Старая Рязань не пришла еще во время составления

этой «Повести» к своему окончательному уничтожению, к которому она пришла только в конце XIV в., когда и самая столица Рязанского княжества была перенесена в Переяславль Рязанский, названный впоследствии Рязанью.

Как сложилась «Повесть о разорении Рязани Батыем», откуда черпал автор свои сведения? Вопрос этот не может быть разрешен во всех деталях, но в основном ответить на него нетрудно. Автор имел в своем распоряжении рязанскую летопись, современную событиям, весьма, вероятно, краткую, без упоминания имен защитников Рязани. Впоследствии она как целое была утрачена (отрывки дошли до нас в составе Новгородской первой летописи). Кроме того, автор имел в своем распоряжении княжеский рязанский поминальник, где были перечислены умершие рязанские князья, но без указаний, где и когда умер каждый из них. Отсюда-то и дополнил автор рассказ рязанской летописи именами рязанских князей. Вот почему в «Повести» такое большое внимание уделено похоронам князей, тем более что могилы рязанских князей были перед глазами у автора повести. Вот почему в древнейшем варианте повести ничего не говорится о похоронах Евпатия: его имя и весь рассказ о нем были взяты из другого источника. Этот другой источник, самый главный,— народные сказания. Именно они-то не только дали автору «Повести» основные сведения, но в значительной степени определили и ее идейное содержание, и художественную форму, сообщив ей и местный колорит и настроение, отобрав и художественные средства. Конечно, автор составлял не былину и не историческую песнь, но в своем *книжном* произведении он прибег только к тем книжным художественным средствам, которые не противоречили его собственным народным вкусам, и к тем средствам народной поэзии, которые можно было ввести в книжность без решительной ломки всей книжной системы творчества средневековья.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» печатается по публикации Д. С. Лихачева, текстов всех повестей, входивших в цикл о Николе Заразском: «Повести о Николе Заразском».— ТОДРЛ, т. VII, М.—Л. 1949. В основу положен Волоколамский список (редакция основная А; стр. 287—301 указанного издания), с некоторыми исправлениями и добавлениями из редакции основной Б, первый вид (стр. 308—321).

Стр. 344. *В фторое на десят лѣто по принесении чюдотворнаго образа ис Корсуня...*— В рязанском цикле повестей о Николе Заразском, в составе которого дошла до нас «Повесть о разорении Рязани Батыем», ей предшествует «Повесть о перенесении образа Николы из Корсуня (то есть из Херсонеса в Крыму) на Рязань в 1224 г.», иначе говоря — за двенадцать лет до нашествия Батыя на Рязань.

...на рѣце на Воронеже...— приток Дона в южной, прилегающей к Половецкой степи окраине Рязанской земли.

...на Резань...— Старая Рязань находилась на крутом берегу Оки верстах в четырех от устья реки Прони. Нынешняя Рязань — другой древний рязанский город, известный первоначально под именем Переяславля Рязанского.

Юрий Ингоревич Резанский.— В летописях известен Юрий Игоревич Рязанский — сын князя рязанского Игоря Глебовича; на рязанский княжеский стол он вступил в 1220 г.

Георгий Всеволодович Владимирский — великий князь Владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович, сын великого князя Владимирского Всеволода III Юрьевича (Большое Гнездо).

Давид Ингоревич Муромский и *Глѣб Ингоревич Коломенский.*— В летописях не упоминаются.

Олег Красный.— По «Повести» — брат Юрия Ингваревича. В действительности он был, по-видимому, не братом, а племянником Юрия Ингваревича.

Всеволод Пронский — очевидно, Всеволод Глебович Пронский, сын князя рязанского Глеба Ростиславича, отец «Кир» Михаила Пронского. Однако по летописи Всеволод Пронский погиб значительно раньше — в 1208 г.

Федор Юрьевич Резанский.— По «Повести» — сын князя Юрия Ингваревича Рязанского, князь Заразска. В летописях ни он, ни его жена Евпраксия, ни сын Иван Постник не упоминаются.

Стр. 346. *...с великою княгинею* — мать Юрия Ингваревича — Агриппина Ростиславовна в летописях не упоминается.

...великаго князя Ингоря Святославича.— Кто такой Ингварь (Игорь) Святославич — неясно. Рязанские князья — потомки Игоря Ольговича (умер в 1194 г.). Возможно, Игорь Ольгович эпически переосмыслен здесь как Игорь Святославич, герой «Слова о полку Игореве»; художественные традиции этого произведения легко могли перейти в Рязанскую землю через соседнюю Черниговщину.

...сродником своим Борису и Глѣбу.— Борис и Глеб, сыновья Киевского князя Владимира I Святославича, от которого пошел род всех русских князей. См. также прим. на стр. 740.

Стр. 348. *...град Прънескъ...* — Пронск — город на реке Прони. В летописях впервые упоминается под 1186 г.

...град Бѣл...— Белгород в Рязанской земле, ныне Белгородище, недалеко от Венева.

Ижеславець — в летописях не упоминается.

...страстоположник Стефан — святой Стефан, мученик первого века н. э., был побит камнями за отстаивание христианской веры.

Стр. 350. *...богатство резанское и сродник их киевское и черънигов-ское...*— Старинные связи Рязани с Черниговом и Киевом подтверждаются и археологическим материалом.

...поиде на град Суздаль и Владимеръ...— От Рязани войска Батыя двинулись на Владимир окружным путем через Коломну в Москву, чтобы отрезать Юрию Всеволодовичу Владимирскому пути к отступлению. Под Коломной Батый разбил войска Юрия Всеволодовича. Захватив Москву, Батый направился на Владимир. Одновременно особый отряд, посланный Батыем, занял Суздаль. 7 февраля Владимир пал. Татары подвергли Владимир страшному опустошению.

Евпатий Коловрат — нигде, кроме «Повести о разорении Рязани Батыем», не упоминается. В некоторых других редакциях «Повести» он наделен отчеством: Львович.

Ингварь Ингоревич — брат Юрия (Георгия) Ингваревича; это видно из того, что Ингварь находит «матерь свою» Агриппину Ростиславовну — она же по повести и мать Юрия. Однако по летописи Ингварь Ингваревич умер уже в начале 20-х гг., и Юрий Ингваревич наследовал ему на рязанском княжении.

Стр. 352. *...шурича своего Хостоврула...*— Шурич — сын шурина (слово редкое).

Санчакбый — знаменосец, военачальник; слово тюркского происхождения (санчак в тюркских языках — знамя).

Михаил Всеволодович Черниговский.— Михаил Всеволодович —князь черниговский с 1225 г.

Стр. 356. *...на агаряне...*— Восточные мусульманские народы в средние века признавались потомками легендарных библейских персонажей — Авраама и его рабыни Агари (отсюда и их название «агаряне») через сына Измаила (отсюда другое их наименование в средние века — «измаилтяне»). Сами мусульмане считали себя потомками Авраама и его жены Сарры (отсюда их наименование «сарацины»).

Стр. 358. *Сии бо государи рода Владимера Святославича... внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговьского.*— Рязанские князья — потомки князя Владимира Святославича через его правнука Ярослава Святославича. Возведение генеалогии рязанских князей к Святославу Ольговичу Черниговскому или Киевскому (герою «Слова о полку Игореве») — неверно.

Стр. 360. *...и ласкою своею многих от невѣрных царей, детей их и братью к собѣ приимаста, и на вѣру истиную обращаста.*— Имеются в виду «аманаты» (заложники из детей знатных родов), которых русские князья до нашествия Батыя брали у степных народов для предотвращения набегов и выполнения ими условий мирных договоров.

А Кир Михайло Всеволодовича Пронского...— Михаил Всеволодович Пронский в летописи известен только один — сын пронского князя Всеволода Глебовича, но этот «кир Михаил» («кир» — по-гречески господин) погиб в 1217 г.

СКАЗАНИЕ ОБ ИНДИЙСКОМ ЦАРСТВЕ

Греческое литературное произведение (XII в.) «Послание» мифического индийского царя-христианина Иоанна византийскому императору Мануилу попало на Русь в XIII или в XIV в. На русской почве, видоизменяясь и переплетаясь с другими произведениями, оно зажило собственной жизнью. В числе других произведений испытала влияние «Сказания» и былина о Дюке Степановиче. Для читателей русского средневековья «Сказание об Индийском царстве», очевидно, играло ту же роль, какую в современной нам литературе играет научная фантастика. Отрывок первой русской редакции «Сказания» сохранился в составе сербской «Александрии». Два самых ранних списка «Сказания» (второй половины XV в.) дают уже вторую его редакцию. Эта редакция и представлена здесь по одному из этих списков (ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 11—1088, лл. 198—204); незначительные исправления неясных по смыслу мест сделаны согласно другому списку (ГБЛ, Волоколамское собрание Московской Духовной академии, № 309 (667), лл. 1—7). Во всех списках «Сказания», за исключением положенного здесь в основу Кирилло-Белозерского, текст речи царя Ивана обрамлен предисловием и заключением. Вот перевод на современный язык предисловия и заключения по Волоколамскому списку: «Царь греческой земли Мануил послал своего посла к индийскому царю Ивану, и послал к нему много даров и повелел послу расспросить о величестве его силы и о всех чудесах Индийской земли. Дойдя до Индийской земли и отдав дары царю Ивану, посол попросил его начать говорить. Царь же Иван принял дары с великою любовью, дал в ответ многие дары и сказал: «Передайте царю своему Мануилу: если хочешь узнать мою силу и все чудеса моей земли, продай всю свою греческую землю и приходи ко мне сам послужить у меня; я сделаю тебя вторым или третьим слугой; а затем ты вернешься в свою землю. Будь ты и в десять раз выше, не описать тебе на харатье со всеми книжниками твоими царства моего даже до исхода души твоей. А цены твоего царства не хватит тебе на харатью, потому что невозможно тебе описать моего царства и всех чудес моих». Заключение: «И отпустил посла греческого с великою честью и со многими дарами к царю Мануилу. И после этого других послов не было в Индийской земле. Богу нашему слава. Аминь».

СКАЗАНИЕ О СОЛОМОНЕ И КИТОВРАСЕ

Сказание о мудром иудейском царе Соломоне и о служившем ему «дивием звере» Китоврасе принадлежит к числу «апокрифических» сочинений — произведений, написанных на библейские темы, но не включенных в Священное писание, «скровных» (тайных) и запретных. Уже с XIV в. на Руси имели хождение специальные индексы «отреченных» книг; в ин-

дексах этих значились «О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе». Происхождение и время проникновения на Русь сказаний о Соломоне и Китоврасе (как и других апокрифических легенд о Соломоне) не установлено. Сходство этих сказаний со средневековой еврейской (талмудической) литературой и некоторые особенности их языка позволяют видеть в них перевод с еврейского оригинала, но был ли этот перевод сделан в Киевской Руси или в южнославянских землях (также знавших «кощюны» о Китоврасе), неизвестно. Во всяком случае, уже в XIV в. сказания о Соломоне и Китоврасе были известны в северо-восточной Руси. Они входили обычно в состав более широкого комплекса сказаний о царе Соломоне (суды Соломона, Соломон и Южицкая царица) в «Толковой Палее» (книги, излагающей и толкующей библейские сюжеты).

Сказания о Китоврасе недаром включались в церковные индексы. Они принадлежали к народной «смеховой» литературе средневековья, которая, в отличие от церковно-учительной литературы, не разделяла своих героев на «белых» и «черных» — положительных или резко отрицательных. «Дивий зверь» Китоврас (его имя происходит от названия сказочного существа греческой мифологии кентавра или от индийского духа гандарва) дает Соломону полезные наставления, и он же забрасывает царя на край света, где его приходится разыскивать мудрецам и книжникам. Главное в Китоврасе — не доброта и не злодейство, а проницательность и остроумие.

Сказание о Соломоне и Китоврасе печатается по тексту одного из сборников Кирилло-Белозерского монастыря, составленных книгописцем XV в. Ефросином.— ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 11—1088, с дополнением явно пропущенного места по списку ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 68—1145.

НАСТАВЛЕНИЕ ТВЕРСКОГО ЕПИСКОПА СЕМЕНА

Памятник XIII — XIV в. Епископ Семен умер в 1288 г. Его «Наставление» включено в состав «Мерила праведного», сохранившегося в рукописях середины XIV — XVI вв. Текст печатается по списку середины XIV в.— ГБЛ, Троицкое собрание, № 15.

ЗАДОНЩИНА

В 1380 г. на Куликовом поле произошло грандиозное сражение русских и татар, получившее название Куликовской битвы или Мамаева побоища. Это важное для исторической судьбы Русского государства событие, принесшее, с одной стороны, много горя русскому народу, ибо на Куликовом поле погибло огромное число русских воинов, с другой,— вселившее уверенность в силу, превосходство русских над татар-

скими завоевателями, надежду на освобождение от татарского ига, вызвало к жизни несколько литературных произведений. О битве на Куликовом поле рассказывают «Летописная повесть», «Сказание о Мамаевом побоище» и «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче...», чаще называемое «Задонщиной» (так оно озаглавлено в одном из списков). «Сказание о Мамаевом побоище» — подробный рассказ о всех перипетиях Куликовской битвы. «Задонщина» — не столько повествование об обстоятельствах Мамаева побоища, сколько поэтическое выражение эмоционально-лирических чувств по поводу события. Сам автор «Задонщины» Софоний (кроме имени и того, что Софоний перей и рязанец, об авторе более ничего неизвестно) характеризует свое произведение как «жалость и похвалу». Это жалость, плач по погибшим — и похвала, слава мужеству и воинской доблести русских.

«Задонщина» — подражание «Слову о полку Игореве». Софоний хорошо почувствовал основной идейный смысл «Слова» — призыв к единению русских князей перед опасностью со стороны внешнего врага. Взяв за образец для своего произведения «Слово о полку Игореве», он тем самым сопоставлял воспеваемое им событие с событием, описанным в «Слове»: если князья будут действовать розно, то Русь будет терпеть поражения от врагов, но если они объединятся, то даже такой враг, как татары, не страшен. Как произведение подражательное «Задонщина» отличается пестротой стиля: поэтические части памятника тесно переплетаются с частями, носящими ярко выраженный прозаический, иногда даже деловой характер. В памятнике много повторений не стилистического характера. Все это создает своеобразную бессюжетность произведения, стилистическую и логическую неравномерность, непоследовательность. Однако это объясняется не только подражательным характером памятника, но и лирической эмоциональностью самой «Задонщины». О многом автор говорит иносказательно, намеками.

«Задонщина» была написана вскоре после Куликовской битвы — в 80-х — 90-х гг. XIV в. До нас дошло 6 списков произведения, самый ранний из которых датируется 1470-ми годами (текст в этом, так называемом Кирилло-Белозерском, списке сильно сокращен и переработан), а самый поздний — концом XVII в. Во всех списках текст памятника читается в искаженном виде. Публикуется реконструкция текста «Задонщины». В основу положен список XVII в.— ГБЛ, собр. Ундольского, № 632. В этот список вносятся изменения и исправления на основе сличения его со всеми остальными списками произведения и вставками из «Задонщины» в текстах «Сказания о Мамаевом побоище».

Стр. 380. *Дмитрий Иванович* — великий князь Московский с 1362 по 1389 г. Был прозван Донским после Куликовской битвы.

Владимир Андреевич — князь серпуховский и боровский, двоюродный брат Дмитрия Донского.

Микула Васильевич — московский воевода; был женат на сестре жены Дмитрия Донского.

Мамай — татарский военачальник («темник») при хане Бердибеке (1357—1361 гг.), в 1379 г. захватил власть и был фактическим правителем Золотой Орды до 1380 г.

Залесская земля — так назывались земли Владимиро-Суздальского княжества, а затем и Московского.

...жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная.— См. прим. на стр. 702.

...хиновя...— См. прим. на стр. 721.

...на реку на Каяль...— Здесь под Каялой подразумевается река Калка, на которой русские потерпели первое поражение от татар в 1223 г.

Стр. 382. *...великаго князя Владимера Киевскаго.*— Московские князья всячески подчеркивали свое происхождение от киевских князей, и именно от Владимира Святославича Киевского, который в 988 г. принял христианство.

Боян — см. прим. на стр. 716.

Игорь Рюрикович — киевский князь, княживший в Киеве с 912 по 945 г.

Ярослав Владимирович — сын Владимира Киевского, великий князь Киевский. Княжил в Киеве с 1019 по 1054 г.

Аз же помяну резанца Софония...— Либо автор говорит о себе в третьем лице, либо эта фраза принадлежит переписчику текста.

...в поль Половецкое.— Как в летописях, так и в древнерусских литературных памятниках земли, занимаемые татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси, назывались Половецким полем, а татары — половцами.

Святая София — главный храм Новгорода. На площади около Софии, так же как и на торговой площади, собиралось новгородское вече.

...на реки на Мечи...— Река Красивая Меча — правый приток Дона.

Стр. 384. *Андрей* и *Дмитрий Ольгердовичи* — сыновья великого князя Литовского Ольгерда, находившиеся на службе у великого князя Московского — Андрей с 1377 г., а Дмитрий с 1379 г.

...да Дмитрею Волыньскому...— Дмитрий Боброк-Волынский — сын литовского князя на Волыни Кориата-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижегородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Принимал участие во всех походах Дмитрия Донского.

Непрядва — приток Дона, впадающий в него с запада; ограничивает с севера Куликово поле. Куликово поле находится в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области.

Стр. 386. *Руская земля... за Соломоном побывала.*— Эта фраза — переосмысление непонятного (или искаженного в том списке, которым

пользовались при составлении «Задонщины») восклицания «Слова о полку Игореве» — «О Русская земля! уже за шеломянем еси!»

...Борис и Глѣб...— См. прим. на стр. 740.

Стр. 388. *Кликнуло Диво...*— В «Слове о полку Игореве» — Див. См. прим. на стр. 718.

Шибла слава к Желѣзным Вратам, и к Ворнавичом, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву, и оттоль ко Царюграду...— Железные Ворота — теснина в среднем течении Дуная. Ворнавичи — какое-то искаженное географическое название; Кафа (совр. Феодосия) — генуэзская колония в Крыму; Тырново — с 1186 по 1393 г. столица Болгарского царства; Царьград — столица Византии.

Пересвѣт — монах Троицкого монастыря.

Ослябя — монах того же монастыря. «Сказание о Мамаевом побоище» сообщает, что сражение началось поединком Пересвета с татарским богатырем.

Стр. 390. *...полоняныа вѣсти...*— вести о пленении. Употребление этого оборота в «Задонщине» объясняется зависимостью плача жен в этом памятнике от плача Ярославны в «Слове о полку Игореве».

Туто щурове рано въспѣли...— Щур — певчая птица.

ПИСЬМО ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО К КИРИЛЛУ ТВЕРСКОМУ

Это редкий литературный памятник начала XV в. (после 1413 г.), раскрывающий взгляды современников на изобразительное искусство. Автор письма — Епифаний Премудрый — выдающийся писатель конца XIV — начала XV в., возможно, владевший и искусством живописца. Его адресат — Кирилл Тверской,— видимо, предоставлял Епифанию Премудрому убежище во время набега хана Едигея на Москву и Троице-Сергиев монастырь (1408 г.). В письме содержатся ценные сведения о творческой биографии и художественной манере византийского живописца Феофана Грека, работавшего на Руси в XIV — начале XV в. и бывшего старшим современником знаменитого русского художника Андрея Рублева.

Письмо печатается по единственному известному списку второй половины XVII в. (ГПБ, Соловецкое собрание, № 1474—15, лл. 130—132).

Стр. 398. *...церковь Софийскую цареградскую...*— Собор святой Софии (теперь — Айя-София) в Константинополе — выдающийся памятник византийской архитектуры VI в.

...Тетроевангелие (Четвероевангелие)...— включает евангелия четырех авторов — Матфея, Марка, Луки и Иоанна.

...изограф...— художник, живописец.

...в Халкидоне...— Халкидон — средневековый город на берегу Мраморного моря.

...в Галафе...— Галата — часть Константинополя.

...в Кафе... — См. прим. на стр. 750.

...церкви... Благовещения святыя богородицы...— Благовещенский собор в московском Кремле (построен в 1390-е гг., расписан фресками, не сохранившимися до наших дней, Феофаном Греком, Прохором с Городца и Андреем Рублевым в 1405 г.; перестроен в конце XV в.). В иконостасе собора сохранились подлинные произведения Феофана Грека и Андрея Рублева.

...одну же на Москве.— Обычно под этой церковью подразумевают церковь Рождества богородицы с приделом Лазаря в московском Кремле (построена и расписана в 1390 гг. Феофаном Греком, Семеном Черным и другими мастерами). Фрески XIV в. не сохранились.

В Михайле святом на стене написа град...— Собор архангела Михаила, или Архангельский собор в московском Кремле (построен в 1333 г., расписан Феофаном Греком и его учениками в 1399 г.; фрески не сохранились, так как собор был перестроен в начале XVI в.).

...у князя Владимира Андреевича...— См. прим. на стр. 748.

...корень Иессеев...— мифическая родословная Иисуса Христа, которую возводили к отцу библейского царя Давида — Иессею.

...Апоколипьсий...— «Апокалипсис» («Откровение Иоанна») — книга о судьбах христианского мира, включаемая в Новый завет. Сюжет «Апокалипсиса» на Руси начали иллюстрировать не позднее XV в.

Стр. 400. *...великий Иустиниан царь...*— Юстиниан I, византийский император (527—565 гг.), основатель и заказчик постройки Софийского собора в Константинополе.

...нарицаемаго Иустиниана, на коне седяща и в руце своей десницы медяно держаща яблоко...— Статуя византийского императора Юстиниана I была создана и установлена на константинопольском Ипподроме при жизни императора. Там она простояла до XVI в.

...написа наскоре храмовидное изображение...— Рисунок Феофана Грека с изображением Софии Константинопольской не сохранился. Возможно, в ряде русских рукописей XV — XVI вв. встречаются подражания этому рисунку. Однако это мнение оспаривается.

ПОВЕСТЬ О ПУТЕШЕСТВИИ ИОАННА НОВГОРОДСКОГО НА БЕСЕ

Иоанн — первый новгородский архиепископ (1163—1186 гг.). В первой половине XV в. при новгородском архиепископе Евфимии II в Новгороде создается ряд литературных произведений, в которых воскрешается история Новгорода Великого. В частности, литературно оформляются легендарные предания об Иоанне. Три легенды о первом новгородском архиепископе составляют основу «Жития Иоанна Новгородско-

го», написанного, по-видимому, известным агиографом XV столетия Пахомием Логофетом. Наиболее интересен в «Житии» рассказ о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим, носящий сказочно-фантастический характер.

«Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе» печатается по списку конца XV в.— ГПБ, Соловецкое собрание, № 617 (500), с единичными исправлениями явно испорченных мест по списку XVI в.— ГБЛ, Румянцевское собрание, № 154.

Стр. 408. *...Давид рече...*— См. прим. на стр. 710.

И выведоша... Иоанна на Великий мост...— Казнь осужденных в Новгороде происходила на мосту через Волхов: осужденных сбрасывали с моста в реку.

...к святаго Георгиа монастырю.— Юрьев монастырь на левом берегу Волхова в четырех километрах от Новгорода, вверх по течению.

Стр. 410. *...в великую Премудрость божию...*— Имеется в виду собор св. Софии в новгородском кремле (см. прим. на стр. 740).

ЖИТИЕ МИХАИЛА КЛОПСКОГО

«Житие Михаила Клопского» — памятник новгородской литературы конца 70-х гг. XV в. В основе «Жития» лежат предания о юродивом Михаиле, подвизавшемся в Клопском Троицком монастыре под Новгородом с 10-х по конец 50-х гг. XV в. Созданное в годы подчинения Новгорода Москве, это «Житие», имеющее ярко выраженную антибоярскую окраску, отражает тенденции сторонников подчинения Новгородской боярской республики власти великого князя Московского. Это произведение не столько житие святого, сколько собранные воедино краткие, увлекательные рассказы о достопримечательных случаях из жизни необычного человека. Динамичность, занимательность повествования усиливаются ярким, сочным языком, который и по строю своему, и по лексике близок к живой разговорной речи новгородцев той поры. В своем первоначальном виде «Житие», созданное в стенах Клопского монастыря, не соответствовало церковно-служебному, назидательному назначению житийного жанра. Поэтому естественно, что последующие редакции памятника (вторая, созданная в конце XV — начале XVI в., и третья, Тучковская, написанная сыном боярским Василием Михайловичем Тучковым в 1537 г.) перерабатывали первоначальный текст в сторону усиления его риторичности, церковной назидательности.

Первая редакция «Жития» дошла до нас в двух вариантах — оба они дают уже измененный, по сравнению с первоначальным, текст произведения. Публикуется реконструкция первоначального вида «Жития», которая делалась по текстам, опубликованным в кн.: «Повести о житии Михаила Клопского», М.—Л. 1958.

Стр. 414. *Прихожение Михайла... ко святей Троицы на Клопъско при Феодосии, нареченнем на владычество.*— Клопский Троицкий монастырь основан в конце XIV — начале XV в., в 20 км. южнее Новгорода, на правом берегу реки Веряжи. Игумен монастыря Феодосий, при котором Михаил пришел в монастырь, в 1421 г. был избран новгородским архиепископом, через два года отстранен от архиепископства боярами и снова вернулся в монастырь.

...канун дни честнаго Рожества Иоанна в нощь.— Ночь накануне дня Ивана Купалы (24 июня по ст. стилю), когда, по народным поверьям, совершались всевозможные чудеса.

Стр. 416. *...100 бел...*— Бела, бель — мелкая денежная единица.

Стр. 418. *...князь Костянтин...*— Константин Дмитриевич, младший брат великого князя московского Василия Дмитриевича, князь Углицкий.

...книгу чести Иева праведнаго — одну из книг Библии.

...братья мои не дадут мне вотьчины.— В 1419 г. Константин Дмитриевич поссорился с великим князем и уехал в Новгород. В 1420 г. братья помирились, и Константин вернулся в свой удел.

Стр. 420. *Никола на Лятки* — монастырь под Новгородом.

Однорядка — долгополый однобортный кафтан без ворота.

И основаша храм в лето 6931-е — то есть в 1423 г. Это ошибка «Жития»: по летописным данным, каменная церковь была построена в 1419 г. за 60 дней. Именно в это время в Новгороде был Константин Дмитриевич.

Стр. 420—422. *...и сведуть тя на сени нареченным на владычьстве, и поживеши на владычьстве три годы.*— См. прим. к стр. 414. Новгородские владыки (архиепископы) избирались на вече и торжественно вводились во владычные (архиепископские) палаты при храме св. Софии. Избранный вечем владыка позже посвящался в этот церковный сан митрополитом.

Стр. 422. *Владыка Иоан* — новгородский архиепископ (1389—1415гг.) В 1415 г. по болезни оставил архиепископскую кафедру, ум. в 1417 г.

...и взяша... у Спаса на Хутыни на владычество Семена.— Спасо-Хутынский монастырь к северу от Новгорода на Волхове. Симеон — архиепископ с 1415 по 1421 г.

...Омельяна, нареченаго на владычество Еуфима.— Евфимий I Брадатый, архиепископ с 1423 по 1429 г.

Покрова дни.— Покров — церковный праздник 1 октября (по ст. ст.).

Святая неделя — пасхальная неделя.

...посадник Григорей Кирилович...— Григорий Кириллович Посахно, новгородский посадник, крупный землевладелец, играл видную роль в политической жизни Новгорода в 30-х гг. XV в.

Велик день — пасхальное воскресенье.

Жар — земля под паром.

Стр. 424. *Канун* — угощение, приготовленное к празднику или для помнок.

Кондак — церковное песнопение.

Перенос — перенесение каких-либо святынь во время богослужения.

...Олферью Ивановичу с Иваном Семеновичем с Лошинским.— Олферий Иванович и Иван Семенович Лошинский — новгородские бояре-землевладельцы.

Курецко — погост вблизи Клопского монастыря.

Стр. 426. *Панагия* — ящичек, в котором переносилась часть от просфоры из церкви в трапезу.

...возвели владыку Еуфимьа Другово...— Евфимий II Вяжицкий, архиепископ с 1429 по 1459 г.

И приехал тогды князь Дмитрей Юрьевич...— Имеется в виду бегство в Новгород Дмитрия Юрьевича Шемяки в 1450 г. после поражения в Угличе в борьбе с великим князем московским Василием Васильевичем Темным. В 1452 г. Шемяка предпринял новую попытку пойти на Василия Темного, потерпел поражение и снова бежал в Новгород, где умер в 1453 г.

Стр. 428. *Преехал посадник Иван Васильевич Немир.*— При жизни Михаила Клопского было два посадника с именем Иван Васильевич. Немир Иван Афанасьевич был посадником уже после смерти Михаила, но именно он принимал участие в событиях, которым посвящен этот эпизод «Жития». Здесь имеются в виду события 70-х гг. XV в., когда после военных походов в 1471 и 1478 гг. и похода «миром» в 1476 г. Новгород был окончательно подчинен Москве.

...а у нас есть князь Михайло литовьской.— Михаил Олелькович, правнук Ольгерда, в 1470—1471 гг. находившийся в Новгороде. Еще до начала военных действий 1471 г. ушел из Новгорода.

Стр. 430. *Колывань* — Таллин.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ ВОЕВОДЕ

«Сказание о Дракуле» состоит из ряда эпизодов-анекдотов о «мунтьянском» (румынском) князе Владе, известном под прозвищами Цепеша (то есть «Сажателя на кол», «Прокалывателя») и Дракулы («Дракона»). Анекдоты стали известны русскому автору во время его пребывания в соседних с Румынией землях. О своем пребывании в Венгрии с какими-то спутниками автор сам упоминает в повести (мы «видехом», «при нас умре»), судя по сообщенным им сведениям, он был там в 80-х гг. XV в. (после смерти Дракулы). Эти указания позволяют прийти к выводу, что автором повести был русский посол в Венгрии и Молдавии — скорее всего дьяк Ивана III Федор Курицын, возглавлявший в 1482—1484 гг. русское посольство к венгерскому королю Матвею Корвину и молдавскому господарю

Стефану Великому. Анекдоты, которые он положил в основу своей повести, записывали в те годы и другие писатели: авторы анонимных немецких брошюр «О великом изверге Дракола Вайда», поэт-мейстерзингер Михаэль Бехайм и итальянский гуманист Антонио Бонфини, создавший «Венгерскую хронику». Русский автор рассказывал о многочисленных жестокостях Дракулы, сравнивал его с дьяволом, но одновременно сообщал и о справедливости Дракулы, беспощадно каравшего всякое преступление, кто бы его ни совершил. Этим его повесть отличалась от немецких сказаний о Дракуле, где описывались только жестокости «великого изверга», и сходилась с «Хроникой» Бонфини, автор которой считал соединение жестокости и справедливости обязательным свойством государя. Так считал и русский публицист XVI в. Иван Пересветов. Но, в отличие от Бонфини или Пересветова, автор «Повести о Дракуле» создал не публицистический трактат, а художественное произведение. Рассказав о жестокости и справедливости Дракулы, он предоставил самим читателям вынести приговор герою.

«Повесть о Дракуле» публикуется по списку ГПБ, Кирилло-Белозерское собрание, № 11/1068 (Ефросиновский список).

Стр. 432. ...*в Мунтьянской земли*...— Мунтения (горная страна) — область в Румынии, восточная часть Валахии. Мунтьянской землей русский автор именует Валашское княжество.

Дракула влашеским языком, а нашим диавол.— Влад Цепеш (1456—1462 и 1476—1477 гг.) получил свое прозвище (распространенное за пределами Румынии) в наследство от отца, также носившего имя Влада (1436—1446 гг.); первопачально это прозвище было, по-видимому, связано с принадлежностью Влада-старшего к рыцарскому ордену Дракона, основанному германскими императорами, но затем оно стало ассоциироваться с румынским словом «drac» — дьявол.

...*от турьскаго поклисарие*...— Имеется в виду Мехмед (Магомет) II (1451—1481 гг.), турецкий султан, многократно вторгавшийся в Валахию. Военные действия между Владом Цепешем и турецким султаном, о которых далее говорится в «Сказании», происходили в 1461—1462 гг.

Стр. 438. ...*от угорского короля Маттеашя*...— Матвей Корвин (Матиаш Хуньяди) — венгерский король (1458—1490 гг.).

Стр. 440. ...*от своих издан по крамоле*...— Дракула попал в венгерский плен в конце 1462 г. Румынские историки считают известие об измене в войске Цепеша достоверным.

...*в Вышеграде на Дунаи, выше Будина 4 мили*...— Королевский замок Вышеград (Vizčegrad, нем. Plintenberg) вблизи венгерской столицы Будина (Буды, часть нынешнего Будапешта).

...*иного воеводу*...— Раду Красивого, брата Влада Цепеша.

Стр. 442. *Пожив же мало яко 10 лет...*— В действительности Матвей Корвин восстановил Влада Цепеша на валашском престоле в 1476 г., и его вторичное царствование длилось около года.

Конец же его сице...— Влад Цепеш погиб в сражении с турками 1 февраля 1477 г.; на престол был посажен его соперник Лайот Басараб.

...Варадинского бискупа...— Вардан или Варадин Великий (ныне Орадя в Румынии).

Михаила — Михня Злой, в 1508—1510 гг.— валашский господарь.

Стр. 444. *Стефан же молдовский* — Стефан (Штефан) Великий — молдавский князь (1457—1504 гг.), союзник и свояк великого князя Ивана III (сын Ивана был женат на дочери Стефана Елене).

Влад — Влад Монах, сын (по другим известиям — брат) Влада Цепеша, стал валашским князем в 1481 г.

Ефросин — монах Кирилло-Белозерского монастыря (XV в.), составитель сборников (ныне в ГПБ), включающих ряд выдающихся памятников светской литературы древней Руси.

ПОВЕСТЬ О БАСАРГЕ

В основе этого русского литературного памятника, созданного в конце XV — начале XVI в., лежит, по-видимому, устное греческое сказание о царе «латинской веры», отражавшее чаяния греческого населения восточных провинций Византии, оккупированных крестоносцами. Первоначальная редакция русской повести несет на себе еще значительное количество черт иноземного источника: действие в ней приурочено к Антиохии, Басарга назван греческим купцом и т. п. Но уже на раннем этапе литературной жизни повести Антиохия заменяется неназываемым сказочным царством, в котором люди «русской веры» терпят притеснения царя-язычника, Басарга становится русским купцом, киевлянином и т. д. В основе фабулы повести — популярный в литературе разных народов сюжет, носящий в сравнительном литературоведении условное обозначение «император и аббат», хорошо известный советскому читателю по балладе С. Маршака «Король и пастух». Сущность сюжета заключается в том, что скромный, никому неизвестный человек отгадывает предлагаемые властелином мудреные загадки, спасая этим от гибели себя или другого человека.

В основу публикуемого текста положен список ГИМ, собрание Барсова, № 2392, начала XVII в., с исправлениями дефектов и ошибок по двум другим спискам этого же варианта повести (ГБЛ, собр. Ундольского, № 632; собр. Румянцевское, № 378).

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Это произведение, созданное, по всей видимости, в XV в., в древнерусских рукописях часто называется «Житием» или «Повестью о житии». Однако вместо религиозных подвигов святых здесь рассказана история любви крестьянской девушки из Рязанской земли и муромского князя.

Повесть построена на использовании двух народно-поэтических мотивов: сказания об огненном летающем змее и сказки о мудрой деве. Легенды, рассказанные в повести о Петре и Февронии, находят себе параллели в ряде западноевропейских сюжетов: исследователи сравнивают эту повесть с песней старшей Эдды о битве Зигурда со змеем Фафнаром и о союзе этого героя с вещей девой, с сагой о Рагнаре и Ладброке. Особенно много общего наблюдается между повестью о Петре и Февронии и повестью о Тристане и Изольде как в передаче главной поэтической темы и сюжетной линии, так и в отдельных характерных эпизодах. В поздних записях сохранилось устное предание о Февронии из села Ласково Рязанской области. Возможно, что автор повести о Петре и Февронии использовал какой-то из вариантов этой устной легенды, но необходимо отметить, что повесть отличается от легенды более высокой художественностью и поэтичностью. В повести о Петре и Февронии нет никаких указаний на действительных исторических прототипов героев. Высказывались предположения, что под именем князя Петра надо подразумевать князя Давида Юрьевича, княжившего в Муроме с 1204 по 1228 г. (до него княжил старший брат его Владимир Юрьевич). Но существует и другое мнение — что прототипом Петра был муромский князь Петр, живший в начале XIV в., родоначальник бояр Овцыных и Володимеровых.

Повесть о Петре и Февронии публикуется по списку первой редакции в рукописи, относящейся к концу XVI — началу XVII вв. (ГИМ, собр. Уварова, № 1056 (523), лл. 353—369 об.), исправления внесены по рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 147, опубликованному М. О. Скрипилем в ТОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 225—246.

Стр. 455. *Агриков меч* — Агрик или Агрика — сказочный богатырь, обладавший несметным количеством оружия, среди которого у него был и меч-кладенец.

СПОР ЖИЗНИ СО СМЕРТЬЮ

Тема спора человека со смертью была популярной в литературе и искусстве позднего средневековья. В конце XV в. на Руси появился перевод одного из немецких диалогов жизни со смертью. Оригиналом

послужил текст, напечатанный в Германии и перевезенный в Новгород любекским типографом Бартоломеем Готаном. «Прение живота со смертью» в XVI в. стало одним из популярнейших произведений. Оно неоднократно подвергалось переработкам и изменениям. Издаваемый текст представляет собой один из вариантов значительной переработки, сделанной во второй половине XVI в. Первоначальная форма чистого диалога заменилась повествованием. Абстрактные образы собеседников первоначальных редакций персонифицированы. Смерть представлена в виде безобразной старухи с большим запасом оружия, сидящей на тощем коне. Неопределенный «живот» превратился в удалого воина, разъезжающего по чистому полю и похваляющегося своею силой. Однако по своему идейному содержанию на всех этапах этот памятник входит в число произведений с традиционной темой христианского отношения к смерти.

Текст публикуется по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 537, с исправлениями по списку ГИМ, собр. Музейное, № 1720.

Стр. 465. *Самсон*, *Давид*, *Соломон* — библейские герои, хорошо известные русскому читателю по другим литературным произведениям.

...во Алевите был Акирь Премудрый...— персонаж древнерусской «Повести об Акире Премудром». Алевит — город, упоминаемый там же.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО А. М. КУРБСКОМУ

Историческая роль Ивана Васильевича Грозного сложна и противоречива; весьма своеобразное место занимает он и в русской литературе. Первый царь «всея Руси», в годы правления которого к территории Русского государства были присоединены Казань, Астрахань и Сибирь и окончательно установилось крепостное право, создатель опричнины и организатор кровавых карательных походов на собственные земли, Иван IV был одной из наиболее зловещих фигур в истории России. Тиранские черты Грозного сказались и в его творчестве: нагромождение многочисленных и часто явно фантастических обвинений против своих противников, постепенно нагнетаемое в ходе этих обвинений «самовозбуждение»,— все это весьма типично для правителя, диктующего сочинения безгласным секретарям,— Грозный, по всей видимости, не писал, а диктовал свои послания. Но сочинения Ивана IV обнаруживают не только безграничность его власти. Суровая феодально-церковная идеология XVI в., в которой был воспитан Иван IV, отвергала все виды «смехотворения» и любые «неполезные повести»; в решениях Стоглавого собора, утвержденных царем, важное место занимала борьба с народным искусством скомо-

рохов, но сам Грозный чувствовал пристрастие к скоморошеским «играм». В этом его прямо обвиняли противники (и в первую очередь — Курбский). Художественные наклонности и вкусы царя сказывались и в его сочинениях. Но дело было не только во вкусах. Иван IV был по преимуществу публицистом — в своих произведениях он спорил, убеждал, доказывал. И, несмотря на неограниченную власть внутри государства, ему приходилось встречаться с серьезными противниками: из-за рубежа приходили сочинения врагов и, в первую очередь, наиболее талантливого из них — князя Андрея Курбского. Споря с этими «крестопреступниками», царь не мог ограничиваться традиционными приемами литературы XVI в.— обширными цитатами из отцов церкви, высокопарной риторикой. Свое первое послание Курбскому (1564 г.) он адресовал не только и не столько самому «крестопреступнику», сколько «во все Российское царство» (так и озаглавлена первая, древнейшая редакция послания). Читателям «Российского царства» нужно было показать всю неправду обличаемых в послании бояр, а для этого недостаточно было общих слов — нужны были живые, выразительные детали. И царь нашел такие детали, нарисовав в послании Курбскому картину своего сиротского детства в период «боярского правления» (отец Ивана IV, Василий III, умер, когда сыну было три года, мать — пять лет спустя) и картину боярских своевольств в годы его юности. Картина эта была остро тенденциозной и едва ли исторически точной. Но в выразительности ей отказать нельзя — недаром Курбский старался впоследствии в своих сочинениях дать иную версию истории первых лет правления Грозного, явно отвечая тем самым на рассказ царя.

Отрывок из первого послания Ивана Грозного А. М. Курбскому печатается по спискам первой редакции — ГПБ, собрание Погодина, № 1567 (не имеющему окончания), и ЛОИИ, собрание Археографической комиссии, № 41, с небольшими исправлениями по другим спискам той же редакции.

Стр. 467. *...отец наш, великий государь Василей, пременив порфиру ангельским пременением...*— отец Ивана IV, Василий III, умер в 1533 г.

...святопочившим Георгием...— Младший брат Ивана IV, Юрий (Георгий), был глухонемым и слабоумным (что нередко считалось в древней Руси признаком святости); он умер в 1564 г., незадолго до написания послания.

...царице Елене...— Елена Васильевна Глинская, вторая жена Василия III (первая, Соломония, была пострижена в монахини — см. прим. на стр. 763).

...Надчитархана...— вероятно, Астрахань (татарск. Хаджитархан), где действительно во время правления Елены Глинской произошел переворот, и ханом стал враждебный Руси Дербыш-Али.

...Семен Бельской да Иван Ляцкой...— боярин и окольничий, бежавшие в 1534 г. к польскому королю Сигизмунду I; в 1536 г. Семен Бельский отправился в Стамбул и участвовал в крымско-турецком походе на Русь.

...яко же Ахитофель совет разсыпася.— По библейскому рассказу (Вторая книга Царств, 16—17), Ахитофел — советник Давида, изменивший ему и перешедший на сторону Аввесалома; когда его заговор не удался, Ахитофел повесился.

Стр. 467—468. *...дядю нашего, князя Ондрея Ивановича, изменники на нас подъяша...*— Заговор брата Василия III (дяди Ивана IV) князя Андрея Старицкого произошел в 1537 г. Андрей пытался поднять против Елены новгородских помещиков, но не достиг успеха и был вынужден сдаться.

Стр. 468. *Радогощ, Стародуб, Гомей* (Гомель) — эти города были взяты Сигизмундом III во время военных действий 1533 г.

...царицы Елене преити от земнаго царьствия на небесное...— Елена Глинская умерла в 1538 г.; по известиям иностранцев, она была отравлена; сразу же после смерти Елены был убит ее фаворит Овчина-Телепнев-Оболенский.

Стр. 469. *...Данила митрополита...*— Митрополит Даниил, ближайший сподвижник Василия III (осуществивший его развод с Соломонией), был лишен сана и сослан в 1538 г., одновременно с заточением главного врага Шуйских князя И. Ф. Бельского и убийством дьяка Федора Мишурина.

...у собя велел есми быти болярину своему князю Ивану Федоровичю Бельскому.— И. В. Шуйский был «отослан» (на воеводство во Владимир), и И. Ф. Бельский пришел к власти летом 1540 г. Ивану IV было в это время 10 лет, однако он рассматривал (в послании, как и в летописях) эту политическую перемену как свое собственное решение.

...князь Иван Шуйской... пришед ратию к Москве...— Новый переворот в пользу Шуйских произошел в 1542 г.; в перевороте участвовали служилые люди и горожане-москвичи, сочувствовавшие Шуйским.

Стр. 470. *...митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша.*— Митрополит Иоасаф, помогавший победе Бельских в 1540 г., был в 1542 г. заменен Макарием, впоследствии видным сподвижником Ивана IV.

...шесть лет и пол не преставша сия злая! — Период «боярского правления», согласно Ивану IV, закончился в 1543 г., когда был казнен Андрей Шуйский.

...сами яхомся строити свое царство...— Фактически и в этот период (до 1547 г.) управление царством находилось в руках бояр — в первую очередь, Глинских, родичей Ивана IV по матери (дяди Ивана — Михаил и Юрий Глинские, его бабка — Анна).

...пламени огненному царствующий град Москву попалившу...—

Пожар в Москве, ставший поводом к народному восстанию, произошел летом 1547 г.

Стр. 470—471. *И сие убийство во церкви всем ведомо, а яко же ты, собака, лжеши!* — Грозный отвечает здесь на слова Курбского (в его первом письме к Ивану IV), обвинявшего его в том, что тот «мученическими кровьями праги церковные обагрил».

Стр. 471. *...во своем селе Воробьеве...*— царская резиденция на берегу Москвы-реки на Воробьевых горах.

Како же на такую высоту, еже Иван святый, водою кропити? — Грозный имеет в виду слух, распространившийся в народе, что Анна Глинская вызвала пожар, кропя Москву (в том числе и колокольню Ивана Великого) водой, в которой были вымочены человеческие сердца.

ПОСЛАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО ВАСИЛИЮ ГРЯЗНОМУ

В отличие от посланий Ивана IV Курбскому, его послание Василию Грязному не было рассчитано на широкое распространение и сохранилось только в одном экземпляре (среди памятников дипломатических сношений с Крымским ханством — «Крымских дел»). Написано оно было в связи с тем, что Василий Грязной, опричник и близкий сподвижник царя, попал в 1574 г. в плен к крымским татарам. Грязной обратился из плена к царю, прося выкупить его (это письмо не дошло до нас), но размеры выкупа, названные крымцами, показались Ивану IV несообразно высокими. В послании Грязному, доказывая ему невозможность выкупа на этих условиях, царь высказал заодно свое недовольство опричниками, к которым принадлежал Грязной,— в 1571—1572 гг. опричнина не оправдала себя как военная сила и была официально отменена. Стиль послания, его грубоватый юмор, во многом был связан со скоморошескими традициями, близкими Грозному и поддерживавшимися и в опричнине.

Послание Василию Грязному печатается по единственному списку: ЦГАДА, ф. 123, Крымская посольская книга, № 14, лл. 214 об.—217 об.

Стр. 472. *...взяли тебя в полон...*— В. Г. Грязной-Ильин, назначенный в 1573 г. воеводой на Донец, был захвачен в плен на р. Молочные Воды.

...не токмо что к Москве.— Речь идет о походе крымского хана Девлет-Гирея в 1571 г., во время которого была взята и сожжена Москва.

...мы и вас, страдников, приближали...— «Страдник» — холоп; так пренебрежительно Иван IV обозначал в послании опричников.

...у Пенинского...— Князья Пенинские-Оболенские служили ближайшим родственникам царя — Андрею Ивановичу и Василию Андреевичу Старицким, которым принадлежал и город Алексин.

Дивей — крупнейший полководец крымского хана, попавший в 1572 г. в русский плен.

Стр. 473. *...а нагайской князь и мурзы ему все братья...*— Дивей был из ногайского рода Мансуров и находился в ближайшем родстве с ханом и мурзами (высшими феодалами) Ногайской Орды, занимавшей территорию между Средней и Нижней Волгой и рекой Яиком (Уралом).

...князя Семена Пункова... князя Михаила Васильевича Глинского...— Иван IV называет крупнейших военных деятелей XVI в. (уже умерших к этому времени).

А. М. КУРБСКИЙ
ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ

В апреле 1564 г. наместник Ивана IV в городе Юрьеве (Тарту), незадолго до этого присоединенном к Русскому государству, князь Андрей Михайлович Курбский бежал в польскую Ливонию. А. М. Курбский участвовал в административных реформах середины XVI в., входил в тот круг близких к царю лиц, который он сам назвал впоследствии «избранной радой». Со второй половины XVI в. многие из этих лиц попали в опалу, были сосланы и казнены; ожидал расправы и Курбский. Но, перейдя к польскому королю, получив от него крупные земельные пожалования, Курбский не просто вошел в среду литовско-русской знати, постоянно «отъезжавшей» из Москвы в Вильно и обратно. Он захотел обосновать свой отъезд и обратился к Ивану IV с посланием, в котором обвинил царя в неслыханных «муках» и «гоненьях» против верных воевод, покоривших России «прегордые царства». Иван Грозный ответил Курбскому обширным посланием «во все Российское царство»; завязалась острая полемика между двумя противниками, хорошо владевшими пером.

«История о великом князе Московском» была одним из звеньев в этой борьбе. Она была написана в 1573 г., в связи с польским «бескоролевьем» и возникшим в те годы планом избрания Ивана IV на польско-литовский престол. Желая противодействовать этим планам, Курбский создал своего рода памфлет против Ивана Грозного, построив его как ответ на вопросы многих «светлых мужей» о причинах тиранства царя. Как и Грозный в «Царевом-государеве послании», Курбский начинал с детства царя, стараясь показать, что Иван от рождения проявлял склонность к «разбойническим делам»; влияние Сильвестра и Адашева он, вопреки Грозному, изображал как весьма благотворное для царя. Но затем, под влиянием «презлых советников» (монахов и «писарей» из «простого всенародства»), царь устранил Сильвестра и Адашева и начал «гонения». Описанию этих «гонений» и посвящена большая часть «Истории о великом князе Московском».

Спор между Грозным и Курбским имел не только политический, но и литературный характер. Как и другие церковные и светские писатели-

профессионалы XVI в., Курбский ценил в литературе только «риторские словеса» — красноречие. Первое послание Курбского Грозному представляло собой образец высокого риторического стиля — своего рода «цицероновскую» речь, логичную и последовательную, но начисто лишенную каких-либо конкретных деталей. Курбский презирал «грубые» вкусы царя, его пристрастие к скоморохам, непоследовательность и многословие его сочинений, характерное для них сочетание торжественного и смешного — упоминания «о постелях, и телогреях, и иные безчисленные, воистину якобы неистовых баб басни». Это был спор о том, как должна строиться литература. Но если в политическом споре Курбский нередко «побивал» царя, то в литературном споре он едва ли оказывался победителем. Когда Курбскому понадобилось в «Истории о великом князе Московском» дать свою версию рассказа о детстве царя, он не смог ограничиться только риторикой, но и сам обратился к конкретным деталям.

Отрывок из «Истории о великом князе Московском» печатается по сборнику сочинений Курбского конца XVII в.— ЦГАДА, ф. 181, дело № 60.

Стр. 474. *Тогда зачалъся нынешнии Иоанн...*— В предшествующем тексте «Истории» А. М. Курбский рассказывал о событиях, предшествовавших рождению Ивана IV,— о насильственном пострижении первой жены Василия III Соломонии и о его «беззаконной» женитьбе на Елене Глинской, будущей матери Ивана Грозного.

Иоанн Златоустый — византийский церковный деятель и писатель IV — V вв. н. э., среди сочинений которого есть «Беседа о злой жене».

...Иоаннова преподобие и Иродова лютость...— Согласно евангельским сказаниям, Иоанн Креститель (Предтеча), провозвестник Христа, был казнен иудейским царем Иродом Антипой по навету его жены Иродиады.

...Соломон глаголет: «Мудрый,— рече,— милует души скотов своих, тако ж и безумный биет их нещадно»...— Курбский цитирует (не вполне точно) Притчи, приписываемые царю Соломону (Притчи, XII, 10).

Стр. 475. *...Андрей Шуйский* — был казнен в 1543 г. (см. прим. на стр. 760).

...князя Иоанна Кубенского, яже был у отца его великим земским маршалком...— Князь Иван Кубенский, великокняжеский дворецкий Большого двора (Курбский передает название польско-литовским термином «великий земский маршалок»), был казнен в 1546 г.

...Феодор и Василий Воронцовы — представители старого московского боярского рода (приписывавшего себе по тогдашней традиции «немецкое» — варяжское происхождение), были казнены в 1546 г.

...князя Богдана сын Трубецкого... Михаил...; князь Иоанн Дорогобужский... и Феодор...— И. И. Дорогобужский и Ф. И. Овчинин-Обо-

ленский (сын фаворита Елены Глинской И. Овчины-Оболенского) были казнены в 1547 г.; о судьбе М. Б. Трубецкого в других источниках не упоминается.

...посетил град великий Москву презельным огнем...— О московском пожаре 1547 г. см. прим. на стр. 760—761.

...от царя Перекопскаго...— Перекопским царем (по имени Перекопского перешейка в Крыму) именовали в древней Руси Крымского хана; в годы юности Ивана IV Крымское ханство неоднократно нападало на Русь.

Стр. 476. *...возмущение велико всему народу...*— О московском восстании 1547 г. см. выше, стр. 760—761.

...Юрий Глинский... Михаил Глинский — дяди (слово «вои», употребленное Курбским, вероятно, соответствует польскому слову «wuj» — дядя) Ивана IV, убитые во время восстания 1547 г.

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ ИВАНА IV НА НОВГОРОД В 1570 ГОДУ

В повести рассказывается об одном из самых драматических событий прошлого — бессмысленном уничтожении беззащитного населения Новгорода Великого опричниками и стрельцами Ивана Грозного в январе — феврале 1570 г. В наказание за участие новгородского архиепископа Пимена (1552—1570 гг.) и церковно-монастырской верхушки в заговоре с боярами и в сношениях с польским королем Сигизмундом II Августом Иван Грозный с необычайной жестокостью расправился не только со своими противниками: его опричники в течение нескольких недель пытали, жгли, топили и убивали десятки тысяч ни в чем неповинных мужчин, женщин и детей. Опричники подвергли Новгород и его окрестности страшному разграблению, не щадя ни церквей, ни монастырей. Автор повести, может быть, новгородец, писавший со слов очевидцев или сам бывший участником событий, создал яркую картину. Сжатое, но точное описание зверств опричников сменяется то плачем по убиенным, то уговорами не сетовать и не роптать. Драматизм действия нарастает постепенно и заканчивается эффектной концовкой. Устав от многих казней, самодержец воззрел «милостивым и кротким оком» на оставшихся в живых согнанных перед ним новгородцев и велел молиться за него, проклинать его супостатов, не роптать и слушаться во всем его наместника князя П. Д. Пронского. По первому впечатлению, повесть написана с позиций «благоверного» государя и его опричников. Однако это не совсем так. Автор отрицает факт измены новгородцев, объясняя, что злые советники по наущению дьявола оговорили Пимена и новгородцев перед царем. Вместе с тем автор рассматривает действия опричников как «праведный суд», «божью кару за грехи», на «уверение» (то есть убеждение) людей.

Текст печатается по списку третьей четверти XVII в. БАН, 16. 3. 2, лл. 312—319, с необходимыми исправлениями по Архивскому списку.

Стр. 479. ...*на Торговой стороне, на месте нарицаемом Городищи...*— Городище, или Рюриково городище, расположено на правом берегу Волхова. Издавна здесь находился княжеский дворец, в котором жили новгородские князья. Здесь во время приездов останавливались и московские великие князья.

...*на Волховском мосту Великом, у Черного креста.*— Волховский мост — мост через Волхов, соединявший Вечевую площадь на Торговой стороне с Детинцем на Софийской. Черный крест — большой деревянный крест при въезде на Волховский мост на Софийской стороне известен под названием «Чудный крест».

Стр. 480. ...*Жигимонту Августу.*— Сигизмунд II Август — польско-литовский король (1530—1572 гг.).

...*две денги на день.*— Деньга — мелкая монета.

...*и протопопу Евстафию...*— Духовник Ивана Грозного.

...*иконы чюдотворныя корсунския...*— Корсунские иконы — условное название греческих по происхождению икон, привозившихся из Византии на Русь через Херсонес (Корсунь).

Стр. 481. ...*числом яко до тысящы, а иногда и до полуторы тысящ.*— В 1546 г. в Новгороде насчитывалось 5159 дворов и примерно 35 000 человек, большинство которых составляли ремесленники и их семьи. Во время 35-дневных казней в 1570 г. в Новгороде погибло приблизительно 20 000 человек. В 1583 г. в Новгороде оставалось около 4000 человек.

Стр. 482. ...*на всякую новгородцкую пятину...*— Пятина — административно-территориальная единица (1/5) в Новгородской республике.

Стр. 483. ...*в Олександрову слободу...*— Ныне город Александров, в 113 км. к северу от Москвы.

СКАЗАНИЕ АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

«Сказание Авраамия Палицына» — рассказ о событиях 1584—1618 гг. об иноземной интервенции и причинах «смуты». Авраамий (Аверкий) Палицын (50-е гг. XVI в.—1627) — дворянин по происхождению, келарь Троице-Сергиева монастыря с 1608 по 1619 гг. В составе русского посольства в сентябре 1610 г. он был послан в стан Сигизмунда III под Смоленск; с помощью богатых подарков получил для монастыря охранные грамоты и в январе 1611 г. вернулся в Москву; за это (в 1620 г.) был выслан патриархом Филаретом в Соловецкий монастырь, где и прожил последние семь лет, занимаясь литературными трудами.

В окончательной обработке (так называемая «окончательная» редакция) «Сказание» вобрало в себя несколько сочинений, объединенных

и отредактированных Авраамием Палицыным. Относительно шести начальных глав «Сказания» о причинах «смуты» (так называемая «первая» редакция) существует предположение, что их автором был современник Авраамия Палицына архимандрит Троице-Сергиева монастыря (с 1610 г.) Дионисий (Давид) Зобниновский (1570-е — 1633). Эти главы были написаны Дионисием (или иным автором), вероятнее всего, осенью 1611 г. В 1620 г. это сочинение в обработанном виде было включено Палицыным в «окончательную» редакцию «Сказания». Перу самого Палицына, безусловно, принадлежит центральная часть «Сказания» — описание героической обороны Троице-Сергиева монастыря, основанная на записках и рассказах очевидцев (сам Палицын во время осады монастыря был в Москве).

Троице-Сергиев монастырь расположен в 71 км. от Москвы, и оборона его имела общегосударственное значение. Основанный Сергием Радонежским в XIV в., некогда деревянный, Троице-Сергиев монастырь был при Иване Грозном (в 1540—1550 гг.) обнесен толстыми и высокими (от 8 до 14 метров) каменными стенами с 12 башнями и к началу XVII в. стал неприступной крепостью, защищавшей столицу с севера. Однако богатейший в России монастырь имел всего около 2300—2500 человек защитников, которые в течение 16 месяцев (с 23 сентября 1608 по 12 января 1610 гг.) стойко выдерживали натиск польско-литовских интервентов (отрядов Я. Сапеги, А. Лисовского, А. Зборовского).

Публикуются отдельные главы из обеих редакций «Сказания»: главы о причинах «смуты» — по «первой», последующие главы (начиная со «Сказания, что содеяшяся в дому пресвятыя и живоначалныя Троица...») — по «окончательной» редакции. Текст печатается по книге: «Сказания Авраамия Палицына», М.—Л. 1955.

Стр. 487. ...*Феодор Иванович*ъ — сын Ивана Грозного (царствовал с 1584 по 1598 гг.).

...*яко же и Иосиф во Египте*...— См. прим. на стр. 739.

...*и тому Борису*...— Борису Федоровичу Годунову (около 1550—1605), который был фактическим правителем государства при царе Федоре и после его смерти был избран царем.

Стр. 488. ...*Дмитрия Ивановича*...— царевича Димитрия, сына Ивана Грозного и его седьмой жены Марии Нагой, погибшего в Угличе 15 мая 1591 г.

...*глаголет и действует нелепо о ближнейших брата си*...— По рассказам иностранцев, очевидцев событий «смутного» времени, Исаака Массы и Конрада Буссова, которые основывались, вероятнее всего, на слухах, царевич Димитрий якобы критически отзывался о царе Федоре и мечтал по вступлении на престол расправиться с виднейшими боярами и Борисом Годуновым.

...отсылают, нехотяща, в вечный покой.— Убит ли был царевич Димитрий или сам зарезался в припадке «падучей» болезни, до сих пор окончательно не выяснено.

...в великую лавру... Девичия монастыря...— Новодевичий монастырь на окраине Москвы (основан в 1525 г.).

...икону матери всех бога...— Владимирскую икону богоматери (XI в.), считавшуюся главной московской святыней и хранившуюся в Успенском соборе, в Кремле.

...святейшаго отца Иева...— Иов — первый русский патриарх (1589 — 1605 гг.).

Стр. 489. *...племя царя блаженнаго Феодора...*— Род бояр Захарьиных-Юрьевых (Романовых), соперничавших с Борисом Годуновым в борьбе за престол.

Стр. 490. *...гумна же пренаполнены одоней и копон и зародов...*— Одонье — снопы, сложенные для хранения под открытым небом. Зарод— стог сена.

Стр. 491. *...боле двадесяти тысящь сицевых воров обретшеся... в Колуге и в Туле...*— Имеются в виду участники назревающей крестьянской войны 1606—1607 гг. под предводительством И. И. Болотникова.

...от Датския земли государича...— Женихом Ксении Годуновой был датский герцог Иоанн (умер от горячки в 1604 г.).

Стр. 492. *...от Татарских царьств... из Хвалис...*— Под Татарским царством подразумевается Грузия, земли близ Хвалынского (Каспийского) моря; невестой Федора Годунова была карталинская княжна Елена.

...составляше ложная писания...— «прелестные» письма, грамоты, с которыми обращался к народу Лжедимитрий I.

Стр. 493. *...папа же римский всему Западу о нем восписа... и польскому кралю... за него повелеша строитися.*— Папа римский Климент VIII, поддерживая агрессивную политику польского короля Сигизмунда III против России и авантюру Самозванца, надеялся использовать интервенцию для введения на Руси католичества.

...и мати царевича Димитрия, инока Марфа...— Мария Нагая была при царе Федоре Ивановиче насильственно пострижена в монахини и сослана; в 1605 г. Лжедимитрий I вернул ее в Москву.

...и князь Василей Ивановичь Шуйской на плаху судися...— Будущий царь В. И. Шуйский участвовал в заговоре против Самозванца.

...покоршеся вси и с патриярхом Игнатием...— Лжедимитрий I поставил патриархом вместо Иова рязанского епископа Игнатия.

Стр. 494. *...просяще у пана Сердамирсково дочери тому постриге в жену...*— Дочь польского воеводы Сендамирского Юрия Мнишек, Марина Мнишек, в 1604 г. была объявлена невестой, а в 1605 г. стала женой Самозванца.

...Пафнотей, митрополит Крутитский...— Пафнутий до 1605 г.

был архимандритом московского Чудова монастыря, где, как принято считать, монашествовал и откуда бежал в Литву Григорий Отрепьев.

И яко же колесница фараоновы...—См. прим. на стр. 729.

Зерньщиком же толико попусти играти и воровати...— Зернщики — играющие в зернь, косточки с белой и черной сторонами; игра была особенно распространена в XVI — XVII вв. и считалась предосудительной.

Стр. 495. *...сам окаянный зле скончася...*— Лжедимитрий I был убит боярами 17 мая 1606 г. во время народного восстания в Москве против польских оккупантов.

...излюблен бысть царем Василей Ивановичь Шуйской... ником же от вельмож не пререкован...— В. И. Шуйский был «выкрикнут» на царство группой бояр-единомышленников и царствовал с 1606 по 1610 гг.

...овии же в Тушинския таборы прескакаху.— Лагерь Лжедимитрия II находился в с. Тушине близ Москвы, что облегчало боярским и дворянским «перелетам» переезды из одного стана в другой.

Стр. 497. *...в дому пресвятыа и живоначалныя Троица...*— Троице-Сергиевом монастыре.

...Никона...— Никон — ученик Сергия и игумен Троице-Сергиева монастыря после его смерти (умер 17 ноября 1428 или 1429 г.).

...лже-Христу...— Лже-Христом автор называет Лжедимитрия II, «Тушинского вора».

Стр. 498. *...гетмана Петра Сапеги...*— Видный военачальник польской интервенции Ян Петр Павел Сапега (1569—1611) не ограничился пребыванием в Тушинском лагере при Самозванце, куда прибыл из Польши со своим семитысячным войском в конце августа 1608 г., а предпринял самостоятельные военные действия в северных замосковных землях.

...пана Александра Лисовского...— Ян Александр Лисовский, шляхтич, так же как и Ян Сапега, пришедший к Лжедимитрию II из Польши, с отрядом в 2000 наездников совершал разбойничьи набеги на владимирские, рязанские, нижегородские и северные земли.

...при святейшем патриархе Ермогене Московском и всея Русии...— Гермоген стал патриархом с 1606 г. при царе Василии Шуйском. В 1611 г. участвовал в написании агитационных патриотических грамот, способствовавших созданию первого народного ополчения. Был посажен польскими оккупантами под стражу и умер от голода 6 января 1612 г.

...при архимарите Иасафе...— Архимандрит Иоасаф III был переведен в Троице-Сергиев монастырь в 1605 г., пережил осаду, вернулся в Пафнутьев-Боровский монастырь и был там убит поляками 5 июля 1610 г.

...на Клемянтеевском поле...— Клементьевская слобода близ Троице-Сергиева монастыря.

Стр. 499. *...из-за всех туров изо штидесят трех пищалей...*— Туры — большие цилиндрические бездонные корзины, которые ставились рядами перед батареями и засыпались землей. Авраамий Палицын турами

называет сами батареи. Пищали — здесь: небольшие артиллерийские орудия.

Стр. 500. *...проби в деисусе у образа архистратига Михаила доску подле праваго крыла.*— Деисус — ряд отдельных икон, написанных на досках, на которых обычно изображались Христос, богородица, Иоанн Креститель, архангелы (архистратиг Михаил и пр.), апостолы и другие святые.

Воеводы же, князь Григорей Борисовичь Долгорукой и Алексей...— Г. Б. Долгорукий-Роща и Алексей Иванович Голохвастов во главе небольшого отряда были посланы Василием Шуйским для охраны монастыря и руководили его обороной во время осады.

...головы в воеводское место...— Головы — начальники отрядов.

...и з даточными людьми...— «Даточные люди» — крестьяне, находившиеся в зависимости от монастыря.

Стр. 501. *...под гору на Нижней монастырь...*— Нижний, или Подольный, монастырь, расположен в непосредственной близости от Троице-Сергиева монастыря, был выжжен во время осады (восстановлен в 1621 г.). В настоящее время сохранились лишь отдельные постройки.

Стр. 502. *...да четырех рохмистров желнырских...*— ротмистров солдатских. Желнырь — солдат (польск.), наемный ратник.

...в сурны играти, и в накры...— Сурны — музыкальный духовой инструмент; накры — род ударного инструмента (барабан, бубен).

...о надолобах...— Надолбы—бревна или обрубки дерева, вкопанные в землю у крепостных стен.

Стр. 503. *...до пришествиа Давида Жеребцова.*— Давид Жеребцов — воевода войска М. В. Скопина-Шуйского. Был послан на помощь осажденным с отрядом в 900 человек и прибыл в крепость 19 октября 1609 г.

Стр. 505. *О слуге Анании Селевине.*— Слуги монастырские были трех категорий: конные слуги, которые несли военную службу, подьячии или писцы в приказах и пешие слуги для выполнения разных поручений. Ананий Селевин, вероятно, принадлежал к первой из этих трех групп.

И с вышепомянутым немком...— Речь идет о глухонемом польском пане, перешедшем на сторону осажденных.

Стр. 506. *Пан же Зборовской...*— Александр Зборовский состоял на службе у Лжедимитрия II. Совершил неудачную попытку приступом взять монастырь и погубил при этом избранное польское воинство.

Стр. 507. *О бою со князем Михаилом...*— Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (около 1586—1610) — племянник царя Василия Шуйского, талантливый полководец. Собрав в Новгороде 3000 ратников и договорившись о помощи со Швецией, двинул объединенные отряды к Москве и 12 марта 1610 г. освободил ее от оккупантов.

...приближишуся к Колязину монастырю...— Колязин монастырь находился на Волге, под г. Колязином.

...до Рябова монастыря...— Рябов монастырь находился в Кашинском уезде (Тверская епархия).

ЛЕГЕНДАРНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА ГРОЗНОГО С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

«Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном» возникла в первой четверти XVII в. Она относится к публицистическим произведениям, написанным в форме дипломатических документов и вышедшим из-под пера писателей-канцеляристов, служащих Посольского приказа. В среде Посольского приказа имели хождение исторические анекдоты об издевательских подарках, посланных русским царем турецкому султану в ответ на требование дани за прошлые годы. Относящиеся к своеобразному «посольскому фольклору», эти исторические анекдоты повлияли на возникновение «Легендарной переписки». Патриотическая тема борьбы с Турцией интересовала русских читателей на всем протяжении XVII в. В хранилищах Москвы и Ленинграда находится более десятка списков этой переписки, относящихся к XVII в.

Текст печатается по списку середины XVII в.— ГПБ, собрание Погодина, № 1573; с исправлениями по списку из того же собрания, № 1570, опубликованному в ТОДРЛ, т. XIII.

Стр. 509. *...вышняго бога Саваофа произволением...*— Назвать богом аллаха не позволял русскому писателю религиозный этикет, поэтому султан ссылается на Саваофа.

...о выходные моея казны за 12 лет.— Русские государи никогда не платили дани турецкому султану. Дань Золотой Орде прекратилась в правление Ивана III, по-видимому, в 1476 г. Крымским ханам русские цари посылали не дань, а традиционные богатые подарки — «поминки».

Стр. 511. *...и святая святых горы...*— Имеется в виду Афон, одна из самых почитаемых святынь восточного христианского мира.

Стр. 512. *Манамах* — Владимир Мономах (см. прим. на стр. 709).

Стр. 514. *...яко и Козат воевода...*— легендарный персонаж, который упоминается в русских рукописных сборниках. Имя, возможно, искажено.

ПОВЕСТЬ О БОВЕ КОРОЛЕВИЧЕ

Средневековый рыцарский роман о Бово д'Антона возник во Франции и в различных стихотворных и прозаических версиях обошел всю Европу. На Русь он попал сложным путем: одна из венецианских поэм о Бово

д'Антона в XVI в. была переведена на сербскохорватский язык в Дубровнике, который поддерживал тесные связи с итальянским культурным миром. Этот несохранившийся перевод стал источником белорусского текста, который, в свою очередь, был усвоен на Руси. Московские читатели узнали «Бову королевича» где-то в середине XVI в.: к исходу столетия повесть снискала такую популярность, что имена Бова и Лукопер вошли в число русских имен, а имя Личарда стало нарицательным в значении «рыцарь».

Из рыцарских романов, вошедших в русскую литературу в допетровское время, на долю «Бовы королевича» выпал наибольший успех. До нас дошло не менее 75 рукописей, которые содержат это произведение. Кроме того, известно свыше двухсот лубочных изданий «Бовы» — последние из них выпускались даже после революции, в 1918 г. Отдельные сцены «Бовы» (портреты героя и Дружневны, Гвидона и Салтана, картины боя Бовы с Полканом, с войском Маркобруна, с Лукопером, встречи Бовы с женой и детьми) изображались на многочисленных «забавных листах». «Бова» перешел в русский фольклор, чему способствовала его близость богатырской сказке.

Эта популярность объясняется тягой древнерусского читателя к занимательному чтению, которую стремились подавить церковные и светские власти. Бова напоминал русских фольклорных богатырей. Главное, что привлекало в «Бове»,— изобилие приключений, сражений и измен, морских путешествий и переодеваний. Вероломная Милитриса и любящая Дружневна образовали как бы два полюса любовной темы, которая в таком объеме и в такой разработке тоже была новинкой для древнерусской литературы.

Популярность «Бовы» предопределила сложность его литературной истории. Современные исследователи (см.: В. Д. Кузьмина, «Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых ключей», М. 1964) насчитывают пять рукописных редакций «Бовы». Сказание постепенно русифицировалось и сближалось с устным народным творчеством. В него вводились русские реалии, так что в «Рахленском» и «Арменском» царствах появлялись златоверхие терема и земские избы, посадники и подьячие. Поэтическая фольклорная фразеология отразилась в диалогах и монологах героев.

«Сказание» публикуется с незначительными сокращениями по списку конца XVII в.—ГПБ, Q, XVII. 27, изданному в кн.: «Памятники древней письменности. Протокол полугодового собрания ОЛДП 16 декабря 1878 г.», СПб. 1879.

ПОВЕСТЬ ОБ УЛЬЯНИИ ОСОРГИНОЙ

Повесть была написана сыном Ульянии Дружиной Осоргиным в 20—30-х гг. XVII в. Дружина Осоргин пытался создать житие святой. К житийным канонам в этом произведении восходят некоторые стили-

стические обороты и литературные образы. Родители Ульянии «боголюбивы и нищелюбивы», сама она «от младых ногтей бога возлюби», в детстве избегает игр и смеха. Согласно житиям святых, после смерти Ульянии происходят чудеса с ее гробом и миро от ее мощей исцеляет больных. Но все это чисто внешние проявления житийного характера произведения. Автор рассказывал о простом и обыкновенном человеке, близком ему не святостью и величьем, а своей человечностью и простотой. Для него подвиги матери заключались в добросовестном и честном ведении хозяйства, в заботах о домочадцах, о всех приходящих к ней за помощью. Перипетии рассказа обусловлены прежде всего реальными жизненными ситуациями. Поэтому вместо жития получился рассказ о жизни русской женщины во второй половине XVI — начале XVII в., своеобразная семейная хроника.

Текст печатается по изданию: «Русские повести XVII века», 1954, стр. 39—47, где М. О. Скрипилем опубликован список XVII в. ГПБ, Q. I, № 25, с отдельными исправлениями по другим спискам.

Стр. 542. *Иоанна Васильевича* — Ивана IV Грозного.

Стр. 547. *...до царя Бориса...*— До царствования Бориса Годунова (1598—1605 гг.).

Стр. 548. *...положьше ю́ в клете...*— Клеть — холодная половина избы, отделенная от теплой сенями.

ПОВЕСТЬ ОБ АЗОВСКОМ ОСАДНОМ СИДЕНИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

«Повесть об Азовском осадном сидении» представляет собой облеченное в форму донесения («отписки») царю Михаилу Федоровичу (1613—1645 гг.) поэтическое описание действительных событий — четырехмесячной осады Азова турками в 1641 г. Мощная Азовская крепость — важный опорный пункт турецких владений в Причерноморье — была захвачена в 1637 г. без ведома и согласия русского правительства донскими казаками. В 1641 г. турецкий султан Ибрагим I послал под Азов огромную армию, насчитывавшую около 250 000 человек. В Азове же находилось лишь около пяти с половиной тысяч казаков. Казаки отвергли предложение турок сдать крепость и героически обороняли ее в течение четырех месяцев, отбив при этом 24 приступа. Турки были вынуждены снять осаду. Однако Земский собор, собравшийся в январе 1642 г., опасаясь войны с Турцией, отказался принять Азов в русское подданство, и летом 1642 г. остатки казачьего войска покинули город. Азов был присоединен к России лишь в 1696 г. в результате похода Петра I.

Автором так называемой «поэтической» повести об Азовском осадном сидении был, как полагают, один из участников казачьего посольства в

Москву войсковой подьячий (начальник войсковой канцелярии), в прошлом беглый холоп князя Н. И. Одоевского, Федор Иванович Порошин. Повесть написана им зимой 1642 г., во время заседания Земского собора, как своеобразный поэтический призыв поддержать героическую борьбу казаков. В своем произведении Порошин широко использовал образы и мотивы древнерусской воинской повести и казачьего фольклора.

Текст повести публикуется по списку БАН 32. 11. 7 XVII в. Исправления внесены по списку ГБЛ, собр. Ундольского, № 794, опубликованному в книге «Воинские повести древней Руси», М.—Л. 1949, и спискам ГПБ: НСРК, 1936, № 164; Q, XVII. 143 и Q, XVII. 209.

Стр. 550. *...атаман казачей Наум Василев да ясаул Федор Иванов.*— Наум Васильев руководил обороной Азова и возглавлял казачью «станицу» (посольство) в Москву; есаул (помощник атамана станицы) Федор Иванов Порошин — предполагаемый автор повести.

В прошлом, де, во 149-м году июня в 24 день...— Осада Азова и приезд казачьей станицы в Москву происходили в одном и том же — 1641 г., но по летосчислению XVII в. новый 7150 (1642) год начался с первого сентября.

...окроме поморских и кафимских и черных мужиков...— то есть подданных турецкого султана, живших по берегам Черного моря и в Кафе (Феодосии); «черными» назывались люди, жившие на государственной земле (не крепостные).

...орды крымские и нагайские...— Ногаи — тюркская народность; часть ногаев находилась в подчинении у крымского хана.

...загребают люди персидские.— Имеются в виду земляные валы, сооружавшиеся турками возле стен осаждаемых крепостей во время войны с Ираном (Персией).

...народым Крым Гирей царевичь...— Крым Герай — брат крымского хана Бегадыра Герая; народым (нур-эд-дин) — титул первого сановника ханства.

Стр. 551. *...буданы... башлаки.*— Буданы — мадьярское (венгерское) племя; башлаки — возможно, жители Боснии.

А збирался турской царь... четыре годы.— Казаки захватили Азов в 1637 г., но война с Персией (Ираном) и смерть султана задержали ответные действия турок.

Стр. 552. *...с жаграми.*— Жагра — приспособление для воспламенения заряда в пищали.

Стр. 553. *...Мурат салтанова величества, царя турского.*— Азов был захвачен казаками в период правления султана Мурата IV.

...Фому Катузина...— В 1637 г. казаки убили турецкого посла в Москву Фому Кантакузина (грека, принявшего мусульманство), заподозрив его в попытке связаться с осажденным ими Азовом.

...катаргам...— турецким гребным судам.

Стр. 554. *...от царства вашего силнаго... не будет... помощи и выручки.*— Русское правительство в дипломатических сношениях с Турцией стремилось подчеркнуть свой нейтралитет и снять с себя ответственность за действия казаков, хотя фактически тайно поддерживало их, регулярно посылая им жалованье, снабжая хлебом, оружием и припасами.

И не сидят люди ево персидские противу нас, турок...— В 1639 г. закончилась прано-турецкая война; в результате победы турок персидский шах вынужден был отступить из захваченных им в начале войны районов Месопотамии.

Стр. 555. *...для кровавых казачьих зипунов наших...*— Зипун — название казачьей одежды и одновременно — добычи, трофеев.

А холопи мы природные государя царя христианскаго...— Намек на то, что казаки являлись в основном беглыми холопами (крепостными крестьянами).

Стр. 556. *То царство было христианское...*— отражение популярных на Руси и особенно в казачьей среде надежд на освобождение от власти «басурман» Константинополя, захваченного турками в 1453 г.

А сребро и золото... от вас же водим.— Намек на ежегодные опустошительные набеги донских и запорожских казаков на турецкие города. В 1623 г. казаки разорили предместья самого Константинополя.

Стр. 557. *...украиною... от орды нагайские...*— Украиной называлась пограничная полоса («черта») с укреплениями и городами-крепостями, отделявшая Русское государство от Поля, то есть южных степей.

Стр. 558. *...Костянтина благовернаго.*— Константин XI Палеолог.

Стр. 559. *...вынесли болшое знамя на выласке, царя турскаго...*— Захваченное знамя было впоследствии доставлено казаками в Москву.

Стр. 560. *...у Предтечина образа...*— Святой Иоанн Предтеча считался покровителем донских казаков.

Стр. 562. *...Николин дом...*— церковь Николы-чудотворца.

Стр. 564. *...торжище тут ...и от матерей.*— В Азове, во времена владычества в нем турок, шла торговля «полоном» — угнанными во время турецких и татарских набегов жителями русских земель.

Стр. 565. *...до сентября по 26 день 150 году.*—См. прим. на стр. 773.

Стр. 566. *...строителем* — экономом монастыря.

УРЯДНИК СОКОЛЬНИЧЬЕГО ПУТИ

По свидетельству современников, соколиная охота была излюбленным развлечением царя Алексея Михайловича (1645—1676). Он ревниво следил за соблюдением сложного церемониала «сокольничья пути», то есть ведомства царской соколиной охоты. «Урядник», возможно, создан

при его живейшем участии. «Урядник» состоит из введения, раздела о церемониале пожалования «сокольников из рядовых в начальные» и «Росписи государевым охотникам, кому которых птиц указано держать». «Урядник», будучи по своей природе сугубо деловым документом, тем не менее читается как литературное произведение благодаря своему красочному, эмоциональному языку, ярким зарисовкам дворцового быта XVII в.

Отрывки из двух первых частей «Урядника» публикуются по рукописи: ЦГАДА, разряд 27, № 52/1, лл. 1—62, XVII в.

Стр. 567. *Урядник* — свод правил, устав.

...устроения чину Сокольничья пути — то есть описание церемониала, принятого в ведомстве царской соколиной охоты.

Стр. 568. *Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча... челигов ястребьих ловля.*— Речь идет о различных породах охотничьих птиц: кречете (челига — самец кречета), соколе, кобчике. «Дермлиговая перелазка», как полагает Ф. Буслаев, особого рода перелет хищной птицы дремлика.

Достоверному же охотнику...— охотнику, не только знающему правила («чин») охоты, но и опирающемуся на собственный опыт.

Стр. 569. *Петр Семеновичь Хомяков...*— Хомяков ведал всей царской соколиной охотой.

Стр. 570. *...стоит в ферезее...*— Ферязь — мужская верхняя одежда с длинными рукавами, без воротника.

Стр. 571. *...челига, розмыть...*— Видимо, речь идет о молодом соколе, уже один раз линявшем.

...клобучек...— колпачок, одеваемый на голову охотничьему соколу.

...с совкою нарядною...— Совка — часть клобучка, прикрывавшая птице глаза.

...обнасцы и должик...— путы, надеваемые на ноги ловчей птице, выпускаемой на добычу.

Стр. 572. *...подправительно...*— возможно: подправляя крылья для лучшего вида птицы.

...на поляново...— то есть на описанное выше место на попоне «промеж стулов», на которых сидят птицы.

...рукавицу с притчами...— По мнению знатока соколиной охоты Н. Кутепова, притча — это символическое изображение, вышивавшееся на рукавице, на которое должен был смотреть нововыборный сокольничий во время церемонии.

...а в Гамаюне...— то есть в сумке с изображением этой птицы.

...вабило — от глагола «вабити» — призывать, манить. Здесь: приманка для ловчей птицы.

...ващагу...— колотушку, которой, ударяя по бубну, спугивали дичь во время охоты.

ПИСЬМО ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА А. Л. ОРДИНУ-НАЩОКИНУ

Письмо написано в 1660 г., когда А. Л. Ордин-Нащокин, видный государственный деятель XVII в., сидел на воеводстве в Ливонии, в недавно отвоеванном у шведов Кокенгаузене, который был тотчас переименован в Царевичев-Дмитриев. Своего сына Воина А. Л. Ордин-Нащокин воспитал в западном духе. По свидетельству современников, Воин свободно объяснялся по-латыни, на польском, немецком и французском языках. В Кокенгаузене он ведал секретной и иностранной корреспонденцией отца, состоял в переписке с самим царем. Будучи послан в Москву, он на обратном пути бежал в Польшу, к королю Яну Казимиру, бывшему тогда в Гданьске. А. Л. Ордин-Нащокин опасался, что его обвинят в пособничестве, просил царя об отставке, в результате чего и появилось это «утешительное» письмо.

Ян Казимир поначалу возлагал на Воина большие надежды. Но тот вскоре затосковал по родине. Побывав в Вене, Франции, Голландии, он в 1663 г. явился к русскому посланнику в Копенгагене Богдану Нащокину и испросил государева позволения воротиться. Разрешение было дано, и в 1665 г. Воин Ордин-Нащокин вернулся в Россию и поселился в одной из отцовских деревень. Однако очень скоро царь указал посадить его «под начал» в Кирилло-Белозерский монастырь, откуда Воин был выпущен в 1667 г. в виде особой милости к отцу.

Письмо царя Алексея Михайловича А. Л. Ордину-Нащокину печатается по изданию: С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. VI, М. 1961, стр. 71—73. Местонахождение подлинника — неизвестно.

СКАЗАНИЕ ОБ УБИЕНИИ ДАНИИЛА СУЗДАЛЬСКОГО И О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

«Сказание» принадлежит к циклу русских литературных памятников XVII в., посвященных основанию Москвы. Сложившееся между 1652 и 1681 гг. в составе летописца, оно впоследствии распространяется в отдельных списках. В «Сказании» излагается легендарная история основания столицы, расцвеченная рядом вымышленных подробностей. Засвидетельствованные летописными источниками события, имевшие место в XII в. (основание Москвы князем Юрием Долгоруким, убийство Андрея Боголюбского Кучковичами), автор «Сказания» переносит в XIII в. и включает в вымышленные биографии сыновей Александра Невского — Даниила и Андрея Александровичей (умерших в начале XIV в.). Автор «Сказания» превращает свой рассказ в занимательное повествование о трагических событиях, будто бы предшествовавших основанию Москвы,

и прежде всего о семейной драме, разыгравшейся при дворе князя Даниила. Наличие любовной интриги, насыщенных драматизмом подробностей, связанных с убийством Даниила, сделали «Сказание» излюбленным чтением на протяжении XVII — XVIII вв.

Текст печатается по списку — ГИМ, собрание Музейное, № 3996, середины XVII в., являющемуся старейшим списком «Сказания»; с исправлениями по списку — ГПБ, собрание Титова, № 3997, первой половины XIX в.

Стр. 576. *...боярина Кучка Стефана Ивановича.*— О самом Кучке летописные источники ничего не сообщают. В летописях упоминаются Кучковичи — Аким Кучкович и Петр, «Кучков зять».

...князь Данило Суздальский...— По-видимому, имеется в виду князь Даниил Александрович, сын Александра Невского, умерший в 1303 г. Рассказанное о нем в повести с его биографией ничего общего не имеет.

...княгине Улите Юрьевне...— В исторических источниках она не упоминается. Прототипом героини «Сказания» является жена князя Андрея Боголюбского «Повести о зачале Москвы».

Стр. 577. *...ко князю Андрею Александровичю...*— По-видимому, имеется в виду сын князя Александра Невского, умерший в 1304 г.

Стр. 578. *...Борис, и Глеб, и Святослав...*— Борис, Глеб и Святослав — сыновья киевского князя Владимира Святославича, убитые своим братом Святополком в 1015 г. См. прим. на стр. 740.

Сыне же его, Ивану Даниловичю...— Иван Данилович Калита, великий князь московский, умер в 1341 г.

...князь Ярослав Владимерович...— Ярослав Мудрый, брат Бориса, Глеба и Святослава (см. выше).

ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ

В результате великой «смуты» начала XVII в. земельные отношения оказались чрезвычайно запутанными. Земельные тяжбы — наиболее частые судебные дела при первых Романовых. В этой обстановке и появилась «Повесть о Ерше Ершовиче», использовавшая форму судного дела. Несмотря на явную неправоту Ерша, повесть отнюдь не осуждает его. Более того, в поздних редакциях это сочувственное отношение усиливается. Ерш привлекает своей смелостью и предприимчивостью, выгодно отличающей его от туповатых, неповоротливых истцов, судей и свидетелей. «Повесть о Ерше Ершовиче»—один из самых популярных сатирических памятников XVII в. Известно более 30 списков повести; к ней примыкает также рифмованная скоморошина-прибаутка о Ерше. В XVIII в. Ерш стал героем лубочных изданий, откуда повесть перешла в сказку.

Текст печатается по изд.: «Русская демократическая сатира XVII века», М.—Л. 1954, стр. 7—13.

Стр. 582. *...детишка боярские...*— Одно из низших дворянских сословий Московского государства.

Стр. 583. *Уличаем божиею правдою да кресным целованием...*— «Божия правда» (то же, что «общая правда») — свидетельство, заведомо признаваемое и истцом и ответчиком. «Крестное целование» — судебная присяга.

...сшлемся, господа, из виноватых...— Ссылка «из виноватых» — ссылка одной из сторон на свидетеля, с условием принять его показания, независимо от того, в чью пользу он покажет.

Стр. 584. *...почему тебе те люди недруги...*— Тяжущийся мог отвести свидетеля, если он в состоянии доказать его пристрастность.

...езду платить нечем.— За доставку свидетелей платили пополам истец и ответчик.

...пристав... — Пристав с понятыми доставлял свидетелей на суд.

Стр. 586. *...бить ево кнутом нещадно...*— Несостоятельный ответчик «выдавался головою» истцу.

СУД ШЕМЯКИН

В заглавиях некоторых списков «Шемякина суда» указано, что повесть «выписана из польских книг». Известна польская версия, принадлежащая писателю XVI в. Николаю Рею из Нагловиц. Кроме того, сходные сюжеты встречаются в ряде других литератур. Даже если в основе «Шемякина суда» лежал иноязычный оригинал, то переводной текст быстро акклиматизировался в русской среде. Бытовые коллизии, лежащие в его основе: насмешка над незадачливыми истцами, над судебной процедурой вообще, восхищение казуистической ловкостью Шемяки — все это было близко русской жизни тех лет.

Повесть о Шемякине суде сохранилась в двух версиях — прозаической и стихотворной. В XVIII — XIX вв. многократно выпускались лубочные издания «Шемякина суда», повесть дала материал для прозаических и драматических обработок и перешла в фольклор.

Текст печатается по изданию: «Русская демократическая сатира XVII века», М.—Л. 1954, стр. 20—23.

СКАЗАНИЕ О РОСКОШНОМ ЖИТИИ И ВЕСЕЛИИ

«Сказание о роскошном житии и веселии» — вариация на сказочную тему о молочных реках с кисельными берегами. Сначала автор сохраняет мнимо серьезный тон, выражается несколько витиевато. Затем, используя

прибауточную рифмованную прозу, он переводит повествование в открыто сатирический план небылицы. «Сказание» — одновременно веселое и горькое изображение счастливой изобильной жизни, которой не бывает на земле; такие картины встречались в школярских песнях.

Немногочисленные полонизмы, встречающиеся в «Сказании», еще не указывают на его иноземное происхождение: во второй половине XVII — начале XVIII вв. знание польского языка было широко распространено в России и даже считалось непременным для образованных людей. Вся бытовая основа сказания, перечни рыб и зверей, платья и посуды, описание роскошного застолья, яств и напитков ориентирует на русскую среду. Судя по небывалому маршруту «до тово веселья» — из Польши в Лифляндию, потом на Украину, в Стокгольм и т. д., где преувеличенное внимание обращено на украинские города в ущерб не упомянутым вовсе великорусским,— произведение на каком-то этапе его литературной истории бытовало в украинской среде.

Текст печатается по изданию: «Памятники старинной русской литературы», вып. II, СПб. 1860, стр. 457—458.

Стр. 591. *...сиринов... струфокамилов.*— Сказочные птицы.
...оксамиты.—См. прим. на стр. 718.
...олтабасы.— Алтабас — парча, затканная золотом.

СЛОВО О БРАЖНИКЕ, КАКО ВНИДЕ В РАЙ

В повести использован популярный сюжет о мельнике или крестьянине, которые спорят со святыми у ворот царства небесного. По построению — это типичная новелла, состоящая из ряда анекдотов, объединенных общим персонажем — бражником, «толкущимся» у врат рая. Анекдотически неожиданна и концовка, в которой герой еще раз посрамляет недалеких обитателей рая, «не умеющих говорить с бражником, не токмо что с трезвым».

Тема пьянства широко представлена в древнерусских обличениях, прозаических и стихотворных. «Пьяницы не наследят царства небесного»— лейтмотив этих обличений. Повесть о бражнике в сатирической форме опровергает этот тезис, считая бражника менее греховным, чем апостолы, ветхозаветные Давид и Соломон и даже святой Николай, культ которого в древней Руси был настолько распространен, что приезжие иноземцы иногда называли его «русским богом».

Текст печатается по списку первой четверти XVIII в.— ГПБ, Q, XVIII. 57, лл. 158—162 (собр. Буслаева, № 97).

Стр. 595. *...егда слугу своего Урию послал на службу...*— В Библии (Вторая книга Царств) рассказывается, как Давид, прельстившись кра-

сотой Вирсавии, послал ее мужа Урию на войну. Урия был убит, а Вирсавию Давид взял себе в жены.

...идолом поклонился... и четыредесять лет работал еси им! — В Библии рассказывается о четырнадцатилетнем язычестве Соломона.

...дерзнул рукою на Ария...—На Никейском вселенском соборе Николай Мирликийский ударил по лицу ересиарха Ария.

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИИ

«Повесть» рисует злосчастную судьбу безвестного молодца, дошедшего до последних пределов падения. Но автор не осуждает молодца. «Повесть» проникнута теплым сочувствием к нему. Личность человека достойна сочувствия, кем бы ни был этот человек. Здесь уже нет и намека на суровое деление людей в средневековье на добрых и злых, благонравных и грешников. Каждый человек ценен, в том числе и тот, «в уши которого шумит разбой»,— потенциальный бунтовщик. Образ молодца типичен для «бунташного века», но в «Повести» есть и более общая идея. В «Повести» сделана попытка представить судьбу человека вообще. Поэтому-то она и начинается «от Адама» — родоначальника, по библейскому преданию, всего человеческого рода.

Некоторыми своими чертами «Повесть» близка к народным песням о Горе. Отдельные детали схожи с былинами: обычай, по которому молодец приходит на пир, грусть на пиру, некоторые устойчивые, типичные для былин формулы, эпитеты и самый стих. В целом, однако, это письменное произведение, а не народное. Народное творчество не знает такого смешения жанров, такой сложности в построении произведения, такого глубокого морально-философского замысла.

Повесть сохранилась в единственной рукописи XVII в. (ГПБ). Изучение ритмического строя произведения потребовало некоторых (весьма небольших) изменений в дошедшем до нас тексте. Печатается с исправлениями по изданию: «Демократическая поэзия XVII века». Вступительная статья В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева. Подготовка текста и примечания — В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л. 1962.

Стр. 600. *Гунка кабацкая...*— рваная одежда, выдававшаяся в кабаках вместо пропитой.

Стр. 606. *Скарлат* — дорогая ткань, род бархата.

ПОВЕСТЬ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ

В «Повести о Савве Грудцыне» описаны события в России от 1606 г. приблизительно до 1650-х гг. Автор проявляет большую осведомленность в жизни купеческой и стрелецкой среды, он живо рассказывает то о событиях смуты, вынудивших именитого купца Фому Грудцына-Усова переселиться из Устюга в Казань, то о торговых путях от Соли Камской и Казани до Персии и до Козмодемьянска и Шуи, то о польско-русской войне за Смоленск 1630—1632 гг. Написанная в 70-е гг. XVII в., «Повесть о Савве Грудцыне» по стилю сближается то с агиографической легендой, то с историческим повествованием, то с традиционной повестью, то с повествованием типа «барокко», то с народным эпосом. Повесть, без сомнения, принадлежит перу талантливого автора, который хорошо знал историческую, социальную и бытовую обстановку того времени и был начитан в старой византийско-славянской литературе.

В настоящее время известно более 80 списков «Повести о Савве Грудцыне». Текст печатается по списку БАН, из собрания текущих поступлений, № 496, 1715 г., лл. 156—169 об., с необходимыми исправлениями по другим спискам первой редакции «Повести» (спискам т. н. I варианта окончания по классификации М. О. Скрипиля).

Стр. 609. *...Фома Грудцын-Усовых...*— Купеческий род Грудцыных-Усовых был хорошо известен в Москве, Архангельске и Великом Устюге. Один из представителей этого рода послужил прототипом для героя повести.

...усолскаго града Орла.— Орел — город на Каме, близ Соли Камской, вотчина Строгановых.

Стр. 610. *...приспевшу празднику Вознесения господа нашего Иисуса Христа...*— Этот праздник отмечается в сороковой день после Пасхи.

Стр. 617. *...Кузьмодемьянск...*— Современный Козьмодемьянск. Переезды Саввы с «названым братом» из Орла в Козьмодемьянск, Павлов перевоз (современный город Павлов) и Шую отражают реальные торговые маршруты того времени.

Стр. 618. *...Михаил Феодорович... возжелаще послати воинство свое противу короля польскаго под град Смоленск...*— Имеется в виду подготовка к войне с Польшей (1632 г.) за обладание Смоленском, начавшаяся формированием солдатских полков в 1629—1630 гг.

...столник Тимофей Воронцов...— По документам известно, что для набора солдат в 1629 г. в Шую был послан Петр Никитич Воронцов-Вельяминов.

Стр. 619. *...шурин царев боярин Семен Лукьянович Стрешнев.*— Шурин царя был пожалован боярином много позже — в 1655 г.

Стр. 619—620. *...на Устретенке в Земляном городе, в Зимине приказе, в доме стрелецкаго сотника именем Иякова Шилова.*— В XVII в. в Москве в конце Сретенки имелось стрелецкое поселение, на месте которого Петром I была построена в 1692—1695 гг. Сухарева башня. Земляной вал был насыпан по черте сгоревших деревянных стен Москвы в 1637—1640 гг. при Михаиле Федоровиче. Зимин приказ — отряд стрелецкого войска, находившийся в подчинении Зимы Васильевича Волкова (1652—1668 гг.). Из документов известно, что дворяне Шиловы служили в стрелецких войсках XVII в.

Стр. 620. *Над всеми же полками тогда боярин бысть Феодор Иванович Шеин.*— Московскими войсками под Смоленском командовал боярин Михаил Борисович Шейн.

Стр. 624. *...Петра митрополита.*— Митрополит Петр (1308—1326 гг.) считался покровителем Москвы.

...егда убо приспеет празник явления образа моего, яже в Казани, ты же прииди во храм мой, яже на площади у Ветошнаго ряду...— Праздник явления иконы Казанской богоматери отмечается 8 июля. Церковь Казанской богоматери была построена на Красной площади около 1636 г.

Стр. 625. *...церкви Успения пресвятыя богородицы...*— Успенский собор в Кремле.

...Чюдов монастырь.— Монастырь чуда архистратига Михаила иже в Хонех находился в Москве, в Кремле, был основан около 1356 г.

ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

«Житие» Аввакума, им самим написанное (около 1673 г.), принадлежит к шедеврам литературы. Оно высоко ценилось И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, А. М. Горьким, переводилось на многие иностранные языки. «Язык, а также стиль писем протопопа Аввакума и «Жития» его,— писал Горький,— остается непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца...» (М. Горький, Собр. соч., т. 27, М. 1953, стр. 166). Деревенский священник Аввакум (1621—1682) принял живейшее участие в борьбе против реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, направленной в интересах внешней политики к изменению русских церковных обрядов по греческим (замена двуперстного крестного знамения троеперстным и др.). Эта борьба за сохранение «старой веры» вызвала церковный раскол и превратилась в антифеодальное демократическое движение, которое выступало под религиозной оболочкой и не могло выдвинуть прогрессивных общественных идеалов, но давало сильную критику церковных властей и царского самодержавия. Вскоре богословские споры по поводу реформы сменились репрессиями и Аввакум с семьей был сослан в Сибирь. После одиннадцатилетней тяжелейшей ссылки он был возвращен в Москву, обласкан царем,

но затем вновь сослан на Мезень. Потом он был осужден «священным собором», сам проклял этот собор, и был навсегда сослан в Пустозерск. В пустозерской тюрьме развернулось литературное творчество писателя. Отсюда зазвучал, говоря словами А. Н. Толстого, «живой, мужицкий, полнокровный голос. Это были гениальные «Житие» и «Послания» бунтаря, неистового протопопа Аввакума» (А. Толстой, Собр. соч., т. 10, М. 1961, стр. 263—264), в которых поднимались важные нравственные и социальные проблемы эпохи, отстаивалось право простого человека на свободу совести, возвышалось его достоинство. Полемические книги и письма Аввакума и его соратников, Епифания, Федора и Лазаря, тайно переправлялись в Москву. Все усилия правительства подкупить вождей раскола или сломить их пытками оказались безуспешными, и наконец они были заживо сожжены «за великие на царский дом хулы». Предчувствуя недалекую кончину, сидя нагим в осыпанной землей темнице, Аввакум написал на маленьких листочках бумаги историю своей жизни. Впервые в русской литературе судьба человека получила такое полное и многогранное, лирически окрашенное изображение. Аввакум был талантливым стилистом. Ему удалось потеснить церковнославянское книжное «красноречие», дать простор живому «просторечию» и возвысить литературное значение русского языка. «Понеже,— писал он,— люблю свой русской природной язык». В литературном отношении «Житие», с одной стороны, продолжало и обновляло условные традиции житий святых. Поучая читателей-единоверцев примером собственной жизни, Аввакум повествовал о себе как о христианском подвижнике, «пророке», воспроизводил свои молитвы и видения, описывал свои «чудотворения». Но, с другой стороны, его рассказ решительно разрушал старые литературные каноны, рисовал широкое полотно современной автору общественной жизни, наполнялся откровенными описаниями его семейного быта, правдивыми признаниями простого «грешника» в его слабостях и сомнениях. Из такого объединения, казалось бы, противоречивых представлений автора о самом себе и о задачах своего труда вырастало необычное для Древней Руси художественное произведение, стоящее уже во многом на грани новой литературы, создавался живой образ его героя — неустрашимого идейного борца. Аввакум неоднократно перерабатывал «Житие». Первая редакция памятника дошла до нас в авторской рукописи, по которой она здесь публикуется (БАН, собрание Дружинина, № 746, лл. 188 об.—300 об.).

Стр. 626. *Епифаний* (сожжен в 1682 г.) — монах, защитник «старой веры», писатель, «духовный отец» (наставник) Аввакума; текст — «Аввакум... Аминь» — написан Епифанием.

Дионисий Ареопагит — по преданию, ученик апостола Павла, первый епископ в Афинах; Аввакум ссылается на приписывавшиеся Диони-

·ию средневековые богословские сочинения с разными именованиями бога.

Стр. 627. *...символ веры...*— изложение основ христианской догматики.

...нежели истиннаго отсекати...— Слово «истинного» было исключено реформаторами церкви из символа веры.

Тимофей — по преданию, ученик апостола Павла, ефесский епископ.

...Апостол, 275.— Книга «Деяния апостолов» с цифровым указанием соответствующего раздела.

Солнечный град — Гелиополь, город древнего Египта, в котором Дионисий наблюдал затмение солнца, происшедшее, по преданию, в момент распятия Иисуса Христа.

...пять звезд заблудных — астрологические представления о планетах («лунах»).

Стр. 628. *...пред мором* — эпидемия чумы в 1654 г.

...от запада луна подтекала.— Это реальное движение луны Аввакум считал необычным и толковал как предзнаменование церковных реформ, а движение луны с востока (астрономически невозможное) представлялось ему обычным.

Никон (1605—1681) — русский патриарх, выдающийся церковный реформатор и политик.

...солнцу затмение было...— в 1666 г.

...на Угреше в темницу... бросили — В 1666 г. Аввакум был лишен духовного сана в Москве в кремлевском Успенском соборе и заключен в Никольском монастыре на р. Угреше под Москвой.

Иисус Навин — по библейской легенде, иудейский полководец, разбивший вражеские войска у г. Гаваона; по его молитве бог якобы на время битвы остановил солнце и луну.

Езекия — по библейской легенде, царь Иудеи.

Григорий Нисский (умер в 394 г.) — епископ г. Ниссы, церковный писатель.

Василий Великий (329—378) — епископ г. Каппадокии, церковный писатель.

Стр. 629. *...богородица протолковала о аллилуйи... Василию.*— Ефросин Псковский (XV в.) отстаивал двукратное возглашение «аллилуйи» (по-гречески — славьте бога); это описано в его «Житии», обработанном священником Василием (XVI в.).

...по-римски... духу и от сына исхождение...— По католической догматике, «святой дух» исходит не только от бога-отца, но и от бога-сына (Иисуса Христа).

Афанасий Великий (293—373) — епископ г. Александрии; по преданию, составитель христианского символа веры, текст которого приводится далее Аввакумом.

Стр. 630. *Совет отечь* — традиционное описание беседы между богом-отцом и его сыном Иисусом Христом о «сотворении» человека.

Маргарит (по-гречески — Жемчужины) —сборник поучений Иоанна Златоуста (умер в 407 г.), изданный в Москве в 1641 г.

Григорово — село в Больше-Мурашкинском районе Горьковской области.

Стр. 632. *...Прокопей... в земле закопан.*— См. прим. на стр. 787.

...крестили, яко же Филипп...— По преданию, апостол Филипп встретил на своем пути из Иерусалима в Газу эфиопского вельможу-евнуха и обратил его в христианство.

Стефан (Вонифатьев, умер в 1656 г.) — протопоп кремлевского Благовещенского собора, «духовный отец» царя.

Иван Неронов (1591—1670) — выдающийся проповедник, учитель Аввакума.

Государь — царь Алексей Михайлович (1629—1676).

...плясовые медведи... домрами...— медвежья комедия, преследовавшаяся церковью; медведей водили скоморохи — бродячие актеры; домра — их струнный инструмент; хари — их маски.

Шереметев В. П. (умер в 1659 г.) — боярин, воевода в Казани с 1647 г.

Матвей — М. В. Шереметев, полководец; погиб в битве со шведами в 1657 г.

...благословить... бритобратца...— Аввакум не благословил бритого Матвея, так как, по церковным правилам, бритье бороды запрещалось.

Стр. 633. *Филипп* (1507—1569) — игумен Соловецкого монастыря, затем всероссийский митрополит; осуждал деспотизм царя Ивана Грозного, был задушен Малютой Скуратовым, впоследствии канонизирован церковью.

Захария — по преданию, иудейский священник, зарезанный в церкви за сокрытие своего сына (Иоанна Предтечи) во время избиения младенцев при царе Ироде.

Стефан Пермский (1340—1396) — первый епископ пермский, крститель коми.

Юрьевец-Поволский — г. Юрьевец Ивановской области.

Стр. 634. *...привез ис Соловков Филиппа...*— Останки Филиппа (см. прим. к стр. 633) были перевезены в 1652 г. из Соловецкого монастыря в московский Успенский собор.

Крестовая — палата, приемный зал в кремлевском дворце патриарха.

...прислал память х Казанъской...— Никон прислал памятную записку об изменении церковных обрядов в Казанскую церковь (была на Красной площади).

...к Спасу, на Силино покойника место...— Аввакума собирались назначить настоятелем дворцовой церкви Спаса-на-Бору вместо умершего протопопа Силы.

Чюдов — монастырь в московском Кремле.

Павел — единственный епископ, выступивший на церковном соборе в 1654 г. против реформ Никона; погиб в ссылке.

Стр. 635. *Однорядка* — верхняя долгополая одежда.

Спас на Новом — Новоспасский монастырь на Крутицах, окраина Москвы.

...скуфью снял...— Снятие головного убора с духовного лица было церковным наказанием.

Симонов монастырь — на юго-восточной окраине Москвы.

Спасов Каменной монастырь — на островке озера Кубенского, севернее г. Вологды.

...в Колской острог.— Неронов был сослан в Кандалакшский монастырь на Кольском полуострове.

Борис Нелединской — патриарший боярин.

Андроньев монастырь — на юго-восточной окраине Москвы, около р. Яузы.

Стр. 636. *Во время переноса... Увы разсечения тела христова...*— Во время литургии «святые дары» в потире (чаша с вином) и дискосе (блюдце с хлебом) переносятся священником и дьяконом с жертвенника на престол через царские врата в иконостасе; хлеб и вино на престоле якобы «пресуществляются» в тело и кровь Иисуса Христа, а затем вкушаются верующими из рук священника (причастие). В описанном эпизоде, по мнению Аввакума, произошло нарушение обряда, так как Ферапонт задержался с чашей, когда Никон уже поставил дискос на престол, от чего и получилось будто бы «рассечение» тела Христова.

Никитин день — 15 сентября (1652 г.), когда устраивался крестный ход из Кремля к церкви великомученика Никиты в Басманную слободу.

Сибирский приказ — орган государственного управления, ведавший делами Сибири.

Третьяк Башмак — чиновник Сибирского приказа Семен Васильев Башмак, постригшийся в монахи под именем Савватия; писатель.

...пять слов государевых.— «Слово» или «слово и дело государево» — формула доноса о государственном преступлении.

Стр. 637. *Павел* (умер в 1675 г.) — митрополит Крутицкий; преследователь сторонников «старой веры».

Петр Бекетов — сибирский землепроходец, основатель Якутска; эпизод смерти Бекетова вымышлен Аввакумом.

Стр. 638. *...мор, меч, разделение...*— Излагаются пророчества Ивана Неронова об эпидемии чумы, о войне с Польшей (1654—1667 гг.) и о церковном расколе.

...в Енисейской...— Имеется в виду острог (город Енисейск).

Дауры.— Наименование Восточного Забайкалья и части Приамурья по названию обитавших там дауров.

Афанасий Пашков (умер в 1664 г.) — воевода в г. Енисейске; по царскому поручению прокладывал путь в Даурию.

Тунгуска — река Ангара.

Дощеник — плоскодонное судно с парусом и веслами.

Курята инъдейские — улар, горная индейка.

Бабы — народное название пеликана.

Стр. 639. *Роспоп* — священник, лишенный сана (расстрига).

Чекан — заостренный с обуха молоток, знак начальнического достоинства.

...Иев и говорил так...— Аввакум ссылается на библейский рассказ о том, как Иов возроптал на бога из-за своих страданий.

Стр. 640. *...воротами што попловет* — один из фарватеров порога Падуна, называвшийся «Старыми воротами».

Брацкой (Братский) *острог* — деревянная крепость, основанная русскими в 1631 г. в земле «братов» (бурят-монголов); была расположена около современного г. Братска.

...до Филипова поста в студеной башне...— Филипповский пост начинался с 15 ноября; башня Братского острога находится теперь в музее «Село Коломенское» (Москва).

По Хилке...— река Хилок, левый приток Селенги.

Стр. 641. *Иргень* — небольшое озеро на плоскогории, разделяющем бассейны озера Байкал и реки Амур.

...огонь да встряска...— пытка на дыбе с прижиганием огнем.

Стр. 642. *...причастен кобыльим и... звериным и птичьим мясам...*— Церковь запрещала есть конину, мясо многих зверей и птиц.

Гривенка — единица веса, около 410 г.

Мезень — город в Архангельской области.

А мать и братья... закопаны...— Жена Аввакума Анастасия и их сыновья Иван и Прокопий были заключены в осыпанные землей срубы.

Стр. 643. *...ослом при Валааме...*— По библейской легенде, ослица, на которой ехал прорицатель Валаам, увидев на пути ангела, обратилась к всаднику человеческим голосом.

Кормчая — книга церковного законодательства, изданная в Москве в 1650 г.

...запасный агнец... платочик... водицы...— Аввакум советует причащаться вне государственной церкви; запасный агнец — частица хлеба, служившая для причащения больных на дому, находящихся в пути и т. п.; платочек — должен был заменить церковный покров антиминс; водица — заменить вино.

Стр. 645. *Козма и Дамиян* (Козьма и Дамиан) — святые, считавшиеся врачевателями людей и животных.

Стр. 646. *Мунгальское царство* — Монголия.

Зеведеевичи — по преданию, апостолы Иаков и Иоанн, братья, сыновья Зеведея.

Стр. 648. *Раав блудная.*— По библейской легенде, «блудница» Раав спрятала в своем доме двух разведчиков, посланных в г. Иерихон Иисусом Наввином.

Стр. 649. *Старец* (и далее — «отче») — обращение Аввакума к Епифанию; далее — «Бог да простит... Аминь» — приписка Епифания.

Петр, и Алексей, и Иона...— русские митрополиты XIV — XV вв., способствовавшие укреплению Московского государства и церкви.

Стр. 650. *Зайцы великия* — морской заяц, крупный тюлень, на озере Байкал, впоследствии исчезнувший.

Стр. 652. *...медведен... накупил.*— «Медведем» назывался залежавшийся товар.

...всю Сибирь башкирцы с татарами воевали...— В 1662—1663 гг. было восстание сибирских народов.

Верхотурье — город в Свердловской области, считавшийся западной границей Сибири.

Федор Ртищев (1626—1673) — государственный деятель, придворный и дипломат.

Стр. 653. *Базлуки* — скобы с шипами для ходьбы по льду.

...жаждущему Израилю... Затрещал лед...— Естественный разрыв льда Аввакум объяснил как чудо, происшедшее по его молитве о «жаждущем Израиле», которая основана на библейской легенде о том, как Моисей напоил свой народ в пустыне: он ударил жезлом по камню, и потекла вода.

Стр. 655. *Морозова Ф. П.* (умерла в 1675 г.) — боярыня, фанатическая сторонница «старой веры», была подвергнута пыткам и умерла в тюрьме от голода; изображена на картине В. И. Сурикова.

Евдокия Прокопьевна (умерла в 1675 г.) — княгиня Урусова, сестра Морозовой.

Федор юродивый (повешен в 1670 г.) — исполнял ответственные поручения Аввакума; юродивых почитали как «пророков».

Красное крыльцо — парадный вход в царский дворец.

Стр. 656. *Пафнутьев монастырь* — около г. Боровска Калужской области.

Федор (сожжен в 1682 г.) — дьякон Благовещенского собора, писатель раскола.

Стр. 657. *...чти в цареве послании...*— Аввакум ссылается на свое пятое послание царю Алексею Михайловичу.

Воротынский — князь И. А. Воротынский (умер в 1679 г.).

Хованский — князь И. И. Хованский, Большой (1645—1701), умер в тюрьме.

Урусов.—Князь П. С. Урусов вскоре после ареста своей жены Евдокии женился на С. Д. Строгановой.

Стр. 658. *...табаку испил...*— «пить», то есть курить табак, запрещалось законом.

...у газскаго митрополита.—Имеется в виду грек Паисий Лигарид (1610—1678), бывший митрополит г. Газы, жил в Москве.

Иларион (умер в 1673 г.) — митрополит рязанский; в молодости друг Аввакума, затем его противник.

Стр. 660. *Авраамий* (сожжен в 1672 г.) — монах, писатель раскола.

...поставили перед вселенских патриархов...— на «священном соборе», для участия в котором прибыли патриархи — грек Паисий александрийский и араб Макарий антиохийский.

...крестится пятью перъсты...— Пятиперстное крестное знамение приравнивалось к старорусскому двуперстному; собор признал законным только греческое троеперстие.

...от насилия туръскаго Магмета...— Имеется в виду завоевание Византии султаном Магометом II в 1453 г.

...по преданию... Мелетия антиохийскаго и Феодорита Блаженнаго ...Петра Дамаскина и Максима Грека...— Мелетий епископ Антиохии (умер в 381 г.); Феодорит — епископ Кира (умер в 457 г.); Петр Дамаскин — монах из Дамаска (вторая пол. XII в.); Максим Грек (умер в 1556 г.) — афонский монах, выдающийся русский писатель.

...собор при царе Иване...— Стоглавый собор (1551 г.), созванный Иваном Грозным для реорганизации церкви.

Стр. 661. *Гурий и Варсонофий* — первый архиепископ казанский Гурий и его помощник Варсонофий, канонизированные церковью.

Лазарь (сожжен в 1682 г.) — священник из г. Романова, защитник «старой веры».

Анна и Каиафа — по преданию, иерусалимские первосвященники, осудившие Иисуса Христа.

Стр. 662. *...на Андреевское подворье ...в Савину слободку...*— У подножия Воробьевых гор (теперь — Ленинские горы) находился монастырь Андрея Стратилата, вблизи от него Саввина слобода.

Комнатные люди — придворные, особенно близкие к царю.

...голову Юрья Лутохина...— полковника Ю. Лутохина.

Артемон — А. С. Матвеев (1625—1682), государственный деятель.

Дементий — Д. М. Башмаков (1618—1705), секретарь царя, по словам иностранцев, «вице-канцлер» России.

...книга «Ответ православных» — богословско-полемическое сочинение, изложенное дьяконом Федором.

...вопросил его Пилат...— Пилатом (римским проконсулом Иудеи, допустившим распятие Христа) называется здесь Елагин (см. ниже).

Стр. 663. *...Петр отречеся...*— Упоминается евангельская легенда об отречении апостола Петра от Христа.

Иван Елагин—стрелецкий подполковник из личной царской охраны.

Стр. 664. *...поем... песни песням...*— Излагается отрывок библейской «Песни песней» Соломона в символическом истолковании (как «хвала о церкви»).

...Магмет написал...— Основатель ислама Мухаммед (умер в 632 г.) создал учение о войне с «неверными».

Стр. 665. *...дома Вавилон...*— Намек на библейскую легенду о том, как царь Навуходоносор построил около Вавилона золотого истукана и заставил народ поклоняться ему; трех отказавшихся это делать иудеев он приказал бросить в печь, но ангел спас их.

Не блуди, еретик... против солнца же водят...— протест против изменения Никоном церковных обрядов: порядка пресуществления «святых даров» (см. выше), покрытия алтаря антиминсом, изменения формы креста, движения процессий «против солнца» (а не наоборот, как ранее) и др.

Аръсен — Арсений Грек, монах, помощник Никона, переводчик и редактор церковных книг; учился в Риме, Венеции, Падуе.

Стр. 666. *Ефрем Сирин* (умер в 373 г.) — церковный писатель; книга его «Поучений» была издана в Москве в 1647 г.

...к болшой царевне вверх во псаломщики...— Евфимий читал «Псалтырь» во дворце у сестры царя Ирины, старшей из царевен.

...говорил кафизму...— читал один из разделов «Псалтыри».

Стр. 667. *Сундовик* — речка, правый приток Волги.

Стр. 668. *Лопатищи* — село Работкинского района Горьковской области.

...просвиру вынял за брата.— Во время церковной службы священник вынимает частицу из просфоры за здоровье тех лиц, имена которых ему указываются.

Стр. 669. *...сорокоуст дал...*— сорокадневная молитва в церкви по умершем и необходимые для нее предметы (свечи, ладан и др.).

Стр. 671. *«О всепетую» проговоря...*— молитва, обращенная к богоматери.

Стр. 672. *Папарты* — крылья у ангелов.

...бело у ушей...— На изображениях ангелов рисуются «слухи»—белые ленточки, входящие в уши и символизирующие внимание к речам бога.

Стр. 673. *Ризы и стихари* — облачения священника и дьякона.

Стр. 674. *Июда чюдотворец.*— По легенде, апостол Иуда мог творить чудеса (до того, как он предал Христа).

...в Деяниих, зач. 36 и 42 зач. ...— то есть в соответствующих разделах («зачалах») «Деяний апостолов».

ПОВЕСТЬ О ТВЕРСКОМ ОТРОЧЕ МОНАСТЫРЕ

Среди оригинальных русских повестей с романическим содержанием, возникших во второй половине XVII в., видное место занимает «Повесть о Тверском Отроче монастыре». Повесть была задумана как сказание об основании монастыря. Как и в других подобного типа повестях, в ней сохраняются приемы агиографической формы, однако религиозные мотивы отошли в ней на задний план и не играют сколько-нибудь существенной роли. Внимание автора оказалось сосредоточенным на поступках людей, обусловленных их чувствами и переживаниями. Поэтичность повести и лирическое начало в ней усилены использованием народной свадебной поэзии и описанием свадебного обряда. Эти мотивы органично слиты с описанием княжеской охоты.

Повесть была написана в пределах Тверского княжества. Автор хорошо знает топографию окрестностей Твери. В повести использовано местное предание, связанное с историческими припоминаниями. Историческую достоверность описываемых событий автор подчеркивает указанием их точной даты. Однако повесть во многом расходится с реальными фактами. Действительно, вторую жену тверского князя Ярослава Ярославича звали Ксенией. Но, как свидетельствуют летописи, женился он на Ксении в Новгороде в 1266 г. во время пребывания его там на княжеском столе. Умерла Ксения в 1312 г.

Текст печатается по списку ГПБ, собрание Эрмитажное, № 455, лл. 1—16; с исправлениями по списку ГИМ, собрание Музейное, № 2563.

Стр. 675. *Ярослав Ярославич* — первый великий князь Твери (1230—1271).

ПЕРЕПИСКА ЧИГИРИНСКИХ КАЗАКОВ С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

«Переписка чигиринских казаков с турецким султаном» возникла между 1672 г. (время наступления турок на Польшу) и 1678 г. (начало русско-турецкой войны). Сочинена она в Посольском приказе на русском языке по образцу украинского текста переписки запорожцев с турецким султаном. Оба произведения — и украинское и русское — не являются настоящими дипломатическими документами. Это политическая публицистика, только использовавшая форму дипломатического документа.

Текст печатается по списку 1670-х гг.— ГПБ, собрание Археологическое, № 43, лл. 35 об.—36 об.

Стр. 684. *...в Чигирин...*— Главные события русско-турецкой войны развернулись вокруг столицы украинских гетманов — Чигирина.

...похититель Каменца-Подолского...— В 1672 г. турки захватили польскую крепость Каменец-Подольский.

ПОВЕСТЬ О ФРОЛЕ СКОБЕЕВЕ

Повесть о похождениях ловкого плута Фрола Скобеева может быть отнесена к обширной группе произведений, известных в европейской литературе под названием «плутовских романов». Ее фабула — достижение богатства и высокого положения в обществе с помощью плутовства — несложна: обольщение дочери знатного и богатого стольника, похищение ее из родительского дома и затем примирение с родителями — все с помощью хитростей (переодеваний, подкупов прислуги, шантажа и т. п.). Повесть о Фроле Скобееве — оригинальное русское произведение. В ней описан русский быт и нравы 80-х гг. XVII в., но целый ряд анахронизмов свидетельствует о том, что она создана позднее, в первой четверти XVIII в. В повести нашли отражение такие факты, как введение новой одежды европейского покроя в 1700 г. («лакейское платье»), новый рост цен в первой четверти XVIII в., чеканка серебряного рубля 1704—1714 гг., новое положение о деятельности государственных учреждений в начале XVIII в. и т. п.

В настоящее время известно 9 списков XVIII в. «Повести о Фроле Скобееве». Текст печатается по Погодинскому списку (ГПБ, собрание Погодина, № 1617, лл. 62—74) с исправлениями по Академическому, Тартусскому и Куприяновскому спискам.

Стр. 686. *...дворенин Фрол Скобеев...*— Главное действующее лицо повести носит фамилию, часто встречающуюся в бежицких и кашинских документах XVII в.

...столника Нардина-Нащокина...— Стольник — старинный придворный чин, которым в XVI—XVII вв. жаловали лиц родовитых боярских фамилий. В порядке чинов стольники занимали шестую степень. Вымышленное имя одного из главных персонажей повести напоминает имя известного исторического лица боярина Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина (1645—1676).

Стр. 689. *...поверенным з делами... великой ябида... ябедник... за ябедою ходить...*— Так автор повести говорит о профессии Фрола Скобеева. В древнем Новгороде ябетник или ябедник — это сборщик податей или сыщик. Для Московской Руси XVI — XVII вв. ябедник — это поверенный по делам просителей, посредник между государственными учреждениями (приказами и их столами) и просителями; ябедник кормился тем, что писал и переписывал всякие документы (крепости), иногда вел экспертизу документов, вел дела своих челобитчиков. В конце XVII в. на Ивановской площади в Кремле была палатка, где сидели площадные подьячие, их число достигало 40, они имели свою организацию, подчинявшуюся приказу Казенного двора. Хотя звание площадного подьячего («ябедника») было ниже, чем звание приказного подьячего, мелкие бедные дворяне, вроде Фрола Скобеева, не брезговали этой профессией.

СЛОВАРЬ

абие — вдруг, тотчас, внезапно
аз — я
аки, акы — как
амо — куда
ано — а
аще — если, хотя
багр, багряница — одежда пурпурного цвета, царская мантия
блазнен — соблазненный, соблазняющий, обманчивый
блюстися — остерегаться
борзо — быстро
брань — битва, сражение
брашно — пища, еда
буесть — отвага, мужество
вборзе — скоро, быстро
ведати, ведети — знать; *вемь* — знаю
вежа — шатер, кибитка
велий — большой
вельми — очень
вертоград — сад
весь — деревня, селение
виноград — сад
вкупе — вместе
внити — войти
воздух — покров на сосуд со «святыми дарами» на престоле в церкви
вои — воины
выжлец — гончая собака, ищейка
глагол — слово, речь
голка — шум, крик
гонзнути — лишиться, избавиться, избегнуть
горазд(ый) — искусный, опытный
горе — вверх
горчаи — сравнительная степень от горький
гость — купец
гривна — денежная единица
грясти — идти
деля — для
десница — правая рука
дивий — дикий
долу — вниз
дондеже — пока; до тех пор, пока
егда — когда
еже — если; которое, что
ектенья — часть богослужения
елико — сколько
епитемья — церковное наказание
живот — жизнь

зане, зане же — так как, потому что
зелие, зелье — злак, овощ; лекарство, отрава; порох
зело — очень, сильно
зрак — вид, облик; взор
иде, иде же — где
иже, яже, еже — который, -ая, -ое
имати — брать, хватать
имение — богатство, имущество
ино — но, то
искуп — выкуп
камка — шелковая ткань
камо — куда
келарь — монах, заведующий монастырским хозяйством
клирик — церковнослужитель
кожух — шуба
кознодействовать — творить зло, козни
красна́, кро́сна — холст, полотно
красный — красивый, прекрасный
крестьяне, кристьяне — христиане
крылос—клирос, место для певчих в церкви
купно — вместе
кыижду (*когожду, комуждо*) — каждый (каждого, каждому)
лепо — хорошо, достойно
лепый — хороший, красивый
лето — год
литоргия — церковная служба, обедня
лов, ловля — охота
локоть — мера длины
лучиться — случиться
мнити — думать
мних — монах
мытарь — сборщик податей
наипаче — больше всего
наполы — пополам, надвое
нарочитый — богатый, знатный
наряд — порядок, устройство; снаряжение
насад — вид судна
неблазный — непорочный, чистый
небреговати — пренебрегать
негли — нежели, чтобы
неже — нежели, чем
неприязненый — злобный; дьявольский
несть — нет
ниже — также не, и не
николи — никогда
нь — его (*на нь* — на него)
обаче — но, однако
обаяние — чародейство
оболчен — одет
обстояние — осада
ов ... ов — один ... другой, тот ... а тот
ово ... ово — то ... то, или ... или
овогда — иногда
одесную — справа
однорядка — верхняя одежда
окольный— соседний, близлежащий
окуп — выкуп
оле — о (междометие)
опако — назад
опричь — кроме, исключая
орати — пахать
осклабиться — улыбнуться, усмехнуться
отаи — тайно
отнюду — откуда
отрок, отроча — ребенок, юноша; слуга
паки, пакы — опять, снова
паполома — покрывало
пардус — гепард
паче — больше, лучше; еще
перси — грудь
персть — пыль, прах
пестун — воспитатель
питати — воспитывать

поволока, паволока — шелковая ткань; покрывало

подущати — подстрекать

полк — поход; война; военный отряд

поне, поне же — потому что, так как, хотя, даже

поприще — мера длины, расстояния

порекло — прозвание, прозвище

порты, портища — одежды

посад — предместье

пособь — помощь

потребити — истребить, уничтожить

правеж — взыскание по приговору суда

предреченный — названный выше, упомянутый выше

предстояти — прислуживать, служить кому-либо

презвитер — священник

прелестный — лживый, обманчивый

прелесть — обман, соблазн, заблуждение

прещение — угроза, запрет

прискати — прибежать

присно — всегда

приснодевая — вечно девственная (о богородице)

присный — родной, близкий

пристав — страж; должностное лицо, назначавшееся для призыва ответчика к суду

пядь — мера длины

разве — кроме, помимо

рака — гробница

ратай — пахарь, земледелец

ревность — усердие

резана — денежная единица

рель — перекладина

ремество — искусство, умение, ремесло

речи, рещи (*рех, рци* и т. д.) — сказать, говорить (сказал, скажи и т. д.)

риза — одеяние

седмица — неделя

семо — сюда

сечиво — секира, топор

сигклит, синклит — приближенные, советники

сиречь — то есть

сице — так

скважня — отверстие, щель

смерд — крестьянин

совокупить — соединить

сопело — свирель

сорокоуст — сорокадневная молитва по умершем

спиратися — спорить

срачица — рубашка

стегно — бедро

с тех мест — с тех пор

стогна — площадь, улица

стратиг — военачальник, воевода

струг — лодка, судно

стрый — брат отца (дядя по отцу)

студ — стыд

сулица — короткое метательное копье

сыта — мед, растворенный в воде

таи — тайно

тамо — там

тать — вор

татьба — воровство

течи, течь — идти, бежать

тиун — слуга, дворецкий, домоправитель

токмо — только

толмач — переводчик

точию — только

трус — землетрясение

туга — печаль, горе
убо — итак, так же
убрус — платок, повязка, полотенце
уд — часть тела (рука, нога)
узорочье — драгоценности (ткани, одежды и т. д.)
узы — веревки, цепи
успенье — смерть, кончина
утечи — убежать
уязвити — поразить, ранить
фряги, фрязи — итальянцы
червленый — красный
чесо — чего
чресла — поясница, стан
шуица — левая рука
ядь — пища
язвити — ранить
яко — что, как
ясельничей — пастух
ясти — есть
яти — брать

СОДЕРЖАНИЕ

Д. С. Лихачев. Первые семьсот лет русской литературы . . 5

ПЕРВОЕ ТРЕХСОТЛЕТИЕ

Повесть временных лет. *Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева* 28
Житие Феодосия. *Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова* 92
Поучение Владимира Мономаха. *Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева* 146
Девгениево деяние. *Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова* 172
Слово о полку Игореве. *Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева* 196
Древнерусские сборники афоризмов. *Подготовка текста, перевод и примечания В. П. Адриановой-Перетц* 214
Слово Даниила Заточника. *Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева* 224
Александрия. *Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова* 236
Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году. *Подготовка текста, перевод и примечания О. В. Творогова* 280
Киево-Печерский патерик. *Подготовка текста и примечания Л. А. Дмитриева. Перевод М. А. Викторовой* 290
Слово о погибели Русской земли. *Подготовка текста, перевод и примечания Ю. К. Бегунова* 326
Житие Александра Невского. *Подготовка текста, перевод и примечания Ю. К. Бегунова* 328

Повесть о разорении Рязани Батыем. *Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева* 344
Сказание об Индийском царстве. *Подготовка текста, перевод и примечания Г. М. Прохорова* 362
Сказание о Соломоне и Китоврасе. *Подготовка текста и перевод Г. М. Прохорова. Примечания Я. С. Лурье* 370
Наставление тверского епископа Семена. *Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева* 376

ТРИСТА ЛЕТ МОСКОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Задонщина. *Подготовка текста, перевод и примечания Л. А. Дмитриева* 380
Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому. *Подготовка текста, перевод и примечания О. А. Белобровой* 398
Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе. *Подготовка текста, перевод и примечания Л. А. Дмитриева* 404
Житие Михаила Клопского. *Подготовка текста, перевод и примечания Л. А. Дмитриева* 414
Сказание о Дракуле воеводе. *Подготовка текста и примечания Я. С. Лурье. Перевод О. В. Творогова* 432
Повесть о Басарге. *Подготовка текста и примечания Л. А. Дмитриева* 446
Повесть о Петре и Февронии Муромских. *Подготовка текста и примечания Р. П. Дмитриевой* 454
Спор жизни со смертью. *Подготовка текста и примечания Р. П. Дмитриевой* 464
Первое послание Ивана Грозного А. М. Курбскому. *Подготовка текста и примечания Я. С. Лурье* 467
Послание Ивана Грозного Василию Грязному. *Подготовка текста и примечания Я. С. Лурье* 472
А. М. Курбский. «История о великом князе Московском». *Подготовка текста и примечания Я. С. Лурье* 474
Повесть о походе Ивана IV на Новгород в 1570 году. *Подготовка текста и примечания Ю. К. Бегунова* 477

ВЕК ПЕРЕЛОМА

Сказание Авраамия Палицына. *Подготовка текста и примечания Н. Ф. Дробленковой* 487
Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном. *Подготовка текста и примечания М. Д. Каган-Тарковской* 509
Повесть о Бове королевиче. *Подготовка текста и примечания А. М. Панченко* 516

Повесть об Ульянии Осоргиной. *Подготовка текста и примечания Р. П. Дмитриевой* 542
Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков. *Подготовка текста и примечания О. В. Творогова* 550
Урядник Сокольничьего пути. *Подготовка текста и примечания М. А. Салминой* 567
Письмо царя Алексея Михайловича А. Л. Ордину-Нащокину. *Подготовка текста и примечания А. М. Панченко* . 573
Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы. *Подготовка текста и примечания М. А. Салминой* 576
Повесть о Ерше Ершовиче. *Подготовка текста и примечания А. М. Панченко* 581
Суд Шемякин. *Подготовка текста и примечания А. М. Панченко* 588
Сказание о роскошном житии и веселии. *Подготовка текста и примечания А. М. Панченко* 591
Слово о бражнике, како вниде в рай. *Подготовка текста и примечания А. М. Панченко* 594
Повесть о Горе-Злочастии. *Подготовка текста и примечания Д. С. Лихачева* 597
Повесть о Савве Грудцыне. *Подготовка текста и примечания Ю. К. Бегунова* 609
Житие протопопа Аввакума. *Подготовка текста и примечания А. Н. Робинсона* 626
Повесть о Тверском Отроче монастыре. *Подготовка текста и примечания Р. П. Дмитриевой* 675
Переписка чигиринских казаков с турецким султаном. *Подготовка текста и примечания М. Д. Каган-Тарковской* 684
Повесть о Фроле Скобееве. *Подготовка текста и примечания Ю. К. Бегунова* 686

Примечания 699

Словарь 793

На суперобложке:

Невское сражение. Миниатюра. XVI в. Лаптевский летописный свод (ГПБ. F. IV. 233, л. 910).

Кораблекрушение. Миниатюра. XVI в. «Житие Николая Чудотворца» (ГБЛ, собр. Большакова, № 15, л. 107 об.).

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

Том 15

«ИЗБОРНИК»

Сборник произведений литературы древней Руси

*

Редактор А. Козловский

Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти

Художественный редактор
Л. Калитовская

Технический редактор
Л. Заселяева

Корректоры Р. Андрианова и Е. Патина

*

Сдано в набор 15/VII 1968 г. Подписано к печати 25/III 1969 г. Бумага типографская № 1.60×84¹/₁₆.50 печ. л.,46,65 усл. печ.л., уч. изд. л. 45,55+7 накидок =46,39 уч. изд. л. Тираж 300 000. Заказ № 3042. Цена 1 р. 95 к.

Издательство«Художественная литература» Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Москва, Ж-54, Валовая, 28